МОСКВА 2022
альманах ■ книга16 ■ проза ■ поэзия ■ публицистика ■ memoria

MOSCOW 2022
almanac ■ book 16 ■ prose ■ poetry ■ articles ■ memoria

BELLES-LETTRES

СЛОВЕСНОСТЬ 2022

Дмитрий Цесельчук

Нина Давыдова

Сергей Чекмаев

Ирина Лазаренко

Николай Калиниченко

Ксения Кирс

Иерей Рустик Лужинский

Анна Дербенёва

Наталья Рожкова

Вячеслав Сысоев

Сергей Гейченко

Максим Маркевич

Владимир Пыхов

Александр Петрович-Сыров

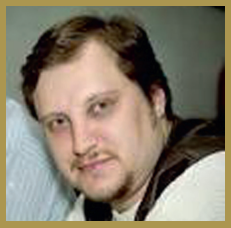
Софья Няч

Борис Илюхин

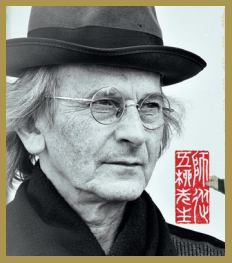
Алексей Тихонов

Андрей Щербак-Жуков

Валерий Ковалевский

Игорь Бурдонов

Дмитрий Ждан

Дмитрий Курилов

Владимир Монахов

Людмила Серова

СЛОВЕСНОСТЬ 2022

Альманах ■ **книга 16** ■ Родина ■ Байконур ■ География литературы
Дебют в альманахе ■ Московская вертикаль ■ Путешествие литератора
Скрещенье дат ■ Публицистика ■ Семейное чтение

МОСКВА 2022

ББК 84 (2Рос = Рус) ISBN 978-5-6047552-4-2

СЛОВЕСНОСТЬ 2022

Родина, Байконур, География литературы, Дебют в альманахе, Московская вертикаль, Путешествие литератора, Скрещенье дат, Публицистика, Семейное чтение; фотографии. Альманах. Книга 16. – М., «Библиотека газеты «МОЛ», 2022, 304 с. : илл.

ИЗДАНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК, поэт, поэт-переводчик, председатель Московской организации литераторов, почётный председатель Союза литераторов России; главный редактор альманаха «Словесность»;
Николай КАЛИНИЧЕНКО, поэт, прозаик, литературный критик, председатель Союза литераторов России;
Сергей ЧЕКМАЕВ, писатель, сценарист, руководитель секции «Драматургия и сценаристика»;
Наталья РОЖКОВА, поэт, прозаик, публицист, I секретарь правления Союза литераторов России;
Нина ДАВЫДОВА, автор идеи альманаха «Словесность», москвовед, главный редактор газеты «МОЛ»;
Евгений В. ХАРИТОНОВЪ, поэт, прозаик, литературный критик, председатель секции «Фантастика»;
Сергей ШЕЛОВ, доктор филол. наук, председатель секции «Критика, искусствоведение, лексикография»;
Владимир ПЫХОВ, поэт, прозаик, литературовед, член правления Союза литераторов России.

Дизайн, компьютерная вёрстка Валерий КОВАЛЕВСКИЙ

В 16-й книге ежегодного альманаха «Словесность» представлены произведения авторов — от берегов Белого моря и до моря Чёрного, из земель Крыма и Новороссии, сибирских бескрайних просторов и из Орла и Брянска, из бывших и нынешней столицы — Владимира, Санкт-Петербурга, Москвы. В год 1160-летия российской государственности предлагаем познакомиться с творчеством известных и начинающих литераторов, отражающих палитру сегодняшней российской словесности в прозе, стихах, статьях, очерках. 20 лет назад вышла книга Ю. Мамлеева «Россия вечная», в которой он писал, что «Россия — это самостоятельная цивилизация. Поэтому мы интересны всем и чужды всем. Противоречия есть между всеми цивилизациями мира, но есть разница между западной духовностью и русской духовностью». Юрий Витальевич Мамлеев был членом редсовета нашего альманаха с 2007 по 2015 г. В альманахе «Словесность 2022» вы увидите как постоянные разделы, так и новые.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ «МОЛ» (Рег. А-0470 от 27 мая 1994 года)

Главный редактор «Библиотеки газеты «МОЛ» Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

© «Библиотека газеты «МОЛ», 2022»

www.literator.moscow

РОДИНА

21 сентября 2022 года Россия отмечает День зарождения российской государственности — 1160 лет! Точкой отсчета считается 862 год: подписание договора между угро-финскими и славянскими племенами о том, чтобы поставить Рюрика правителем Руси.

Олег ЧИЛАП, *Москва, председатель секции «Авторский рок» — лидер столичных групп «Оптимальный Вариант» и «Пчела-Бэнд». Автор нескольких книг стихов и прозы. С 1991 года в радиожурналистике — автор и ведущий литературно-музыкальных, программ на станциях SNC, «РаКурс» (гл. ред.), РОКС, «Говорит Москва», ОРР, «Комсомольская правда» («Радио КП»).*

РОС И Я

Рос и я —
Мне жаворонком мама распахнула небо...
Рос и я —
Играл, шалил, взахлёб ловил стрекоз...
Рос и я —
Отцовским прорастал зерном ржаного хлеба,
Рос и я,
Как рос...

Рос и я —
Дружил, рубаху рвал, мечтал и в завтра верил...
Рос и я —
Подсолнухом везде совал свой нос...
Рос и я —
Влюблялся, обжигался, ошибался дверью,
Рос и я
Всерьёз...

Небо надо мной меня оберегало,
И питало-грело поле,
А душа стремилась, а душа искала,
И парила-пела вволю.
И на языке родном распознавал я
То ли шёпот, то ли грай:
Стой и не сдавай!

Рос и я —
Надеялся, плутал, бывал с собою в ссоре,
Россыпью
Обрёл Любовь, свой дом и детский смех.
Рос и я —
И видел-знал, где гордость, а где боль и горе,
И беда (одна)
На всех...

Небо надо мной меня оберегало,
И питало-грело поле,
А душа стремилась, а душа искала,
И парила-пела вволю.
И на языке родном распознавал я
То ли шёпот, то ли грай:
Стой и не сдавай!

Рос и я —
Берёг свой берег, делал то, что делал — в РАдость...
Рос и я,
Не упрекал, свои искал пути.

Рос и я —
Вдали от кормчих и от пошлых игр в святость,
И дай Бог всем расти,
Где рос и...

Рос и я —
Рос и я,
Рос и я —
Спасибо...

Рос и я —
Рос и я,
Рос и я —
Красиво...
(Стой и не сдавай!
Стой и не сдавайся!)

Рос и я...

НОВОРОССИЯ

Новая Россия, Новая Русь — земли северного Причерноморья, вошедшие в состав Российской Империи в результате русско-турецких войн во второй половине XVIII в., эти земли в самое короткое время были обустроены сподвижниками Императрицы Екатерины Второй — в первую очередь, стараниями Г.А. Потёмкина.

Михаил НИКОЛАЕВ, *автор семи поэтических книг.*

* * *

Да и что говорить — дали нам прикурить!
Ну а мы покурили, да бросили.
Кто-то нас суетится опять покорить,
Но цыплят посчитаем по осени.
Нам самим-то с собою невмочь совладать,
Отмахнемся на бредни напрасные!
В небылое ушла наша белая рать.
Мы не белые... Да и не красные.

Анна ДЕРБЕНЁВА, *секция «Драмматика» — автор фантастических произведений в различных жанрах и художник-иллюстратор. Родилась в г. Керчь. По образованию — психолог, преподаватель психологии. Первая публикация состоялась в 2012 году. Любимые жанры — стимпанк, киберпанк, космоопера, научная фантастика, дизельпанк, постапокалипсис. Публиковалась в альманахе «Словесность 2021», газете «МОЛ» № 6, 2022.*

НОВОРОССКАЯ ВЕСНА

Ночь, от моря тянет солью,
А солдатам не до сна.
Пахнет пылью, потом, болью
Новороссская весна.
Рвутся «Точки», сыплют «Грады»
Дети малые не спят.
А враги исходят ядом,
Фабрикуя компромат.
Далеко и близко горе,
Время зрад и перемог,
Недалеко плещет море,
Рядом мы, а с нами Бог.
Мать оплакивает сына
Под снарядов страшный свист —
Будешь жить ты, Украина,
Но умрет в тебе нацист.
Пепел в небе, мины в поле —
Посевная, погоди.
«Азовсталь» и враг на воле —
Цели видно впереди.
Над Донецком реет птица,
Улыбается боец.
Пришло время пробудиться
Добрым людям наконец.
И пусть яд подпортил душу,
Ты воспрянешь ото сна,
Слушай, Украина, слушай —
Новороссская весна.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы, гордо реет красный флаг,
И ты точно знаешь, кто здесь друг. И враг.
Клоун карты поделил и разыграл,
Перемогу всем свидомым обещал.
Разрешил забыть о том, что есть душа,
Разрешил вам бить и резать, все круша,
Дозволяя пленных мучить и пытать,
Пока будет он карманы набивать.
Хоть и сам — всего лишь пес, что на цепи,
Походя, твою страну сдал и убил,
По сценарию тот клоун отыграл,
И вот за него ты, воин, умирал.
Хоронил тебя тот клоун, избегал,
И вдове твоей уж слезы утирал,
Как звезда, для фото позы принимал,
Пока ты под «Азовсталью» голодал.
Дал саперную лопату: «Все, иди!
Ну и пусть, что танки на твоем пути.
Ты же знаешь, кто твой друг. И враг.
И попробуй только вздерни белый флаг!»
Но и сам уж не ребенок, воин ты.
Знал, на что идешь под звук арты.
Знал, что делал, сыпля бомбы на Донбасс,
Говоря: «Ведь дела людям нет до вас!»
И стрелял в колени пленным тоже ты,
И пресек навеки детские мечты,
Это ты в домах устраивал кошмар,
За твоей спиной пылал в ночи пожар.
И сомнительна для всех величина,
Достижения СС «Галичина»,
Догнивает в подземельях полк «Азов»,
Может, стоит и тебе начать с азов?
Посмотреть в глаза обрушенных домов,
И найти в душе остатки теплых слов,
Накормить чужих детей, спасти кота,
Вспомнить, для чего на свете доброта.
И стоишь ты в День Победы, потупясь,
В знак раскаянья народу поклонясь.
Где ты? Жив иль мертв в душе, ау?
Павший, раненый, забытый воин ВСУ.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК, *секция «Художественный перевод» — поэт, поэт-переводчик, главред альманаха «Словесность» (2007—2022 гг.), газеты «МОЛ» (1995—2015; член редколлегии газеты «МОЛ» (2016—2022 гг.), автор нескольких книг поэзии, обладатель литературных премий, один из создателей Союза литераторов России, в настоящее время — его почётный председатель.*

РОДИНА

Вбираю ближних крыш покатость,
что смотрят на меня в окно,
и мной обуревает радость
а с ней и счастье заодно.
Мальчишкой меж пятиэтажек,
как в катакомбах, я плутал,
а в тот заснеженный овражек
не раз на санках выезжал.
А летом, на велосипеде
по узким улочкам гоня,
я думал: только бы соседи
не рассекретили меня.
На Ломоносовском проспекте
совсем не тот был коленкор —
там было развернуться негде,
хотя вместительным был двор,
но, как-то чересчур парадным
он представлялся мне тогда.
И школа рядом... Ну да ладно —
те минули давно года.
Сейчас, живя в своей квартире,
с женою смотрим на Москву:
Эх, было бы окно пошире —
и мы увидели б Неву,
«рай златопопый» Петергофа
и нашу тётю Женю Бок.
Вместить не могут эти строфы
Того, чем одарил нас Бог:
Страну без края и размера,
Тавриду с Махачкалой,
которую сшивает Вера

Адмиралтейскою Иглой,
в которой и Любовь разделим
и для Надежды место есть.
...Но, Боже мой, как, в самом деле,
Я только очутился здесь?

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ

В терапии шоковой
есть один нюанс:
окунись в бой с головой
если есть хоть шанс
продыху врагу не дай
сдохнет пусть фашист —
пёс войны облаяв рай
всех кто сердцем чист
как безгрешный первый снег

Нацик в мой стишок
Лезет — недочеловек:
«А меня за шо?»
внук Бандеры-упыря
топчешься у Врат ты зря
в ад лежит твой путь
Кол осиновый в твой гроб
мы забьём не встал ты чтоб
взбаламутить жуть

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ, *руководитель секции «ОстроУмная литература» (СОУЛ) — поэт, прозаик, автор нескольких книг, лауреат литературных премий.*

*

Не трогайте поэта,
стихов его тетрадь,
пока летит ракета —
он будет рифмовать!

*

Смахнёт костлявая движением руки
фигурки наши с шахматной доски,
ей всё равно, король ты или пешка.
Есть в общей смерти некая насмешка.

ЭПИТАФИЯ

Здесь мир лежит в заклании.
Читаю на надгробии:
«Погиб от укромании
в припадке русофобии».

ЦЕЛИНА

Освоение целины преобразовало республику из края степей в страну полей и позволило стать одним из крупнейших производителей зерна и экспортером хлеба на планете

Любовь АВЕРИНА — *Челябинск, по профессии — библиотекарь, автор книг «Недлинные истории», «Алфавит». Публиковалась в альманахе «Словесность», журналах «Библиотека», «Современная библиотека». Лауреат литературно-художественного, историко-краеведческого журнала «Веси» (г. Екатеринбург) в номинации «Лучшая публикация библиотекаря в 2015 г.».*

ДОМ МОЕГО ДЕТСТВА

Мне приснился дом. В нем жила наша семья во времена моего школьного детства. Он был какой-то маленький, с другой кладкой, с крошечными окнами, и без единой форточки! Правда, географически находился точно там, где стоял настоящий
Много лет прошло, а все вспоминается, как будто было недавно.
Наши родители приехали в восточный Казахстан на освоение целины. Спонтанно возникший у озера поселок из вагончиков, превратился в новый совхоз с молодежным названием «Комсомольский». В бескрайней степи было выбрано место у озера, чтобы обосноваться и начать освоение целинных земель.
Бескрайняя степь сливалась с безграничным небом, по которому всегда бежали, куда-то торопясь, облака. Не прекращающийся ветер гнал их по небу, вредил посевам и огородам, срывая полезный слой почвы. Этот факт, давно доказанный наукой, тогда был мне не ведом и приносил много огорчений.

В мои детские обязанности входил полив огорода, наличие которого было обязательным элементом деревенского быта. Мои родители, из Ростовской и Оренбургской областей, создали семью и приехали с двумя детьми в целинный совхоз. Каждой весной, кроме традиционных огурцов, помидоров, укропа, моркови, родители пытались посадить деревья, в том числе и фруктовые. Я очень мечтала, чтобы в нашем огороде росли яблони и сливы. Поливом я занималась охотно. Но разочарование постигало меня каждый сезон. Из-за морозов или обильного снега, но на нашем участке не принимались плодоносящие деревья. После упорных и продолжительных попыток прижились только два тополя и куст сирени. Зато сирень выросла роскошная, когда она зацветала, к нам приходили односельчане с просьбой заполучить веточку. А я в старших классах приводила одноклассников перед экзаменами, чтобы найти цветок с пятью лепестками. На удачу.

В палисаднике было много цветов, под окном детской росли огромные разноцветные мальвы. Была еще грядка с другими цветами, они всходили весной, и цвели до самой осени пестрым ковром.

Улица была широкой и просторной, два ряда домов. Люди все знакомые, доброжелательные. Все проживающие на улице пытались мне помогать, когда я училась ездить на велосипеде. Взрослые — советом и одобрением, дети поддерживали велосипед, когда мне очень хотелось хотя бы посидеть на нем. Но кататься я все-таки научилась и именно, благодаря улице Степной.

Каждый дом был огорожен, с небольшим палисадником. У забора — лавочка. Это была характерная черта нашей улицы. Сначала такие скамейки были не у всех, но мода в поселке быстро распространилась. По вечерам эти лавочки собирали подростков из разных частей села. И это становилось местом досуга подрастающей молодежи.

В начале и конце улицы были колонки. Они появились не сразу. В этих краях пресная вода была не на поверхности, потребовалось время, чтобы эти признаки цивилизации появились на целине. А до их появления мы с кем-нибудь из родителей, или соседей, брали флягу в тачку или на санки, если это была зима, и шли через весь поселок на водокачку. Пристраивались в конце очереди и ждали, пока люди не заполнят всю принесенную тару. С появлением колонок можно было взять ведро и принести воды, когда было нужно, не делая традиционных запасов. Это было прогрессом. В глубокой казахстанской провинции, где ближайший районный центр находился в сотне километров, люди были рады появлению самых элементарных условий для комфортного проживания. Быт деревенского населения был совсем не прост. До рубежа стирания грани между городом и деревней было очень далеко!

Совхоз активно строился, разрастался территориально. Стали появляться престижные улицы, с домами для руководителей и главных специалистов совхоза. Построили первый двухэтажный дом. В нем жили приезжающие специалисты, чаще всего — учителя сельской школы. Появился парк со скульптурой В.И. Ленина и небольшими стелами в память первых целинников. В нем нас принимали в октябрята и пионеры. В парке проводились школьные сборы и линейки по торжественным случаям. В центре поселка находились контора, почта, столовая, школа, клуб, детский сад, магазины, баня. Появилось и прижилось выражение «пойти в центр», что означало посетить с деловой целью одно или несколько из вышеперечисленных учреждений. Зимой чаще всего надо было идти, преодолевая пургу. Ветер поднимал снег легко. Очищались от сугробов только центральные дороги, по обеим сторонам которых за зиму вырастали огромные горы снега. В сильный буран учеников не выпускали из дома, пропускались уроки.

Летом этот путь надо было пройти под палящими лучами солнца. Жаркое, знойное лето иссушало все посадки. Вспоминаю многочисленные субботники. Начиная со старших классов, мы выходили сажать деревья вдоль центральной улицы, в парке, у школы и т.д. Но все эти труды оказались напрасными. Климатические условия, почва, дефицит воды… трудно определить точно причину, но озеленения не получилось.

В сельском клубе днем и вечером были киносеансы. Я очень любила ходить в кино. В будни старалась быстро

выучить уроки, выполнить порученные мне дела и уже бегом мчалась к началу сеанса.

Еще одна достопримечательность поселка — асфальт. Много лет мы месили грязь по деревенским дорогам. У меня было много печали, что после зимы или просто после сильного дождя, надо было обувать резиновые сапоги, где-то в луже их отмывать или переобуваться. И вот произошло событие — по центральной улице проложили асфальт. Это была не просто дорога. Появилось еще одно место для проведения досуга. Вечером, те, кто постарше, собирались и прогуливались по этой территории. Это так и называлось «пойти на асфальт». Там складывались какие-то симпатии, выяснились отношения, одним словом, шла своя, насыщенная жизнь. Но деревенская действительность такова, что всякие тайны сразу становятся достоянием всех.

Я выросла в этой деревне. И уже много лет свой отпускной месяц провожу там у родственников. Может, меня влечет туда ностальгия по счастливому детству или желание пожить в семье сестры, как раньше с родителями. Может, желание посмотреть на звезды. Там человек ближе к небу, особенно ночному. Днем я смотрю на облака, их несет ветер, они меняют свою форму, можно фантазировать, куда они плывут, что там дальше за ними. Останавливает взгляд бесконечная степь. Дом сестры стоит на самом краю улицы, дальше — только степь. Степь сурова, лишь в начале весны она останавливает взгляд. Молодая зеленая трава, ковыль, изредка — цветы. А летом, выжженная палящими прямыми лучами солнца, она напоминает о караванных путях кочевников, табунах лошадей и суровом быте того далекого прошлого.

Непосвященный в этот мой романтизм, начнет сочувствовать, что не провожу лето в закордонных далях. А мои прекрасные дали — это бесконечные небо, ветер, степь, облака, родные люди и воспоминания о самом дорогом, о детстве.

СИБИРЬ

М. В. Ломоносов: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америки».

Валентина ШАВРИНА, *Тюмень — родилась в 1951 году. Окончила Казанский институт культуры по специальности «Библиотекарь-библиограф». Более 37 лет проработала в Тюменской областной библиотеке им. Д.И. Менделеева. Автор художественной и биографической прозы, коротких эссе и стихотворений. Предлагаемые читателю воспоминания являются первой частью книги «Вкус родниковой воды». В нее вошли эпизоды из жизни в городе Ханты-Мансийске глазами девочки Вали Шавриной с 1951 по 1961 гг.*

ВКУС РОДНИКОВОЙ ВОДЫ. ХАНТЫ-МАНСИЙСК

Моим детям и внукам

Мы опьянены детством —
Тем временем жизни,
Когда все мы были бессмертны.

Тонино Гуэрра

* * *

Лето 1961 года, мне девять лет. Я решила навестить маму, которая работает в пионерском лагере воспитателем. Лагерь расположился на берегу Иртыша в Самарово среди холмов с развесистыми елями и мощными кедрами.

Через лес идти короче, чем по обычным дорогам, и я отправляюсь по холмистым лесным тропам. Путь, однако, все равно кажется длинным и утомительным. Издалека уже слышатся голоса, а я все иду и иду по нескончаемому лесу, то поднимаясь в гору, то спускаясь вниз.

От июльской жары нестерпимо хочется пить. Вдруг — вижу ручеек радужно сверкающей на солнце, непрерывно стекающей вниз с горы кристально чистой воды. Я припадаю к роднику и пью долго, наслаждаясь живительным напитком, чуть сладковатым, с ароматом трав, еловых шишек — не ледяным, а нежно прохладным.

... Прошло шестьдесят лет, и как не забывается вкус той родниковой воды, так и мои детские годы навсегда сохранились в памяти.

* * *

Я мысленно возвращаюсь в Ханты-Мансийск 1950–1960-х годов, где родилась и выросла. Город, окруженный холмами, которые называют горами. Самая большая гора — Самаровская. С ее высоты открываются речные просторы Иртыша.

У пристани мы встречали и провожали пароходы. Зная по времени о приближении к Самарову, пассажиры выходили на палубу и глядели в речную даль: сначала будто в тумане видели очертания Самаровской горы, затем туман рассеивался, гора приближалась, росла, а в душе поднималось волнение от радости возвращения домой.

Самарово считается южной частью Ханты-Мансийска, а в северную ведет дорога, по левую и правую стороны которой — холмистые откосы, на которых приютились домишки и заплатки огородов. Дорогу эту в буквальном смысле пришлось прорубать сквозь могучий кедровник. Сибирский кедр — главное дерево Ханты-Мансийска, дерево-великан с игольчатыми ветвями. Ствол покрыт толстым слоем коры, по бороздкам которой, стекая, застывает янтариками смола. В детстве мы собирали и плавили эту смолу, и она каплями падала на поверхность воды в плошке, превращаясь в хрустящие пластинки. Эти пластинки собирали и жевали.

* * *

В моей памяти — кедровый лес за стадионом. В урожайные годы на кедрах было так много шишек, что они просто падали под ноги. За стадионом начиналась улица Безноскова — там был дом моих дедушки с бабушкой. Както в конце лета я осталась у них ночевать. Дневная жара спала, к вечеру подул сильный ветер. Слышу гул, напоминающий шум неспокойного моря: шум нарастает, уснуть не могу. Выхожу на улицу — вижу разбушевавшийся кедровый лес: кедры плотно стоят друг к другу, образуя сплошную стену, которая на фоне вечернего неба кажется черной. Ветви деревьев качаются и клонятся от ветра. Зрелище завораживает: ощущаешь себя беззащитным и слабым перед этой стихией. Возвращаясь в дом, засыпаю не сразу.

Утром после лесного шторма просыпаюсь от яркого солнца и звенящей тишины и иду в кедровый парк собирать за ночь сбитые ветром шишки, полные орехов.

* * *

В 1950-е годы дома в Ханты-Мансийске были деревянные: двухэтажные только в центре города, на окраинах — обычные деревенские с огородами и стайками для скота. Мы жили на Перековке. Долгое время (пожалуй, до моего взросления) слово «Перековка» воспринималось как просто название места, как Ледневка, Сосновка, Каменка... О смысле этого слова взрослые не говорили, а мы, дети, и не задумывались. Вообще все мое детство было окрашено молчанием о прошлом моих родителей, родственников, соседей.

В данном отрезке времени поговорка «молчание — золото» было оправданно. Мы, дети, росли в достаточно комфортной атмосфере в самой лучшей стране мира. Тем не менее, Перековка — это окраина Ханты-Мансийска, на улицах которой — Пионерской, Красной, Октябрьской — жили спецпереселенцы, позднее называемые «трудпереселенцами». Это были раскулаченные и ссыльные из разных регионов страны — русские, калмыки, финны, корейцы, немцы, молдаване... Мое детство проходило среди этих людей. На Перековке находилась комендатура, в которую ссыльные приходили отмечаться, так как не имели права покидать места ссылки. Дети «врагов народа», рожденные до 1949 года, также были на учете.

* * *

Автомобильного транспорта в Ханты-Мансийске тогда не было, а лошадей в частном пользовании было мало. Люди в основном ходили пешком — часто просто по полупустым проселочным дорогам. В сухую погоду дороги были пыльными, и в этой пыли дети играли, посыпая ею друг друга. Сейчас уже невозможно ощутить запах дорожной пыли.

Чаще, чем сухая пыль, вспоминается непролазная дорожная грязь в непогоду, в которой в буквальном смысле утопали улицы Безноскова и Луговая, расположенные в низменных местах. Осенью и весной размытые дождем дороги становились непроходимыми. Спасение — де-

ревянные тротуары. На центральных улицах тротуары широкие, доски аккуратно пригнаны друг к другу, по ним ходить одно удовольствие. На окраинах же — узкие, разваливающиеся, с большими щелями. Правда, летом через эти тротуарные щели прорастала очень вкусная, как казалось нам, детям, травка кислица. Мы щипали ее и с удовольствием ели. Наша семья жила на улице Пионерской. На ней же находилась контора колхоза имени Чкалова, председателем которого был мой отец Павел Васильевич Шаврин. Улица эта довольно длинная, но мы чаще бывали в той ее части, что вела от нашего дома к колхозным полям и скотному двору. При скотном дворе была скотобойня. Не помню, как я однажды оказалась там — видимо, забрела с кем-то из детей с нашей улицы. Перед глазами и сейчас жуткая картина: прямо в лоб лошади ударяют тяжелым металлическим предметом.

Летом мы ходили за водой на водокачку. Зимой же даже в самый лютый мороз воду в большой бочке развозил на лошади дедушка Токарев. Из заледенелой бочки большим ковшом зачерпывали воду. При сильном морозе вода в бочке покрывалась тонким слоем льда, и ее приходилось разбивать. Лошадь стояла припорошенная и вздрагивала, отряхиваясь, и от нее шел пар, превращающийся в иней. Дедушка сидел на облучке, попыхивая трубкой. Заскорузлый от воды тулуп подпоясан солдатским ремнем. После того, как свою, домашнюю, бочку заполняли водой, мама приглашала дедушку пить чай — он не отказывался. От него сильно пахло махоркой.

Не было случая, чтобы дедушка Токарев не привез вовремя воду. Может быть, он и не был дедушкой, но из-за длинной густой бороды нам, детям, он таким казался. Не дожив до глубокой старости, дедушка Токарев умер, застудив почки.

Всегда по утрам мы умывались той водой из дедушкиной бочки, в которой за ночь не таяли маленькие льдинки — сон как рукой снимало.

* * *

В 1955 году папа получил агрономическое образование, и в тот же год его на пять лет направили председателем сельхозартели «Путь к коммунизму» в поселок Цингалы Самаровского района. Там мы прожили до 1961 года.

Был конец зимы, когда мы возвращались домой, в Ханты-Мансийск. Ехали лошадиным обозом по *зимнику* (так называли зимнюю дорогу) прямо по замерзшей реке. Днем на солнце лед подтаивал, а ночью застывал, и сани, груженные домашним скарбом, подскакивали на замерзших кочках. Мама боялась, что я простужусь, и кутала поверх теплой одежды в одеяло так, что не пошевелиться. От тряски болела голова. С наступлением темноты я пыталась заснуть. На черном небе огромная луна немеркнущим фонарем плыла впереди обоза, освещая дорогу. Я, не отрываясь, смотрела на небесное светило; Луна как будто приближалась ко мне. Голова переставала болеть, наступало умиротворение.

Путь продолжался днем, и меня иногда садили на одну из лошадей верхом. Обоз двигался медленно: не помню сколько повозок было, наверное, не менее пяти. Проезжали мимо деревень Семейка, Чембакчина, Базьяны, останавливались в них. Там были постоялые дворы, в которых мы отогревались, иногда ночевали. Лошади заменялись, менялись ямщики, сопровождающие обоз. Так мы шли дней семь. Помню ощущение праздника, когда ярким солнечным днем в начале марта мы въехали на центральную улицу Ханты-Мансийска.

* * *

Мы дома. После мартовских холодов наступила настоящая весна, и вскоре расцвели две наших черемухи. Высокие, своими раскидистыми ветвями они как бы обнимали наш дом с двух сторон. По рассказам старожилов, местом строительства Ханты-Мансийска было избрано глухое урочище Большой Черемушник, по логам которого — непроходимые заросли черемухи. Думаю, наши, такие мощные, сохранились с тех давних пор. С чем можно сравнить запах цветов черемухи? Помню, аромат одних французских духов оставил незабываемый шлейф, оттенки его ощущаешь от раздробленных ядер абрикосовых и вишневых косточек, свежего миндаля. Из-за обилия созревших ягод тяжелые ветви ложились на крышу веранды. Я взбиралась наверх, срывала крупные, сладко-терп-

кие на вкус черные горошины и ела, оставляя косточки. Порой наешься до оскомины — говорить не можешь.
В современном городе черемуху редко увидишь: она любит чистый воздух и тишину. А если и встретишь, то это обычно небольшое дерево со слабым стволом. Однако когда приходит пора цветения, даже самое маленькое деревце благоухает от малейшего дуновения, и я иду на этот запах — запах из моего детства.

* * *

Я заканчивала второй класс в первой ханты-мансийской средней школе. Помню двухэтажное деревянное здание с большими окнами, балконом.
Поднимаюсь по выкрашенной в светло-коричневый цвет лестнице на второй этаж и вижу идущего мне навстречу по коридору человека в военной форме: гимнастерка защитного цвета подпоясана кожаным ремнем. Скрипя начищенными сапогами, он проходит мимо. Это директор школы Илья Алексеевич Иванов.
Пройдя по коридору вглубь, невольно останавливаюсь перед огромной, от потолка до пола, картиной: мальчик с понурой головой, расстегнутым портфелем. На него с укором смотрит сестра, опечалена мать, и только собачка радуется приходу мальчика*. В поиске своего класса я поворачиваю по коридору направо и вижу еще большего размера картину, тянущуюся вдоль стены. Ее я уже встречала на страницах какого-то журнала: «Иван Грозный и сын его Иван» Репина. Перед началом уроков в коридоре прямо напротив этой картины обычно проходила школьная линейка. Выстроившихся в шеренгу школьников отчитывали за грязные воротнички, нестриженые ногти и другие провинности, а перед глазами детей в этот момент — окровавленная голова царевича и полные ужаса глаза царя... Меня вначале удивило, что никто из учеников вовсе не обращает внимания на эти картины на стенах в школьных коридорах: они проходили мимо и как бы и не видели их. Прошло совсем немного времени, и я сама перестала их замечать. Все было, как всегда: двойки, грязные воротнички, линейки, шум на переменах — обычная школьная жизнь.

* * *

В мое последнее беззаботное лето уходящего детства я однажды поднялась на чердак, где был кукольный домик. Посмотрела на игрушки, подержала в руках куклу — играть не хотелось. С этого момента началась другая жизнь.

Тамара ОВЧАРЕНКО, *г. Тарко-Сале Ямало-Ненецкого автономного округа — около 30 лет проработала учителем в школе, получив звание «Ветеран труда». Пишет фантастические повести для молодежи, готовит серию рассказов «Мой город Крайнего Севера».*

НЕОБЫЧНЫЙ ПРАЗДНИК ДЕНЬ ОЛЕНЕВОДА

Апрельский день выдался солнечным, но морозным. Крайний Север не стремится потакать погодам средней полосы России, у него свои природные законы и весна, как правило — мягкое продолжение зимы. Стекла окон давно оттаяли от зимних морозных узоров и сквозь них прекрасно виден был весь двор. У соседнего крыльца стояли две упряжки оленей, запряжённые в лёгкие национальные сани. Олени реагировали на каждый звук, выдаваемый живым двором, и опасливо смотрели на всё происходящее в нем огромными глазами.
— День оленевода, — пояснила мне сестра. — На берегу реки сегодня будет не протолкнуться — в поселке праздник. Это из тундры съезжаются местные промышленники. Праздник оленевода, а гуляют все. Тут радостей мало, — пояснила она.
Через пару часов мимо окон шли люди, спешившие на берег реки, где и разворачивалось основное событие. Кто по двое, кто семьей.
— Хочешь посмотреть праздник? — спросила меня сестра. — Детей не потащим, а вдвоем сходим.
У ее мужа выдался выходной, и он с радостью готов был остаться с детьми. За неделю наматывался по поселку за рулем так, что отсидеться дома, даже в качестве няньки, рассматривал как отдых. Я согласилась, так как моя малышка и младшенькая сестры достигли годовалого воз-

* Речь идет о копии картины Ф. Решетникова «Опять двойка».

раста, и таскать их за собой по морозной погоде — не лучшая затея.

Мое модное зимнее пальто с шикарным песцовым воротником в этом климате было почти бесполезным. Сестра назвала его дохленьким и в дар выдала мне коричневую шубу из искусственного меха, ношеную, но очень хорошую, аккуратную. Лена к тому времени уже имела мутоновую. С шапкой я угадала, она была песцовая, хорошо сшитая, а вот шарф из натурального мохера тоже от сестры достался. Валенки мне припасли заранее. Укутанная так, что только нос и глаза оставались видимыми, я не спеша вышла на крыльцо.

На узкой, заваленной снегом теплотрассе, шли по вытоптанной людьми тропе. Шаг в сторону — и провалишься в глубокий снег. Эта дорожка представляла собой улицу, с выстроившимися по обеим сторонам ровными рядами балков, в основном обитыми черными полосами рубероида. Небольшие окошки почти заметены снегом, из открытых форточек валил пар нагретых жилищ.

Морозец подсушил снег, и он скрипел под нашими ногами. Приятная зимняя погода располагала к прогулке. То и дело моей сестре встречались знакомые, она рассказывала о моем приезде: «Вот — сестричка приехала ко мне в гости». Нас радостно приветствовали и приглашали в гости.

Зимой по поселку можно перемещаться векторно, идти не по дороге, а напрямик — все пути открыты: нет заболоченных мест, всякая изгородь остается глубоко под снегом, в советское время высокие заборы не строились.

— Нам долго так по сугробам грести? Это далеко? — спросила я минут через пятнадцать пройденного пути.

— Столько же, — сестра помогла мне перелезть через очередной сугроб у дороги.

— Автобусов тут нет, и вряд ли появятся, везде добираемся пешком, а о такси не то, что не помышляем, в поселке даже легковые автомобили не водятся. Есть только два синих «Москвича», находящиеся на службе районной больницы, да красные «Жигули» кадровика из экспедиционной разведки. Остальные — только уазики.

Легковые машины доставить на Крайний Север не представлялось возможным: летом нет дорог, а зимой погода не позволяла. Для машин такого типа нужен гараж, чтобы не промерзла, иначе не заведется и всё тут. Даже уазики вне гаража останавливались, не выключая мотора, иначе снова его не завести.

У реки собралось почти всё население посёлка. Выходной субботний день непременно нужно отметить в этом огромном коллективе. Даже учащихся освободили от занятий. Вдоль берега, который угадывался небольшой возвышенностью, расположилась длинная шеренга зрителей, притоптавших снег под ногами. Льдом сковало реку так, что трассу для проведения соревнований от сугробов расчищал вездеход.

— А лед не проломится от его веса? — мне стало страшно от того, что такая махина носится по замерзшей реке.

— Ты что! Там толщина уже больше полутора метров, он растает, может быть, только к лету.

Сестра здоровалась со встречными налево и направо. Везде — свои люди, знакомые лично или понаслышке. Каждая встреча — живой рассказ о человеке или о семье: «Эта работает в магазине, эта в пирожковой, та девушка в кассе аэропорта и помогает билеты приобрести». В какой-то год от пожаров дома спасали общими усилиями, в какое-то лето затерявшихся в лесу разыскивали. Полезные — все, так как на севере народ выручает друг друга, не задумываясь.

Набережную заполонили желающие хотя бы косвенно принять участие в праздновании, встретиться со знакомыми, перекинуться парой-тройкой новостей. Одно дело — видеть национальные соревнования северных народов по телевизору и совершенно иное — наблюдать воочию. Ощущая морозный воздух, мы протискивались сквозь огромную толпу людей, подыскивали удобную точку обзора, утаптывая снег, ловили взглядом всё представленное на огромной заснеженной площади — это увеличивало интерес к происходившему и приковывало внимание.

В упряжках олени то с одним рогом, то вообще без них. Их спины покрыты широкой орнаментальной сбруей с

привязанными яркими нитяными кистями. Оленя запрягают особым образом, совсем на так, как лошадь. Он не управляется при помощи узды и удил, для этого достаточно веревки, прикрепленной к недоуздку, обвязанном вокруг головы. Как я узнала позже: один олень является ведущим, его обучают основным командам и бежать он должен рысью, а правый олень — тягловый, даже если будет их два или три. Обучить ведущего оленя — дело долгое, кропотливое, имеющее особые многовековые правила.

Соревнования начались. Две упряжки стояли на старте. Каюр разогнал упряжку и на ходу запрыгнул в нее. Снежная пыль разлетелась вокруг, засыпая даже погонщика. Вторая упряжка практически не отставала.

— Тут важно правильно направить оленей, иначе они будут бежать в разные стороны, эти животные не понимают, что происходит, — сестра указала рукавичкой на соревнующиеся упряжки.

Опытный каюр управлял так, что ведущий олень, стремился вперед, увлекая вместе с собой стадных помощников. Несколько минут и, — финиш. Есть победитель!

Мы потихоньку переместились к площадке национального многоборья. Готовились соревнования в метании тынзяна на хорей. Длинный шест около трех метров, которым погоняют оленей был вертикально воткнут в снег, вокруг, на приличном расстоянии стояли мужчины в меховых оленьих одеждах с собранным кольцами арканом. Размах рукой — и тынзян направился в сторону хорея, раскрываясь в полете, за мгновение петля набросилась на цель, соединяя соревнующегося с вкопанным шестом.

— Как же ловко они это делают! — первое мое восхищение.

— Подожди еще, — предупреждает сестра, — они и не то умеют. Это же люди природы.

В этих видах спорта нет отборочных соревнований на первых этапах. Кто желает — представляет свои способности. С детства местные жители отрабатывают навыки в виде игры, потом — как спортивные упражнения, которые, по сути, закаливают в развитии двигательные мышцы. Без таких жизненно важных способностей в тундре можно не выстоять, сломаться перед натиском могущественной природы климата и животного мира. Таков образ жизни коренного населения.

— Посмотри, как они одеты, — указывает сестра. Мы через полчаса стояния на морозе будем приплясывать, а через час убежим в теплое гнездышко чаёк прихлебывать. А ненцы живут в холоде, поэтому одежда вся сшита из меха.

Под верхней малицей — мехового пальто из оленьей шкуры, надета еще одна потоньше, но мехом к телу. Верхняя малица, словно колокол надевается через голову и завершается меховым капюшоном. Рукавицы, как продолжение рукавов, соединены с малицей и только через прорезь человек просовывает руку наружу при необходимости. Меховая малица подвязана чуть выше бедра кожаным поясом, к нему же на петлях прикреплены деревянные ножны с орудием, металлические украшения и клыки зверя, играющие роль оберега. Высокие сапоги, с орнаментальными вставками-полосами из оленьих лап — пимы, чуть выше колена подвязаны ярким плетеным поясом, завершающимся огромными разноцветными кистями. Всё подвязано, подтянуто. И расшивать узорами не забывают. Этот вид одежды смотрится не только оригинально, но и гармонично, великолепно! У некоторых мужчин малица сверху покрыта суконным чехлом синего или зеленого цвета.

— Красиво же! — как истинный знаток в компоновке одежды оценила я достоинства костюма. — Всё на своем месте и, понятно, только необходимое. Как же они их создают?

— Представь себе: иголочкой и ниточкой! Никаких швейных машин у них нет.

Я тихо восхищалась.

Здесь — на соревнованиях были бегуны с палкой в руке, метатели топора, конечно же, специально созданного для соревнования. Молодые парни прыгали через снаряды, похожие на национальные сани — нарты.

Словно рыси, мужчины ступают ловко и быстро, резко останавливаются, концентрируются. Ранее, по рассказам о способностях этого народа, я думала, что они

такие же, как индейцы, которых мы в детстве наблюдали в фильмах студии ДЕФА и участием Гойко Митича — рослые, уверенные, с подпаленной кожей, жестким взглядом и напористые. Нет же! Эти люди оказались невысокого роста, светлокожие, часто русоволосые и даже светлоглазые. Их взгляд не жесткий, а порой кажется неуверенным. Но это не так. Столкнувшись с опасностью или необходимостью защитить кого-либо, непременно включатся отработанные навыки и человек, чувствующий себя неловко среди людей города, молниеносно выдаст всё необходимое в сложившейся опасной ситуации.

Среди зрителей сновали в большом количестве местные собаки-лайки. Разной масти и роста, с длинной шерстью и густым подшерстком, главное — хвостик закручен колечком. Вот эти создания держались уверенно и нагло, хотя не нарушали ничей покой и людей не трогали. Дети поселка с ними всегда в обнимку, да и подкармливают. Живут лайки под открытым небом, рядом с жилищем человека, спят прямо на снегу в любую погоду. И в поселке их предостаточно, почти около каждого дома располагается такая особь, свернувшись калачиком в сугробе. Едят даже замороженную пищу. Такие щенки в городах продаются за большие деньги, а здесь, чистопородные, но не зарегистрированные в сообществах собаководов, спокойно бегают по улицам.

Во дворе дома у кромки реки повизгивала собака. Через редкую дощатую ограду было видно, что она находилась в закрытом вольере, огороженном сеткой-рабицей.

— Что же ее-то закрыли? — на фоне множества бегающих собак эта мне показалась очень несчастной.

— Это лайка селькупская — для охоты. Она очень красивая, стройная. Вот и берегут, чтобы порода не испортилась, да чтоб не убежала.

— Что ж, совсем побегать не отпускают? — жалела я запертую собаку.

— Ну да. Только владелец иначе думает. Вот на охоту берут, — привыкшая к местным законам сестра, говорила об этом спокойно.

Прямо перед нами огромная лайка повалилась на снег вверх лапами и ерзала по замерзшим комкам, почесывая спину в толстой меховой шубе.

— Вот это да! Ей и не холодно, — посмеялась я.

— Буран будет — примета такая. Говорят, что перед сменой погоды у них спина зудит.

Скоро наше внимание привлекло прибытие по речной трассе оленьей упряжки, запряженной в тройку. Погонщиком была женщина. В яркой ягушке — орнаментированной шубе из оленьего меха, голова покрыта павловопосадским платком с печатными цветами на красном фоне. Удерживая одной рукой поводья упряжки, другой она прижимала к себе длинный хорей, то и дело похлопывая им оленей. Как только она приблизилась к центру площадки, стало видно, что за спиной сидящей женщины, веревкой к нартам плотно привязана люлька с младенцем. Нарты подъехали к берегу, женщина соскочила с них, долго обнималась с представительницами этнической группы, затем распутала веревочные крепления люльки и передала малыша в руки более взрослых. Затем уверенно развернула нарты на стартовую позицию.

К соревнованиям готовы были приступить еще несколько таких же упряжек с каюрами-женщинами.

Что кричали организаторы, слышно не было, так как ветер относил их голоса в противоположную сторону, а мегафон в руках надрывающего свой голос человека не справлялся с поставленной задачей.

Взмах красного флажка на старте, каюр крикнула, ударила хореем, и олени рванули с места. Голова быка вытянулась вперед, язык приоткрытой пасти вывалился набок, огромные глаза выпучились от беспокойства.

Напряженное время гонок очень скоротечно, но от волнения увиденного, оно кажется затянутым и нескончаемым. Какая из двух упряжек придет первой — предсказать невозможно, это не лошадиные бега, в которых встречаются очень подготовленные и опытные животные, известные зрителям. Если один из тягловых оленей испугается или запутается в ремешках, гонка может потерпеть поражение.

Каюр, приехавшая на соревнования с младенцем, привела свою упряжку первой. Ждали заезда еще двух упряжек. Будучи совершенно не знакомыми с представительницами соревнований, мы переживали именно за ту, которая решилась на соревнования, будучи кормящей матерью. Это подкупает.

Поднялся ветер и пошел снег. Наше нахождение на просторе широкой реки усложнялось.

— Как ты? — кивнула мне сестра.

— Что-то стало холодать...

— Может, пойдем уже? Малые там неизвестно как ведут себя. Обедом-то Виталий их накормит, а вот ужина нет.

Мы двинулись обратно. Оглядываясь в сторону замерзшей реки, я видела, как две упряжки, несмотря на сильный ветер, бьющий погонщиков снеговыми волнами, на огромной скорости двигались почти параллельно друг другу. Наконец, одна вырвалась вперед, оставляя на несколько метров своего противника. Победила ли в итоге эта молодая женщина, я не знаю, но хотелось, чтобы это была именно она.

Пока мы дошли до конца улицы, снег уже колкими иголочками бил в глаза. Приходилось наклонять голову, чтобы избежать непривычных ощущений. Что-то сильно ударило меня в лоб, и я повалилась в снег, не понимая, что произошло.

— Стой! — кричала я удаляющейся сестре, не в силах даже повернуться в огромном сугробе.

Она с хохотом подошла ко мне, подала руку. Вывалявшись в снегу с ног до головы, я с трудом поднялась.

— Это что? — выглядывала я из-под шапки, сдвинувшейся на глаза.

— Вот что! — ладонью в рукавице хлопала сестра по перекладине с привязанными бельевыми веревками. — Ты что, не видела ее?

— Нет, конечно! В глаза так снег бьет, я иду с опущенной головой.

Сестра продолжала смеяться: «Ладно, пошли, а то в буран попадем. Сейчас сокращать будем путь».

Мы прошли мимо двух одноэтажных детских садиков, почти до верха окон заваленных снегом. Между нами и балком сестры лежал белый пустынный простор. Как сестра набирала скорость по сугробам, я не могла понять. В валенках, на размер больше, с высокими голенищами, не позволяющими нормально согнуть ногу, идти было просто невозможно.

— Ничего, Виталя сделает отворот, — сестра указала на мою обувь, — ходить будет легче. А нет, так обрежем покороче.

Она снова двинулась вперед. Я старалась идти в след.

— Ах! — вылетел мой крик, и я провалилась в сугроб по самое колено.

— Ляг на снег и вылезай! — кричала мне сестра.

— Валенок застрял! — барахталась я в плотной осевшей массе снега и не могла даже приподнять ногу, сверху в лицо секла ледяная крупа.

Сестра развернулась и подобралась ко мне. Наверное, без помощи я долго могла бы проторчать в холодном плену. Лена подала мне руку: «Вообще-то, мы сейчас на месте болота. Зимой заметает и можно ходить. Я не видела, чтобы кто-то здесь провалился. Как ты умудрилась?»

Она засмеялась: «Даже пьяные мужики тут запросто ходят».

— Может, они не в состоянии были позвать кого-нибудь? — я пыталась защититься таким образом.

Наконец, мы добрались до дома, в теплую, уютную обстановку, с горячей пищей и хохочущим Виталием.

— Я как увидел, что ты торчишь посреди поля, не удержался — смешно ужасно.

— Вышел бы, да помог! — с обидой проворчала сестра.

— Да ладно тебе, вы быстро справились! — подавлял он в себе смех.

Я сидела на диване, измученная походом в непогоду, но с полученным багажом необычных событий национальной праздничной традиции. Маленькая дочь подвинулась ко мне, потягивая кашку из бутылочки. Обнимаясь, мы долго сидели так, не желая нарушить счастливые прикосновения. Этот необычный День оленевода запомнился мне навсегда.

МОСКВА

Нина ДАВЫДОВА, автор путеводителя «Москва 2000»

МОСКВЕ 875!!!

875 лет назад — Ипатьевская летопись, первое упоминание о Москве — князь Юрий Долгорукий зовёт на военный совет своего союзника, князя Святослава Ольговича: *Приди ко мне брате в Москов.*

В честь этого важного события был дан «обед силен» на московской земле. А вот что означает слово Москва, учёные люди не знают до сих пор, ведут споры — то ли «коровья река», а возможно, «медведица», это всё финно-угорская гипотеза. Есть и славянская: «топкая, болотистая», что не противоречит природным особенностям местности. Пока бесспорно одно: имя городу дала протекавшая мимо река. Правда, больших рек было три: Москва-река, Неглинная и Яуза, здесь в те времена проходили важнейшие российские торговые и военные пути.

Проходят годы и века, из небольшой деревянной крепости Москва в конце XIII века превращается в столицу княжества. Начинает новую страницу московской истории князь Даниил, младший сын прославленного Александра Невского. Рачительный и дальновидный хозяин, при котором были основаны пять новых монастырей, он существенно расширяет границы княжества, начинает объединительную политику русских земель вокруг Москвы. В XIV веке начатое отцом продолжает Иван Калита, получивший в Золотой Орде ярлык на великое княжение. Не став еще государственной столицей, Москва в XIV веке становится столицей духовной, так как из стольного Владимира митрополит Петр переносит кафедру в Москву, делая ее православной столицей Руси.

555 лет назад на московский престол садится великий князь Иван III. Благодаря мудрым действиям князя и его окружения («команды», сказали бы мы современным языком) приходит конец золотоордынскому игу. Меняется положение Москвы, с конца XV века она не только духовный центр Руси с кафедрой митрополита в Успенском соборе Кремля, но и столица русского государства, гербом которого становится древний герб Византии — двуглавый орел.

475 лет назад венчается на царство первый русский царь, он из династии Рюриковичей, Иван IV, прозванный Грозным.

В 1598 году династия пресеклась, Рюриковичи правили с XIII века, от Даниила Московского до Федора Иоанновича, сына Ивана Грозного.

410 лет назад, в ноябре 1612 года, ополчение Косьмы Минина и Дмитрия Пожарского с боями освобождает столицу от польско-литовских захватчиков, проникших в город в ночь с 20 на 21 сентября 1610 года, пришёл конец Смутному времени. А мы с вами именно благодаря этому важному для нашей истории событию с недавних пор отмечаем 4 ноября День народного единства.

350 лет назад в Москве родился будущий первый российский император Петр I, он, по ряду причин, не испытывал любви к патриархальной столице., пробовал её перестроить, но не получилось. Пришлось строить новый город на Неве, и с 1712 года Москва перестает быть столицей русского государства.

260 лет тому назад началось правление Екатерины II

210 лет тому назад, в 1812 году, каждый россиянин остро почувствовал свою связь с древней столицей, когда Москва была оставлена наполеоновской армии без боя. Сразу же, со 2 сентября, начались пожары, — москвичи

подожгли город, — заполыхавшие с особой силой уже через пять дней после вступления в город французской армии. 11 октября наполеоновская армия бежала из Москвы. После изгнания интервентов, всего за пять лет, Москва не только была восстановлена, но, как отметил знаменитый современник, «пожар способствовал ей много к украшенью».

80 лет со дня окончания битвы под Москвой (30.09. 1941 — 20.04. 1942).

Москва — это музей под открытым небом. Древние храмы, дворцы, особняки — «слава прабабушек томных, домики старой Москвы», — все это живая шумная столица России, «от Воробьевых гор до церковки знакомой».

Людмила СЕРОВА, *Люберцы*

ВОСПОМИНАНИЕ

Откружилась беспечная юность
В бальных платьях из лёгкого ситца.
Я, грустя, на неё оглянулась,
Чтобы время могло повториться.
Нам казалось: кружились колонны
Вместе с нами в танцующем зале.
Со стены Менделеев с Ньютоном
Нас глазами с тобой провожали.
Ты шептал мне желанное слово.
И лицо покрывалось румянцем.
Я была его слушать готова
В каждом бурном и медленном танце.
Саксофоны фокстроты меняли.
Пели ласково нежные скрипки.
А потом мы экзамен сдавали,
И смотрел педагог без улыбки
И опять я в магическом зале.
Ни тебя, ни обманного чуда...
Руки, чашку держа, задрожали.
Как легко стала биться посуда!

150 лет МГПИ!

Алексей ЗУБАРЕВ, Владимир ПЫХОВ

Воспоминания на два голоса
В начале жизни школу помню я... (А. С. Пушкин)

А. З.: Это славное учебное заведении России (МГПИ им. В. И. Ленина), студентами которого по факультету русского языка и литературы мы стали летом 1967 года (а через пять лет, когда мы завершили полный курс вузовского образования, отмечался 100-летний юбилей Московских высших женских курсов (1872-1918 гг.) и Московского государственного педагогического института) составило целую эпоху в нашей жизни.

В. П.: На углу переулка Хользунова (ранее Трубецкого, а затем Казарменного) и Малой Пироговской улицы (ранее Малой Царицынской), тихих и зеленых, за широкой спиной серого массивного мрачноватого здания Росархива, выходящего на Большую Пироговскую улицу (ранее Большую Царицынскую), уютно, основательно и навсегда, как родительский дом, расположился не только в пространстве, но и в душах учившихся в нем главный корпус Московского педагогического государственного университета, ведущего, как уже было сказано, свою историю с 1872 года:

1872-1918 гг. (с перерывом с 1888 по 1900 г.) — Московские высшие женские курсы;
1918-1930 гг. — 11 Московский государственный университет;
1930-1941 гг. — Московский государственный педагогический институт им. А. С. Бубнова;
1941-1990 гг. — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.
В 1990 г. МГПИ им. В. И. Ленина был преобразован в педагогический университет.
Центральный вход этого здания, построенного в 1913 году по проекту архитектора С. У. Соловьева, выполнен в виде круглой башни, украшенной снаружи выступающими наполовину из ее стен и расположенными по кругу тонкими матово-белыми колоннами. Сочетание светлой колоннады с бежевым цветом стен башни создает ощущение легкости, воздушности и полета. Завершается башня куполообразной крышей. Такое архитектурное решение пространства пересечения двух улиц (сглаживание угла) представляется довольно символичным, если учитывать и предназначенность этого здания (передача высоких истин), и тех, кому эти истины передавались (девушки-курсистки).
Двери этого входа в нашу бытность в Институте (1967-1972 гг.) были всегда закрыты. Мы входили в Институт через вход со стороны двора. Двери же центрального входа обычно открывались в траурные дни, когда через них после гражданкой панихиды, проходившей в холле Института, отправлялся в последний путь кто-либо из скончавшихся профессоров.
Площадка центрального входа, расположенная несколько в стороне от шумного холла Института, почему-то именовалась студентами собачьей площадкой. Иногда, когда все аудитории были заняты, там проводились учебные занятия, но обычно на ней можно было в более-менее тихой обстановке в перерывах полистать конспекты перед очередным семинаром или доверительно поговорить с кем-либо из своих однокурсников, не опасаясь, что в ваш разговор вмешаются другие сокурсники.
Небольшой коридор ведет от площадки центрального входа к залитому светом холлу перед тремя лекционными аудиториями, занимающему почти всё пространство первого этажа. Пол холла выложен большого размера черными и белыми плитками, делающими его похожим на огромную шахматную доску, что тоже очень символично для этого учебного заведения. Словно струны арфы, окружает шахматный пол колоннада античных ослепительно белых колонн, устремленных ввысь и с беззаботной непринужденностью поддерживающих галереи второго и третьего этажей здания, тянущиеся по периметру холла. Если немного напрячь воображение, то можно услышать, как с балкона второго этажа льется невесомая кружевная стремительная мелодия вальса, и увидеть, как на черно-белом полу холла белоснежной метелью весеннего, цветущего, майского, яблоневого сада кружатся в танце, полностью отдаваясь музыке и вызванным ею чувствам, курсистки и приглашенные на бал молодые бравые честолюбивые юнкера Александровского военного училища, располагавшегося где-то в районе Никитских Ворот.
В наше же время, в новогодние праздники, вокруг высоченной пушистой сверкающе-нарядной елки извивались до изнеможения, обливаясь потом, в новомодном танце твисте под грохочущую, оглушительную музыку, рвущуюся из динамиков, раскрасневшиеся от удовольствия студенты и студентки.
В дневное время роскошный холл здания освещается естественным светом, плавно льющимся с невообразимой высоты через стеклянно-металлические конструкции крыши, при взгляде на которые создается впечатление, что они уходят прямо в небо, то ослепительно синее, то изборожденное плывущими по нему разной формы облаками, небо, напоминающее нам о Высоком и о Вечном всего сущего, что опять-таки символично для этого здания. Стальные сетчатые перекрытия-оболочки, использованные при строительстве крыши главного корпуса, — изобретение конца XIX века инженера, архитектора, изобретателя и ученого Владимира Григорьевича Шухова.
А. З.: Главный корпус Московских высших женских курсов (МВЖК) на Малой Царицынской улице (Малой Пироговской), дом 1! Чудо архитектуры старой Москвы!

Шедевр Серебряного века и ровесник Цветаевского Музея, ныне Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Главное чудо московского неоклассицизма и московского неоампира.

...На втором этаже главного корпуса МГПИ (сегодня (МПГУ) есть так называемая сороковая аудитория, круглой формы, с большим круглым столом черного дерева посередине, с темными стульями с высокими резными спинками вокруг него и с расположенными по кругу невысокими черными книжными шкафами, занимающими простенки между узкими и высокими окнами.

Голоса вошедших в нее людей как-то растворяются и усиливаются, распространяются и разносятся в пространстве. И это нисколько не странно: ведь речь идет об университетской церкви, когда-то здесь существовавшей (как, впрочем, существовала она и в Московском университете).

В эту аудиторию и сегодня необыкновенно и удивительно приходить...

...Вы слышите Эхо Серебряного Века, великого и непостижимого во всей своей прекрасности, вы слышите голоса людей, которые вместе с вашими голосами начинают звучать здесь, вы слышите голоса Времени и Вечности, останавливаетесь и замираете: неужели возможно такое сегодня или когда-то в прошлом?

Да, возможно! И ради одного этого сюда можно и нужно приходить, ибо здесь сохранился этот тайный вход в Серебряный век, здесь вы ощущаете себя в другом времени. И не только в другом времени, но и в другом пространстве. Кто и какой гений добился такого эффекта? Я думаю, роль такого Гения Места, если можно так выразиться, взяли на себя Высшие Силы, которые витали здесь некогда, которые здесь и сейчас...

В. П.:...Площадка третьего этажа, называемая ПАРНАС. На ней собирались мы, чтобы почитать друг другу стихи, свои и чужие, попеть под гитару студенческие песни, окруженные в пединституте большим почетом. Каждую осень в 9-й аудитории проводился фестиваль студенческой песни, на который собирались барды со всех факультетов МГПИ и из других московских вузов. Эта традиция сохранялась с 50-х годов XX века, когда на филфаке учились такие выдающиеся барды, как Юрий Визбор и Юрий Ряшенцев, написавшие в 1953 году Гимн МГПИ, Юлий Ким и Ада Якушева. Именно благодаря им одним из шутливых названий вуза стало «Московский государственный поющий институт».

А. З.: ...Неслучайно это замечательное здание Серебряного века обнаружили и облюбовали, по-видимому, навсегда деятели кино. Они трудились в МГПИ постоянно, днями, месяцами и годами. 1967 год, 50-летие Октября, навстречу дате снимается море «датских» исторических фильмов. Мы время от времени заглядываем в помещение на первом этаже — собачью площадку: люди в мундирах, кителях, с обмундированием и вооружением Красной Армии 1918-1922 годов. Это, скорее всего, штаб какого-то воинского подразделения. Полк, армия, дивизия? Неизвестно. Постоянно работает телефон. Жуткий ор переговоров на военные темы. На черных кожаных диванах с дырами в коже и пружинами наружу спят попеременно сотрудники штаба, фронтовые командиры, люди в солдатских шинелях. На стене — огромная карта Советской Республики в окружении пояса фронтов Гражданской войны с постоянным движением каких-то знаков, фишек — движение фронта...

Современные киношники также активно используют интерьеры этого уникального здания в своих творениях, односерийных и многосерийных.

Хранилище знаний, сокровищница интеллектуальных и духовных ценностей здания — БИБЛИОТЕКА (около 2 млн томов)... Прежде всего — читальный зал главного корпуса МГПИ на Малой Пироговской, дом 1... Старые, бесподобно сияющие лаком и формой столы, шкафы со множеством книжных переплетов за их стеклами.

Здесь мы писали наши сочинения по русской литературе при поступлении в вуз. Сюда пять лет — с 1967 по 1972 г. — приходили мы ежедневно, готовясь по целому океану предметов: русский язык и русская литература, история и философия, психология и иностранные языки, мировая литература, латынь, которую преподавала нам великая Надежда Алексеевна Тимофеева и у которой я писал свою первую студенческую работу: «Античность в творчестве А. С. Пушкина». Потом были работы по твор-

ческой истории рассказов И. А. Бунина, по античным трагедиям Шекспира, по «Метаморфозам» Овидия и поэме Лукреция «О природе вещей»... Да сколько их было за эти уже легендарные пять лет! Я благодарен всем своим учителям и наставникам в МГПИ — и прежде всего дань уважения и благодарности библиотеке института. Спасибо всем!

Неиссякаемый и постоянно пополняющийся кладезь книжной и журнальной продукции — КНИЖНЫЙ КИОСК... С ним связаны потрясающие студенческие воспоминания. Мы бежим к нему между лекциями, быстро смотрим — газеты, журналы, книги. Глаза разбегаются. Что взять? И вот кто-то идет, бережно неся в руках восхитительную книжку Марины Цветаевой в ослепительном белом супере с ее портретом-силуэтом работы Елизаветы Кругликовой, великой художницы-силуэтистки. Кто-то, наверняка любитель Бунина и Маяковского, страстно прижимает к сердцу «Траву забвения» Валентина Катаева, как раз недавно опубликованную сначала в «Огоньке» 1966 года — номер за номером, а потом — полностью уже — в первом номере «Нового мира» за 1967 год. Эти номера мы жадно ищем у букинистов — в одном «новомировском» номере 60-х опубликован «Театральный роман» Булгакова. И, наконец, кто-то несет внушительный сверкающий и сияющий белизной ослепительной фолиант «Психология искусства» Льва Семеновича Выготского, вышедший в 1968 году в издательстве «Искусство» с огромной вступительной статьей психолога А. Леонтьева о Л. С. Выготском. Почти половину «Психологии искусства» занимает З. Фрейд, его концепция культуры, искусства, личности... Л. С. Выготский — это энциклопедия искусства и мировой литературы. Какие имена у него под микроскопом: Эзоп, Шекспир, Бунин — а Фрейд! Вкуснейшее чтение для умнейших людей. Словом, сказать можно одно: они счастливы, эти идущие с книгами. Лица их светлы от восторга. То, что они взяли — чтение на всю жизнь.

...А кто учился в этом вашем МГПИ или как там у вас в самом начале — на этих самых Московских высших женских курсах с 1872 г. по 1918 г.? Вопрос коварный и предполагает он в общем-то скептично-ценичную позицию по отношению к женскому образованию вообще. Подумаешь, женские курсы! Да знаем мы эти женские курсы! «Не женитесь на курсистках, они толсты, как сосиски!» Так, кажется? И это исчерпывающее мнение о женских курсах в России, да их и было-то — петербургские и московские. И если на вопрос, кто учился на Петербургских курсах, назовут только Надежду Константиновну Крупскую и кого-то еще двух-трех из среды профессиональных революционеров, то в ответ на вопрос, кто же учился на Московских высших женских курсах, а учились здесь с 1872 г. по 1918 г. 20.000 слушательниц, не назовут никого. Представляете? Ни-ко-го! А почему? Ведь в 1972 году прошел юбилей МВЖК. Ну и что? Что, сняли фильм о первых московских курсистках? А их повторю было с 1872 г. по 1918 г. — 20.000 человек! Ну хоть о 5-6. Никто. Ни одного. Ничего. Почему такое молчание? Ну, в первую очередь, непобедимое пренебрежение к женским курсам и созвучие «сосиски-курсистки». Это по-хамски. Равнодушие и молчание. Так что же получается: о 20.000 слушательниц 1872-1918 гг. сказать можно «суммарно», а даже о 5-6 из них — нельзя? А почему такое «нельзя»? Почему полное молчание полтора столетия окружает и сопровождает графу «кто учился на МВЖК с 1872 по 1918 г.»? Ведь всё уже можно. Так почему же? И в этом отношении Петербургским курсам повезло не больше Московских. Вернемся к вопросу: А кто поступал на МВЖК с 1872 г. по 1918 г.? Это были лучшие абитуриентки, блестяще сдавшие очень трудные экзамены, по большей части из самых культурных и интеллигентных семей Москвы и Петербурга, и — а вот это очень важно отметить — все выпускницы Петербургского и Московского институтов благородных девиц. Кстати, куратором этого Института в Москве был старший сын великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, Александр Александрович Пушкин, к тому времени заслуженный военный в чине генерал-лейтенанта.

В 1917 году ситуация в России изменилась. Выпускницы институтов благородных девиц никак не могли претендовать на достойное внимание историков женского образования в России. Сколько их уехало? Погибло? Сколько их осталось? Как они провели свою последующую

оставшуюся жизнь, если не принадлежали к среде профессиональных революционеров победившей в новой России политической партии? – Кто знает и ведает?!

...Я вспоминаю прекрасные стенды на первом этаже в главном корпусе МГПИ на Пироговке, рядом с деканатом филфака, где мы учились. На этих стендах были развернуты прекрасные фотостраницы летописи Московских высших женских курсов, в частности и с 1872 г. по 1918 г. Имена профессоров там были – В. И. Герье, Ю. В. Готье, Н. И. Стороженко и др. Но имена слушательниц никогда не расшифровывались. Мне запомнились только чудесные благородные чистые лица, изумительно одухотворенные и – возвышенные, так сказать, над суетой житейской. Даже фотографии 1920-х годов резко отличаются от старых фотографий 1872-1918 годов. Многое или всё не так, не то, да и не те. И вспоминаются слова великого шедевра Александра Вертинского:

Ваши пальцы пахнут ладаном,
И в ресницах спит печаль.
Ничего теперь не надо Вам,
Кикого теперь не жаль.

Это – изображение выпускниц Института благородных девиц, они же в дальнейшем – выпускницы (и слушательницы) Московских высших женских курсов. Что было у них впереди? Горькая чужбина, гибель, ужас и унижения, лагеря, ссылки, спецпоселения, возвращение через «100 лет одиночества» в нормальную жизнь. И опять – дальнейшее – молчание...

В.П.: В мае 1872 года министр народного просвещения граф Д. А. Толстой дал согласие на открытие в Москве высших женских курсов как частного учебного заведения и утвердил «Положение о курсах».

1 ноября 1872 года на Волхонке, в здании Первой мужской гимназии (напротив Храма Христа Спасителя), состоялось открытие Московских высших женских курсов (курсы профессора В. И. Герье). Это здание связано с именами А. Н. Островского, С. М. Соловьева, М. Н. Погодина, П. А. Кропоткина, В. П. Сербского, учившихся в здешней гимназии. В мае 1836 года А. С. Пушкин посещал директора гимназии М. А. Окулова. Когда-то это здание принадлежало А. А. Яковлеву, президенту Юстицколлегии, деду А.И. Герцена, в настоящее время его занимает Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Московские курсы имели историко-филологическую направленность, основными предметами считались: русская и всеобщая история, русская и всемирная литература, история цивилизации и история искусств.

В 1872-1873 годах занятия проходили в помещении на Волхонке, в 1873-1876 годах – в помещении Музея прикладных знаний на Пречистенке (д. 32), а в 1877 – 1888 годах – в здании Политехнического музея.

Число слушательниц на курсах было по тем временам довольно высоким: с 1872 по 1885 год оно возросло с 70 до 256 человек.

Лекции на курсах читали известные профессора Московского университета (в Уставе курсов специально оговаривалось, что в качестве преподавателей будут приглашаться преимущественно профессора университета). Среди первых преподавателей были: А. Н. Веселовский (русская литература), П. Г. Виноградов (история средних веков), В. О. Ключевский (русская история), ректор Московского университета В. С. Соловьев (история философии), В. И. Герье (история), Н. И. Стороженко (всеобщая литература), Н. С. Тихонравов (древнерусская литература), Ф. И. Буслаев (история искусств). С 1877 года историю русского языка и древнерусскую литературу преподавал В.Ф. Миллер.

В попечительский комитет курсов входили: Е. К. Станкевич (жена А. В. Станкевича), К. Т. Солдатенков, Е. И. Герье. В 1888 году курсы закрылись. По этому поводу их директор профессор В. И. Герье писал: «Слабоумные люди, заправлявшие в 80-х годах, полагали, что одержали большой успех над революцией, запретив прием девиц на Высшие женские курсы. Но десять лет спустя сами убедились в своей ошибке и стали думать о восстановлении курсов».

Надо заметить в связи с этим, что реформаторский зуд не оставляет чиновников от образования вплоть до наших дней. Страшно представить себе сколько вреда принесла их «деятельность» на ниве народного просвещения отечественному образованию за последние полтора века!

С закрытием Высших женских курсов женское образование в Москве не прекратилось. С 1886 года в Политехническом музее началось чтение «общедоступных лекций» для женщин. В основном лекции читали те же профессора, что работали перед тем на курсах, и проходили они в тех же помещениях. «Общедоступные лекции» продолжались до 1892 года. С того же 1886 года существовали «коллективные уроки», организованные Московским обществом воспитательниц и учительниц, отличавшиеся уклоном в сторону естественных наук. В 1892 году большая часть преподавателей и слушательниц «общедоступных лекций» влилась в «коллективные уроки», проводившиеся до 1900 года, когда были вновь открыты Московские высшие женские курсы.

Срок обучения в 1900 году увеличился до четырех лет. На вновь открытых курсах было два отделения — историко-философское и физико-математическое. Позже историко-философское отделение стало именоваться историко-филологическим, а место отделений заняли факультеты. В дополнение к двум имевшимся в 1906 году был открыт медицинский факультет (ныне Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова), что сделало структуру курсов близкой к структуре классического университета (неслучайно в 1918 году Московские высшие женские курсы были преобразованы во II Московский государственный университет).

В 1905 году Московская городская управа приняла решение о бесплатном предоставлении курсам земельного участка на Девичьем поле. 3 июня 1907 года состоялась закладка зданий учебных корпусов (архитектор С. У. Соловьев) на земельном участке по Малой Царицынской (ныне Малой Пироговской) улице. В 1908 году открываются корпуса физико-химического факультета и анатомического театра (архитектор А. Н. Соколов), а в 1913 году — Аудиторный корпус МВЖК (ныне главный корпус МПГУ).

К 1912 году на курсах работало 227 профессоров, преподавателей, лекторов и ассистентов. За период 1900-1913 годов число курсисток увеличилось с 200 до 7000 человек. Московские высшие женские курсы стали одним из крупнейших вузов Российской империи.

В 1915-1916 учебном году МВЖК было предоставлено право проведения выпускных экзаменов и выдачи дипломов о высшем образовании. К 1918 году курсы насчитывали более 8 тысяч учащихся и по численности уступали только Московскому университету.

В 80-е годы Х1Х века на курсах училась сестра А. П. Чехова Мария Павловна, которая после их окончания 18 лет преподавала историю и географию в частной московской женской гимназии Л. Ф. Ржевской. Выпускницей Высших женских курсов была писательница Зинаида Иванова (Н. Мирович).

В начале 900-х годов закончила курсы Вера Степановна Нечаева, в будущем известная исследовательница творчества Ф. М. Достоевского, автор самой полной научной биографии В. Г. Белинского. В 1907-1914 годах на курсах училась Белла Розенфельд, первая жена Марка Шагала.

* * *

Профессора! Мы не забудем вас,
Куда дороги нас не завели бы!
И хочется сказать в который раз
Простое и сердечное: «Спасибо!»

В. Пыхов

А. З.: Попробуем вспомнить самые яркие страницы этой эпохи, в основном сосредоточившись на преподавании русского языка и русской литературы на филологическом факультете МГПИ в 1967-1972 годах.

Всех наших преподавателей по русскому языку, пожалуй, ни вспомнить, ни запомнить не получится, но чьи-то наиболее яркие и значимые образы наверняка возникнут в нашей памяти уже при первых попытках оглянуться и вспомнить.

Это прежде всего наша замечательная и, не боюсь этого слова, великая преподавательница старославянского языка и исторической грамматики русского языка Лидия Николаевна Шатерникова.

Человек из Серебряного века, который весь прошел, запечатлелся и остался в величественных, поистине антич-

ных залах, аудиториях, кабинетах, коридорах и лестницах — витых, изгибающихся, закрученных, устремленных ввысь. Этот человек, Лидия Николаевна, сама была благой вестью от Господа, ибо несла нам драгоценное и ни с чем не сравнимое знание — знание старославянского языка, того самого церковнославянского языка, языка Библии, на котором совершается богослужение в Русской православной церкви и который является духовной основой нашей великой культуры.

Ее манера строго и безукоризненно держаться, говорить, одеваться и двигаться по аудитории, подчеркивать голосом самые значимые слова и места древних текстов, сам голос ее — тихий и проникновенный, схожий с шелестом старинных рукописей — всё это буквально останавливало, приковывало наше внимание к ее прекрасным лекциям.

Лидия Николаевна Шатерникова. Из древнего дворянского рода. Коренная интеллигентная москвичка. Сейчас ее голос, ее манеры, ее движения, ее удивительный мудрый взгляд на жизнь — всё это растворено в немолчном гуле и гудении сороковой аудитории, куда влился всечеловеческий поток людей 1913 и других годов... Отдельные старославянские тексты, а это — тексты Евангелия, до сих пор застыли в нашем сознании удивительными речениями прошлой жизни. Например, «они же реша»... Кто и что «реша»? Какие это «они же»? Где застали их эти евангельские строки? Какие мысли у самой Лидии Николаевны вызывали они?

Но пойдем дальше. Отклонимся несколько от древних стадий русского языка и перейдем к современности. Необыкновенно логичные, яркие, стройные лекции по современному русскому языку читала нам, по-моему, и доктор филологических наук профессор Маргарита Алексеевна Теленкова. Она запомнилась безупречной, элегантной, рафинированной современной светской дамой, обворожительной леди академического стиля, словно рожденной, как Афродита из пены морской, из высокого филологического дискурса. Лекции ее записывались от слова до слова, от звонка до звонка, от одной филологической сентенции, теоремы, аксиомы, тезы до другой. Выпасть из этого круга мыслей было ужасно, невозможно, безумно опасно. Студенты рисковали полностью утратить логическую нить безмерно рационального повествования. И когда звучал звонок, казалось, всё, что надо было сказать, сказано до микрона точно, доказательно, исчерпывающе и по существу.

...Шатерникова и Теленкова... Две эпохи филологических лекций. Они остались в сознании тех, кто их слушал, так, будто и сегодня еще — только открой дверь в замечательную девятую аудиторию рядом — и ты увидишь эту удивительную знакомую фигуру мудрой и тихой Лидии Николаевны и — эту величественную и прекрасную — профессора М. А. Теленковой... Боже, как много лет прошло с тех пор!

Но перейдем к русской литературе. Вот наш любимый преподаватель древнерусской литературы профессор Николай Иванович Прокофьев. Его глуховатый, тихий голос, его небыстрые жесты, его чтение выразительных отрывков из разных авторов и текстов древнерусской литературы...

...Это был настоящий подвижник. Не только крупнейший знаток древнерусской литературы, но и знаток древнерусского искусства, ежегодно отправлявшийся со студентами в экспедиции к различным памятникам древнерусского искусства...

...Храмы, монастыри, фрески, иконы... Этого было так много... И Николай Иванович так спешил передать студентам весь свой научный багаж, поделиться с ними своим глубоким постижением философии, этики и эстетики Древней Руси... И эти усилия были не напрасны. Каждый раз студенты возвращались из этих поездок с целым сонмом впечатлений и размышлений, становились ближе к пониманию глубоких смыслов древнерусской культуры от прикосновения к ней...

В. П.: Николай Иванович Прокофьев... Его аскетичная, слегка сутуловатая, облаченная, как правило, в черный костюм фигура и его худощавое лицо с большим крючковатым носом, напоминавшим клюв хищной птицы, делали его похожим на древнерусского летописца, всё знающего и бесстрастно всё фиксирующего в своей памяти. Но когда он начинал говорить о древнерусской литературе, в его глазах загорался добрый огонек, похо-

жий на мягкий свет теплящейся перед Святым Образом лампадки. Он говорил возвышенно, вдохновенно и восторженно. Перед нами представали, как живые, образы героев древнерусской литературы: от лирических, героических, трагических величайшего творения «Слово о полку Игореве» до мятущегося и бунтующего протопопа Аввакума.

Когда Николай Иванович защищал докторскую диссертацию, то один из оппонентов упрекнул его в том, что он не всегда строго выдерживает научный стиль. На что Николай Иванович ответил с виноватой улыбкой, что он так беззаветно любит древнерусскую литературу, что ему стоит больших усилий скрывать его эмоционально-восторженное отношение к ней.

Этой любовью к древнерусской литературе Николай Иванович делился и на фронте, куда он попал молодым аспирантом. Как он говорил нам, студентам, в перерывах между боями, в краткие минуты затишья он рассказывал юным и не очень защитникам Отечества о древнерусских воинах, героях древнерусской литературы, пробуждая в слушателях генетическую память, вселяя в них уверенность в том, что они, как и их далекие предки, одолеют врага, каким бы сильным и непобедимым он ни казался.

БАЙКОНУР

ИЮНЬ 2022

Николай КАЛИНИЧЕНКО: *«Докладываю. Транспортный корабль «Прогресс МС-20» доставил на Международную космическую станцию наши маленькие подарки с символикой фестиваля «Звёзды над Донбасом» и самую маленькую в мире литгазету «МОЛ»*

БАЙКОНУР

Солнце восходит, плавится солончак,
Тень отмечает царственный бег верблюда,
В городе мёртвых из жёлтого кирпича
Несотворённое время лежит под спудом.
Вечность шлифует старый, сухой хитин,
Спят аммониты, тени пучин вчерашних,
В нашем активе десять часов пути,
А впереди — гимн паутинных башен.
Это пульсирует жила чужой мечты
В тяжком бетоне, в стоне стальных юдолей,
Властно вплетая в медный напев пустынь,
Музыку космоса, тон непокорной воли.
Храм Человека... разве такому быть?
Разве способна сумма земных усилий,

Точно охотник зверя, копьём пронзить
Купол небес бескомпромиссно синий?
В тень отступая, пятится каракурт,
Цифры отсчёта выпуклы и шершавы,
Вечность вцепляется сотнями барракуд,
И не даёт больше ступить ни шагу...
Но прозвучит веское слово «Пуск!»
В нужный момент, вторя приборам точным,
В теле ракеты ровный родится пульс.
Это Земля сдвинулась с мёртвой точки!
Это страна, что создаётся днесь
В пламени стартовом плавит свои оковы.
Время пошло! Значит, надежда есть!
Время пошло! Стало быть, есть стыковка!

Фалена ЛЫСАКОВА, Анна ДЕРБЕНЁВА,
секция «Драмматика»

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ НА БАЙКОНУРЕ, или КОСМОС НАШ!

«Космос, берегись...» зачеркнуто, «Космос наш!» — с таким лозунгом делегация Союза литераторов России отправилась в далекие и жаркие казахстанские степи, на космодром Байконур, чтобы наблюдать за пуском ракеты-носителя (РКН) «Союз-2.1а» с транспортным грузовым кораблем «Прогресс МС-20». Грузовик доставил на борт Международной космической станции символику фестиваля фантастики «Звезды над Донбассом» и Союза литераторов России.

В состав делегации вошли: председатель Союза литераторов Николай Калиниченко, бессменный руководитель секции «Драмматика» Сергей Чекмаев, самый большой писатель Иван Наумов, мастер кинодраматургии Алексей Гравицкий, талантливая во всех смыслах Анна Дербенёва, хорошо известный читателям Сергей Волков и закаленная обстрелами донецкая писательница Фалена Лысакова.

Экскурсионная программа просто лопалась от поездок и мероприятий: здесь и наблюдение за вывозом (на местном сленге — «вертикализацией»), а позже — пуском РКН, и посещение музеев, стартовых площадок, памятников... в общем, огромное число знаковых для российской космонавтики мест. И все это — меньше чем за неделю, потому что космическая одиссея неунывающих литераторов продлилась с 30 мая по 4 июня.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ (31 МАЯ)

Казахстан встретил нас бескрайней бледно-желтой пустыней, необъятным синим небом и свободно пасущимися стадами коров, лошадей и верблюдов. Последние стоят по 120 тысяч рублей за голову, поэтому давить их категорически не рекомендуется. Впрочем, мы и не пытались.

Солнце палило так, что можно было растечься лужицей прямо на песке, но суровые климатические условия не помешали литераторам пережить 12 часов дороги в маленьком автобусе и добраться до гостиницы слегка помятыми, но непобежденными и полными энтузиазма.

Так толком и не поспав, ранним-ранним утром сонная делегация отправилась из города Байконур на космодром Байконур, куда можно попасть только по заранее согласованным спискам через пункты сурового досмотра. После тщательной проверки документов и вещей нас все же пропустили, и мы смогли наконец выдохнуть. Теперь — вперед, к ракете!

Каким же волнительным было ожидание вывоза! Обливаясь потом, зрители толпились возле ограждения на площадке 31 и то и дело прикладывались к бутылкам с водой.

И вот открылись огромные ворота ангара, и в них показались красные сопла РКН. Тепловоз потащил ракету по рельсам в сторону пускового стола, а вместе с ней на свет появилась и долгожданная надпись «Донбасс», под которой красовались флаги ДНР и ЛНР.

Далее делегация передислоцировалась на стартовый комплекс «Восток», где нашим глазам предстало не менее захватывающее зрелище — вертикализация РКН. Правда, зрелище оказалось долгим, и к тому моменту, как ракета встала вертикально, некоторые из наблюдателей чуть не свалились с тепловым ударом. Но литераторы — стойкие ребята, поэтому сумели продержаться до конца и запечатлеть процесс на фото и видео.

Опаленные солнцем и переполненные эмоциями, мы поехали дальше на другие объекты... однако веселье закончилось почти сразу же, за первым поворотом дороги, где нас остановила доблестная служба ДПС и условно арестовала из-за каких-то проблем с машиной. А вместе с нашим минивэном — еще четыре, включая огромный туристический автобус со школьниками. Два часа на солнцепеке при температуре +36 подарили всем гостям Байконура массу «ярких» впечатлений, включая обмороки от перегрева среди детей. Куда же приличным деятелям искусства и без приключений на пятую точку?

Когда мы уже почти превратились в размякшие пельмешки, над нами наконец сжалились и отпустили. И в таком нежизнеспособном состоянии делегация, не желая потерять ни единой минуты впустую, отправилась к командному пункту пуска РН «Энергия» (площадка 112). Внутри бункера царила вожделенная прохлада, все снова ожили и принялись как малые дети тыкать по кнопочкам неработающих аппаратов и изображать из себя операторов, попутно слушая интересную информацию об истории космодрома, подготовке и пуске ракет — в общем, повседневной рутине специалистов «Энергии», ЦЭНКИ и Роскосмоса.

Последним пунктом сверхнасыщенного первого дня стало посещение «мира Безумного Макса» — то есть, площадки 110, на которой расположен ангар монтажно-испытательного комплекса и транспортно-установочный агрегат сверхтяжелой ракеты «Энергия». Живописные ржавые махины, словно погибшие титаны, заслоняют собой полнеба, но... давным-давно заброшены. Конечно же, взрослые дядечки и тетечки литераторы тут же насобирали под ногами кучу болтиков и прочих осколков прошлого.

Ни один действующий космический аппарат не пострадал.

Завершилось путешествие беглым осмотром скалы-сфинкса и ощущением того, что мы пробыли здесь уже по меньшей мере неделю, а никак не один день.

ДЕНЬ ВТОРОЙ (1 ИЮНЯ)

Начался день с посещения Музея истории космодрома Байконур. Музей небольшой, но буквально набитый под завязку интереснейшими экспонатами. Милая девушка-гид рассказала делегации об истории возникновения города из рабочего поселка Заря, о проектировании ракет, о первых пусках и первых космонавтах. Среди экспонатов — модели спутников и ракет, детали настоящих космических аппаратов, скафандры, филателистическая продукция и многое другое. Авторы иллюстрированной «Азбуки Донбасса» Сергей Волков и Фалена Лысакова подарили экземпляр в фонд музея. А председатель Союза литераторов России Николай Калиниченко подарил музею ежегодный альманах Союза литераторов «Словесность» и сборник стихотворений «Созвездие Кита», выпущенный секцией «Кашалот».

Далее литераторы отправились на площадку 1, где расположен «Гагаринский старт» — да-да, тот самый! Надписи «опасная зона» и марсианские пейзажи рождали в воображении немыслимые картины — просто не верилось, что мы все еще тут, на нашей родной планете. Мы спустились в сильно заглубленный бункер командного пункта (сооружение 1003), где смогли понаблюдать в перископы за ракетным стартом. От игры с перископами уважаемых литераторов оторвать не так-то просто, а ведь серьезные люди! Ну, иногда...

Далее по плану — Музей космодрома Байконур (площадка 2). В целом, экспозиции мало чем отличались от тех, что мы видели в городском музее. Но были и оригинальные экспонаты: особенно запомнились часть обшивки ракеты Гагарина и гигантскую панораму всего космодрома Байконур.

Однако самый писк восторга у нашей делегации вызвало изделие 0.04 — полномасштабный электрозаправочный макет орбитального корабля «Буран», который с 1983 г. использовали для габаритных и весовых примерочных испытаний, а потом передали в музей. Мы тут же полезли внутрь корабля и даже посидели в кабине управления, где вовсю крутили рычаги и изображали из себя крутых пилотов. Экскурсоводы рассказали, что у гостей космодрома существует примета: если хочешь вернуть-

ся на Байконур, надо обязательно закинуть монетку на крыло «Бурана». Но, увы, из-за хитрого аэродинамического профиля и спецпокрытия они там не держатся и скатываются на землю. Еще никому не удавалось закинуть монетку правильно. Литераторы пожали плечами: «тю, плевая задачка» и ВСЕ оставили по монете на крыле, а некоторые — даже по две, изрядно пополнив бюджет музея.

А закончился столь насыщенный день посещением мемориальных домиков С. П. Королева и Ю. А. Гагарина, где мы пообнимались с балкой, за которую по традиции перед полетом держатся космонавты.

На обратном пути, уже вечером, нам провели обзорную экскурсию по городу. Делегация запечатлела на память, пожалуй, все памятники-ракеты и самолеты, опустошила сувенирные магазины и, конечно, сделала фото на память под легендарной стелой «Невесомость», прозванной местными острословами «Рыбаком».

ДЕНЬ ТРЕТИЙ (2 ИЮНЯ)

Новый день литераторов начался со знакомого КПП, где нас уже стали узнавать.

Пройдя привычно строгую, но необходимую проверку, делегация отправилась в Центр испытаний номер два, на площадку 200. Самоходные инженерные коммуникации стартового комплекса «Протон» внушительно высились еще издалека, но вблизи поразили творческую публику до глубины души своими габаритами. Могучий ракетный комплекс «Протон» выводит на опорную орбиту полезную нагрузку массой до двадцати двух тонн, а на геостационарную — до трех с половиной тонн полезного груза. При этом он настолько суров, что в процессе старта ракеты в полутора километрах почтительно дрожат автобусы, а «рокот космодрома» ощущается в полной мере.

Огромные инженерные сооружения, интересная конструкция стартового стола и опыт начальника стартового комплекса впечатлили по самое не могу. Руководитель рассказал об интересной, опасной и важной работе на площадке в любых погодных условиях. Климат в Казахстане резко континентальный, и зимой при минусовых температурах и сильнейшем ветре на монтажниках иногда... просто ломается верхняя одежда. Что ни в коей мере не тормозит высотные работы и подготовку ракеты к пуску.

Проникшись мощью научной мысли и крепости человеческого духа, писатели долго ехали по дороге среди широкой казахстанской степи. В конце концов даже прогулялись там, сделав массу фотографий местной флоры, и отчасти фауны — в виде сусликов и ящериц. Жара и степь не угомонили творческого настроя, так на свет и родился групповой косплей бессмертного фильма «Кин-дза-дза».

Затем литераторы посетили мемориальную площадку — стартовый комплекс Р-16, так называемый Неделинский старт. 24 октября 1960 года в пламени взрыва горючего здесь погибли до 92 человек, включая первого главнокомандующего РВСН СССР маршала Митрофана Ивановича Неделина. Позже еще четверо ракетчиков скончались в больницах от ожогов и ран.

А три года спустя, при работе с ракетой шахтного пуска на другой площадке погибли еще восемь человек. Поэтому 24 октября — «черный» день космонавтики. День памяти и скорби, когда с Байконура не стартуют ракеты.

Невероятно насыщенное второе июня завершилось визитом в Международную космическую школу им. В.Н. Челомея – настоящий космический лицей. Преподаватели провели крайне интересную экскурсию по учебному заведению, показали оснащение космических кораблей, летные скафандры, новейшие технические достижения, а также продемонстрировали немалое количество кубков и наград своих воспитанников, полученных на престижных международных соревнованиях по ракетостроению.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ (3 ИЮНЯ)

Главный день!

Литераторы собирались в дорогу, не веря своему счастью, ведь сегодня – ПУСК!

Погода стояла ясная, орлы бдительно следили за ракетой сверху, а степные суслики несли наземный дозор.

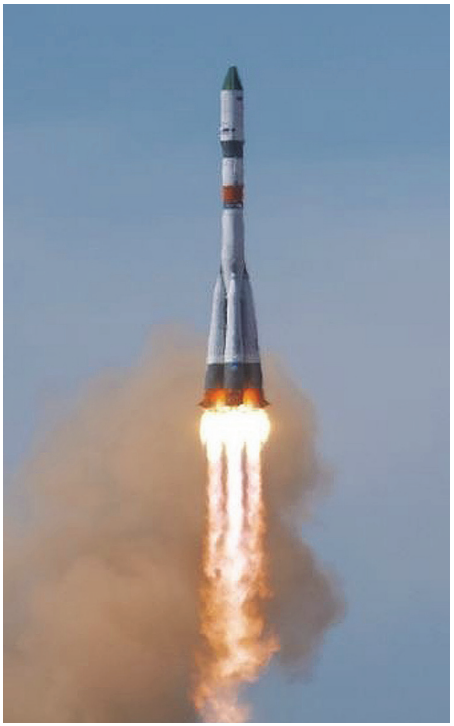
Туристы, космонавты и ваши непокорные литераторы с волнением заняли места на обзорной площадке. Весьма кстати там были установлены шатры с едой и прохладительными напитками, но куда важнее казалось отыскать лучший ракурс для съемок стартового комплекса. Палящее солнце в этот день никого не останавливало.

Удивительное чувство – помнить, как пару дней назад эту самую ракету установили на стартовый стол, и вот спустя считанные минуты она отправится в космос.

Разошлись в стороны ажурные зеленые фермы, заклубился цветной столб дыма, и ровно в четырнадцать тридцать две и ни секундой позже РКН «Союз 2.1а» устремился вверх на столбе пламени. Незабываемое зрелище! Ракета стремительно поднималась под восторженные возгласы, и скоро оставила после себя только белое облако в чистом голубом небе.

А всего несколько часов спустя транспортный корабль «Прогресс МС-20» успешно пристыковался к Международной космической станции, где его уже ждали космонавты. И привез на орбиту в том числе и наши маленькие подарки с символикой фестиваля «Звезды над Донбассом» и Союза литераторов РФ – самую маленькую в мире литературную газету «МОЛ» (5 на 10 см)!

Союз литераторов России благодарит пресс-службу Роскосмоса, Владислава Леонтьева и Дмитрия Белкина за возможность присутствовать на подобном событии, АО «ЦЭНКИ», Марину Аверьянову и нашего бессменного гида – Татьяну Ланскую за всестороннюю помощь и сопровождение в городе Байконур и на территории космодрома. Искренне надеемся на дальнейшее сотрудничество! КОСМОС НАШ!

ГЕОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Архангельск — Симферополь — Омск

Архангельск *расположен в устье Северной Двины, в 30-35 километрах от впадения её в Белое море. Основан по указу Ивана Грозного в 1584 году вблизи Михаило-Архангельского монастыря. «Сколько было экспедиций в Арктику за последнее столетие, сколько славных имён, кораблей, самолетов, сколько сделано открытий, сколько раз мир с восторгом и трепетом следил за русскими, а потом и за советскими подвигами в Арктике! Все эти подвиги начинались, подготовлялись в Архангельске, все экспедиции выходили из Архангельска. Где теперь найти ладьи, на которых русские поморы еще лет шестьсот назад хаживали туда, куда Макар телят не гонял?.. А сколько зимовок — и где! — прожили наши мужики во тьме и хладе! Значит, не лаптем щи хлебали, значит, герои были, а и были-то их движителями холодный ветер, да Никола-угодник, да дерзость и пытливый ум. ...Нет! Не ездите вы на Север, не губите себя! Всю жизнь тогда не будет он давать вам покоя, всю жизнь будет то слабо, то звонко манить к себе, всю жизнь будет видеться вам просторный город — преддверие неисчислимых дорог. Эх! Маху дал наш Петр Великий — не на Неве ему строить было свой парадиз, на Двине!».* ***(Юрий Казаков «Четыре времени года «Ода Архангельску»)***

Иерей Рустик ЛУЖИНСКИЙ, *пос. Октябрьский Архангельской области — обучался на Высших Богословских Курсах при МДА, на бакалавриате, в магистратуре кафедры Филологии отделения Русской Духовной Словесности, участвовал в восстановлении монастыря (Христофоровой пустыни Архангельской обл.). В настоящее время автор проживает в Котласской и Вельской епархии (пос. Октябрьский). Член Архангельского областного отделения Союза литераторов России.*

ДВА ДНЯ

(Рассказ для тех, кто не верит в загробную жизнь. Городское фэнтези)

Чаю воскресения мёртвых, и жизни будущаго века.
(Никейский Символ веры).

Святых Ангел священным и честным рукам преложимя, Владычице, яко да тех крилы покрывся, не вижу бесчестнаго и смраднаго и мрачнаго бесов образа.
(Канон на исход души. Песнь 6. Душа после смерти: Глава 10. Краткое изложение Православного учения о посмертной судьбе души).

Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего.
(Иоан. 15:11—14.)

Ржавая «копейка», разогнавшись, ехала по проспекту с предельной для неё скоростью. Она пыталась проехать светофор на зелёный, но «влетела» на него лишь на мигающий жёлтый, а в это время слева уже «подлетал» красный Фольцваген, послышался скрежет железа и визг шин об асфальт, а потом наступила тишина и полная темнота. Лёня, молодой мужчина, около тридцати лет, довольно красивый, с военной выправкой, с серыми,

весёлыми глазами и острым носом, – даже не успел испугаться, как уже острый «нос» иномарки промял его водительскую дверь. И в последний миг, перед темнотой, его взгляд остановился – на глазах девушки из встречной машины. Он прошептал:

– Это она! – и всё потемнело!

Вмиг пролетели кадры из всей его жизни: детство в родном городе, мама, сестра, армия, год в Чечне, смерти противника на войне. Придя в себя, он увидел рядом с собой её, – ту, которую он искал всю свою жизнь! Это была невысокого роста девушка лет двадцати пяти, с русыми волосами и задумчивыми, но очень «живыми» глазами карего цвета. Когда встречают подобного «живого» человека, невольно думают о нем, – «ему не всё равно, что происходит вокруг!»

Девушка взяла его за руку и с лёгкостью вытянула его из искорёженного металла. Она опомнилась раньше него и уже показывала ему рукой на его ноги. Лёня посмотрел и обомлел, – они не касались земли!

– Мы умерли!!! – сказала уверенно девушка, показывая на искорёженные машины.

Лёне стало не по себе, и он облокотился на машину, но тут же упал, не найдя опоры. И как только их руки расстались, к Лёне моментально скользнули, приблизившись, две отвратительные тени. Они так сильно опутали его руки, что он не мог пошевелится. «Тени» с невероятным упорством стали тащить пленника в сторону семиэтажной больницы. Девушка бросилась к нему и как только схватила парня, тени с визгом отступили за угол аптеки, – ошеломлённые от такой наглости и напора. Спасительница энергично подхватила обомлевшего от страха парня, и они побежали, – куда глаза глядят, – мимо столпившихся людей, растерявшихся на минуту «теней» и огромной пробки на перекрёстке дороги. Уже темнело, и в уютном городе стали зажигаться огни: белые, жёлтые, слегка розоватые, они так и манили к себе своим мягким и домашним светом. Забежав в первый попавшийся магазинчик, беглецы нырнули под прилавок и затаились в кладовке.

– Убежали! – выдохнула девушка.

Но тут в коробках что-то зашуршало, и Лёня инстинктивно прижал девушку к себе, пытаясь защитить её от опасности. Но на кучу коробок с макаронами вылезла, чуть пошатываясь, большая серая крыса, шевеля при этом своими длинными усами.

– Тьфу! – плюнул на неё Лёня. И с досадой добавил, пробормотав:

– Я никогда больше не буду покупать здесь продукты!

И эта мысль так и застыла у него в разгорячённой голове! «Какие продукты?! Зачем они мне сейчас?! Кто мы?! Что с нами случилось?!» – мелькали, как искры, мысли у него в голове одна за другой, но ответов на них не было. Ещё сильнее, чем прежде, прижавшись к друг другу, сидели две испуганные души в кладовке. Они тяготились настоящим и с ещё большей боязнью они не хотели заглянуть в пугающее и давящее их будущее.

«Да и есть ли оно!» – мелькало в их головах.

Через некоторое время мысли немного улеглись, – вытолкнув на «первый план» самые важные и насущные. Лёня понял, что рядом с ним сидит та, которую он так долго искал, не находя покоя ни днём ни ночью. Только сейчас он почувствовал, как приятно пахнут её волосы и как она красива.

«Как чудесны её глаза!» – подумал он. И его охватил страх, – ведь их в любой момент могут разлучить!

– «Почему я не встретил тебя раньше!?» – хотел сказать Лёня, но понял, что в этом нет необходимости, – они понимали друг друга без слов.

– Как тебя зовут?

– Катя.

– Красивое имя, и оно, тебе очень подходит. Катя! Расскажи о себе, почему же мы так неудачно столкнулись на перекрёстке?

– У меня богатые родители, но им дела нет до меня, – только деньги на уме! Я дружила с одним парнем, а он меня заразил и бросил, а родители, узнав, лишь посмеялись надо мной. Я у отца машину взяла и поехала... Я так рада, что встретила тебя, хоть и при таких жутких обстоятельствах. Только не отпускай мою руку, я думаю, они снова вернутся, – эти отвратительно страшные тени!

— Почему они хотели утащить только меня? Ты, наверное, Ангел? — спросил Лёня, пристально посмотрев в её глаза.
— Не думаю, — прошептала Катя, засмущавшись.
«Это из-за Чечни, — подумал Лёня, — сколько крови пролито!» Он посмотрел на себя и с ужасом заметил, что чем дальше он находится от Кати, тем он становится темнее и отчётливее, а когда он приближался вплотную его почти не было видно. «Не смыть мне эту кровь! — вертелось у него в голове, — стольких пришлось убивать, чтобы выжить. А после службы, комбат «боевые» деньги не отдал...»
В эту минуту пол задрожал, как будто проехал поезд в метро под ними. Они переглянулись.
— Интересно!!! — вскричала Катя.
— Не то слово!!! А мне это начинает нравиться, у нас, в нашем Котласе, и метро! Вот бы прокатиться!
— Лёня, нам надо что-то делать! Я вспомнила, как бабушка мне рассказывала, что, когда души выходят из своего тела, то лишь два дня могут находится на земле.
— А потом? — перебил Лёня.
— Потом мытарства — и полная неизвестность!
— Что такое мытарства?
— Я точно не помню, что-то вроде прохождения через таможню.
— Всего два дня! — с грустью прошептал Лёня, нежно прижимаясь к Катиному плечу. — Нам нужно добраться до «Городской библиотеки», может, там найдутся ответы на наши вопросы.
Перебегая от подъезда к подъезду, обходя фонари, они добрались до библиотеки. «Невидимые читатели» — с разгона ворвались прямо к полкам книг и стали там «резвится», как дети в песочнице. «Купаясь» в буквах и знаках, они стали «читать» новую для себя информацию, просачиваясь сквозь страницы и обложки старых и пыльных книг.
— Весело! — не переставала удивляться Катя.
— Только пыли очень много и чихать хочется, и чихается, — ответил, развеселившись, Лёня, закрывая и морща по привычке свой нос от пыли.
Всю ночь они «прыгали» по полкам, ища своё спасение. «Прочитав» не одну сотню книг, они зацепились на трёх: «Библии», «Жизнь после смерти» и очень потрёпанной дореволюционной книге со случаями на поле боя. В последней книге был записан рассказ смертельно раненого солдата в предсмертном бреду: «В бою души убитых... одни сидели у своих тел, а других, некрещёных, сразу кто-то тёмный и страшный утаскивал», — читали они.
— Я же некрещёный! — вскрикнул вдруг Лёня, от волнения изрядно побледнев.
На старой потрёпанной бумаге они с трудом смогли дочитать последние слова умирающего солдата: «Иерусалим... древний Храм, там живёт мученик Уар, некоторые некрещеные души успели туда добежать....»
— Что там дальше написано? — спросил Лёня.
— Совсем ничего не понятно, — отозвалась Катя, — листы порваны».
— Может, и мне попробовать, — с надеждой воскликнул Лёня.
— До Иерусалима слишком далеко, — возразила Катя, — я думаю, ещё и вернуться сюда зачем-то надо будет.
— Мы же души, надо просто найти способ перемещения, — произнёс Лёня мысли вслух, — я кое-что придумал!!!
И он с уверенностью потащил Катю за руку.
— Куда мы?
— К телевышке! Вспомни физику!
Добравшись до территории телевизионщиков, они увидели «охрану теней». «Теней» было так много, что они ходили вдоль забора по двое и четверо, при этом они смеялись и кривлялись, рассказывая друг другу похабные анекдоты. Катя испуганно прижалась к Лёне, и их не успели заметить.
— Леня, а ты был прав, это то место... Так просто они бы здесь не стояли... Не мы одни, видно, пытаемся туда попасть.
— Я придумал! Пошли к главному входу, чтобы войти, мы спрячемся в каких-нибудь вещах, когда люди будут заходить на объект.
Ждать долго не пришлось. Приехал на «Ниве» полный мужичок и направился в здание телевышки с большим

чемоданом. Вынырнув из кустов, беглецы, без труда поместились в ручную кладь сотрудника телевышки и моментально проникли в желаемое ими место. Попав на территорию, они полезли по телевышке с такой лёгкостью, что им бы позавидовал любой даже самый гибкий гимнаст. Добравшись до передающей антенны, они остановились.

— Ты готова?!

— Да!

— Поехали! — с иронией сказал Лёня, обхватив покрепче свою спутницу.

Они прыгнули с диска передающей антенны в волны эфира, и их моментально перебросило в другой город.

— Лучше американских горок раз в двадцать, наверно!

— Да в сто раз лучше, — ответила Катя, болтая ногами сидя на «Останкинской башне» и рассматривая достопримечательности столицы.

— Время не ждёт, — торопила Катя, с трудом отрывая Лёню от живописного вида Москвы.

Так из города в город по волнам эфира стали они добираться к своей цели, а безжалостное время неумолимо бежало, опережая их на один шаг!

А вот и Иерусалим — старинный город, обросший древними притчами и легендами. Город встретил их ласковым, солнечным, поздним утром с веселым щебетанием птиц, и у молодой влюблённой пары появилась надежда... С большим трудом и лишь ближе к обеду они нашли древний Храм «Мученика Уара».

— Но что же мы всё же ищем?! — устало спросила Катя.

— Я думаю, нам сюда! — сказал её спутник, судя по внетелесному паломничеству и показывая на вход в подвал.

— А почему вокруг Храма нет «нашей зловещей охраны»?

— Я не знаю! Да, это странно, они были везде на нашем пути, а тут никого! Не затишье ли это — перед бурей?! Как ты думаешь?

Спустившись, они пошли к центру подземного Храма, — туда вел узкий коридор, покрытый слоем копоти.

— Вы меня ищите? — послышался голос из темноты, и к ним вышел молодой, довольно высокий человек в древнем воинском облачении, которое состояло из воинской одежды, доспехов царского изготовления, а его ноги с мозолями на коленях были обуты в кожаные сандалии коричневого цвета.

— Вы человек!? И нас видите? — хором спросили удивлённые путешественники.

— Я уже не обычный человек, а Небесный воин Христов, и Бог дал мне послушание вымаливать некрещёные души из пасти ада.

Удаётся помочь немногим, мало кто сюда добирается, да и не в этом, собственно, дело, чтоб сюда добраться, ведь молиться за вас я мог бы и на расстоянии, да вот вы же молитв не просите и не знаете обо мне, вот и приходится ждать здесь тех, кто при жизни не успел на путь Божий встать. Хорошо, что хоть сами пришли, видно, кто-то за вас дома сильно молится. Становитесь на колени, — будем вас вымаливать у Творца, посмотрим, что скажет про вас Господь!

Все трое опустились на колени на пол полутёмного Византийского Храма и стали молится. Никогда до этих путешественников не приходилось так долго молится и делать столько поклонов. Из глаз Святого лились слёзы, и в тишине Храма только и слышались его прошения к Богу о помиловании Леонида и Екатерины.

На удивление, из «глаз» молящихся ребят тоже потекли слёзы, они стекали ручьями из их «глаз» и скапливались на полу. Когда же, через несколько часов, послышался голос их Святого благодетеля о том, что ответ от Бога уже есть и что пора вставать с колен, то на месте их коленопреклонений была большая лужа слёз!

— Окончательный ответ о вашей вечной участи, — сказал мученик Уар, — даст Сам Господь Бог на Страшном Суде, а до этого Он призывает вас на Частный Свой суд, который совершится на сороковой день после вашей смерти. А до этого вам надо ещё пройти мытарства, а также вам покажут адские муки и райские обители.

Поспешите же скорей, у вас совсем мало времени, на третий день начнутся мытарства, а вы ещё не готовы к ним. У вас осталось двенадцать часов, к следующему утру вы должны уже быть в поезде «Небесном экспрессе», который отъедет от вашего места аварии. Но прежде загляните на обратном пути в Грозный. Там вы сможете

подготовиться к мытарствам. Леонид, ты понимаешь зачем тебе туда нужно?
— К Василию?!
— Да! Отнеси этот бурдюк, там твои слёзы покаяния, пролитые тобою на пол этого Храма, это великая драгоценность — полей их на его могилу. Если не успеете вовремя вернуться на место происшествия, то будете забраны на мытарства совсем не готовыми. Спешите же!
Схватив бурдюк, они побежали к выходу. Но кожаный мешок оказался очень тяжёлым, несмотря на свой маленький размер не более пол литра, так что беглецы с трудом передвигали ноги неся его вдвоём.
— Кто этот Василий?!» — спросила Катя, держа кожаный мешок за одну из лямок.
— Это мой лучший друг, вместе воевали, а потом поссорились из-за денег... Он погиб в горах, попал в засаду..., а меня рядом не было... Мы так и не помирились...
И Лёня заплакал, да так сильно, что и Катя не удержалась и тоже стала всхлипывать, — из «глаз» полилось словно солёное озеро, которому не было конца и края. Их слёзы ручейками вытекали из их заплаканных «глаз» и падали на их тяжёлую ношу, которая с каждой слезинкой становилась всё легче и легче. Придя в себя, они устремились в свой «последний путь», ведущий в Вечность, но вот в какую Вечность, — с Богом или с дьяволом, они не знали. Вся их жизнь мелькала у них перед глазами, ничего не оставалось скрытым, ни одна, даже самая маленькая мысль не могла спрятаться в уголке их сознания, все всплывало и выплескивалось наружу, — осуждая их и уменьшая этим их шанс на спасение.
А в это время Святой мученик Уар, не вставая с колен, умолял Творца Вселенной помиловать эти молодые и неопытные души.
— Господи, — взывал он, — прости их, ибо не ведали, что творили. Хоть и покаяние после смерти невозможно, но посмотри, сколько за них молится на земле людей и на Небе святых, и если бы они были великими грешниками, то разве столько людей пеклось бы о них. Вот, за Леонида молится дедушка священник у Твоего Престола на Небе, а, вот, на земле тётя Екатерины не выходит из Храма уже вторые сутки. Смилуйся и прости их, ведь Ты Сам дал мне это послушание, так не откажи мне и сейчас, прошу Тебя, Милостивый Господь. Ведь за всё время моего послушания на этом поприще я ни разу не видел, чтоб души плакали! Что это Господи?! Разве не Твой это знак милости к ним?! Я отдал им их слёзы, — их единственную драгоценность и послал их на могилу Василия, верю, Господи, что Ты не оставишь их без милости и простишь их земное неведение Тебя, Творца Неба и земли.
Святой ещё долго молился, а в это время беглецы уже подбирались к главной телевышке Иерусалима. Три раза им пришлось делать остановки на телевышках крупных городов пока они не добрались до Грозного. Город был уже наполовину восстановлен после боёв второй чеченской компании, и Лёня с большим трудом смог найти могилу своего лучшего друга. Могила оказалась на удивление ухоженной, как и другие могилы рядом. На памятнике было написано: Старший сержант Редькин Василий Егорович. 1970—1999 г. «Честь и Слава Русскому солдату от благодарных жителей Грозного за спасение от бандитов».
— «Значит, не только убийства мы принесли на эту землю», — подумал бывший солдат Российской армии, сержант Комаров Леонид Маркович, — опускаясь на колени перед могилой боевого друга. В этот момент вспомнилось всё.... Он не смог больше держивать себя и долго рыдал на могиле. Ему даже не понадобились те слёзы, которые они несли с таким трудом, из его глаз в тот момент вылилось намного больше горьких и одновременно горячих слёз. Ещё долго не мог Лёня отойти от могилы друга, но потихоньку он начал приходить в себя, чувства его успокоились, и он, как во сне, услышал слова своей спутницы:
— Возьмём эти слёзы в бурдюке с собой на мытарства, вдруг они нам помогут, а то нам откупаться нечем будет, я вообще не помню, чтобы в жизни сделала что-то доброе, а там, по рассказам бабушки, «охрана» серьёзная, и они просто так никого не пропустят.
Проходящая мытарства душа обязательно соблазнится «своей» страстью и будет увлечена бесами к тому, чего она любила в своей жизни больше чем Бога.
— Попробуем взять с собой, — согласился Лёня, вставая с колен и по привычке отряхиваясь. С «лёгкой душой»

они тронулись в путь, устремясь к телевышке, которая находилась на ближайшей сопке, т. к. времени
оставалось совсем мало. Сделав семь остановок в больших городах, они снова очутились в своём родном городе. Они слезли с Котласской телевышки и отправились к месту своей аварии. Уже смеркалось. Прежняя «охрана» их больше не беспокоила, что-то сильно изменилось с тех пор, как они были здесь, во всём, даже в воздухе чувствовалась свежесть и новизна, и на душе уже не было так тоскливо и одиноко, как раньше на «земле».

— А о каком поезде говорил мученик Уар? — задумчиво произнес Лёня.

— Помнишь «метро» под магазином, которое мы слышали после аварии!?

— Точно, но где же станция?

— Я думаю, под Городской больницей, где-нибудь рядом с моргом, наверное, она ведь как раз через дорогу от того аварийного перекрёстка.

— Надо проверить, бежим скорее, уже стемнело!!!

Прибежав к больнице, они подошли к столовой. Заползти в подвал не составило никакого труда, и они разом прошмыгнули туда, как самые опытные фронтовые разведчики. От столовой, через подвал больницы, тянулся длинный коридор, а с правой стороны виднелась дверь необычного вида, она совершенно не вписывалась в современный интерьер больничного комплекса — деревянная, с большими коваными навесами и большим железным кольцом.

— «Может сюда?», — одновременно подумали усталые путешественники, — и вместе, как сговорившись, приоткрыли дверь.

За дверью было совершенно темно и туда не очень-то хотелось входить. Взявшись за руки, они решительно переступили порог, шагнув в неизвестную темноту. Как только они шагнули вперёд, за ними закрылась со скрипом дверь и они очутились в полной темноте. Через несколько секунд пол задрожал, и их глаза ослепил яркий свет
приближающегося поезда. Они зажмурились, но это не помогало, они хотели отойти в сторону, но не смогли, так как были в узком коридоре с непроходимыми, даже для них, стенами. Поезд же ехал прямо на них с огромной скоростью. Их охватил страх, но деваться уже было некуда, дверь была закрыта ,и пройти сквозь неё тоже не
представлялось никакой возможности. Поравнявшись с ними, «экспресс» подхватил их, «засосав» внутрь себя неведомой силой. Очутились они в обычном вагоне метро, где все места, кроме двух, были заняты. Им поневоле пришлось сесть, так как «экспресс» просто «летел». Рядом сидели души, напуганные и спокойные, молчаливые и разговорчивые. Все наперебой спрашивали друг друга: «Куда же мы едем?» Но ответов ни у кого не было. Души людей сидели, прижавшись друг к другу, как птицы на жердочке, немного покачиваясь и насупившись, как будто бы на кого обижаясь.

А «Небесный экспресс» нёсся всё выше ввысь, как стрела, выпущенная из огромного лука с Земли. И вместе с ним неслись души страждущих людей, уставших от неопределённости и страха. Все мчались к Небу, к ещё более яркому Свету, от которого прожектор поезда бледнел и тускнел, как свеча перед солнцем. А вслед за «Экспрессом» летел сонм Ангелов, сопровождавших и охранявших его от «тёмной охраны», которая осталась далеко позади, где-то там на голубой и всё удаляющейся планете. У всех душ было одно на уме: «Почему я не знал об этом раньше?! И что теперь делать?!» Все, старые и молодые, здоровые и больные, богатые и бедные, жадные и милостивые, злые и добрые, летели со скоростью света в одно место назначения, без права остановки, в полную для них — неизвестность!

Крым. *«Роскошной природы роскошна картина,/ По берегу моря рукой исполина/ Разбросаны горы высокой грядой, — / Лазурное море жемчужной волной/ Подножья скалистых вершин омывает,/ Играя, волна за волной набегает/ И, с шумом ударясь о берег крутой,/ Катится назад серебристой каймой... (А. Луговой).* 8 (19) апреля 1783 года Екатерина II издала манифест о включении Крымского ханства, Таманского полуострова и Кубани в состав Российского государства. Из приказов А.В. Суворова: «Соблюдать полную дружбу и утверждать обоюдное согласие между россиян и разных званиев местных обывателей...»

Симферополь — *город в центре Крымского полуострова, на реке Салгир. В античные времена столица Скифского царства Неаполь Скифский располагалась на территории современного города. Название Симферополь (др.-греч. ἡ Σιμφερούπολις /и симферу́полис/) может переводиться как «город (до) общего блага», «город пользы», город-собиратель»(Σίμρερου-«хранитель», πόλις-«город») или «сим»+«ферос» — «всё несу».*

Марина МАТВЕЕВА,

Симферополь — автор 6 поэтических сборников, повести «Асуров рай», фэнтези-феерии «Турозавриада — крымский эпос» (в соавторстве). Публиковалась в «Словесности», в журналах «Нева», «Москва», «Крещатик», «Дети Ра», «Дарьял», «Сибирские огни». Председатель Крымского Республиканского отделения СЛ РФ.

* * *

— Мамочка,
слышишь:
кричит
ночь,
будто ее по глазам бьют...
Если б
у Бога
была
Дочь,
было бы легче тогда бабью...
— Думаешь,
милая?
Рас —
пад
жизни на две? Так устрой пир:
если б
у Господа
был
Брат,
был бы таким же Его мир?
— Мамочка,
слышишь,
я все —
рьез:
душу не греет мне твой плед...
Если б
у Господа
был
пес,
он бы нашел тот потерянный след...
— Думаешь,
милая?
О —
глох —
нешь от попыток найти ответ:
если б
у Господа
был
Бог,
думал бы Тот, что Его нет?
— Мамочка,
слышишь:
ведь жизнь —
пыль!
Надо успеть хоть тоску излить...
Если б
у Бога
хоть Кто-то
был,
мы не умели бы говорить...
— Думаешь,
милая?
Без
глаз
мир не идет, не глядит без ног.
Если б
у Бога
не было
нас,
Он бы, пожалуй, и — не Бог.

ТЕТИВОЙ...

Я ударил врага — будто зеркало сердца разбил.
Не рукою ударил — словами. Как будто язык
на мгновение хрупкую душу изъял из глубин,
повертел, рассмотрел — и на место вернул. Не привык
к поеданию тех, кто так туго похож на меня...
Близнецами рождаются ненависти — тетивой...
Я ударил врага — осторожно, как будто отнял
у ребёнка игрушечный лук, чтоб вручить боевой.
«Защищайся!» А он улыбнулся — как будто узнал
мой уДар, что когда-то мне сам подарил невзначай.
Пожелал я увидеть в улыбке тигриный оскал —
чтобы он не почуял свою — тетивою... — печаль...
— Что ты медлишь? Рази! Что уставился? Бей! —
и в упор —
ненагладная ненависть — сладким тягучим вином...
Я ударил врага. Я не знаю себя до сих пор.
Он ответил не так, как я думал собою о нем.
Или им о себе. Или нами — о мире вокруг.
Или миром — о нас. Или небом — об этой земле.
Я ударил врага. Он ответил: «Прости меня, друг».
Не словами ответил — стрелой, размыкающей плен.
Я ударил врага. Будто зеркало сердца разбил.
Я ударил врага. Чтоб никто его так не как любил.
Я ударил врага. Надо мною качнулась вода.
Я ударил врага. Я ушел от него. Навсегда.

Денис ГРИГОРЬЕВ, *Симферополь — родился в 1977 году. Организатор ролевых полигонных игр живого действия с 2000 по 2013 год в составе разных МГ (мастерских групп). Ведущий кулуарных настольных ролевых игр «D&D» по авторской системе. Автор рассказов и статей, публиковался в сети (author.today и др.). Участник литературного конкурса «Будущее время» (2019).*

Тайный приказ. «Северная роза»

Снег, не торопясь, по-хозяйски засыпал подворье гостиного двора. Не такой, конечно, снежище, как в эту пору валит дома, в Питере, или родной Ольховке. Но тоже вполне годный, чтобы поутру доставить проблем и местному корчмарю, и нашим лошадкам... Побереги их Боже, до следующего тепла ехать и ехать.

...Кабак придорожный, «хоттель», вроде бы, по-местному, не особо от наших отличается. Почище, чем в некоторых из глубинки губернии, а так то же самое. Ну, ещё колбаски особо делать умеют, да щей не допросишься. У ляхов всё ж лучше было, хоть пиво и гаже, но борщ знатный делают. Да толку с кухни ихней, когда на всех тамошних невест ни одной с тайным талантом не нашлось. Вот и носимся, как угорелые, теперь уже по Пруссии.

Век бы не видывать мне этого «турне», да куда деваться? Я после графа лучше остальных с камнем запретным сродство чую, да и на шпагах человек в Питере не последний, так и попал, точно кур в ощип. И ладно бы, если б один, в смысле вдвоём с Вольгой. Нет же, дёрнуло «сиятельство» целый поезд снарядить по сбору, едрить их в корень, премудростей. Вот и пришла беда, откуда не ждали. Обоз, конечно, всё объясняет хорошо: мол, цесаревичу книжек всяких с науками, диковинок разных европейских, может, какого дохтура-профессора выписать получится. Не из шарлатанов всяких, а, так сказать, из самых известных. ...И граф расстарался, всем голову задурил, да и что греха таить, прикупили кое-что. Правда, в основном, для адмиралтейства, для цесаревича своих книжонок телега, продавать впору, да и не шибко-то он в науки ударяется. А вот в замке у герцога местного крепко прокололись. Кто ж знал, что у него цельный рыцарь квартирует, да не простой, а из Розенкрейцеров.

Вошли в зал, всё чин по чину. Раскланялись с местными фройляйн, у герцога осведомились о здоровье императора (и плевать, что мы только от него, — положено здесь так). Вот тут наш Егорушка узрел визита нашего истинную цель — дочурку герцогскую. Да при всём честном народе взор истинный на неё возложил. Расслабились, отвыкли, что окромя рыцарей Северной Розы (нас, стало быть), на такие «фокусы» ещё кое-кто способен. Ох, и мало же их по Европам распрекрасным осталось! А вот на нашу голову хватило.

И нет, чтобы аккуратно зал оглядеть на предмет каменьев дивных или народу глазливого. Или вдруг — какой

святой человек зашел, это тоже случается (хотя и реже, нежели первые два события). Егор Савельич так и грянул, оченьки свои карие вытаращил, лицо аки у орла, добычу узревшего, — в общем, старается. Барышня, конечно, зарделась.

Будь ты хоть три раза бесталанный, а истинный взор любой чует, и по-своему раскладывает. Энта юная стрекоза явно решила, что наш Егорка её засватать собрался, — парень он ещё не старый, видный. А если учесть состояние и близость к монаршему табурету, то и папашка бы вряд ли возражать стал.

Тут «крейцер», будь ему неладно, как раз рядом оказался — и вмиг понял, что к чему.

Хоть граф сплоховал, но и осудить его рука не поднимется. Сколько раз мы уже по всем правилам осматривались, бдели, выжидали, чтобы взор единый кинуть или дать перстенёк подержать... Год скоро в пути будем, а нашли «коллег по цеху» ажно два раза. В первый — ведьма деревенская в услужении у ляшского магната (той золотого за глаза хватило), вторым был старичок епископ. Силён, наверное, в молодости был, не одну ведьму аутодафе предал. Но сдал с возрастом, на нас даже не глянул... В общем, мы уже и опасаться забыли, а тут рыцарь — настоящий. Он графу руку вежливо так на плечо кладёт да молвит:

— А, собственно говоря, что именно наш гость из далёкой и снежной России высматривает на груди прелестной юной феи? Неужто потеряли что ценное и найти не можете?

— Размышляю, не захочет ли этот прелестный ребёнок составить пару моему молодому повелителю.

И, что характерно, чистую правду сказал, в смысле намерения. Да только я уже понял: не подходит местная мамзелька под наши планы. Жаль, конечно. Свершись предначертание, магистром нашим заповеданное, то и на Розенкрейцера бы управу нашли. Глядишь, вдвоём бы супостата одолели, а то и замирились бы, что тоже за недолгий век нашего Ордена случалось. Но не повезло... Личиком милашка была вполне, а вот тайной сутью не обладала. Стало быть, предстоит мне от «поезда» нашего отчаливать, как одинокой лодчонке от красавца фрегата в Заливе, и полагаться в этих чужих землях уже только на себя, да звериное чутьё Вольги, верного моего оруженосца. Был у нас загодя такой уговор:я в его караване (для других) человек пришлый — ювелир из Белокаменной, к «поезду» прибившийся ради безопасности. Камушки сибирские торгую себе помалу, да всякие поделки из злата и чего найду, продаю-покупаю. Кто меня далече от стольного града нашего опознать бы смог: без мундира, без шпаги, или преподавательской мантии и к тому очки на нос, жидкая бородёнка, лёгонький иудейский акцент... Меня даже собственные выпускники не узнали, когда в Познани в портовой таверне случайно встретились. А Вольгу я с собой беру редко, и уж при Дворе его точно никто, кроме «Сиятельства» Бестужева, не знает.

Вот, как только этот Бельмонд, как-его-там, нашего Егорушку в оборот взял, я к саням и наладился. Неизвестно, чем у них разговор закончится: может, биться будут, а может, и договорятся. А если у рыцаря ещё и свита имеется, или, к примеру, местный герцог ему сильно доверяет, может и совсем тухло выйти. Это ведь только в сказках «тайная сталь» любой меч или кирасу рубит, а мастер «тайных дел» молнии из глаз запускает. На деле же — всё много проще и будничней. Конечно, тайное знание в бою большая подмога. Но не против пистоля или десятка стражников. Будь мы без свидетелей, вдвоём мы бы этого рыцаря вмиг скрутили, ну или не в миг, если он сам не из последних у себя в Ордене. Но при толпе всякого благородного прусского сброда, на чужой территории... Чёрт-те чем это закончиться может. В общем, выбрался я из покоев, спустился к коням, да крикнул Вольге, чтоб запрягал.

Сани у нас на такой случай всегда собраны. Как ни тяжко было на сердце, почитай, побратима в ловушке среди чужих на милость судьбы бросать, долг, чтоб его рыбы съели, превыше всего. Сунул стражникам на воротах по серебрушке местной, чтоб не шипели, сказался ярмаркой, которая, к слову, как раз собиралась быть в Штеттине. При нашей профессии такие мелочи надо знать. И в ноги. Если граф отобьётся, или сговорится, в любом случае там следующая остановка. А мне сказку про жадного купца поддерживать надо, и дело закончить, если Егора

Савельича к праотцам отправят. А уж если его со свитой под нож пустят, меня, «жадобу иудейского», точно, как белугу, выпотрошат, и Вольга не спасёт.

Сидим в «нумере» — единственной комнатке с кроватью, вечный мой оруженосец отсыпается. Залёг под дверью, в доху свою потёртую завернулся — ни дать не взять здоровущий пёс вход стережет. Я же «над златом чахну». Для придания личности моей некого налёта достоверности переворошили все полки и закутки нашего невесёлого приказа. Конечно, поделок да каменьев можно было бы и так накупить. Но ювелиры народ крепко памятливый и ни разу не молчуны. Продавать какую-нибудь брошь или ожерелье, цену ему предполагая весьма туманно, то бишь всяко дешевле, чем она стоила бы у ювелира настоящего, дело крайне непростое. А как узнает такой «коллега», почём та или иная вещица куплена, особо если с клеймом, или, не приведи господи, при торге случайно поприсутствует... Тогда уж точно ни бородёнка, ни очки не спасут. Оттого и подняли мы запасы чуть ли не со времён основателя нашего Архимагистра Государя Императора. Чего там только не было! И камушки гранёные из речек таёжных, всякие диковины из злата и серебра, мастерами уральскими слегка обработанные, дабы красоту природную выявить и на свет божий представить. Ну, и, конечно, серёг да колец с браслетами во множестве. Кто те серьги делал, с кого их снимали, у кого отбирали, уже не узнать. Но и современники наши точно уж не догадаются, откуда взято, а стало быть, в воровстве не уличат. Без умысла подлого, по правде, а так уличить могут, конечно, но на то у меня граф был. А вот теперь предстоит мне образом неведомым к ихнему князю в гости со своей коллекцией набиваться. И желательно так, чтобы всучить дочкам евонным заповедный перстенёк.

По уму перл сей покидать приказ без конвоя из десяти особ никак не должен. Но уж больно задание важное, да и Вольга за «десяток» вполне сойдёт. «Камень истины» — жемчужина нашего ордена. Есть, конечно, и натурально «чёрная жемчужина», но это как раз на последний случай. Если есть хоть малейший шанс, что тебя с этим «милым камушком» живого возьмут, стрелять из неё придётся в себя. Так бывает, когда сказки не врут. Только вот толку не много с молнии рукотворной против десяти пистолей. Впрочем, в некоторых ситуациях именно на неё весь расчёт и делается. Тот же Егор вполне может связанному человеку так голову задурить, что он всё скажет: и что сделал, и что сделать хотел, и что видел, и что слышал. Но это могут только те, у кого тайный талант велик. И подготовка нужна, сложно всё с этим тайным знанием. А вот перстень, при наличии минимального таланта, чудеса творить может. Не молнии конечно, хотя кто знает... Дураков нет его к такому применять. А вот истинным взором сквозь стены глянуть, аль камень истовник с внутренней сутью понять, или... Или определить, лжет ли человек. А это в нашем деле свойство незаменимое. Ну, и проверить княжон легче легкого. Им всего лишь подержать мгновение-другое перстень в руках надо. Он сразу и покажет, скрыта ли в них тайная сила, или мне дальше брести.

Перебрал я вещицы на ярмарку, разложил в разные тряпицы: какие покраше, а какие потяжелее. И стал своего косматого помощника будить. Он у меня, если не особо приглядываться, когда во весь рост в темноте поднимается — медведь вылитый.

— Есть не ходи, захочешь — на столе в корзине всё.

— Ложись спать, Хозяин. Не маленький я чай, разберусь.

...Заснул я мгновенно. Не то чтобы я не испытывал беспокойства за Егора или особо доверял местному корчмарю. Просто беспокойство стало привычно.

Среди ночи, явно раньше, чем надо, чую, треплет меня Вольга. Может, это на меня так сила тайная действует, а может, от природы такой, но время вставать к обедне и сколько до полуночи я чувствую шкурой.

— Какого дьявола, лесная твоя душа, нам спать ещё и спать!

Вольга лишь поёжился, поплотнее укутываясь в доху и перехватывая её широким поясом, на котором бряцали грубые ножны с тяжёлой кавалерийской саблей. Я оглянулся, в слабом свете тонкой лучины, поблёскивал сталью развязанный кожаный мешок. Шпага, мои пистоли, рог с порохом, сумка с пулями, и чудовищный роговой лук Вольги. Будучи в сумке почти скрученным, тот не занимал много места. Но когда мой помощник натягивал

тетиву, лук не во многом уступал знаменитым йоменским побратимам. И хотел бы я глянуть на того йомена, который сможет нормально растянуть лук Вольги. А пуще того — выстрелить. Я не смог, и никто из тех, кому бывший лесник доверял своего любимца, сколько я знаю, тоже.

— Неужели настолько плохо, Вольга?

— Собирайся, Хозяин, скоро здесь будут гости, и совсем не те, которых ты ждёшь.

Предчувствия, порой приходившие к этому жителю трясинных чащоб Полесья, были крайне чёткими. Он ощущал неприятности с той не поддающейся объяснению ясностью, как, наверно, чувствует их дикий зверь. Его сродство с тайной силой было природным. Лишь изредка, точнее — очень редко, когда у него наступало желание поговорить, Вольга искренне удивлялся, от чего все люди не ведут себя как он, или хотя бы как мы. Впрочем, у себя в лесу он вёл себя с людьми так же, за что некогда чуть не поплатился жизнью.

Мой пояс украсил нежно любимый кусок заточенной стали в простых деревянных ножнах. Специальные сумки на груди заняли заряженные и взведённые пистоли. За спиной расположилась кожаная сума со златом и каменьями.

— Отпирай, злодей, и спрячь свою «бандуру с одной струной», а то местный трактирщик язык от удивления откусит.

— Не откусит, Хозяин, он ничего не откусит: спит, как и человек, отчего-то считающийся здесь охранником, пойдём тихо — не разбудим.

Когда мы пробирались по спящему трактиру, я в очередной раз изумился слуху бывшего егеря. Мне, выросшему в городе, разобрать из-за крепких деревянных стен тональность храпа и определить, кто из храпунов где находится... Как, интересно, выживали звери в его лесу?

Выбравшись к дровне, за которой находилась конюшня, я взглянул на свежевыпавший снег. В случае погони на конях рассчитывать будет не на что. Как ни жаль было оставлять хорошие ладные сани, но сейчас, похоже, вариантов у нас не было.

— Доставай сёдла, Вольга, снова будем себе седалище плющить.

— Ох, Хозяин, а я только было понадеялся: доедем — себе оставлю.

— Оставишь, Вольга, оставишь, я тебе новые куплю.

— А то, куда как сподручно на таких будет за дровами на залив кататься.

Егерь крякнул и начал седлать недовольно похрапывающих со сна коней.

Скачка сквозь снег... Слава Богу, хоть груз невелик и кони отдохнувшие, отчего бежим, куда? Луна зашла, звёзд не видать, лишь небо слегка подсвечивает белым темнеющую впереди дорогу. Вперёд, вперёд и вперёд.

То ли убегаем от кого, то ли догоняем. Нет, всё же убегаем. Скачут, голубчики, далеко пока, пусть так и будет. Затеряться тут негде. При таком свете с дороги свернуть — проще себе сразу пулю в голову пустить, чем сначала коню ноги сломать, а затем себе глаза сучьями выколоть. А вот по дороге долго они за нами ехать будут, гнали ведь не слабо. Жаль, видать, Егорка уже с Петром общается, а нам только предстоит. Уж очень их много, человек пятнадцать. Как ни танцуй, вопрос пойдёт о том, сколькерых с собой забрать. И тайное знание в такие моменты — не велик помощник.

— А давай-ка, вашбродь, меня вперёд пропусти и едь так, чтобы ироды коня мого не видели.

Если Вольга сам начинает говорить, значит, дело не простое. Интересно, что надумал в этот раз?

Всегда думал, что умею двигаться. Не бог фехтования, конечно, но большинство наших прощелыг со шпагами, по недомыслию называющихся придворными, гоняю вполне уверенно. То, что сделал Вольга, я и заметил-то с трудом. Тень метнулась за широкое дерево, стоящее недалеко от дороги. А если учесть, что прыгал он с коня без подготовки, чуть ли не головой вперёд... Нет, порой лучше не знать, на что способны близкие твои, чтобы не потерять чувство уверенности в своих силах.

Мы продолжали мчаться под низким снежным небом. Наверное, это было даже красиво, будь у Вольги дар рисовальщика, я бы даже смог это оценить (надо, к слову, его спросить, а вдруг...), но я ждал кусочка раскалённого

свинца куда-нибудь пониже лопаток. Впереди шла в отрыв лошадка моего помощника.

И тут он начал стрелять. Не просто стрелять, а Стрелять. Свист стрел слился в один непрекращающийся, как мне показалось, звук. Вопли раненых или умирающих, поди разбери в такой темноте, множились, будто чудовищное эхо, командные выкрики, без сомнения, принадлежавшие тому самому рыцарю, не принесли желаемого эффекта. Куча сбившихся в толпу людей представляла собой идеальную мишень. В принципе, сейчас я бы мог уехать, и, скорее всего, с двумя свежими лошадьми добрался бы до Штеттина ещё до рассвета. Но есть такие жертвы, на которые я не могу пойти даже ради долга. К тому же, очень хотелось посчитаться за Егорку и заодно вызнать его судьбу.

Сделав весьма головокружительный манёвр и развернув коня обратно, я чуть не грянулся о землю с перспективой получить коня сверху, и понёсся на врагов. Есть упоительный момент решимости, когда точно знаешь, что, как и чем будешь делать. Подлетев к «куче мале», вокруг которой гарцевал красавец Розенкрейцер на великолепном белом скакуне, я разрядил пистоли в двух самых активных его помощников, выцеливающих в тёмном лесу моего оруженосца. Грохот, выстрел с пяти метров — что может быть лучше, особо когда оба пистоля не подвели! Значит говорите, рыцарь... Я достал шпагу.

— Ангард.

Он не произнес ни слова. Эта хрень немецкая прекрасно владела силой камней, во всяком случае, не хуже меня. С этого момента последняя вера в благородство их братии покинула меня. В мою сторону полетела не пуля, не заточенная сталь, а самая натуральная шаровая молния. Это было и хорошо — она куда как медленнее обыкновенной, и плохо — она будет лететь к тебе независимо от того, в какую сторону ты побежишь. Будь у него наша «чёрная жемчужина», мне не жить. А с этим его чудом я знал, что предпринять. Если сломаю, убьют свои, но лучше так, чем превратиться в живой факел.

Свободная рука нырнула в кармашек с перстнем и — жемчужиной. Указательный палец нырнул в кольцо, а большой прижал к ладони крупную чёрную горошину.

Ко мне летела яркая, колышущаяся сонмом серебряных нитей, наподобие морского ежа, шаровая молния. При этом каждая нить сверкала запредельным синим светом, можно сказать, прекрасным. Даже драка Вольги с двумя оставшимися на ногах молодчиками приостановилась. Они заворожённо смотрели, как ко мне подплывает маленькое рукотворное солнышко, высвечивающее чёткими рублеными тенями поле боя, коней, тела погибших и ещё живых.

— Какая ты красивая, иди-ка на колечко.

Я вынес руку с перстнем в её сторону, конь мой в меру флегматичен, но может не понять. Наградой за смелость были округлившиеся от удивления глаза этого «рыцаря»-колдуна.

— Гроссмейстер.

Всё может быть. После хамства с шаровой молнией, поединок ему дарить я был не намерен. Сжав чёрную жемчужину между пальцами, я снова протянул руку в сторону моего оппонента.

— По-нашему это будет Архимагистр, только я не он.

Ярко-голубой росчерк с шипением и свистом устремился ему в голову. Рыцарь даже не успел вскрикнуть. Превратившаяся в горящий факел голова повергла в шок не только вставшего на дыбы коня, но и обоих бойцов, сражавшихся с лесником. Воины, потеряв желание сопротивляется, дали себя связать. Как хорошо, что здравый ум пока что к ним не вернулся. Не иначе они думают, что если продолжат биться, я поражу их с не меньшим шиком. Наивные, а зачем тогда в самом начале я стрелял из пистолетов?

Расспросив «убей-команду», удалось выяснить много интересного. Прежде всего, приятно обрадовало, что они наёмники. А собственно наш доблестный граф со свитой содержится в замке у герцога в качестве почётного пленника, и будет там ожидать разномастную комиссию священников, дабы абсолютно точно изгнать дьявола, буде такой обнаружится, и внести залог за «возвращение чести». Ну, с этой стороны всё это весьма отрадно: Егорке ничего серьёзнее купания в святой воде не грозит, а уж финансовые потери наш приказ как-нибудь перенесёт. А вот тот факт, что с меня желали получить исключитель-

но бренный металл, обидело. Всё, в следующий раз пусть Егор иудеем переодевается, а я со шпагой похожу!
— Стрел маловато, вашбродь, вишь, не хватило.
— И где ж я тебе их здесь такие достану?
— Ну, так это, купить бы.
— Найдём — купим, давай с этими...
Печальная часть нашей профессии, кроме прочего, подразумевает полное отсутствие свидетелей. И где мы, интересно, найдём в Пруссии длинный лук?..
Вольга, вытерев и отправив в ножны свою здоровенную саблю, обошел поле боя. Монеты, кольца, порох. Остальное вместе со своими хозяевами отправилось в подлесок. Осиротевшие без всадников кони, подгоняемые криками и ударами плётки, разбежались. Снег ровнял место недавней драмы. А ведь здесь, может быть, в последний раз, сошлись в бою колдуны. Жаль только — оду никто не напишет. Я с сомнением зыркнул на оруженосца, но постыдился спрашивать про возможный талант.
...Ранний рассвет раскрасил сонный город колкими морозными красками. Завидев только что открывшийся пивной дом, мы привязали коней у коновязи, кинув монетку крутящемуся у лошадок мальчонке, прошли внутрь и заказали горячего грога. Немного отогревшись, взяли их завсегдашние острые сосиски и пиво. Штеттин оживал. Гомонящие дети с салазками, какие-то весёлые мужики с огромными топорами, свернувшие в наше питейное заведение.
Прятать оружие было особо некуда. Поэтому пришлось озаботить им Вольгу. Вид моего помощника приобрёл некую нарочитую воинственность. Впрочем, для загулявшего ювелира, коим я всё ещё должен был казаться, иметь такого телохранителя вполне допустимо.
Поев и немного выпив, мы двинулись к замку. Тут, как и в других местах, ярмарка сосредоточилась между стенами замка и городом. Жареное на углях мясо, какое-то странное пенистое горячее пиво, сладости для детишек и молодух. Немножко прищуриться, забыть на мгновение, где находишься, и окунуться в местные бесшабашные гуляния... Ну, да ладно, кому веселье, а кому работа.
Заметив группу разодетых в праздничную дорогую одежду людей, спускающихся со стороны замка, я направился поближе к ярмарочным рядам, дабы при возможности свести знакомство с прислугой князя, если повезёт. Всё-таки здесь люди поскромнее. Никто меня не хватал за рукав, не орал на ухо: «Купи!». Люди с достоинством прохаживались между рядами, прицениваясь к тканям, посуде, или пробуя чудное горячее пиво, как я выяснил, с яичным желтком.
Но вдруг всё резко изменилось. Топот, вопли — и огромный конь мчит по дороге — от города к замку. Мальчонка, лихо засевший у него на хребте, то ли в первый раз оседлавший жеребца, то ли просто ещё не понявший опасности, очень скоро мог познакомиться с твердью и испытать об неё крепость своего неразумного лба. Вольга привычно вскинул плечи, подмигнул мне.
— Вашблагародь, лови мальца.
Затем он ударил коня, ударил тяжело — открытой ладонью в грудину. Звук был хлёсткий, конь закричал от боли, вставая на дыбы. Мальчонка, сделав нелепый кувырок, упал мне на руки. Ничего себе подарки. Буйный малый оказался бабой, точнее, совсем юной девчонкой. Восторженно меня облапив, она быстро мне что-то щебетала, но смысл ускользал, не достигая слуха.
Впрочем, суть и так была понятна. Она испугалась, а тут весь такой я. Сделавшего основную часть работы Вольгу она просто не заметила.
...Скорее ощутил, чем заметил, когда ловил её, как маленькие тонкие пальчики случайно оказались в моём, как я думал, потайном кармане. «Закрывать или не закрывать?» — извечный вопрос. Если нужно быстро достать, то не закрывать карман однозначно, — вот и поплатился. Барышня с огромным любопытством изучила жемчужину и взялась за перстень. Перстень в её маленькой изящной ручке казался предметом инородным, огромным, непонятно как и зачем здесь оказавшимся. И тут, не упреждая, самоцвет заиграл переливами радуги, словно делясь речью на своём, каменном, языке. Девочка счастливо зажмурилась, видимо, решив, что солнечный лучик упал на грань камня, а мне стало грустно. Вот она, теоретическая будущая невеста нашего молодого государя. Как и заповедовал наш великий Архимагистр, с чётко выявленным тайным талантом, «дабы иметь возмож-

ность произвести род российских монархов, к тайному знанию годный». Ей не хватало сущей мелочи, а именно — принадлежности к правящим домам Европы.

Утвердив девчушку на земле, я улыбнулся ей и посмотрел в сторону, где должны были находиться люди из дворни местного князя. Но вместо того, чтобы наблюдать за пришествием с приличного расстояния, как это делали остальные, они отчего-то бежали в мою сторону. Неужели Вольга убил коня их господина? Это было бы очень не вовремя.

— Фике, Фикхен, как прекрасно, что вы спасены, мы так переживали!

— За себя вы, дармоеды, переживали. Вот господа — настоящие рыцари, они смогли остановить коня, и я думаю, отец их щедро наградит.

— А кто у нас отец, попрыгунья?

— Мой отец — Христиан Август, князь Анхальт Цербстский.

На какой-то момент я забыл как дышать. Вольга спрятал свою медвежью ухмылку в густой бороде.

В следующий миг я понял, что теперь мне нет необходимости скрывать имя, должность и титул, а что я здесь делаю... Ну, придумаем что-нибудь...

Станислав МАТВЕЕВ, *Симферополь — публицист, автор статей и эссе о геополитических и историко-культурологических проблемах, а также книги «Крымская стратегия» (2006). Стихи, историческая и социальная проза публиковались в журналах «Отражение», «Брега Тавриды», «Что есть Истина», «Камертон», в газете «Крымское эхо», в альманахе «Литературный Крым». Автор повести «Крымский тотос на костях» (2020). Лауреат Международного литературного фестиваля «Тереховские чтения-2021», литературного конкурса «Крымское приключение-2019». Поддерживает культуру Крыма, работу литературных студий г. Саки. Издал два сборника творчества одаренных сакских детей.*

МАРИЧКА

Самое лучшее время для отдыха в Крыму — это сентябрь. Гости разъехались, пляжи опустели. Море очистилось, вода тёплая, кафешки ещё работают... Шума и гама нет... Сергей Иванович сидел на веранде маленького бара недалеко от воды. Тихо шуршали волны, солнце, уже не палящее, как в июле или августе, грело, но не обжигало. Лёгонький ветерок приносил запах водорослей, который смешивался с ароматом чайных роз, обвивающих веранду. Вдруг на перила присела чайка. Большая, белая и с чёрной полоской на шее. Она скосила глаз на Сергея, и не спеша начала продвигаться к его столику.

— Что, кушать хочешь? — Сергей Иванович отпил глоток портвейна и, отломав от бутерброда кусочек, протянул его чайке. Та неспешно подошла, клюнула и проглотила хлеб. Расправила крылья, потом опять их сложила и пристально стала рассматривать Сергея.

— Понравилось? Ну, давай, подсаживайся, — он накрошил на тарелку хлеба и положил несколько хамсичек с бутерброда. — Кушай!

Чайка покрутила головой, стрельнула глазом на Сергея и, не спеша, проглотила угощение. Опять расправила крылья и грациозно уплыла в сторону моря...

— Это Маричка прилетала...

Облокотившись на перила веранды, рядом стоял импозантный старик. Лицо обветренное, покрытое глубокими морщинами и шрамами, седая шкиперская бородка, густые брови, капитанская фуражка, золотое кольцо в ухе. Трубка, тельняшка и короткие бриджи дополняли его облик. Старик пыхнул дымком и повторил:

— Это Маричка прилетала!

— А кто такая эта Маричка?

— Э, дорогой, это длинная история...

— Подсаживайтесь, расскажите...

— Да я бы рассказал, да времени нет...

— А куда вам спешить? Присаживайтесь... — Сергей подозвал бармена и заказал ещё одну бутылку портвейна и чистый стакан.

— Что ж, можно хорошего человека и уважить... Меня Фёдором зовут, как Ушакова. Дед Фёдор. Можно и по отчеству, Фёдор Фёдорович... Местные мы тут, от дедов

и прадедов. Вот дед мне и рассказывал про Маричку, а он от своего деда слышал, а тот от своего... Вон, видишь, там, на севере, Евпатория виднеется! Раньше называлась город Гезлёв, по-нашему — Козлов. Там самым знатным и могучим был Кыпчак-бей Мемет. Богатый был, более тридцати тысяч воинов имел. Дворец его прямо возле гавани стоял, а рядом мечеть построили. Сам мастер Омер трудился. Тот, что Хану Менглы-Гирею его дворец в Бахчисарае построил. Был у Мемета и за городом дворец, прямо на берегу пресного озера. Озеро то само солёное, но отгородили залив пресный — и сад посадили. Красиво там было, тихо. Там он и проводил летние дни со своими прекрасными жёнами, когда в набег не уходил... А ходил он в набеги каждое лето. Нет, не воевать он шёл, воевать то-для чего? Своих воинов губить? Нет, наберёт несколько отрядов — и тихонько, по балочкам, по овражкам, по буеракам и проберется на Литовские земли. На Москву не ходил, там везде засеки, да городки порубежные. А вот в Литве раздолье. Паны больше друг с другом спорили... А Мемет тут как тут. Порубят кого, хаты спалят, наберут полона — и домой. Так вот и жил... И вот раз вместе с Очаковским мурзой Керимом пошли они на Волынь. Да нарвались на засаду. Князь Вишневецкий их и порубал. Да не всех, Мемета в плен взял. А Мемет красив был. Высокий, стройный, глаза чёрные, а волосы светлые, от мамки-русинки достались. Да и петь был охотник. Да как пел... Заслушаешься...

Бутылка опустела, и Сергей Иванович заказал ещё одну и тарелку с бутербродами. А себе чайник зелёного чаю с лепестками розы. Дед Фёдор медленно выцедил стакан, закусил кусочком сыра, раскурил трубку и продолжил:

— Так пел Мемет-бей! Так пел, что влюбилась в него княжеская дочка — Мария. Сильная была. Смелая. Своевольная. Коса до пояса, глаза как небо, губы — огня жарче... А вот влюбилась, да так!.. Что про всё забыла. Коней приготовила, ключи от башни выкрала, и темной ночью бежали они с Меметом... А был у неё жених, польский шляхтич Ежи Котович. Тоже удалец, красавец. Да и рубака знатный. Бросился он в погоню, но не догнал... И решил пан Котович разыскать и Марию, и своего обидчика Мемет-бея. А как? Подался он тогда на Сечь Запорожскую. Православную веру принял, добрым казаком заделался. И стал Кошевого Атамана, а тогда Кошевым был Иван Сирко, подбивать на поход против татар. Ну, и подбил. Снарядили они свои чайки, да и двинули на Крым. Сирко знатный был вояка, не просто набег устроил, а целую войну затеял. Сам с казаками и охочими людьми пешком через Перекоп пошёл. Часть на Бахчисарай и Карасубазар, а часть на Гезлёв. Туда же на двух чайках и Котович, по-запорожскому — Гришка Кот, двинул. Не ждали их... Город сожгли, пограбили, и во дворце Кот нашёл свою бывшую невесту. Нет, не обрадовалась она ему, но и страха не показала. Посмотрела своими глазами, да и говорит: «Всё, поздно, Ежи, у меня двое деток от Мемет-бея: мальчик Асан и девочка Гузель. Только их тебе не сыскать, далеко они...» А Котович заледенел сердцем, схватил её за косы длинные, ударил крепко: «Я тебя к отцу твоему доставлю, пусть он над тобой суд и расправу творит!» Закутал её в черный плат — и на чайку. Только они отплыли, вдруг сорвала она с себя покрывало и в море бросилась... К деткам своим рвалась, к мужу любимому... Хотели её выловить, но тут два турецких корабля подошли и стали из пушек бить. Вот тут, в трёх кабельтовых от берега, и потопили турки казаков. Там и сейчас можно их чайки увидеть, особенно после шторма, я сам нырял. Пушки видел, монету серебряную нашел — талер польский. Мало кто тогда спасся. Мой прапрадед уцелел. Пробрался в деревню греческую... Православные, видишь, не выдали. А тех, кого поймали, тут на берегу озера и порубили. Вот с тех пор и превратилась Мария в чайку — Маричку. Видишь, не такая она, как все. Те суетятся, галдят, как бабы базарные, а Маричка строгая. Да и не шумная...

Бутылка была пуста, дед Фёдор поднялся и, пошатываясь, направился к выходу из бара. Закурил свою трубку и, прищурившись, улыбнулся.

— Ты, видно, Маричке понравился. Ты добрый и не скупой... Жди, отблагодарит!

— Прощай, дед Фёдор. Приходи завтра...

Ещё почти час Сергей Иванович сидел на веранде, солнце стало клониться к закату, ветерок стих, а аромат роз усилился. И только он собрался уходить, на перила веранды

опять села та чайка, подскочила к его столу и уронила на тарелку монету. Это был польский талер с изображением короля Яна Казимира.

Михаил МИТЬКО, *Симферополь — координатор творческого проекта «Web-притяжение крымской поэзии и Бардовский видеомост». Участник различных фестивалей поэзии и авторской песни, творческой группы-перформанса «Сову на глобус». Организатор бардовско-поэтического «Клуба интересных людей» (Симферополь).Стихи публиковались в альманахах «Словесность», «ЛитКрым», «Жизнь замечательных опоссумов», в «Литературной газете», журналах «Окно», «Невский альманах», «Камертон», «Брега Тавриды», «Что есть Истина». Автор поэтического сборника «Путевые заметки непутёвого человека» и альбома авторской песни с тем же названием.*

* * *

Лупит град по ржавым крышам —
Я не слышу, как мы дышим.
Но, наверное, мы дышим,
Если видим сны?
Мы в волшебных снах летаем,
В сны друг друга проникаем —
Мы обнажены.
Мы одни в ночной квартире,
Мы одни в подлунном мире —
Это ничего!
Комплиментом нам от Бога
Снится лунная дорога,
До весны не так уж много —
Девять месяцев всего.

* * *

Кровавый стекает закат
В угрюмые скальные норы.
Отважные волны спешат
Удариться грудью о горы.
Усталые спят рыбаки
С утра упахавшись без меры.
С Олимпа, светлы и легки,
Слетают посланцы Венеры —
Швыряют повсюду любовь,
Как водится — с бухты-барахты...
Настала пора для стихов —
Поэт заступает на вахту.

* * *

Одинокий парус, как белый нож,
Взрезает морскую синь.
Ты, чувствуя холод и нервную дрожь,
Хватаешься за графин.
В графине не водка, в графине свинец,
В графине ядрёная ртуть —
Он держит, как якорь, чтоб ты, наконец,
Смог выдохнуть и вдохнуть.
Солнце садится, машины пылят,
Тихо шуршит прибой...
Встаёшь. И чувствуешь — дышит земля,
Как палуба под тобой.

Омск — *расположен на слиянии рек Иртыш и Омь. Основан в 1716 году. Официально получил статус города в 1782 году. Столица Государства Российского (Белой России) (1918—1920). С 1934 года — административный центр Омской области. С 1850 по 1854 год в Омском остроге сидел писатель Ф. М. Достоевский. Свои впечатления от заключения литератор описал в книге «Записки из мёртвого дома».*

Тамара ЛЬВОВА, *Омск — родилась в 1974 году в селе Ермак Нововаршавского района Омской области. Окончила Медицинский колледж. Публиковалась в журналах и альманахах «Литклуб», «Перовские страницы», «Просто из атомов», «Третья планета от солнца», «Странствия» (Москва); «Серебряная Обь», «Няганские родники» (Нягань); «Твой мир велик и многолик» (Ханты-Мансийск); и др. С 2019 года — ведущая отделения прозы на ЛИТО «ПарОм».*

БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Юлия торопилась на Ярославский вокзал и вроде не опаздывала, но, как обычно, неслась вперёд, поскорее выбраться на платформу, плюхнуться на скамейку и до прихода электрички уткнуться в заветную книжку.

В сумке — сборник Иннокентия Анненского со стихами, и, если бы она не пообещала подруге на выходные приехать к ней на дачу, сидела бы дома, устроившись на диване, и читала, погружаясь в сладостное очарование поэзии. Но обещание есть обещание, и дача в Покровке среди цветущего жасмина и орешника манила едва ли меньше, чем книга.

Вид уставшей послушницы, стоявшей в подземном переходе с площади трёх вокзалов, остановил Юлю, заставил шагнуть за киоск и прижаться спиной к стене. Послушница одной рукой поддерживала ящичек для пожертвований, другой сжимала молитвенник. Усталые глаза смотрели в пол, побледневшие, пересохшие губы что-то тихо шептали. Две пустые пластиковые бутылки из-под воды лежали вдоль стены. Сколько таких послушников по всей Москве стоит — одному Богу ведомо. Юля понимала, что не совесть, а скорее беспокойная натура не позволит равнодушно пройти мимо. Сколько раз так было! Вот и сейчас: только что о стихах думала — и разом перескочила в мысли о послушничестве. Подумала, легко ли стоять в подземке, держать бедный ящик для пожертвований и неустанно молиться. Тем более, Юля знала о трудностях послушничества не понаслышке. И раз уж остановилась, то не впустую же — сдёрнула с шеи сиреневый платок, повязала на голову, поправила юбку и решительно направилась к девушке.

— Здравствуй! — сказала Юля с лёгким поклоном, как это делают православные прихожане. — Я в Посад еду, поклониться. Смотрю — стоишь... Первый раз, да? — она заглянула в уставшие глаза и подумала: «Ей хоть двадцать-то лет есть?» Никогда не умела угадывать возраст, а тут как угадаешь: бледная, утомлённая, с ноги на ногу тихонько переминается. — Давай ящичек и сбегай в уборную, умойся там и всё остальное, а я постою за тебя, — и Юля неуверенно потянулась снять бедный ящик с её шеи. Та поддалась, расправляя плечи.

— Господи Боже мой, как же хочется курить! — сорвалось с уст послушницы, отчего Юля чуть не уронила ящик. Совсем не таких слов она ожидала. А девушка потянулась, поправила подрясник и остервенело стала разминать плечи. — Точно, первый. — Голос у неё был с характерной хрипотцой. Она удивлённо окинула Юлию взглядом.

— Тебя, наверное, не проведали ещё? — смущённо улыбнулась та.

— Должны были, но, видать, не получилось...

— Ясно... Тогда беги, сделай свои дела, а я постою, — и Юля накинула ремень ящика на шею. С лямками на манер рюкзака было бы удобнее, конечно, а этот ещё и железный — на дне звякнула мелочь.

Послушница склонила голову и прищурилась.

— Как же? Разве можно?

— Что ж нельзя? Господу твой стыд не к лицу, а ты давно, наверное, терпишь. Рано пришла?

— В шесть утра! Всё ничего, но курить жесть как охота. Недавно бросила, тяжело, когда стоишь и ничего толкового не делаешь.

— И ещё сколько стоять? Батюшка запрет давал, что отойти нельзя и умыться? — Юлия продолжала напирать, чувствуя себя неловко. Она-то пожалела послушницу, с виду «невинную овечку», а та в жалости совсем не нуждалась.

— Нет, — ответила незнакомка, поправляя ящичек на её плечах. — Я не о том. Можно ли мирскому ящик держать?

— Я не знаю всех ваших правил, но в уборную с ним, думаю, точно не надо. Пусть на моих плечах повисит, ты же недолго. Как тебя зовут?

— Сестра Ксения, — она кивнула и наклонилась за бутылками и сумкой. — Ладно, уговорила, схожу.

Юля перевела дыхание.

— Вот и хорошо. У тебя час! У меня пирожки с картошкой и сладкий чай с лимоном в термосе, всё постное! Перекусишь?

Послушница довольно кивнула и побежала в привокзальный туалет. Однако резко остановилась на ступеньках и внимательно посмотрела в её сторону, видно, спрашивала себя, можно ли доверить бедный ящик незнакомому человеку. Юля улыбнулась ей и взяла молитвенник в руки, развернула на первой странице. Когда послушница всё же решилась и убежала, молитвенник перекочевал за пазуху, а на смену ему была извлечена миниатюрная книжка Анненского. Хотелось читать, но что-то не шли стихи. Мысли кузнечиками прыгали в голове одна другой смешнее. Юлия смеялась над собой: надо же, как забавно получилось. Она думала, что в послушницы идут смиренные и тихие душой: если юные девушки, то робкие и нежные, которых ужасают грубость житейского мира. Как же она заблуждалась!

Стоять было неудобно: тянул за шею ящик. От стены веяло холодом, и спина вскоре заныла. Девушка, подперев одной рукой бок, а в другой зажав книжку, читала и переворачивала листы. В поэзию погрузиться не получалось: в ящик падала мелочь, иногда шуршали бумажные деньги — это отвлекало. Одно дело: общий гул машин, пешеходов, отдалённые сигналы электричек; и совсем другое, когда монеты бряцают. Девушка знала, что для сбора пожертвований выдают деревянные ящики. Что же Ксения могла такого натворить, что ей вручили железный?

Юлия оторвалась от книжки и заметила, что деньги кидали едва ли не с улыбкой. Вид, должно быть, у неё был презабавный со сборником в руке, хотя откуда прохожим знать, что она там читает, молитвы или стихи.

Ксения, если увидит сборник, скорее всего, выговор сделает. Или того хуже: отругает. Юля поёжилась и поменяла книжки местами, развернула молитвенник и задумалась. А ведь она когда-то хотела уйти в монастырь, придёт же такое в голову. Оттого, наверное, и остановилась в подземке: увидела послушницу и как на стенку наткнулась. Встреча с Ксюшей заставила вспомнить те времена, когда Юля по четыре-пять часов выстаивала на службе: вымаливала у Бога здоровья для близкого человека. Поверила крёстной, что это поможет ему справиться с болезнью, и потом, ничем другим она ему помочь всё равно не могла. Вымолила, но пути разошлись, разнеслись в разные стороны, и кто тому виной — судьба или божий промысел? Вспомнился упрёк от крёстной:

— Кто знает, может, твои молитвы и помогли ему... Но до встречи с ним праведно ли жила? Он из семьи воцерковлённых, воспитанный в вере, а ты?.. Не пара ты ему, вот и не сложилось у вас ничего... Конечно, как тут сложится, если близкий человек из семьи воцерковлённых христиан, а Юля выросла под опекой деда — коммуниста! Знать не знала ни о вере, ни о религии, пока не влюбилась в институте и не потянулась в семью будущего жениха, в совсем незнакомый мир. Слова крёстной задели её, долго потом церковные книжки мусолила, хотя одного Добротолюбия было бы достаточно. Всё одно: что Библия, что Евангелие вкупе с Добротолюбием — притчи, житие святых, каноны. При тогдашней своей юности ей не хватило ни ума, ни души во всём этом разобраться. Как после оказалось, и незачем. Страсть к жизни, а того пуще — к свободе была сильнее стремления обрести причастность к Господу. Не стало жениха — ушла и надобность в вере. Но на тот момент, когда пути с близким человеком разошлись, Юлия сильно страдала. Как же, от неё любимый жених отказался. Такой дорогой и такой воспитанный, слишком воспитанный, как оказалось. Вот и ей захотелось уйти к тому, кто от неё никогда не откажется, — к Богу то есть. С двоюродной сестрой отправилась в один из подмосковных женских монастырей: приглядеться, попробовать, примерить чёрный подрясник, постоять на службах. А вдруг это её и там она нужнее?.. Двоюродная сестра по выходным выполняла при церкви разные работы. Пока добирались до монастыря, она рассказывала о спокойной и благостной жизни при храме, о работах, где ума не надо, о службах, где все мысли только о Спасителе и послушании. И никаких книг, кроме церковных, и никакого мира внешнего, разве что по необходимости, болезни или смерти близких. Юлька как услышала, так и замерла столбом. Они тогда с сестрой как раз к центральным воротам подходили. Однако девушка быстро

пришла в себя и направилась на территорию монастыря. Одна из послушниц подтвердила слова сестры: те, кто решился отдать себя служению Господу, отказываются от всего мирского. И годы послушничества строгие. Долгое время Юля жила и пыталась разобраться, что в ней сильнее. Крёстная, глядя на её душевные терзания, снова сказала:

— Ну куда тебе в монастырь, там жизнь праведная, путь веры и послушания, а в тебе борьбы много, беспокойная ты...

Так ничего в Юлиной жизни серьёзно и не поменялось. Работает, книжки читает и по святым местам ездит.

Подошла Ксения. Выглядела она теперь гораздо лучше: лицо посвежело, румянец появился на щеках, губы обрели здоровую яркость. Пахнуло сигаретным дымом. Юлия еле сдержала улыбку. Послушница принесла бутылки с водой и тут же расплескала одну вокруг своего места. Неважный способ увлажнить воздух и прибить пыль в подземке, но ближайший час дышать будет полегче. Пока она воду разбрызгивала, девушка достала пакет с пирожками и термос, налила ей полную кружечку. Послушница без смущения взяла чай и запихнула в рот пирожок, торопливо жуя.

— Время ещё есть, ешь спокойно, — проговорила Юля.

Ксения улыбнулась.

— Утомилась, наверное. Ящик тяжёлый, я шею до крови натёрла, — сказала она и потянулась за следующим пирожком.

— Да. Насколько я знаю, деревянные дают, а у тебя железный. Прогневала матушку, что ли?

— Батюшку... — поправила та. — Только не прогневала. Я сюда добровольно, по своему желанию попросилась. Помогаю при церкви, она древняя, деревянная, мы её бережём, но денег на ремонт не хватает. Я нашего батюшку Мефодия уговорила отправить меня за пожертвованиями. Он этот старый ящик нашёл. Меня должна была матушка Ефросинья проведать, но, видно, давление не пустило.

— Вот как! Я думала, ты новенькая и это твоё первое послушание. — Юля окинула взглядом подземку. Поток людей становился гуще, шум нарастал.

— Ты точно в Посад на поклон едешь? Или меня пожалела? — неожиданно спросила Ксения и так весело улыбнулась, что Юля растерялась.

— На самом деле, я к подруге, а по пути хотела туда — поклониться и пряников купить...

— Смутила тебя, да? Прости сердечно. Я тоже наведываюсь, хотя Сергиев Посад в другой стороне: покупаю медовые нашему батюшке, очень он их любит. — Послушница протянула кружку за добавкой.

— Кому медовые, а мне с яблочным повидлом, — ответила Юля, наклоняя термос.

— И не затратно им везти тульские пряники? Сами не пекут. — Ксения шмыгнула носом, утёрлась рукавом подрясника и со вздохом удовольствия отхлебнула чай.

— Город есть в Тульской области — Алексин, — Юля порылась в сумочке и выудила карамельку, протянула послушнице. Та смешно закатила глаза, но взяла её. — Так вот, рядом с городом деревня Поповка — это бывшее имение князей Львовых, после них частично сохранились яблоневые и грушевые сады. Я в прошлом году ездила туда на поклон, в Поповке восстанавливают церковь Смоленской иконы Божией Матери... Видела старые яблони, церковь и заброшенную школу, которую ещё княжичи строили. Очень меня там всё впечатлило. Ходила и думала, жили ведь люди, о земле пеклись. Эти князья первыми своих крестьян освободили от крепости, ещё и работу им предоставили. Разве думали, что память о них в пряниках останется...

— Надо же, я и не слышала о таком. В России храмов много, это верно. Наша церковь от столицы на отшибе, вокруг в основном дачи. На службу народ приходит, но пожертвований мало, а у нас всё деревянное, пол в нескольких местах прогнил, крыша протекает. Крылечко покосилось... Соберу сколько, батюшка досок купит. Нам разрешили... Ксения потихоньку цедила ещё горячий чай. Пирожки хоть и постные, но сытные. Смотрит Юля

на неё и переживает. Последние часы стояния в подземке тяжелыми будут. Тут даже в самую московскую жару прохладно. Не застудилась бы.

— Ксюша, ты бы не стояла так долго, три-четыре часа — вполне. Я тебе не указ, конечно, но побереги себя для прихода. Если у вас там старики одни, то сама понимаешь... — коряво у Юлии с советами, но она искренне разволновалась.

Послушница посмотрела на девушку и улыбнулась:

— Не бо*и*сь за меня. А то давай к нам на помощь, зря, что ли, по храмам и святым местам мотаешься. Тянет, поди, к Богу...

— Тянет обрести уверенность, что живу не впустую, а в таких местах на душе спокойнее становится. Я хотела, готовилась даже, но, понимаешь, я книжки читать люблю, слабостей много, от которых отказаться нет сил, и потом... неправедная я, и веры во мне мало, — сказала Юля откровенно, не видя смысла таиться.

Ксения выслушала и как захохочет — смех гулким эхом заметался по подземке. Она тут же ладонью прикрыла губы и трижды перекрестилась.

— Насчёт веры не мне, конечно, судить. Я с раннего утра стою, хоть бы кто подошёл, наших много мимо меня по делам спешило. И только ты, а на тебе даже креста нет, неправедная!

— Креста нет, образок есть, ангела-хранителя, булавочкой к бюстику приколот.

Послушница посерьёзнела, взяла из её рук термос, стряхнула кружку и завинтила. Поставила в сумку.

— Я тебя задерживаю, давай молитвенник и ящик... А что ты не праведная, это тебе кто-то из священства сказал?

— Неважно, кто сказал, я сама за собой это знаю. Ещё я беспокойная и борьбы во мне много, — Юльку понесло, раз душу открыла — теперь не захлопнешь. Передала ящичек, сунула книжечку и размяла плечи. Всего час с ним стояла, а ощущений самое малое на звание игуменьи.

— Думаешь, борьба — она только в мирских? Я каждый вечер поклоны кладу перед иконостасом, прости Господи. Первый год, курить до сих пор бросаю. Батюшка Мефодий говорит, это хорошо, когда борьба и беспокойство, значит, душа болит, не сдаётся! А праведно жить — дело нехитрое, большого ума не надо, — быстро сказала она, принимая ящик.

— А что надо?

Ксения устроила лямку от ящика на шее, а потом протянула руку и поправила на Юлькиной голове платок, заправила прядку волос.

— Сердце чуткое!

— О, ну этого добра у нас с избытком, — улыбнулась Юля. Расставаться не хотелось. — Ксюша, как тебя в послушничество занесло?

— Я в семье четвёртым ребёнком родилась, у сестёр и братьев семьи, детей полно, а мне захотелось чего-то большего, чем семейные будни. Чтоб не для себя одной. Прошлым летом поехала как-то на дачу, шла от станции, смотрю — матушка Ефросинья доску по земле волочит, ну я и подхватила помочь, вместе с батюшкой потом крылечко нашей церкви ремонтировали. Так и осталась, о вере и мыслей не было, — тень воспоминаний на мгновенье мелькнула в её глазах. Немного помолчала, неожиданно оживилась и продолжила: — Я тебе лучше про нашего батюшку Мефодия расскажу, его-то божий промысел на службу в православную веру привёл!

— Это как? — спросила Юля, глянув на часы. Время терпело, до электрички ещё полчаса.

Послушница перехватила взгляд и быстро заговорила.

— Батюшка до войны родился, в бомбёжку враз лишился родителей. Из родных только бабка с дедом остались, что в Подмосковье жили. Он у них поселился. Они верующие, в церковь ходили молиться, а кто в войну не молился?! Его с собой брали! А он не верующий, они поклоны бьют, а он иконы разглядывает. Одна его зацепила, в серебряном окладе, украшенная перстеньками с драгоценными камушками, что от барынь пожертвованы были. Глаз он отвести не мог от этой иконы, только не на дорогой оклад, а в очи Божией Матери Владимирской смотрел. Очень она ему в душу запала. И вдруг святотат-

ство: кто-то вломился в церквушку и ограбил, всё серебро какое, подсвечники утащили... и икону прихватили. Батюшка рассказывает, что крепко он огорчился, заболел даже, в горячке лежал — думали, не поднимется. Но ничего, выкарабкался. Поехали они с бабкой в столицу на барахолку, вещи на продукты обменять. Его будто за сердце кто потянул в другой ряд, видит: а икона-то среди барахла в углу валяется, только без оклада и перстеньков. Он к бабке, упросил выкупить икону, благо, она уже почти ничего не стоила. Так она в нашей церкви до сих пор стоит, и батюшка Мефодий перед ней службы ведёт! Меня Бог доской «поймал», а его через икону притянул. У каждого свой путь.

— Мой путь узлами завязан. Я после разочарования в человеке хотела к Богу прийти, даже в монастырь ездила, но не вышло. Дура молодая, подумаешь, первый раз обожглась. Только вот вроде и не пришла насовсем, и уйти не могу насовсем. Мечусь, как кузнечик в траве, и ладно... Кому нужно горестное сердце? — еле слышно проговорила Юлия.

— Когда помогаешь людям, всегда нужен. А для этого необязательно уходить в монастырь. Если человек встал на путь к Господу, даже и по случайности, этот путь обязательно приведёт к вере и пониманию — и не важно, где это будет, в Храме Божием или дома, у постели ребёнка. Мне об этом всегда батюшка Мефодий говорит, когда видит, что я терзаюсь в душе. Поверь, со всеми нашими узлами на пути к Господу, мы для него сравнительно лёгкая добыча, — Ксения улыбнулась и погладила её по плечу, а потом спохватилась: — Тебя как зовут, подруга?

Девушка назвала своё имя.

— Помолюсь за тебя! Спасибо тебе, сестра, и благослови Господь!

Обнялись и поцеловались, как родные. Юля потом бегом к кассе пригородных поездов. Объявили её электричку.

Ещё бы немного поговорили — и всё, душой зацепилась бы за послушницу, она себя знала. Прилипнуть к встречному легко, но у судьбы плохая привычка обрубать привязанности. Пока покупала билет, а после неслась к электричке — старалась не думать, но мысли настойчиво лезли: это судьба, это всё судьба, это Бог её возле Ксении притормозил. Полегчало от разговора. Словно груз растворился без остатка. В вагоне было душно. Она выбрала сиденье у окна с открытой форточкой. Электричка тронулась, а с ней и запоздалые сожаления. Надо было расспросить про церковь, узнать адрес, напроситься в гости. Быть может, беседа с батюшкой Мефодием сдвинула бы жизнь с мёртвой точки — дала направление. А потом подумала: нет, всё произошло так, как д лжно. Такие встречи даются раз в жизни, и затягивать их не следует. На всё божий промысел, как сказала Ксения.

Много всяких мыслей ещё приходило в голову. Она достала книжку — молитвенник! Выходит, так увлеклась беседой, что сунула Ксении своего Анненского. По формату и цвету книжки были почти одинаковыми.

Как же так! Девушка подскочила, хотела кинуться к выходу, уже и сумку подняла. Потом опомнилась. Куда бежать? Электричка набрала ход и до следующей станции минут двадцать, не рвать же стоп-кран посреди пригорода. Вот Ксения бы решилась, в ней чувствовалась некая бесшабашность, а Юлия — одно сплошное сомнение в каждом деле. Она положила сумку, снова села, кляня свою невнимательность.

— Надо вернуть молитвенник. Выйду на следующей станции и обратно, вдруг успею её застать, — решила девушка и раскрыла книжицу. Листала и разглядывала карандашные пометки на полях. Добралась до последней страницы, там — печать церкви и адрес.

Юлия улыбнулась. Надо не забыть и купить тульских медовых пряников — отцу Мефодию в гостинец, а сестре Ксении — карамелек.

Евгений ВАЛЬС, *Омск — автор 8 книг прозы. Публиковался в журналах «Преодоление», «Литературный меридиан», «Иртышъ-Омъ», сборниках «Сундучок новогодних чудес», «Новые сказки» и др. Финалист (2016-2021) конкурса «Лучшая книга года» (Германия), дипломант международного фестиваля «Мгинские*

Мосты» (2022). Государственный стипендиат 2021 г. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства Росссии».

ЧАСЫ НАПОЛЕОНА

(Из серии «Мистика тихого городка»)

Бордовый платок с кистями бесшумно соскользнул с зеркала в прихожей. Марина мельком глянула на своё отражение: действительно, чёрный не идёт к её солнечным волосам. Она сложила платок и прошла в коридор. Там, между ванной и туалетом, висело зеркало поменьше. Дед приклеил его на краску, поэтому занавеску пришлось приткнуть к обоям булавками. Булавки долго сопротивлялись длинным акриловым ногтям, но в итоге освободившаяся занавеска упала за тумбочку под зеркалом. Оттуда вылетели две моли и бросились Марине в лицо. Выругавшись, она принялась ловить моль, но блёклые серые бабочки оказались проворнее. Когда им наскучили опасные аплодисменты, они скрылись под шифоньером. В царство пыли и паутины Марина уже не полезла.

Из коридора вела дверь в комнату деда, где на постели, свернувшись калачиком, лежал спаниель. Пёс поднял голову и в недоумении наблюдал за Мариной.

— Мог бы и помочь, Бонд, — осуждающе сказала она. — Теперь твоя хозяйка я, и лучше нам дружить...

Бонд как будто что-то понимал — посмотрел на журнальный столик напротив кровати, где стоял портрет деда с чёрной лентой в уголке. Пёс тяжело вздохнул и положил морду на лапы, не сводя глаз с портрета.

— Между прочим, Бонд, я купила тебе дорогущий корм. Даже дедуля тебя так не баловал.

— Марина достала из-под мышки сумку и принялась искать угощение для пса. — Имей в виду: ветеранской пенсии у нас больше нет, поэтому вкусняшку ты ешь последний раз.

Новая хозяйка поджала пухлые бледные губы и потрясла пакетиком корма. Пёс даже ухом не повёл. Можно подумать, знает, что произошло. Деда увезли на скорой пару недель назад, а вернули в катафалке. Его не заносили в дом, поэтому зеркала можно было не занавешивать. Но Марина думала, так положено в любом случае.

— Я бы ещё месяц смотрелась в крышечку от пудреницы, если бы не Жанна, — продолжала Марина. — Кстати, Бонд, ведь это она посоветовала корм. Но раз тебе приятнее изображать из себя Хатико, мешать не стану.

Марина щёлкнула выключателем в ванной. Свет загорелся на секунду, и раздался хлопок. Марина закрыла голову руками и зажмурилась. Однако никаких опасных звуков больше не услышала. Придя в себя, она взглянула на почерневшую лампочку и снова тихо выругалась.

— Вторая за неделю! Теперь не только ужинать буду при свечах, но и умываться тоже?!

Марина зашла в комнату деда и раскрыла дверцы высокого пенала, в котором он хранил инструменты. Среди гвоздей, напильников и отвёрток должна же найтись запасная лампочка!.. Марина видела, как дед менял их раньше: ничего сложного. Нужно попробовать.

— Бонд, ты не подскажешь, где искать? — проворчала она, обшаривая уже третью полку.

Но пёс по-прежнему игнорировал её. Марина заглянула в прикроватную тумбочку. Верхний ящик заполняли таблетки, а нижний никак не открывался. Разозлившись, она дёрнула за ручки со всей силы и вырвала ящик. Из него выпали старые аппараты для измерения давления, перемотанная шнуром электрическая грелка и несколько лампочек в упаковках.

Пёс соскочил с кровати и залаял, а Марина снисходительно произнесла:

— Да, все сокровища твоего хозяина теперь мои. Скоро привыкнешь...

Марина протянула руку, чтоб погладить Бонда, но пёс увернулся, фыркнул и подошёл к тумбочке. Он сунул морду в дыру, где был ящик, и зарычал.

— Что там? Громадный паук?

Марина отодвинула пса и осторожно заглянула в дыру. В темноте она разглядела красную коробку. Сразу промелькнуло воспоминание из детства. За такую же коробку её однажды сильно отругали. Когда Марина впервые

нашла её под кроватью деда, ей едва исполнилось пять лет. Вещь, конечно, интригующая, но Марина тогда ничего не сделала ни с коробкой, ни с её содержимым. Неужели та самая?

Марина достала её, сдула слой пыли и приоткрыла. Внутри, как и тогда, лежал ларчик, обмотанный шерстяным шарфом. С тех пор моль сильно постаралась: шарф расползался под пальцами. Марина разогнала моль, высвободила серебряный ларчик, инкрустированный бирюзой, и поставила на тумбочку.

От волнения она едва дышала. В прошлый раз она не смогла прочесть надпись, опоясывающую ларец, потому что не умела читать, а сейчас — потому что не знала языка, на котором она была сделана.

— Похоже на латынь, — размышляла вслух Марина. — Надо показать Матвею Сергеевичу, он такое точно проходил на биологическом.

На синей бархатной подушке, как и прежде, лежали золотые карманные часы с цепочкой.

— Смотри, Бонд! Дедуля тогда сказал, их сам Наполеон потерял, где-то под Москвой! Если это правда, они стоят нехилых денег!

Марина подержала часы на ладони, оценивая вес. Тяжёлые, холодные и не тикают. Она с детства помнила три штырька-винтика на корпусе. После она видела много подобных часов на картинках и вживую, но у всех был только один штырёк — или два, как на секундомере физрука. А какой из трёх крутить здесь?

Марина выбрала средний, самый крупный, провернула несколько раз — и механизм заработал. За исправные часы дадут намного больше!

— Почему дедуля их так и не продал? Ты не знаешь, Бонд?

Но псу явно не нравилось, что Марина нашла часы. Он рычал и даже попытался отобрать, схватив зубами цепочку. Марина потянула часы на себя, и её ладонь будто пронзило током. В грудь ударила волна, и она едва не упала, но ухватилась за тумбочку. В воздухе перед её лицом зависла моль. Насекомое не трепетало крылышками — просто замерло на месте. Но самым пугающим было другое. Пёс встал на задние лапы и застыл так с раскрытой пастью, будто чучело на кафедре зоологии.

— Ты чего? — Она ткнула пса в нос — тот не шелохнулся.

По спине пробежал холодок. Марина бросила часы и потрепала пса за ухо. Бонд не моргнул, не издал ни звука. Марина схватила его и начала трясти: тело пса не сгибалось, словно было заморожено. Она поставила Бонда на место и, отодвинувшись, упёрлась спиной в тумбочку. Моль по-прежнему висела в воздухе, и даже прикосновение пальца не заставило её улететь.

«Неужели у меня съехала крыша?» — мелькнула тревожная мысль.

Но отчего бы ей сойти с ума? Не от потери же деда. Напротив, Марина считала, что переживает недостаточно сильно, хотя он заботился о ней, когда предки оказались за решёткой. Но если эти глюки не из-за страданий, тогда из-за чего?

Взгляд Марины заметался по комнате и остановился на часах Наполеона. Она взяла их дрожащей рукой. Вспомнив про секундомер физрука, нажала на штырёк справа от среднего винтика — ничего не изменилось. Пёс так же смотрел на неё стеклянными глазами. Марина нажала на второй штырёк — снова никаких изменений. Тогда она нажала на два сразу, и тут же залаял Бонд, а моль рванулась в поисках укрытия. Марина вновь ткнула на два штырька, и мир замер. Она оживила его, снова остановила, проделала это несколько раз, пока мозг не поверил в происходящее.

Если это не глюк, что тогда? Секретные технологии девятнадцатого века? Волшебство? Последняя версия никуда не годилась. Но объяснить происходящее она не могла. На её глазах творилось невозможное...

— Почему дедуля так и не рассказал, что часики с секретом?

Бонд в ответ заворчал, прыгнул на кровать и вновь свернулся калачиком.

— Ну конечно, он же не планировал уйти в девяносто пять и оставить нас с тобой одних...

Марина подошла к портрету деда. Теперь его взгляд с лёгким прищуром стал ей понятен больше, чем когда-либо.
— Как ты мог хранить такую вещь дома и молчать об этом?..

* * *

Поменять лампочку оказалось не так-то просто. Марина смогла выкрутить перегоревшую, однако новая не хотела держаться. Марина психанула и, не заметив, что на испорченной лампочке остался патрон, выкинула обе в мусорное ведро. Всё! Умываться придётся с телефонным фонариком. Не вызывать же по объявлению «мужа на час» — засмеёт!
Вот ещё повод пожалеть о том, что она избегала бесед с дедулей. Он бы рассказал и научил. Она уважала его и побаивалась, особенно после того, как он спустил с лестницы её первого ухажёра. За первым последовали второй и третий. Марина начала встречаться с парнями тайком, даже решилась уйти из дома, но через месяц вернулась в слезах. Дед простил и прощал каждый раз, когда она «уходила навсегда» к очередному, кого он ни за что бы не одобрил.
Дед всегда оказывался прав, как и Жанна, которая гадала ей на картах перед каждым свиданием. Карты тоже не обманывали, но так хотелось, чтобы они хоть раз ошиблись.
Только с Жанной Марина делилась секретами. Но можно ли рассказать ей о часах? И надо ли кому-то рассказывать? Не лучше ли вернуть их на место и забыть? Марина мучилась вопросами остаток дня и всю ночь, поэтому утром проснулась с туманной головой и красными глазами.
Умывшись и подойдя к зеркалу, она подумала, что решение не пользоваться косметикой сорок дней станет невыносимым испытанием. Она не узнавала себя в бледном отражении. Какой мужик посмотрит в её сторону? Да её просто никто не заметит. Наспех выгуляв пса, Марина поехала на работу, прихватив с собой часы деда. Она так боялась их потерять, что не положила в сумку или карман, а повесила на шею.
Марина впервые не разглядывала пассажиров автобуса. Всю дорогу она просидела в телефоне, пытаясь найти что-нибудь об утерянных часах Наполеона. Увы! Она узнала только, что император Франции обожал это изобретение, и прочитала несколько забавных случаев из его жизни. Однажды он оставил свои часы хозяйке трактира в залог, поскольку не смог расплатиться за завтрак. Возможно ли, что у Марины сейчас те самые часы? Верилось с трудом. Вряд ли Наполеон так легко расстался бы с вещицей, способной останавливать время. Да и где доказательства, что часы на шее у Марины принадлежали императору Франции?
Марина так увлеклась, что не сразу заметила перепалку между двумя пассажирами. Девушка с раскрасневшимся лицом орала на мужика, что тот распускает руки. Она требовала от кондукторши остановить автобус и высадить нахала. Мужик заплетающимся языком уверял, что пассажирка выдаёт желаемое за действительное и щипать там вовсе не за что. Кондукторша возмущённо повторяла, что мужики совсем распоясались. Остальные пассажиры недовольно переглядывались, не решаясь открыто встать на чью-то сторону.
Марина вжала голову в плечи, она точно не смогла бы дать отпор такому бугаю. Она кликнула по очередной ссылке, но автобусный скандал мешал сосредоточиться. Девушка, кондукторша и мужик перешли на оскорбления. Каждое слово резало слух и заставляло морщиться. Неужели никто это не прекратит? А водителю что, всё равно? Хотя для их города склоки в транспорте — дело привычное. И Марина в таких случаях воображала себе, как двухметровый богатырь медленно кладёт руку на плечо возмутителю спокойствия и говорит: «Успокойся, брат, или я тебя успокою».
Тем временем автобусный скандал продолжался. Девушка сомневалась, что мужик оплатил проезд. Кондукторша потребовала предъявить билет. Но билета у пассажира не оказалось.
На очередной остановке кондукторша крикнула водителю: «Лёш, стой», схватила мужика за рукав и потащила

к выходу, а тот, матерясь, от неё отмахивался. Марина сжалась в комок. Сейчас начнётся! Обязательно зацепят кого-нибудь, и даже ей в конце салона может прилететь что-нибудь в голову. От новой порции мата свело скулы, удар терминала в стекло заставил Марину зажмуриться. И тут всё стихло — настолько, что захотелось прочистить уши. Марина не слышала не только ругани в салоне, но и тарахтения мотора, и звуков города.

Она открыла глаза: все пассажиры застыли. Скандалист замер в нелепой позе, как будто поскользнулся и вот-вот упадёт, а кондукторша с перекошенным лицом и раскрытым ртом выставила руки со скрюченными пальцами так, словно собиралась выцарапать ему глаза. Марина глянула в окно. Машины и пешеходы встали, даже голубь, слетевший с карниза, завис в воздухе. Можно было только гадать о радиусе действия часов, но в пределах видимости ничего не двигалось.

Марина снова остановила время, теперь случайно, когда сжала от волнения дедушкины часы. Она медленно поднялась с сидения и стала продвигаться по салону, заглядывая в лица людей. У всех был такой же стеклянный взгляд, как у Бонда.

Она добралась до скандалиста. Лысоватый мужик в потёртом спортивном костюме был с бодунища, его небритая, помятая рожа ещё недавно лежала в салате, даже петрушка к щеке прилипла.

Сначала Марина вышла из автобуса, чтобы пересесть в другой, но, сделав несколько шагов, остановилась.

— Почему это я должна платить за проезд дважды? — возмутилась она.

Марина вернулась в автобус и вновь подошла к скандалисту. На две головы выше неё, избалованный вседозволенностью и безнаказанностью. В его сторону даже смотреть страшно.

У Марины увлажнились ладони, а золотые часы, казалось, запрыгали под блузкой — так сильно колотилось сердце. Преодолев страх и брезгливость, она обхватила мужика и с трудом выволокла из автобуса. Пару раз едва не рухнула вместе с ним, но крепкие поручни, о которые цеплялись то его руки, то ноги, то голова, удержали и Марину. Мужик был как несгибаемый манекен, и она не смогла усадить его на лавку, поэтому просто прислонила к стене дома. Мужик качнулся и грохнулся на тротуарную плитку. Марина испугалась и попыталась поставить его на ноги, но мужик оказался неподъёмным. Посуетившись вокруг, Марина махнула рукой, забежала в автобус и вернулась на сидение.

Дрожа от волнения, она запустила время на часах. Мигом вернулись все звуки, машины за окном продолжили путь, а пассажиры автобуса зашевелились и завертели головами. Кондукторша в недоумении огляделась и, не заметив скандалиста, скомандовала водителю ехать дальше. Двери закрылись, автобус тронулся. А Марина вздохнула с облегчением, когда мужик, которого она уронила на тротуар, тоже ожил и, пошатываясь, встал.

«Неужели я это сделала?» — спрашивала она себя, но уже без страха и тревоги.

* * *

В коридорах вуза Марина никогда не встречала Матвея Сергеевича. Обычно к ней в диспетчерскую все забегали сами: уточнить расписание, сделать ксерокопию. Только импозантный доцент с кафедры генетики редко заглядывал. В этом году — лишь раз, попросил сахару для экспериментов с мухами. Он был как мифический единорог: все о нём слышали, но увидеть мог лишь тот, кто знал, где искать. А Марина знала наверняка, ведь его расписание было у неё под рукой. Но прежде, чем появиться в лаборатории, она всё же достала косметику. Нельзя, чтоб он увидел её с бледными ресницами и пересохшими губами!

Довольная своим отражением в крышечке пудреницы, Марина поправила причёску и, прихватив листок с выписанной фразой на латыни, отправилась в лабораторию к генетикам.

Матвей Сергеевич в безупречном белом халате разглядывал не привычные пробирки с мухами, а кролика в тесной клетке. Зверёк тыкался мордой между прутьев

решётки и тянулся к вазочке с клубникой, которая стояла рядом.

— Он у вас тут для опытов? — игриво спросила Марина.

— Кролик домашний, — чуть растерянно ответил Матвей Сергеевич, отодвигая ягоды подальше от клетки. — Приболел слегка, вот я и принёс его подлечить.

Марина подошла ближе и хотела сделать комплемент, но совсем растерялась, заглянув в грустные чёрные глаза доцента. Собственная смелость и его мягкий голос подрумянили ей щёки — она открыла рот и понесла какую-то ерунду про то, как повезло кролику попасть в надёжные руки Матвея Сергеевича. Чувствуя, что ещё чуть-чуть, и ей станет за себя стыдно, Марина вручила доценту листок и, мило улыбаясь, попросила перевести.

— Мы на латыни в основном учили названия растений и животных, — замялся он. — Но, если не дословно, здесь написано: «Повелевающий временем — повелевает миром». Хотя лингвист скажет точнее.

— Думаю, вы всё верно перевели, — произнесла Марина, поглядывая на клубнику.

— Был рад помочь, — нарушил неловкую паузу Матвей Сергеевич.

Клубникой он явно не угостит. Слишком скромный — или единственный, на кого не действуют её женские чары. Марина ещё раз поблагодарила и хотела уйти, но рука сама нащупала на груди часы, а палец нажал на кнопку остановки времени. Матвей Сергеевич замер, как восковая фигура из пражского музея: настолько реалистичные лица и живые глаза у статуй Марина видела только там.

Но Матвей Сергеевич был настоящий, живой, и от него так вкусно пахло духами от Givanchy! Как можно устоять перед любимым ароматом?

— Вы сами напросились, Матвей Сергеевич...

Марина поправила на нём галстук и прильнула к губам с вскипевшей страстью. Но почти сразу отпрянула — не потому, что стало стыдно, мужики ведь позволяют себе и её щипать в маршрутке за мягкие места. Матвей Сергеевич не мог ответить взаимностью. Целовать его сейчас всё равно, что целовать резиновую куклу: никаких приятных ощущений.

Марина решила сама угоститься клубникой, но та выглядела не совсем свежей. Она бросила несколько ягод кролику и вышла из лаборатории. Уже в коридоре запустила время и, не оглядываясь, поспешила в диспетчерскую.

«Никто не пострадал, — убеждала она себя на обратном пути. — Попади эти часы в руки любого мужика, тут такое начнётся! Матвей Сергеевич, конечно, исключение... Хотя откуда мне знать, какой он на самом деле? Дедуле точно бы не понравился: слишком ухоженный и красивый...»

* * *

Вернувшись на рабочее место, Марина никак не могла сосредоточиться. Смысл надписи на ларце и страх, что часы могут попасть в чужие руки, не давали ей покоя. Не хотелось бы ей оказаться на месте Матвея Сергеевича, чтобы какой-нибудь озабоченный мужик остановил время и начал её лапать.

Марина уже в двадцать пятый раз проверила, на месте ли часы, и тут зашла Жанна. Подруга с кафедры естественников всегда заглядывала к ней по пути в столовую. Марине особенно нравилось, когда они вдвоём грациозной походкой шли обедать. Все мужики вуза сворачивали шеи, глазея на них. Огненная шевелюра Жанны, конечно, перетягивала внимание, но и Марина не оставалась без комплимента.

— Ты в порядке? — насторожённо спросила Жанна, едва взглянув на Марину.

— Не спалось, — честно ответила та.

— Я могу отпросить тебя у заведующей, — с участием предложила подруга. — Она знает твою ситуацию и наверняка отпустит.

— Лучше нагадай мне нечаянную радость.

Гадание на картах действовало на Марину успокаивающе, даже если Жанна предсказывала разочарование от очередного свидания. Если ничего не ждёшь, то не волнуешься и после не депрессуешь.

Жанна привычно попросила сдвинуть колоду, раскинула карты. Её аккуратные брови озадаченно сдвинулись, в зелёных глазах промелькнула тень.

— Что ты там увидела? — забеспокоилась Марина. — Говори как есть.

Жанна указала на карту, где человек летел вниз головой с башни, потом — на вторую, где у лежащего на земле человека из спины торчало десять мечей.

— Зловещие карты? — высказала догадку Марина.

— Их можно трактовать по-разному. Важно, с какими они лежат рядом. — Жанна наверняка пыталась смягчить.

— Но тут всё однозначно?

— На первый взгляд, да, — вздохнула подруга. — Тут карта катастрофы и потери. А другая говорит, что ты достигнешь дна.

— Достигну дна?!

Жанна внимательно посмотрела на подругу, как будто пыталась прочесть её мысли, а затем указала на карту с рыцарем, который с мечом в руке мчался верхом на белом жеребце.

— Не всё так плохо. Есть надежда. Всё зависит от тебя.

— Катастрофы можно избежать? — уточнила Марина.

— Не хочешь рассказать, что у тебя ещё произошло?

Взгляд Жанны остановился на часах, их золотой корпус предательски мелькал в разрезе блузки. Марина прикрыла их ладонью и замотала головой, слова застряли у неё в горле. Но Жанна не стала её пытать расспросами. Она напомнила про столовую и по пути поделилась секретом: оказывается, муж советует ей участвовать в битве экстрасенсов. После победы они переберутся в Москву и откроют там салон предсказаний.

Конечно, Марина ответила, что рада за подругу, но радость была только на словах. Она искренне хотела ощущать то, о чём говорила. Вот только тень, промелькнувшая в глазах Жанны, когда она увидела карты, сейчас будто сгустилась где-то в груди. Тень неприятно сжимала сердце и подступала к горлу.

* * *

Марина сама отпросилась у завуча и без настроения возвращалась в свою двушку в захолустном районе города. Она думала о том, что скоро Жанна купит квартиру в столице, и ей не приходится вызывать по объявлению того, кто умеет менять лампочки. Подходя к подъезду, она внезапно вспомнила, что не купила корм для Бонда. Выругавшись, Марина побежала в магазин. Если останутся деньги, так и быть, побалует себя дорогим йогуртом. Однако денег на себя не хватило, зато месяц можно не волноваться о том, чем кормить пса.

С тяжёлым пакетом Марина начала осторожно спускаться с высокого крыльца универсама и едва не столкнулась с мужиками в спецодежде. Марина отшатнулась, а те как-то недобро на неё посмотрели. И тут её осенило: это же инкассаторы! Вон и машина с бронированным стеклом, на ней логотип банка, в котором работали родители.

«Наверняка идут заполнять банкомат», — догадалась Марина и замерла, как будто кто-то другой остановил время.

В голове мелькнула мысль, от которой всё внутри похолодело. Лёгкое движение пальцев — и она тоже сможет купить себе квартиру в Москве. Никто никогда не узнает, как опустели инкассаторские мешки. Главное — не оставить отпечатков!

Рука неуверенно тронула часы. Марина провожала взглядом инкассаторов и не могла решиться. Тогда проснувшийся внутренний голос начал её подначивать:

«Они тебя не увидят, не вспомнят и ничего не почувствуют. Нажимай! Ничего не бывает случайно. Эти часы попали к тебе не просто так! Это шанс! А если хочешь — месть!»

Да, месть — вот этому самому банку. Разве дают три года тюрьмы за передачу пакета с копчёной курицей? Кто же знал, что в нём был откат за незаконную выдачу кредитов? Дед как-то обмолвился, что мамин начальник, который попросил привезти ему пакет от приятеля, до сих пор работает в том банке. А мать и два года не выдер-

жала в тюрьме. Вслед за ней ушёл и отец, который просто вёл машину, когда мама перевозила тот злополучный пакет.

Так что она имеет право мстить — тем более, если появилась возможность.

Марина решительно нажала на два штырька. Шелест листвы на берёзах стих, пылинки застыли в воздухе. Марина сделала глубокий вдох и шагнула к инкассаторам.

— Это за родителей! — твердила она себе.

Подойдя к мужику в бронежилете, она остановилась. Сердце бешено колотилось в груди, воздуха не хватало, ноги начали дрожать. Когда она коснулась мешка с деньгами, в голове отчётливо прозвучали слова Жанны: «Ты достигнешь дна, если не остановишься».

— Кого я обманываю? — едва слышно пробормотала Марина. — Какая месть? Что вообще я делаю? Убеждаю себя в безнаказанности? Хочу стать, как тот мужик из автобуса?

Марина попятилась и едва не свалилась с лестницы, оступившись. В глазах потемнело, но ей удалось ухватиться за перила. Она села на ступеньку и запустила время.

* * *

Отдышавшись, Марина побрела домой, чувствуя себя так, словно её окатила из лужи машина, а въедливая грязь впиталась в кожу. Хотелось снять с себя всё и долго стоять под душем.

Она так и сделала, но, закутавшись в полотенце, не ощутила себя чистой. Бонд не притронулся к еде. Он как-то открыл пенал, вывалил на пол инструменты хозяина и погрыз деревянные ручки напильников. Марина не стала его ругать.

— Я не думаю, что ты плохой, — устало произнесла она. — Поверь, я хуже, чем ты можешь себе представить. Сегодня был день неприятных открытий. И всё из-за...

Марина не договорила. Она не нашла на груди часов. В панике она стала носиться по квартире, не в силах вспомнить, где их оставила. А вдруг она обронила часы по пути домой? А вдруг кто-то их уже нашёл и так же быстро разгадал секрет?

Марина вытряхнула содержимое сумки, обшарила карманы ветровок, курток и пальто, которые даже не трогала сегодня. Внезапное озарение привело её в ванную, где Марина сняла одежду и закинула её в стирку. Пришлось выключить машинку и слить воду. Копаясь в мокром белье, Марина всё же нащупала часы.

Вода попала в механизм, и он остановился. Штырьки не нажимались.

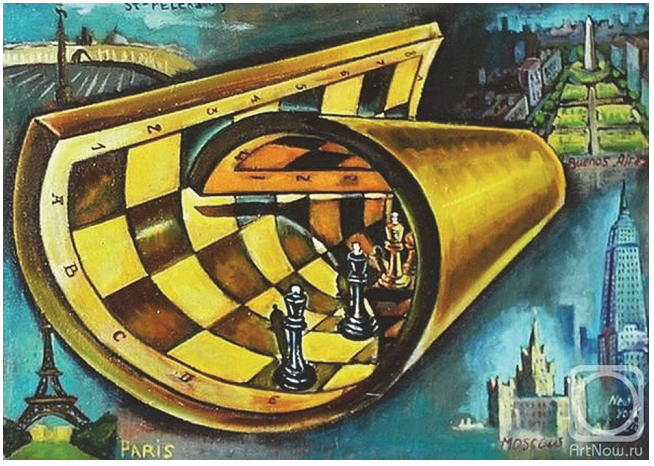
— Можешь быть доволен, Бонд. Они не работают! — Марина покрутила часами перед мордой пса.

Бонд ответил рычанием. Тогда Марина задумчиво добавила:

— Ты прав, их наверняка можно просушить и запустить снова...

Взгляд упал на разбросанные по полу инструменты. Среди них был и молоток. В этот раз Марина действовала решительнее, чем с инкассаторами. Она колошматила молотком по часам Наполеона, пока не заболела рука.

Раздробленные части механизма она разделила, чтобы выкинуть в разные мусорные баки по пути на работу. Золотой корпус вернула на бархатную подушку в ларец, а тот — в красную коробку. Когда Марина ставила коробку в тумбочку, из тёмной ниши вылетела моль. Первым же хлопком Марина поймала её и победоносно размазала между ладоней.

МОСКОВСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК – *лауреат премий «Словесность» и «Юрия Мамлеева», гл. редактор альманаха «Словесность», один из создателей Союза литераторов России.*

СТИХИ 2022 года, лето, Вороново

ФЛОКСЫ

Вянут розовые флоксы –
расцветают белые
Обожаю парадоксы
и решенья смелые
Их напоминает запах
детства терпкий аромат
Не в хвалёный Запад драпать –
я Назад вернуться рад
Не сидеть тут в карантине –
там мой «возвращённый рай»*
вылепленный в пластилине –
В нём в солдатики играй
поднимай рожком пехоту
на потешные бои
Не Техас или Дакоту
я цветы люблю Свои
Не исчезло обоняние
дом перенесло и сад
на крутое расстояние –
лет на шестьдесят назад
Там в совсем другое время
не придёт уже covid
Просто жить вместе со всеми
и душою не кривить.

НЕ НА СТОРОНЕ ЗЛА

– Мить ты будешь за «фашистов»?
– За фашистов – никогда!
В детской храбрости неистов
я за русских был всегда
Будет бить проклятых «фрицев»
мальчуковый первый класс
только как нам разделиться
кто за «них» а кто за «нас»
Вот у Логинова Паши
не пришёл с войны отец
Пусть воюет он за «наших»
но звонок – «войне» конец
Завершилась переменка –
все за парты в первый класс
А в игре вновь пересменка:
– Я – «фашист»?
– А ты что – «наш»?
Так в послевоенных стычках
мы росли «чужой» и «свой»
Оказалось не в кавычках
есть чужой – он враг живой...
Он зигуя в ад фашистам
наши рушит города
В детской храбрости неистов
я за русских был всегда

БОЖЕНЬКА

Вчера сказал учитель
всем в классе что Ты есть
Скажи мне Вседержитель
как ты случился Здесь

* Поэма Мильтона.

И кто тебя из Бездны
на божий свет извлёк
в которой всем исчезнуть
Ты сам в свой час предрёк
Затем придумал рай нам
и ад — в противовес
Свои ты принял раны
за нас но не исчез
а Воскресеньем Вечность
вернул в наш обиход
всю выложив наличность
всем заплатив вперёд:
Живу согласно правилам
что Бог всем завещал
хотя никем не правил он
ничем нас не стращал
Он сообщил нам просто
неумолимый факт
С ним с люльки до погоста
мой заключён контракт
К Нему — в татуировках
неимоверных звёзд —
я прикасаюсь робко
и признаю всерьёз

ПОДЖИГАЮЩАЯ СНЕГ

Луны плафон на небо ввинчен
со всеми океанами
Европа полагал да Винчи
вошла б со всеми странами
в их окоём — знал Леонардо
секрет особый о Луне
но раскрывать не стал он карты
ни современникам ни мне
И вот смотрю я на плафона
сияющую белизну
И верю что во время оно
польстился на её блесну
поэт какой-нибудь китайский
Ду Фу Ван Вэй или Ли Бо
с Луны покров сорвавший тайны
В стихосложении Царь и Бог
в струи Янцзы не окунувшись
ни разу прямо с головой
наведался по наши души
к Луне и возвратясь живой
запечатлел в строке скользящей
как чайка над рекой Янцзы
смысл вечной жизни настоящий
Таким мог быть и Лао Цзы!..
Откликнись на любое имя —
и рядом встанешь вместе с ними
перерожденный тайным светом
над бездной Вечности скользя
свои прищуривши при этом
чуть-чуть глаза
Взгляд сузив в смотровую щель
дрожишь как перед битвой танк
Внутри тебя простёрлась даль —
Ты просто поступай вот так
с Создателем наедине
записывай стих о Луне
А если он на сердце лёг
вам под Луной поджёгшей снег
смогу и я как мотылёк
к вам в форточку впорхнуть во сне

КОТ

К нам пришёл беломраморный
кот с чернильным пятном
цветом он бивней мамона
гибкий будто питон
за травинкой потянется
бабочка пропорхнёт
будто в медленный танец
беломраморный кот
погружается с гибкостью
недоступной для нас
лишь о будущей гибели
мыслящих всякий час
Мы стоим над котищею
на втором этаже

он пока не отыщет нас
будет жить в кураже
лишь за шаг до бессмертия
а услыша кис-кис
кот ничем не ответил нам
и бесследно исчез

ТРАВОСЕЙ

Как рыбак знаю: червей в кулаке не удержишь, это точно.

А. Петрович-Сыров

Дождевых червей в кулаке
не давлю при посеве травы
Жизнь прожить хотел налегке
не клоня ни пред кем головы
Что без кожи e. t. c.
сможет жить настоящий поэт
Я конечно знал Но с утра
ослепляет вишенья цвет
Баста не хватает ни сил
ни ума — приходит пора
О цветении я не просил
что ж стекают как кровь с пера
на компа белёсый экран
эти бабочки лепестков
Их никто нигде не украл
говорю вам без обиняков
Просто я их могу поймать
и держать как червей в горсти
было б гостя с чем принимать
и каким стихом угостить
ну не мне так кому-то ещё
кто заполнит собой мой дом
вот на это весь мой расчёт
даже если не будет УДО
и затянется травосев —
шевеленье червей в кулаке
Утром вишенье будет в росе
по жемчужине в каждом цветке

ДОЖДИТ

Опять июнь Жовто-блакитна
лужайка Слушает жена
дождя стенанья Ей обидно
что ливня спрятала стена
шуршанье ёжиков по саду
и шлепанье в пруд лягушат
Кто помидорную рассаду польёт
к теплице выйдя в сад?
Промокли зонтик и галоши
А одуванчики желты
И чудится дню быть хорошим
лишь солнце брызнет с высоты
Тут главное всю боль осилить:
Война Убитые Бои
В победу нашу будем верить
о ней моленья в эти дни
Мы — Рюриковичи Янукович
Давно облюбовал Ростов.
Гнать гаубицы эта сволочь
Зеленский под Донецк готов
Все ни при чём — присели Штаты
и в низком книксене поклон
А в ВСУ призыв солдат-
самоубийц — их миллион
Считая с пленными плюс трупы
что по полям и городам
кто тут кто там лежат
кто группой
кто в кулаке гранату сжав
Побатальонно сдайте братья
оружие в металлолом
Последний раз вам шлём проклятья
прощаясь со вселенским злом
Война закончится победой
необоримого добра
а ты жена за мною следуй
в парник по блёсткам серебра
и не хандри на ливень глядя
в моленье вся погружена
А спросит кто: «Скажи-ка дядя...»
Ответь: Июнь Дождит Война

Алла ШАРАПОВА, *секция «Спектр» — поэт, поэт-переводчик, председатель секции «Спектр» МОЛ СЛ РФ.В студенческие годы занималась в ЛИТО «Луч» (у Игоря Волгина) и «Спектр» (у Ефиша Друца). Ещё будучи студенткой журфака МГУ, начала публиковаться как переводчик поэзии. англоязычных и скандинавских поэтов (Джеффри Чосер, Филип Сидни, Уильям Батлер Йейтс, Рэдьярд Киплинг, Хенрик Ибсен, Гамсун), а также поэтов Востока — с подстрочников. Возглавляла секцию художественного перевода в Профкоме литераторов при издательстве «Художественная литература», вела литстудии и семинары. Лауреат премии имени Н. С. Лескова (Ярославль) за поэзию и переводы, победитель конкурсов «Живая литература» и «Серебряная псалтирь» в номинации «Поэзия», победитель конкурса «Поэт года — 2016» как автор сборника стихов «Среди ветвей».*

Д. ЦЕСЕЛЬЧУК: «Вспоминаю МОЛовские выступления в «Доме медицинского работника» в начале 90-х. Выступали Александр Мень, поэты клубов «Поэзия» (Еременко, Парщиков), «Московское время» (Гандлевский, Сопровский). Но переводчица «Пер Гюнта» Алла Шарапова всегда срывала неутихающие рукоплескания зала и не чтением своих блистательных переводов — собственными стихами. Её стихи высоко оценивал наш общий учитель Акимыч — Аркадий Акимович Штейнберг», посвященное ему стихотворение «Вот здесь мы коротали вечера...» опубликовано в «Словесности 2021».

Эту подборку мы начинаем с другого стиха Аллы, связанного с тем могучим, но опосредованным влиянием питерца Иосифа Александровича Бродского, которое он оказал на московский «андеграунд» тех лет, задолго до того, как стал нобелеатом, а завершаем помятованием историческому предтече нашего Союза литераторов России — Николаю Степановичу Гумилеву, о чем имеется соответствующее упоминание во втором пункте первого Устава Союза литераторов России.

ПАМЯТИ ИОСИФА БРОДСКОГО

Когда за честь и высоту искусства
Полуобъявленная шла война
И надо было выбрать Бога Вкуса,
Как выбрал «Арзамас» Карамзина, —
Вы дали имя нам на знамена
И радостный огонь на времена,
Когда мы стали с книгой, но без куса.

Жизнь оказалась не длинна — тесна.

Какой же малостью умерить горе?
Там, у тебя, архангелы и лед,
У маленькой вдовы остался кот,
А у меня есть кошка: в коридоре
На грудах книг все ночи напролет
Она шумит, как маленькое море.

АМЕТИСТ

Владимиру Гордееву

— Ты где-то пропадал...
— Я был на Кольском.
Там волчьи холода, но воздух чист.
Вам это скучно. Вы любили кольца —
Так не смутит вот этот аметист?
Беру твой камень — я его владыка,
Но из него не сделаю кольца:
В его неотшлифованности дикой
Явилась резкость твоего лица.
Ты был неправ — и сумасшедшим рейсом,
И кайрой, с переломанным крылом
Упавшей в снег, и белым эдельвейсом,
Сгоревшим под бикфордовым шнуром,
И злостью строк, оставленных на льдине,
И каждым из раздаренных камней,
И тем, что умирая в карантине,
Был горд и не позвал к себе друзей.
Но, птицу и цветок сподобив рая,
Всеведущий тебя очистит Бог,
И ты к нему вернёшься, умирая —
Вот, этот аметист тому залог.

Все ж будем жить — порывисто и чисто,
И в ночь, когда сбиваешься с пути,
Лиловый луч от грани аметиста
Ронять на снег и по нему идти.

* * *

Не живешь и не дышишь
В кольце твоих маленьких рук.
Я не друг тебе — слышишь?
И ты мне не друг!
Только эти стога у жнивья
Мне друзья,
Да еще верстовые столбы
У обочин судьбы,
Да еще пустельга,
Что ночами кричит у ручья,
Да глухие раскаты стрельбы
У лесничьей избы.

ПРИЕЗД

Элле Шапиро

А жизнь моя была проста:
Перо, бумага —
И тень висячего моста
На дне оврага.
И жаворонки над мостом,
И свет на стенах,
И письма глупые потом
О лжи, изменах.
Ожесточенные мечты,
Желанье мести...
А к полдню появилась ты
У нас в предместье.
Мне на плечо рука легла
Простого друга,
Минуты стали как века,
Как мир округа.
И жаворонок пел, и дрозд
Дразнил дроздиху,
И мы, раскачивая мост,
Шептались тихо.
За стенами особняка —
Вдовцы и вдовы,
И сетованье старика,
И плач больного.
И все ж за красоту тех мест,
За дружбы силу,
За твой негаданный приезд
Я всем простила.

СОБОР НА ОСТРОВЕ

— Ты приходи с рассветом под обрыв —
Там чайки кружатся, и утром рано
Туда волной отбрасывает рыб,
Изрезанных винтом катамарана.
— Ты звал меня, и видишь, я пришла.

О золото креста расшиблась мгла,
На жёлтый берег тень его легла,
И, пролетев через окно сквозное,
Большая птица обожжёт крыла
О мягкие его колокола,
Расплавленные от дневного зноя.
И я смеюсь над пустотою зла.
Мне хорошо. Я знаю — это ты,
Глядевший с небывалой высоты
На дно моей младенческой купели,
Ты, знавший всё: неистовые цели,
Ещё не превращённые в дела,
То, чем казалась, то, чем я слыла,
И то, чем я была на самом деле.
Прости меня. Я всё переросла.

* * *

Как пыль иных миров по застекленным кубам
Рассыпался ноктюрн и чей-то мягкий альт;
И пена облаков по водосточным трубам
Неоновой струей стекает на асфальт.
Я у тебя в гостях в золотолунной Вене,
И с нами старый пес на улице пустой.
Ты крикнул в темноту: «Побудь еще, мгновенье!» —
И моцартовский смех услышал над собой.
Тебе чего-то жаль. Под этим ровным светом
Кончается твоя тридцатая весна.
Но даже если жизнь кончается на этом,

Ты все-таки вздохнешь: какие времена!
Тебе ответит гул: «О времена, о нравы...»
Как просто оборвать натянутую нить...
О, кто поделит мир на правых и неправых,
Тот этот мир убьет. А так хотелось жить!

Прожектор по стенам рассредоточил тени,
И гости, закурив, расселись по местам.
Ты бледен, как Пьеро, на эмигрантской сцене,
Уже ценимый здесь, еще любимый там...
И вскроются впотьмах невидимые дали,
И в самой голубой, уже на грани снов,
Поднимутся смычки, засветятся рояли,
Зашелестят миры на веточках основ.
И в летнем пиджачке под грохот всех орудий
На сцену выйдет век предательски простой,
И чей-то здравый смысл неправедно рассудит
Его неправоту с твоей неправотой.
Нас вызовет война. И мы скрестим антенны.
Мы выучимся лгать, о смерти говоря.
И даже музыка — всего обрывок пены
На лодке, брошенной в эфирные моря.

АРЛЕКИН И ПЬЕРО

Мне сказал комендант, что они в перекур
Сидели и пили ром.
Один был длинен и белокур,
А другой был черняв и хром.
И длинному говорил хромой,
Неуклюже садясь за стол:
«Ты ведь знаешь, что я ни за кем не шел,
И никто не пойдет за мной.
Я вылепил мир из своей мечты,
Потому что я был один» —
«Ну и многого, что ли, добился ты?» —
С ухмылкой спросил блондин.
«Понимаешь, тебе еще мало лет,
И ты рано пустился в путь...
Но ты согласился бы, что поэт
Я лучше тебя чуть-чуть?»
«Эх! Мало ли каждый из нас кропал
И вздора, и чепухи —
Скажи мне на милость, с чего ты взял,
Что это были стихи?» —
И черный глаза вперил в пустоту
И рюмку рукой накрыл:
«Послушай, я выпить хочу за ту,
Которую я любил!» —
Тут белый кильку поддел на нож
И кофе отпил двойной:
«Однако же та, за кого ты пьешь,
Умерла не твоей женой!»
И черный стрелку подвел на часах:
«Но ведь дружба была у нас,
И ты меня, помнится, спас в горах,
А я тебя в море спас...»
А белый в ответ: «Не люблю вранья!
Альпинистом я был плохим,
И тот, кто спас тебя, был не я —
Ты попутал меня с другим!»
И черный вздохнул: «Была не была!
Сердце знает, что я не лгал!» —
Тут белый вышел из-за стола
И об пол швырнул бокал.
И какие-то дамы подняли крик,
Их искали три дня подряд,
И одному из них сделали втык,
А другой был с работы снят.
Но они приходили сюда опять
Выпить и покурить.
Вот только о чем, не могу понять,
Они могли говорить.

* * *

Когда слова учились целовать
Соседние слова и видеть тело
Чуть дальних слов, держась по виду смело,
Но гибель мира притаив внутри,
Как перед черным сундуком Пандора,
Как Дон Жуан, зовущий Командора,
И Брут Хома в часовне в час зари, —
Но слово знало что оно безгрешно
И занималось над пустой землей,
Замаливая светом стыд кромешный,
И лишь в блаженстве было безутешно...
А ты мне мил, хоть говорят, что злой.

* * *

Белой стаей, станом лебединым
Пролетела за весной весна.
Кто-то клялся Аннам и Маринам,
Что еще наступят времена.
Кто-то клялся мрамором лицейским,
Острыми чертами Казанов,
Кто-то клялся вдовам офицерским,
Что еще на свете есть любовь.
Кто-то верил. Кто-то, кто-то, кто-то...
Все кипело, не прочесть имен.
Под прикрытьем уходили роты
В мареве пороховых знамен.
Отступленья. Но и в этом шквале
Где-то голосили петухи.
Мальчики по почте отправляли
Злые, неумелые стихи.
Все равно — Маринам или Аннам...
Падали в огонь, сжимая грудь...
Белой стаей, лебединым станом
Улетело, скрылось, не вернуть.

* * *

Нет, не встанет он судьей над хором —
Не у нас закон и когти льва.
С ласковым произнесет укором:
«Вы смеялись — а она права!»
Ну а ей: «Не плачь — пройдут обида,
Ненависть, изгнанье, смерть, запрет...
Анна, ночь, касатка, атлантида!
Посмотри на свет — и явишь свет».

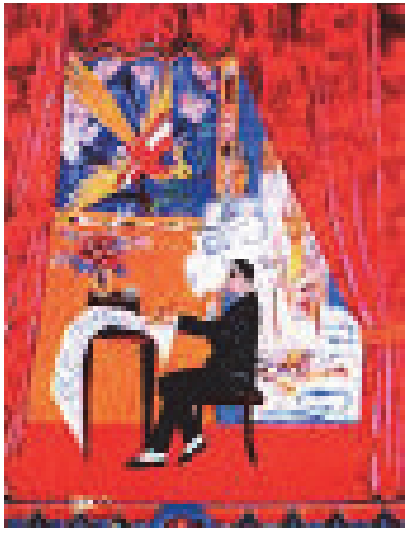
ЕЩЕ ОДИН

А мы читаем Бакунина и слушаем свист огня.
А.Блок

Еще один. Ведь людям все равно,
А Богу ничего не нужно.
Но я пойму: он выбрал путь окружный,
Когда прямого не было дано.
Он думал: время — это темный дом,
Где мертвенность и страх владеют всеми.
Он сжег свой дом... Он уничтожил время...
Он в погребе сгорел пороховом...
Его теперь и люди не простят,
И камни не помилуют. Но дети —
Они хотели жить при ярком свете,
Они решат, что он не виноват.
Не виноват, как слава и позор,
Не виноват, как скипетр и распятье,
Или как этот, преданный проклятью,
Но все еще торжественный костер.

Памяти Гумилева

В нашем смятом скоростью веке
Вроде думать бы не о том —
Но вспомянем о человеке
Не красивом и непростом.
Улыбнувшийся всем соблазнам
И во всяких бедах мастак,
Но не звавший чистого грязным
Ни за славу, ни просто так;
Смелый странник на бездорожье,
От огня не отведший грудь
И нашедший в Царствие Божье
Свой единственный, тесный путь,
И так детски легко простивший
Грустной родине смерть свою,
Что из смерти к ней приходивший
Младшим братьям дать сил в бою.

Наталья ВАНХАНЕН, *отделение «Поэзия» — поэт, поэт-переводчик, эссеист. Родилась и живёт в Москве. Окончила филфак МГУ по специальности филолог-испанист. Переводит в основном испанскую и латино-американскую поэзию. В её переводах увидели свет строфы Хорхе Манрике, стихотворения Святой Терезы Авильской, сонеты Лопе де Веги, стихи и проза Густаво Адольфо Беккера, стихи Антонио Мачадо, Хуана Рамона Хименеса, Федерико Гарсиа Лорки, Луиса Сернуды, Хорхе Гильена, Рубена Дарио, Габриэлы Мистраль, Висенте Уидобро, Педро Кальдерона де ла Ба́рка, и многих других классиков и современников. Переводила также венгерских, болгарских, сербских, абхазских, армянских и грузинских поэтов.*

Автор книг стихов «Дневной месяц» (М., 1991), «Далекие ласточки» (М., 1995), «Зима империи» (Мадрид,1998), «Ангел дураков» (СПб., 2012). Драма Кальдерона «Молчанье — золото» в её переводе поставлена московским театром «Сопричастность», Школой-студией МХТ и театром имени Кольцова в Воронеже. Драма Кальдерона «Жизнь есть сон» ставится в Электротеатре Станиславский в Москве.

Лауреат переводческих премий «Инолиттл» (2000), «Мастер» (2016). Обладательница Почетного диплома критики «зоИЛ» (2010).

Кавалер трёх международных орденов: Габриэлы Мистраль (Чили, 2002), ордена Гражданских заслуг (Испания, 2018), ордена Честь и слава (Абхазия, 2020), присуждённых ей за сохранение и преумножение мировой культуры.

Государственный стипендиат 2005-2007 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России». Председатель отделения «Поэзия» МОЛ СЛ РФ.

ЧАСЫ НА КОЛОКОЛЬНЕ ЕЛОХОВСКОГО СОБОРА

К позолоченной тарелочке
Жмутся черненькие стрелочки.
Ну, скажите, что тут страшного?
Кроме разве дня вчерашнего.
Я ведь здесь стояла девочкой,
Под недвижной черной стрелочкой —
И еще стою, как новая,
Всё к разлуке не готовая.

* * *

Я много жил и видел многих...

Илья Эренбург

Я много жила после многих потерь.
Я знала рвачей, я видала тетерь.
Бывала виновна, но чаще — права.
Любила слова и еще раз — слова.
Узнала (хоть поздно) в конце-то концов,
Что всех благородней — слова подлецов.
Равно как — признать не сочтите за труд! —
Решенья пилатов, лобзанья иуд,
Безмерно любимых,
навек дорогих,
Всегда прихотливей
и слаще других!
И с этим-то знаньем мне надо суметь
Простить свою жизнь
и принять свою смерть.
Заполнить бумаги, закончить дела,
Чтоб эта — простила, и та — приняла.

БЫДЛО

Москва пуста. Все порядочные люди уехали, осталось одно быдло.

Из разговоров

Война. Застыдился комфортный вагон.
Протестную выразил малость.
Большая элита уехала вон,
А нищее быдло осталось.
Живу, где жила и до этого дня,
Дешевое мажу повидло,
И если ударят, ударят в меня —
Больное и старое быдло.
Несется ракета, а быдло стоит.
Терзает губами полову.
И только о нем я заплачу навзрыд,
Во сне обнимая корову.

ГРОЗА

... Там туча крыльями махала,
Деревьев раздавался всхлип,
Шел дождь, сбивая опахала
Больших, медоточивых лип.
Явив собой столицу дожей,
Москва текла через бугры,
И ошарашенный прохожий
Не постигал конца жары,
Но ликовал, что снова выжил,
Хоть в том и в этом виноват...
А дождь стучал, стучал по крышам,
Как сто — и больше! — лет назад.

ДЖАНКОЙ

О детство, приди и меня успокой
Беспечной улыбкой из тьмы.
Я помню волшебное слово «Джанкой» —
Почти что доехали мы!
Отныне не скрипнут снега под пятой —
Нет хода не тающим им
На остров блаженный, да что там — святой! —
С коротким названием Крым.
Пусть мало осталось,
пусть день убывал
Сегодня заметно скорей,
«Джанкой», повторяю — последний привал,
И скоро блаженство морей.

* * *

Увидеть серпик молодой,
Увидеть ласточку в полете, —
И день неправедный, худой,
Сойдет на нет, и не прильнёте
К той черноте, что вам претит,
Где месяц спит, а вам не спится,
Откуда ласточка летит,
Куда она не возвратится.

ДВА ХУДОЖНИКА

Гюстав Моро мерцающий и Врубель,
В которых здравый смысл идет на убыль,
И только сказка правит страшный бал —
Тот, на который
приглашен Ваал.
Страдания земли — не ваша сфера.
В сиянии денницы Люцифера
Вы ловите гуденье мертвых вод —
То в темноте жемчужина растет.
Как не любить вас, мученики рая!
Вы больно жили,
Жили — умирая,
Поскольку не жильцы на свете те —
Кто верно служит только красоте.
А смерть была лишь точкой отправною:
Из адреса конкретного — в иное,
Родное, в то, что есть «туда, туда!».
И каждый что-то слышал напоследок —
Ведь нас последним покидает слух!
Один — далекий санитарки
окрик,
Другой — родную тишь,
девятый округ,
Ларошфуко 14, Париж.

* * *

Пылает база — шла атака.
Прицельно вдарил наш фугас.
Но если там жила собака,
То я не поздравляю вас.
Бомбардировщик шел витками.
Он метил в цель, и цель была...
Но вдруг собака со щенками
На базе все-таки — жила?..

* * *

На ней не отражаются года.
Душа — ребенок, ибо молода.
На ней не оставляет время след:
От силы ей всегда двенадцать лет.
При фараонах, цезарях и при
царе Горохе, где цари — цари,
душа всё та же и ее вовек
Переменить не может человек.

Засим и окружающие — в крик:
Зачем связался с девочкой старик?!
Затем, что в рай уходит налегке,
С дитём за ручку в белом парике.

* * *

Старомодная музыка крыш,
Без нее и Париж не Париж,
Без нее и Москва не Москва,
Хоть теперь ее слышно едва.
Все равно она в сердце поет,
И душа продолжает полет,
И доносится к мертвым сквозь сон
То гармошка, то аккордеон.

* * *

Круг очертился мелом
Штрихом проворным:
Снова дороги — в белом,
А люди — в черном.
Кто-то заплачет, скажет:
«Как жалко лета!»
Я не скажу. Мне в саже
Лучше — без цвета.
Тише мне, выше в белом —
Без слов, сочувствий.
Лучше мне, между делом,
Среди отсутствий.
Слаще, чем в нежном лете,
Сухой зимою:
Нет никого на свете,
И все со мною.

* * *

Грядущее — не за горами.
Вчерашний мальчик — эрудит.
Ровесник в золоченной раме
Из хрестоматии глядит.
Сменились лозунги и флаги,
Успели боги умереть,
А лист несортовой бумаги
Мной не исписан и на треть.

А я, как прежде, дурой дура,
Влюбляюсь душно и всерьез,
Как встарь, скучна литература,
А божий мир хорош до слез.
Стращает тьма холодным дулом
Мое нехитрое жилье.
Собака пукает под стулом.
Всё верно: каждому — свое.

* * *

Я голос ваш расслышу всё равно:
На стройке, на перроне, на болоте,
в могильной яме. Так уж суждено:
вы и в аду, наверно, мне споёте.
Шальное племя соек и синиц,
И скворушек, где каждый, ох, не промах!
Для вас ни карантинов, ни границ,
Лишь лунный прах разросшихся черемух.
Вы бешено смеетесь надо мной
И громче — на закате, ближе к маю.
Как можно жить с крылами за спиной?
Я этого совсем не понимаю!
Посланцы дальних, неизвестных сфер
Или ближайшей пикниковой рощи,
Вы вечный назидательный пример
Того, что песня — жизнь. И даже проще.

НАКАНУНЕ

Путем, какого нет окольней,
Зима прельщается всерьез
Просквоженною колокольней,
Где черный колокол замерз.
Она на мир взирает здешний,
Как на начищеный пятак,
Скворцом из ледяной скворешни,
Что всё не запоет никак.
Она не говорит ни слова,
Но разбивается об лед.
Она настать совсем готова,
Но все никак не настает.
Иная у нее забота —
на то и блеск, на то и прыть:

Нам подарить хотя бы что-то,
Да, не отнять, а подарить!
И не ее ли кулаками
Не снегом, прянувшим с горы,
А розовыми облаками набиты ветхие дворы?!

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Не знаешь, деревенщина?
Скажу — чего таить! —
Должна быть юной женщина,
Мужчина должен быть
Не то чтоб статным, бритым,
Красавцем ну и ну —
А просто не убитым
В последнюю войну.

* * *

Кажется старюсь до срока-
стали мгновенными дни.
Зимние звезды далёко,
мельче осенних они —
острые высверки снега
в небе, как здесь, на земле...
Жирные звезды ночлега
В летнем варились котле;
осень, небесные гроздья —
праздничный иконостас...
Мелкие зимние звезды,
что вам за дело до нас,
маленьких черных фигурок,
цифирек в Божьих часах,
в смертной одежке из шкурок
ищущих вас в небесах?!

* * *

Моя ли вина — не вина?
Но, черное небо лакая,
Сегодня такая луна
И теплая осень такая,
И клен на свеченье распят, растянут на четверть столетья,
Что, может быть, снова простят
И то, и другое, и
третье?..

МАНОК

Как Лазарь, размотавший узы,
Растерян, смраден, одинок, —
Идет поэт на дудку Музы,
Ее безжалостный манок.
Так, сбросив пыльную попону,
Одёр трусит на звук трубы.
Так гренадер к Наполеону
Встает из недр, взломав гробы.
Так у ноги, не выждав знака,
По зову древнего нутра,
Бредет старательно собака,
Хотя калека и стара.

СИЛЬВЕР

Совесть моль повыела,
Обратила в пыль —
У хромого Сильвера
Выбили костыль.
Ох, друзья-товарищи,
Дьявол вам не брат!
Только я пока еще
Старый, но пират.
Пятницей-субботою
Небо умоля,
Я вас уработаю
И без костыля!
Думали, не выживу?
Откачусь к дровам?
Я простым булыжником
Меж лопаток вам.
Шансы мы повыровним,
Не назвав имен,
Ибо Сильвер Сильвером
До конца времён!

35 лет назад увидело свет уникальное исследование Любови Дмитриевны Блок — Прекрасной Дамы — «Возникновение и развитие техники классического танца»

Галина ЯКИМОВА, *Москва, секция «Бригантина» — поэт, прозаик, публицист. Победитель конкурса «"Красный Октябрь" в Великую Отечественную войну» в номинации «Поэзия», 2019. Участник выступления на Красной площади, 2019. Госстипендиат 2015—2017 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*
Занималась в 80-е гг. XX в. в лито «Бригантина», руководитель Д. Ю. Цесельчук. В настоящее время председатель одноименной секции МОЛ СЛ РФ. Стояла у истоков Союза литераторов России.

Предваряем статью небольшим отзывом-рецензией: *«Наконец-то смогла прочитать статью, и она мне очень понравилась. Про труд, посвященный балетному искусству, сказано всё верно, так оно и есть, это действительно фундаментальная работа, составляющая огромную ценность. Спасибо, читать статью было интересно». Ирина Юрьевна Сырова, Московская государственная академия хореографии, преподаватель классического танца. Солистка балета Пермского академического театра оперы и балета им. П.И. Чайковского (1971—1975 гг.). Заслуженный деятель искусств РФ.*

ДВЕ ЖИЗНИ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

«Венок, сноп полевых цветов, распущенный напоказ всем плащ золотых волос, падающих ниже колен...» — такой она запомнила себя в день любительского спектакля, где он играл Гамлета и Клавдия, она — Офелию.

Офелия — 16-летняя девушка с фотографии, которую узнают люди, даже не очень искушенные в поэзии Серебряного века, — Любовь Менделеева (в замужестве Блок), дочь ученого, жена поэта, без которых невозможно представить историю отечественной науки и литературы.

Странности нелегкого совместного пути Прекрасной Дамы и Поэта, порою столь мучительного для обоих, но прерванного только его смертью, давно уже стали предметом изучения.

Между тем годы, которые были отпущены вдове Поэта, когда ни кем не замеченный до поры ее огромный творческий потенциал смог раскрыться, продолжают хранить свою тайну.

Но вернемся к началу. Отношения деда Блока Андрея Николаевича Бекетова (ученого-ботаника, ректора Санкт-Петербургского университета) и Дмитрия Ивановича Менделеева были более чем добрососедскими. Не только их петербургские квартиры, но и подмосковные имения Шахматово и Боблово (землю для которого посоветовал в свое время купить Дмитрий Иванович) находились неподалеку.

Саша (домашние звали его Сашура) и Люба встречались в раннем детстве на прогулках с нянями, потом через несколько лет играли и лазали по деревьям в шумной детской компании, когда мальчик с дедом приехал в Боблово в гости.

Более близкое знакомство выросших детей произошло в 1898 году. Историю ее изначального неприятия («фат с рыбьим темпераментом и глазами...»), сближений и отторжений пяти предсвадебных лет Любовь Дмитриевна расскажет уже почти на склоне жизни в своих мемуарах «И быль и небылицы о Блоке и о себе».

Они пережили лето театральное, когда оба были увлечены сценой. Александр даже всерьез думал о карьере актера.

Было и лето мистическое, когда их встречи во время его визитов в Боблово были наполнены разговорами о литературе и поэзии, происходило знакомство с символистами, пока еще только книжное.

Впрочем, отношения их прекращались и возобновлялись. У каждого была своя жизнь.

В Петербурге она учится на Высших женских курсах, а он студент юридического, затем историко — филологического факультета университета. В это время Блока не покидает восторженно-мистический настрой (серьезное влияние, переживаемого им увлечения философией и поэзией Владимира Соловьева).

Несколько случайных (хотя бывают ли в жизни случайности?) встреч и совпадений Блок воспринял как знак свыше. Живая и земная девушка соединилась с тем возвышенным образом, в поисках которого он находился. Теперь она воплощение Вечной Женственности, Прекрасная Дама. Могла ли тога догадываться Люба, как это перекроит ее судьбу?

В это время создавались многие стихи, которые позже вошли в первый поэтический сборник «Стихи о Прекрасной Даме».

Что же Люба? Она, даже когда всеобщее признание было далеко впереди, понимала, что рядом с ней поэт очень большого дарования. «Спросил Блок меня, что я думаю о его стихах. Я отвечала ему, что я думаю, что он поэт не меньше Фета. Это было для нас громадно. Фет был через каждые два слова».

Но вместе с тем уже тогда она предприняла попытку прекратить отношения. Сохранилось письмо, которое не было передано адресату. В нем уже явственно обозначено то, что потом будет камнем преткновения. «Я живой человек и хочу им быть, хотя бы со всеми недостатками; когда же на меня смотрят как на какую-то отвлеченность, хотя бы и идеальнейшую, мне это невыносимо, оскорбительно, чуждо... Да, я вижу теперь, насколько мы с Вами чужды друг другу, что я Вам никогда не прощу то, что Вы со мной делали все это время — ведь Вы от жизни тянули меня на какие-то высоты, где мне холодно, страшно и... скучно!»

И все-таки их свадьба состоялась. В случае отказа Блок намеревался свести счеты с жизнью. Даже было заготовлено прощальное письмо, подписанное «Поэт Александр Блок».

А 17 августа 1903 года они венчались, в Боблове была свадьба. Вечером молодожены уехали в Петербург. Происшедшее далее ошеломило и обескуражило Любовь Дмитриевну. Оказалось, что Душа Мира, Премудрая София, вечно непорочная и лучезарная и Астартическое начало — два несовместимых полюса, и поэтому им не надо физической близости. «Когда я ему говорила о том, что я-то люблю весь этот еще неведомый мне мир, что я хочу его — опять теории: такие отношения не могут быть длительны, все равно он неизбежно уйдет от меня к другим. А я? «И ты так же». Это приводило меня в отчаяние! Отвергнута, не будучи еще женой, на корню убита основная вера всякой полюбившей впервые девушки в незыблемость, единственность».

В столь странном положении она пребывала больше года. Потом «молодость все же бросала иногда друг к другу живших рядом», но эти эпизодические отношения, скорее всего, были тягостны для обоих и сошли на нет.

И все же первое время Любу не покидает надежда на то, что все наладится, она пытается перекроить себя: «Я была во всем покорной ученицей Саши; если я думала и чувствовала не так, как он — я была не права»; «Как взапуски, как на пари, я стала бежать от всего своего и стремилась тщательно ассимилироваться с тоном семьи Блока, который он очень любил. Даже почтовую бумагу переменила, даже почерк».

Люба восторженно встретила поначалу жизнь в доме Блока: «Никогда не слышала я... за обеденным столом... вульгарно-житейских или тем более хозяйственных разговоров... Обеденный разговор — это целый диспут... пяти-шестичасовой разговор на отвлеченную тему». Вскоре наступило разочарование: «На словах они все меня захваливали наперебой, «любили» меня все ужасно, но... всегда стремились Сашу «не отдать» мне целиком, боролись с моей стихией...»

Да, с ее стихией боролись. В первую очередь мать Блока, Александра Андреевна, которая сыграла огромную роль в жизни и формировании взглядов сына, с ранних лет поощряла его увлечение поэзией, и именно благодаря ей он познакомился с сочинениями Владимира Соловьева, участвовала в этом противостоянии.

За мелочной опекой и бытовыми неурядицами скрывалось нечто более серьезное. Накал страстей достигнет своего пика в тяжелое время лишений и болезни Блока. Примирила и до какой-то степени сблизила их только смерть поэта.

В 1904 и 1905 году летом в Шахматове гостили два человека, Сергей Соловьев и Андрей Белый. Время, проведенное с ними, определило новый поворот в жизни.

Сергей Соловьев, троюродный брат Блока, незадолго до этого пережил трагическую смерть родителей: умер от воспаления легких Михаил Сергеевич, брат философа Владимира Соловьева, многое сделавший для распространения его идей; жена застрелилась, как только его не стало. Возможно, эксцентричность поведения Сережи в какой-то степени обусловлена этой страшной травмой.

Судьба распорядилась так, что именно благодаря ему было положено начало известности поэзии Блока. Присылаемые Александрой Андреевной стихи сына Сергей показывал своим единомышленникам — «Аргонавтам». Так называлось общество символистов, идейным вдохновителем и главой которого был Андрей Белый (Борис Бугаев, сын декана физико-математического факультета Московского университета). На него Блок заочно произвел огромное впечатление. Сначала «Встретились письмами», как выразился Андрей Белый.

Воочию увидели друг друга зимой 1904 года, когда через полгода после свадьбы Блоки отправились в Москву. Это было значимое событие. Почти сразу Белый был очарован и Блоком, и его женой.

За две недели состоялось множество встреч, они перезнакомились со всем поэтическим обществом города.

Сергей Соловьев вспоминал: «Успех Блока и Любови Дмитриевны в Москве был большой. Молчаливость, скромность, простота и изящество Любови Дмитриевны всех очаровали... Белый дарил ей розы, я — лилии».

Блок был провозглашен «Аргонавтами» пророком, Любовь Дмитриевна — земным воплощением Вечной Женственности.

Поначалу ее самолюбию льстило экзальтированное поклонение. Но постоянные назойливые вторжения в личную жизнь вскоре утомили обоих. Супруги устали, поэтому рады были вернуться в Петербург.

И вот Соловьев и Белый в Шахматове. Они привнесли атмосферу московских встреч, что несколько смущало домашних. Например, Мария Андреевна, тетка Блока, увидела это так: «В их восторгах была изрядная доля аффектации, а в речах много излишней экспансивности. Они положительно не давали покоя Любови Дмитриевне, делая мистические выводы и обобщения по поводу ее жестов, движений, прически. Стоило ей надеть яркую ленту, иногда просто махнуть рукою, как уже «блоковцы» переглядывались с значительным видом и вслух произносили свои выводы. На это нельзя было сердиться, но это как-то утомляло, атмосфера получалась тяжеловатая. Шутки Сергея Михайловича, его пародии на собственную особу облегчали дело, но и тут оставался какой-то неприятный осадок».

Развязка наступила. Сложилось так, что летом 1905 года отношения с Сергеем Соловьевым прекратились надолго, а Андрей Белый понял, что испытывает к воплощению Вечной Женственности вполне земные чувства.

«Началась длинная, трехлетняя изнурительная неразбериха, в ходе которой Любовь Дмитриевна то принимала, то отвергала любовь Андрея Белого и совершенно замучила и его, и себя, — пишет известный литературовед Владимир Орлов во вступительной статье к книге «Александр Блок. Письма к жене». — Свойственная Белому душевная неуравновешенность сильнейшим образом осложнила жизнь всех троих втянутых в неразбериху лиц. Он попеременно то ссорился, то мирился с Блоками, клялся в любви и в дружбе, упрекал и обвинял, каялся, требовал сочувствия, унижался, угрожал самоубийством».

В итоге — после бесконечных колебаний и несостоявшейся дуэли — Любовь Дмитриевна все-таки осталась с мужем, так и не переступив заветную черту.

Из затягивающего водоворота этих отношений ей удалось вырваться. Душевная рана Андрея Белого давала знать о себе до конца жизни.

Ирина Одоевцева в книге «На берегах Невы» рассказала о встрече с Андреем Белым, которого не пощадили годы. В 1920-м он готов пересказывать историю отношений с Любовью Дмитриевной и Блоком раз за разом, не имело значения кому. «... Ему необходимы уши, слушающие его.

Все равно чьи уши. Ведь они для него всегда «уши вселенной».

С Любовью Дмитриевной после этих событий случились некие перемены. Безусловно, Андрей Белый — человек в ее глазах не менее значительный, не менее талантливый, чем Блок. А значит, связь с ним была бы действительно изменой.

Она объясняет свои новые взгляды: «Отказавшись от этого первого, серьезного «искушения», оставшись верной настоящей и трудной моей любви, я потом легко отдавала дань всем встречавшимся влюбленностям — это был уже не вопрос, курс был взят определенный, парус направлен, и «дрейф» в сторону не существенен».

Впервые (как она сама назвала этот роман) «нетягостную любовную игру» она затеяла с Георгием Чулковым, литератором, приятелем Блока, участвовавшим порой в его пьяных скитаниях.

И тогда, и после она признавалась Блоку во всех своих увлечениях, не забывая напоминать о том, что муж для нее — единственная любовь.

Что ж, он это сам напророчил («и ты так же»)? Потом были «дрейфы», оставившие о себе память, были и те, которые стерлись, как следы на песке...

В своей отдельной от Блока жизни Любовь Дмитриевна пыталась найти свой путь.

«Но я была не «Функция», я была человек, и я-то часто не знала, чему я равна, тем более чему равна «жена поэта» в пресловутом уравнении. Часто бывало, что нулю; и так как я переставала существовать, как функция, я уходила с головой в свое «человеческое» существование».

Этим «своим» на долгие годы стал театр.

Еще до замужества она училась актерскому мастерству на курсах актрисы Александринского театра Марии Михайловны Читау, «которая была не только очень довольна ей, но уже строила планы о том, как подготовить ее к дебюту в Александрийский театр на свое прежнее амплуа молодых бытовых». И вот спустя продолжительное время решилась служить сцене. В качестве творческого псевдонима она выбрала фамилию декабриста Басаргина, родственника отца, память о котором хранилась в семье.

Ее театральный путь не так хорошо изучен. Известно, что в бытность свою актрисой Блок-Басаргина играла в различных труппах (в том числе в Театре Комиссаржевской, которым руководил тогда молодой Мейерхольд, Театре Л. Б. Яворской, в студиях Мейерхольда, в Оренбургском городском театре и Летнем театре г. Пскова, в Театре народной комедии С. Э. Радлова), часто гастролировала и любила эти путешествия.

Особое значение в ее жизни имела гастрольная поездка Мейерхольда 1908 года, к тому времени ставшего работать самостоятельно, по западным и южным губерниям, во время которой она ощутила свои силы как актриса, окунулась в новую для нее кочевую жизнь. Она пишет Блоку из Могилева: «Я в первый раз почувствовала себя на свободе, одна, совершенно одна и самостоятельна. Это опьяняет, и я захлебываюсь...»

В своих воспоминаниях она назвала его паж Дагоберт. Начинающий артист Константин Давидовский играл пажа в «Победе смерти» Ф. Сологуба. Об их главном свидании Любовь Дмитриевна сочла необходимым рассказать в своих мемуарах, для нее это было важно. Многие современники, прочитавшие рукопись, считали этот слишком откровенный эпизод написанным напрасно. (Наверное, с ним в значительной степени связано высказывание Ахматовой об этих воспоминаниях: «Чтобы остаться Прекрасной Дамой, от нее требовалось только одно: промолчать!») Теперь, когда мемуары в свободном доступе, каждый может составить собственное мнение.

Но не эта ли удивительная способность увидеть и показать истинное величие человеческого тела сделала балет предметом исследования и смыслом ее жизни через много лет?!

Впрочем, произошедшее (в этом уникальность их отношений) не затронуло душевной связи с Блоком, и именно поэтому она так откровенна в письмах к нему.

Непродолжительная связь была прервана ею в одночасье «глупо, истерично, беспричинно», но Любовь Дмитриевна была беременна.

Еще ребенком Люба слышала, как от боли во время родов кричала ее мать, боялась материнства и не хотела детей, но ей суждено было пережить тяжелейшие роды и похоронить сына, которого назвали Дмитрием, через восемь дней. Блок был рад новорожденному и готов считать своим, думал о том, «как Митьку воспитывать». Смерть младенца стала тяжелым ударом.

Он был уверен, не исключено, что ошибался, в своей неспособности стать отцом (следствие перенесенной в юности венерической болезни).

Любовь Дмитриевна писала о муже: «Физическая близость с женщиной для Блока с гимназических лет это — платная любовь, и неизбежные результаты — болезнь. ... Тут, несомненно, травма в психологии. Не боготворимая любовница вводила его в жизнь, а случайная, безличная, купленная на несколько минут...» Вот что, если отбросить философскую надстройку, в немалой степени определило особенности их брака.

Пережив потерю, оба лишены сил и опустошены. Они решают поехать в Италию. На следующий год снова путешествуют по Европе.

В 1912 году театр в очередной раз появляется в жизни Любови Дмитриевны. В это время приобретают популярность летние театральные сезоны. Вокруг Петербурга было разбросано более двух десятков «дачных» театров. Идея создания такого театра в Териоках принадлежала Любови Дмитриевне. Деньги для постановок и нужд театра были — ведь после смерти отца она получила наследство. Труппу в конечном итоге возглавил Мейерхольд. Териокский эксперимент удался. Мастер и актеры успешно работали над развитием сценических форм.

У Блока было очень сложное, неоднозначное отношение к этой стороне ее жизни. Зачастую он не считал нужным скрывать свою неприязнь. Но, например, к концу сезона в Териоках он отмечал в ней «задатки здоровой работы», хотя признавал недостатки.

И уже много позже, когда она выступала с чтением поэмы Блока «Двенадцать», ее манера исполнения была принята далеко не всеми, Блок говорил, что не умеет читать «Двенадцать», и считал исполнение Любови Дмитриевны наиболее удачным.

Какой была Любовь Басаргина на сцене? Образ рассыпается. Но можно с уверенностью сказать о профессионализме, о безупречном владении арсеналом средств и приемов актера, что было результатом огромного труда и что высоко оценил Блок.

Поражает, насколько по-разному ее видели современники, даже если говорить о внешности.

Достаточно вспомнить «Аргонавтов», Андрея Белого («Царевна») или восхищение пажа Дагоберта, остальные в большинстве своем ничего этого не разглядели, да и не пытались.

Кстати, многие замечали некое сходство с великим отцом. Как оказалось, не только внешнее.

Все-таки вряд ли Анна Андреевна Ахматова была беспристрастна в своем убийственном описании внешности Любови Дмитриевны, перешагнувшей свое тридцатилетие: «Она была похожа на бегемота, поднявшегося на задние лапы. ...Глаза — щелки, нос — башмак, щеки — подушки...» (из записок Л. К. Чуковской).

И в жизни Любови Блок той поры много непроявленного, неопределенного. По ее же собственным словам, в ней «не было упорства в одном направлении».

Писатель М. В. Бабенчиков, впоследствии работавший с А. Блоком над редактированием протоколов допросов, проводимых Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, его хороший знакомый, знавший родственников Блока, наблюдавший жизнь семьи со стороны, написал о Любови Дмитриевне: «Всю жизнь она судорожно металась от одного дела к другому, чего-то искала и попеременно увлекалась то изучением старинных кружев, то балетом, то цирком, то чем-то еще, на что уходили не только ее силы и средства, но и ее несомненная природная даровитость.

Подобная, крайне ненормальная семейная обстановка губительно отзывалась на самом Блоке. Его домашняя жизнь постепенно приобрела холостой и безбытный характер, и Ал. Ал. не раз затем с большой горечью отмечал образовавшуюся вокруг него роковую пустоту».

Еще в Териоксийский сезон возникла связь с Константином Кузьминым-Караваевым — помощником Мейерхольда, начинающим актером и студентом-юристом. Он много моложе Любови Дмитриевны. Этот роман, длившийся несколько лет, Блок переживал тяжело. Были отъезды к возлюбленному в Житомир, просьба отпустить ее, мольбы о помощи. Блок готов умереть. «Если ты веришь в установление гармонии для себя, то я готов к устранению себя с твоего пути, готов гораздо определеннее, чем 7 ноября 1902 года. Поверь мне, что это не угроза и злоба, а ясный религиозный вывод, решительный отказ от всякого компромисса». Люба вернулась. В июне 1913 года они едут во Францию, вместе им трудно, возвращаются порознь.

Безусловно, фоном отношений супругов Блок всегда было то, что Александр Александрович назвал «непрекращающимся преступлением». Об этом много написано и сказано. Многолетнее последовательное уничтожение себя.

«Время от времени его тянет на кабацкий разгул. Именно кабацкий, — писал о Блоке Георгий Иванов. — Холеный, барственный, чистоплотный Блок любит только самые грязные, проплеванные и прокуренные «злачные места».

Было время, когда «ночные бабочки» Петербурга называли себя Незнакомками. Имена и лица участниц вереницы мимолетных встреч и увлечений не так важны.

Обычно говорят о двух женщинах, оставивших яркий след в его творчестве, отношения с которыми были серьезным испытанием для брака Блока и Любови Дмитриевны.

С 1906 по 1908 год Блок был увлечен Натальей Волоховой — актрисой Театра Комиссаржевской. Ей посвящен сборник «Снежная маска», ее образ отражен в цикле «Фаина». Как-то Любовь Дмитриевна пришла к сопернице и спросила, готова ли та принять Блока и взять на себя заботу о нем, щадить его тонкую душевную организацию, с пониманием относиться к его поэтической нервозности и зависимости от властной матери. Та ответила решительным отказом. Женщины остались в хороших отношениях.

Любовь Андреева-Дельмас была оперной певицей. Блок увидел ее в роли «Кармен». За две недели марта 1914 года, вдохновленный этим образом, он создает поэтический цикл. Короткая вспышка очень сильного чувства, которое, как считала Любовь Дмитриевна, «победило все травмы», и только с этой женщиной Блок узнал желанный синтез плотской и духовной любви.

Свои коррективы в жизнь внесла война. Любовь Дмитриевна окончила курсы сестер милосердия, получила назначение в госпиталь. Она провела на войне десять месяцев, преимущественно во Львове. Блок тревожился за жену, гордился ее самоотверженной работой, ведь благодаря ей были спасены жизни многих раненых, напечатал (анонимно) выдержки из ее корреспонденции «Из писем сестры милосердия». И снова их переписка полна взаимной нежности, заботы и надежд на счастливую совместную жизнь. (Хотя отношения с Дельмас еще не исчерпали себя.)

Весной 1915 года Любовь Дмитриевна возвращается с фронта — муж в тяжелом душевном и физическом состоянии, помочь вернуть его к жизни может только она. Блок подвел итоги и окончательно понял: «... У меня женщин не 100-200-300 (или больше?), а всего две: одна — Люба; другая — все остальные» (из дневников Блока).

А она, исполнив свою миссию, уехала на гастроли.

Блока ждал призыв в действующую армию, где он сооружал полевые укрепления в прифронтовой полосе в районе Пинских болот, здесь его застало известие о свержении самодержавия. Затем в мае 1917 года он был привлечен к работе в Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством для расследования деятельности царских министров и прочих высших должностных лиц, занимался редактированием стенографических отчетов (лично присутствовал на допросах!).

Как известно, Октябрьские события и победу большевиков поэт приветствовал: «Слушайте музыку революции!». В январе 1918 года создается поэма «Двенадцать». Не принявшая революцию литературная интеллигенция во главе с Мережковским и Гиппиус отвечает бойкотом.

Впрочем, Блок и сам очень скоро остыл от своих революционных восторгов, но его попытка болезненной трансформации в деятеля культуры советского государства в конечном итоге привела к гибели.

С 1918 по 1920 год Блока активно выбирали на различные должности в многочисленных организациях. Лавинообразно нараставший объем работы был пагубен. Свое тогдашнее состояние он характеризовал словами «меня выпили», он осознал, что «разучился писать стихи и думать о стихах».

Любовь Дмитриевна, как могла старалась жить в новых условиях, и ей, по ее же словам, «страшно хочется жить». Ее артистическая карьера неплохо складывалась. В 1920 году она поступила на работу в Театр народной комедии С. Э. Радлова, где попала под обаяние актера Жоржа Дельвари, известного публике как «клоун Анюта», новый роман, новые роли, новые друзья.

Вместе с тем она не думает о разрыве с мужем, насколько позволяют возможности и умение, налаживает быт в это нелегкое время. Немаловажно, что в театре выдают паек и платят жалованье.

В своих мемуарах она вспоминает, как «полетело на рынок содержимое моих пяти сундуков актрисьего гардероба», как без серьезных сожалений рассталась со своей тщательно подобранной коллекцией шалей, дрогой ей ниткой жемчуга, выменивая их на продукты. Руки, когда-то воспетые поэтом, огрубели от чистки мерзлой картошки и отвратительных скользких селедок. Помогали справиться с невзгодами особенности характера. «Я не умею долго горевать и органически стремлюсь выпирать из души все тягостное».

Что удерживало вместе этих людей, не стоит даже пытаться разгадать, обращаясь только к биографическим фактам. Любовь Дмитриевна удивительно сумела это выразить: «..у нас всегда был выход в этот мир, где мы были незыблемо неразлучны, верны и чисты. В нем нам всегда было легко и надежно, если мы даже и плакали порой о земных наших бедах... Трепетная нежность наших отношений никак не укладывалась в обыденные, человеческие: брат-сестра, отец-дочь... Нет!... Больнее, нежнее, невозможней...»

7 августа 1921 года Александр Александрович Блок умер. «Блок умирал несколько месяцев, на глазах у всех, и никто не умел назвать его болезнь. Началось с боли в ноге. Потом говорили о слабости сердца. Перед смертью он сильно страдал, но отчего же он всё-таки умер? Неизвестно. Он умер как-то вообще, оттого, что был болен весь, оттого, что не мог больше жить. Он умер от смерти» (Владислав Ходасевич).

В это время Любовь Дмитриевна была неразлучна с мужем. Она оставила театр. С помощью многочисленных друзей и поклонников поэта удавалось доставать лекарства и провизию. Она предпринимает отчаянную попытку по рекомендации лечащего врача (официальный диагноз: острый эндокардит — воспаление внутренней оболочки сердца) отправить мужа в Финляндию, в санаторий. Обращается с просьбой к Горькому. Вопрос решался на самом высоком уровне, сначала даже его авторитета не хватало для положительного исхода дела. О том, что разрешение на выезд было дано, Луначарский сообщает Горькому 6 августа, за день до смерти больного. Власть не пощадила Поэта.

По словам матери Блока, в последние минуты жизни он был в сознании, попросил ее встать с одной стороны, жену — с другой, вытянулся и умер.

* * *

Прекрасная Дама пережила Поэта на 18 лет (символично, что их брак длился столько же). Здесь для огромного большинства опускается занавес.

А между тем именно эта часть ее жизни (в первую очередь внутренней жизни) представляет особый интерес для того, кто захотел бы узнать о пути Любови Дмитриевны Менделеевой — ученого, творца.

Известные биографические факты фрагментарны.

Любови Дмитриевне пришлось взять на себя заботу о матери Блока. Александре Андреевне было суждено прожить еще два года.

Вдова поэта, оберегавшая память о муже, с большой осторожностью принимала у себя людей, хотевших писать

о Блоке. Наверное, в связи этим главным мемуаристом семьи Блока считается его тетка М. А. Бекетова, которая никому не отказывала в приеме, охотно рассказывала о племяннике. С Марией Андреевной они делили одну квартиру. Есть воспоминания о том, как молодой врач-невропатолог, решивший изучить особенности личности Блока, был холодно выпровожен одной и тут же радушно принят другой.

При этом судьба творческого наследия Александра Блока для Любови Дмитриевны на протяжении этих лет имела огромное значение. Она подготовила к изданию два сборника стихотворений поэта, к одному из них написала предисловие, его «Дневники» и «Записные книжки», участвовала в работе над 12-томным собранием сочинений.

На театральную сцену после смерти Блока она практически не выходила (печальную роль здесь сыграла еще и болезнь сердца), зато приобрела опыт работы режиссера и педагога.

В 1922 году она работала в студии Радлова, открытой для воспитания новых актеров (Театр народной комедии к тому времени прекратил свое существование), а в 1923-м — в клубном Молодом театре. К тому времени Любовь Дмитриевна, до этого много лет сотрудничавшая с Мейерхольдом, во многом пересмотрела свои взгляды, став горячей сторонницей художественной позиции Блока, настаивавшего на необходимости высокого искусства (классической драматургии, соблюдении художественных канонов в постановках). Не принимала, когда актерская техника рассматривалась изолированно от какой-либо смысловой наполненности, психологические мотивировки поведения и даже содержание пьесы теряли значение. Из-за принципиальных разногласий она вынуждена была уйти. Но студийцы и молодые актеры с благодарностью вспоминали ее уроки сценического мастерства.

Времена настали нелегкие. Корней Иванович Чуковский видел ее «в потертой шубенке, с не вставленным зубом», предлагающей свои переводы с французского в одном из издательств. Делает вывод: «или она прибедняется, или ей, действительно, очень худо». Позже встретил ее в Госиздате, узнал, что служит корректоршей. Замечает: «Того чувства, что она «воспетая», «бессмертная» женщина, у нее не заметно нисколько, да и все окружающее не способствует развитию подобных бессмысленных чувств».

Но приблизительно об этом же времени оставила свои воспоминания актриса Ольга Сергеевна Розина-Лаврова — актриса Молодого театра, хорошо знавшая Любовь Дмитриевну: «Привлекательна была в ней любовь к жизни и стойкость, с которой она переносила тяготы, выпадавшие на ее долю. Никогда не слышала я от нее ни слова сетования, не замечала и следа уныния».

В 1929 году были написаны мемуары «И быль и небылицы о Блоке и о себе», где она, в частности, говорит об оптимизме как неотъемлемой части своей натуры, принятии тех изменений, которые приходят с возрастом.

Внимательное чтение этого произведения — один из способов попытаться увидеть предпосылки раскрытия ее огромного исследовательского таланта.

Путь ученого Л. Д. Блок начался с увлечения. Какое-то время она называла себя балетоманом (не более).

С Агриппиной Яковлевной Вагановой — знаменитым педагогом, впоследствии автором известной во всем мире системы обучения классическому танцу, Любовь Дмитриевна была знакома много лет.

Любовь Дмитриевна часто присутствовала в вагановском классе, с большим интересом и вниманием следила за ходом урока. Сама занималась с некоторыми из учениц.

Вот как запомнила это Наталья Дудинская (ее имя в одном ряду с Мариной Семеновой и Галиной Улановой, выпускницами разных лет, ставшими символом нашего балета): «Любовь Дмитриевна учила меня, как надо держаться на сцене, как вести себя вне танца, как стоять, ходить, садиться на стул, общаться с партнерами. Она отрабатывала со мной каждую деталь: походку, жесты, позы, наклон головы, взгляд, улыбку. Все движения шли через пластику. Она пластически лепила со мной образ... Методом работы, преподанным мне Л. Д. Блок, я пользовалась при подготовке всех последующих своих ролей, которые создавались уже без нее».

Когда Ваганова пришла к выводу о необходимости описать накопленный опыт, сделать его всеобщим досто-

янием, Любовь Дмитриевна сыграла важную роль в осуществлении ее замысла. Она стала постоянным необходимым консультантом. Агриппина Яковлевна ценила ее советы и замечания. Огромную помощь она оказала в том, что касалось литературной части. С ее участием мысли приобретали четкую, единственно верную форму. Результатом стала книга, получившая название «Основы классического танца», без глубокого знания которой сейчас немыслима работа хореографа. К моменту выхода книги (1934 год) балет уже давно стал важнейшей неотъемлемой частью жизни Любови Дмитриевны.

Л. Д. Блок преподает историю балета в хореографическом училище.

Она всегда была окружена молодыми артистами балета, которые часто приходили к ней домой. Из половины квартиры, принадлежащей Любови Дмитриевне, была вынесена почти вся мебель, установлены большие зеркала и балетный станок. Нетронутым оставался маленький островок — диван Александра Александровича, портрет Блока работы Т. Гиппиус над ним и шкура на полу...

А теперь о том, чему не перестаешь удивляться, пытаясь осмыслить.

Любовь Дмитриевна стала писать о балете. Не было первых опытов, не было первых проб. Она сразу же начала как мастер.

Две книги и множество статей было написано в промежуток времени около пяти лет (1934–1939).

Театровед Вадим Гаевский в очень содержательных и глубоких статьях об историке балета Л. Д. Блок пытается отыскать причины ее удивительной трансформации. «Есть что-то блоковское в этой стихии, захватившей Любовь Дмитриевну целиком и пробудившей в ней, больной женщине, переступившей порог пятидесяти лет, дотоле дремавшие творческие силы»; «...как результат естественной возрастной перестройки личности в ней начинают проступать дотоле скрытые внутренние качества отца: беспорядочная женская эмоциональность, характерная для ее молодых лет, вытесняется упорядоченным складом сознания, типичным для человека науки... Уверенность в своих силах вновь возвращается к Л. Блок. Она ... вступает в пору подлинного творческого расцвета. Она работает в одиночку, на свой страх и риск, по собственной программе, исходя из собственного понятия, что такое балет и как надо писать о балете».

«...О классическом танце она знала все, больше чем кто-либо в ее время, больше, чем многие еще и сейчас. Знания в этой области у нее были всеобъемлющи, энциклопедичны.

Профессиональную компетентность, весьма специфическую и, как правило, являющуюся достоянием самих профессионалов, танцовщиц и танцовщиков, Л. Блок приобрела в вагановском классе... А историческую компетентность Л. Блок приобрела самостоятельно, по большей части — путем собственных разысканий». Небольшое дополнение: в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке хранится авторская рабочая картотека Л. Д. Блок. В ней собраны материалы по истории и теории балета от XV века и до 1917 года — около пяти тысяч карточек (такой объем информации по этой теме никто прежде не собирал!) со ссылками на книги и статьи на русском и иностранных языках, главным образом на французском, тематически сгруппированные. Картотека мало изучена и ждет встречи с исследователем.

«В результате, — приходит к выводу В. Гаевский, — стало возможным создать капитальный систематический курс, показать предысторию классического танца в античности и средних веках, проследить его эволюцию на протяжении последних веков, то есть описать не отдельные вехи, но непрерывный процесс, процесс развития классического танца в его генезисе и последующих метаморфозах».

Речь идет о работе «Возникновение и развитие техники классического танца (опыт систематизации)». Именно ее стали называть искусствоведческим эпосом, периодической системой балета.

Она построена мастерски, очень логично и красиво. Разобран огромный по протяженности во времени исторический материл. «Хаос истории преодолен».

Классическим танцем, в понимании автора, является система художественного мышления, оформляющего выразительность движений, присущих танцевальным

проявлениям человека на различных стадиях культуры. В классический танец эти движения входят не в эмпирически данной форме, а в абстрагированном до формулы виде.

Этот род деятельности, это мироощущение, по Л. Д. Блок, – удел профессионалов.

Отыскать путь развития классического танца по прямой линии, от учителя к ученику возможно до середины XVII века, дальше начинается анонимность профессиональной преемственности. И вот эти безымянные предшественники находятся в центре поисков автора. Углубляясь все дальше и дальше, она ставит своей целью выявить основные этапы истории танца профессионалов со времен античности.

Естественно, каждая эпоха имела свой комплекс максимально виртуозных и выразительных танцев; носителями их были в разные времена различно именовавшиеся профессионалы, облик танца менялся. Но основа, на которой построен такой танец, всегда одна: выворотность и прыжки. Выворотность – анатомическая предпосылка для свободы виртуозного движения (она обогащает выразительность тела новой плоскостью для свободного движения ноги); прыжки – первооснова первобытного культового танца, виртуозное исполнение которых выделило первых «искусников».

Эти два признака, прослеженные в истории профессиональных танцовщиков, становятся путеводной нитью для автора и читателя от античности до XIX века – эпохи, когда сложился современный классический танец.

Любови Дмитриевне суждено было увидеть опубликованными лишь небольшую часть своих работ. О них знали только в кругу людей, имеющих отношение к балету. К счастью, рукописное наследие Л. Блок в значительной степени сохранилось.

В 1987 году, через 48 лет после ее смерти, была издана книга «Классический танец. История и современность». Это собрание материалов, посвященных балету: статьи по исследованию классического танца, портреты отдельных деятелей балетного искусства. Рукопись книги «Возникновение и развитие техники классического танца» и машинописные экземпляры статей были подготовлены к печати и подписаны автором. В книгу включена еще рукопись работы о Дидло, найденная совершенно случайно, в частных руках, не досчитывающая многих страниц и содержащая многочисленные купюры по всему тексту, ввиду особого значения, какое этой работе придавала сама Любовь Дмитриевна, а также для того, чтобы установить бесспорное авторство Л. Блок относительно многих идей и открытий, касающихся искусства Дидло и балетного театра пушкинской эпохи.

В научный оборот был введен ценнейший материал. Книга по праву названа фундаментальной в области балетоведения. На нее делаются многочисленные ссылки, что считается хорошим тоном, она в то же время входит в список литературы для абитуриентов (будущих хореографов, историков балета...)

Трудно найти объяснение тому, что за пределами профессионального сообщества об этой стороне деятельности Любови Дмитриевны почти не знают. Даже в исследованиях о Блоке, в которых обойти стороной жену поэта невозможно, о ее позднем расцвете в лучшем случае всего лишь упоминается.

Работы Любови Дмитриевны Блок о классическом танце, бесспорно, имеют общекультурное значение. Они открывают новые грани мира и доставляют эстетическое удовольствие. Прочтите!

ДЕБЮТ В АЛЬМАНАХЕ

Фалена ЛЫСАКОВА, *г. Донецк*

«Пишу всю сознательную жизнь, с детства участвовала и побеждала в различных литературных конкурсах, выступала на фестивалях. Пишу прозу (магический реализм, фантастика) и поэзию. С 2018-го года состою в Союзе Писателей ДНР, с 2022-го — в Союзе литераторов России. Имеются публикации в сборниках и альманахах, большое количество опубликованных детских книг (в том числе с моими иллюстрациями), авторский сборник прозы «Волк» (изд-во «Шико» 2008 г.), роман-тетралогия «Когда дьяволы придут пить твою кровь» (изд-во «Рипол-классик, Т8-руграм» 2021 г.), повесть «Сказки октябрьской ведьмы» (Донецк, 2021 г.).

Образование законченное высшее (русская филология и графический дизайн). Работаю художником и арт-директором в детском издательстве».

Донецк. *Официальная дата основания — 1869 год, как поселок Юзовка. С этого времени началась история города. С самого начала он развивался как промышленный город Российской империи. В 1871 году здесь построили первую доменную печь, в следующем году получили чугун. В 1924 году Юзовка переименована в Сталино, а 9 января 1961 года на географической карта СССР появилось название Донецк.*

ГОРОД МЕЧТЫ

Куда, несчастный, скроюсь я, бежав
От ярости безмерной и от мук
Безмерного отчаянья? Везде
В Аду я буду. Ад — я сам.

Дж. Мильтон

Все оставшиеся в живых мечтали попасть в этот город. Про себя его так и называли — Город Мечты, потому как это было единственное место на всей Земле, куда не смогла пробраться эта безымянная чума. Снаружи разверзся настоящий ад, мегаполисы превратились в руины, а люди, зараженные этим странным вирусом — в чудовищ. Их называли по-разному: кто зомби, кто мутантами, кто безумцами, но лучше всего этим несчастным подошло бы название «смерть несущие».

Впрочем, в новом мире такая ерунда, как название, уже не играла роли. Все, что сейчас имело значение — это выживание, а все выжившие стремились именно туда — в рай, окруженный высокими каменными стенами и колючей проволокой.

Люди со всех уголков планеты стекались сюда в надежде на спасение, невзирая на все испытания, которые готовил им сам Город. Конечно, слухи передавались из уст в уста, от уже попавших в Город тем, кто брел разрушенными дорогами через полчища монстров, которые все еще выглядели как люди. Пропуск в Город нужно было заслужить.

— Это просто выдумки, — мужчина вздохнул, вычиркивая последние искорки из пустой зажигалки, — нет никакого испытания. Сама подумай: в такой-то ситуации, когда на кону стоит человеческая жизнь... Нужно быть настоящим уродом, чтобы придумать такое.

— Не бывает дыма без огня, — женщина мимолетно улыбнулась и склонила голову набок, отчего ее толстая коса цвета солнца на закате упала за спину, — вот придем туда — и сами все увидим, милый.

Они прижались друг к другу, грея руки над робким язычком пламени, и рыжие блики дрожали на их бледных лицах, изможденных дорогой. На стенах больничного холла танцевали неясные тени, меньше всего похожие на

человеческие. Ночь выдалась холодной, стылой, почти ноябрьской, хотя на дворе стоял сентябрь. Ноги в ботинках мерзли так сильно, что пальцы начинали неметь, и ими приходилось постоянно шевелить. Изо рта вырывались клубы пара, белого, как снег.

— Холодно, — тихо произнесла женщина, — как же холодно...

Мужчина провел пальцами по ее колючим губам, затем нагнулся, нежно обхватил лицо ладонями и дохнул ей в нос. Она смешливо фыркнула и прижалась к его подбородку лбом, безмолвно благодаря. Если бы его не было рядом... если бы они были порознь... их бы уже давно не было. И дело было даже не в том, как он ее оберегал и прятал от монстров; просто без его поддержки она бы даже не покинула собственный дом, где несколько лет назад он ее и нашел: обезумевшую от горя, склонившуюся над кроваткой сына.

Сколько лет прошло... а в мире так ничего и не изменилось. Но у нее вновь появился смысл жить. Она знала, что для него все было точно также: без ее нежного взгляда он бы сломался. Иногда они встречали и других выживших, но чаще им попадались лишь людские оболочки, шаставшие по городам в поисках свежей плоти. Ей было так страшно, она не верила, что сумеет выжить. От ужаса ноги отказывались идти, а перед глазами вновь всплывало личико ее сына, истекающего голодной слюной.

Страх. Голод. Холод. Одиночество.

Но теперь они были вместе. Он и она. И вместе у них был шанс достичь своего рая.

— Мне кажется, нет никакого города, — ее тихий голос походил на шорох сухих листьев, которые гонял ветер по пустынным улицам.

— Он должен быть, — мужчина постарался придать голосу уверенность, — его просто не может не быть. Ведь есть много выживших, таких как мы, и есть города, в которых можно спрятаться. Значит, мы обязательно его найдем. И сможем, наконец-то, быть счастливы, Шала.

— Я уже счастлива, — она еще плотнее прижалась к его боку. Даже тепло у них было одно на двоих. И они не собиралась сдаваться.

* * *

Шел дождь вперемешку со снегом, и по дорогам, некогда асфальтированным, расползалась серая бесформенная каша. В голых кронах тополей по-волчьи завывал ветер, и от этого пронизывающего звука кровь стыла в жилах. Небо было черным и тяжелым, и лишь с рассветом приобретало бледно-серый оттенок стали, но светлее почему-то все равно не становилось.

С приходом зимы нападения монстров поутихли — наверное, их тела не выдерживали такого мороза, но безопаснее от этого ничуть не стало. Все города, что они прошли, лежали в руинах — погода и время сделали свое дело, а кое-где поработали и самолеты, упавшие с неба и оставившие в земле громадные воронки.

Коротать время в уцелевших зданиях больше не имело смысла, ведь стужа проникала и туда, поэтому двое без устали брели вперед, медленно, шаг за шагом, пряча лица от хлеставшего по ним колкого ветра. Еще немного, еще несколько дней, а возможно, всего пару часов, и они наверняка увидят ту самую стену, что огородила ад от рая. И тогда можно будет наконец выдохнуть с облегчением. Поэтому нельзя было сдаваться, нужно было продолжать двигаться вперед, тащить другого, если он обессилел...

Стена вынырнула из снежной мишуры, как исполинский корабль, и была она еще больше, чем они представляли — от одного края горизонта до другого; такая же серая, как небо, испещренная белыми язвами налипшего снега. Верхушка ее исчезала в тучах, как будто стена действительно вела в сам Эдем.

— Пришли... — выдохнула женщина.

Мужчина молча кивнул, не веря собственным глазам. Как можно было поверить в то, что больше не будет страха и холода, что теперь они оба заживут, как прежде? Мир обетованный все-таки существовал! И они нашли его!

Схватившись за руки, они побежали с холма, поскальзываясь, падая, не обращая внимания на раскрасневшиеся лица и полные ботинки талого снега. Все это больше не имело значения. Стена была так близко, но она все не желала приближаться, как будто дразнила их. Это было

частью испытания? Если так, они готовы были бежать сутки напролет, лишь бы попасть внутрь!

— Стоять.

Человеческий голос, такой грубый и сухой, ласкал слух подобно сладчайшей музыке. Повинуясь приказу, мужчина и женщина остановились и позволили себя обыскать. Человек в меховом капюшоне тщательно осмотрел их шеи и зубы — нет ли следов заражения. Пара изнывала от нетерпения. Наконец, осмотр завершился, и им позволили пройти внутрь.

Со скрипом захлопнулись за спиной первые ворота. Их вновь поглотила темнота, но в отличие от зимы снаружи, здесь было теплее и суше, а вместо снега из брусчатки пробивалась травка.

Над головами темнел потолок, в нескольких местах освещенный тусклыми лампами. Электричество... словно сказка наяву.

— А там правда всегда лето? — шепотом спросила женщина у провожатого, но тот не удостоил ее ответом, и тогда она мечтательно добавила: — И ездят машины. И свет есть. И дети смеются...

— Да не может такого быть! — одернул ее мужчина. — Какое еще лето? Декабрь же.

— Верно... — огорченно пробормотала она.

Они долго спускались вниз по темному, сырому пищеводу тоннеля, все дальше от оставленного позади мира. Даже это мрачное место сейчас казалось им уютнее, чем мир снаружи. Здесь было прохладно, но и в половину не так, как на улице, а еще противно капало с потолка, и стоило ледяной капельке упасть за шиворот, как женщину передергивало.

Молчание давило на барабанные перепонки, лишь глухой звук шагов эхом отражался от стен, и чудилось в этом нечто зловещее. Желтые лампы изредка высвечивали разлапистую поросль коричневого мха, облюбовавшего стены. Чернильная пустота поглощала все вокруг, пока мир не сузился до единственной светлой точки — фонарика в руке их проводника.

А больше, казалось, ничего и не существовало.

Они шли полчаса или час — сложно было отслеживать время в этом закупоренном от жизни пространстве. Возможно, предвкушение скорого счастья растягивало минуты в часы, а быть может, все было в точности наоборот, и шли они уже целые сутки.

В полумраке перед ними маячила только горбатая спина проводника в грязном сером плаще, да его фонарик, качающийся в такт шагам. Голова начинала кружиться из-за давления и тишины, а воздуха катастрофически не хватало. Женщина плотнее прижималась к своему мужчине, а он приобнимал ее за плечи; так они и шли, прикасаясь кончиками пальцев к шершавому мху, чтобы окончательно не утратить чувство реальности.

Вспышка яркого света резанула по глазам, и оба застыли, ослепленные.

Тьма вокруг медленно стекала, позволяя тоннелю окрашиваться в янтарно-рыжие тона электрического света. С потрескиванием заструился ток по разноцветным змейкам проводов, подобно корням растений оплетающих стены.

— Проходите, — велел проводник, выключая фонарик и кивая в сторону света, — вас ждут.

— Это был апостол, — шепнула женщина своему спутнику.

Взявшись за руки, они глубоко вдохнули застоявшийся пресный воздух и вошли в ореол света...

* * *

Место, в котором они находились, было преддверием Города, теми вратами правосудия, через которые путники должны были пройти, чтобы попасть в свой рай обетованный. Помещение имело форму колбы и было до краев заполнено светом, таким ярким после тоннеля, что все казалось залитым расплавленным золотом, а стены, пол и сужающийся к центру потолок искрили, точно присыпанные алмазной крошкой. Здесь было тепло, а откуда-то извне доносился легкий аромат прелой листвы.

Это место вполне могло сойти и за Рай, разве что херувимов под потолком не хватало. Если здесь было так прекрасно, то что же ждало их за дверьми?..

Но никто не улыбался. У всех на лицах застыли скорбные маски с пустыми, безжизненными взглядами. Женщина и мужчина стояли бок о бок, так и не разжав рук, но они выглядели такими же бледными и потерянными. Наверное, должно было пройти еще немало времени, прежде чем до них, до них всех бы это дошло:

«Наш Город — единственный на всю планету. Больше нигде не осталось городов. И нигде не осталось людей. Поэтому... места на всех не хватит. Сегодня пройдет лишь один...»

Из всех тридцати двух — только один.

Один.

Руки женщины дрожали, и дрожь эта передавалась его рукам, и сам он дрожал всем телом, а в голове была такая пустота, словно он превратился в куклу. Ни единой мысли, только смутное осознание того, какая теплая у нее ладонь. Они все сейчас были похожи — эти люди, которым только что сообщили, что за билет в рай придется дорого заплатить.

Они все пришли парами, иногда целыми семьями, но даже на лицах одиночек застыло все то же обреченное выражение. Все сжимали, как величайшую ценность, руки своих близких. Наверное, многие в этот момент решались на самый важный шаг — повернуть назад. В ад.

— Мы... уйдем? — голос женщины был таким слабым и тихим, что он едва его расслышал.

Сглотнув тугой ком, мужчина ответил безо всякой уверенности:

— Да...

Уйти? Это было единственным правильным решением. Но пути назад не существовало, и все это понимали. Потому что позади их ожидала только голодная, мучительная смерть.

Но что их ждало впереди? Там, за этим страшным испытанием?..

Мужчина решительно сжал пальцы своей подруги.

— Мы с тобой пройдем. Вдвоем. Они пропустят нас, если мы сделаем это вместе. Не могут не пропустить, слышишь? Они же тоже люди, они поймут нас...

В ее взгляде читалась мольба, она не хотела этого, но не посмела возразить. В конце концов, когда-то она доверилась ему, и теперь ее жизнь была в его руках. Он знал, на что идет.

Когда-то она позволила ему убить своего ребенка, который больше не был человеком. С того самого момента она ни секунды в нем не сомневалась.

— Да...

Желтый свет мягкой патокой обволакивал зал и поблескивал на лезвиях ножей и пистолетов, точно облизывая их жарким, похотливым языком. Женщина подняла дрожащими руками палку, вероятно, оброненную кем-то из предыдущих испытуемых, а мужчина достал из-за пояса револьвер.

Каждый выгрызал себе путь в рай так, как умел. Не было никаких правил и судей. Если у тебя имелось оружие — ты мог выиграть и пройти. А если нет... впрочем, никто так и не покинул зал.

Рай был слишком близко! Настолько близко, что это затуманивало разум, насыщая его чарующими картинами прекрасного города. От Города Мечты их отделяли лишь эти двери, а еще — кучка других людей, но какое же это было препятствие? Люди ведь не такие прочные, как металл и камень, их так легко сломать...

Никто не проронил ни звука. Возможно, зал заполнился шумом, но мужчина слышал лишь собственное дыхание и удары сердца да не выпускал из своей руки ее кисть. Он велел ей закрыть глаза и стоять позади, что бы ни случилось. Ждать. Бесконечно долго ждать, пока воздух взрывался выстрелами и свистом лезвий, пока раскалывались как гнилые орехи черепа и падали, рассыпая брусничные капли, тела.

Тридцать два. Тридцать один. Тридцать. Двадцать девять...

Беззвучный отсчет до начала счастливой жизни.

У них обязательно все будет хорошо. И они заведут детей — мальчика и девочку. И собаку — он всегда мечтал о собаке.

Шестнадцать, пятнадцать...

В выигрыше были те, у кого нашлось в запасе огнестрельное оружие. У него — нашлось.

Одиннадцать, десять...

Он видел собственными глазами, как сын стреляет в мать, а брат с сестрой кромсают друг друга ножами, и от ужаса по его щекам катились слезы, но рука была такой же холодной и безучастной.

И не стало сына. И не стало брата с сестрой.

Семь, шесть...

И судорожная пульсация в висках, а перед взором — все покрыто красной пеленой. У него было всего пять пуль, и он знал, что один раз точно промахнулся, но людей вокруг него становилось все меньше и меньше... Всеми двигал страх и нежелание возвращаться туда, откуда они только что пришли. Но он все равно не понимал, как можно было поднять руку на своих родных.

Выстрел. Выстрел. Тело все еще хорошо помнило, как стрелять. Годы служения в полиции, затем — годы борьбы за собственную жизнь. Но он никогда не думал, что ему придется направить оружие против простых людей...

— Нет.

Он стоял посреди пустого зала, не понимая, что вдруг случилось со зрением — он мог видеть только человека у дверей, качающего головой, а все остальное выглядело как мозаика из красных и черных кусков, смазанная, нечеткая. В наступившей тишине было отчетливо слышно ее дыхание за спиной.

— Нет.

— Мы... вместе, — прошептал он, нервно направляя револьвер на проводника, — пропустите, иначе...

— Нет.

Мужчина безжизненно опустил руку. Он понимал, что даже если осмелится выстрелить в человека в плаще, это ничего не изменит. Но они ведь прошли, они сумели... они победили.

— Мы... победили? — словно прочитав его мысли, шепотом спросила женщина.

Она так и не открыла глаз, все стояла на том же месте, вцепившись в ворот куртки. Ей было страшно пошевелиться, и она не желала видеть того, что творилось вокруг.

— Да, — ответил мужчина.

У него осталась всего одна пуля. И он знал, что она должна пройти. Он обещал ей этот рай, и он сдержит слово. Только такая как она, этот ангел во плоти, имела право пройти.

Но господи, как же ему было страшно! Револьвер выскальзывал из потных рук. Отметая последние сомнения, мужчина поднял оружие и направил его на себя.

Он уже слышал, как раздвигаются у противоположной стены врата рая. Он слышал пение ангелов.

И он выстрелил.

* * *

Ангелы молчали. Мужчина в грязном плаще отворил тяжелую дверь, и тень на стене всколыхнулась, похожая на гигантские серые крылья. Отошел в сторону, указывая мосластой рукой в направлении света.

— Проходи.

* * *

И он прошел.

Прошел все возможные допуски и проверки. Прошел все испытания, включая последнее — то самое, когда он на секунду заколебался, но потом все же нажал на курок.

И все сразу закончилось. Закончились бесчисленные дни изнуряющей дороги, дни мучений, жажды, холода и жары; страшные ночи, когда он не мог сомкнуть глаз, прислушиваясь к каждому шороху и прижимая к себе ее теплое тело. Чтобы согреть и согреться самому. Дни, конца которым не было. Это был сущий ад, но он остался в прошлом, и теперь ему не было нужды бояться за собственную жизнь.

А теперь... перед ним распахнул ворота Город, в который он так стремился, и от предвкушения он ускорил шаг, все еще не веря, глотая горькие слезы, стекающие по обветренным щекам — и не было слаще тех слез. Брусчатка, меж которой пробивались пучки жухлой рыжеватой

травы, казалась ему мягкой, как ковер — он все еще помнил, как в детстве любил ходить по ковру босиком.

Тем летом он приехал к бабушке в деревню, в домик, где все пропахло свежим срубом, парным молоком и нафталином. Тогда ему не нравились эти запахи, но старый ковер ручной работы, расстеленный посреди бабушкиной спальни, он просто обожал. Самым любимым его занятием было улечься на него и смотреть на пыльный, красивый плафон из матового желтого стекла...

Сколько воды утекло с тех пор, а образ бабушкиного дома все еще был свеж в его памяти, в отличие от последних нескольких лет, слившихся в монохромную ленту абсолютно одинаковых дней и ночей. В его снах лишь иногда смутно возникал образ университета и работы, и еще реже — картинка с накрывающей все волной пламени, на пути которого он оказался. Что именно тогда произошло — он не помнил. Помнил только бесконечную тьму. А после — ад. Но смерть, что преследовала его по пятам, наконец отступила. Вот он, долгожданный рай!..

В глаза ударил яркий свет, так что первые несколько секунд он ошалело стоял в воротах, потирая слезящиеся глаза и не решаясь сделать тот самый последний шаг. Он ожидал оглушающей музыки, смеха и разговоров, всей этой какофонии звуков, что ему так не хватало. Но его встретила напряженная тишина заброшенного кладбища, и была она настолько оглушающей, что ему сначала подумалось, что он просто оглох.

Он похлопал себя по ушам, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, и тогда робко поднял взгляд.

Город Мечты. Город, ради которого они сюда и пришли. И плевать, что здесь стояла тишина, ведь в остальном город оказался именно таким, как он себе представлял: с высокими, чудом сохранившимися домами, в которых все еще кое-где поблескивали стекла; с лохмами проводов над дорогой и фонарными столбами, давно не дающими света. Из множества разрозненных деталей складывалась картинка города из его детства — он так явственно все это помнил, что не смог сдержаться и, упав на колени, заплакал так горько, так искренне, как никогда в жизни — даже когда лишился родителей и дома.

На растрескавшемся асфальте еще виднелись бледная белая разметка, и он провел по ней пальцем, наслаждаясь каждым новым, давно позабытым ощущением. Да, здесь больше не пахло бензином и сладкими булочками и не мигали разноцветными огоньками вывески. Зато это был настоящий Город, в котором жили настоящие, не обезумевшие люди.

— Мы дошли, Шала, смотри...

Он привычно потянулся влево и зачерпнул рукой лишь пустоту. Непонимающе обернулся, обводя счастливым взглядом пустую улицу... и с каждым мгновением улыбка на его лице угасала. Тишина звенела в его ушах воем тысячи голосов. Сладкий воздух на языке внезапно стал кислым и тяжелым, каким он был всегда. И снаружи, и здесь — все тот же воздух, все то же серое небо над головой, которое они привыкли делить пополам. Яркое зимнее солнце, не дающее ни капли тепла. Пыль и ржавчина. И пустота. Давящая, беспощадная пустота повсюду, куда бы ни упал взор.

Раскрошенный асфальт поскрипывал под ногами, и этот единственный звук разносился по улице. Накренившиеся высотки закрыли небо, и все вокруг погрузилось в дымчато-зеленую тень, словно мир поглотило болото. Стены зданий пестрели кляксами кислотно-красного и изумрудного мха, медленно, но настойчиво пожирающего все кругом.

Он шел по опустошенным улицам и заглядывал в такие же бессмысленные глаза встречных, молчаливо слоняющихся туда сюда либо выглядывающих из окон. В глаза, серые как небо и такие же пустые, лишенные намека на что-либо человеческое. Все они понимали друг друга без слов. У всех была одна мечта, и вот она наконец сбылась, оставив после себя лишь горькое послевкусие и оболочку, которая могла еще двигаться и дышать.

Он пришел в этот город в поисках людей и все еще верил, что, возможно, найдет хотя бы одного человека среди тысяч этих призраков. В этом гигантском городе, что распростерся на окраине Ада.

Илья СКЛЯРСКИЙ — *Москва, секция «Клуб имени Джерри Рубина». «Меня зовут Илья Склярский, я родился в 2003 году в городе Николаев. Когда мне было шесть лет, вместе с семьёй переехал в Москву. Закончил школу с золотой медалью, после чего поступил в Литературный институт имени А. М. Горького.*

Публиковался в альманахе Порог-АК, газете «МОЛ», также имеется электронная публикация на сайте LitRes организую ежемесячные мероприятия в клубе имени Джерри Рубина — ЛитREформа, где студенты из литинститута и гости выступают со своими произведениями. Меня с детства притягивало писательство, как способ создания новых миров. Изначально это имело прямой смысл, так как я сочинял фэнтези, но потом идея трансформировалась, понятие «новые миры» стало шире».

ЗА СТЕКЛОМ

Она была красива. Гордая, как язык пламени, отчего-то отказывающийся исчезать, несмотря на обволакивающую его воду. Она всегда находила, как провести время и, кажется, совершенно не стыдилась безделья. Ей нравилось просто смотреть на то, что находится вокруг, хоть декорации сегодня почти не отличались от декораций вчера. Её звали Икринка.

Олег любил сесть рядом и постучать ногтем по прозрачному стеклу. Тогда Икринка подплывала к стенке и тыкалась в неё, отвечая на приветствие.

— Да, — обыкновенно говорил Олег и несколько секунд молча чесал нос или смотрел в потолок, — жизнь. Потихоньку идёт. Вот сегодня ждал автобуса, смотрю — лужа. Большая такая, ночью натекло. Я подошёл, заглянул — ну и глупый вид у меня! Ты даже не представляешь, Икринка.

Тут Олег был прав, она действительно не представляла — ей было не с кем сравнивать. Конечно, когда-то давно, стоя на полке зоомагазина, Икринка видела людей. Они иногда смотрели на неё стеклянными и округлыми, как стенки аквариума, глазами. А потом, как правило, покупали кошачий корм. Сейчас Икринка была уверена, что как только Олег переступил порог магазина, то сразу ей понравился. Он почему-то посмотрел на неё как-то подругому, и, надо сказать, продолжал так же смотреть до сих пор.

Иногда Олег брал аквариум с тумбочки и ставил на пол, а сам ложился рядом и читал, пробуя на язык и слух особенно впечатлившие его моменты. Наверное, чтобы поделиться ими с Икринкой.

А потом он женился. Супруга Олега переехала к нему, и только он успел завезти её чемоданы в гостиную, как женщина увидела Икринку.

— Милый! — воскликнула она, — почему ты не сказал мне, что у тебя есть аквариум?

— Да как-то, — Олег замялся, — мы всё не о том говорили. Правда, она славная?

— Олег, — жена села на дальний от тумбочки с аквариумом край дивана, — с ней надо что-то сделать. Понимаешь, милый, я тебе не говорила, но у меня ужасная, жуткая болезнь — аллергия на аквариумных рыбок. Это совершенно не лечится.

— Как же это так, — Олег был ошарашен, — я никогда о такой не слышал. Что же нам делать?

— Вместо ответа жена внезапно начала делать глубокие вдохи со всхлипами, чему Олег не на шутку перепугался.

— Дорогая, что мне сделать? — мужчина стеклянно смотрел в её глаза.

— Унеси... выброси... — задыхаясь, говорила жена, показывая пальцем на аквариум, — иди!

Олег кинулся к аквариуму и, схватив его, выбежал в коридор. Его взгляд упал на дверь туалета, но мужчина, помедлив несколько секунд, решил, что так поступать не стоит. Быстро обувшись, он вышел из квартиры.

Стоя в лифте, Олег смотрел в глаза своему отражению и кусал губы. Икринка удивлённо изучала зеркало, не понимая, как это так — почему она из-под стекла видит стекло, под которым другой Олег держит другую её под другим стеклом.

Ветер крутил спирали из кучек опавших листьев. Вышедшего на улицу в рубашке и брюках Олега пробило лёгкой дрожью. Вдруг он почувствовал свежее дуновение — до набережной было недалеко.

— Да. Жизнь, — шептал он, быстрым шагом обходя лужи и глядя на плещущиеся невдалеке чёрные волны, — вот как оно иногда бывает, Икринка. Ну ничего, не переживай, мы с тобой отлично проводили время. Теперь оба отправляемся в свободное плавание. Ты же сама понимаешь, что тут дело серьёзное. Всё-таки ты, Икринка, животное, а моя жена — человек. Я должен о ней заботиться, я ведь теперь муж — несу какую-никакую ответственность. Да.

Олег, едва не расплескав воду, перебежал пустующую дорогу и оказался на набережной. Ему было холодно. Мужчина поставил аквариум на чугунный забор, отделявший его от чёрной воды.

— Ну что, — Олег присел на корточки перед рыбкой и всмотрелся в своё отражение в аквариумном стекле, — я думаю, тебе там будет хорошо. Я когда-то, кажется, видел, как один мужчина бросал свою рыбку в эту реку. Так что таких, как ты, там должно быть много. Познакомишься с ними, они наверняка очень милые. Но и меня, пожалуйста, тоже не забывай. Вот я тебе честно обещаю — буду помнить всегда. А ты? Обещаешь?

Олег постучал ногтем по прозрачному стеклу. Икринка подплыла к стенке и ткнулась в неё, отвечая на приветствие.

— Вот и славно, — Олег улыбнулся и встал на ноги, — значит, прощай.

Он взял в руки аквариум и всмотрелся в чёрные волны. А затем размахнулся и бросил.

МОСКОВСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ

Нина СИЛАЕВА, *Москва, секция «Поэзия»*

Возвращаем имена. Живописец Воронов Леонид Александрович

Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий
Боги, чтоб славною
песнею были они для потомков.

Гомер. Одиссея

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наследство моей дорогой бабушки включало в себя, в числе прочего, несколько картин живописца Аркадия Ставровского и два портрета неизвестного автора. Когда мой двоюродный брат вступил в права наследования, безымянные полотна были предложены мне. Сердце художника в моей груди затрепетало от предвкушения знакомства с творчеством таинственного собрата и предугаданной мною возможности раздвинуть горизонты прошлого русской художественной жизни, явив миру из небытия одаренного живописца... Но об этом, дорогие читатели, и будет мой рассказ.

Итак, я стала обладателем двух холстов, натянутых на подрамник овальной редко встречаемой формы, в аутентичных деревянных рамах. Одно из полотен было сильно утомлено временем и неразборчиво датировано 1924 г. Также именно на нем с трудом, но определялась подпись художника. На портрете изображен человек в состоянии некоего аффекта.

Живопись показалась мне очень хорошей, «мясистой», выразительной и искренней. В далеком детстве в гостях у тети я слышала, что это автопортрет художника в образе мифологического существа. Название произведения выскользнуло из памяти и отозвалось во мне дрожью надмирного узнавания гораздо позже, когда по своему неутолимому желанию и глубокому интересу, побуждаемая верой в меня брата, я начала проводить настоящее расследование, украсившее несколько моих лет поисковым азартом и великой радостью открытия, возвращения утерянного в веках.

ГЛАВА 1. МОНОКОНДИЛ ИМЯРЕКА, ОПЕРЕТТА-БУФ И ПРЕДУГАДАННОЕ ПРОШЛОЕ

Трудно избежать будущего.

Оскар Уайльд

Конечно же, важнейшим ориентиром для поисков был год написания картины. В том далеком 1924 г. моя бабушка Ольга Павловна Винник, родившаяся в г. Холм (Хелм) Царства Польского в 1902 и с семьей эвакуировавшаяся в годы первой мировой войны с восточных земель Польши в глубь страны, жила в Пензе. В этом городе существовало и ныне укрепляет художественные ряды талантливыми выпускниками Пензенское художественное училище имени К. А. Савицкого, одно из старейших художественных учебных заведений России, в котором учился великий А. В. Лентулов.

А Ольга Винник получала образование как артистка, выступала на сценах города и была прекрасна! Здесь я безотчетно почувствовала важную связь с моим дорогим имяреком. И этому нашлось объяснение. Читатели, родные мои! Верьте своим предчувствиям! Из какой глубины духа, личной коллекции знаний, чувственного опыта и ноосферы мы извлекаем точный портрет произошедшего и уже после обнаруживаем тому доказательства, неведомо, но я надеюсь, что каждый из Вас проживал подобные мгновения и замирал от восторга перед непознаваемостью жизни и безграничностью наших возможностей...

Однако судьбы наших героев привели их в Москву. Оленька Винник с семьей приехала в столицу в 1929 г. и поселилась у родного брата-метростроевца в квартире на Лубянке, где ныне, с 1957 года располагается Центральный детский мир. Именно из окон своей квартиры сестры видели похороны Сталина, море людских голов на площади и слышали тягучий заполняющий все пространство стон, исторгаемый самой историей. А. В. Лентулов продолжил образование в других институциях и оказался в Москве гораздо раньше, в 1908 г., и в эти годы преподавал во ВХУТЕМАСе, других художественных учреждениях, организовывал художественные объединения (самый известный союз — «Бубновый валет») и привлекал художников частными уроками в Большом Козихинском переулке, дом 27, кв. 10. Ольга Винник выступает в театрах Москвы и упоминается в иллюстрированном путеводителе «Театральная Москва. 1930» на стр. 43 как «артистка» театра «Оперетта-Буфф» по адресу: Вспольный пер., 21.

Наши герои, Аристарх Лентулов, Аркадий Ставровский, автор переданных мне холстов и Ольга Винник, возможно, знакомы друг с другом, встречаются в театре (художники оформляют афиши и занимаются сценографией)

и других богемных местах. Тот факт, что картины неизвестного героя оказались у бабушки, может свидетельствовать о близости отношений, о дружбе, о товарищеском участии в судьбе друг друга. «Портрет Ольги Винник» кисти Аркадия Ставровского, датированный 1933 г., косвенно подтверждает правоту этих слов.

В правом нижнем углу изучаемого нами автопортрета мы видим подпись, на расшифровку которой потребовалось много времени, я засыпала и открывала глаза в реальности, где плясали буквы неразборчивого автографа. В результате очистки красочного слоя и обработок в фоторедакторе мы четко увидели сочетание ВОР или ВОРОН, первая буква похожа на Л или П, прослеживается связанное написание букв (мононкондил или вязь), а также определяется точка или уплотнение в начале имени. Итак, мы имеем несколько букв и сильное желание восстановить авторство полотен и погрузиться в историю столь глубоко, сколь позволительно нам будет горизонтом событий и интенций... Для продолжения расследования необходимо было составить или найти список всех русских художников начала прошлого века и обнаружить лингвистическое созвучие. И такой реестр был найден. Стараниями и талантом известного искусствоведа, литератора и художника, создателя Профессионального Союза художников России, нашего современника Сергея Заграевского был создан полный перечень всех персоналий, имеющих отношение к художественному искусству в интересующий меня период. В списке был упомянут Воронов Леонид Александрович, и конкурентов у него не было.

Человек на портрете, предположительно кисти Леонида Александровича, очень красив. В нем чувствуется темперамент и вызов. Он смотрел на меня с холста озорно и взыскательно, выступая из тьмы канувших в лету времен. А живопись его, густая и выразительная, волновала меня, и я смотрела вперед с робкой, но с каждым шагом усиливающейся надеждой вернуть имя и славу постучавшемуся в мой дом и мое сердце почетному гостю!

ГЛАВА 2. «ВЕРНУТЬ ТВОРЕНИЯМ-АНОНИМАМ ИМЕНА ИХ СОЗДАТЕЛЕЙ... ИСКАТЬ, ИСКАТЬ...»

Не ищите, в противном случае вы потеряете. Не ищите и вы найдёте.

Лао-Цзы

Люди не пропадают, Дин, просто другие перестают их искать.

«Сверхъестественное», Сэм Винчестер

Воронов Леонид Александрович представлен в интернете и искусствоведческом репозитарии как художник-график, автор плакатов немого кино. Он состоял в творческом объединении художников «Бытие». В 1920-х оформлял книги для издательства «Земля и фабрика», работал со студиями «Рекламфильм» и «Совкино», был автором многочисленных киноплакатов. Участник «Кремлевского дела» по обвинению в государственной измене и покушении на вождя в 1935 году. Плакаты Л. А. Воронова хранятся в Российской государственной библиотеке (РГБ), Государственном центральном музее кино (ГЦМК), в частных коллекциях России, Великобритании, США.

Теперь мне предстояло убедиться в справедливости этих сведений и предоставить ссылочную массу.

Перед нами развернулась кантилена его плакатного творчества. Это талантливый художник, колористика и метафоричность его графических работ исчерпывающе выразительна. Неудивительно, что его афиши вошли в золотой фонд киноплаката советских времен и имя художника-графика Воронова Леонида широко известно мировой общественности. А в моей коллекции оказались две картины его кисти, живописное наследие, о котором ничего неизвестно. При внимательном изучении полотен становится очевидно, что они написаны рукой одного мастера. Крупный, вязкий мазок, индивидуальный и узнаваемый изобразительный почерк, смелые цветовые сочетания на автопортрете и мягкий колорит на другом холсте демонстрируют нам мастерство его кисти, балансирующей между образностью и изобразительным соответствием натуре.

Автопортрет, как вы помните, датирован 1924 годом. И это означает, что Воронов Л. А. принадлежал к плеяде художников начала 20 века, многие из которых были неизвестны вплоть до 80-х гг., а многие имена еще не возвращены истории и только ждут своего исследователя. К моему великому счастью, в 2004 году была опубликована книга Ольги Осиповны Ройтенберг о судьбах талантливых, но забытых художников 1920–1930-х годов. Это колоссальный труд первопроходца, попытка вспахать целину и познакомить нас с живописцами, не вошедшими в монографии и разработки искусствоведов, но живших и работавших в те времена, когда сама история дышала живописью. А государство в 20-е гг. поощряло создание художественных объединений, что стимулировало творческие поиски в условиях свободы и новаторского посыла. В название книги вынесен вопрос автору, произнесенный выпускницей ВХУТЕИНа Еленой Родовой: «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...». В этой исследовательской работе, к моему вящему удивлению и радости, упоминается Воронов Леонид Александрович. А. С. Ставровский сообщает: «В 1921 году я поступил в студию живописи «Мир искусства» на Моховой. Через год она распалась. Аристарх Васильевич Лентулов взял 10 человек и завел студию в Большом Козихинском переулке у себя дома. Старший группы был мой приятель Леонид Воронов, который здорово делал рекламные плакаты для печати в Госкино...Изредка приглашал писать Воронова и меня.» Вот и подтвердилась тесная связь Воронова Л. А., Ставровского А. С. и Лентулова А. В., угаданная мною с первых же дней поиска. (Любопытен для меня тот факт, что А. В. Лентулов, предположительно, родился в деревне Ворона в Нижнеломовском уезде Пензенской губернии. Я полагаю, что меня поддержат те, кому приходилось искать информацию: большое необъяснимое значение имеют совпадения и знаки, которые становятся ориентирами правильного пути). Также устами Ставровского А. С. и ссылкой на А. В. Лентулова мы получаем свидетельство одаренности Воронова Л. А. В этой замечательной книге он упоминается еще в двух местах. «О других нулевая визуальная информация, изредка строчка в каталоге, в лучшем случае сухая анкета. Чаще и того нет об «одаренных» (как гласит молва) людях, не принятых в творческий союз, что означало — участие в выставках исключено, на перечеркнутых именах — крест (в ссылке упоминается Л. Воронов)». «Но следы скольких оборваны, утеряны: ...Леонид Воронов...».

И вот теперь я принимаю эстафету от Ольги Осиповны Ройтенберг, получившей право на публикацию своей книги, создававшейся 30 лет, спустя два часа после кончины. Она завещала мне и другим исследователям «вернуть твореним-анонимам имена их создателей... искать, искать... Неизмеримы границы затерянного архипелага. У истории поколения рубежа 1920-1930-х годов нет конца. Оставленные в наследство традиции искренности и творческого мужества поколения 20-х, 30-х не должны исчезнуть. Искать, искать...».

ГЛАВА 3. ВЫСОКОЕ ЖИВОПИСНОЕ ИСКУССТВО

Незаменимых нет, но есть неповторимые.

Пабло Пикассо

В предыдущей главе представлены материалы, подтверждающие, что:

— Воронов Л. А. был живописцем, учился у Лентулова А. В. в частной мастерской, был лучшим учеником, что свидетельствует о его даровитости,

— Воронов Л. А. и Ставровский А. С. были друзьями с начала 20-х гг., вместе работали, тесно общались, — вероятность того, что изучаемые картины написаны Л. Вороновым очень высока, он дружит с А. С. Ставровским, тот, в свою очередь, знает и общается с Ольгой Павловной Винник, в наследии которой находились картины Ставровского А. С. и неизвестного доселе автора.

Теперь необходимо было получить в архивах и документах автограф Воронова Л. А. и сравнить с подписью на картине, а также найти фото художника или его портрет кисти коллег и любые упоминания о его творческом живописном наследии (безусловно, существовавшем у лучшего ученика группы художников в частной мастерской А. В. Лентулова).

Когда я докажу его авторство, я смогу предъявить художественному сообществу Воронова Л. А. как живописца, ввести его в пантеон творцов XX века, периода расцве-

та и величия русской школы живописи и десятилетия «сада расходящихся тропок» художественных поисков 20-х – 30-х гг.

Группа художников «Бытие», в которой предположительно состоял Воронов Л. А., существовала с 1921 года до 1929 включительно, когда произошел раскол в ее рядах. Объединение основано выпускниками ВХУТЕМАСа Г. А. Сретенским, А. А. Талдыкиным и другими художниками, учившимися под руководством П. П. Кончаловского. Кредо общества «Бытие» составляла борьба за высокое живописное искусство, «общий тип станковой вещи» в противовес «этюду» и «накопление коллективного опыта». В каталоге Пятой выставки картин общества молодые художники декларируют «Протест против крайностей левого искусства, к 1921 году пришедшего в лице конструктивизма к полному отрицанию станковой живописи и ее социального значения...». «...чрез материю, чрез «вещность» следует воспринимать мир – вот чему стремится научить глаз живописец из «Бытия»», – писали художники в каталоге Первой Районной выставки картин.

Объединение организовало семь выставок, в которых участвовали и работы учеников П. П. Кончаловского, И. И. Машкова, АХРРовцев, бывших «НОЖистов», а также картины бывших «бубнововалетцев» – П. П. Кончаловского, А В. Куприна, А. А. Осмеркина и др. В 1930 г. группа художников объединения «Бытие» вошла в состав Общества советских станковистов-оформителей (ОССО).

Если ты, Читатель, не испытывал подобных чувств, принадлежащих миру неизмеримо более широкому, чем наша бытийность, в рамках повседневности которой заключены порою наши желания и возможности, я расскажу тебе о них! Как-то неожиданно, нечаянно ты вдруг оказываешься квантовой частицей, находящейся здесь и теперь в материальности своей, но бесплотным духом и волною счастья проникаешь сквозь материю и твердь привычных основ, и нет у тебя границ, и страха нет. А есть убеждение, что вот сейчас ты рядом с теми, о ком думал, чем дышал, и он или оне понимают это и раскрывают тебе свои секреты, и кладут на ладони твои тепло и плоть знаний и дел своих. И тогда ты осознаешь, что, может быть, ты и живешь лишь для того, чтобы стать звеном в цепочке благородных мыслей и деяний, и всего-то требуется от тебя, чтобы крепко стоял ты в цепи, когда по мышцам твоим пройдет ток внемирного, вневременного ради продолжения жизни на земле в самом высоком ее предназначении...

Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», устранившем «многопартийность» в культурном пространстве, была отменена вольница художественных объединений. Судьба «плеяды» неоднозначна и печальна для многих из них: это и забвение всего многообразия их творчества после упразднения союзов в 1932 г., и исключение их из активной художественной жизни ее координаторами, и даже аресты, и уничтожение или исчезновение творческого наследия. Например, наследие Кузнецова М. И. было после смерти художника отнесено на улицу и спасено известным искусствоведом Л. Г. Мелрабян.

Столь же опасно было и избыточное внимание со стороны теневых коллекционеров, похищавших работы.

ГЛАВА 4. КОРОТКАЯ И ЗВОНКАЯ ЖИЗНЬ ГЕРОЯ

Мы – агнцы, – сказал Шрелла, – мы поклялись не принимать «причастие буйвола».

Генрих Белль «Биллиард в половине десятого».

«Каково назначение человека? Быть им».

Станислав Ежи Лец

В фондах РГАЛИ обнаружилось личное дело Воронова Л.А., в котором находится анкета соискателя должности в Госкино от 25.04.1924 г. В ней художник упоминает, что разведен, имеет на иждивении мать, дворянин, что закончил художественную школу, в кино работает с 1919 г., родился в Варшаве, беспартийный (в эти мгновения я ощутила острое сочувствие к одиночеству Воронова Л. А. и осознала себя призванной отвоевать его как живописца у забвения). Что важно для нас, в анкете стоит личная подпись. Личная подпись была найдена и в многочислен-

ных документах в делах жертв политических репрессий Челябинского архива.

Мы видим явное сходство: та же вязь, мононкондил, написание целого слова без отрыва пера, характерная буква «о», «р», «В», даже росчерки в конце подписи совпадают. Это рука Л. А. Воронова. И картина «Голова сатира», хранившаяся в доме Ольги Павловны Винник вместе с произведениями Ставровского А. С., писавшего ее портрет в 1933 г., создана именно им, Вороновым Л. А.

Мы идентифицировали подпись, убедились, что она принадлежит Воронову Л. А. Это означает, что две его картины в настоящее время являются единственными открытыми миру произведениями его авторства. В РГАЛИ находится анкета вступления Л. А.Воронова в группу «Бытие», в которой автор пишет о незаконченном высшем образовании, обучении в частной мастерской А. В.Лентулова, называет в числе любимых художников Врубеля, Иванова, Лентулова.

В Российском государственном военно-историческом архиве в списке «казеннокоштных» Ярославского кадетского корпуса мы находим Воронова Леонида, сына «потомственных дворян», «из штатных офицерских детей». Выпускник 1917 года. Кадетские корпуса Российской империи составляли гордость российского образования. В них воспитывали высокие идеалы служения. Кадеты Ярославского кадетского корпуса не приняли революции февраля 1917 года и остались в истории революционных дней как очаг инакомыслия для новой власти. Одним из самых известных мятежей против советской власти было ярославское восстание 1918 г., в котором участвовало молодое офицерство и кадеты, в числе которых мог быть и наш герой. Мятеж был подавлен. Спаслись единицы.

За информацией об аресте по «кремлевскому» делу Леонида Александровича я обратилась в Челябинский архив, в котором находятся два дела по Воронову Л. А. — дела №5458, №5459, Ф. Р-467. Внимательное ознакомление с их материалами расширило для нас границы его биографии и открыло новые грани личности Леонида Александровича.

Дата ареста 3 апреля 1935 года. Ряд служащих Кремля во главе с А. С. Енукидзе были обвинены в создании террористической группы, главным в которой был признан Лев Каменев. Воронов Леонид Александрович осужден Приговором № 63 Военной коллегией Верховного суда СССР 25-27 июля 1935 г. на шесть лет с конфискацией личного имущества и поражением в политических правах на три года (дело по обвинению № 16425). Л. А. содержался в Ярославской тюрьме (камера 27 и позже 17), где отбывала срок и его жена (просил общую камеру с ней, было отказано). Переведен в Челябинскую тюрьму в начале 1937 г. Постоянно защищал права заключенных, ставил в известность начальство о нарушении тюремных правил, низком качестве пищи и др., писал просьбы о предоставлении материалов для графической работы, чтобы продолжить и в тюрьме создавать макеты плакатов для кино. Пытался отправлять готовые работы в Москву, чтобы «приносить пользу своей стране». Просил выписать для него «Литературную газету» на I квартал 1937 года. Пытался в нечеловеческих условиях оставаться человеком и помогать ближним. Личное имущество было конфисковано по приговору. Домоуправление отказалось передавать имущество пасынку. Заседанием Тройки УНКВД по Челябинской области от 3 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу.

Брат Петр Александрович Воронов, актер, проживавший в Ленинграде, в те годы работал (по разнарядке) в гортеатре г. Воткинск Кировского края. Исполнял роли в спектаклях «Борис Годунов», «Беспокойная старость» (к 20-летию Октября) и др. Отмечен в статье культуролога Э.М. Башегуровой (1937 г.). Постоянно посылал Леониду А. деньги. Пережил блокаду в Ленинграде.

Какими достойными и значительными людьми был окружен Леонид Александрович в своей семье, сам явивший миру примеры мужества, трудолюбия, веры и таланта.

И хотя мои предположения об одиночестве Воронова были рассеяны фактами архивных материалов, судьба его близких и конфискация всего имущества, в т.ч. живописного наследия, дает мне полное право представлять

его живописные работы, биографические сведения и любые материалы о его жизни для пополнения сведений о «плеяде» и возвращении ему имени и славы живописца.

ГЛАВА 5. ПРОИСХОЖДЕНИЕ

А человек без честного рода и потомства,
что хлебное семя, кинутое в землю и
пропавшее даром в земле.
Всходу нет — никто не узнает,
что кинуто было семя.

Николай Гоголь

В интернете на генеалогическом форуме удалось найти потомка Петра Александровича, Дениса, который предоставил биографическую информацию о семье:
Воронов Александр Петрович, отец, из потомственных дворян, древнего рода, восходящего в допетровские времена, 1871 г. р., в 1905 г. работал воспитателем и позже преподавателем Ярославского кадетского корпуса, был женат, трое детей: Петр, 1896г.р., Леонид, 1.11.1899 г. р., Елена, 1905 г. р. Ведут свой род от Степана Богомиловича Воронова, в 1637 г. получившего от царя Михаила Федоровича ввозную грамоту на имение отца в Куской волости Костромской губернии на 32 четверти. Петр Степанович Воронов, капитан русской армии, сын его Прокофий, прапорщик, служил во времена Петра Великого.

ГЛАВА 6. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ

...Нельзя, чтобы растворились, будто их не было,
хорошие люди, хорошие художники.

О. О. ***Ройтенберг***

На основании сведений российских архивов составили биографию:

1899г. — год рождения (м.р. Варшава. РГАЛИ ф. 989 оп. 1 ед. хр. 578 Личное дело Воронова Леонида Александровича. Фото из архива семьи П.А.Воронова). Потомок древнего дворянского рода (РГИА Ф.1343, оп. 18, д. 4374).
1905 г. — Ярославль (с 1905 г. отец Александр Петрович служит в Ярославском кадетском корпусе» (РГВИА).
1910(?)–1917гг. — обучение в Ярославском кадетском корпусе (РГВИА Ф. 725, оп. 54, д. 3920, 3922).
1919 г. — начало работы в кино автором плакатов и афиш. Создавал обложки книг в известных издательствах (РГБ, интернет источники).
1921 г. — посещает частную студию А. В. Лентулова (О. О. Ройтенберг «“Неужели кто-то вспомнил, что мы были...” Из истории художественной жизни, 1925 — 1935. Книга-альбом. М., “Галарт”, 2004, а также РГАЛИ ф. 989 оп. 1 ед. хр. 578 Личное дело Воронова Леонида Александровича).
Был женат, разведен (РГАЛИ ф. 1938 оп. 1 ед. хр. 13). Вторая жена Скалова Надежда Борисовна, пасынок Георгий Борисович (ГАЧО Ф. Р467, оп. 3, д. 5458).
Имеем список 13 работ мастера, участвовавших в выставках (РГАЛИ ф. 2650 оп. 2 ед. хр. 387 Каталоги III, IV, и V выставок картин общества художников «Бытие»).
3.04.1935 арест (ГАЧО Ф. Р467, оп. 3, д. 5458).
20.04.1938 расстрелян в Челябинской тюрьме (ГАЧО Ф. Р467, оп. 3, д. 5459).
Имеем фото художника, его брата и двух его живописных работ.
Знаем о крепкой дружбе со Ставровским А. С., художником, коллегой, участником выставок «Бытия» и автором портрета моей бабушки, Ольги Павловны Винник.
Продолжаем поиски информации о Воронове Л. А. в дневниках или воспоминаниях А.С. Ставровского, А. В. Лентулова и др. членов группы «Бытие». Обратимся к материалам архива Госкино.

ГЛАВА 7. ДЛЯ ЧЕГО ЖЕ?

...О силе духа, самоотдаче в жизни, в работе,
об энтузиазме этих людей из плеяды,сколько
ни говорить, ни писать, все мало....

О. О. ***Ройтенберг***

Какова же значимость проведенного расследования?
Во-первых, мы открываем новое имя живописца из художников «плеяды», Воронова Леонида Александровича (известен как художник-плакатист Госкино).
Во-вторых, мы обнаружили творческие работы Воронова Л. А., члена объединения «Бытие», которые участвовали

в выставках общества в 1925 и 1927гг., что позволит расширить искусствоведческую теорию и обогатить литературу, посвященную живописи начала 20 века.

В-третьих, включение в описания «плеяды» образа и наследия Воронова Л.А позволяет расширить границы уже исследованного искусствоведами еще одним примером "правды, идеализма и мужества", "искусства ясного, сердечного, неназойливого" и подтвердить основные черты мастеров «плеяды», такие как «бескорыстие – по нынешним меркам, баснословное", недюжинную одаренность и живописное совершенство. Воронов Л.А. является представителем так называемой «второй силы» между «формализмом» начала 20 века и зарождавшимся «идеологическим реализмом».

В-четвертых, мы получили сведения о частной мастерской А.В. Лентулова и участии в ней Воронова Л.А., что подтверждает преемственность школы Аристарха Васильевича.

В-пятых, мы доказали, что «рукописи не горят», что и спустя 100 лет, даже в условиях полного забвения в результате идеологического цензурирования и личной трагической судьбы, история и правда обнаруживают себя.

Мы открываем миру Воронова Леонида Александровича как живописца, ученика А.В.Лентулова, одаренного художника, творческое мужество которого питалось из душевных и духовных глубин, личных и переданных прекрасными учителями, но не могло противостоять злым ветрам сурового времени. Обретают плоть и кровь сухие строчки в каталогах выставок «Бытие», одной из ярчайших страниц живописного искусства 20 века.

Где-то совсем рядом с нами за тонкой временной гранью потрескивает туго натянутый холст от смелых прикосновений кисти художника, проливаются на полотно красота и духовность портретируемого, а через плечо заглядывают, не скрывая радости и восхищения, Аркадий и Ольга, верные его друзья.

СЕКЦИЯ «КАШАЛОТ»

Николай КАЛИНИЧЕНКО *Москва — Председатель Союза литераторов РФ, организатор и руководитель молодёжной секции «Кашалот». Автор 4 поэтических книг. Рассказы, стихи, эссе и повести печатались в «Независимой» и «Литературной» газетах, журналах «Москва», «Мир фантастики», «Если», альманахах «Словесность», «День поэзии», газете «МОЛ», литературных интернет-изданиях «Русский переплёт», «45 параллель» и др. Лауреат премий «РосКон-2020» и «Аэлита» (Орден «Рыцарь фантастики»).*

* * *

Господь отверз врата рассвета
Над бездной моря!
Вот те крест!
А моль послушает поэта,
И ест.

ИЗОЛЬДА ПЕТРОВНА

Нет ничего величественнее и ничего печальнее,
чем пожилая учительница географии, царственно
парящая в синей безмятежности
полночного бассейна.
На её бигудёвых кудрях
покоится целлофановый пакет.
На её запястье – бирка от шкафчика с номером 12.
В её большой голове
медленно дрейфуют континенты.
На поверхности рождаются и угасают миллиарды
двуногих, которые думают, что могут думать
и решили, что могут решать.
Струя воды в душевой тёплая и тяжёлая,
словно рука хозяина на голове спаниэля.
Можно закрыть глаза и представить себя статуей
Кецалькоатля, спрятанной под водопадом
где-то в предгорьях Сьерра-Мадре.
Струи скользят по каменным перьям,
порождая связность времён и пространств.
На загривке бога растут тысячелетние сейба.

В сапфировых глазах змея тени конкистадоров, ступени
храмов и огромная мясистая ступня
с неряшливым педикюром.
Это Изольда Петровна наплавалась и пошла в хамам.

* * *

Весна подступила, мне что-то не спится,
Чиста предрассветная высь,
Лишь в роще незримая, вредная птица
Упрямо талдычит: пись-пись.

* * *

Я не сплю в своей комнате, я сторожу июль.
За окном тополя, но я верю, что это пальмы.
Он придёт очень скоро и скажет: пора на юг!
У июля рюкзак, в рюкзаке котелок и спальник.
У июля очки и рыжая борода,
И рубашка смешная в клетку на солнце выцвела.
Он придёт очень скоро и скажет: Давай, айда!
На балкон приземлившись горластой
нелепой птицею.
Да, нелепо-нелепо с донышка февралей,
И бессмысленно, кажется, но потому и нужно,
Безоглядно, наивно ратовать о тепле,
Изгоняя из сердца чёрную, злую стужу.
Всколыхнется река, сминая оковы льда,
Заскользят по стволам и стенам смешные зайчики,
На руинах Акрополя вновь зацветёт миндаль,
Вдоль дорог и тропинок поднимутся одуванчики.
У июля гитара под мышкой не просто так,
Он обнимет ее, почешет, как пса за ухом,
И от звука живого расколется пустота,
И с попкорновым «хлоп!» осядет лебяжьим пухом.
Я не сплю в своей комнате в эту глухую ночь,
Потому что пульсирует светом неугасимым
Новорожденной зрелости рыжий, смешной щенок,
И тихонечко тявкает: «Я отменяю зиму!»

* * *

Я в карман засуну шую,
И в кармане почешу я.
А потом вложу десницу,
Пусть-ка шуя потеснится!

* * *

В тенетах неурядиц праздных,
Избегни главного соблазна.
Не тронь в канун восьмого дня
Избы, Некрасова, коня.

ИЕРОФАНТ

Проснётся утром сантехник старый
Один в постели, в квартале диком.
Он, как блюститель на картах Таро,
С зелёным ликом.
Выходит к морю прогнать истому,
А море утром, как самка в течке,
Бежит, флиртуя по волноломам,
За человечком.
Он выпьет мокко, а может — яду,
Закурит трубку, вдохнув туманы,
Под сосны сядет, положит рядом
Свою катану.
И будет слушать смолистый ветер,
Который скоро пойдёт на убыль.
Струится время и всё на свете
Бежит по трубам.
От моря люди спешат с уловом,
Вино в горлянке на самом донце.
Сантехник встанет, промолвит слово
И станет солнцем.

ПРО КРОЛИКА

Что ты, кролик-энерджайзер, приуныл?
Просто, в джазе только мрази и лгуны.
Просто-кваша и не ваша и ничья,
Просто Маша снова плачет у ручья.
Что ж ты ушки-меховушки опустил?
Не грусти, весёлый кролик, не грусти.
Мы отловим всех наушников-лгунов,
Упакуем болтунов и топтунов.
Мы их спрячем в кузовки и коробки,
И в гербариях насадим на штыки.
То-то будет, То-то будет красота!
То-то будет тишина и пустота!
И поднимутся навстречу тишине.
Барабаны, барабаны в глубине!

Алексей ТИХОНОВ, *Москва, секция «Кашалот» — поэт, музыкант, дефектолог. Автор текстов и бас-гитарист коллектива «Твердь Легенд». Лауреат Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри» (2017, 2018), лауреат Всероссийского конкурса чтецов и поэтов «Остафьевский родник», проходящего в рамках международного форума «Музы на Русском Парнасе» (номинация «Автор», 2021). Публиковался в альманахе «Словесность», выпустил книгу «Диптих. Стихи / Сонеты».*

РЕНОВАЦИЯ

Последних могикан пятиэтажек
Тяжёлый взгляд невыносим.
Ветшая, словно старый мокасин,
Всё ширятся понятья «выше», «дальше».
Всё меньше площадь пола до окна.
В нём скалится закат или Европа?
В нём здания — подобье колоннад,
Как часть палладио. Или барокко?
Здесь в лифтах тех же панков письмена,
Но не от этого так мерзостно и грустно...
Наверно, потому, что нет огня
На кухне; в окнах слишком пусто —
Там птицы, облака да трубы ТЭС.
В противном случае — дома, дома повсюду.
Вождь Этоу-О-Коама бродит здесь,
Ютясь в одной из местных студий
И, кажется, рядясь под стать фасадам.
Сахем же — то консьерж, то управдом —
Доволен судьбоносной, злой надсадой.
И, может быть, — коммерческим жильём...
А из хрущёвки был просторный вид:
У старых рам взгляд легче и острее.
Слеза, как влага озера Онейда,
Последним могиканам взор мутит...

НА ИСХОД ЗИМЫ

После метели
Пришла сумятица:
Звон капели,
Зима попятилась,
Грохнула льдами,
Треснула льдинами.
Так ледостав
Становился былиною.
Ночь — короче.
Снежное вретище.
Словно бы строчек
Сама непосредственность.
Словно бы юность,
В сердце вошедшая,
Пламень адъюнктств
Возвращает сонетами...
Может вот так
С болью озимые
Всходят у тракта,
Никем не рядимые?
Для красоты ль?
Для рода небесного?
Но стихи восходили...
И льды надтреснуты!
Звук отрывист.
Капель сладкозвучная!
Не в этом ли смысл
Всего, в данном случае?

АПРЕЛЬСКАЯ ЭМАЛЬ

Скупо блещет финифть,
Как Нева или нефть,
Оскудевшая светом небесным.
Тонко-звонкая нить
Ляжет стёжкой на снег,
Ручейками весеннего леса.
Бросит тамошний царь,
Как с эмалью, кольцо,
Сняв парчи белотканную ризу,
На байрачный алтарь.
Он омоет лицо,
И вода упадёт на карнизы.
И Фонтанка прильнёт
К берегам, наугад
Омывая случайную обувь...
Так свивается год
Уроборосом дат
И апрель затопляет чащобы.

Елизавета СОЛОДОВНИКОВА, *Москва, секция «Кашалот» — бродячий философ-экзистенциалист, арт-терапевт, специалист по психологии творчества и поэт-перформер. Публиковалась в сборнике «Созвездие Кита», центральной периодике, на литературном интернет-портале «Русский переплёт».*

А ВЫ КОГДА-НИБУДЬ ВСТРЕЧАЛИСЬ С АНГЕЛОМ?

Мы двигаемся согласно его желаниям, разнообразно и причудливо, а вернее тащимся за ними, даже не пытаясь сопротивляться. Он заставляет нас кусать себя и друг друга за локти, вставать на голову, ходить на руках иногда с подскоком или перекрещивая их. Одним словом то, что он хочет от нас, всегда непредсказуемо. Лески время от времени обрываются, части нас провисают, становятся слишком тяжёлыми и теряют для него эстетическую ценность. Это мы понимаем по недовольному бормотанию в котором нота детской обиды часто заглушает все остальное. Но он не сдается, и снова и снова натягивая лески, воссоздаёт наброски своих фантазий. Его голос крепнет, натягивается стальным тросом, иногда вибрирует. Всё это довольно неприятно осознавать. Но вряд ли он подозревает, что сознание у нас всё-таки есть. Не без основания конечно. Мои соседки, наборы насильственно соединённых между собой деталей, рассыпаются и падают на дощатый занозистый пол без сил и какого-либо желания подняться. Трудно ожидать большего от груды пластика... Я же ощущаю себя чем-то большим, чем кустарной игрушкой в руках неврастеника. От смены его интонаций всегда что-то меняется и во мне. Ни сформулировать, ни тем более проговорить это вслух я не в состоянии. Прежде чем я обретаю способность поднять голову вверх и увидеть его лицо, проходит много одинаковых циклов телодвижений. Но всё-таки это происходит... И я, улыбаясь, заглядываю ему в глаза. Он отвечает немного рассеянно, выцветшие губы кривит зловещая ухмылка, будто выхваченная откуда-то из темного закулисного пространства. Там может быть все что угодно, вплоть до пыточного станка и расчлененных тел. Но постепенно все сокрытое в таинственной темноте почему-то теряет свою угрожающую привлекательность. Он превращается в усталого беззащитного чудака и глухо, словно извиняясь, произносит: «Приветик». Я стесняюсь собственного голоса ведь он может оказаться каким угодно: старческим надтреснутым, визгливым или гнусавым, а возможно, у меня и вовсе нет голоса и всё взаимодействие с внешним миром сводилось к дерганным движениям разделенного на условные части тела. Но голос всё-таки прорезывается, он хрипловат и будто ненадежен. В любой момент может выродиться в свист или зловещее бульканье, так кажется мне самой, когда я всё же произношу: «они больше не будут танцевать?» — и вскидываю голову. Мне нравится неожиданно обретенная раскованность, к тому же интересно наблюдать за его реакцией. Взгляд его на мгновение рассеивается, как верный признак того, что он затрудняется, где искать правильный ответ, снаружи или внутри себя, но он тут же обретает уверенность, видимо нащупав где-то в захламленном пространстве около и вокруг себя спасительную сентенцию, что правильного ответа нет. Нет, не было и не будет. «Это зависит от их желания», — с ла-

сковой улыбкой, наконец, отвечает он. А я разглядываю огромную комнату с кустарной сценой, тяжёлыми портьерами на окнах и нагромождением разнообразных предметов по углам. Начиная от фарфоровых сервизов, расставленных на полу и ржавого трехколесного велосипеда почему то прикрученного к стене. Скрипучий прожектор вращается по причудливой амплитуде выхватывая из тьмы верхи, низы и всевозможные точки. Комната вызывает маниакальное желание захохотать и мгновенно сойти с ума, по крайней мере выйти за те пределы сознания, где любые нелепости воспринимаются как данность. Даже плети свисающие с потолка. Почему-то мне начинает казаться, что он читает мои мысли и я обрываю их громким хохотом... Он раздвигает портьеры и садится на подоконник, словно даёт понять, что разговор окончен, я свободна и совершенно не интересна ему. Солнечный свет заливает комнату, от чего она становится только неуютнее и страшнее. «Тебя пугает моя комната?» — вкрадчиво произносит он, когда я уже подхожу к обшарпанной деревянной двери, крашенной несколько слоями самых немыслимых цветов. Словно все эти цвета вкупе с предметами и безумными глазами кукловода какая-то гигантская абсурдная инсталляция, призванная дразнить и мучить меня. Я дёргаю за ручку двери, ручка остаётся в моих руках, и я отчётливо вижу, что дверь вовсе не настоящая, а просто контур, нарисованный на видевшей виды стене. Он начинает смеяться раньше, чем я поворачиваю голову. «Отсюда только один выход», — бархатные модуляции его голоса заполняют всё пространство странной комнаты. Предметы начинают раскачиваться в такт его речи. Я впиваюсь в него глазами, он же распахивает окно и встаёт на подоконник. «Этот город был моим, посмотри, как он красив», мир постепенно сужается, пока в нём не остаётся ничего кроме вкрадчивого и властного баритона. Крупная фигура в проёме окна слишком монументальна, чтобы не подчиниться. Я встаю рядом с ним. Город представляет собой нагромождение крыш, труб и узких провалов между ними. «А теперь?» — я пытаюсь быть Настоящей и говорю с максимальной развязностью, на которую способна. «Он чей?» — я требовательна настолько, насколько может быть требовательной только что ожившая кукла, мне кажется, от его ответа зависит многое. Трубы и крыши раздвигаются, и окровавленный закат начинает просматриваться между ними. «Он твой» наконец раздаётся тихий, но чёткий ответ. «Кто ты?» Я разворачиваюсь к нему, но рядом уже никого нет — «я ангел» откуда-то из предзакатного пространства раздаётся голос. Тёплый, человеческий, мужской. Я спрыгиваю с подоконника в комнату, дверь, которая казалась нарисованной распахивается... я сбегаю по лестнице обычной пятиэтажки и выхожу в вечерний пресыщенный неоном и звуками город...

А Вы когда-нибудь встречались с Ангелом?

Любовь ТИХОНОВА (ШИРШИКОВА), *Москва, секция «Кашалот» — окончила колледж при Мгим имени А.Г. Шнитке и бакалавриат РГСУ (с отличием), сейчас обучается там же по программе магистратуры. Работает в Оперном театре-студии имени Ю.А. Сперанского при РАМ имени Гнесиных. Была сессионным музыкантом у Петра Налича и Сергея Калугина. Мультиинструменталист и бэк-вокалистка коллектива «Твердь Легенд». Скрипачка в творческом объединении «Luminis Artis». Публиковалась в альманахе «Словесность»*

* * *

В тумане день, я шла по звонким лужам
И дождь стучал по старой мостовой
Мне кто — то так отчаянно был нужен
Хоть кто-то, кто останется со мной.
На сердце мрак. Средь сумрачных видений
Холодной тенью растворилось вновь
Под властью страха, злобы и сомнений
С душою навсегда разбитой в кровь
Вокруг пестреют вывески, витрины
Зажжётся скоро золотой фонарь
А я ищу тоски своей причину...
И листьев ворошу ногой янтарь,
Я, опустив глаза, брожу по переулкам

И не ищу прохожих хмурый взгляд
Никто не знает что это за мука,
Когда отчаянья течет по венам яд.
В тумане день, я шла по звонким лужам
И дождь стучал по старой мостовой,
Мне кто-то так отчаянно был нужен
Хоть кто-то, кто останется со мной.

* * *

Я по талому снегу босыми ногами шагала
В руках огонёк, с ним я тьму от себя отгоняла
Было страшно, но шла по цепочке следов уходящей
Шла (как будто одна) сквозь дремучую тёмную чащу
Я звала, а в тумане мой голос звенел и терялся,
Исчезал средь ветвей, в сером небе
средь туч растворялся,
Пеплом чёрным ложились на сердце надежды пустые
Путь у каждого свой, а земные пути непростые.
Как во сне я брела по дорогам немым и невзрачным
И гнала от себя образ смутный, холодный и мрачный
И закрыла глаза, чтоб исчез тот, кто снова мне снится
Под ладошкою тёплой
дрожали лишь только ресницы.
Я свернула с пути, в одинаковых днях заблудилась,
А вокруг пустота, словно сумерки мягко стелилась
Я осталась одна и ждала ледяного рассвета,
Как же больно в груди мне от яркого звездного света!

Я в отчаянье вновь, только ночь предо мною ступала,
И луна как в темнице, в сплетении крон мне сияла.
Год за годом, вот так, я вслепую по острому краю
Осторожно, боясь оступиться, забытая шла и чужая
Путешествуя лишь по обрывкам,
что в памяти вьются
Не уходят они, а со мной навсегда остаются
Ты, единственный, сможешь
прогнать ненавистные тени
Что кружат надо мной
по размытой границе видений...

ЧУЖИЕ СНЫ

Устала я ловить чужие сны,
Ведь вновь и вновь пустым приходит невод.
Спокойно в море отраженье неба:
Сияет свет в глубинах синевы.
Я на краю, стою одна во мгле
И вижу я: весь небосвод искрится.
В нем хочется, как в волнах раствориться,
Или исчезнуть в мертвой темноте.
Надежды лживы. В ожиданье грёз
Ищу пристанище. Средь вечности вселенной
Умру и обернусь морскою пеной
Под мантией, что соткана из звёзд..
Сияет свет в глубинах синевы..
Увы, созвездия не попадутся в невод.
Таинственно в ночи мерцает небо,
Нашептывая мне чужие сны.

Ринат КАМАЛИЕВ, *г. Реутов Московской области, секция «Кашалот» — родился в Самаре, окончил исторический факультет МГУ. Работал корреспондентом газеты Краснодарского края «Апшеронский рабочий» («Вестник Предгорья»), вошел в число лучших журналистов Кубани в возрастной категории до 35 лет. Лауреат творческих и профессиональных конкурсов вузовского, регионального и Всероссийского уровней. Победитель турнира поэтов в рамках Литшоу Союза литераторов РФ (март 2016), приуроченного к Всемирным дням поэзии.*

КОФЕЙНЯ

Как мило вместе посидеть в кофейне,
Чудесный капучино в ней смакуя
Со вкусами идиллии семейной
И с лёгким ароматом поцелуя.
Как хорошо, от мира оторвавшись,
За чашечкой фарфоровой погреться
И счастье пить из этой милой чашки
Родного, навсегда родного, сердца.
С тобою и шалашик будет раем,
Но всё ж кофейню предпочтём мы оба,

Где ложками симфонию сыграем,
Закусывая вкусный кофе сдобой.
Глядеть в глаза и на кофейной гуще
Нам нагадать огромную удачу
За столиком у яблони цветущей –
Уже удача это, не иначе!

СЛАВА ГЕРОСТРАТА

Многие ли помнят Херсифрона?
Спроектировал он храм в Эфесе,
Задавал как зодчий эталоны,
Всей душой содействовал прогрессу.
Хорошо ещё, что кто-то помнит,
Что века не стёрли напрочь имя,
Не сожгли в своей пузатой домне,
Как выходит, как ни жаль, с иными.
Но зато что кто из нас не знает
О тщеславном, жалком Герострате,
Захотевшем понести, как знамя,
Низменную мету – поджигатель.
Сумасброд спалил великолепный
Храм, где прославлялась Артемида.
Памяти о нём бы сгинуть в склепе,
Но иначе думает планида.
Так, увы, творцов предав забвенью,
Публика несёт мерзавцам подать:
Позабыв достойных постепенно,
Превозносит подлых антиподов!

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Ни доказать нельзя, ни опровергнуть,
Что параллельные миры лежат вблизи,
Не на Денебе, Сириусе, Веге,
А рядом с нами, могут на мази
Явить свой лик, свой лик не замутнённый,
А чтоб узреть – прозреть лишь нужно нам
И с мудростью, достойной Соломона,
Поверить озарениям и снам.
Над карликовой узостью понятий,
Сложивших бледнобудний этикет,
Звучат вовсю нездешние сонаты
И тихо льётся беспечальный свет.
А за часов обыденных кормою
Рокочет синеокая волна,
И тех она безбрежностью омоет,
В ком вера в ирреальное сильна.
В любой душе запрятан тайный ключик,
Что позволяет, время превзойдя,
Хоть ненадолго от невзгод колючих
В мир параллельный прыгнуть, как дитя.

Элина ЧЕРНЕВА, *Москва, секция «Кашалот» – окончила филологический факультет Московского городского педагогического университета. Работает частным преподавателем английского языка. Серебряный призёр Гумилёвского форума «Осиянное слово». Публикуется в литературных альманахах, газетах и интернет-порталах.*

* * *

В детском саду на утренник
Золушкой тогда выбрали Зою Косову
Она конечно красивая
Но не настолько
Лохмотья – бац! – делались у неё
платьем с цветочками
Снежинки и зайчики вертелись вокруг безликие
Зачем-то играл Вивальди
Принц примерял Зое туфельку
И всякое счастье ей обещалось
А я была обычной восточной красавицей
И платком махала туда-сюда
Чтобы Зоя успела переодеться
Ну и где теперь эта Золушка?
...
А я зато вот она, улыбаюсь вам тут

* * *

Что-то у нас не клеится
Надо зашкурить поверхность

Давай я верну ему эту кастрюлю
Давай ты поговоришь с ней
Последний-препоследний раз

Ну вот, то-то же
А нет, не то

* * *

Сегодня мы поругались
И вслух ротом не разговариваем
Но когда ты домыл посуду
Две вилки в стеклянной банке
Звяк! — и соединили зубчики

* * *

Осколки не режутся,
Только немного колются,
Если ступня расслаблена, —

Так он учил меня
Ходить босиком по стеклу.

Под моим весом
Оно захрустело:
Хруп, хруп, хруруп

Фуууух, обжигает ноги, —
выдохнул он, натоптавшись.

Я промолчала,
Что в моих ежедневных тапочках
Точно так же.

* * *

Еду в метро рядом с кудрявой таксой:
Вот наконец-то собака,
Но чужая,
Но собака.
Погладить, что ли?
А вдруг хозяйка кусается?
Нет, не надо бы гладить...
Но пока в кошельке хозяйка
Ерунду какую-то пересчитывала,
Кудрявая такса взяла и меня понюхала,
Мокрым носом ткнулась в мою ладошку.

* * *

Я вернулась одна из ЗАГСа
Пошла в ванную отстирать бельё
От твоих прикосновений

А на Тайде написано
«Без разводов»...

Надо же, как развёл меня
Мой собственный
Порошок

Лиа ЛЮБИМОВА, *МОСКВА, СЕКЦИЯ «КАШАЛОТ»*

ВСЁ В ПОРЯДКЕ, АКТЁР

Он выходит курить на балкон под кострище рассвета.
Ночи маятник мечется в сердце,
вскрывает реальность.
Руки мёрзнут. Сентябрь. Жить вот так вот
от лета до лета,
Принимая цикличность как данность —
почти гениально.
Руки мёрзнут. Бардак на столе, среди нотного бреда.
Недосказанность строчек,
с которых срываются звуки.
Он брезгливо кидает докуренную сигарету
Прямо в лужу, как дети бросают игрушки от скуки.
Колкий воздух Парижа по венам течёт, словно небо,
И мешается с кровью, смешит, будто газ веселящий.
Он глаза поднимает на звёзды — невидяще, слепо —
Но находит лишь яркие окна в квартирах неспящих.
Над ладонью полоски горят фонарями Монмартра.
Белых шрамов дороги, как росчерки памяти, плавны —
То запястья познали вкус лезвий в порыве азарта.
То стигматы любви,
проступившие шрифтом заглавным.
Он живёт, будет жить! В уголках глаз
лучатся морщины
Как следы навернувшихся слёз, и непролитых всё же.
Он же счастлив почти!
Но, тоскою вгрызаясь звериной,

Память рвёт в лоскуты его душу, терзает, тревожит.
Он уходит с балкона, вливаясь во тьму голых комнат,
Он вжимается в кресло, смотря на закрытые двери.
Всё в порядке, актёр, ты устал. Отключи телефоны.
Всё в порядке, актёр.
Но она не пришла на премьеру...

Пётр КИФА, *Москва, секция «Кашалот» — правнук И.Л. Хазановского — альт-саксофониста в джазовом оркестре Александра Цфасмана. Детство провел в Верхнебуреинском районе Хабаровского края (родители были БАМовцами). В 2008 году окончил Московскую государственную юридическую академию имени О.Е. Кутафина. Работал следователем Следственного комитета при Прокуратуре. В настоящее время — практикующий юрист. Публиковался в альманахе «Словесность», газете «МОЛ», сборнике «Созвездие Кита».*

ПАХАН

Во втором подъезде на девятом этаже в четырехкомнатной квартире жил Паша Булдыгин. И быть ему Булдыгой, но, нет, первым прозвищем у Паши было «Пахан». В начальной школе мы имели смутные представления о блатных понятиях и тюремной иерархии. Наш словарный запас уголовного арго ограничивался гротескными оборотами из фильма «Джентльмены удачи». Слово «Пахан» для нас было таким же производным от имени, как Толян, Колян или Вован. Новое понимание этого слова пришло к нам после разборки с отцом одной обиженной малявки. Разгневанный батя оторвал нас от игры в футбол и спросил Павлика. Мы окликнули Пахана, который отливал где-то в кустах. Изумленный родитель спросил: «У вас даже пахан свой есть?». И пока он воспитывал Пашу, я задумался о том, что слово «пахан» у взрослых имеет совсем другое значение.

Вечером я и мой дядя смотрели первую серию фильма «Место встречи изменить нельзя». Подошел эпизод, где Василию Векшину готовят легенду для внедрения в банду.

— Велено тебе разузнать, — говорит Жеглов, — коль они готовы брать кассу, где своя баба наводчица, то придет с ними толковать пахан..., а Векшин ему: — почему, спросят, сам пахан не пришёл? А Жеглов ему: — а если он уголовку приведет на хвосте? Наш пахан ихнего не глупее...

«А кто такой пахан?» — спросил я у дяди Юры.

Дядя Юра был агрономом. Но так вышло, что в девяностые работу он нашел в Икшанской воспитательной колонии для малолетних преступников. Благодаря военной кафедре в Тимирязевской академии, ему сразу дали лейтенанта. Система исполнения наказаний в то время находилось в ведомстве МВД, а форма не отличалась от военной. Работники колонии позволяли себе ходить по зоне в спортивных костюмах. Работать было некому, и начальство смотрело на это сквозь пальцы. Но дядя Юра обожал военную форму и заказал себе полный комплект. С пацанами он ладил хорошо, умел находить общий язык, переубеждать, влиять на них. Как мне позже рассказывал один из выпускников этой колонии, дядя Юра был единственным сотрудником, которому не придумали кликуху. За глаза его называли исключительно Юрием Анатольевичем. Во многом он заменил мне отца и, судя по отзывам его воспитанников, не только мне. Дядя Юра много читал и был очень эрудированным. Если я у него что-то спрашивал, то в компетентности его мнения я не сомневался.

— Пахан, — начал дядя Юра своим фирменным энциклопедическим языком, — это уголовный жаргон, феня. В фильме имеется в виду главарь банды, а в тюрьме пахан — это смотрящий за соблюдением воровских понятий и правил, которые составляют неписанный воровской кодекс чести. Паханы, они же смотрящие или положенцы, назначаются ворами и им подчиняются.

Его ответ вызвал у меня шквал дополнительных вопросов, и в перерывах на рекламу я погружался в тонкости тюремной субкультуры.

Я сиял от обладания новыми знаниями и конечно хотел просветить дворовых ребят. Но оказалось, что ребята владели матчастью не хуже меня, потому что проконсультировались у бывшего зэка Василия. Василий любил детей.

Василий жил примаком у овдовевшей тети Клавы в третьем подъезде на девятом этаже, в трешке. Он очень любил тетю Клаву и ее дочь Олесю принял как родную. Выпить был мастак, но первое время запои были редкостью. С тетей Клавой он познакомился по переписке, когда сидел на зоне.

На первой свиданке он сказал ей:

— Клав, ты продукты не носи. У меня всё есть. В следующий раз бери с собой пустые баулы и свой фирменный борщ.

На следующей свиданке Василий дал тете Клаве денег, наполнил ее баулы продуктами, а для ее дочки передал куклу «Барби». И так происходило каждую свиданку. На входе и выходе тетю Клаву никто не досматривал.

Откинувшись, Василий получил из общака солидное выходное пособие и белый Mercedes-Benz 280 E, на котором он привез свою новую семью домой.

Бывшего зека в нем выдавали синие перстни, шутливая еле заметная улыбка и прищур маленьких оловянных глаз, в которых смешались внимательность, подозрительность и хитрость.

Василий говорил тете Клаве, что порвал с блатным миром, что у него теперь какой-то бизнес, но чем он занимался, никто не знал, а деньги у него водились и семья жила в достатке. Может быть, он-то и был настоящим паханом: в тюрьме — смотрящий, на воле — организатор.

Мы больше не называли Пашу Паханом. Он вскоре получил две новые кликухи: приемлемую — «Пулик» и обидную — «Пыр».

Время шло. Учеба и трудоустройство выкинули нас из детства в разные стороны.

Учась в институте, я узнал, что у некоторых народов, в частности у осетин, узбекских корейцев и кабардинцев принято уважительно за глаза называть своего отца «паханом» или «паханчиком». На востоке это слово прижилось. Возможно благодаря созвучию со словом «хан». А может быть, потому что в России гражданское общество весьма охотно интегрируется в культуру преступного мира.

Пашина судьба складывалась непросто. Пересмешник Паша довольно легко нес себя по жизни. Наглость и насмешка — были его неотъемлемой чертой. Но жизнь его сильно ударила.

Его первая жена умерла от рака, и он остался один с годовалым сыном. Перед этим он спустил все денежные накопления на лечение жены, лез в долги и собирал пожертвования. Наглость и насмешка растворились в его горе полностью. Выражение лица у Паши стало таким, как будто его покойный отец отвесил ему с того света подзатыльник.

Через пару лет он сошелся с другой женщиной, которая родила ему дочь. В новой семье все ладилось. Свободное время Паша старался посвящать детям. Он снова научился улыбаться. Грустные глаза в сочетании с улыбкой дают очень доброе выражение лица. Жена звала его ласково «Пашенькой», на работе к нему обращались — «ПалСергеич», сын среди своих сверстников гордо называл отца «Паханом».

Дмитрий ЕРОХИН — *Москва, секция «Кашалот» — публикуется также под псевдонимом John Vain. По образованию — врач-невропатолог. Представитель России на Каннском Кинофестивале 2016 (клип «Склероз»), победитель Волошинского фестиваля (1 и 2 места, клипы «Треугольники», «Склероз»), триумф-лауреат премии им. В. Хлебникова, руководитель творческого объединения «Поэтарий».*

* * *

лампочка над нами
свет в объятьях цинка
ты стоишь нагая
в белых пепелинках
душу отстираешь
хрен бы с ней с душою
помню за сараем
пил портвейн дешёвый
в небо молодое
древо тянет ручки
скрытое не скроешь
завтра будет лучше
есть игра такая

верите не верьте
свой ответ оставь мне
на столе в конверте

* * *

нету логики у бреда
если есть то сразу три
думать много очень вредно
лишь вреднее говорить
чудо в сущем насекомых
чудо в бытии зверья
чудо в каждом происходит
только чудо это я
сонный витязь бога ради
встал и вышел на крыльцо
тихо вкруг и тихо гладят
руки нежные лицо
жить враспашку и ссутулясь
ты никто и я ничей
сколько будет в жизни улиц
фонарей аптек ночей

СЕКЦИЯ «СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ»

ПУЛЯ (Ксения КИРС), *Москва — Вязники, — руководитель секции «Северный крест» и лидер рок-группы с одноименным названием, музыкант, поэт, журналист, общественный деятель. В 2019-2020 гг. стала экспертом Комиссии по присвоению званий лучшим творческим коллективам г. Москвы Московского Департамента культуры. Стихи публиковала в газете «МОЛ» разных лет; в 2016 году издала в серии «Госстипендиат» книгу стихотворений «Вечная история одного человека». Государственный стипендиат 2015-2017 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

* * *

Взгляни на вещи
светлыми глазами. —
Как свечи, что горят
пред образами.

ДОМ

Как хорошо, когда есть дом.
Мороз крепчает за окном.
А мне уютно и тепло,
в душе так мирно и светло.
Урчит пушистый рыжий кот.
Он вместе с Ангелом поет,
(который бережет мой дом).
Пью чай горячий с молоком.
Свеча мерцает на столе,
и в мягком кресле тихо мне.
Как хорошо, когда есть дом,
где дружно мы втроем живем.

ЛИЦА

Вереница... Вереницей
предо мной мелькают лица.
Их так много побывало
в моей жизни на земле.
Ну, а жизнь — она как птица.
То свобода, то темница.
Пронесет, и не заметишь,
на невидимом крыле.

ФРАКТАЛЫ МОЗАИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Какие порталы откроются
в этой бесконечной урбанистической гусенице?
Какие времена не смоются
в этой перевернутой электромагнитной путанице?
Гой, гой, гой еси!
Поезд мчится по Руси.
А что же там, на Небеси?

КРАСКИ

Оранжевый с желтым стонали
под серо-коричневой краской.
Зеленый, лиловый и синий
смотрели на черный с опаской.
Раскрашены люди в подземке
в уныло-тоскливые будни.
Так хочется, чтобы художник
открыл разноцветный этюдник
и мысли прохожих озвучил
цветами космических радуг...
Рисуя забытое счастье,
другого надеждой порадуй.

Анна ИВАНОВА, *Москва, секция «Северный крест». —* «*Родилась в Москве. Пишу стихи, увлекаюсь музыкой, бас-гитаристка и вокалистка в двух рок-группах. Модель. Участвовала в показах мод и съемках для известных журналов. Работаю в сфере кино (Кинокомпания «Угличин и К»). Очень люблю западную рок-музыку, особенно «old school». Пишу тексты для песен. Творчество — это смысл моей жизни».*

ДУША

Ветер из листьев шьет покрывало.
Всему есть конец, и всему есть начало.
Душа моя грешная, как ты устала
Дорогами странными долго бродить.
Ликуют софиты мажорно-минорно.
Под небом земля распласталась покорно.
Душе моей грешной на горнем просторно
Из чаши бессмертия вечность испить.

РАСПУТЬЕ

Я стояла на распутье,
собирала из лоскутьев
домик маленький из прутьев.

Шелест листьев под ногами.
Попрощаюсь с Мураками.
Томик Бродского в кармане.

Здесь четыре направленья.
Я застыну на мгновенье
и отдамся провиденью...вдохновенья...во спасенье...

МАГИСТР (Алексей Маслов), *Москва, секция «Северный Крест» — окончил МГАХИ им. Сурикова, профессия — художник-живописец. Член Творческой лондонской Гильдии, Творческого Союза художников России, Президент-Основатель МОО «Мотобратия во Христе». В подростковом возрасте служил звонарем при православном храме и тогда же начал писать иконы. В более поздний период стал сочинять песни (и музыку, и стихи). Организовывал персональные творческие вечера в ЦДЛ, выставки фоторабот «Байкеры сегодня». Совместно с МОО «Мотобратия во Христе» и ТВ «Спас» осуществляли съёмку видеофильмов о православных монастырях России, снято 35 пятнадцатиминутных фильмов, которые были показаны на телеканале «Спас». Выпустил два поэтических сборника своих.*

ПОХИЩЕНИЕ «АЙ-ПЕТРИ»

Немало новостей Москва мурыжит:
Там снегопад, Безруков в полном метре,
Но самой главной новостью — Куинджи!
Из Третьяковки вынесли «Ай-Петри».
И ладно б Васнецова, по престижу,
Или Иванова «Явление», по нраву
Серова с Репиным, но только не Куинджи.
Салонщину. Обидно за державу!
Чему учили дерзкого воришку?
Ну почему такие предпочтения?
Для своего ликбеза и для чтения,
Уж лучше б стырил об искусстве книжку!

НОВОГОДНЯЯ МОСКВА

Переулки-переулочки
Так красивы и опрятны,
Словно косы у Снегурочки,
Снежной шубою упрятаны.
Здесь века с чудНЫми формами,
Стилями архитектурными,
Продиктованых реформами (не тот падеж)
Шифрами номенклатурными.
Века прошлого строения
Все как будто однородные,
Да ампирные сплетения
Мрачной памятью народною.
И застенки, и усадебки
Заплелись в круговороте,
Где-то здесь гуляли свадебки,
При деньгах и в позолоте.
Где-то нищенством потягивал
Ветерок из подворотен,
Звуком голоса бродяги звал,
Смрадным запахом блевотин...
Новогодне так украшена,
Словно площадь перед казнями,
И салютом ошарашена,
Да накормленная баснями.
За посольствами закрытую,
Мы Москву такую видели –
Неочищенной, немытою,
Неприветливой обителью.

ЛИСА (Анна ДЕГТЕРЁВА), *Москва, секция «Северный Крест» — родилась в г. Муроме Владимирской области. «Для меня этот город — большая деревня — уголок светлой памяти моего беззаботного детства. Сейчас проживаю в г. Зеленограде Московской области. Окончила Российский Православный Университет святого Иоанна Богослова по специальности журналистика. Люблю детей, театр, учусь фотографировать. Больше всего мне нравится делать мгновенные портретные эмоциональные снимки». Публиковалась в газете «МОЛ», в альманахе «Словесность 2018». Государственный стипендиат 2017—2019 гг. в номинации «Талантливый молодой автор России». Участник коллективного сборника «Между Пегасом и Лирой», 2019.*

РОДИНА

Ярко-голубое небо, разукрашенное белоснежными облачными перьями, кажется бесконечным полотном для творчества самой природы. Большая гремучая птица, возможно, орлица, кружится надо мной, заставляя следить глазами за ее полетом и восхищаться. Любуюсь слаженностью и плавностью взмахов крыльев. Колючая стройная белая рожь забивается в мои рыжие волосы, нарочно спутывая их. А ведь потом бабушка, расчесывая мои запутанные коконы волос, будет обвинять меня в небрежности и неаккуратности, не зная про козни коварной ржи.

Я, с короткой взъерошенной стрижкой и в штанишках на лямках, наслаждаюсь знойным, умиротворяющим, июньским днем. Рядом со мной бесцеремонно брошен, сделанный папой, желтоватый сачок и раскаленная высоким солнцем прозрачная банка с бабочками-капустницами. Мне было жалко ловить бабочек, но эти являлись скверными вредителями, уничтожающими нашу капусту. Как и любому шестилетнему ребенку, окончательно набегавшемуся под палящим солнцем, мне захотелось укутаться в колючую, ароматную рожь и понаслаждаться временным сонным спокойствием.

Часа через два вернутся мои братья. И тогда мы, наконец, через заросший бурьяном овраг отправимся к реке Оке. Чистая, почти прозрачная вода, пронизана теплыми лучами, сплошь наполнена изумрудными водорослями, корешками, бревнышками и какими-то тайнами, пропитанными историями. Золотой песок с крупными песчинками и изогнутыми, рогаликовыми тонкими ракушками, переливается на солнце разными оттенками. Хочется кидаться плоскими камнями так, чтобы на воде осталось больше блинчиков, чем у старших братьев.

Всё это будет только через несколько часов, а сейчас совершенно нечего делать. Шуметь нельзя, так как троюродная трехлетняя сестра, мирно посапывая, обретается в царстве Морфея. Будить ее нет желания, ведь опять

начнет ходить за мной хвостиком повсюду, повторяя буквально каждое действие и сказанное слово. А мне интереснее со старшими братьями играть в игры про разведчиков, пинать мяч и прятаться в кустах малины от взрослых, не желая получать наказания за малейшие провинности в виде разбитого зеркала... Поднявшись и кое-как отряхнувшись, бегу во двор к сестрице, надумывая ее разбудить. Но после того, как вижу этого посапывающего «ангелочка», мое желание сразу отпадает.
Вбегаю в сонный дом, тормошу бабушку, что сидит в кресле в полудреме, прошу почитать книжку, которую начали читать вчера. Бабушка, чрезмерно меня любящая, поспешно пробуждается, послушно берет очки и начинает читать. «Детство», Максим Горький. Два часа пробегают незаметно. Братья обнаруживают вновь задремавшую бабушку и меня с заплаканными глазами. «Пескова... Алесу... Злой дедуска побил», — лепечу я, слегка запинаясь от слез. Это теперь моя любимая книга. Одна из моих самых первых. Братья смеются над моей детскостью, они-то уже «взрослые», по восемь лет. Затем мы вместе уходим на речку.
Родина, Россия — это бескрайние рыжие поля, серебристые или зеленоватого оттенка реки, густые сказочные леса с древними лешими, злыми духами и кикиморами, деревнями с покосившимися домами и постоянными запечными жильцами — домовыми, они покоятся наравне с величаво громоздкими белоснежными церквями, с высокими золотыми луковицами куполов и горящими на солнце крестами.

НЕП (Юлия КРУГЛИНА), *Москва, секция «Северный Крест». «Пони, Поэтесса, Непомнящая, Неп, Пилигрим, Норд, Ёжик... Да-да, это всё я. Я современный поэт, прозаик, фестивальный волонтёр, турист, путешественник, фотограф-любитель, автостопщик, да и вообще любитель всего нового и интересного. Я человек, который часто проводит ночь в дороге, ест дешёвую еду на заправках в пять утра, встречает рассветы в других городах и измеряет расстояние между ними в часах, затраченных на дорогу. Когда я нахожусь в разъездах, я пишу о том, что вижу, а когда меня держит город, о том, что чувствую».*

* * *

это из себя не выреветь
и не выплакать.

гораздо проще простоять под дождём
и до нити вымокнуть.

я прежде не была такой слепой,
такой непомерно жалкой,
будто соседи в квартире над головой
в сотый раз устроили перепалку,
и я мучаюсь от мигрени
в безумной надежде, что кто-нибудь мне поверит.

я не знаю, как и кому мне об этом сказать,
какие клавиши тыкать мне на экране мобильного,
который такой же разбитый, как я,
разбитый и полностью обездвиженный.
его бы давно пора подключить на зарядку,
и сердце тоже,
но бьётся оно об грудную клетку, как будто в припадке.

я очень хотела бы верить, что всё в порядке
когда-то будет, что все эти мысли и злые умыслы
не затянут меня в это мрачное подземелье.
если жизнь — это сцена, то я — дешёвый актёр,
которому так и не выдали роль,
если жизнь — алкоголь, то я выпила слишком много и
мучаюсь от похмелья.

я возвращаюсь с холодной войны и иду в свою
маленькую квартиру.
мой ангел стоит на каминной полке, сжимая руками
картонную лиру.
здесь моя личная тихая гавань, мой личный
спасительный островок.
если где-то есть Бог,
он зачем-то его для меня сберёг и раскрыл все карты.

что если жизнь — это партия в преферанс, а не в школе
весёлые старты?

не знаю, сколько ещё мне жить и быть мучимой этим вопросом.
если жизнь есть игра, то я проиграла сражение с главным боссом:
то, что казалось мне стометровкой, было нехилым кроссом.

мне так надоело бродить везде неприкаянной,
из своих же обид и ошибок когда-то спаянной
словно нечаянно
и всеми возможными силами избегать уклона любовного,
но видит Бог, что другая судьба для меня была уготована.

я иду и считаю ступени гулким эхом своих шагов,
и виднеются чёрные раны из простреленных рукавов.
треснул мир паутинкой на проявленной фотокарточке.

на моём этаже вдруг замкнуло сеть
и сгорели лампочки.

Григорий ТАЧКОВ, ***Москва, секция «Северный Крест».*** *Выпускник Литературного института имени А.М. Горького, поэт, музыкант. Лауреат конкурсов «Стиходелика» 2009 и 2010 гг. в номинации «Поэт», участник фестивалей «Открытого литературного клуба «Отклик»». Публиковался в газете «МОЛ» и альманахе «Словесность» разных лет. Автор нескольких книг стихотворений, в том числе книги «Земной работник», изданной в серии «Визитная карточка литератора». Госстипендиат 2015-2017 гг. в номинации «Талантливый молодой автор России». Участник коллективного сборника «Между Пегасом и Лирой», 2019.*

В МЕЧТАХ НАД МОСКВОЙ

Покровский бульвар...
Свет включают фонарные феи;
Печали пожар
По Москве мы с тобою развеем.

Как будто листы,
Что сорвались со сказочных веток,
Легки и чисты —
Отдадимся столичному ветру.

В мечтах над Москвой
Полетим на фрегате крылатом,
Струною живой
Зазвучим в переулках Арбата;

И воздух веков
Впустим в сердце на Площади Красной...
Семь древних холмов
Озарит свет лучистый и ясный!

У Иверских врат
Мы найдём нулевой километр...
Древнейший наш град
На загадки великие щедр...

Пред нами ожил,
Возносясь над стеною кремлёвской,
Святой Даниил —
Светлый князь благоверный Московский!

В Сокольниках ты
Навестишь разноцветные клёны;
Донской монастырь
Нам подарит вечерние звоны.

Для нас наяву
Бьёт Георгий лукавого змия;
Поверим в Москву,
В то, что есть Третий Рим у России

ВИДЕНИЯ НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ

...А на Девичьем поле
Наступила весна.
В сером снежном камзоле
Ткань травинок видна...

По апрельской погоде
Нарядилась Москва;
И виденья приходят,
Да в глазах — синева...

Я Руси душу женскую
Вижу как наяву,
Богоматерь Смоленская
Охраняет Москву;

И любви чистой деревце
Прорастает во льду,
Непорочные девицы
Сквозь столетья идут...

...А на Девичьем поле
Будто вижу окрест
В золотом ореоле
Матерей и невест...

Пусть же возгласы птичьи
Славят Милость Высот,
Пусть на поле Девичьем
Каждый кустик цветёт!

Сяду тихо на лавочке,
Под малиновый звон
Мне на крылышках ласточки
Принесут чудный сон:

В небесах кистью беличьей
Пишет вербная ветвь
Монастырь Новодевичий,
Белых праведных дев...

СТРАЖ РОДНОГО СЛОВА

Посвящается Н.С. Лескову

Проходил с утра по Петербургу
Николай Семёнович Лесков,
Открывая сердце, как шкатулку,
Видя миг и целый ход веков.

Мудрый сын губернии Орловской
Познавал неспешно Петербург,
Не ища ни праздника, ни лоска,
Лишь внимая говору вокруг.

Даже в грубой ярмарочной давке
Был писатель речи всякой рад,
Он искал с надеждой в каждой лавке
Книг бесценных антиквариат!

Как правдивы, хлёстки и духмяны
Словеса народной старины:
Николай Семёнович романы
К нам донёс из этой глубины!

Братья, сестры — все мы — соборяне
Под культурным куполом Руси;
Мы светильник разума в тумане
Не должны пред Богом загасить!

И Лесков — во мраке — светлокнижник,
В самый пик безнравственных годин,
Он — стремлений праведных подвижник,
Он — мыслитель и христианин.

Наш язык — исконный и здоровый —
Сохранил во множестве томов
Воин духа, страж родного слова —
Николай Семенович Лесков.

ЮТА (Татьяна ШЕВЧЕНКО), *Москва, секция «Северный Крест». — «Родилась в г. Москве. Еще не научившись говорить, уже любила рисовать «истории». Увлеклась музыкой и обучалась вокалу. Непродолжительное время выступала сольно. Начала писать собственные тексты песен. Стихи печатались в газете «МОЛ» в разделе «Дебют» и на разных интернет-сайтах. Государственный стипендиат 2017—2019 гг. в номинации «Талантливый молодой автор России». Участник коллективного сборника «Между Пегасом и Лирой», 2019».*

* * *

— Боишься?
— Чего мне боятся?
— Пустоты.
— Она ли не двигатель жизни, скажи?
— Объясни.
Смотрит не без упрека
— Вокруг пустота. Ты представь лишь, представь, её же ведь можно раскрасить в тысячи разных теней и добавить любимых красок.

— Говоришь словно сам пустота.

— Разве нет? Ты же сам наставлял меня раньше, с каждым разом вдыхая в убитую нить, укрепляя волокна краской.
— Ты не знаешь, откуда все это?

Взгляд напротив пытлив, из стали?

— Поясни
— Весь тот цвет, что в тебе словно сказка!
— Я не думал об этом.
— Прошу, не беги сломя голову — это напрасно. Все, что есть в тебе, не растрачивай ты, пока не поймёшь, что дальше...
— Почему ты так холоден? Ты всегда был ханжой, будто сломанный, разве мир не прекрасен?
— Он прекрасен, когда внутри жизнь бьёт ключом, словно бушует живое море, но все, что было во мне, до последней капли вписал в твою душу кровью.

Он был беден. Глаза — пустота. Внутри, между ребер, где сердце — пусто́ты. Он смотрел на него словно в первый раз, как ребёнок смотрит на море
— Так позволь мне.
— Рисовать в пустоте?
— На тебе. Красок во мне хватит на нас обоих.

И безликий, убитый давно силуэт доверительно открывает ладони.

Людмила ВОЛКОВА, *Москва, секция «Северный Крест». — «Окончила Институт им. Баумана по специальности инженер автономных информационных и управляющих систем. Магистр физической культуры и тренер студенческой баскетбольной команды. Люблю путешествовать. Дорога вдохновляет на поэтическое настроение: «Эх, дороги...» На поприще поэзии скорее любитель, чем профессионал. Занимаюсь вокалом и люблю петь».*

* * *

Хотел быть первым,
но это лишь нервы —
буря в стакане.
Разум в тумане.
Вдаль не смотри,
ведь смысл внутри.
Первый, последний,
а кто-то наследник
Любви.

Константин КУКСИН, *Москва, секция «Северный Крест». Учитель географии, поэт, прозаик, музыкант, этнограф, путешественник, действительный член Русского географического общества, заслуженный работник культуры Монголии, отец-основатель и директор уникального Музея кочевой культуры в Москве.*

СПУТНИК

Спутник по небу мчится —
видимо, спутник связи.
Ниже — костер дымится,
кони у коновязи,

юрты потертый войлок,
овцы, верблюды, яки.
Овцы в кизячных стойлах,
лают вдали собаки.

Тяжко пастух вздыхает,
в небо глядит, прищурясь:
«Низко звезда летает —
может случиться буря!

Духи беду пророчат —
буду всю ночь молиться!»
Мантры пастух бормочет.
Спутник по небу мчится...

Монголия

МОИ КАРАВАНЫ

Сегодня мне грустно и странно,
Что былью становится небыль,
Уходят мои караваны
В страну вечно синего неба...

Шагают, качаясь, верблюды,
Все глуше звучат барабаны,
Все дальше и дальше отсюда
Уходят мои караваны.

Минуя роскошные страны,
Края, где никто еще не был,
Уходят мои караваны
В страну вечно синего неба...

Там воздух прозрачен и светел,
А небо — синей не бывало,
Счастливые бегают дети
По сочным степным одеялам.

Там девушки в ярких одеждах,
В лугах по-весеннему пряных,
Поют о любви и надежде,
Встречая мои караваны.

А я к городской паутине
Привык — и не чувствую боли.
Лишь карта узорами линий
Бывает напомнит о воле...

Тогда на восток, не на запад,
Несутся волшебные кони,
А в небе разносится запах
Полыни, размятой в ладонях...

Все бросить, пуститься вдогонку?
Но шепчет старик из нирваны:
«Умрешь, вновь родишься ребенком —
И то не догнать караваны...»

Сегодня мне грустно и странно,
Что былью становится небыль,
Уходят мои караваны
В страну вечно синего неба...

КОЧЕВНИКИ

Откуда мы пришли, куда уйдем?
Где ярче свет Небесного Огня?
Кочевники идут за окоем,
В нелегкую дорогу нас маня...

И мы с тобой — кочевники времен —
Дорожную наматываем нить...
Мы поклялись дойти — таков закон,
Нам не дано вернуться и забыть...

О том, что здесь оставишь, не жалей —
В громады гор ковыльный бьет прибой.
Пора седлать небесных лошадей
И мчаться к звездам тайною тропой...

Что мы увозим в сумках на седле?
Что бросим под копыта, в пыль и соль?
Сердца мы оставляем на Земле,
Забрав из них прошедшей жизни боль.

Золу костров, остывших поутру,
Укроют годы сочною травой,
И имена из памяти сотрут...
Пора идти. Нам это не впервой.

Арба, кибитки, старый шарабан,
И каждому указан свой зенит —
Уходит в небо звонкий караван,
А Млечный Путь пылит, пылит, пылит...

В ЧУМЕ

Над тундрою осенней
Четвертый день пурга —
Там Нум ведет сраженье
С жестоким богом Нга.

А я забрался в полог,
В тепло оленьих шкур.
Осенний день недолог,
Метелист он и хмур.

Скрипели жерди чума,
Давно спала семья...
А я лежал и думал —
Кто в этом мире я?

Я не пасу оленей,
За дичью не хожу,
Не призываю тени,
Болезнь не вывожу...

Пурга пропела ветром
Известное давно...
Я понял: быть поэтом
И здесь мне суждено.

Петь старикам о вере,
Влюбленным — о заре,
Охотникам — о звере,
А детям — о добре.

Когда же откочую
По Земляной Реке,
Для сихиртя* спою я
На древнем языке...

Ямал

Дмитрий КУРИЛОВ, *отделение «Авторы песен» — бард, поэт, прозаик, сценарист. Окончил Литературный институт, Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино. Защитил кандидатскую диссертацию «Авторская песня как жанр русской поэзии советской эпохи». Лауреат многочисленных фестивалей поэзии и авторской песни. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Член Союза литераторов России,*

* В ненецкой мифологии мифический народ, ныне живущий под землёй, боящийся дневного света, обитавший в заполярной тундре до прихода ненцев — «настоящих людей».

по представлению которого стал Государственным стипендиатом 1998—2000 гг. в номинации «Талантливый молодой автор России». Сопредседатель отделения «Авторы песен»

БАБУШКА

Гуси-гуси! — га-га-га!
Вот вам, гуси, хлебушко.
Вот ухват, вот кочерга,
да в окошке небушко.
Ходит бабка по двору,
Крошит в миски крошево.
Всё у бабки по добру
И всего хорошего.
Ходит, деток веселя
ложками да плошками.
Рядом небо и земля
вот она, под ножками.
В дудки шут её дудит.
На иконке — троица.
Скоро бабка полетит.
Скоро успокоится.
Поплывёт по небесам,
С ангелами встретится,
Ветерком зашепчет нам,
Солнышком засветится.

* * *

Навсегда, навсегда, навсегда —
Всеобъемлющая и живая.
Так река бежит, не уставая.
Так горит молодая звезда.
Оглянусь назад — снова ты,
В красках осени, в шуме листьев,
В ласке беличьей, в хватке лисьей
Всё следы твои, всё мечты.
Ты и радость моя, ты и боль.
Ты и солнце моё, и полночь.
Тихий свет, неотложная помощь,
Всё — любовь твоя, всё — любовь.

* * *

Человеку, преисполненному мужества,
Не к лицу иметь чувствительную суть.
Но запела в голове чужая Музыка —
Завелась, так что ни охнуть, ни вздохнуть.
И с тех пор товарищ мается и кается,
Бах бабахает, и Моцарт мастерит.
Всюду музыка. Товарищу икается.
Он сомнамбулой над обществом парит.
А ведь жил себе спокойно, без симфонии,
Молчаливым исполнителем судьбы.
А теперь, как костромич среди Японии,
Замирает, лишь заслышит зов трубы.
Что ни утро — то сплошными увертюрами.
Что ни вечер — то соната, то хорал.
Вдруг привидится Шопен над партитурами,
А вчера сам Спиваков ему играл.
И живет теперь товарищ припеваючи —
Вместе с птицами ложится и встаёт.
То вахтёршу поцелует он играючи,
То монтёру Дон Жуаном запоёт.
Исчезают из души остатки мужества.
Нету проку ни в гульбе и ни в борьбе.
И играет, и поёт Большая Музыка.
И танцует он Нижинским по судьбе.

* * *

Небо осени и плачется, и кружится.
Жизнь как станция с глухим названьем Дно.
Этот мир исполнен хаоса и ужаса.
Утром — сумерки, и вечером темно.
Небо осени имеет свои слабости:
Утром — солнечно, и в полночь — синева.
Этот мир исполнен счастия и радости.
Эта родина по имени Москва.

* * *

Ты просила, просила —
Напиши мне стихи,
Напиши мне красиво
И с заглавной строки,

Чтобы смысл междустрочий
Приходил к нам из снов;
Чтобы плакали очи,
Начитавшися слов.
Чтоб душа полыхала,
Словно печь в изразцах
И любви опахало
Колыхалось в сердцах.
Мне ж не надо, не надо
Ни стихов, ни любви.
Мне одна лишь награда —
Эти очи твои.

* * *

В этом мраке скользящий
Сквозь сумятицу лет
Этот твой уходящий
Неземной силуэт.
Ты меня приручила, как волка,
обещая уют и покой.
У любви моей узкая щёлка,
остальное — тревога с тоской.
Прожил я, кровожадно-беспечный,
хулиганский свой, волчий свой век.
И средь вашей толпы человечьей
«я давно уже не человек».
Я давно уже узник холодный,
заплутал меж корней и ветвей.
Вслед тебе я взираю с голодной
и безумной любовью своей.
И, внимая грядущему гимну,
утопая в прошедшем снегу —
я с тобой, вероятно, погибну —
без тебя уже жить не смогу.

* * *

Ты говоришь, я не влюблён,
а я влюблён, влюблён по жизни.
Так любит жизнь хамелеон
назло изменчивой отчизне.
Так чайки бьются и кричат
над гордою волной морскою.
Так двое путников молчат,
держась сам-друг — рука рукою.
Так пьют безумное вино
и ввечеру, и на рассвете.
Так смотрят страшное кино
усталые от жизни дети.
Сбирает бабочка нектар.
Щебечет воробей на ветке.
В душе моей разлит пожар,
горит по искре в каждой клетке.
Так закипает утром кровь,
когда я жду с тобою встречи.
Так говорит моя любовь
«спокойной ночи» каждый вечер.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН

Эхо чужой любови
Вечный, как жажда, сплин.
Здравствуй, мой друг по крови,
Западный мой Берлин!
Дни твои сероваты.
Ночи твои светлы.
Музыкой тысячеваттной
где-то поют битлы,
вечности пионеры.
Воздух, как сперма, крут.
Поберегите нервы —
город как сладкий спрут.
В музыке водосточной
крики былых потерь.
Если б не брат Восточный —
где бы ты был теперь?
В сердце любовь и ласка.
Свет голубых витрин.
Город — Большая Сказка,
Западный мой Берлин.
Весь ты из воска и лоска,
запада плен и тлен.
Ах, до свиданья, Москау!
Здравствуй, Лили Марлен!

Ксения МИРОНОВА, *Москва, секция «Художественный перевод» — окончила с отличием филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, а также Межвузовский факультет китайского языка при ИСАА МГУ и магистратуру НИУ ВШЭ по специальности «Психология». Прошла годичную стажировку в Международном институте китайского языка при Ляонинском университете в г. Шэньян (КНР). Лауреат конкурса на лучшее владение устным китайским языком «Говорим по-китайски» (2010). Лауреат конкурсов эссе «Прочитать тысячу книг, пройти тысячу верст...» (2013), «Я и Китай» (2018). Кандидат психологических наук (2022). Член Союза литераторов РФ. Государственный стипендиат 2012-2014 гг. в номинации «Талантливый молодой автор России». Пишет стихи на китайском языке.*

贝壳

乳白的贝壳
躺在金沙上
被阳光照亮
小小的心
藏着大大的海

我们曾也与深海有缘
但这份爱情
变得越来越肤浅
现在
像一枚贝壳
被海浪冲到沙滩上
不带珍珠
只是仍然
被海韵迷住了

РАКУШКА

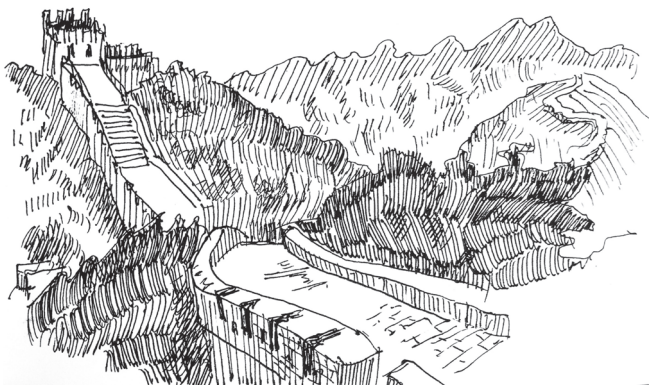
Молочно-белая ракушка
На золотом песке
Сверкает под лучами солнца.
В маленьком сердце
Скрыто большое море.
Когда-то и нам было по пути
С морской глубиной.
Но наша любовь обмелела.
Осталась ракушка –
Вынесена волной на берег,
Без жемчужины,
Только по-прежнему
Очарована мелодией моря.

道理

连浩浩荡荡的大海
都无法填充内心的空白
连好不起眼的小草
都尊重生命之道
连再接近的翻译
都稍改原作的诗意

ЛОГИКА ВЕЩЕЙ

Даже могучее море
Не может заполнить пустоту в сердце.
Даже неприметная травинка
Уважает путь жизни.
Даже самый точный перевод
Меняет поэтический смысл оригинала.

СКРЕЩЕНЬЕ ДАТ

...Через снега, снега —
Слышишь голос, звучавший еще в Эдеме?
Это твой слуга
С тобой говорит, Господин мой —
Время.

Марина Цветаева

400 ЛЕТ НАЗАД РОДИЛСЯ МОЛЬЕР

Из Википедии:

Жан-Батист Поклен *(фр. Jean-Baptiste Poquelin), театральный псевдоним — Молье́р (фр. Molière; 15 января 1622, Париж — 17 февраля 1673, там же) — французский комедиограф XVII века, создатель классической комедии, по профессии актёр и директор театра.*

90 лет назад Михаил Булгаков, *подписав 11 июля 1932 года договор с издательством,* **начал писать книгу о Мольере** *для серии «Жизнь замечательных людей». Но книга ни рецензенту, ни Максиму Горькому не понравилась, Булгаков от переделывания рукописи в «духе времени» отказался, поэтому в те годы публикация не состоялась.*

60 лет назад в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей», наконец-то, **был опубликован роман Михаила Булгакова «Мольер»,** более известный читателям под названием *«Жизнь господина де Мольера», приводим небольшой отрывок из него:*

«Некая акушерка, обучившаяся своему искусству в родовспомогательном Доме Божьем в Париже под руководством знаменитой Луизы Буржуа, приняла 13 января 1622 года у милейшей госпожи Поклен, урожденной Крессе, первого ребенка, недоношенного младенца мужеского пола.

С уверенностью могу сказать, что, если бы мне удалось объяснить почтенной повитухе, кого именно она принимает, возможно, что от волнения она причинила бы какой-нибудь вред младенцу, а с тем вместе и Франции.

И вот: на мне кафтан с громадными карманами, а в руке моей не стальное, а гусиное перо. Передо мною горят восковые свечи, и мозг мой воспален.

— Сударыня! — говорю я. — Осторожнее поворачивайте младенца! Не забудьте, что он рожден ранее срока. Смерть этого младенца означала бы тяжелейшую утрату для вашей страны!

— Мой бог! Госпожа Поклен родит другого.

— Госпожа Поклен никогда более не родит такого, и никакая другая госпожа в течение нескольких столетий такого не родит.
— Вы меня изумляете, сударь!
— Я и сам изумлен. Поймите, что по прошествии трех веков, в далекой стране, я буду вспоминать о вас только потому, что вы сына господина Поклена держали в руках.
— Я держала в руках и более знатных младенцев.
— Что понимаете вы под словом-знатный? Этот младенец станет более известен, чем ныне царствующий король ваш Людовик XIII, он станет более знаменит, чем следующий король, а этого короля, сударыня, назовут Людовик Великий или Король-солнце!»

340 лет назад в городе Пустозёрске был сожжён на костре протопоп Аввакум *(25 ноября (5 декабря) 1620, Григорово, Нижегородский уезд — 14 (24) апреля 1682, Пустозёрск) — ревнитель древних обрядов, писатель, родоначальник русской авторской прозы, поэт, проповедник. Здесь, в тюремном заключении, было написано «Житие протопопа Аввакума»,* 14 лет провёл Аввакум в *Пустозёрском остроге, за Полярным кругом. Город, основанный по указу великого князя Ивана III в 1499 году, в те годы был одним из главных форпостов России в освоении Севера и Сибири. Сюда же были сосланы четверо соратников протопопа — священник Лазарь, протопоп Никифор, дьякон Фёдор, инок Епифаний. Никифор довольно скоро умер. 14 апреля 1682 года, на Страстную неделю, всех четверых узников по указу царя Фёдора Алексеевича сожгли заживо на костре. Об этой казни до нашего времени дошли предания. Над взметнувшимся вверх пламенем собравшиеся увидели поднятую руку неистового протопопа Аввакума с двоеперстным крестным знамением. Старообрядческая церковь почитает протопопа Аввакума как священномученика и исповедника. А город Пустозёрск с XVIII века стал приходить в запустение и с 1962 года перестал существовать.*
Из «Жития протопопа Аввакума»: «По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хощет».

230 лет назад родился Петр Вяземский *(12 [23] июля 1792, Москва — 10 (22) ноября 1878, Баден-Баден) — поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель. Сооснователь и первый председатель Русского исторического общества (1866), действительный член Академии Российской (1839), ординарный член Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1841). Камергер (1831), тайный советник (1855), обер-шенк (1866). Отец историка литературы и археографа Павла Вяземского. Близкий друг и корреспондент А. С. Пушкина.*

ДРУЗЬЯМ

Я пью за здоровье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней.
Я пью за здоровье далёких,
Далёких, но милых друзей,
Друзей, как и я, одиноких
Средь чуждых сердцам их людей.
В мой кубок с вином льются слёзы,
Но сладок и чист их поток;
Так, с алыми — чёрные розы
Вплелись в мой застольный венок.
Мой кубок за здравье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней;
За здравье и ближних далеких,
Далёких, но сердцу родных,
И в память друзей одиноких,
Почивших в могилах немых.

165 лет назад родился Константин Циолковский *(5 [17] сентября 1857, Ижевское, Рязанская губерния — 19 сентября 1935, Калуга) — русский и советский учёный, разрабатывавший теоретические вопросы космонавтики, мыслитель, занимался философскими проблемами освоения космоса.*

В 1920 году был принят членом Русского общества любителей мироведения. «Вселенная так устроена, что не только сама она бессмертна, но бессмертны и её части в виде живых блаженных существ. Нет начала и конца Вселенной, нет начала и конца также жизни и её блаженству».

155 лет назад родился Константин Бальмонт *(3 [15] июня 1867, деревня Гумнищи, Шуйский уезд, Владимирская губерния, Российская империя — 23 декабря 1942, Нуази-ле Гран, Франция) — поэт, прозаик, эссеист, переводчик.*

КТО КОГО

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обгоню.
Я колдую. Вихри чую. Грею сбрую я коню.
Конь мой спорый. Топи, боры, степи, горы пролетим.
Жарко дышит. Мысли слышит. Конь —
огонь и побратим.
Враг мой равен. Полноправен.
Чей скорей вскипит бокал?
Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обогнал.

150 лет назад родилась Надежда Тэффи (Лохвицкая), в замужестве — **Бучинская**; 9 [21] мая (по другим данным — 26 апреля [8 мая]) 1872 года, Санкт-Петербург, Российская империя — 6 октября 1952 года, Париж, Франция) — писательница, поэтесса, мемуаристка.

МОДНЫЙ АДВОКАТ

В этот день народу в суде было мало. Интересного заседания не предполагалось.

На скамьях за загородкой томились и вздыхали три молодых парня в косоворотках. В местах для публики — несколько студентов и барышень, в углу два репортера.

На очереди было дело Семена Рубашкина. Обвинялся он, как было сказано в протоколе, «за распространение волнующих слухов о роспуске первой Думы» в газетной статье.

Обвиняемый был уже в зале и гулял перед публикой с женой и тремя приятелями. Все были оживлены, немножко возбуждены необычайностью обстановки, болтали и шутили.

— Хоть бы уж скорее начинали, — говорил Рубашкин, — голоден, как собака.

— А отсюда мы прямо в «Вену» завтракать, — мечтала жена.

— Га! га! га! Вот как запрячут его в тюрьму, вот вам и будет завтрак, — острили приятели.

— Уж лучше в Сибирь, — кокетничала жена, — на вечное поселение. Я тогда за другого замуж выйду.

Приятели дружно гоготали и хлопали Рубашкина по плечу.

В залу вошел плотный господин во фраке и, надменно кивнув обвиняемому, уселся за пюпитр и стал выбирать бумаги из своего портфеля.

— Это еще кто? — спросила жена.

— Да это мой адвокат.

— Адвокат? — удивились приятели. — Да ты с ума сошел! Для такого ерундового дела адвоката брать! Да это, батенька, курам на смех. Что он делать будет? Ему и говорить-то нечего! Суд прямо направит на прекращение.

— Да я, собственно говоря, и не собирался его приглашать. Он сам предложил свои услуги. И денег не берет. Мы, говорит, за такие дела из принципа беремся. Гонорар нас только оскорбляет. Ну я, конечно, настаивать не стал. За что же его оскорблять?

— Оскорблять нехорошо, — согласилась жена.

— А с другой стороны, чем он мне мешает? Ну, поболтает пять минут. А может быть, еще и пользу принесет. Кто их знает? Надумают еще там какой-нибудь штраф наложить, ан он и уладит дело.

— Н-да, это действительно, — согласились приятели.

Адвокат встал, расправил баки, нахмурил брови и подошел к Рубашкину.

— Я рассмотрел ваше дело, — сказал он и мрачно прибавил: — Мужайтесь.

Затем вернулся на свое место.

— Чудак! — прыснули приятели.

— Ч-черт, — озабоченно покачал головой Рубашкин. — Штрафом пахнет.

* * *

— Прошу встать! Суд идет! — крикнул судебный пристав.
Обвиняемый сел за свою загородку и оттуда кивал жене и друзьям, улыбаясь сконфуженно и гордо, точно получил пошлый комплимент.
— Герой! — шепнул жене один из приятелей.
— Православный! — бодро отвечал между тем обвиняемый на вопрос председателя.
— Признаете ли вы себя автором статьи, подписанной инициалами С. Р.?
— Признаю.
— Что имеете еще сказать по этому делу?
— Ничего, — удивился Рубашкин. Но тут выскочил адвокат.
Лицо у него стало багровым, глаза выкатились, шея налилась. Казалось, будто он подавился бараньей костью.
— Господа судьи! — воскликнул он. — Да, это он перед вами, это Семен Рубашкин. Он автор статьи и распускатель слухов о роспуске первой Думы, статьи, подписанной только двумя буквами, но эти буквы С. Р. Почему двумя, спросите вы. Почему не тремя, спрошу и я. Почему он, нежный и преданный сын, не поместил имени своего отца? Не потому ли, что ему нужны были только две буквы С. и Р.? Не является ли он представителем грозной и могущественной партии?
Господа судьи! Неужели вы допускаете мысль, что мой доверитель просто скромный газетный писака, обмолвившийся неудачной фразой в неудачной статье? Нет, господа судьи! Вы не вправе оскорбить его, который, может быть, представляет собой скрытую силу, так сказать, ядро, я сказал бы, эмоциональную сущность нашего великого революционного движения.
Вина его ничтожна, — скажете вы. Нет! — воскликну я. Нет! — запротестую я.
Председатель подозвал судебного пристава и попросил очистить зал от публики.
Адвокат отпил воды и продолжал:
— Вам нужны герои в белых папахах! Вы не признаете скромных тружеников, которые не лезут вперед с криком «руки вверх!», но которые тайно и безыменно руководят могучим движением. А была ли белая папаха на предводителе ограбления московского банка? А была ли белая папаха на голове того, кто рыдал от радости в день убийства фон-дер... Впрочем, я уполномочен своим клиентом только в известных пределах. Но и в этих пределах я могу сделать многое.
Председатель попросил закрыть двери и удалить свидетелей.
— Вы думаете, что год тюрьмы сделает для вас кролика из этого льва?
Он повернулся и несколько мгновений указывал рукой на растерянное, вспотевшее лицо Рубашкина. Затем, сделав вид, что с трудом отрывается от величественного зрелища, продолжал:
— Нет! Никогда! Он сядет львом, а выйдет стоглавой гидрой! Он обовьет, как боа констриктор, ошеломленного врага своего, и кости административного произвола жалобно захрустят на его могучих зубах.
Сибирь ли уготовили вы для него? Но господа судьи! Я ничего не скажу вам. Я спрошу у вас только: где находится Гершуни? Гершуни, сосланный вами в Сибирь?
И к чему? Разве тюрьма, ссылка, каторга, пытки (которые, кстати сказать, к моему доверителю почему-то не применялись), разве все эти ужасы могли бы вырвать из его гордых уст хоть слово признания или хоть одно из имен тысячи его сообщников?
Нет, не таков Семен Рубашкин! Он гордо взойдет на эшафот, он гордо отстранит своего палача и, сказав священнику: «Мне не нужно утешения!» — сам наденет петлю на свою гордую шею.
Господа судьи! Я уже вижу этот благородный образ на страницах «Былого», рядом с моей статьей о последних минутах этого великого борца, которого стоустая молва сделает легендарным героем русской революции.
Воскликну же и я его последние слова, которые он произнесет уже с мешком на голове: «Да сгинет гнусное...»
Председатель лишил защитника слова.
Защитник повиновался, прося только принять его заявление, что доверитель его, Семен Рубашкин, абсолютно отказывается подписать просьбу о помиловании.

* * *

Суд, не выходя для совещания, тут же переменил статью и приговорил мещанина Семена Рубашкина к лишению всех прав состояния и преданию смертной казни через повешение.
Подсудимого без чувств вынесли из зала заседания.

* * *

В буфете суда молодежь сделала адвокату шумную овацию.
Он приветливо улыбался, кланялся, пожимал руки.
Затем, закусив сосисками и выпив бокал пива, попросил судебного хроникера прислать ему корректуру защитительной речи.
— Не люблю опечаток, — сказал он.

* * *

В коридоре его остановил господин с перекошенным лицом и бледными губами. Это был один из приятелей Рубашкина.
— Неужели все кончено! Никакой надежды?
Адвокат мрачно усмехнулся.
— Что поделаешь! Кошмар русской действительности!..

140 лет со дня рождения Давида Бурлюка (9 (21) июля 1882, хутор Семиротовка, Лебединский уезд, Харьковская губерния, Российская империя (ныне урочище Бурлюк Сумская область, Украина) — 15 января 1967, Хэмптон-Бейз, остров Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк, США) — поэт, художник, один из основоположников футуризма, член союза «Председателей земного шара». Три года учился в Тамбовской мужской гимназии, потом в Казанском и Одесском художественных училищах. В печати дебютировал в 1899. Учился живописи в Германии, во Франции.
В 1911–1914 гг. занимался вместе с В. В. Маяковским в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Участник футуристических сборников «Садок судей», «Пощёчина общественному вкусу» и др. В 1912 году в знаменитом манифесте «Пощечина общественному вкусу» Бурлюк вместе с Маяковским, Хлебниковым и Крученых призывали: *«Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве.*
Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов.
Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности.
Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней.
Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блуду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня?
Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова? Или на них зори неведомых красот?
Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми.
Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным.
С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!»...
В 1920 эмигрировал в Японию, с 1922 жил в США.

Владимир АНДРЕЕВ, *поэт, председатель Тамбовского областного отделения СЛ РФ*

«В Ладонях своих Бурлюк держал солнце»
(отрывок из статьи)

В центре города Тамбова на ул. Советской на здании Технического университета (здесь помещалась мужская гимназия в XIX — начале XX вв.) висит мемориальная доска, посвящённая выпускникам гимназии. Открывает список имя Д.Д. Бурлюка.
Как? В Тамбове учился Давид Давидович Бурлюк, всемирно известный «отец русского футуризма»? В.В. Маяковский писал о нём: «Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом».
Действительно, Давид Бурлюк в Тамбовской гимназии учился, и жил с родителями, братьями Владимиром, Николаем и сёстрами Людмилой, Надеждой и Марианной в южной стороне города в маленьком домике на улице Приютской (ныне — Энгельса). Давно уже нет этого домика и садика при нём, на его месте чуть не во всю длину квартала вытянулся большущий по тамбовским меркам 9-этажный дом.
Яростный сторонник нового искусства, нового мира, созданного русской Революцией 1917 года. Ниспровергатель традиций, точнее, косности, затхлости, безликости. Это был человек мира, живший в разных странах: Россия, Ки-

тай, Япония, США, путешествовавший по разным странам и континентам (Италия, Чехословакия, Австралия), открывавший новые горизонты в живописи и поэзии.
В одном из писем к Н.А. Никифорову он называет себя так: «Я человек неостанавливающегося развития...».

Всегда мы плыли к разным берегам —
Все мира маяки известны нам!

Кто же такой Николай Алексеевич Никифоров, корреспондент неуёмного гения? В Тамбове его считали фантазёром и выдумщиком. Но был он знаком и переписывался с такими людьми, как премьер Временного правительства Александр Керенский, политик ещё царской России Василий Шульгин. Дружил с народным художником СССР Николаем Жуковым, великими артистами Юрием Никулиным и Аркадием Райкиным, поэтом Николаем Глазковым. Переписывался с Рокуэллом Кентом, Пабло Пикассо...
О Н.А. Никифорове (1.3.1914–25.2.2003) ныне уважительно пишут в «Тамбовской энциклопедии». Журналист и писатель Евгений Николаевич Писарев составил о нём книгу «Вещественные доказательства Николая Алексеевича Никифорова» (Тамбов, 2004).
Как знаток старины и собиратель Никифоров много лет являлся «визитной карточкой» Тамбова. Его ценил знаменитый воронежский библиофил Олег Григорьевич Ласунский. А поэт и учёный лингвист Владимир Георгиевич Руделёв оставил такой лирический портрет коллекционера:

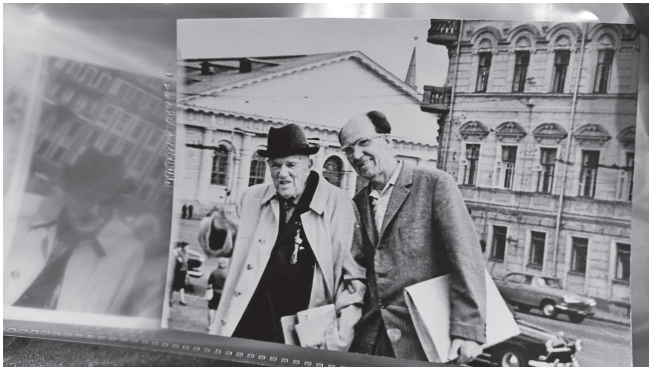
Люблю эти глазастые дома,
Их чердаки Никифоров облазал,
Пронзая взглядом сундуки, как лазер,
Высвечивая лица и тома...

Мне тоже выпало быть знакомым с Николаем Алексеевичем, по его приглашению бывал у него доме на ул. М. Горького. Иные его рассказы были невероятные: например, парился вместе с президентом Финляндии Урхо Калева Кекконеном (1900-1986) в его домашней бане. А Кекконен в знак дружбы о нём статью написал в газете «Правда». К его, Никифорову, 50-летию, которое он отметил в феврале 1964 г. Меня это так завело, мол, не верю! А он, хитро улыбаясь, говорит:
— Проверь! Покажи, что ты умеешь газеты читать!
Читал я февральские номера «Правды» несколько раз, чуть не с лупой. А там материалы Пленума ЦК КПСС по мелиорации. И вот, не верю глазам своим: среди откликов зарубежной печати заметка «Подарок президента Финляндии тамбовскому коллекционеру». Аккурат 16 февраля 1964 г. в день рождения Никифорова. Речь шла об альбоме «Финляндия», который был подарен Никифорову. Кому ещё делали подарки чужие президенты?
При новой встрече с Никифоровым доложил ему о находке, а он как вскричит:
— Что я говорил? Теперь будешь сомневаться в моих рассказах?
Я пообещал, что больше сомневаться не буду.
Как-то раз вручил мне свою визитную карточку, на ней стояло: «Никифоров-Бурлюк Николай Алексеевич. Член Союза журналистов СССР». Я удивился, и было чему. Я знал, что Давид Бурлюк — учитель Маяковского, эмигрант, а тут Н.А. — и тоже Бурлюк.
— Я его приёмный сын, — сказал Николай Алексеевич как о чём-то обыкновенном. И добавил: Он меня усыновил.
Рассказ Н.А. был захватывающим. Рассказ был так убедителен, что не поверить я не мог.
В феврале 2003 г. Никифоров умер, и его собрание разбрелось, как это обычно бывает, по разным коллекциям и музеям. Бурлюковская часть перешла к тамбовскому коллекционеру Сергею Николаевичу Денисову. В 2011 г. Денисов опубликовал часть этой коллекции — письма Бурлюка к Никифорову. Том вышел солидный, более 700 страниц. Некоторые письма вылезли даже на форзацы.
...Чем же интересны письма Бурлюка к своему приёмному сыну из Тамбова? И почему он, не имевший недостатка в корреспондентах, так привязался к незнакомому Никифорову? Возможно, увидел в далёком жителе Тамбова близкого человека. Уже в одном из ранних писем от 5 апреля 1957 г. он отмечает: «В складе Вашего ума есть много общего с моим. Знание Ваше китайского, а наше пребывание (три года) в Японии и Манчжурии дало душе иной взгляд на вещи, на мир». Вот эта близость, родство душ, умноженные на память детских лет Бурлюка, по-видимому, и связали двух незнакомых прежде людей. Да ещё нужно вспомнить невероятное обаяние Николая Алексеевича, его способность обворожить любого чело-

века, даже сурового, не склонного к выдумке. Бурлюк не устаёт замечать в своём друге-корреспонденте светлые черты. В одном из писем читаем: «Вы добрый, с душой осиянной, человек... Спасибо Вам за Ваши добрые слова — коих у Вас всегда избыток...»

Переписка Бурлюка с Никифоровым со временем переросла в нечто большее, почему Бурлюк (Па или Па Бурлюк) и его жена Мария Никифоровна (Ма Фея) стали называть Никифорова сыном, придумали аббревиатуру его имени НАН, посылали подарки ему и его близким, по сути сложились семейные тёплые отношения, иногда омрачаемые непониманием, как это бывает в обычной семье. Вот Мария Никифоровна пишет Никифорову: «Приятно думать, что где-то за горами Атлантического у нас с папой Бурлюком есть заботливый, преданный искусству нашему родной сын, Вы, милый, нежный Николай Алексеевич, есть кому «завещать «богатство души» — она ведь продолжает жить отдельно».

Как-то Никифоров прислал Па свою автобиографию, и Бурлюк сообщает, что он с ней сделает: «Ваше жизнеописание очень интересно, и мы его наклеим в один из больших альбомов, где с 1930 года расписываются наши визитёры». Отношения Никифорова с Бурлюком с годами стали фактом литературной и культурной жизни России и Тамбовщины.

Д. Бурлюк в Москве.
Из собрания С. Н. Денисова (Тамбов)

130 лет со дня рождения Константина Паустовского (19 [31] мая 1892, Москва — 14 июля 1968, Москва) — писатель, сценарист, переводчик, журналист, военный корреспондент. Четыре раза был номинирован на Нобелевскую премию по литературе (1965; 1966; 1967; 1968).

Из книги «Время больших ожиданий», рассказ «Хитросплетение обстоятельств»:

«Володя Головчинер любил глубокомысленно говорить, что жизнь наша зависит от причудливого и неожиданного сплетения обстоятельств. При этом он в доказательство своей правоты приводил слова из чеховского «Иванова»: «Жизнь наша, жизнь человеческая, подобна цветку, произрастающему в поле. Пришел козел, съел — и нет цветка!».

Торелли соглашался с Володей и говорил, что, может быть, на всем земном шаре жизнь и течет закономерно, но что касается Одессы, то за это поручиться нельзя.

Он утверждал, что Одесса — взбалмошный город, где возможно все, вплоть до уличных боев из-за венских стульев. При этом Торелли вспоминал случай во время интервенции Одессы в 1919 году.

Интервенты разделили город на четыре зоны: французскую, греческую, петлюровскую и деникинскую. Каждая зона была отгорожена от соседней рядами венских стульев. Однажды петлюровцы воспользовались тем, что французский часовой отлучился с поста по нужде, и перетащили часть стульев к себе — отхватили большой кусок чужой территории. Возмущенный часовой поднял, по словам Торелли, «страшный шухер» и начал даже стрелять.

Но как бы там ни было, все же в том случае, о каком речь будет ниже, Володя Головчинер оказался прав: произошло причудливое и неожиданное сплетение (или, как говорил Володя, «хитросплетение») обстоятельств.

В самый разгар блокады, когда почти полная отрезанность от мира сообщала одесской жизни даже некоторый оттенок беззаботности, ранним летним утром ко мне в дворницкую постучался Торелли.

— Вставайте! — крикнул он мне через дверь. — Кажется, в Одессе началась новая интервенция.

Я вскочил. В Одессе можно было ожидать чего угодно. С обрыва над Ланжероном мы с Торелли увидели затянутый голубоватой и нежной дымкой порт, увидели, как пышно выразился Торелли, «розовоперстую Аврору», — тонкие пряди облаков над морем, освещенные тихой зарей, и на прозрачной воде порта — два огромных и неуклюжих океанских парохода под французским флагом. Рядом с пароходами стоял элегантный и длинный, как серая сигара, французский контрминоносец «Лейтенант Борри». Прозрачный дым струился из его труб, а медные части пылали на палубе десятками жгучих солнц.

Мы пошли в порт, но нас туда не пустили. Порт был оцеплен отрядами красноармейцев и наших матросов.

Французские транспорты медленно и осторожно подтягивались к причалам.

Мы узнали, что контрминоносцем «Лейтенант Борри» командовал известный и весьма изысканный французский писатель-моряк Клод Фаррер, автор книги «В чаду опиума».

Само по себе это было тоже интересно. Но гораздо интереснее была высадка, тотчас же начавшаяся с французских транспортов.

С них в полном порядке и тишине спустились не зуавы и не кофейные сенегальцы и даже не солдаты французского Иностранного легиона, а наши русские солдаты в новенькой, с иголочки, защитной форме, но без оружия. Единственное, что отличало их от солдат старой царской армии, — это скрипучие краги из желтой глянцевитой кожи.

Солдаты строились на пристани и уходили в казармы в сопровождении советских командиров.

Да, через час мы уже знали все. Это «все» заключалось в том, что во время первой мировой войны по прихоти Николая Второго во Францию был отправлен корпус русской пехоты, так называемый Экспедиционный корпус. Солдат везли морем из Владивостока в Марсель.

Корпус высадился в Марселе и промаршировал через Париж перед восхищенными француженками, осыпавшими офицеров и солдат цветами.

Президент республики принял парад русских войск около Триумфальной арки. Солдаты прошли перед президентом с залихватской песней:

Чубарики-чубчики, горе не беда!

Потом в России произошла революция, русские солдаты, естественно, отказались воевать, и французы увели их в тыл, в лагеря для военнопленных. Там наши солдаты просидели несколько лет, требуя возвращения на родину и время от времени устраивая бунты, вызывавшие панику во французском правительстве.

В конце концов французы решили избавиться от русских, погрузили их на морские транспорты и, договорившись с Советским правительством, отправили под конвоем в Одессу.

Вся Одесса повалила на портовые спуски приветствовать русских солдат. Их обнимали, целовали, дарили цветы.

Но затем произошло нечто совершенно загадочное.

Когда разгрузка была окончена и транспорты туг же отвалили от причалов и в сопровождении контрминоносца «Лейтенант Борри» начали вытягиваться на рейд за Воронцовский маяк, со стороны нашей Черноморской улицы раздался громоподобный орудийный залп, и полоса шрапнели разорвалась перед носом транспортов.

Транспорты застопорили машины, а контрминоносец развернулся бортом к Одессе, и тотчас же на его боевой рубке замигали ослепительные вспышки фиолетового огня: миноносец начал какие-то торопливые переговоры с берегом.

На оцепленном Приморском бульваре устанавливали орудия. Сосредоточенные и суровые матросы с маузерами на поясах работали молча и быстро.

Тотчас же вся Одесса узнала, что в трюмах транспортов был спрятан большой груз оружия, вплоть до легких танков.

Французы решили одним ударом убить двух зайцев: избавиться от революционных русских солдат, а на обратном пути из Одессы в Константинополь зайти в Крым и выгрузить оружие Врангелю.

Одесские власти узнали об этом от солдат Экспедиционного корпуса и запросили по радио распоряжения из Москвы.

Москва приказала не выпускать французские транспорты и потребовать от французов, чтобы во избежание излишнего кровопролития врангелевское оружие было выгружено в Одессе.

Французы упорствовали. В Одессе говорили, что всю эту наглую и жульническую историю с оружием придумал генерал д'Ансельм. Даже его союзники — деникинцы — считали, что д'Ансельм глуп, как пробка, и скуп, как Плюшкин.

Прошло два дня. Вся Одесса толпилась на берегу, гадая, чем все это кончится. Французы упорствовали и держали в котлах пар: трубы транспортов все время дымились.

Очевидно, французы искали какого-нибудь выхода из положения, в котором был бы хоть оттенок благородства. Но они, конечно, ничего не придумали, кроме применения грубой силы.

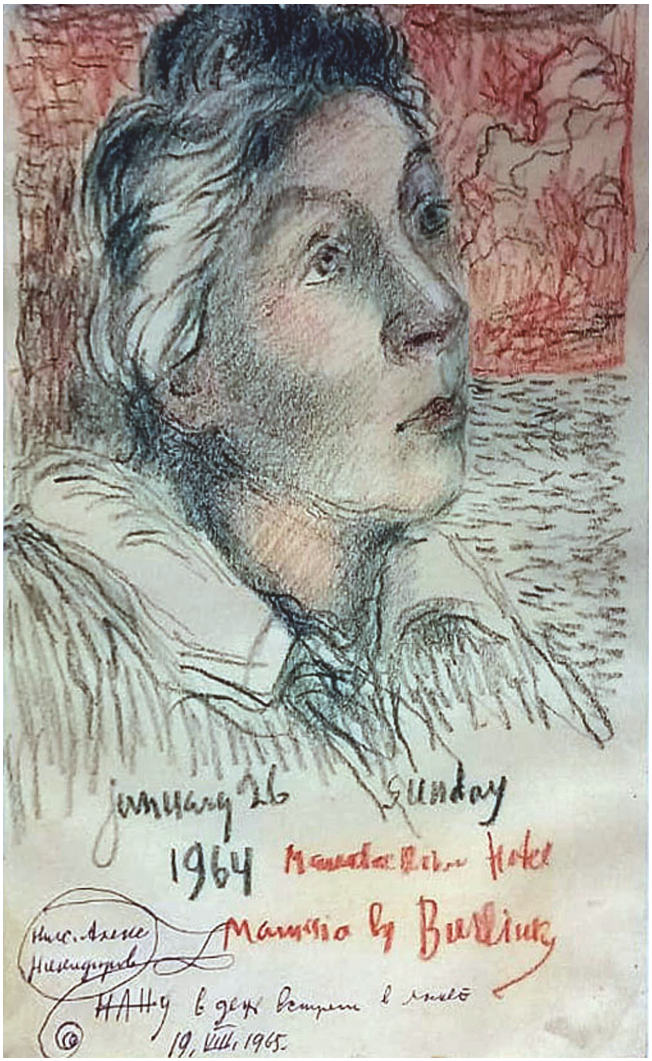
Из Константинополя в Одессу была отправлена сильная эскадра французских военных кораблей. Командующий эскадрой передал в Одессу радио с угрозой открыть по городу огонь из тяжелых орудий и снести весь город, если транспорты не будут отпущены.

Я помню до сих пор ту жгучую горечь и досаду, когда мы узнали, что Москва предложила выпустить французов, чтобы спасти Одессу. Тогда мы еще не были так сильны на море, чтобы принять бой со всей французской эскадрой.

В день ухода французских транспортов я пошел на Фонтаны, оттуда было видно открытое море. С обрывистого берега я увидел морской горизонт, затянутый пеленой тяжелого и непроницаемого дыма. Это подходила французская эскадра. Она остановилась ;в нескольких милях от берега, дожидаясь своих транспортов.

Транспорты уходили полным ходом. За ними несся, юля и перебегая от транспорта к транспорту, контрминоносец «Лейтенант Борри». Все же одна из наших батарей не выдержала и дала вслед уходящим французам залп шрапнелью.

Я испытал тогда жестокую обиду за Францию и за французов, обиду за великую французскую культуру, за Дидро и Вольтера, Гюго и Стендаля, за Золя и Коро, за Пастора и Делакруа, за всех великих французов, которых никто из нас не отделял от русских. Они казались нам такими же родными, как Пушкин, Толстой, Чехов, Они были жестоко унижены политическими маклаками Франции и их представителем — надутым, как петух, генералом д'Ансельмом. Я представлял себе, с каким холодным презрением Стендаль или Гюго приказали бы расстрелять этого генерала за его трусливую подлость.

ГЕОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Тарко-Сале (Ямало-Ненецкий автономный округ) — Липецк — Орел — Братск

Ямало-Ненецкий автономный округ. *Огромная часть территории региона расположена в пределах северной части Западно-Сибирской равнины, и небольшая его часть на западе, по левую сторону реки Обь, проходит через восточные склоны Полярного (Лабытнанги, Обская, Харп, Лаборовая) и Приполярного Урала. С севера округ омывается Карским морем. Регион относится к районам Крайнего Севера, и более половины его территории расположено за Полярным кругом. На территории округа находится полуостров Ямал — самая северная материковая точка округа.*

Тарко-Сале — *был основан 7 января 1932 году как посёлок, когда постановлением ВЦИК был образован Пуровский район в составе Ямальского (Ненецкого) национального округа. В переводе с ненецкого «Талка саля» означает «поселение между рек». Расположен между рек Пякупур и Айваседапур, на правом берегу реки Пякупур. Город с 23 марта 2004 года. Население — 21 151 чел. (2014). Местность равнинная. Территория заболочена, имеется множество озёр и речек различной площади и водотока, преобладает зона лесотундры, хвойные леса по акватории рек.*

ИГЛА (Софья НЯЧ), *Москва — ЯНАО — родилась в г. Тарко-Сале Ямало-Ненецкого автономного округа. Окончила Литинститут им. А.М. Горького. Музыкант рок-группы «Северный Крест», член Русского Географического Общества в ЯНАО, член Русского религиоведческого общества, автор поэтических сборников. Публиковалась в альманахе «Словесность», журнале «Северяне», сборнике «Между Пегасом и лирой».*

* * *

в затворе твоего прикосновенья остаюсь
в акустике убежища ветвей
в корнях сплетённых
в гуле насекомых
где резонанс от елей
по моим ступням
коленям и
раздробленным костям
поднялся к сердцу
накатился к горлу
ты мне — наречие из диких троп
какими звери ходят к водопою
и если я пойду вослед
из вод озёрных напои́шь любовью?..

* * *

контур хрупкого мира
скорбноликий
стигматизирован
в памяти моего тела
я его продолжение
словно жи́ла на давидовых гуслях
мироточи́вый воздух весенний
льётся на праведных и неправедных
двери рая
похожи на калитку к дому
где отец и мать

прообразы птиц эдемского сада
хрупкая наша материя
храмовым крылышком бабочки
над пропастью заминированной
к вечной жизни готовится

* * *

смотри, —
говорят светлячки в лесу,
в папоротнике раскрылась кровавая роза,
как будто сердце кто-то бросил
в чащу дремучую

от того, что стучало оно беспрерывно,
требуя то речи
то молчания

* * *

оставь меня здесь
я лягу рядом с костями мамонтов,
которые научились молчаливо
светиться под толщей времени

оставь
у позвонков Уральских гор —
у малахитового саркофага, там,
где луна запуталась в сосновых иглах

вместе с ней
я остаюсь в твоём сердце,
над которым растут
снежные папоротники
и звёздная лебеда
оставь меня здесь —
не выпускай
из погребальных объятий

* * *

и вот я пришла в монастырь твоих небес
и вот я стою под сводами рёбер Юпитера,
под мышцею Марса,
смотрю на потфок
беспрерывных звёзд и их золотых волос,
твоя тишина
изредка потрескивает
в осколках взорванных спутников
на орбите моего дома —
это терновый венец Земли

* * *

легко запутаться сердцу —
в аполлоническом безразличии октября,
в рыжих берёзовых локонах,
в глиняном воздухе —
в кувшине его смешались
влага земли, испарина яблони,
лотос бледной северной кожи

где Дионис
тебе улыбнулся таинственно в умирании осени
легко захлебнуться сердцу
октябрьской кровью
беспричинной влюблённости

Дмитрий ЖДАН, *г. Новый Уренгой Ямало-Ненецкого автономного округа. Путешественник, руководитель и участник экспедиций. Автор проектов «На Север», «Хранители Севера». Является действительным членом Отделения Русского географического общества в ЯНАО, членом совета Отделения Русского географического общества в ЯНАО, членом Ассоциации полярников, общественным представителем Агентства стратегических инициатив в ЯНАО по направлению «туризм».*

ПОЧЕМУ РЫБЫ МОЛЧАТ

Когда-то, очень давно, все звери разговаривали на одном языке с человеком и понимали друг друга. Как и человек понимал зверей. Так же, как и звери, могли разговаривать и рыбы. Сначала их было не много, и они почти не разговаривали друг с другом. Как только, иногда, когда встретится белуга с подругой, начнет ей рассказывать про своих знакомых, родственников, да детей. А так в море было тихо, ведь оно огромное, море, и глубокое, не докричишься до другого берега, не дозовёшься.

Но со временем рыб становилось всё больше и больше, и собирались они уже не по двое, а целыми стаями. При этом каждая пыталась рассказать другой о том, что видела и что знает. Невообразимый гвалт тогда поднимался. И было слышно эти сборища рыб даже с берега. Ненцы народ сметливый, сразу же поняли, какая им удача в руки попала, и начали этим пользоваться: как только услышат шум в море, так сразу лодку снаряжают да сети кидают. Богатые тогда уловы были. Много рыбы в сети к рыбакам попадало. И продолжалось это долго. Однако рыбы начали замечать, что уж больно много их братьев и сестёр в сети попадается. И задумались рыбы, как так получается, что как только они соберутся вместе, так сразу рыболовы на лодках появляются с сетями. И смекнули рыбы, что всё дело в их болтливости. И решили они на своём большом и тайном совете, что все рыбы с этих пор будут подплывать к берегу молча, и ни слова не будут говорить, чтобы рыбакам было труднее их поймать.

Так и повелось с тех пор: рыбы молчат, как будто в рот воды набрали, а рыбаки всё пытаются услышать, как рыбы говорят.

ПОЧЕМУ ЛУНА И СОЛНЦЕ ОТДЕЛЬНО ХОДЯТ

Сегодня каждый ребёнок знает, что луна и солнышко — две сестрички — раньше ходили по небу рука об руку. А вот отчего они сейчас так не ходят, об этом никто не ведает.

А было это так.

Каждый день, с раннего утра, солнышко и луна собирались на прогулку по небосклону. Каждая, прихорашиваясь возле своего зеркала, всегда хотела быть краше своей сестрички. Они проводили возле зеркала по полночи до утра, пока не наступала пора выходить на небо.

Но когда они выходили, раздавались радостные приветствия, почему — то, только для солнышка.

— Солнышко проснулось! — кричали люди.

— День начинается! — кричали другие.

— Ура солнышку! — подхватывали детишки.

Так продолжалось долгое время. Как только солнышко с луной появлялись на небосклоне, так сразу люди внизу начинали радоваться солнышку, и восхвалять его. Про луну же никто не вспоминал и не радовался ей. Такая ситуация огорчала луну и она частенько задавала вопрос своей сестричке:

— Как же так, солнышко, — горько вопрошала она, — мы же с тобой сестрички, одинаково красивы. Почему же люди внизу, на земле, так не благодарны и радуются только тебе?

— Наверное, это потому, что я гораздо красивее тебя, — отвечало солнышко, — и ещё потому, что я даю людям тепло, а ты ничего не даёшь.

Долго так продолжалось, пока луна не обиделась и не воскликнула:

— Раз ты красивее меня, солнышко, то и ходи одно, а я буду ночью гулять. Посмотрим, кто нужнее окажется ночью, когда ничего не видно.

Так и повелось с тех пор: солнышко выходило на небо утром, и все радовались солнышку, а ночью, когда становилось темно, на небо выходила луна, и люди радовались ей, потому что ночью, когда на небе луна — гораздо легче найти дорогу домой.

КАК МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА МЕТЕЛЬ ПОБЕДИЛА

Жили однажды в небольшом уютном чуме маленькая девочка, по имени Нюцхе, и мать её Архата. Отца у них не было давно, с тех пор, как ушел он на охоту, да так и сгинул где-то. Прибрал его к себе злой и коварный Умунга* Делать нечего, мать девочки пасла оленей, а девочка поддерживала очаг в юрте, да помогала матери. И вот однажды мама говорит маленькой девочке.

— Я, Нюцхе, схожу сегодня к шаману, вернусь вечером. А ты очаг поддерживай, да из чума не выходи, вон какая метель злая гуляет возле чума. — Хорошо, мама, — ответила маленькая Нюцхе, — иди спокойно, а как придёшь, в чуме будет тепло и уютно. Поцеловала мать маленькую девочку, одела Паницу**, подвязалась Ни***, да и вышла из чума. Подложила маленькая Нюцхе хворосту в очаг и стала мать ожидать.

---

* *Уму-нга — бог северного ветра.*

** *Паница — зимняя верхняя одежда.*

*** *Ни — пояс.*

А метель на улице всё злее становится, вертится вокруг чума, зовёт маленькую Нюцхе выйти.

— Выходи, девочка, не прячься в чуме, — воет метель, — я тебя и там достану.

Послушала девочка, как метель воет, и ещё хворосту подкинула. А метель не унимается:

— Выходи, не бойся, а не то я твой чум вверх подниму, а тебя из-под него достану.

Вертится метель вокруг чума, шатать его начинает, а девочка ещё охапку хвороста в очаг подкинула.

— У-у-у-у! — бесится метель, — дотянусь я до тебя сегодня, лучше сама выходи. Когда девочка взяла последнюю огромную охапку хвороста, бросила в очаг, да и открыла полог чума. Как только метель ворвалась в чум, храбрая девочка плотно закрыла полог и встала на пороге.

— А-а-а-а! — закричала метель, — попалась ты мне, глупая девочка, сейчас я тебя заберу с собой.

Но не тут-то было: полог чума плотно закрыт, в чуме жарко от пылающего очага, выхода для метели нет. Начала она метаться по чуму, даже Сядей* уронила со злости. Но девочка храбро держала полог чума и не выпускала метель наружу. От жары и бессильной злобы начала метель ослабевать, и взмолилась она тогда:

— Выпусти ты меня, маленькая девочка, не буду больше я тебя тревожить, и родню твою не буду трогать.

Сжалилась маленькая храбрая девочка над обессилившей метелью, и открыла полог чума. Тот час же метель выскользнула наружу и умчалась прочь.

С тех пор всегда спокойно оставалась маленькая Нюцхе, в своём чуме, когда мама уходила по делам, и никогда не беспокоила её метель, да и вьюга, сестра метели, тоже не беспокоила, потому что по всей тундре каждому было известно, какая храбрая и смелая маленькая девочка Нюцхе.

* *Сядей — деревянный идол.*

ОРАНЖЕВЫЙ ДИК (Никодим УГЛОВ),

Москва — ЯНАО, — журналист, , музыкант рок-группы «Северный Крест», художник, член Русского Географического Общества в Ямало-Ненецком автономном округе. Публиковался в альманахе «Словесность», сборнике «Между Пегасом и Лирой».

МЕЛОДИЯ ОГНЯ

Красивый день нам принесет
благословенный дар,
и вот настал тот миг, когда
ворвется он в окно.

Готов ли ты его принять —
златой ласкающий дурман?
и как всегда начать искать
свой новый в радости полет?

Ядерный кошмар нам
продиктован изначально
тем, кто безгранично любит,
нам — в своих стремленьях — к небу!

Ни день, ни ночь нам не дадут покоя,
кто не спит уже давно,
и два огня мерцают в свете
огонь добра и зла поет мелодию одну.

* * *

Дети цветов — асфальтных кладбищ.
В небе цветы, на земле цветы, справа цветы,
слева цветок, кругом цветы, я цветок, мы цветы,
произрастаем на асфальте и камнях пирамид,
железобетоне и атомных подводных лодках.

В парнике мы творим мистерию облачного дыма,
Запах цветов и магию лафа**, рождая супер-семя,
в войне с техническим мамонтом — мы короли заговора
рок-н-ролла.

** На сленге советских хиппи «лаф» от англ. «Love» — любовь.

Приход через веняк — идет сопротивление
теперь и сейчас.
Олимп для муз. Нам надоело спать на кладбище.
Мы восстали.
В словах песен загорается огонь бус утренней зари,
цветы в росе, весь мир в огне.

Липецк. *В сентябре 1779 года Липецку был присвоен статус города. Он стал одним из главных городов Тамбовской губернии. «Липовый город», впервые упоминается в хрониках 13 века. В 1284 году был разрушен монголами. Основание современного города относится к 1703 году, когда Петр Великий приказал построить чугунолитейный завод в Липецке рядом с месторождениями железной руды для изготовления артиллерийских снарядов. В начале XX века в городе работали два чугунолитейных, винокуренный, сахарный заводы, несколько свечных, кожевенных и табачная фабрики. И, в то же время, Липецк — город-курорт, знаменит своими минеральными водами.*

Владислава ЗАПЕНЦОВСКАЯ, *Липецк — публикуется с 1999 года. Постоянно участвует в литературных мероприятий Липецка. Дипломант поэтического конкурса «Стихоборье» (Воронеж), Литературных форумов им. Н.С. Гумилёва «Осиянное Слово» (Москва — Переделкино). Печаталась в журналах «Молодёжный вестник», «Пять стихий» (Донбасс), альманахах «Словесность», «Петровский мост». Автор поэтических сборников. Председатель Липецкого областного отделения СЛ РФ. Государственный стипендиат 2020 г. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

НАДЕЖДА

Серое утро ясно до рези в глазах.
Гроздья ворон грязнокрылых трассируют небо.
Зябко до жара. Глаза расплавляет слеза.
Жидкими в дрожи шагами плетусь на расстрел я.
Их двадцать семь — от отчаянья к небытию.
С каждым движением чувствую: волос седеет.
...Как милосердно бы было сначала её,
Веру надеющуюся, спустить на колени!
Слева в висок ей и до, а не после меня.
Но, только именно я первый стану у стенки
Серой,
высокой,
как небо с горстьми воронья.
Жарко дышу.
Отбивают синкопу коленки.
Десять шагов.
Позади, позади моё всё.
Только надежда юродивой нищей плетётся
Вслед мне.
Картаво глумит вороньё:
Чаша тебя неминуемая
изольтся!
Восемь шагов.
Семь,
Шесть,
Пять...
вот уже и предел —
Постно-суровый, крапленый, как криведы небо.
Изморозь с жадностью ловит дыхание моё
Каждою оспиной
всех предыдущих расстрелов.
Двадцать секунд.
За спиною грохочут шаги.
Буднично щёлкнет затвор,
отворив неизбежность.
Я открываю глаза,
каменея внутри
От сквозняка из пробоины —
Вижу безбрежность
поля озимых зелёных.
Живые ростки,
Нас
похороненных зёрен,
наглядно воскресших.
И улыбаюсь от проникновенной тоски
Чёрного поля,
где произрастает Надежда.

СЛЕПАЯ ВЕРА

Что жаждешь ты, бескровная душа,
собравшая коллекцию проклятий?
С восторгом диким самосуд верша,
Пять раз на дню готова для распятий.
И эта боль любимая тобой,
Горбатых жизней метод выправления,
Она кумир, твой бог и твой святой
Ей молишься ты до осатанения.
Как самый строгий, ревностный пророк
Любому ветру предрекаешь бурю.
И тщательно себе готовишь впрок,
На всякий случай, яд петлю и пулю!
Как знамя ты несешь перед собой
Учение о райских кущах боли.
Она кумир, твой бог и твой святой.
...Твой раб, что так давно желает воли.

Вадим ВАДИМОВ, *Липецк*

* * *

тёмный мир
ночь и звёзды
печаль
кто-то едет на пир
мне же ночи движенья созвёздны!
облаков рать
погибла
раскидана ветром
миллион белых глаз
я в них смотрю
безразмерным космическим метром
курс кладу в тайну тайны алмаз
где-то в небе искать
и я пробурю
своим взглядом
бездну тьмы
— мне её непременно прорвать! —
притяженье земное обрыдло
и в какой тарантас
запрячь звёздный ветер?
чтоб покинуть разбившую сердце Луну
притяжение Света
сильней
притяжение это
обману́ и покину
и лелею на сердце только одну
тайную струну
она бьёт всё скорей
в каркас
на груди изнутри
я встретил
со звезды человека
он контроль притяжения превозмог
не за ним
но как он
я по звёздам ночью бродить смог

Роман КРЫСИН, *Липецк — родился в 1980 году. Кандидат филологических наук. Активный участник ЭТО «ЗнакЪ» (Липецкое отделение СЛ РФ). Космос, Фатум, их влияние на общество и на самою человеческую душу — вот те мотивы, которые Роман любит выискивать в лучших произведениях отечественных авторов и которыми пронизаны его собственные тексты. Излюбленные направления: романтизм, социальная сатира с гротеском и уклоном в сюрреализм. Автор альманаха «Словесность».*

Государственный стипендиат 2021, 2022 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».

СЛУЧАЙ В ПАРКЕ

1.

Дело было в парке в конце лета. Стояла тёплая ночь. Тишины не было и в помине: в кустах постоянно стрекотали, трещали — в общем, старались как могли петь миллионами своих убогих «голосов» какие-то насекомые; их собратья (а может быть, и они же) угрожающе роились вокруг неуверенно светящих лампочек уличных фонарей, точно сотни уродливых туч хотели «пленить» десяток уродливых солнц. Изредка, со стороны чердаков за-

брошенных домов через дорогу, мелькали с хлопающим звуком перепончатые крылья, и ещё реже раздавалось грустное «угу-угу-угу...». Листья уже начинали желтеть, что, впрочем, не так заметно, особенно ночью. Погода была ясная, и звёзды светили ярко, обжигающе ярко, как будто бы прокрутили дырки в крыше тёмного сарая солнечным утром.

Два мужика шли навстречу друг другу по мощёной плиткой центральной аллее, кое-как освещённой фонарями, каждый из них попеременно смотрел то на небо, то в какую-то книгу. Один мужик был бородатый и лохматый, он был одет в коричневый полуспортивный пиджак поверх рубашки, джинсы, на ногах — кроссовки; книга его была тоже коричневая обтрёпанная, и нёс он её в левой руке. Второй был выбритый, стриженый, причёсанный, напомаженный в костюме мышиного серого цвета и модных ботинках; его книга блестела новенькой лощёной обложкой, цветовая палитра которой колебалась от белого до синего и зелёного, нёс он её в правой руке. Обоим было около сорока лет, и оба были мечтательно возбуждены. И, так как смотрели они куда угодно, но только не вперёд себя, то в конце концов буквально столкнулись носами.

2.

Итак, они столкнулись. Книги буквально выпали из рук, каждый из наших героев поспешно поднял чужую книгу с очевидным намерением передать затем друг другу... Они поздоровались и обменялись рукопожатием.

— Впечатляетесь! Красота-то какая! А? — начал разговор Бородатый, показывая на звёзды.

— Да, красота! — подхватил Бритый.

— Я вот тоже смотрю, и невольно мысли лезут в голову, а что если...

— Да! — перебил его Бритый и продолжил с чрезвычайным воодушевлением — Я тут читал (при этом он ткнул пальцем в свою книгу, находившуюся в руках Бородатого), да и по телевизору говорили... Подумать только: через каких-то ещё пару-тройку лет мы уже сможем летать на другие планеты, сможем покорять Космос, в действительном смысле этого слова, покорять эту красоту, словно упрямую женщину, сможем показать наш крепкий кулак этой завораживающей чёрной бездне, сможем измерить её и заставить служить себе, как когда-то покорили реки и построили гидроэлектростанции! Представьте себе огромную машину, которая смогла бы, скажем, поворачивать одним нажатием кнопки ЗДЕСЬ целые планеты ТАМ, чтобы, ну... например, использовать их силы для увеличения урожая в десятки раз или для... — Бритый задумался, улыбнулся и закатил от удовольствия глаза...

— Да хватит Вам! Какие «космомашины», какие межпланетные корабли, какие капризные женщины!.. — Бородатый воспользовался паузой. — Я вообще мыслю, что Вселенная (он сделал радугообразный жест свободной рукой) это... ну, как огромное заклинание, и в сердце него — мы, живые формы этой планеты, как черти, которых вызвали из Небытия и заперли в центре этого... магического круга! Другие планеты, звёзды (снова тот же жест)... — они вроде... составляющих этого Космического колдовства, наподобие свечек или кусочков змеиной кожи и прочей дребедени по краям. Поэтому для нас недостижимы, если уж честно признаться-то, даже законы, по которым они светятся, двигаются и пр... А уж они сами — и подавно! — Бородатый скроил насмешливую гримасу.

— Не спорьте! — ответил Бритый, продолжая блаженно улыбаться и смотреть вверх.

3.

Бородатый почесал затылок. Он воспользовался советом и спорить не стал, вместо этого со всей силы зарядил Бритому кулаком по физиономии. Бритый крякнул от неожиданности и упал. А Бородатый пустился наутёк. Но так как бежал он со взором все ещё устремлённым к ночным небесам, то, пробежав метров сто пятьдесят, стукнулся лбом о фонарный стол и упал. Впрочем, «авария» Бородатого не спугнула ни звёзды, ни даже тучи насекомых, ни одинокое и грустное «угу-угу-угу» где-то в глубине парка.

Два мужика с фингалами на лицах лежали на земле и смотрели ввысь, оба улыбались. А ещё они забыли вернуть друг другу книги...

Олеся ЛАСКАТЕЛЕВА, *Липецк — родилась в 1985 году, окончила Воронежский Государственный Университет по 2-м специальностям: «Психология» и «Журналистика». Публиковалась в журнале «Петровский мост», «Улитка», в газетах «Литературная Россия», «Молодежный вестник», в альманахах. Автор поэтического сборника «Бусинки» (2017).*

* * *

Снова мчусь на такси, оглушённая звуком,
Рвусь надрывно душой,
Рассыпаюсь на части.
Это медленная нестерпимая мука,
И не смей говорить, что ты к ней непричастен.
Я тону в облаках твоей радужки синей,
Понимание сути достичь невозможно.
Задыхаюсь от странной любви твоей сильной,
Я опять мчусь к тебе, позабыв осторожность...
Но любовь твоя — плющ, возле шеи колючий,
Он ползёт как змея, обвиваясь всё туже,
Я впустую молю его больше не мучить.
А ты буднично ешь моё сердце на ужин.

* * *

Бесконечное лето
Осталось лишь в нескольких фото.
Кто-то с кем-то — в рассветы,
Кто-то где-то хоронит кого-то.
Я давно повзрослела,
Чтобы дэнсить в сомнительных клубах.
Но, увы, неумело
До сих пор разбираюсь в подругах.
Я, увы, не могу
Называть себя взрослой и цельной.
Я проснулась в Тэгу,
Мне осталось немного до цели.
Мне всего сорок букв
До начала вселенной осталось.

Самый сильный мой пруф,
Что осталось лишь самая малость.
И неважно совсем,
Что свой путь скоро лето закончит.
Кто открыт, тот и смел.
Хорони и в рассвет. Многоточие

Владислав ЗВЯГИН, *Липецк*

ЗАКРЫТЬ ГЕШТАЛЬТ

Когда в тебе бушует пламя —
Неразделённая любовь...
На полуслове, расставание
Изводит душу вновь и вновь...
Когда поставленной нет точки
В любви и в чувствах до конца,
И недописанная строчка
Не сыщет истины писца.
На плахе, сердце в исступлении
Кромсаешь жертвенным клинком,
И на костре самосожжения
Пылаешь праведным огнём...
Не видишь целостной картину
Иллюзией затмил свой взор,
Любви и злости мешанину
Ты превратил в слепой хардкор!
Тогда скажу тебе, как брату,
Бойцу на гендерной войне —
Не заживут твои стигматы
Не изнутри и не вовне.
И отрицательное сальдо
Весы качнёт в твоей душе —
Незавершённого гештальта —
Пронзает боль... Туше. Туше!

Орёл *— старинный русский город. Возник в середине XVI века как крепость у впадения реки Орлика в Оку для защиты южных границ. Город называют «литературным гнездом» — это родина замечательных писателей, именами которых гордится русская литература. Орёл «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город» (Н.С. Лесков).*

Неля СЕМИРЕЧКИНА, *г. Ливны Орловской области — родилась в 1989 году. Государственный стипендиат в номинации «Талантливый молодой автор России» (2015, 2016, 2020). Победитель литературного конкурса, посвящённого 450-летию г. Орла (2016), лауреат конкурса «Петербургский ангел» (2019).*

ОБОЛОЧКА

А лики святых
по углам, как цветы.
И в доме так чисто
и так заповедно.
Молитвы просты,
все молитвы про стыд:
то истинный голос, дающий ответ нам...
Бездонная синь — оболочка одна,
смешна толщина и сомнительна прочность,
прозрачна настолько, что ночью видна
зловещая пропасть, где бога нет точно.
Как страшно одним оказаться среди
космических тел и зияющей смерти,
где тонут «не лги, не убий, не вреди»
и прочие догмы. И думать не смейте
Того-Кого-Нет в телескоп лицезреть.
Никто не спасёт затерявшихся в шлюпке.
Обманутый сын, безотцовщина, впредь
не будь остолопом, наивным и хлюпким.
Да здравствует хаббл! Попробуй отринь,
что небо — механика, плазма, законы.
Но как превозмочь накатившую синь
и добрые лица в окошках иконных,
не вздрогнуть у дряхлой часовни, когда
из выбитых глаз вырываются птицы.
Как страшно, что солнце всего лишь звезда,
рабочий фонарь, пригвождённый светиться.
Планета фантомов. Закрытый объект.
Как хочется знать, твёрдо знать, а не верить,
что есть до нас дело Тому-Кого-Нет,
что дух — непреложная сила материй...
что кроха-шмелёк,
свечной огонёк,
любому ненастью стоит поперёк.

АВТОБУС

автобус молод, бейджик на груди
приколот новенький: двойное имя.
дверь — широко в улыбке: «проходи».
с довольным видом пассажиров примет,
подставит кресла — рад пощеголять
загаром и ухоженностью кожи,
каштановую штору, словно прядь,
на правый бок старательно уложит.
«счастливого пути!»
любой займёт
любой
в душе автобуса местечко
отменное. Дорога будет мёд.
автобус профи, чувствует, увлечь как.
деревья — поле — дом — река — рыбак...
янтарны — сизо — жёлт — свинцова — хаки...
тебя затягивает.
ты размяк.
деревья, поле, дом, деревья, знаки,
деревья, поле, столб, деревья, пруд,
ветвисты, гладко, стар, ветвисты, броски,
ветвисты, гладко, прям, ветвисты, крут...
слилось: полоски-полоса-полоски-
полоски-полоса-полоски — сплошь.
мотор прогуживает. Колесница
плывёт по воздуху.
— куда плывёшь?
— домой.
— куда?
— не помню.
Полуснится
автобус, облачившийся в металл,
вращается по транспортной орбите.
он словно птиц за пазуху набрал
и потихоньку распустил: «летите!»

Татьяна ЕЛЕСИНА, *Орёл — студентка Института иностранных языков ОГУ им. И.С. Тургенева. Публиковалась в альманахе Союза литераторов РФ «Орловский край», в газете «Орловский вестник», в коллективном сборнике «Содружество орловских литераторов: Стихотворения и проза», Награждена памятной медалью «150-летие И.А. Бунина».*

РАДОНИЦА

Христос Воскресе, мой ласковый, мой хороший!
У нас солнце совсем уже по-весеннему
брызжет золотом в окна
и щекочет кота, мурчащего на теплом ковре.
Я почти не болею, живу и здравствую.
А если мама приходит к тебе и плачет,
что я мотаюсь в сутолоке поездов
из больницы в больницу,
то ты не верь ей.
Я читаю книги
и на стареньком твоем ноутбуке
листаю смешные заметки:
«Сказать Мышке», «Театрик»,
«Идейки», «Любимая, я накропал статью»...
Вот, несу тебе простенький, нехитрый скарб:
пяток яиц красных, пасхальных,
прошлогодние яблоки
и две белых бумажных розы.
Все налаживается,
срастается и заживает,
и я злюсь, только если глупые кумушки
велят мне скорее рожать ребенка
и совсем не спрашивают о тебе.

ВИЖУ

Здесь бы надо возвышенных строк о весне,
поэтического, живописного благолепия,
степенного канонического обряда —
а я не могу. Я срываю с усталых глаз
надоевшую липкую марлю и вижу
рыхлый старый снег под деревьями,
последние тучи, уплывающие в лазурь,
капли дождя на прозрачном стекле,
звонкие лужи от края дороги до края,
говорливых смешных девчонок,
малышей пухлощеких в цветных колясках,
сытых безнаказанных голубей.
Вижу — и пишу светлое, солнечное письмо
о зиме, которая бежала с позором,
об удивительно теплом апреле,
о бумажных корабликах
и задорных, неунывающих воробьях.

Андрей ЕЛИСЕЕВ, *Орёл — родился в 1978 году. Один из руководителей литературно-поэтического клуба «Шаг навстречу». Победитель первого областного конкурса-фестиваля бардовской песни «Апрель» (Орёл, 1999), Международного фестиваля искусств, посвященного творчеству В.С. Высоцкого (Орёл, 2014 и 2017). В 2017 году выпустил мультимедийный диск «Точка опоры» и поэтический сборник «Снимаю шляпу».*

СЧАСТЛИВЫЙ БЕРЕГ

Хорошо бы исчезнуть из поля зрения —
без зазрения совести, без дураков —
хоть на пару-тройку шальных деньков...
И упиться жизнью до одурения!
Стариной тряхнув, на рыбалку смыться бы,
не ловить вай-фай, а ловить уклеек.
Оседлать, как в детстве, счастливый берег
и с природой слиться, собраться с мыслями...
Но забьётся вновь телефон в истерике,
Защекочет «вибро», вернет к реальности...
Я прошу о милости (самой малости!) —
Иногда позволить мечтать о береге...

Анна ПОПОВА, *Орёл — доктор филологических наук, автор и композитор креативного содружества «DiaЛит», один из руководителей орловского литературно-поэтического клуба «Шаг навстречу». Автор 9 поэтических сборников и 3 сборников стихов и малой прозы (в соавторстве с Е.В. Яворской и А.И. Елисеевым).*

ГУЛЯТЬ...

Ноздревато дышит густая хлябь.
Солнце в форточке колется о края.
Господи, весна...
Мы пойдём гулять.
Обязательно, маленькая моя...
У кого-то горящие небеса,
фэнтезийно-зрелищный жуткий бой.
А у нас — сражения по часам:
новые уколы, таблетки, боль.
Высохшая ведьма всё шарк да шарк,
но уже опасается — на рожон.
Отступивший тремор. Нетвёрдый шаг.
Градус, минус десятая, хорошо...
Там прорезались очи зимы-реки,
ну-ка прочь, ледяная, слепая гладь!
И отважные воины, стебельки,
навострили копья. Пойдём гулять —
тесто, землю парную, вдвоём месить,
по горе крутой, по весне златой.
Сиротливо куртка твоя висит...
Как царевнина шкурка из сказки той...
А царевна упрямая — и на спор,
на слабо, мол, день её не истёк!
А царевна — не в глушь, и не семь сапог...
а в разношенных тапках встаёт, идёт...
И царевну, упрямую, не свернут
опасенья, оглядки, ведь мы вдвоём...
Ты дошла до кухни (за пять минут),
ты держала ложку, пила бульон.
Нет, не конь-огонь, не вскочи в седло,
не лети громить несусветных чуд!
А пешком, по квартире — важней всего...
Каждый день мы бьёмся — плечом к плечу.
Вон — полотнище солнца, сияет гладь,
зыбкий воздух каплями пробуждён!
Ничего-ничего... Мы пойдём гулять.
Вот немножко поправишься — и пойдём...

ОСЕНЬ (ФЕНИКС)

Я лечу в озябшем небе, подо мной горят глубины,
вот я падаю, подбита, рукоплещет страшный лес...
Я не «рыжая девчонка», та, что «в бусах из рябины»
«плачет грустными дождями»
в виршах юных поэтесс.

Я искренье и горенье.
Чистый дух — без плоти бренной,
обречённая погибнуть и отринувшая страх.
Полувыгоревший феникс, я теряю оперенье,
над лесами, над долами рассыпаюсь в пыль и прах,
огнекрыльем, листопадьем, ветер-пеньем,
нетер-пеньем,
позднецветьем, искрометьем — на древесные вихры...
Ох как больно, беспрестанно,
отмирают в сон и пепел —
перья... пёрышки цветные, оголяя остов крыл.
Но, наверно, как иначе? — только жертвой,
только жженьем
превращаться в новый голос, в чьи-то вещие слова...
Растекаться синим дымом,
трепетать звучащим жерлом —
жаром в горле, диким криком:
«Посмотрите, я жива!!»
Влиться в листья, впиться в письма.
Вжиться в память лёгкой дрожью
и дотлеть свечным огарком средь кленовой пятерни.
Загасить пыланье в горле в серой луже придорожной.
Пепел, небо остывает, застывает, спи-усни...

Я рассеюсь по дорогам, я рассыплюсь по пригоркам,
добела, до белоснежья, до тепла, до волшебства...

А потом — окрепшим клювом ледяную скину корку.
И подснежником затеплюсь: «Посмотрите, я жива...»

Андрей КАСЬЯНОВ, *Орёл — победитель поэтической дуэли в Парк-отеле «Мечта» на Орловщине в рамках фестиваля «Золото Русской Литературы», финалист XV Всероссийского фестиваля мелодекламации «Петербургский ангел» им. В.В. Верушкина (Санкт-Петербург, 2022).*

ГОРОДСКИЕ ПЕЙЗАЖИ

Городские пейзажи обычно просты,
Глаз цепляют пейзажные раны.
Вон, кресты на погосте стоят с полверсты,
Ощетинясь вкруг храма.
Над крестами собралась небесная рать,
Глядя в звездную проседь.
Вряд ли кто-то хотел в свой черед умирать,
Но, однако, пришлось им.
И не знаем, когда сквозь небесную твердь
Суждено провалиться.
Потому захожу в этот храм умереть
И живым помолиться.

Людмила УСПЕНСКАЯ, *Орёл — родилась в 1993 году. Окончила магистратуру филологического института ОГУ им. И.С. Тургенева. Публиковалась в коллективных сборниках Орловского отделения Союза литераторов, в газете «Орловский вестник» и электронном журнале «Буквица». Автор шести поэтических книг. Лауреат Золотой сотни международного фестиваля «Всемирный День Поэзии».*

ЗИМНИЙ СОНЕТ

Нет, не снегом единым жива королева льда:
В этих крошечных льдинках — мутная череда
Одиноких дней под покровами облаков,
Пыль дурных вестей и призраки катастроф.
Нет, не только холод властвует над землёй —
Поднимает ворот тьма, не найдя покой,
Поднимает ветер бурю, несёт сквозь чад...
Города уснули? Нет. Города кричат.
Города кричат. Города начинают петь.
Леденеют реки. Их покрывает твердь.
Ты закрылась в комнате. Ты не сошла с ума.
Только ветер, ветер бьётся в твоё окно,
И окно звенит: «ты — слабая... ты — звено...»
Нет, ты не сломалась, просто пришла зима.

Александр ЯНХИР, *Орёл — родился в 1989 году, музыкант, основатель и координатор творческого сообщества «Поэты Орловской Брусчатки», в рамках которого с лета 2020-го года проводятся уличные чтения в Орле, вызывающие живой отклик среди прохожих-зрителей. Автор пяда музальбомов.*

* * *

Полно! Картинами сыт не будешь —
Дотронуться бы
До чудес небесных! —
Так говорили друг другу люди
С жаждою лучшей жизни
Мы снялись с места.

Елена ЯВОРСКАЯ, *Орёл — родилась в 1979 году. Окончила филологический факультет Орловского государственного университета. Работает редактором в Издательском Доме «ОРЛИК». Автор сборников рассказов и стихотворений, повестей в жанре фэнтези, краеведческих книг для детей и подростков.*

КОКОНЫ

В начале времен мышь бежала, раз-два —
и яичко раскокала.
Вот так появился свободный и радостный свет.
Но вдруг поумнели приматы.
Плести они начали коконы,
чтоб в личную жизнь беспардонно не вторгся сосед.
За тысячелетия коконы стали большими и разными,
и свет отражают, и воздух фильтруют они,
встречают нас вкусным обедом,
комфортом и мудрыми фразами.
Весь мир сотворен, чтобы мы оставались одни.
И как ни крути ни верти,
но устроились очень неплохо мы.
Не бабочки, да. Но не стоит канючить и ныть.
Скорее бы кто для сердец
разработал удобные коконы.
Ах, будем на все сто процентов мы защищены!
И солнцу уже не пробить наши коконы
ржавыми копьями.
В покое купаемся — я и старушка ши-тцу.
Мы истово любим удобные, теплые коконы.
Какой-то философ изрек: это наша тоска по яйцу.

И СНОВА О БАБЕ-ЯГЕ

...И все по душе ей, все внове,
забавной, земной, озорной!
Избушку легко остановит:
«Тпру, древность музейная, стой!»
Не прочь подпалить Сивку-Бурку –
а неча топтать урожай!
Не прочь водяного затуркать –
купальщицам не угрожай!
Готова к свиданию с Лешим –
в избытке борща и котлет.
Из радио вечный Малежик
пророчит ей срок – двести лет.
Плевать, что нога костяная,
зато все о'кей с головой...
Чу! Кто-то за печкой стенает!
Ну точно, пацан-домовой.
С русалочкой в ночь на Купалу
сплясал – да и сбился с пути.
С мозгами был, вроде бы, малый...
Цветочек выводит ей алый...
А ряшка-то! Вертер почти!
У Вия с Горынычем ссора,
кикимору бросил жених...
Ну как же им тут без надзора?
Ну как их оставишь одних?
Купила две новые кофты,
но их не увидит Москва.
Не зелья теперь, а декокты.
Лишь ими глубинка жива.

Братск. *Официальная история города начинается с 1955 года, но на самом деле первые поселения появились значительно раньше. Первые сведения о Братске связаны с острогом, созданным для закрепления новых территорий по указу царя в 1631 году. Именно Братское поселение стало местом ссылки таких известных людей, как Аввакум, Радищев. С течением времени рядом с поселком, переименованным в Братск, стали появляться деревни, которые превратились в отдельные районы города. Это один из крупнейших городов Восточной Сибири, а на территории Иркутской области прочно занимает второе место после областного центра — Иркутска.*

Владимир МОНАХОВ, ***Братск*** *– автор более десяти сборников стихов и прозы. Публикуется в журналах, антологиях, альманахах, таких, как: «Словесность», «Русский верлибр», «Сквозь тишину, антологию русских хайку, сенрю и трехстиший», «Приют неизвестных поэтов. Дикоросы», «Антологию ПО под редакцией К. Кедрова». «Нестоличная литература». Финалист первого Всероссийского конкурса хайку. Лауреат литературной премии имени Владимира Максимова. В 2009 году за «Русскую сказку» вручена национальная премия «Серебряное перо». Руководитель Иркутского областного отделения СЛ РФ в г. Братск. Государственный стипендиат 2020 года в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

ЛУКОВАЯ ДРАМА БЕЗ ШЕКСПИРА

Жена вернулась с работы и сказала с порога:
– Ехала в автобусе, а на заднем сиденье немолодая пара всю дорогу обсуждала, где лук лучше и дешевле...
– И что? – равнодушно спросил муж.
– Как это «ну и что», Саша? Полчаса ехали и говорили только про лук. Где крупнее, где посуше, где дешевле, и всё не могли прийти к согласию. Спорили, обижались друг на друга. Да так шумно, на весь автобус, – видимо, уже плохо слышат...
– А потом что?
– Как ни в чём не бывало вышли на нашей остановке, он взял её под ручку, и пошли, наверное, этот лук самый лучший покупать, про который всю дорогу на весь автобус трезвонили.
– А ты проследила, куда они пошли?
– Зачем?
– А нашей семье что, хороший и недорогой лук не нужен?
– Вечно шутишь. А я серьёзно!
– Значит, всё хорошо у старичков?!

– Чего же хорошего, Саша?! Им что, только и остаётся всю оставшуюся жизнь про лук говорить? Больше не о чем?
– Почему только про лук? В другой раз они про другое поговорят...
Главное, что им интересно, полчаса про лук говорили и не надоели друг другу!
– Так-то оно так,– соглашается жена с разумным предположением мужа.– Но хотелось бы не про лук, например, а про Шекспира...
– Шекспир в этом семейном разговоре никакой драмы не увидел бы. Любишь ты к мелочам жизни придираться и водевили устраивать дома... Вот мы тоже о чём с тобой сейчас говорим – про этот же лук!
– Да ну тебя! – рассердилась супруга.– А я серьёзно. Скучно же так долго и увлечённо про лук...
– Ничего не скучно – вот говорим же с тобой несколько минут с жаром и полемическим задором. И обрати внимание – только про лук!
– А к нам в город оперная дива Любовь Казарновская приезжает,– решила переменить тему жена.– Ты как, согласен меня сопроводить в субботу на концерт?! Я уже и билеты заказала...
– Согласен! Только хотелось бы узнать: а ужинать мы чем сегодня будем?!
– Луком! – рассмеялась удачной шутке жена и, напевая арию «Смейся, паяц, над разбитой любовью», пошла на кухню готовить.

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ЛУЧШИЙ НИЩИЙ...

Был зачат в чистой любви
и прожил чистую жизнь:
теперь ждёт – чистую смерть!

Здесь лежит лучший нищий нашего городка по имени Миша.
Так и написано: Миша,– потому что фамилии его никто не помнил, а документов при нём не было.
Стал Миша широко известным, когда выиграл в лотерею – билет ему, за отсутствием мелочи, подал случайный прохожий...
А выиграл Миша очень много денег. Так много, что не знал, как с ними поступить...
И тогда добрый Миша, бывший нищий, объявил всем окрестным людям, что готов раздать долги каждому в многократном размере, кто хоть раз подал ему рубль...
Миша так и объявил:
– Раздам долги всем, кто хоть раз мне в жизни помог!
И что тут началось в нашем Братск-рае!
На меценатский порыв Миши набежало много желающих поправить своё материальное положение. Так много, что у нищего, выигравшего в лотерею очень большие деньги, не нашлось даже столько купюр... Но собравшиеся были убеждены и доказывали в очереди друг другу, что всю жизнь подавали ему свои трудовые гроши и имеют полное право на вспомоществование...
И тогда Миша искренне возмутился. Он стал упрекать земляков в нечестности.
– Да как вам не стыдно?! – кричал разбогатевший нищий в толпу.– Многие из вас выгоняли меня зимой из подъездов, где я пытался переночевать, другие говорили мне в спину гадости и никогда не протянули ни рубля, ни куска хлеба... А сейчас пришли за деньгами...
И тогда оскорблённая толпа, с налитыми в гневе жаждой денежных знаков глазами, бросилась на одинокого растерянного человека, которого некому было защитить...
Да как он смеет нам не верить?!
И затоптала разбогатевшего нищего со всеми его деньгами всмятку.
Потом были пышные похороны, слёзы покаяния, стыда и отчаяния: что же это мы наделали? Разве мы не люди?
Не люди,– напоминал из закрытого добротного гроба нищий Миша, который так неожиданно разбогател, но так и не сумел воспользоваться деньгами, потому что зачем-то пытался осчастливить наш городской мир, который за это его и убил.

Галина КРАВЕЦ, *Братск – Публиковалась в различных альманахах, литературных журналах и сборниках, в том числе в альманахе «Словесность». Лауреат (2 место) областной конференции «Молодость. Творчество. Современность» в г. Иркутске. Автор нескольких книг прозы.*

ВЫШИВАЛЬЩИЦА ПТИЦ

В заточении в высокой башне ей было позволено только вышивать. Она знала, что как только ей удастся вышить красивую птицу, ее отпустят. Она обретет свободу и как птица выпорхнет из своей постылой клетки.

Она очень спешила, но старалась, чтоб птица получилась как живая. Вышивала и лентами, и шелковыми нитями.

Первой ее птицей была ласточка. Милая, стремительная ласточка. Она косила глазом на вышивальщицу и , казалось, в нетерпении подрагивала крыльями. И, как только девушка закрепила последний стежок и вздохнула с облегчением, ласточка встрепенулась и стремительно взлетела. Сделав круг над головой девушки, она выпорхнула в раскрытое окно!

— Ах, — всхлипнула вышивальщица, — теперь ласточка на свободе, а я?

Она снова склонилась над вышиванием. В это раз было решено вышивать снегиря. Но как только розовогрудый красавец получил крылья и хвостик, клюв и острый глаз — он тут же, как и его предшественница, легко вспорхнул с пялец и был таков!

Упорству красавицы можно было позавидовать. День за днем, неделю за неделей она вышивала голубей и синиц, скворцов и соловьев, журавля и трясогузку, дятла и сову. Но вновь и вновь, едва делала последний стежок, птица оживала и покидала пяльцы, сделав прощальный круг над головой девушки.

Много слез пролила несчастная, теряя надежду обрести свободу. Но однажды ей пришло в голову, что решить проблему можно, вышив раненую птицу. Она принялась вышивать раненую голубку. Вышивала и плакала, так жалко ей было раненую птицу. Тщательно подбирала ленты и нитки, чтоб переливалась шейка, как у настоящего голубя от голубого в фиолетовый с зеленым отливом. Чтоб серые крылышки с черными узорами были как живые. Чтоб черные бусинки глаз смотрели хитро. Обливаясь слезами вышивала она кровавой шелковой ниткой завершающие штрихи картины. Ее расчет оказался верным: птица встрепенулась, повертела головкой, переминаясь с лапки на лапку, но взлететь не смогла.

Девушка подошла к окну и запела. Ее голос разливался над миром, возвещая о том, что она справилась с заданием злого колдуна, держащего ее взаперти. Она пела, и тысячи птиц слетелись на ее голос и кружили над башней. Среди них были и те, которых вышивала она. И как только песня ее достигла ушей колдуна, девушка тут же превратилась в прекрасную жар-птицу. Громкий хохот злодея раздался, перекрывая шум крыльев птиц:

— Ты хотела свободы? Так лети же свободной птицей! Отныне летать тебе яркой птицей, пока не попадешься в силки первого встречного охотника!

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Марина ГОРДИЕНКО, *Воронеж — работает в музыкальном колледже, ведет детскую театральную студию, выступает в бард-фолк ансамбле «Дилижанс». Изданы книги стихов «Порталы и калитки» (книжная серия СЛ РФ «Визитная карточка литератора») и городского фэнтези «Нам бы встретиться с тобой между зим» (в соавторстве с Галиной Семизаровой).*

ВОЛШЕБНЫЙ ГОЛОС ВАСИЛИСЫ

Посвящается Василисе Юдиной и ее родным, а также Александре Зиминой

Далеко-далеко за синими морями, за высокими горами, стоит славный замок Данбург. И живет в нем добрый и мудрый король Даниэль со своей супругой — прекрасной королевой Натали. Есть у них три сына — три юных отважных рыцаря. Рыцарь Святослав, рыцарь Ратмир и рыцарь Назар — самый младший, но тоже очень смелый. А еще есть две доченьки — две милые веселые принцессы — принцесса Варвара и принцесса Василиса.

Вот о Василисе мой рассказ и пойдет.

Когда принцесса появилась на свет, его величество король Даниэль, как и положено сказочному монарху, устроил пир на весь мир. Три дня и три ночи в чертогах Данбурга не смолкала веселая музыка. Гости ели, пили и поднимали бокалы за здоровье юной наследницы престола. И каждый спешил пожелать маленькой принцессе всего самого лучшего. Здоровья, красоты, счастья, много разных талантов.

Королева Натали радостно слушала эти пожелания и ласково наклонялась над колыбелькой маленькой Василисы. А крошка-принцесса лежала в розовых пеленках из самого тончайшего батиста и беспечно агукала.

И ничто, как говорится, не предвещало беды. А беда уже стояла на пороге! Впрочем, давайте расскажем обо всем по порядку.

Конечно же, на праздник в честь рождения принцессы пришли две волшебницы. Добрая фея Орнелия и злая колдунья Оралия. Ну, колдунью, разумеется, никто не звал — она сама явилась без спроса.

И пока Орнелия махала волшебной палочкой над колыбелью малышки, Оралия стояла в углу и только хмуро зыркала по сторонам красными злобными глазками.

Королю Даниэлю очень хотелось выгнать колдунью вон, но он не решался. Ведь ссоры государей с такими злодейками ничем хорошим не заканчиваются! А его величеству вовсе не хотелось, чтобы доченька уснула на сто лет, или пропала из замка на шестнадцатый день рождения, или бы с ней случилось еще что-нибудь нехорошее. Так что он сидел на троне, насупив брови и не сводя с колдуньи строгого взгляда. А добрая фея, между тем, продолжала осыпать малютку волшебными дарами:

— Пусть красота принцессы Василисы сияет также ярко, как капельки росы на бутоне розы! Да будет ее высочество всегда здоровой и румяной! Пусть ее улыбка сияет, как солнышко, а голосок звенит, словно серебряный колокольчик!

И вот на этих самых словах злая колдунья Оралия отлепилась от стены и, громко стуча черной клюкой, притопала к колыбельке.

— А теперь я свое слово скажу! — гаркнула она и криво ухмыльнулась.

В нарядном зале сразу стало темно и сумрачно. Огоньки свечей испуганно съежились, луну за окном заволокла огромная темная туча. Королева Натали испуганно вскрикнула. Король Даниэль сорвался с трона и заслонил собой колыбельку дочери. А вся королевская стража мигом выхватила оружие. Но злодейка нисколько не испугалась.

— Да не буду я никаких ужасов малышке предсказывать — не тряситесь так! — ехидно заявила она. — Только последнее пожелание доброй феечки слегка, хи-хи, подкорректирую.

И Оралия громко произнесла:

— Пусть голосок Василисы звенит, как серебряный колокольчик... когда у принцессы будет хорошее настроение. А если ее высочество начнет капризничать...

Тут она сделала страшную паузу и оглушительно рявкнула:

— Тогда пусть от ее голоса сохнут травы, и вянут цветы в королевском саду! От крика и плача — поднимается страшный ветер, и с крыши замка летит черепица! А все люди вокруг падают и зажимают уши!!! А капризничать принцесса будет ОЧЕНЬ ЧАСТО. Таков мой волшебный подарок ее высочеству! Вот так-то, хи-хи. Колдунья засмеялась очень мелко и противно, точно крыса запищала. Королева Натали заплакала, а король Даниэль сделал знак, и стражники набросились на злодейку.

Но она только стукнула изо всей силы об пол своей клюкой и исчезла в вихре черного дыма.

Все гости тут же с надеждой посмотрели на добрую фею Орнелию. А она лишь грустно вздохнула и развела руками.

— Я не могу отменить заклинание колдуньи. Но могу предсказать, что через несколько лет принцесса Василиса сама избавится от ужасного дара. Если, конечно, очень этого захочет.

Вот так невесело закончился праздник. Гости разъехались по домам, а король и королева стали жить-поживать дальше и растить своих детишек. Юные принцы учились воинскому делу, а маленькие принцессы — игре на лютне, пению, танцам и придворному этикету.

И все было бы хорошо, если б не гадкий подарок колдуньи. Ведь чем старше становилась Василиса, тем чаще она капризничала.

Впрочем, сама принцесса так вовсе не считала. Ей казалось, что это не она вредничает, а все вокруг нарочно ее обижают. Вот, к примеру, мама-королева будит ее утром к завтраку, а Василиса желает понежиться в постельке. Или няня Сэнди сшила принцессе розовое платье с белыми кружевами, а Василиса мечтала о голубом в горошек. Или королевский повар положил в кашу малиновое варенье, а Василисе так хотелось клубничного!

— Разве можно все это терпеть?! — возмущенно думала маленькая принцесса. Хмурила брови, открывала алый ротик... и-и-издавала страшный крик! Нет, даже так: КРИК!!!

Черепица летела с крыши замка, как сухие листья с осенних веток. Флюгер на самой высокой башне начинал бешено вертеться, а потом обязательно отламывался и падал в колодец. Да что там флюгер! С головы его величества от дочкиного крика мгновенно слетала корона! Закатывалась за трон, и стражникам приходилось доставать ее оттуда алебардой. Все цветы в саду теряли лепестки, трава темнела и съеживалась, как от мороза. А у королевских козочек, тех, что с белой шерстью и золотыми рогами, мигом скисало молоко. А это было вдвойне печально, потому что королевскому семейству приходилось потом долго обходиться без сыра, сметаны и творога.

Василиса кричала и топала ножками, матушка и няня Сэнди бегали вокруг нее и пытались успокоить, а король Даниэль сидел на троне, заткнув уши и зажмурив глаза. И с ужасом думал о том, что будет, когда его дочка вырастет. Вдруг она станет кричать еще громче?! Этак принцесса весь замок разнесет по камушку и сама того не заметит!

Неизвестно сбылись бы опасения государя или нет. Если бы с Василисой однажды не случилось нечто невероятное.

Впрочем, началось все довольно обычно.

Во владениях его величества поспела дикая земляника. И однажды принцесса Василиса, взяв корзинку, решила пойти по ягоды. Пошла одна, потому что утром она поругалась с братьями, накричала на няню Сэнди и, как всегда, решила, что все кругом виноваты. А она — белая и пушистая, то есть бедная и обиженная, и никто ее в замке не любит.

Итак, Василиса шагала по тропинке, гордо задрав носик и мечтая о том, как похвастается перед братьями, принеся домой корзинку полную спелых сладких ягод.

Тут надо сказать, что замок Данбург стоял посреди широкой зеленой долины. В густых шелковых травах паслись королевские козочки. Тропинка убегала от ворот замка и терялась среди холмов и оврагов.

Конечно же, принцам и принцессам строго-настрого запрещалось уходить далеко от дома. И сначала Василиса вовсе не собиралась нарушать этот запрет. Просто шла и шла себе вперед, наклоняясь то за одной ягодкой, то за другой.

Но чем дальше оставались ворота замка, тем больше земляники алело в высокой траве. И вот принцесса, сама того не заметив, дошла до высокой изгороди, отделяющей королевское пастбище от чужих, ничейных земель.

Василиса остановилась и просунула любопытный нос в щель между досками Экая жалость! Прямо за оградой краснела целая россыпь ягод. Даже отсюда было видно, какие они спелые, кругленькие, прямо-таки налитые сладким соком. Принцесса вздохнула. Посмотрела на земляничную полянку. Потом — в полную наполовину корзинку. Потом снова — на полянку. Вздохнула и уже собралась развернуться и идти обратно. Как вдруг заметила, что калитка не заперта!

Да-да, тяжелый железный замок висел на одной дужке. Должно быть, начальник стражи первый раз в жизни забыл запереть его.

Василиса ахнула и нерешительно затопталась перед калиткой. Еще раз глянула в корзинку и... осторожно сделала шаг вперед.

— Я же не буду далеко убегать, — сказала она сама себе. — Вот соберу все ягоды за оградой — и сразу домой. Но едва только последняя земляничинка оказалась в корзинке, принцесса увидела новую россыпь ягод. Всего-то навсего в двадцати шагах от изгороди.

— Это совсем недалеко, — подумала Василиса. — Зато принесу домой полную корзинку и утру нос вредным братьям! И она побежала туда. Потом увидела еще одну полянку, а за ней — еще одну.

Королевская изгородь теперь казалась узенькой желтой полоской. А замок Данбург стал серой черточкой на фоне голубого неба. Принцесса наклонялась, пригоршнями сыпала ягоды в корзинку.

И вдруг все вокруг потемнело, словно перед грозой. В лицо Василисе дунул резкий холодный ветер. Она закашлялась, покачнулась, чуть не упала. И испуганно вскрикнула, роняя собранные ягоды.

Прямо перед ней, между небом и землей, повисла огромная черная туча. А из тучи, злобно хохоча и размахивая клюкой, выскочила злая колдунья Оралия!

— Ловко я тебя заманила, голубушка! — завопила она. — Добро пожаловать ко мне в гости, маленькое капризное высочество!

Василиса бросилась бежать. Но колдунья в три прыжка догнала ее и схватила за руку. По земле, рассыпая никому не нужные ягоды, покатилась корзинка. Черный вихрь взметнулся под небеса.

А уже через мгновение над долиной снова ярко светило солнце. И нигде не было видно даже следа бедной принцессы.

В это же самое время король, королева и няня Сэнди не находили себе места. Где они только ни искали Василису! Вся королевская конница и вся королевская рать объездила каждый лужок, заглянула в каждый овраг и под каждый кустик.

Принцессы нигде не было.

Его величество приказал продолжать поиски.

А три отважных брата, три юных рыцаря: Ратмир, Назар и Святослав — тоже не теряли даром времени. Они заметили в густой траве то, что с высоты конского седла не увидели взрослые.

— Смотрите, вон лежит пуговица от платья сестренки! — воскликнул Ратмир.

— А на этой колючке — клочок кружева! — отозвался Святослав.

— Ой, а здесь трава сильно помята, и ягод нет ни одной — тоненьким голоском окликнул братьев младший Назар.

Вот так, двигаясь по приметам, принцы дошли до незапертой калитки. Дружно переглянулись, сурово, как взрослые воины, кивнули друг другу, и пошли дальше. И довольно быстро наткнулись на пустую корзинку и рассыпанную землянику.

— Василиса была здесь! — взволнованно сказал Ратмир.

— Но куда же она пропала? — начал оглядываться Святослав.

— Эх, была бы у нас королевская служебная собака — она бы мигом след учуяла, — вздохнул Назар.

А потом они снова посмотрели друг на друга, и в голове каждого пронеслась печальная и страшная мысль:

— А что если сестренка попала в беду? Вдруг ее похитили?!

В тот же миг небосклон озарила яркая вспышка. И к трем юным рыцарям на золотом облаке спустилась добрая фея Орнелия.

— Вы угадали, маленькие отважные герои, — грустно произнесла она. — Принцессу Василису похитила злая колдунья Оралия.

Принцы тут же сжали кулаки, а глаза их вспыхнули гневом.

— Где ее замок? — звенящим от волнения голосом вскричал Ратмир. — Мы возьмем его приступом и спасем сестру!

— Я перенесу вас туда, — кивнула фея. — Но для сражения с колдуньей вам понадобится оружие.

Орнелия взмахнула волшебной палочкой. И тотчас в руках у Ратмира появился огненный меч, у Святослава — золотой лук, а у Назара — маленький серебряный топорик. Фея произнесла заклинание, и волшебное сияние окутало юных рыцарей. В ушах у них засвистел ветер, братья почувствовали, что куда-то летят.

— Берегите любовь в своем сердце, будьте тверды и отважны — и у вас всё получится! — прозвучал издалека голос феи.

И три юных рыцаря оказались перед воротами замка злой колдуньи Оралии.

А что же случилось с Василисой? — спросите вы. Минуточку терпения — сейчас узнаете.

Итак, злодейка схватила ее, и принцесса ахнуть не успела, как очутилась в колдовском логове.

Замок колдуньи был под стать своей хозяйке. Такой же хмурый, уродливый, черно-серый с кривыми башнями и узкими глазами-бойницами, горящими зловещим красным светом. В саду вокруг замка росли не розы и не жасмин, а громадные противные колючки, крапива и бурьян в рост человека.

— Заходи, принцессочка! Будь, как дома, — издевательски поклонилась злодейка и толкнула Василису. Та чуть не споткнулась на пороге и влетела в полутемный зал с какими-то страшными статуями и огромным чучелом летучей мыши на потолке.

Тут принцесса сбросила оцепенение и завопила во весь голос:

— Как ты посмела меня похитить, старая ведьма?! Да я сейчас так закричу, что весь твой замок на кусочки развалится!

Василиса открыла рот, набрала воздуху в грудь... А злая колдунья Оралия вдруг радостно захихикала.

— Конечно, конечно, моя деточка! Кричи, да погромче!

От удивления принцесса захлопнула рот и уставилась на злодейку во все глаза. А та принялась прыгать вокруг нее и хлопать в ладоши.

— Ай да я, ай да умница! Какое темное колдовство сотворила!

Василиса подумала, что злая колдунья, должно быть, спятила. И испуганно вжалась в стену. Но Оралия перестала скакать, как блоха, и важно сказала:

— Я настолько хорошо тебя заколдовала, что ты теперь кричишь, капризничаешь и рушишь всё вокруг лучше, чем мои родные дочки. Вот за этим-то я тебя сюда и притащила. Ты должна научить моих малюток, как следует, визжать, вопить и верещать! Тогда мое семейство станет поистине непобедимым!

— Каких еще малюток? — хотела спросить Василиса.

Но колдунья дернула ее за руку и развернула лицом в темный угол. Там, на маленьких черных тронах сидели три дочки злодейки.

Фу, какие они были гадкие! Неумытые, лохматые, с репейниками в волосах. Глазки у них были маленькие и узкие, как щелки, а щеки — надутые и багровые, точно

свекла. Носы — толстые и распухшие. А рты — огромные, как у лягушек, и широко распахнутые. Колдуньины дочки все время толкали и щипали друг друга. Время от времени то одна, то другая издавала противный громкий крик, так что остальные подскакивали на месте.

— Неужели и я становлюсь такой, когда кричу и капризничаю? — в ужасе подумала Василиса. И вдруг поняла, что ей совсем не хочется учить этих противных девчонок.

Оралия опять дернула Василису за руку.

— Ну-ка, закричи во весь голос! Покажи моим доченькам мастер-класс!

— Ни за что! — шепотом сказала принцесса. — Они и так ужасные, а станут еще хуже.

— Так я этого и добиваюсь! — завопила колдунья. — Зря я, что ли, изводила на тебя заклинание?! А ну, кричи немедленно, принцесска! Ты же это умеешь и любишь! Вон сколько раз доводила до слез папеньку и маменьку. Я-то уж знаю: ты такая же злая капризуля, как и мои дочурки!

Глаза Василисы наполнились слезами.

— Неправда! — тихо и твердо сказала она. — Я капризничала, потому что была глупой. А теперь мне очень жаль, что я так себя вела. Никогда больше не буду кричать, и обижать своих родных!

От такого неожиданного ответа колдунья даже на мгновение онемела. Молча вытаращилась на принцессу, а потом злобно усмехнулась.

— Если не будешь учить моих деточек капризничать, брошу тебя в самое темное подземелье! С крысами и пауками! — пригрозила она.

— Лучше быть с пауками, чем рядом с тобой и твоими гадкими дочками! — гордо и смело ответила Василиса.

И все-таки зажмурилась, потому что очень боялась всяких ползучих и мохнатых чудищ.

Злодейка схватила принцессу, но тут за воротами замка раздался чистый и ясный звук боевого рога.

— Слышишь? Это мой папа с братьями подоспел на выручку! — радостно воскликнула Василиса, барахтаясь в руках колдуньи.

Оралия выпустила ее, выругалась страшными колдовскими словами и осторожно выглянула в окошко.

— Мальчишки! — прошипела она. — Правда, с волшебным оружием! Не иначе как чертова Орнелия снабдила их целым арсеналом. Но сейчас я придумаю, как расправиться с незваными гостями!

Василиса замерла от ужаса. Она очень испугалась за братьев.

— Даю слово, что никогда больше с ними не поссорюсь! Только бы колдунья не сделала им ничего плохого! — беззвучно прошептала принцесса.

Злодейка взмахнула руками, ударила об пол клюкой и выкрикнула заклинание. В тот же миг ворота замка со страшной скоростью начала оплетать колючая лоза. Плети ее были толщиной в руку, кора — твердая, как камень, а колючки — длинные и острые, словно кинжалы.

Но юные рыцари не испугались, даже не сделали шагу назад. Принц Ратмир поднял было огненный меч, но Назар остановил его.

— Тут скорее мой топор пригодится, братец, — улыбнулся он.

И ударил серебряным лезвием по жутким колючкам! Потом еще раз и еще! Колдовская лоза трещала, черные щепки летели во все стороны.

Руки принца устали и покрылись мозолями, по лбу катились капли пота. Но он не останавливался и рубил колдовскую поросль, что есть силы.

Вот одна толстая плеть треснула пополам и отвалилась. За ней — другая. Ратмир и Святослав быстро оттащили обломки в сторону. И, наконец, последняя колючая ветвь с жалобным хрустом рассыпалась в труху.

Назар вытер пот со лба и ударил обухом топора по створкам ворот. Ворота с громким скрипом распахнулись.

— Противный мелкий рыцарь! — взвизгнула от досады колдунья Оралия. — Ну, ничего. Сейчас я вам устрою! Через сад вы точно не пройдете, дрянные мальчишки!

Она трижды стукнула клюкой. И тотчас огромные побеги крапивы и чертополоха вздрогнули, затряслись, завертелись вокруг своей оси... и обратились грозным войском в зеленых доспехах.

— В бой, мои верные сорняки! — рявкнула злодейка. — Гоните прочь этих дерзких пришельцев!

И зеленые воины, лязгая усаженной шипами броней, двинулись вперед.

Но юные рыцари снова не дрогнули, только покрепче сжали оружие. Принц Ратмир встал впереди братьев и взмахнул огненным мечом.

Р-раз — и вражеский щит раскололся пополам.

Еще один взмах — и с головы противника слетает крапивный шлем.

Дз-зынь — пропела золотая стрела — и предводитель Сорняков выронил свой кривой ятаган.

Хр-русть — ударил топор! И самый здоровенный Чертополох, прихрамывая, бросился бежать.

Еще одно мгновение — и грозное зеленое войско исчезло. Остались только заросли помятого бурьяна.

— Путь свободен, братья! — воскликнул Ратмир.

Колдунья Оралия побледнела от злости и затопала ногами.

— Все равно вы не пройдете в замок! — завопила она. — И не спасете свою глупую сестренку! Вот вам мое последнее — самое страшное заклинание!!!

Она размахнулась и метнула клюку, как копье!

Полыхнула черно-синяя вспышка. Оглушительно громыхнул гром.

Клюка превратилась в молнию и ударила в землю у самых ног юных рыцарей.

По земле зазмеилась трещина. И начала расти, превращаясь в черную пропасть!

Из-под ног принца Ратмира посыпались камешки, Святослав схватил его за пояс и дернул назад, подальше от края черного провала.

— Ага-а, вот попробуйте теперь войти в мой замок! — визгливо расхохоталась злодейка, а вслед за ней и все ее гадкие дочки.

Бездонная пропасть отделяла теперь юных рыцарей от черных дверей обиталища колдуньи.

Василиса тихо заплакала.

— Что будем делать, братья? — тревожно спросил Назар.

Ратмир хмуро пожал плечами. А Святослав задумчиво качнул головой и достал из колчана золотую стрелу.

— Кажется, я кое-что придумал. Но мне понадобится прочная веревка.

Веревка нашлась у запасливого старшего брата. Юный рыцарь привязал ее к стреле, сделал шаг назад и изо всей силы натянул лук.

Дз-зын-нь!

Стрела полетела сверкающей молнией. И прочно вонзилась в тяжелую дубовую дверь.

Другой конец веревки братья надежно обвязали вокруг огромного сухого пня.

Теперь над черным провалом повис туго натянутый тонкий мостик.

Со стороны это смотрелось жутковато. А ведь принцам предстояло еще пройти по нему.

— Помните, что сказала фея? — негромко произнес Ратмир. — «Берегите любовь в своем сердце, будьте тверды и отважны». Братья, если мы в этот час забудем о себе и будем думать только о спасении сестренки — мы пройдем над пропастью!

Юные рыцари соединили ладони на удачу, и каждый срезал себе по длинной сухой ветке для балансира. А потом они вступили на узкий, непрочный мост.

Ах, как качался он под ногами! Как испуганно стучало и замирало сердце! Каждый шаг давался с большим трудом, порой принцам казалось, что тонкая веревка вот-вот вывернется из-под ноги. А предательски налетавший ветер вдруг начинал раскачивать зыбкий мост. И братьям приходилось замирать на месте, чуть покачивая балансирами, чтобы удержать равновесие.

И все же юные рыцари медленно, но верно продвигались вперед.

Злая колдунья Оралия металась по залу, как тигрица по клетке. Подбегала то к одному, то к другому окну и мстительно голосила:

— А вот сейчас вы точно свалитесь! Вот сейчас ка-ак брякнетесь в пропасть — и костей не соберете! Ага-а, покачнулись?! Так вам и надо! Фу ты, черт, опять идут дальше.

Если б злодейка могла, она бы в один миг разорвала тонкую веревку. Но, к счастью, колдунья устала, и сил на новые заклинания у нее уже не осталось.

— Проклятые мальчишки — они уже почти у самого входа! — в отчаянии провыла она.

Колдунья Оралия бессильно оглянулась. И вдруг схватила Василису и потащила ее к окну.
— А ну, кричи во весь голос! — зашипела она принцессе в ухо. — Кричи, как ты умеешь, не то я буду щипать и бить тебя больно-больно! Кричи, чтобы лопнула веревка, а то сама полетишь в пропасть!!!
Но разве принцесса могла предать своих братьев?
— Ни за что не закричу! — твердо ответила она. И для надежности прикрыла рот обеими ладошками.
— Ах ты, маленькая дрянь! — окрысилась злодейка. — Да я тебя сейчас!..
Но тут раздался громовой удар, и дубовая дверь слетела с петель. Это рыцарь Ратмир снес ее своим огненным мечом. Колдунья в ужасе завопила и выпустила принцессу. Василиса покачнулась, но сумела удержаться на окне, крепко вцепившись пальцами в раму.
Три юных рыцаря ворвались в замок.
— Ой, здрассьте! Какая неожиданная встреча! — залебезила Оралия, стреляя туда-сюда глазками и прикидывая, куда бежать.
— А я тут вашу сестренку в гости пригласила, хи-хи! Надеюсь, ей понравилось у меня. Ну, и до свидания, приятно было познакомиться.
Колдунья метнулась в угол, схватила своих дочек в охапку, топнула ногой и исчезла в облаке черного дыма.
— Братики мои родные, вы спасли меня! — повторяла Василиса, когда принцы помогали ей спуститься с высокого подоконника.
Стоит ли долго описывать возвращение юных героев домой? Они вернулись в родной замок почти мгновенно, потому что им помогла фея Орнелия.
И, конечно же, король Даниэль устроил на радостях роскошный праздник, где все гости чествовали отважных принцев. А заодно добрую фею и принцессу Василису — ведь она не испугалась колдуньи и не стала прислуживать ей.
Королевский бальный зал был украшен розами, до утра не смолкала музыка и кружились в танцах пары, а фонтаны в саду били лимонадом и молоком.
И с тех пор принцесса Василиса никогда больше не кричала и не капризничала. Правда, иногда ей хотелось повредничать. Но как только она открывала рот, чтобы завопить, так сразу вспоминала гадких колдуньиных дочек.
— Ну, уж нет! — думала принцесса. — Не хочу быть такой страшилой!
И старалась спокойно объяснить родным, что ей именно не понравилось и почему.
И все в замке Данбург стали жить счастливо.
А Василиса даже начала брать уроки пения и игры на лютне у придворного менестреля. Ведь не зря же фея Орнелия подарила ей серебряный голосок.
Только это совсем уже другая история.

Зоя ЛАЗАРЕВА, *Республика Крым, Симферополь — старший преподаватель в Институте «Медицинская академия им. С.И. Георгиевского». Публиковалась в газетах «Южана», «Литературный Крым», «Крымское эхо», в журналах «Литературный детский мир», «Отражение», «Что есть Истина», сборнике «Крымская Аврора», альманахе «Провинция».*

ЕНОЧЬЯ БОДРЯКОВАЯ

Однажды Енот пошёл в огород —
И видит Енот: там сидит бегемот,
И лапой одной держит он самолёт,
Другою задумчиво чешет живот.
«Ну, ты, бегемот!», — воскликнул Енот, —
«Зачем ты уселся ко мне в огород?
Ведь здесь же растет мне клубника в компот!
Ты что, бегемот, — идиот?!»
Смущённо ответил ему бегемот:
«Да я тут пытался чинить самолет —
Меня попросил мой знакомый койот...»
«Послушай, — ответил ему наш енот, —
Ведь есть у меня здесь отличный пилот —
Это талантливый старый кот,
Давай мы к нему отнесём самолёт!»
«Ага», — согласился тотчас бегемот,
И вместе они отнесли самолёт.
А после енот, бегемот и койот,
А также талантливый старый кот —
Летали и пили клубничный компот!

ЕНОЧЬЯ РЫБОЛОВНАЯ

Скрип-скрип — скрипит крылечко —
Это Ень идёт на речку.
Хочет рыбку он удить —
Енотяточек кормить.
Сядет Еня наш на речке
В живописнейшем местечке.
Только дёрнет поплавок —
Наготове есть сачок —
Будет рыбку подсекать
И сачком вытягивать.
Скрип-скрип — скрипит крылечко —
Еня наш приходит с речки.
А в ведёрке — вот дела! —
Где же жирная плотва?
Где же чудо-окуньки?
Где красавцы-пескари?
Там лежат волнушки,
Беленьких полкружки,
Рыжики, калина,
Вкусная малина.
Просто рыбку жалко Ене —
Плавает пусть. Непременно
Еня коль её поймает —
Сразу в речку отпускает!

Еночья мореплавательная
По волнам плывет ладья,
В ней Енот с семьёй и я.
Мы под парусом идём,
Весело вперёд плывём.
Енотята так шалят,
Что скамьи ладьи трещат.
Енотиночка в ботинках,
В шортах, майке и косынке.
Ловко наш Енот рулит —
Аж вокруг вода бурлит.
Так и плавали мы в ванне...
Пока спал ты на диване.

Наталья ШАРАПОВА, *Анапа — пишет стихи и рассказы для детей. Автор двух десятков книг. Лауреат и дипломант международных, всероссийских и региональных литературных фестивалей. Государственный стипендиат 2022 года от Краснодарского краевого отделения СЛ РФ в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

ТАПОЧКИ. Сказка

Тапочек в старом доме было много! Разного цвета и размера, они стояли у крыльца вперемешку, но это никого не смущало. Если одна из пар срывалась с места, остальные устремлялись следом. Весело перемещаться по двору они могли целый день! Иногда тапочки бежали все сразу, и казалось, что это торопится куда-то паучок, а порой шли друг за другом, напоминая гусеницу. Оживлённо топая по дорожкам, они издавали забавные звуки, будто напевали песенку. «Трал-лям-шлёп-шлёп! Тир-линь-топ-топ!» — доносилось то и дело. Глядя на их беготню, старое Крыльцо ворчало:
— Ну сколько можно бегать?.. Устанут они когда-нибудь? Угомонятся?..
Нет, Крыльцо было совсем не против развлечений, ему даже нравилось наблюдать за весёлой игрой, просто в этом году неугомонных тапочек было как никогда много, и от их мелькания начинало всё кружиться.
Крыльцо было таким же старым, как и дом, в котором жили дедушка и бабушка. Их небольшой уютный двор любили все! Именно здесь летом тапочки проводили большую часть времени.
Дедушка неустанно следил за своей территорией, ремонтируя то дом, то крыльцо, а бабушка заботилась о порядке и чистоте. Крыльцо всем было довольно!
Каждое лето в дом приезжало много гостей, к визитам Крыльцо давно привыкло: с раннего возраста оно наблюдало неизменную картину. Но в этом году всё было немного иначе. Впервые здесь находились иностранцы! Они очень отличались от привычных гостей модным фасоном и яркими цветами, но совсем не зазнавались и бегали вместе с остальными.

Вот и сейчас все тапочки дружно играли в догонялки.
— Ишь, расшалились!.. — по-стариковски ворчливо, но совершенно беззлобно пробормотало Крыльцо, внимательно наблюдая за игрой.
И вдруг... Крыльцо даже замерло от неожиданности: такого оно никак не ожидало увидеть! Пытаясь всех обогнать, серые тапочки толкнули розовые, наступили на голубые, поставили подножку пёстрым, испачкали красивые заграничные, в цветочек... И началась неразбериха! Уже совсем не весело, а суетливо они затопали по дорожкам. Каждая тапка раздражённо стучала, возмущённо шлёпала, громко шаркала, стараясь заглушить других. В результате, выбившись из сил, сердитые, они разбрелись кто куда. Иностранные гости замерли в недоумении: они совершенно не поняли, что случилось. А спросить не могли, потому что плохо знали язык. Старому Крыльцу стало очень грустно и стыдно перед ними.
— Как могло такое произойти? — размышляло оно. — Бегать вместе гораздо интереснее... Почему же тапочки рассорились?
И стало думать, как всех помирить.
Когда ночь укрыла звёздным одеялом двор, Крыльцо вдруг услышало шаги... и тут же увидело дедушку. Недовольно нахмурив брови, он шёл по дорожкам и собирал тапочки. Аккуратно составив все пары возле двери, дед отправился спать. А Крыльцо радостно подумало: «Какой молодец! Как же я не догадалось? Тапочки стоят ровными рядами, теперь-то они помирятся!»
Но каково было его удивление, когда тапочки вдруг стали расползаться по всему двору! За считанные минуты от былого порядка не осталось и следа.
— Вот вредины! — огорчённо вздохнуло Крыльцо. — Такой шанс упустили! А всё из-за упрямства! Что теперь делать?
Целую ночь старое Крыльцо не спало. Оно скрипело и стонало, размышляя о том, как вернуть в этот чудесный уголок мир и счастливый смех.
Под утро прилетел весельчак Ветер. Он гулял по полям и лугам, и от него так душисто пахло свежестью и цветами! Расположившись на дереве (как раз напротив Крыльца), с любопытством он бойко прошелестел:
— Что у вас новенького?
Крыльцо тяжело вздохнуло:
— Хорошего мало!..
И рассказало ему про ссору тапочек.
— Не грусти! — подбодрил Ветер.
Озорно насвистывая, он стал раскачиваться на ветках. И вдруг, хитро улыбнувшись, добавил:
— А хочешь, я их помирю?
Крыльцо, недоверчиво посмотрев, проворчало:
— Ты? Что ты можешь?
Загадочно ухмыльнувшись, Ветерок крикнул задорно:
— Смотри!
Смешно раздувая щёки, он пустился в пляс и подул так сильно, что деревья пригнулись почти к земле. Немного погодя над домом собрались чёрные тучи. Они были очень сердиты, потому что Ветер согнал их с перины, а там было так тепло и мягко спать! Тучи глухо рычали, грозно грохотали, зло сверкали глазами, но Ветерок только хохотал.
«Что он делает? — недоумевало Крыльцо. — Тучи и так в ярости, а он ещё больше злит их... Того и гляди, накличет беду!..»
Перепалка Ветра и туч шла долго. В конце концов, не стерпев обиды, тучи заплакали. Сначала слёзы капали несмело, а после полились в три ручья.
И тут Крыльцо почувствовало, как по нему кто-то запрыгал! От неожиданности оно встрепенулось и... расплылось в улыбке! Тапочки друг за другом забирались на крылечко, прячась от дождя под навесом. Тапочек было огромное множество! Чтобы всем поместиться, им пришлось тесно прижаться друг к другу.
— Полосатые, двигайтесь ближе, а то чего доброго промокнете! — заботливо заметили серые.
— Придвиньтесь ещё чуть-чуть, цветные не помещаются!
Слушая их, Крыльцо млело от удовольствия. «Совсем другое дело! — ликовало оно, внимательно следя за происходящим. — А Ветерок-то здорово придумал! Молодец! Надо будет обязательно его поблагодарить!»
Уютно расположившись, тапочки весело болтали.

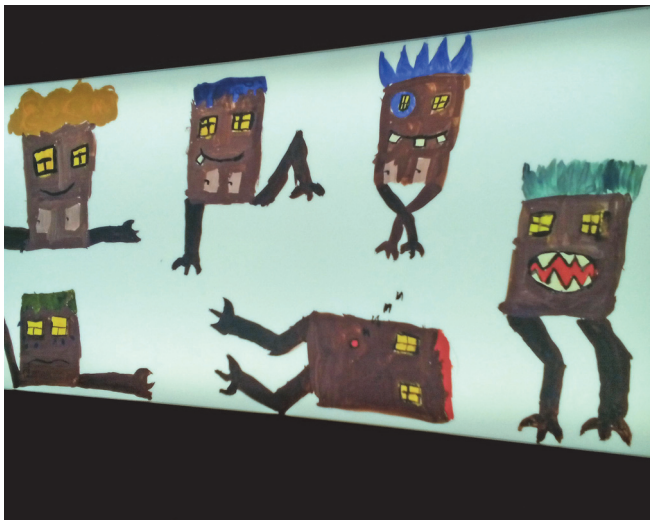
— А почему мы поссорились? — неожиданно спросили зелёные. — Нам так хорошо всем вместе!
— Действительно... — задумчиво пробормотали тапки в клеточку и добавили: — Признаться честно, на дорожке стоять одним было очень скучно!
— Нам тоже! — закивали пёстрые.
— Это мы виноваты!.. — вздохнули серые. — Друзья, простите нас!
— Все мы хороши! — отозвались красные.
— Давайте больше никогда не будем ссориться! — предложили тапочки в цветочек.
И остальные с радостью согласились!
Когда Ветерок убедился, что выполнил обещанное, он улетел, крикнув на прощание Крыльцу:
— До встречи!
Обрадовавшись, что их оставили в покое, тучи тут же перестали лить слёзы и вернулись на свои перины. Им срочно требовался хороший сон! Солнышко быстро навело порядок, высушило двор и теперь с улыбкой наблюдало за весельем тапочек: сегодня они играли в пятнашки. Под их резвый топот старое Крыльцо безмятежно дремало. Оно было очень довольно, что тапочки помирились. Ведь Крыльцу было хорошо известно, что только настоящая дружба может подарить неподдельную радость и безграничное счастье... И это так здорово!

Валентина МУКАСЕЕВА, *г. Кумертау, республика Башкортостан* — *«В моей жизни есть две страсти: литература и коллекционирование. Преклоняюсь перед советской литературой и коллекционирую предметы этого периода. Считаю, что по-прежнему искусство должно служить людям, быть приближено к ним и отражать их духовные поиски». Государственный стипендиат 2020 г. в номинации «Талантливый молодой автор России».*

ПОЛЕЗАЙ В КУЗОВОК

Наступила осень. А какая она, осень? Она то тусклая и плаксивая, настоящая царевна Несмеяна, то величественная, яркая, богатая, точно красавица Василиса Премудрая. И вот эти две героини спорят друг с другом, какой погода будет: дождливой или ясной. После череды дней, когда на дворе хозяйничала царевна Несмеяна, пришла яркая красавица Василиса Премудрая. Она теперь показывала свои золотые и багряные наряды, на огородах восхищалась урожаем. Как раз в такой-то день дедушка взял внучка по грибы.
— Пойдем-ка, внучок. Старые места проведаем. Знаю я один лесок, там груздей видимо-невидимо.
Нашли дедушка с Сережей ведерко и перочинный ножик. Сели они в старенькую машину. Едет машина по гравийной дороге, подскакивает, лужи колесом разбрызгивает.
Приехали. Березовая просека идет, а рядом пруд, заросший ряской. Выбежал Сережа из машины и побежал посмотреть, где бобры нору выкопали, где можно карася поймать. А дедушка пошел по просеке, крикнув внуку:
— Догоняй!
Осмотрелся Сережа и побежал за дедушкой. Видит внучок, а дедушка наклоняется, грибы срезает, ногой по листве шаркнет, а из-под листвы гриб выскакивает.
Сережка в одну сторону глядит, в другую — нет грибов. Злится мальчик. Он понять не может: как же так, дед-то полуслепой, в очках газету читает, а грибы все видит.
— Дедушка, — спрашивает внучок. — Как ты грибы находишь?
— Иду и смотрю внимательно, так и нахожу. Ты тоже иди спокойно, листву глазами обводи, и найдешь.
Пошёл дедушка дальше, а Сережка вперёд него побежал. Сейчас, думает, я впереди деда побегу и грибы раньше него соберу. Бежит Сережа быстрее ветра, глазами стреляет, а грибов нет. Приуныл он тогда, пошел к дедушке.
— Дедушка, ты, наверное, слово волшебное знаешь, если грибы находишь. Говорил ты мне, чтоб день удался, надо со словами «помоги, Боже» вставать. А для грибов тоже, наверное, слово заветное есть. «Наверное, насмехается дед надо мной», — подумал Сережа. Но сам этого не увидел, борода у деда была. Но по искоркам в глазах догадался мальчик.
— Что, смеёшься? — обиженно спросил внучок.
— Да ты что, родной! Нет, конечно, — отвечает дедушка. — Но помочь тебе я могу. Есть у меня один знакомый, он тебя грибы собирать научит.

— Кто это? — спрашивает внучок.
— А сейчас увидишь.
Встал дед на колени, снял шапку и свистнул три раза с подсвистом. Потом три раза вокруг себя обернулся. Зашуршала здесь листва, лес зашумел. Испугался Сережа, спрятался за березку и стал смотреть, что дальше будет. Вырос тут из-под земли прямо перед дедушкой Старичок-Боровичок. Сам маленький, одеженка у него белая, а на голове шляпа с полями красная, большая.
— Здорово, Владимирыч, — говорит Старичок-Боровичок.
— Здравствуй, — говорит дедушка.
— В лес пожаловал? — спрашивает Боровичок.
— Пожаловал. Хотел с внуком грибов набрать.
— А где ж он у тебя?
— Спрятался. Сережа, поди. Познакомься.
Вышел Сережа, поклонился Боровичку.
— Здрасьте, — говорит.
— Хорош у тебя внук, — говорит Боровичок. — На моего младшего Маслёнка похож. Много, Сережа, грибов набрал?
— Ничего не набрал. Найти не могу, — отвечает Сережа.
Взял тогда старичок дудочку. Заиграл музыку сначала веселую, задорную, потом грустную, мелодичную. И на музыку рядками пошли грузди, придерживая шляпки, на одной ножке, мягко шурша по листве. Собралось их на поляне видимо-невидимо. Сережа обомлел, смотрит на них и сосчитать не может.
— Видишь, сколько в лесу груздей? — говорит Боровичок.
Хотел было Сережа быстрее их посрезать да в ведёрко положить, но Боровичок его остановил.
— Так ты грибы не научишься собирать. Теперь смотри, как они прячутся.
Свистнул Боровичок, и побежал один груздь к березке, листвой прикрылся, только маленький бугорок остался. Второй под корягу залез, третий на шляпку листок положил, и не заметишь. Разбежались все грибы. Стоит Сережа на полянке в задумчивости.
— Что же стоишь, увидел, как они прячутся? Теперь ищи.
Побежал Сережа к березке, листву ногой отодвинул, а там груздь. Режет его мальчик, а грибок хрустит, под шапочкой нежная розовая бахрома.
Побежал мальчик к коряге. Поднял её, а там целая семейка укрылась. Посрезал их Сережа. Идет дальше мальчик, глазами лес обводит. Где один грибок, там и второй. Набрал ведерко Сережа, к деду обратно пошел.
А дедушка с Боровичком у берёзки присели, разговаривают. А разговор ведут о том, что, мол, в лесу сухостой надо убирать, да про пожары лесные, да про куниц и бобров. Увидели они мальчика, спрашивают:
— Грибов набрал?
— Да, — отвечает Сережа. — Я теперь понял, как они прячутся.
— Так прощаться давай, в лес приходи да ведерко приноси, — сказал Боровичок.
Только попрощались они с Боровичком, как тот исчез под землей.
— Дедуль, дедуль, а ты еще много волшебников знаешь? — спрашивает внучок.
— Так весь лес и есть сказка, — отвечает дед. — Вся природа — это волшебство. Есть жизнь, значит, есть и чудотворство.

МОСКОВСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ

Мария МИРОНОВА, *секция «Духовная литература» — поэт, литературовед. Публиковалась в сборниках: «Нам не дано предугадать...» (Нью-Йорк); «Литературное творчество и наука. Пересечения. К 30-летию Союза литераторов Российской Федерации»; в альманахе «Словесность» в журналах: «Наше наследие», «Australian Slavonic and East European Studies (Мельбурн), «БЕГ» (Санкт-Петербург), «Невечерний свет/Infinite» (Санкт-Петербург); в газетах: «Московский университет» (Москва), «МОЛ» (Москва); на сайтах: «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...» (poesis.ru), moljane.narod.ru, litiz.ru, kassandrion.narod.ru, www.literator.moscow. Недавно вышла четвёртая книга стихов — «Январское солнце. Стихотворения» (М.: Москва, 2022. — 212 с.). Государственный стипендиат 2008-2010 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России». Координатор секции «Духовная литература».*

ИЗ ЦИКЛА «ЧЕРТА»

ЦВЕТАЕВА И АХМАТОВА

Что́ же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

М. Цветаева. Поэт, 3. Что же мне делать, слепцу и пасынку...

О! как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.

М. Цветаева. Минута

Есть в близости людей заветная черта...

А. Ахматова. Есть в близости людей заветная черта...

Оставить дело —
Свой бессменный пост,
Прикованных титанов кросс,
Уйти во тьму
Без грима верных слов,
Едва кивнув,
Очаг не строить больше никому,
Нырнуть
С чужих весов
В рассол свобод —
Иных, бессмертных, мук,
Отнять себя у ревностно любимой,
Даримой, зримо, впрок, на алчущие зимы
Натопленной до самой сердцевины,
Древесной, пешеходной и повинно

Поимой
Бездною зрачка
Земли,
У смерти в срок, невидимый в пыли;
Одной душе, в неё одну трубя,
Отдаться, отвратиться от себя,
От духа, перекроенного в нрав;
Раздав себя, распяв, разъяв,
Намеченной разлукой подавиться,
Нарочно, под запрет, оборотиться,
Себя, как Эвридику, потерять,
Чтобы скорее,
Орфеем
Выйдя из глухой темницы,
Поворотить сюда опять,
Довыморочив круг, его изъять,
Всю геометрию изъять из обращенья,
Теперь уже вернее
Слиться
С не забывающей Психеи
Тенью
В одно ядро сплошного обретенья
Частицей каждой для сквозных радений
Вакханками разорванного тела,
Вернуть имущество любви — долги,
Нигде ни в чём не видя завершенья
Единства нерушимого с другим,
Как первого, исконного решенья.
Что б поучиться у иного разуменья! —
Вне меры, но с границей на замке,
За ней она одна в своей одной реке.
Чертог черты. Как в лавровом венке,
В магическом обрядном круге
(Его разрывы — вдохновенья слуги),
В укромном одиночества уюте,
Который листья прорастит на прутьях.
И двери тут готовы отворяться
Не от безмерности, и так раскрытой настежь,
Без всякой оприходованной снасти,
Вещам, и рощам, и ветрам, и страсти, —
Но по капризу собственной напасти,
Что силу расковать когда-то угораздит,
И Музы кроветворному участью.
Вот так природа разделила бремя:
Одной — разверстый дом души,
Решившейся лететь за призраком *безвремья* —
Не претыкаться более о жизнь
(Давнишнее довлело искушенье),
Исследуя угрюмую мечту,
В надежде смыть все страхи, грани, меры,
Стереть собой последнюю черту,
С размаху меч прияв как смертную тщету:
Не ей он принесён, она здесь вольно, —
Как будто крикнула кому-то: «Пэт, не больно!»*
Другой дала простой венец солдата,
Дежурного при даре песнопевца;
От времени повадки бесноватой
Скрывалась в крипте сводчатого сердца,
Его ласкала, как птенца под ватой,
И оставляла раненым — для вести —
В черте оседлости поэзии возвратной
И, через Музу, с Данте по соседству.
Точёность геммы, *сор* несёт детали —
На средней линии к ней ангелы воззвали.
Две сребroустые из одного расклада,
И обе — о черте, о мере и пределах,
И обе так мучительно крылаты:
Одна — Икар в желанье оголтелом
Единства с солнцем —
Да не вышло с телом
На выжженном пути обратном.
Другая — тоже с демоном Тамара,
Природница за профилем помпезным,
С родной страной, рассвирепевшим мавром,
Повенчанная обручем железным.
Себя питала впрок всеобщим даром,
В ответ ему прореживая дебри,
Везла от места гиблого отару

* Жена римлянина Кекины Пэта, которому угрожала смерть за участие в заговоре против Клавдия (42 г.), Аррия, чтобы вселить в него мужество для добровольного ухода из жизни, первая вонзила его кинжал себе в живот со словами «Paete, non dolet!» («Пэт, не больно!»).

И незаметно научилась гребле*.
Певучая душа, лети в себе, и целься,
И звучным словом достигай единства,
И меру знай, и знай за это цену —
Единственный уйдёт,
А дальше — можно списком.
А если меры нет и нет её обетов,
Тогда несчётны раны на крылах,
И сердце будет вечно впопыхах,
И оскорблённый друг наденет фрак
И сядет в одноместную карету.
Пусть будет всё, что следует за этим,
За исключением крюков и петель:
К освобожденью путь всегда в шипах.
И пусть очерчены твои границы,
И пусть безмерно рвенье к высоте —
Твой абсолют не здесь.
Здесь — только души в лицах.

«МОНА ЛИЗА» В ЛУВРЕ

Когда вблизи — втираешься в доверье
Подрагиваньем век, и рук, и губ;
Пангеи многоумной дуновенье
Коварно втянет в свой волшебный куб
О, ящерицы взгляд из этой рамы!
Привык ты соблазнительно вползать,
Не сняв к лицу приросшее забрало, —
Искусство принял мир за образ*а*.
Но здесь ты далеко и не вглядеться;
Толпа бурлит и крик: «Passez, passez!»**
Ты удалиться хочешь и из сердца,
В Медузу превратившийся Персей?

ИАКОВ

Юн и изнежен, украл — на усобицу —
Благословенье отцовой любви.
А возмужавший Иаков поборется
С Ангелом Неким: «Благослови!».
Силой ли, хитростью выбить призвание,
Жертвою хитрости стать самому:
Двадцатилетнею службой осваивал
Подвиг смиренья у тестя в дому.
И сыновей ужасаться жестокости,
И об Иосифе правды не знать,
Быть им спасённым, всем домом, без гордости,
Сыном любимым и нежным, как мать.
Неба врата зрел как лестницу ангелов,
Благословил все двенадцать колен,
Богу доверился сразу и набело.
Значит, действительно благословен.

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ЦИКЛА

I.

Вещественность Древнего Рима,
По-волчьи воинственна знать:
Быть первым волчицы сыном,
И век золотой накинуть
Сетью на вольные спины,
И сердце трезубцем достать.
Безумный запал Колоссео
В его травертине горит,
Бешено, злобно, прицельно
Усваиваясь в монолит,
Так, чтоб хвост усмиряли ножны***,
Пока желтеет арена
И в красном зиянии кожи
Жизнь убегает из плена.
И в дыру Пантеонова чуда,
В гордый купольный глаз повивальный,
Хлещет дождь из-под вышнего спуда,

---

* «В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шёпотом):
— А это вы можете описать?
И я сказала:
— Могу.
Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было её лицом» (Анна Ахматова. «Реквием». Вместо предисловия).

** «Проходите, проходите!» (фр.)

*** В языческой культуре змея, кусающая свой хвост, — символ вечности.

Влагу жертвенную замывая.
Трудно ль это — взывать «авва, Отче!»
Там, где голос Христа заглушаем,
Где Его заменил «переводчик»,
Все соблазны приняв с послушаньем?
Но *святое одно* мироточит.
Продолжают апостолы речи
И в молитве языческой ночью
Всё стоят, как зажжённые свечи.
IV.
Дворцовый в аркадных пелеринах,
Каналов тянется нуга,
А в антрацитовых маслинах
Скопился солнечный нагар.
Касаясь дня резным крылом,
Нестись над водной серой массой,
Скользнуть в Лидо цветной излом,
В дрожь Адриатики вмешаться.
И терем, пряницы* печать,
В базилике узнать разлатой,
И каждым островом стоять,
Как лучшей в тереме палатой.
Разбавить жар голубизны:
В оливковых тенях теряться, —
Из их столпотворенья взмыть
На свет счастливых декораций.
Бурано двери растворил
На улицы, как на ладони,
И кружевницам хватит сил
Плести псалмы Святой Мадонне.
Над мрамором прозрачно-пряным
Торчелло пальцем роет высь,
И выдыхается Мурано
В стеклянно-пламенную слизь.
Куда же эти львы смотрели,
Что дали сладко разбрестись
Коням с роскошной карусели,
Сан-Марком выгнанным пастись?

А вапоретти** небо спешно
Гнут в прозаической воде,
И отвечают волны грешно,
Что, мол, они уже не те.
Накинет все в зацепках шали
Аквамариновая гладь,
И дожи во дворце решают,
Кого до смерти чаровать.
Мария дарует у входа
Спасенье до конца пути...

Но всё по водам, всё по водам
К тебе, Венеция, идти.

Секция «КЛУБ ИМЕНИ ДЖЕРРИ РУБИНА»

Пётр ПОНОМАРЕНКО, *Москва, секция «Клуб имени Джерри Рубина» — студент ВГИКа, снимает фильмы, в том числе — анимационные, участвует в творческих фестивалях.*

СКАЗКА О РОБОТЕ

Жил да был на свете мастер. Он любил создавать всё и из всего. Он пытался сотворить что-то похожее на себя. Так скопил множество своих творений на полке.

Однажды, мастер создал робота. Тот ничего не умел, кроме как ходить. Создал он его с двумя ногами, двумя руками, телом и головой. Создал и поставил на полку к остальным своим творениям.

Долго робот стоял среди своих братьев, и все они наблюдали за тем, как мастер вновь создаёт им друга. Мастер смазывал робота каждый день и со счастьем наблюдал, как тот ходит. Все были счастливы вместе. Мастер творил, а остальные стояли на полке, наблюдая в тишине, как скребется мастер.

Но в один день мастер ушёл и не вернулся. Несколько дней, недель, месяцев ждали творения своего мастера. Творения думали, что их мастер вернётся, протрет их и полку. А робот верил, что мастер смажет его маслом и будет он, как новенький. Но мастер не возвращался.

* Пряница, или пряничная доска, пряничная изложница, — деревянная форма, куда помещают тесто, с вырезанным на ней обратным рельефом (контррельефом) для создания отпечатка на пряниках.

** Vaporetti (ит.) — речные трамваи, букв. «пароходы».

Полки за месяцы покрылись пылью, покрылись пылью и творения. И, наконец, всем надоело ждать. Они решили, что им не нужен мастер. Они могут жить и без него. Творения отреклись от него и решили жить на полке и дальше — дружно.

Робот без мастера жить не мог, рано или поздно он бы заржавел и перестал бы двигаться. Он решил уйти от остальных. Робот сделал несколько шагов и упал с полки. Затем он поднялся и пошёл к двери.

Пройдя через дверь, Робот оказался в дивном мире, которого прежде не видел. Робот не знал, куда ему идти или где его мастер, поэтому он пошёл вперёд, доверившись судьбе.

Только Робот покинул дом, как оказался в лесу. Огромные деревья окружали и нависали над ним. Ветер раздувал их листву, отчего казалось, что деревья хохочут. Робот, не спеша, шёл вперёд, как вдруг остановился. Перед ним предстал Медведь.

— Вкусный ли ты? — спросил грозно Медведь. — Дай я тебя съем.

— Не ешь меня, а то худо будет, — сказал Робот.

Он накинулся на Робота и попытался прокусить, но зубы медведя разбились о тело робота. Медведь заревел. А робот лишь пошёл дальше, игнорируя медведя.

Пройдя лес, перед ним открылись горы. Робот шёл неспешно, обходя каждую кочку. Тем надоела его осторожность, и они решили напасть на него. Каждая кочка прыгала на Робота, стараясь сбить его в пропасть, но робот лишь шёл. Тогда огромный валун прыгнул на гору и завопил.

— Стой, где стоишь! — крикнул он. — Я собью тебя! Никто не смеет проходить горы без моего разрешения!

— Не сбивай меня, а то худо будет, — сказал Робот.

Валун фыркнул и покатился с горы. Он сбил робота в пропасть, и они вместе начали падать. Долго падали Робот с камнем, может несколько дней, а может — несколько недель. И вот, наконец, они упали. Робот лишь немного отскочил от камней, получив вмятину, а Валун разбился вдребезги о своих братьев.

Шёл Робот по ущелью и вышел, наконец, к Пустыне. Жара и ветер хлестали его. Песок засорялся в его шестерёнках, мешая ему двигаться. Ржавчина полностью поглотила его тело. Робот все шёл, невзирая на то, что он еле-еле мог переставлять ноги. Ведь идти это всё, что он умел. Но природа была неутолима: ветер сбивал его с ног, а песчаные сугробы поедали его, засасывая под землю. И наконец природа сломила его. Робот упал и отчаялся больше не найти мастера.

— Я превращу тебя в песок, — сказало солнце, и рассмеялось.

Робот не знал, что ответить, он был готов обратится пылью. Но в тот миг его подобрал кто-то. Робот сразу узнал знакомые руки и обрадовался. Это был его мастер.

— Нет! — крикнуло солнце. — Он — моя добыча!

— Полно тебе, солнышко, — сказал Мастер. — Не вставай на пути у ищущего.

Он отнёс его в свой новый дом, смазал, очистил от ржавчины и посадил за стол, за стол к его новой семье. И жили они долго и счастливо. А те, кто решили остаться на полке, вскоре жили среди пауков, их паутины и пыли, и через несколько лет сами стали пылью без своего мастера.

Василий ЧЕРНЫШЁВ, *Москва, самый молодой председатель секции в МОЛ СЛ РФ — возглавляет «Клуб имени Джерри Рубина». Участник Московского поэтического Слэма. Публиковался в альманахе «Словесность» и газете «МОЛ». О себе пишет: «Родился в Москве. Ни разу не дрался. Учился на химфаке, перешел на журфак. Четыре брата, три сестры, собака и кошка. Урал, Байкал, Хибины, Крым».*

МОСКОВСКОЕ

проснулся — муха бьется о стекло,
капель, мотор и пыльный подоконник.
на улице безлюдно и тепло:
последний снеговик, последний дворник,
всё вертится в тяжелом дежавю:
сырой бульвар, капельное стаккато
и на заборе надпись i love you —
признание в любви без адресата.

ЖУК

Я никуда конкретно не стремлюсь,
От жизни в общем ничего не требую.
Сегодня пятница, и я пойду напьюсь.
А впрочем, хоть среда, я всё равно так сделаю.
Я принципы оставил в пятом классе,
Когда я насекомых рисовал:
Я насекомых рисовать был мастер,
Но за домашку мне влепили «два».
Классуха старая, по прозвищу Боярский,
С усами шелковыми, как у Д'Артаньяна
Решила, что мой жук блестящий майский
Был вероломно нарисован мамой.
С тех пор мне стало впадлу что-то делать,
И всё к бутылке тянется рука.
Но иногда, весной, я на асфальте мелом
Рисую маленького майского жука.

* * *

Невидимый негр играет мне джаз.
Невидимый негр на белом снегу.
Мне бы хотелось отсюда сбежать,
Но как я по этому снегу сбегу?
Кафе закрывается, кончился джаз.
Кафе покрывается снегом и льдом.
Клубится метель, словно дым «Голуаз»,
И негра под снегом увозят в дурдом.

ЛЕТО В РЕДАКЦИИ

Мое лето, мой сладкий, как груша, июль,
Мой обещанный отдых, мой запах реки,
Горы, велосипед в подорожной пыли,
Васильки, огоньки, светлячки, мотыльки —
Все свернулось. Недóпитое молоко,
Разленившийся кот в станционной глуши,
Крови бусина на рассеченной губе.
Диктофоны хрипят, будто просят воды.
Под асфальтовым жаром цветы на окне,
Уронили засохшие головы, спят.
Было лето, был сладкий, как груша, июль
На страницах (как будто чужих) дневников.
На столе диктофон, авторучка и пыль;
Между рамами горстка сухих мотыльков.

* * *

Лежу на паркете в квартире отца,
Листаю журнал в ожидании отца.
На кухне чирикают птицы отца,
Летают и гадят на стулья отца.
А что если все станет, как у отца?
Собака и тапочки, как у отца?
И голос, и волосы, как у отца?
Нет, Боже, избавь от такого конца.

Вера КАЗАКОВА, *Москва, секция «Клуб имени Джерри Рубина» — стихи пишет с 12 лет, принимала участие в выездном мастер-классе по программе «Новые имена». Училась в Литературном институте на отделении «Поэзия». Государственный стипендиат в номинации «Заслуженный деятель культуры и искусства» (2021). Недавно издала первую книгу «Базовое чувство недоверия».*

* * *

Снова светом янтарным призывно горят дома.
Воздух влажен и свеж, весенний, совсем не зимний.
Снова кажется мне — я тихонько схожу с ума
От безумного взгляда капризного Серафима.
Он невидим, бесплотен, всесилен и неудержим.
И внимателен взгляд, совсем как Большого Брата...
Я теряю секунды, минуты, ломаю режим.
И не знаю что будет — награда, а может расплата.
Много ангелов разных, но этот совсем другой.
Он хранит не меня, я зловещие чьи-то тайны.
Я молю: засыпай, ненадолго глаза закрой
Или просто на миг отведи от меня их случайно.

ПИТЕРСКОЕ ЛЕТО

Летят клочки по закоулочкам —
Пух тополиный словно кролики.
А мне милей французских булочек
«Калитки» в Пироговом дворике.
Морей лазурных, солнца крымского
Я не хочу. Я видеть рада
Песчаный пляж залива Финского
С его балтийскою прохладою

* * *

Чьи-то тени сидят у костра
И о чем-то поют еле слышно.
Они были живыми вчера,
А сегодня под звездною крышей
Погрузились они в тишину
И неясную зыбкую вечность.
По привычке их тянет к огню.
По привычке, такой человечной.

ДЕДЛАЙН

Ложек нет, остались только вилки
И тарелок чистых тоже нет.
С края ванной мутные обмылки
Шлют с утра печальный свой привет.
И пустой промозглой белой бездной
Холодильник смотрит на меня.
В нём искать продукты бесполезно,
Даже с фонарем средь бела дня.
Кактусы засохли безвозвратно,
Даже тараканов в доме нет.
Ковролин в каких-то липких пятнах,
Но я к сроку выполнил проект.

* * *

Утро опять начиналось не с кофе,
В офисе пахло валокордином.
Все в ожидании катастрофы –
Вышла с больничного злая скотина.
Нервно курьер убегает на почту,
Хмурят дизайнеры бледные лица.
Каждый мечтает уволиться срочно
Или сквозь землю быстрей провалиться.
Думает каждый, что эти недели
Счастливы были мы все неприлично.
Отпуск начальству желают несмело
Или еще один длинный больничный.

* * *

Никуда не уеду из этой страны.
Просто так, никуда не уеду.
Меня держит не долг и не чувство вины,
Не пугают грядущие беды.
Просто больше нигде я не вижу себя
И другой стороны я не знаю.
Я живу здесь, Отчизну, упрямо любя,
Каждый день лишь её выбирая.

СТАРАЯ ШКОЛА

Борис ИЛЮХИН, *Москва — художник, поэт, педагог. Возглавляет секцию «Старая школа» СЛ РФ. Автор книг стихов, публиковался в газете «МОЛ», альманахе «Словесность», на литературном интернет-портале «Русский переплёт». Член-корреспондент Национальной академии филателии. Его картины хранятся в музеях Испании, Италии, Германии, Швейцарии.*

ПУСТОЦВЕТ

I
Приспичило когда-то в мирозданье
Беспечным попечителям земли,
В деревне под какой-то там Рязанью,
Вдали столиц и кабаков вдали,
В берёзовой ватаге без прозванья,
Где и цветы-то блёклые цвели
Для вящей жизни пробудить мальчишку
Красивого и умного не слишком.
II
В головке от рожденья золотистой
Метался часто ветерок с полей,
В глаза втекал свет бытия пречистый,
А в слух молва синиц и журавлей,
В церквушке деревенской неказистой
Внимал он, плача, тропарей елей,
Вникая в лад и магию распева,
Как в светоч нисходящий крона древа.
III
Как кобели весной по зову сучью,
Он тоже на девичий зов спешил,
Познав уже, как жадно сладкозвучью
Внимают девушки в ночной тиши,

Платя порою каждому созвучью
Куда как щедрым трепетом души.
А кто не знает, как весенней ночью.
Душа за песню расплатиться хочет.
IV
Но хоть он был в деревне первый парень,
А всё не покидала его спесь...
И вот в столице он, одет, как барин
И трость есть у него, и шляпа есть,
И кабаки, где он в хмельном угаре
Всю жизнь свою готов истратить днесь.
А в жадный слух уже втекает слово
Сладчайшее, хоть отравить готово.
V
В насмешливо-высокомерном свете
Он златоустствует, как Аполлон,
У барынь похотливых на примете,
И в каждую сам чуть ли не влюблён.
Мечась в силках восторгов междометий
Себя бездумно расточает он
Не сетуя, что ядовитой славы
Стяжает тяжкий жребий у державы.
VI
Всё реже вспоминая мать-старушку,
Он всуе обращался к ней в стихах,
Припомнив ли в созвучии, как Пушкин
Старушек звал за совесть и за страх
Опорожнить одну-другую кружку,
Как меж поэтов повелось в веках
По осени, когда тоска и слякоть
И хочется стреляться или плакать.
VII
А между тем собратья подмечали
Как дивно истончался его дар.
Хотя он все восторги и печали
Не из столичных вынес кулуар.
Но столько дерзкой прелести впитали
Поэзия его и страсти жар,
Что все, кому чутьё и вкус не чужды,
Искали у него любви и дружбы.

VIII
Искусный поводырь и соглядатай,
Сыскался друг, мудрец и острослов.
Пусть вовсе не красив и не богатый,
Но дружба — это больше чем любовь.
Как опытный советчик и вожатый,
Он разделял и кошелёк и кров,
А про себя считал, что даже славу
С приятелем делить имеет право.
IX
Отечество меж тем в кровавой смуте
Крушило самобытный свой уклад,
Ломая человеческие судьбы,
И будущее обещало ад.
Герой же наш был не боец по сути
И чтоб не сгинуть меж жестоких стад
Купил себе за деньги право жизни
За тем, чтобы потом воздать отчизне.
X
И, оставаясь в стороне от смуты,
Он бытовал среди немногих тех,
Кто не терпел лишений ни минуты
И ждал от жизни для себя утех;
Ведь жизнь всего одна, а люди — люты,
А все они ранимы, как на грех.
Но стоит ненадолго затаиться —
Гроза пройдёт, а жизнь-то длится, длится.
XI
Да, не стяжал герой наш ратной славы,
Неволи и недоли избежал,
Не рассудил, кто меж неправых правы,
Но испытал все прелести кружал.
Не умер от любовной он отравы,
А, как ему казалось, возмужал,
Да так, что и нашёптанное свыше
За воркотнёй подруг мог не расслышать.
XII
Но пестуны небесные беспечно
Вели его в какой-то парадиз,
Куда войти кому как ни увечным,
И не попасть без их незримых виз.

Туда-то, словно к станции конечной,
По жизни восходя, катился вниз
Поэт, готовый стать в темнице светом
В те времена, когда не до поэтов.
XIII
Помыкавшись в богемных кулуарах,
Устав от лести и сердечных смут,
Решился он уехать, ведь недаром
В романах все куда-нибудь бегут.
Держава хоть и маялась в пожарах,
Да и народец стал к друг другу лют,
Однако пилигрим беспечно верил,
Что люди, хоть козлы, а всё ж не звери.
XIV
Охота к перемене мест конечно
Прославила в иные времена
Людей добрейших, но душой увечных,
Искателей то ветхого руна,
То неких дульсиней не безупречных,
То непосильных нош на рамена.
И наш герой пустился в одночасье
На поиск то ли славы, толи счастья.
XV
Столичная известность между прочим
Его давным-давно обогнала.
Так, словно к славе нет пути короче,
Чем совершать скандальные дела.
Провинция теперь смогла воочию
Увидеть петушка, а не орла,
И убедиться, как снискавший славу
По праву может не всегда быть правым.
XVI
Но принят пилигрим наш был без жалоб,
Как искони ведётся на Руси.
Поклонников одно лишь поражало,
Что наш поэт, о чём ни попроси,
Искать ответов приведёт в кружала.
А истина-то, господи спаси,
Разлита там уже по всем сосудам,
А внявший, если не Христос, так Будда.
XVII
Диковин же на два-три дня хватило,
И вот уж заскучал наш пилигрим.
Меж тем с него и чопорность сходила
И некой респектабельности грим,
А детской непоседливости шило
Сверлило мозг, — Чего мы здесь сидим?
И вот уж облегчённо, но без жалоб
Богема его дальше провожала.
XVIII
А дальше что? Когда спешишь без цели,
А местных и знакомых нет примет
Найдёшь ли край, желанный в самом деле,
Который сир, когда тебя в нём нет,
Где, позабыв мирские канители,
Пожить безвинно, как анахорет,
Забыв мирские страсти и напасти
В блаженно-детском ощущенье счастья.
IXX
И долго он неведомо куда
Неведомо зачем ещё стремился,
В стихах перевирая города
И страны, где никак не пригодился.
Но так как жил без явного вреда,
То бог бы с ним! Но жалко, что не сбылся.
А жизнь-то продолжается, и что ж —
Ответишь сам себе — зачем живёшь.
XX
Да-да, пришла пора душевных смут,
А мудрость не пришла, и ждать нет смысла.
Свои, уже чужие, люди ждут,
Когда истратит он триумфов числа.
Придёт нелестного забвения уют,
И будет он уж не в деревню выслан,
А в те края, где тишь да благодать,
Которых никому не избежать.
XXI
И всматриваясь в будущую жизнь,
Он не находит для себя местечка
Иначе как в молве кабацких тризн
Да в трепете девичьего сердечка.

Осталось пить до положенья риз,
Здоровье и сознание калеча,
И в отражение зеркал не узнавать,
Кто там такой, откуда и как звать.
XXII
Пришла пора; бесстрастный попечитель
Невзрачный оттиск стёр в единый миг,
Как со скамейки след подошвы вытер
На переправе лодочник-старик.
Какой такой ещё найти эпитет,
Чтоб неофит живой пример постиг
И драгоценность бытия некстати
Бездумно и бессмысленно не тратил.

Татьяна ЦАРЁВА, *Москва, секция «Старая школа» — автор 7 поэтических сборников, лауреат I степени в номинации «Автор» Всероссийского конкурса «Остафьевский родник» в рамках культурного форума «Музы на Русском Парнасе».*

ИДЕАЛЬНЫЙ МИР

Я придумаю мир, где не будет ни войн, ни раздоров,
Мир, где солнце встаёт, освещая в долинах цветы,
Где счастливые люди неспешно ведут разговоры
За работой и трудятся до темноты.
А когда зажигаются в небе неяркие звёзды
Расставляют столы, а на них — немудрёную снедь,
И беседуют снова — о будничном и о серьёзном,
Чтоб потом разойтись по домам
сны цветные смотреть.
В тех домах очаги, где трещат так уютно поленья,
И на окнах цветы, скарб нехитрый —
лишь стол да постель,
И, порой, кое-где раздаётся негромкое пенье —
Это пары влюблённых баюкают сонных детей.
Над тем городом Ангел простёр свои белые крылья
И читает молитву всего лишь из нескольких слов,
А на утро молитва привычно становится былью —
Мир и лад, и любовь, да ещё хлеб насущный и кров.
Только где же тот мир,
мной придуманный в свете лампады?
Затерялся, должно быть,
средь разных жестоких миров...
Ведь для счастья, по сути,
не так уж и много нам надо —
Мир и лад, и любовь, да ещё хлеб насущный и кров.

Татьяна ГОРДИЕНКО, *Москва, секция «Поэзия» — лауреат многих международных литературно-музыкальных фестивалей и конкурсов. Постоянный автор альманаха «Словесность».*

* * *

Вновь весенние дожди
омывают цвет акаций,
силуэты гибких граций
с белым цветом на груди.
Вновь весенняя пурга,
лепестков нежнейших буйство —
прикоснись, вдохни, любуйся,
как невестится ирга.
Посмотри, как нежен цвет
у японской дикой вишни,
как расщедрился ранет
на цветущий купол пышный.
Вновь морская бирюза
леденцом на солнце тает...
И душа моя летает,
словно в небе органза.

Скоро лето, скоро зной,
скоро дальняя дорога.
Не задерживай, тревога,
пассажирский скоростной!

Василий ГРУБОВ, *Москва, секция «Старая школа» — публиковался в альманахах секции «Старая школа» «Весна», «Парад планет», «Времена года», «Канун Покрова». Автор книги стихов «Потайной родник».*

КАРАНТИННОЕ

Повсюду слышен плач, да стон
Взывания слышны и «требы».

А можно видеть из окОн
Весну, да синий купол неба...
Рассветов чудных благодать
И краски жаркие закатов;
Жизнь таковою принимать,
Несуетно и непредвзято.
Светло да истово молясь,
В канун Христова Воскресенья,
Гнать из души и сердца «грязь»,
Не пряча слёзы очищенья.

Лада БАЛАМУТ, *Москва, секция «Старая школа» — дочь известного поэта Михаила Николаева. С 15 лет занимается планерным спортом, в результате чего, помимо лирических, появилось много песен, посвященных авиационной теме. Публиковалась в «Литературной газете», альманахах секции «Старая школа» «Парад планет» и «Зимние каникулы». Автор двух книг стихов.*

МЫШКА

Провалившись на дно коробки,
Я сижу, обхватив коленки,
После пары попыток робких
Зацепиться за гладкость стенки.
Мне в коробке не видно света —
У коробки глухая крышка
И она — ледяного цвета.
Я — для опытов чьих-то мышка.
То ли искры, а то ли звезды,
То ли слезы из глаз, невольно:
Отчего-то трещит здесь воздух
Тишиною высоковольтной?
Начинаются перемены —
Искривляется время странно,
У коробки сдвигают стены
И вставляют внутрь барабана!

Ч/Б ПЕЙЗАЖ

Мне бы в небо! А впрочем,
чего ещё в нём не видала?
Разве что, с высоты неразборчивы хмурые лица?
Горы мусорных куч, проржавевшие груды металла,
Над которыми вьются огромные черные птицы.
Что за странный подвид? Я ведь с детства —
почти орнитолог
Крылья — словно ножи, клюв —
как будто кинжалом распорот,
И висит над домами, колышется птичий их полог,
Это души, которые выбросил на небо город.
Небо полнится клёкотом, падают острые перья,
И вонзаются в мысли поспешно бегущих прохожих,
Так рождаются новые мифы, кошмары, поверья
И на сказки из нашего детства они не похожи.
Обновляет узор снегопадом тяжёлое небо,
Прорежая отметины чёрные — белым горохом.
Я насыплю вам крошек из белого-чёрного хлеба.
Покормитесь, порадуйтесь
чёрствым оставшимся крохам...

Лидия ОГАНЕСЯН, *Москва, секция «Старая школа» — окончила филологический факультет Московского государственного гуманитарно-педагогического университета имени М. А. Шолохова. Стихи и песни пишет с ранней юности. Публикуется с 1981 года в журналах «Октябрь», «Юность» и др. В десяти выпусках международного альманаха «Чувства без границ» выходили её стихи в 2009—2011 гг., в альманахе «Словесность» — в 2011—2021 гг. Стихи и песни звучали на радио «Маяк» и «Ракурс». Автор двух книг.*

* * *

Июнь уходит в невесомость
и, сам себя не узнавая,
в своей попытке осознанья
уже уставший от бессонниц,
слабеет, высям отдаваясь,
и только сердце бьется чаще,
от недоверия скрываясь
за невесомостью участья.

Елена ОРЛОВСКАЯ, секции «Старая школа», «Авторы песен», «Бригантина» — *бард, исполнитель своих и чужих авторских песен и романсов. Участвовала в вечере памяти Веры Матвеевой в Политехническом музее, постоянно выступает с сольными концертами, автор поэтического сборника и музыкальных дисков. Лауреат многих конкурсов авторской песни. Госстипендиат 2015—2017 гг. в номинации «Выдающий деятель культуры и искусства России».*

Б. С. ИЛЮХИНУ

Ах, мой милый учитель,
Педагог мой прекрасный,
На меня не ворчите
Не корите напрасно.
Выражать не умею
Свои чувства словесно
Восхищаюсь, немея,
И молчу неуместно.
Вы конечно же правы,
Коль родился поэтом,
Жизнь — не только забавы,
Нужно помнить об этом.
Если ты по рожденью
И призванью — художник,
Следуй за вдохновеньем —
Муз лукавых заложник!

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

День за днём наблюдаю ,
Как сквозь пальцы, будто сквозь камни
Вода с ладоней стекает —
Каждая капля — вечность.
День за днём выпускаю
Трепетных, белых голубок.
Улетают мои голубки,
Улетают дни ожиданий...
Вижу, ветер в окне
Играя, терзает деревья,
Срывает листья и кружит.
Кружатся мёртвые листья,
Кружатся мёртвые мысли —
Танца бессмертней нет.
Память — на шее камень.

* * *

Что делать, так бывает иногда.
Тускнеет путеводная звезда,
Вселенная меняет направленье
Вновь зачиная мира сотворенье.
И раскрывает чашечку цветок,
В тот миг, когда никто его не видит...
И празднуешь — счастливый очевидец —
Святого вдохновения глоток!

Максим ЖУКОВСКИЙ, *Москва, секция «Старая школа» — публиковался в альманахе «Словесность», центральной периодике.*

* * *

Как ни расставь слова, как ни построй ты фразу —
Косноязыкий, как Герасим и Муму —
Поэту самому «Смысл» открывается не сразу
Разминкой непроворному уму.
Так вот и я пишу, не зная, впрочем,
«Что» выйдет из-под буйного пера,
Мы с братом Пушкиным вам головы морочим.
Учителем Жуковский. Краткость нам сестра.
А брату и сестре для живости в катрене
И рифмы ради точной, непреложной
К подножию в июне положи СИРЕНИ —
Цветы СИРЕНИ им — Поэтам — корм подножный.

Марина МЕРЦАЛОВА, *Москва, секция «Старая школа» — член Московского клуба сатириков и юмористов «Чёртова дюжина». Лауреат Всероссийских фестивалей «Ёрш-2013», «Песня Булата-2014», победитель конкурса «Умный смех-2017». Участник Парижского книжного салона-2019 г. Автор книги «Признаки жизни» (2020). Публиковалась в «Литературной газете», газетах «Арбатские вести», «Москвичка», альманахах «Литературный Арбат», «Русский смех».*

ДАРЁНЫЙ КОНЬ

Дарёный конь почистил зубы,
Надел добротное пальто,
И всё равно в ночные клубы
С ним не хотел идти никто.
В чём дело? Хочешь правды голой?
Дух от него стоял тяжёлый, –
Вот почему он одинок.
Его уж трепетные лани
Открытым текстом слали в баню,
Но баня – не его конёк.

ДЯДЯ ГЕНА

Я помню руки дяди Гены:
В нём жили фокусника гены,
И он такое вытворял,
Что сам себе не доверял.
А разбитная тётя Клава
Ему скандировала: «Браво!»
И прибрала его к рукам
И к бьющим через край бокам.
Прочти, дядь Гена, этот опус
И вникни в тёти Клавы фокус.

Кристина УСОВА, Москва, «Старая школа»

– поэт, переводчик, ассистент режиссёра «больших и малых театров». Государственный стипендиат в номинации «Талантливый молодой автор России» (2018-2020 гг.)

ДЛАНЬ ГРОЗОВОГО ГОРИЗОНТА

Под кровлею разверзлись небеса...
Разверзся вывих Божьей длани,
Вселенской мудрости краса
Стенала плачем гордой лани.
И в бубен бил из облаков
Земли нежданный Искуситель,
Разрядом тока с каблуков
Жизнь возвышал он, как Спаситель.
На безобидную погибель перерожденье обрекал.

Ольга КРУЧИНИНА, *Москва, секция «Старая школа» – окончила Уральский Государственный Университет, по образованию – биолог. Публиковалась в журналах «Юность», «Урал».*

* * *

А стены инородны и глухи,
За ними лебеда и лопухи.
И старый остов, выбравшись на сушу,
Усох до неприметной шелухи.
Бушуют на ветру, как на миру –
Вся пойма причитает: «Не помру»,
И так же дружно испускают души,
И все они мертвы уже к утру.
И покрывает снег покорно прель.
И сушь, и грязь, и смерть пришла теперь.
Но там, где семя закатилось глубже,
Из тлена зарождается апрель.

* * *

Ночь остужала гулкие дома.
Молчала я, она не отвечала.
Я вышла в ночь, увидеть дня начало,
Задолго до начала дня.
Я шла с надеждой к сонным фонарям,
Под фонарями чуда ожидая.
Крушила ночь, на корм ее кромсая.
И скармливала крошки голубям.

* * *

Крепким словцом за здоровье и за воротник.
За огородами домик трубой поник.
За полночь, затемно, за море, за бугор.
Прошлое кроется вязами до сих пор.
Взвейтесь кострами, а сажа, гляди, бела!
Сгинула хата, вон там на краю села.
Черной краюхи ломоть положи поверх.
Крепким словцом неизбежно проводят всех.

* * *

Посмертное жужжание пчелы
Вернее времени, и горше меда.
Слова рожденные извлечены

Из запотевшего киота.
Так отражение изжитой травы —
Последний всплеск в словесном окоеме.
И праздное упокоение пчелы
В пустых глазницах в выстуженном доме.

София СЕЛЕКТОР, *Москва, секция «Старая школа» — доктор химических наук. Автор поэтических сборников «Полоса тени» (2008), «Декабрьский шиповник» (2018) и «В круге каждом» (2019). Подборки стихов публиковались в коллективных сборниках и альманахах московских литературных объединений, в альманахе «Словесность» в 2017-2021 гг.*

* * *

Август — мой чуть состарившийся кавалер
с лёгкой проседью, в модном авто.
Он подчёркнуто мил, наполняя фужер
так изысканно терпким Бордо.
В нём смакуя игру предзакатных лучей,
и тепло обещаний храня,
выпьем за безрассудство июньских ночей
и беспечность июльского дня...
Золотые шары, свежий мёд, звонкий спас,
спелых яблок забористый сок —
вот что нам в утешение август припас,
уронив первый жёлтый листок.
Мой вечерний наряд элегантен и прост
и немного по-летнему смел.
Нам распахнута вечность под россыпью звёзд,
но уже обозначен предел.
Август мягкой улыбкой за россыпью звёзд
летних дней обозначил предел...

* * *

Ну о чём я могу рассказать
этим рядом летящим снежинкам?..
Я кого-то могу обогнать,
но куда и зачем же спешить нам?
Всех нас кружит одна карусель,
этот шарик привычно вращая.
Будет мягче иль жёстче постель,
но у всех у нас доля Земная...
Будь хоть Гением, хоть Наглецом,
Эти сети порвать Невозможно.
И Никак не шагнуть за кольцо,
не прикрывшись Божественной ложью.
А уж если неймётся душе —
рвёшь оковы и рвёшься из кожи,
чтоб поймать на крутом вираже
взгляд того,
кто летит кругом позже...

* * *

Размашисто ложатся тени
на мартовский осевший снег.
С кошачьей грацией и ленью
они дотянутся до всех:
до лужицы, и до сосульки,
капелью брызнувшей в тиши,
до всех продрогших закоулков
моей зимы, моей души.
И каждой веточкой берёзки
сверкают в солнечных лучах
на снежно-настовых подмостках
беспечной стайкою девчат.
Переглянулись, прыснув смехом,
заигрывая с ветерком,
и птичий щебет робким эхом
им откликается легко.
А ветер вдруг нахмурил брови,
цепочку облаков пригнал
и впопыхах какой-то кровлей
загромыхал!
загромыхал...
Вздохнёт и вновь, как из лукошка,
рассыплет тени на снегу.
Кот у прогретого окошка
игриво выгнется в дугу,
следя, как тонкий луч весенний
мой мартовский осевший снег
расчертит на полоски тени —
на Тьму и Свет,
Печаль и Смех.

Александр ВОЛОВИК, *Москва, секция «Поэтика и ментальность» — публиковал книги стихов: «Сам себе автор», М.: «Авиатехинформ», 1996; «Договоримся о воздухе», М.: «Новая поэзия», 2006; «Контаминация литер», Таганрог: «Нюанс», 2010; «Цмуксу», Таганрог: «Нюанс», 2011; «Похвала алфавиту», Таганрог: «Нюанс», 2012;«Слово за слово» (по гранту СЛ РФ), М.: «Вест-Консалтинг», 2013; «Сюжеты», Таганрог: «Нюанс», 2014; «Углеглазая мгла», М.: «Новый хронограф», 2014; «Некая всячина», Таганрог: «Нюанс», 2015; «Потому что», М.: 2017; «Цаца Тата» (в соавторстве с художником Сергеем Орловым), СПБ: «Моя строка», 2021; Публикации в антологиях, сборниках, альманахах, журналах и газетах также имеются. Координатор вышеозначенной секции МОЛ СЛ РФ, стоявшей у истоков Союза, в которую входят Наталья Капустян и Борис Шапиро, организаторы «Workshop» или «Lake school» в Литве в июле 1993 г., проведённого с участием Владимира Герцика, книга стихотворений которого была собрана и издана А. Воловиком в прошлом году. Государственный стипендиат 2012, 2014 и 2015 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

ИЗБРАННОЕ ИЗ КНИГИ

«ЦАЦА ТАТА»

В порыве гнева
порицаю всяко
законы Гея
вашего Люссака.

В роковые минуты всё ел бы да пил,
всеблагих ублажал бы анапестами.
Но меня собеседником звали на пир,
потому и не подали закуси.

Говорила Вите я:
— Брось, Вить, пить:
Минсоцздравразвития
пить не велить!

Двум сказала Единица:
— Мы, пожалуй, не Двенадцать.
Прежде, чем объединиться,
надо нам размежеваться!

Держу в уме я,
хоть оно громадно,
число от Амадея
Авогадро.

Ева явилась в костюме Адама
на маскарад.
Все на балу озадачены прямо:
«Что за наряд!?»

Если в двери позвонят, отворю без гнева.
Даже «Кто там?» не спрошу, не насторожён.
— Вы ошиблись, господа, тут восьмое небо.
Небожители живут ниже этажом.

Мы фауну вниманьем не оставили,
над тварью всякою расплачемся дрожа.
Они ведь нам меньшие братья, Авели,
и разве мы для них не сторожа?

Некурящий и непьющий,
целомудренный почти,
Боже правый, всемогущий,
я же ангел во плоти!

Не подвергай меня харассменту
и об импичменте забудь,
ведь я тебе не девка красная,
не президент какой-нибудь...

Нуль на гамбургерском счёте,
всё в потёмках, втуне, в коме...
Что-то шизики в почёте.
Что-то клирики в законе.

Она ругала всех гуртом,
А он был балагур.
Она сказала: «Вот дурдом!»
А он сказал: «Дом дур»!

Определённые круги
сожрали с мясом пироги,
а также с луком и с вареньем.
С глубоким удовлетвореньем!

Сибарит брезгливо брёл, небрит.
Бриз обрызгал брюки баронета.
Бросился брюнет под броневик.
Барышня брюхата от брюнета.

— **С**кажи мне, почтенный товарищ,
на грабли зачем наступаешь?
— Зачем наступаю на грабли? —
Да это такая игра, блин!

Ты стоишь ко мне так близко,
прислонясь к стеклянным стенам,
что меня, как террористка,
поражаешь сексагеном...

У кого-то едет крыша —
у меня — полуподвал.
Да практически я выше
никогда и не бывал.

Фавориты Катерины
не носили кринолины.
Ни жабо, ни мокасины —
только стильные лосины!

Цаца Тата чатится.
Тате кстати танцы-то.
То-то Тата тащится
от цитаты Тацита!

— **Ц**еловаться надоело, —
мне сказала милая, —
предстоит нам столько дела!
Экономлю силы я.

Что я могу сказать учёному,
не я, а этот стих, верней?
— Неисчерпаем кварк по-чёрному,
хоть на троих его разлей!

Шёл за милкой во лесок.
Поднял милкин волосок.
Не склоню я милую,
дык я её склонирую.

Щёлочь съела кислоту.
Птичка — мошку на лету.
Все кого-нибудь едят.
Это вам не детский сад!

Эх, цветут бананы под Килиманджаро!
То ли там Зимбабве, то ли там Ботсвана.
Афроафриканку полюбил я с жару —
то ли слишком поздно, то ли слишком рьяно...

Юдифь могла бы стать, наверно,
супругой верной Олоферна.
Детей рожала б... Но, похоже —
была ей Родина дороже.

Я в стихи впускаю чувства не очень.
Дай им волю — разнесут весь хорей.
Мастер должен быть расчётлив и точен
и эмоции смирять, как зверей.

Ирина ЛАЗАРЕНКО, *секция «Драмматика» — писатель, редактор, литературный обработчик, немного сценарист. Упаковщик смыслов. Доведенец до белых коленец. По образованию экономист, потому что З — Логика. Пишу социальную фантастику и фэнтези без попаданцев, соплей и бронелифчиков.*

В своих произведениях исследую дружбомагичность, приключения мозга и попытки натянуть сову самоидентификации на глобус реальности. В свободное время, которого у меня не бывает, я путешествую, играю в компьютерные игры и немного учу других людей бодрее взаимодействовать с буковками. Мой рассказ «Рывок 132» и «Сказка для маленькой лошади» опубликованы в «Словесности 2021».
Государственный стипендиат 2022 года в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».

МАСТЕРИЦА ЗАБЫТОГО МИРА

— А ты чё, правда — ведьма? — недоверчиво спросил паренёк, рассматривая её через длинную красно-зелёную чёлку.
— А что, не похожа?
— Неа. Ведьмы страшные, у них клыки вот такие, глаз косит и прядь седая, ну. А ты молодая и красивая.
— Ты гляди, какой грамотный весь, — ведьма уперла руки в бока, — и откормленный, так в котёл и напрашивается. Но котла у неё в квартире не было, только мультиварка и сковорода вок.
— Клыки спилила, косоглазие вылечила, прядь закрасила, чего хотел-то?
— Просто, — парнишка дунул на свою жуткую чёлку, и у ведьмы зарябило в глазах. — Я про ведьм только на Википедии читал и раньше в сказках еще, а тут иду — вывеска висит, интересно стало.
— Какой хра-абренький, — заворковала ведьма и маленькими шажочками стала подбираться к парню, — какой умненький и дурно воспитанный ма-альчик...
Ярко-голубые глаза её сделались красными, воздух вокруг сгустился и заплясал мошками, из глубины квартиры заорал-зашипел кот, и парнишка с истошным визгом вывалился в подъезд, оставив распахнутой дверь.
— Идиот, — сказала ведьма и уставилась на полную даму в ярком балахоне, которую мальчишка едва не ударил дверью, выбегая. — Ты ко мне?
Дама уважительно посмотрела в её красные глаза и решила:
— Да.
Ведьма провела даму в кухню, налила травяного чаю. Гостья всё никак не могла усесться на табуретике, так и сяк подбирала полы своего балахона, пристраивала на коленях мешковатую сумку, смотрела на чашку с большим опасением и подозрительно тянула носом, словно её нос как-то помог бы разобрать подвох, будь в чае что-нибудь помимо листьев мяты и малины. Подвоха она не увидела, да и не было его, но попыталась отказаться от напитка, да только ведьма обиженно взвилась: «Я для чего сама травки ращу-собираю?», и дама пристыженно уткнулась в чашку, стала пить маленькими глотками. Глаза ведьмы постепенно принимали обычный голубой цвет.
— Ну, с чем пришла? — спросила она, когда чашки опустели.
Гостья суетливо схватилась за сумку.
— Я... это... вы приворот умеете?
— Умею ли я приворот? — снова взвилась ведьма, уперла руки в бока и налила глаза кровью. — Да как можно спрашивать такое? Я тебе кто, бабка деревенская? Шарлатан с картишками? Конечно, я умею приворот! И такой, и сякой, и с подвыподвертом!
Из комнаты пришел кот, толстый, черный, с невозможно зелёными глазищами. Не глядя на гостью, запрыгнул на стол. Ведьма при виде кота тут же успокоилась, поставила еще одну чашку, налила ему чаю.
— Портретик принесла?
— Я... вот.
Путаясь в замочках и завязках, гостья открыла сумку, повозилась, вытащила кошелёчек. Достала фото.
— Ага.
Воздух вокруг ведьмы загустел в струйки бурого дыма с отчетливым запахом горящей конопли, она зажмурилась, глубоко вдохнула и решила:
— Четыре с половиной.
— Чего? — переспросила окончательно растерявшаяся дама.
— Денег, чего. Свободно конвертируемых. За приворот.
— Дорого-то как! — охнула гостья.
— А ты как хотела? — удивилась ведьма. — Он-то мужик во какой, башковитый, картины пишет, в игры играет эти... интеллектуальные, деньги зарабатывает, между

прочим, черешню растит на даче и спортом занимается. А у тебя чего? Работа скучная, подруги — дуры, из увлечений — одни кроссворды, лишнего жира двадцать кило, полный рот незалеченного кариеса и в доме унитаз течёт. Ты этому мужику зачем?

— Так ведь потому и пришла...

— Да я помогу, — заверила ведьма, — только у меня ж всё по-честному: чем труднее, тем дороже. Вот и выходит четыре с половиной.

Дама задумалась.

— А если я зубы починю и унитаз тоже? И... ну... двигаться начну, собаку вот заведу, к примеру. В библиотеку запишусь! Дешевле будет?

Ведьма заверила, что «тогда, может, и в тысячу уложимся».

Гостья поблагодарила, решительно отодвинула чашку и ушла чинить унитаз, воинственно размахивая мешковатой сумкой.

— Ну и люди, — пожаловалась ведьма коту. — Сами не знают, чего хотят. То ли дело лет пятьсот назад, помнишь?

— Мр-рачное вр-ремя, — не согласился кот.

— Мрачное, — кивнула ведьма. — Только люди всё ж попонятней были. Жили кратко, вот и просьбы у них были такие — короткие да понятные. А теперь — гляди: того не знаю, в этом сомневаюсь, пойду подумаю, пришел посмотреть, тьфу!

В дверь постучали.

— Занято! — гаркнула ведьма. — То есть добро пожаловать!

В прихожую вкатились два молодых человека при галстуках, с буклетами в руках и спросили, есть ли у ведьмы немного времени, чтобы поговорить о душе. Хозяйка приветливо оскалилась и пошла навстречу мелкими шажочками.

— Вот у вас вывеска приоконная, — нервно затараторил один из молодых людей, нашаривая за собою дверь, — написано: «Потомственная ведьма». А понимаете ли вы, что лишь беря это прозвание, самолично ввергаете душу свою в геену огненную, где она будет вечность гореть в огне... Мама!

При виде красных глаз ведьмы оба, отталкивая друг друга, рванулись в дверь, кот по-человечески захохотал вслед, а ведьма выкрикнула:

— Душа невещественная, идиот, ей огонь до лампочки!

Потом поток гостей оборвался, так что до самого полудня ведьма варила варева в мультиварке и сочиняла об этом скороговорки.

Потом в дверь поскреблась старушонка в огромных очках, была с улыбкой встречена, усажена за стол и напоена облепиховым чаем с мёдом, который ведьма собирала из улья в далеком-далеком лесу. Лететь туда было долго, потому как мало осталось таких лесов, но ведьма чувствовала себя виноватой при виде стариков, которые стали такими дряхлыми и немощными всего-то лет за восемьдесят, потому всегда угощала их самым лучшим и говорила ласково.

— Врач молвит, кровь у меня нехорошая, — пожаловалась старушонка. — Молвит, лечиться надо.

Ведьма прищурила один глаз, скосила другой, пригляделась.

— Нехорошая кровь, — согласилась.

— Не верю евонному лечению, — припечатала старушка, подчищая из розетки остатки мёду, — природное хочу, без химиев каких.

— Так я не лечу, — хозяйка удивилась очень и даже немного отъехала на табуретике, — я ведьма!

— Да чиво ты мне сказки сказываешь, — обиделась старушонка, — ведьма — сталбыть, ведаешь, сила твоя как есть от природы, все травки знаешь, зелья варить умеешь, себя-то лечишь, небось, а я тебе чего, не сестра разве?

Ведьма насупилась.

— Чиво, не хочешь помочь? Трудно тебе, что ли?

— Выр-ручи, выр-ручи стар-рую, — влез кот.

Ведьма махнула рукой.

— Ладно, бабка, запоминай: нужны будут листья лопуха, почки березы, одуванчик, тысячелистник. Сейчас расскажу, в какую пору что собирать и что петь, чтобы силу целебную полу...

— Это чиво такого ты мне наговариваешь? — удивилась старушонка. — Ты мне зельице дай, а по балкам-то лазить за лопухами мне негоже уже! Куда мне лазить-та с

ревматизьмой моей? Чиво мне петь-та, я певица, штоль? У тебя разве собранных травок нетушки?
— Да вот еще! — рассердилась ведьма. — Что мной собрано — то на меня завязано, а чтоб тебе растения дали силу целебную — так ты о том и проси природу-матерь, а то видишь, хитрая какая! На чужом горбу-то ехать всякий может! Готовое ей подавай, я тебе целительница вшивая, что ли?
Старушонка поджала губы, поднялась из-за стола.
— Спасибо за чай-мёд, хозяйка, да только теми гадкими таблетками лечиться — оно проще будет.
— Да хоть вообще не лечитесь, — проворчала ведьма в закрывшуюся дверь, — мне быстрей ваши зубы-кости достанутся на порошочки.
Только хозяйка сполоснула чашки и розетки, как в дверь неистово забарабанили.
— Хочу, чтоб они сдохли! — выкрикивала девчонка лет пятнадцати, носясь кругами по кухне, а ведьма с интересом смотрела, свалится девчонка с этих парнокопытных каблуков или нет. — Чтоб их не было!
— Кого не было? — мирно спросила хозяйка.
— Родителей! Задолбали! Поучают! Во всё лезут! Комнату мою обыскали! Гулять не пускают! Пирсинг не дают! Музыка им не та!
— Хор-рош ор-рать, — предложил кот, и девчонка, остановившись на полшаге, действительно сверзилась на задницу.
Так и сидела на полу, ошарашенно пялясь на кота, пока ведьма не подала ей руку. Тогда девчонка уселась на табуретик в самом дальнем углу и, по-прежнему не сводя взгляда с кота, спросила:
— Это можно?
— Можно, отчего нет, — светло улыбнулась ведьма. — Только ты не дури с вот этим «Чтоб их не было», если их совсем вымарать, так и тебя тоже не станет. Чтоб умерли — это можно.
Девчонка удивленно пошевелила губами: «У-мер...»
— Автокатастрофа, разбойное нападение, самоубийство, бытовая поножовщина? — деловито спросила хозяйка. — Утонуть в ванной, допиться до белочки, поперхнуться оливочкой?
— А?
— Что ты мне акаешь? — глаза ведьмы начали краснеть. — Я спрашиваю, как убивать их будем?
— Так это можно?
— Ты дурная какая-то. Конечно, можно. Кого угодно можно выкинуть из жизни, мгновенно, безвозвратно, я гарантирую это! Даже без ведьмы можно, но со мной понадежней будет. Так что тебе больше нравится, автокатастрофа или оливочка?
— И они будут совсем мёртвые?
— Мертвее некуда, — пообещала ведьма. — И плату небольшую возьму, ты ж девственница, да? Очень хорошо, с тебя пол-литра крови, правда, недорого? Пошатает чуток, ну да то недолго, я тебе соку томатного приготовлю и даже мяса печёного, а иголки у меня стерильные, одноразовые.
Девчонка сглотнула, молча замотала головой, поднялась и, авансом пошатываясь, пошла к двери.
— Слабачка! — рявкнула ей в спину ведьма.
Вечером, когда хозяйка, матерясь, уговаривала подоконного паука быть умницей и скушать муху, на пороге нарисовался усталый мужик в костюме и с большой сумкой для ноутбука через плечо.
— Остохренело мне всё, — сообщил он. — Не знаю, чего и попросить у тебя, то ли смерти лютой для кого, то ли для себя силы невиданной...
— Я тебе волшебница вшивая, что ли? — проворчала ведьма и налила гостю чаю. — Ты расскажи толком, что случилось, а я чего и подскажу, глядишь.
Рассказывал мужик долго, а ведьма очень увлеклась историями и страшно ему сочувствовала. Бизнес гостя оказался делом нервным и хлопотным, наемные работники ленились и жадничали, их руководители подворовывали там и сям, проверяющие инстанции наступали на горло, поставщики норовили подсунуть брак, конкуренты — о, для конкурентов в аду должен быть подготовлен отдельный котел!
— Да чего там чай твой! — в конце концов заявил мужик и достал из сумки небольшую бутылку коньяку. — Чаем тут не обойдешься!
Ведьма залихватски махнула: наливай!

Под коньяк истории приобрели особый эмоциональный накал и наполнились жуткими подробностями.

— Ты не думай, — говорил гость, размахивая чашкой с коньяком. — Я не жаловаться пришел. Только, знаешь, вот говорю с тобой — и вроде как легче становится. Ни с кем по душам не говорил уже лет десять, веришь? Никто так не выслушивал меня, не понимал, у всех свои дела, свои печали. А с тобой говорю — и прям на душе светлеет, хоть ты и ведьма!.. Хотя что там, все вы, бабы...

Дальше последовал рассказ про стерву-главбуха, про буку-переводчицу, вертихвостку-секретаршу и старую любовь, которая вроде была, а потом оказалась, а потом была еще одна любовь, поновее, но тоже оказалась, а потом даже друзья начали оказываться один за другим, а особенно — те друзья, которые просили взять их на работу или партнерами в бизнес.

— Вот ж люд-ди, вот же не-елюди какие, — горюнилась ведьма, — тебе-т, мужик, хорошо, ты черз три-ицать семь лет помрешь. Пом-решь, я говорю, от тромбоза. А я? Мне ж в этм мире вечность коротать! Ве-ечнсть...

— От тромбоза, — загрустил мужик и достал из сумки еще одну бутылку. — За это надо выпить. Хороший коньяк, не думай, на праздник купил... Но раз тромбоз...

Он тяжело вздохнул.

— Тышто! — попыталась образумить его ведьма, — сдурел, чтоль... хватит! С мной пить ва-абще низ-зя. Яж ве-едьма. Ведь-ма, пнятно? Напиюсь пияной. Вскачу на те-ебя. И пскачу. Пнимаешь?

Мужик мечтательно блеснул глазами и скрутил крышку с коньячной бутылки.

* * *

Проснулась ведьма поздним утром, протерла покрасневшие глаза, почесала голову, посмотрела на висящие на люстре простыню и юбку, встретила осуждающий взгляд кота и развела руками.

— Хорошо уже то, что я дома проснулась, а не где-нибудь в Торжке. Или в этой, в солнечной Бразилии, до старости моей! Э-эх!

В дверь застучали.

— Откройте! Общество защиты животных! Нам позвонили, что тут издеваются над котом!

Хозяйка смачно выругалась и пошла открывать, бормоча под нос заклинание. Надпись «Потомственная ведьма» на приоконной вывеске заплясала и оплыла, буквы распались на отдельные кружочки, штришки и черточки, а потом собрались заново.

«Психолог, балаган и К^{от}», — гласила новая надпись.

Лариса ШЕСТАКОВА, *секция «Критика, искусствознание, лексикография», доктор филологических наук. Работает в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Государственный стипендиат 2012, 2013, 2017 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России». Постоянный автор альманаха «Словесность».*

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В РИФМАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Имена собственные (ИС) в творчестве Марины Цветаевой уже привлекали внимание исследователей. Наиболее детально состав, динамика употребления и функции слов этого разряда рассмотрены в работе О. Г. Ревзиной «Собственные имена в поэтическом идиолекте М. Цветаевой»*. Другими специалистами подробно анализировались отдельные онимы в лексиконе Цветаевой, в первую очередь само имя *Марина*, имена других поэтов, некоторые мифонимы**. Во всех работах

* См.: Поэтика и стилистика: 1988—1990. М., 1991. С. 172—192.

** См., к примеру: Фарыно Е. Из заметок по поэтике Цветаевой // Marina Cvetaeva. Studien und Materialien. Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1981. Bd 3; Богославская Л. М. Работа Марины Цветаевой с ономастическим материалом // Русская ономастика: Сб. науч. тр. Одесса, 1984. С. 136—140; Горбаневский М. В. «Мне имя — Марина...»: Заметки об именах собственных в поэзии М. Цветаевой // Русская речь. 1985. № 4. С. 56—64; Озернова Н. Р. «Стихи к Блоку» Марины Цветаевой // Русская речь. 1992. № 5. С. 20—24; Петросов К. Г. «Как я люблю имена и знамена...»: Имена поэтов в художественном мире Марины Цветаевой // Русская речь. 1992. № 5. С. 14—19; Жогина К. Б. «Поэзия собственных имен»: Некоторые особенности лирики М.И. Цветаевой // Анализ художественного текста на школьном уроке: теория и практика. Ставрополь, 1995. Вып. 1. С. 45—60; Жогина К. Б. Сотворение мифа имени Марина в стихотворении М. Цветаевой «Кто создан из камня, кто создан из глины...» // Текст как объект многоаспектного исследования. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 2. С. 32—40; Ковалев

подчеркивается свойственное поэту «обостренное чувство имени собственного. Стремление максимально использовать его возможности в поэтическом тексте».* Значимость ИС разных типов проявляется, кроме прочего, в постановке их автором в разные текстовые позиции, например, в сильные позиции заглавия, подзаголовка, первой строки, рифмы. Анализ ИС в положении рифмы расширяет наши представления о том, какую роль отводила Цветаева онимам, каким образом она выделяла их в текстовом пространстве, какими наделяла коннотациями. Мы рассмотрим в предложенном аспекте один пласт ИС — личные имена. Материалом для анализа послужили словарные статьи книги «Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен»**. Книга представляет собой производный словарь, созданный на базе большого сводного «Словаря языка русской поэзии XX века»,*** который строится на материале творчества 10 русских поэтов. Источник произведений Марины Цветаевой в этом словаре — Собрание сочинений поэта в 7 томах (Т. 1—3. М.: Эллис Лак, 1994).

В словаре личных имен зафиксированы использованные Цветаевой ИС разных типов. Это, во-первых, имена реальных лиц — собственно имена, отчества, фамилии, псевдонимы, прозвища, например: *Александр Блок, Бетховен, Бодлер, Евгений Багратионович Вахтангов, Вильям Шекспир, Врангель, Деникин, Димитрий* (Лжедмитрий), *Ермак, Завадский, Зубов, Игорь* (Святославович), *Ленин, Петр* (Апостол и Петр I), *Чародей* и т. п.; во-вторых, имена вымышленных лиц — персонажей в произведениях Цветаевой, литературных героев, имена мифологических, фольклорных, сказочных персонажей, например: *Маруся, Грета; Бульба, Гамлет, Маргарита* (героиня романа А. Дюма-сына «Дама с камелиями»), *Ромео, Джульетта; Ипполит, Орфей, Феб, Федра; Зигфрид* (герой древнегерманского эпоса), *Илья* (Муромец) и т. п.

Личные имена в словаре понимаются широко: это не только собственно антропонимы, но и теонимы — имена богов в политеистических религиях, а также культонимы — имена, связанные с монотеистическими религиями. В произведениях Цветаевой отмечаются такие ИС этих разрядов, как: *Амур, Аполлон, Зевс* (и *Зевес*), *Морфей*; *Бог, Аллах, Будда*, *Мария, Христос* и др. Функционирование в рифменной позиции присуще в той или иной степени личным именам всех названных типов, и высоко-, и низкочастотным (исключение составляют ИС, присутствующие только в посвящениях и в названиях некоторых стихотворений: *Анне Антоновне Тесковой, Алексею Александровичу Подгаецкому-Чаброву, Вале Генерозовой,* «Кн. С. М. Волконскому», «Памяти Нины Джаваха», «Корнилов» и т. п.). Личное имя может выступать в рифме как в первой позиции, например: *Платон — как сон, Мамай — рай* (подобные случаи сопровождаются в словаре пометой *рфм.*), так и во второй позиции: *сестра — Петра, сцена — Шопена, силуэты — пируэты — Антуанэты* (помета *рфм. к*). Активно вступают в рифменные отношения в стихах Цветаевой имена реальных широкоизвестных лиц: *Ушла земля, сверкнула* ***пена****. Диван-корабль в озерах сна Помчал нас к сказке* ***Андерсена****.* (1908); *Макс Волошин первый был, Нежно Майенку* [Цветаеву] *любил, Предприимчивый* ***Бальмонт*** *Звал с собой за* ***горизонт****,* (1913); *Мне синь небес и глаз любимых синь Слепят глаза. — Поэт, не будь в* ***обиде****, Что времени мне нету на латынь! Любовницы читают ли,* ***Овидий****?!* (1915); *Братья! Взгляните в даль! Дельвиг и* ***Пушкин****, Дел и сердец хрусталь... — Славно, как сталь об сталь — Кружкой о* ***кружку****!* (1922); *Есть у меня — сказал, так в ладони! — Для девочек лани, для мальчиков кони, Плоды Соломона и розы* ***Саади****, Для мальчиков — войны, для девочек —* ***свадьбы****,* (1925).

Имена реальных малоизвестных лиц (как правило, из

Г. Ф. М. И. Цветаева и имя // Ковалев Г. Ф. Ономастические этюды. Воронеж, 2002. С. 22—43; Лисенкова И. М. Ономастическое пространство мифонима «Ариадна»: (На материале творчества М. Цветаевой) // Проблемы региональной ономастики: Материалы 2-ой межвуз. науч.-практ. конф. М., 2000. С. 162—164 и др.

* Богославская Л. М. Указ. соч. С. 36.

** Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М., 2005.

*** Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I—IX — / Сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М., 2001—2021.

круга Цветаевой) также, хотя и в меньшей степени, вовлекаются в рифменные связи, например: *«Я конфет попрошу у* ***Алеши****! Fräulein Else, где черненький мяч? Где мои, Fräulein Else,* ***калоши****?»* ([1909]; Алеша — товарищ детских игр Цветаевой); *И, наконец — герой меж* ***лицедеев*** *— От слова бытие Все имена забывший —* ***Алексеев****! Забывший и свое!* (1919; Владимир Васильевич Алексеев (1892–1919) — знакомый Цветаевой).

ИС вымышленных лиц, образующие рифму, это, как отмечалось, — имена персонажей в произведениях Цветаевой, имена литературных, мифологических героев и др.: *Эти отклики давних* ***мелодий****, И давно уж слезинки дрожат На ресницах больного* ***Володи****.* (1909); *Чуть полночь бьют куранты, Сверкают диаманты, Инкогнито* ***пестро****. (Опишешь ли* ***перо****, Волшебную картину?) Заслышав каватину, Раздвинул паутину Лукавый* ***Фигаро****.* ([1911]); *Запах розы и запах локона, Шелест шелка вокруг* ***колен****... О, возлюбленный, — видишь, вот она — Отравительница! —* ***Кармен****.* (1915); *...Корабль затонул — без щеп, Король затанцевал в* ***Совете****, Зерна не выбивает цеп, Ромео не пришел к* ***Джульетте****, Клоун застрелился на* ***рассвете****,* (1918); *Сплочено же — вспомяни мои* ***крики****! — За этот последний простор. Не надо Орфею сходить к* ***Эвридике*** *И братьям тревожить сестер.* (1923); *Умоляю... (печатный* ***бланк*** *Не вместит! Проводами проще!) Это — сваи, на них* ***Атлант*** *Опустил скаковую площадь Небожителей...* (1923).

Многочисленны примеры рифмования теонимов и культонимов: *Черная высь. — Голый* ***отвес****. Маленьких рук — стержни. Кто это там — точно* ***Зевес*** *В люльке — орла держит?* (1921); *Сопки — казалось бы прочно замерли — Не доверяйте смертям* ***страстей****! Зорко — как следователь по камере Сердца — расхаживает* ***Морфей****.* (1924); *Ты улыбнулась нам,* ***Мария****, (Ты улыбалась снам!) Твой лик, прозрачней анемоны, Мы помним в пламени короны... Но этой встречи* ***феерия*** *Апрельская — не нам!* (1911); *Никто не* ***плох****! Хватай мертвой хваткою, А там — как* ***Бог****!* (1920); *Вот-вот уйдет! — Святой* ***Исус****! И, косу выхлестнув из* ***уст****, Как зверь нечеловечий — Хвать! — сына за заплечье!* (1920).

Уже из приведенных примеров видно, что у Цветаевой встречаются рифмы с личными ИС как точные, так и неточные; онимы выступают в произведениях поэта и в составных рифмах: *Внушали напевы: «Нет радости в страсти! Усталое сердце, усни же,* ***усни ты****!» И в сумерках зимних нам верилось власти Единственной, странной царевны* ***Аниты****.* ([1909]); *Покрепче нежели семью Печатями скрепила* ***кровь я****. — Так, нахлобучив кулаком скуфью Не плакала — Царевна* ***Софья****!* (1920). См. также контекст, в котором находящееся внутри строки ИС созвучно слову конца строки: *На мать и мою ты похожа, — разлука! Ты так же вуаль оправляешь в* ***прихожей****. Ты Анна над спящим* ***Сережей****, — разлука!* (1920).

В стихотворных произведениях Цветаевой антропонимы рифмуются с лексическими единицами разных классов. Отметим в первую очередь случаи рифмовки личных имен с ИС других разрядов. У Цветаевой это обычно топонимы, среди которых выделяются именования *Россия*, *Русь*, например: *Под занавескою сонной Не истолкует Вам* ***Брюс****: Женщины — две — и наклонный Путь в сновиденную* ***Русь****.* (1922; Яков Вилимович Брюс (1670–1735) — государственный деятель в эпоху Петра I, один из составителей «Брюсова календаря», содержащего предсказания). Такая рифмовка может носить акцентированный, повторяющийся характер, как, например, в стихотворении «За Отрока — за Голубя — за Сына...» (1917), где в первой строфе рифмуются слова *Алексия — Россия*: *За Отрока — за Голубя — за Сына, За царевича младого* ***Алексия*** *Помолись, церковная* ***Россия****!*, а в последней строфе — *Россия — Алексия: Грех отцовский не карай на сыне. Сохрани, крестьянская* ***Россия****, Царскосельского ягненка —* ***Алексия****!* Кроме названных, с личными именами рифмуются и другие топонимы, например: *Плачь, Юность! — Плачь, Любовь! — Плачь, Мир! — Рыдай,* ***Эллада****! Плачь, крошка* ***Ада****! — Плачь, туманный Альбион!* (1918), в том числе мифологические: *Пел же над другом своим* ***Давид****. Хоть пополам расколот! Если б Орфей не сошел в* ***Аид*** *Сам, а послал бы голос* (1934). Отметим также случай рифмования антропонима с другим личным ИС — трансформированным именем сказочного

персонажа *Финист — Ясный сокол*: *Потомства Свет. **Ясен-Фенист**! Сибирское солнце — Чичерин **Денис**.* (1930).

Чрезвычайно разнообразны по принадлежности к тому или иному семантическому полю, к словам конкретным и отвлеченным рифмующиеся с антропонимами нарицательные существительные**.** Они предстают как в исходной, так и в иных словоформах, в том числе в форме множественного числа: *Запела рояль неразгаданно-нежно Под гибкими ручками маленькой **Ани**. За окнами мчались неясные **сани**, На улицах было пустынно и снежно.* (1909); *Темнеет... Не помнишь **о часе**. Из столовой позвали нас к чаю. Клубочком свернувшейся **Асе** Я страшную сказку читаю.* (1910-1911); *Не первый день, а многие века Уже тяну тебя к груди, рука Монашеская — хладная **до жара**! — Рука — о Элоиза! — **Абеляра**.* (1920); *Всякому ... ты сам **Каин** — Всем стаканы налиты! Ты такой как я — **хозяин**, Так же гостья, как и ты.* (1920); *Ох и рубцы ж у нас пошли калеки! — Алешеньки-то кровь, **Ильи** [Муромца]! — Ох и красны ж у нас дымятся реки, Малиновые **полыньи**.* (1922); *Удостоверишься — повремени! — Что, выброшенной **на солому**, Не надо было ей ни славы, ни Сокровищницы **Соломона**.* (1922; оригинальность рифмы создается здесь, при почти полном звуковом совпадении нарицательного и собственного имен, противоположностью позиций слога *на*); *А потом перстом как факелом Напиши в рассветных **серостях** О жене, что назвала тебя Азраилом вместо — **Эроса**.* (1923); *Налетевший на град **Вацлава** [Прагу] — Так пожар пожирает **траву**...* (1939) и др.

Наиболее интересны случаи рифмовки личных ИС с нарицательными существительными «своего» или близкого семантического поля, со сходным эмоциональным ореолом. Например, имя библейского персонажа *Авессалом* в стихотворении «Когда обидой — опилась...» (1922, цикл «Деревья») рифмуется со словом *псалом*: *Ивы-провидицы мои! Березы-девственницы! Вяз — яростный **Авессалом**, На пытке вздыбленная Сосна — ты, уст моих **псалом**.* В качестве рифмы к этому же существительному выступает и имя апостола *Фомы*: *Что сны и **псалмы**! Бог ради **Фомы** В мир сей // Пришел:* (1923). Культоним *Аллах* находим в стихотворении «Бóроды — цвета кофейной гущи...», содержащем разные маркеры Востока (шальвары, кувшин, халат). Имя *Аллах* неточно рифмуется здесь со словом *халат*: *Вздрогнет — на звон* кувшинá — ***халат**... Стройные снасти — строки о страсти — И надо всеми и всем — **Аллах**.* (1917). С существительным *небо* рифмуется имя святого русского князя *Глеба*: *Дабы помнили люди — **небо**. Мы сойдемся в Страстной Четверг Над церковкой Бориса — и — **Глеба**.* (1918). Еще одно личное ИС — *Анжелика*, принадлежавшее католической святой XVII в., вынесено в заглавие стихотворения: «Анжелика» ([1910]) — и рифмуется в нем со словом высокой окраски *лик*, причем в форме *лика* слово целиком повторяет часть звукового состава ИС: *Темной капеллы, где плачет орган, Близости кроткого **лика**!.. Счастья земного мне чужд ураган: Я — **Анжелика**.* Ряд таких иллюстраций можно продолжить: *В ярком блеске Тюилери, Развеваются **знамена**. — «Ты страдал! Теперь цари! Здравствуй, сын **Наполеона**!»* (1909) и *За Императора — сердце и кровь, Все — за святые **знамена**!» Так началась роковая любовь Именем **Наполеона**.* (1911); *В кухню женского обману Поспешай, Самсон с **Далилой**! Здесь из зорь творят румяна, Из снегов творят **белила**...* (1920) и т. д. Эти и другие примеры подобного рода по-своему заостряют смысл декларации Цветаевой «моя поэзия — поэзия собственных имен»: они подчеркивают тесную взаимосвязь, единство на семантическом и эмоционально-экспрессивном уровнях ИС и рифмующихся с ними в строках поэта слов*.

В антропонимическом словаре Цветаевой выделяются отдельные уменьшительно-ласкательные формы ИС, как правило, имен реальных лиц — членов семьи, друзей. Они также вовлекаются в отношения созвучности, рифмуясь с существительными, содержащими суффикс

* Ср. справедливое замечание Н. А. Кожевниковой: «Звуковая близость слов для Цветаевой — и смысловая близость» (Кожевникова Н. А. Звуковые композиции в прозе М. Цветаевой // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И. И. Ковтуновой: Сб. статей. М., 2003. С. 74).

субъективной оценки, например: *Первые игры и* ***басенки*** *Быстро сменились другим. Дом притаился волшебный, Стали большими царевны. Но для меня и для* ***Асеньки*** *Был он всегда дорогим.* (1911). В стихотворении «Когда я буду бабушкой — ...» (1919) с деминутивами рифмуются имена воображаемых внуков Цветаевой, что, несомненно, усиливает здесь общую эмоцию неподдельной, преданной любви: *И внук — кудряш — **Егорушка** Взревет: «Давай ружье!» Я брошу лист и **перышко** — Сокровище мое! <...> Егор, моя **утробушка**! Егор, ребро от **ребрышка**! **Егорушка**, **Егорушка**, Егорий — свет — храбрец! <..> Кто хóдок в пляске рыночной — Тот лих и на **перинушке**, — **Маринушка**, **Маринушка**, Марина — синь — моря! <..> «<..> Вы ж, ребрышко от **ребрышка**, Маринушка с **Егорушкой**, Моей землицы горсточку Возьмите в узелок».*

Разнообразие в сфере рифмовки антропонимов проявляется у Цветаевой и в подборе созвучных с ними слов иных частей речи. Так, глагольные рифмы наблюдаются далеко не у всех ИС, а, как правило, у тех, звуковой состав которых может — так или иначе — ассоциироваться с глагольными формами, например, с формой прошедшего времени: *— Юн как* ***Ахилл****! — Гаммельн? **Гостил**! — Гаммельн? **Простыл**!* (1925); с формой повелительного наклонения: *Нельзя тому, что было грустью зыбкой, Сказать: «Будь страсть! Горя безумствуй, **рдей**!» Твоя любовь была такой ошибкой, — Но без любви мы гибнем, **Чародей**!* (1910); *Не вскочишь — не сядешь! А сел — **не пеняй**! Один тебе всадник По нраву — **Мамай**! Раскосая гнусь, Воровская ладонь... — Эх, Родина-Русь,* (1921). Прозвище Л.Л. Эллиса (Кобылинского) *Чародей* в форме винительного падежа рифмуется с окказиональной деепричастной формой: *Уж утро брезжит! Боже мой! Полу во сне и **полу-бдея** По мокрым улицам домой Мы провожали **Чародея**.* (1908). С деепричастиями рифмуются и другие ИС: *Что за книгой книгу пишешь, но книг Не читаешь, умиленно **поникши**, Что сам Бог тебе — меньшой ученик, Что же Кант, что же Шеллинг, что же **Ницше**?* (1915); *Нет, руки за голову **заломив**, — Глоткою соловьиной! — Не о сокровищнице — **Суламифь**: Горсточке красной глины!* (1922). Отмечаются также единичные контексты, в которых ИС служит рифмой к инфинитиву: *Белогвардейцы! Белые звезды! С неба **не выскрести**! Белогвардейцы! Черные гвозди В ребра **Антихристу**!* (1918).

В качестве рифм к личным именам нередко выступают прилагательные. Они рифмуются не только с онимами, по форме совпадающими с прилагательными, как, например, в строках: *Друзья мои в советской — якобинской — Маратовой Москве! // С вас начинаю, пылкий **Антокольский**, Любимец хладных Муз, Запомнивший лишь то, что — панны **польской** Я именем зовусь.* (1919); *Гул кремлевских гостей **незваных**. Если имя твое — **Басманов**, Отстранись. — Уступи любви!* (1921), но и с ИС иного оформления, которые могут быть возведены, в частности, к существительным: *Предстало нам — всей площади **широкой**! — Святое сердце Александра **Блока**.* (1920). Рифмуя личные ИС с прилагательными, Цветаева использует краткие их формы: *Тень Эвридики и факел **Гекаты**, — Всё промелькнет, исчезая в одном. Наша победа: мы вечно **богаты** Новым вином!* (1910); *Я знаю, наш дар — **неравен**, Мой голос впервые — тих. Что Вам, молодой **Державин**, Мой невоспитанный стих!* (1916, обращено к О.Э. Мандельштаму); *В царстве небесном Девки — все **русы**! Спишь ли, невеста? Спишь ли, **Маруся**?* (1922); формы сравнительной степени: *Всколыхнулася лазурная рябь: К нам на гусельный на звон — Жар-Корабь! Подивись со мной, пророк **Моисей**! Купины твоей прекрасной — **красней**!* (1920). Отмечаются случаи употребления субстантивированных счетных имен (порядковых числительных): *Кажется, четверть **пятого**, — Я полюбила Вас, Анна **Ахматова**.* (1915); *Где-то, вдоль звезд и шпал, — Настежь, без **третьего**! — Что по ночам шептал Цезарь* [Борджиа] *— **Лукреции**.* (1923).

Кроме названных частей речи с антропонимами рифмуются местоимения: *Встанем — те, встанем — все: // Безымянные — гранды — гении — Все — от Врангеля и до Ленина! (И Деникин, **Антон**...) // ...Глянем мы — грянет **он**.* (1928, 1929-1938); наречия, среди которых встречаются и уменьшительные формы:

И эти — на солнце ***прямо*** *— Дымящие — черным двойным жерлом — Большие глаза* ***Адама****.* (1921); *Жуть, что от всей моей* ***Сонечки*** *Ну — не осталось ни* ***столечка****: В землю зарыть не смогли — Сонечку люди — сожгли!* (1936).

Созвучность личных имен со словами разных частей речи особенно наглядно иллюстрируют повторяющиеся, высокочастотные имена. Так, личное имя поэта *Марина*, занимая в стихах разных лет, как правило, позицию конца строки, рифмуется со словами разной частеречной принадлежности и семантики. Рифмы формируют вокруг этимологизированного Цветаевой собственного «неповторимого» имени пестрый ассоциативный фон: *Вот и мир, где сияют* ***витрины****, Вот Тверская, — мы вечно тоскуем о ней. Кто для Аси нужнее* ***Марины****? Милой Асеньки кто мне нужней?* (1911); *Прохожий, остановись! Прочти — слепоты* ***куриной*** *И маков набрав букет — Что звали меня* ***Мариной*** *И сколько мне было лет.* (1913); *Как я люблю имена и знамена, // <...> Комедиантов и звон* ***тамбурина****, Золото и серебро, Неповторимое имя:* ***Марина****, Байрона и болеро,* (1913); *И наконец-то будет разрешен Себялюбивый, одинокий сон. И ничего не надобно* ***отныне*** *Новопреставленной болярыне* ***Марине****.* (1916); *Как перед царями да князьями стены падают — Отпади,* ***тоска-печаль-кручина****, С молодой рабы моей* ***Марины****, Верноподданной.* (1917); *На кортике своем:* ***Марина*** *— Ты начертал, встав за Отчизну. Была я первой и* ***единой*** *В твоей великолепной жизни.* (1918); *Кто бросил розы на снегу? Ах, это шкурка* ***мандарина****... И крутятся в твоем мозгу: Мазурка — море — смерть —* ***Марина****...* (1918; ср. в стихотворении 1919 г. «Маска — музыка... А третье...», где Цветаева инициально обозначает свое имя, эксплицируя его рифмой: *Как Москва — маяк — магнит — // Как метель — и как мазурка Начинается на М. // — Море или* ***мандарины****?*); *Не сказать ветрам седым, Утаят* ***голубиным*** *— Чудодейственным твоим Голосом: —* ***Марина****!* (1919); *Кто создан из камня, кто создан из* ***глины****, — А я серебрюсь и сверкаю! Мне дело — измена, мне имя —* ***Марина****, Я — бренная пена морская.* (1920).

Имя другой Марины — Мнишек — занимает обычно место в начале или в середине строки, и только один раз — в первой строфе стихотворения «Марина» (1921) — в конце. У этого имени здесь «своя» рифма, не повторяющая созвучий к имени поэта: *Быть голубкой его* ***орлиной****! Больше матери быть, —* ***Мариной****! Вестовым — часовым — гонцом — Знаменосцем — льстецом придворным!* Заметим, однако, что при нарицательном употреблении ИС *Маринка* в «Поэме конца» (1924) рифма *Маринок — орлиных* подчеркивает сходство носительниц одного имени: *Глажу — глажу — Глажу по лицу. Такова у нас,* ***Маринок****, Спесь, — у нас, полячек-то. После глаз твоих* ***орлиных****, Под ладонью плачущих...* (1924). Следует сказать также, что Цветаева рифмует — в стихотворении «Димитрий! Марина! В мире...» (1916) — и другие личные имена Марины Мнишек, фамилию и отчество, тем самым усиливая степень акцентированности совокупного имени героини и сокращая «расстояние» между двумя Маринами: *Над темной твоею люлькой, Димитрий, над люлькой* ***пышной*** *Твоею, Марина* ***Мнишек****, Стояла одна и та же Двусмысленная звезда. <...> Правит моими* ***бурями*** *Марина — звезда —* ***Юрьевна****, Солнце — среди — звезд.*

Из примеров созвучности личных ИС со словами разных частей речи в пределах одного стихотворения приведем третью строфу стихотворения «Так, в скудном труженичестве дней...» (цикл «Земные приметы», 1922), в котором личное имя рифмуется с местоимением, прилагательным и существительным: *Все древности, кроме: дай и* ***мой****, Все ревности, кроме той,* ***земной****, Все верности, — но и в смертный* ***бой*** *Неверующим* ***Фомой****.*

В отношении некоторых повторяющихся личных ИС у Цветаевой можно говорить, в нашем аспекте, о своеобразной эволюции. Так, библейское имя *Агарь* Цветаева поначалу не ставит в сильную позицию конца строки, позднее же начинает рифмовать: *Так* ***Агарь*** *в своей пустыне Шепчет Измаилу: «Позабыл отец твой милый О прекрасном сыне!»* (1917); *Простоволосая* ***Агарь*** *— сижу, В широкоокую* ***печаль*** *— гляжу.* (1921); *Прочь, последнего часа* ***тварь****! В меховых ворохах дремот Сарру-заповедь и* ***Агарь****-/Сердце — бросив... /*

Ликуй в утрах, Вечной мужественности взмах! (1922; в данном случае отмечается рифмовка первой части сложного слова *Агарь-сердце*, завершающей строку); *Еще говорила гора, что забор — Жизнь, что весь век по сердцам* ***базарь****! Еще горевала гора: хотя бы С дитятком — отпустил* ***Агарь****!* (1924, 1939). В этих примерах ИС употреблено в разных стихотворениях в исходной или совпадающей с ней грамматической форме. В иных случаях наблюдается использование разных форм ИС, в том числе в одном стихотворении, порождающих разные рифмы. Например, в первом стихотворении цикла «Двое» (1924), заключающего в себе историю «разрозненных пар», Цветаева по-разному, не повторяясь, рифмует имя *Ахиллес*: *Ночь — твой рапсодов плащ, Ночь — на очах —* ***завесой****. Разъединил ли б зрящ Елену с* ***Ахиллесом****? // Елена.* ***Ахиллес****. Звук назови созвучней. Да, хаосу* ***вразрез*** *Построен на созвучьях // Мир <...> Лишь шорохом* ***древес*** *Миртовых, сном кифары: «Елена:* ***Ахиллес****: Разрозненная пара».* Напомним, что именно это стихотворение Цветаевой с ключевыми именами *Елена* и *Ахиллес*, с очевидным утверждением: *Да, хаосу вразрез Построен на созвучьях // Мир* — начинают и продолжают строки о рифме, ее амбивалентной сущности: *Есть рифмы в мире сём: Разъединишь — и дрогнет. <...> Есть рифмы — в мире том Подобранные. Рухнет // Сей — разведешь. Что' нужд В рифме*?

В стихотворении «Жалоба» (цикл «Федра», 1923) в 10 строфах 15 раз повторяется имя *Ипполит*, которым задается звуковая инструментовка стихотворения, в том числе ее рифменная составляющая. Ключевое имя рифмуется здесь, находясь в позиции не только конца строки (*ланиты — Ипполита*), но и начала: *Ипполит! Ипполит! Болит!* (ср. эту же рифму в «Проводах», 1923: *«Все плакали, и если кровь* ***болит****... Все плакали, и если в розах — змеи»... Но был один — у Федры —* ***Ипполит****! Плач Ариадны — об одном Тезее*!). Кроме того, через непосредственно рифмующееся с ним слово (*Ипполит — Болит*), ИС оказывается связанным с рифмой к этому слову (*Болит — скрыт*): ***Ипполит****!* ***Ипполит****!* ***Болит****! Опаляет... В жару* ***ланиты****... Что за ужас жестокий* ***скрыт*** *В этом имени* ***Ипполита****!* Благодаря таким связям слов здесь — в первой, как и в последующих строфах — возникает целая палитра звуковых соответствий (ср. наблюдения О.Г. Ревзиной над проявлениями в этом стихотворении паронимической аттракции: «В стихотворении “Жалоба” цикла “Федра” Ипполит представлен прежде всего как источник воздействия, “вызывания” чувства, превращающийся далее из сына и пасынка в сообщника. Состав языковых элементов, находящихся в поле действия паронимической аттракции, объединен этим семантическим признаком: *Ипполит! Ипполит! Болит! Опаляет... В жару ланиты <...> Ипполитом опалена! <...> Ипполит, это хуже пил! Это суше песка и пепла! <...> Ипполит! Ипполит! Пить!*»*). Добавим, кстати: имена пары-лейтмотива *Ипполит — Федра* рифмуются каждое с одним и тем же «своим» словом: *болит — Ипполит, недра — Федра*.

Редкие личные ИС также могут неоднократно рифмоваться в одном или в нескольких стихотворениях. Ср. рифмы к единожды употребленному Цветаевой имени *Гераклит* в стихотворении «Невестам мудрецов» (1910): *Они покой находят в* ***Гераклите****, Орфея тень им зажигает взор... А что у вас? Один венчальный флёр! Вяжите крепче золотые* ***нити*** *И каждый миг молитвенно* ***стелите*** *Свою любовь, как маленький ковер!* В стихотворении «От стрел и от чар...» («Скифские», 1923) ИС *Иштар* (богиня любви и плодородия в ассировавилонской мифологии), входящее в 3 строку каждой строфы, рифмуется со словами *чар, вар, стар*; рифма *стар — Иштар* повторяется трижды. В стихотворении «Баярд» (1910), построенном на уподоблении мальчика французскому военачальнику, прозванному «рыцарем без страха и упрека», ИС рифмуется с существительным *парт*: *За принужденье мстил жестоко, — Великий враг чернил и* ***парт****! И был, хотя не без упрека, Не без упрека, но* ***Баярд****!*, а в стихотворении «Он был синеглазый и рыжий...» (1910) — со словом *март*: *Сердечко просит ласки, — Тому виною* ***март****. И вытирает глазки Мой маленький* ***Баярд****.*

Нередко Цветаева строит стихотворение на

* Ревзина О. Г. Указ. соч. С. 175.

выдвинутости не одного, а двух имен, каждое из которых рифмуется, порой дважды: *Имя ребенка — **Лев**, Матери — **Анна**. В имени его — **гнев**, В материнском — тишь. Волосом он рыж — Голова **тюльпана**! — Что ж, **осанна** Маленькому царю.* (1916); *Целое море — на два! // Бо — род и **грив** Шествие морем **Чермным**! Нет! — се — **Юдифь** — Голову **Олоферна**!* (1923; в приведенных строках наблюдаем рифмовку личного ИС *Олоферн* с архаичным компонентом составного гидронима: морем *Чермным* (Красным)); *С лицом Андреевым — **Остап**, С душой бойца — **Андрей**. Каб сказ — Егорьем **назвала б**, Быль — назову **Сергей**.* (1928, 1929-1938).

В отдельных стихотворениях Цветаева выступает настоящим виртуозом рифм к личным именам. Так, в стихотворении «Советским вельможей...» из цикла «Маяковскому» (1930) наблюдаем длинные цепочки неповторяющихся рифм, в том числе редких, к именам двух поэтов — Сережа (Есенин) и Володя (Маяковский): *вельможей — Сережа, Синоде — Володя; пожил — Сережа, роде — Володя; рожа — Сережа, на взводе — Володя; коллодий — Володя; заложен — Сережа, половодьем — Володя; приложим — Сережа, безводье — Володя; рогоже — Сережа, подводе — Володя; раствороженном — Сережа, Восходе — Володя.*

У Цветаевой отмечаются примеры употребления ИС в значении нарицательных. В подобных случаях антропонимы (иногда сразу несколько имен) также вовлекаются в рифменные отношения: *В сей зал, бесплатен и **неоглядн**, Глазами заспанных **Ариадн** Обманутых, очесами **Федр** Отвергнутых, из последних **недр** Вотще взывающими к ножу...* (1923); *Знай, что чудо Недр — под полой, живое чадо: // Песнь! С этим первенцем, что пуще Всех первенцев и всех **Рахилей**... — Недр достовернейшую гущу Я мнимостями **пересилю**!* (1923); *В других городах, В моих (через — **край-город**) Мужья видят дев Морских, жены — **Байронов**,* (1925); см. также приведенный выше пример с рифмой *Маринок — орлиных*.

Специального упоминания заслуживают случаи, когда широкоизвестные иноязычные — немецкие — имена, имеющие длительную традицию употребления в русском языке, Цветаева рифмует со словами немецкого языка, передавая их на письме в исконной графике. Так, в стихотворении «Германии» (1915) фамилия немецкого философа *Кант* служит рифмой к существительному Vaterland (родина): *Ну, как же я тебя отвергну, Мой столь гонимый **Vaterland**, Где все еще по Кенигсбергу Проходит узколицый **Кант***; в поэме «Крысолов» (1925) ИС *Гёте* рифмуется с формой императива tödte (входящей в состав выражения stirb und tödte — умри и убей): *В оперении райских птах Демоны: stirb und **tödte**! Что есть музыка? Тайный страх Тайного рата **Гёте** — // Пред Бетховеном.* (1925).

В лексиконе Цветаевой отдельный пласт слов составляют отантропонимные образования, в частности притяжательные и относительные прилагательные, которые, подобно своим производящим, также вступают в рифменные связи, например: *Тут как вздрогнет жук навозный, Раб неверный, тварь **иудья**: С кораблем-челном — грудь с **грудью** — Жар-Корабь стоит, гость грозный.* (1920); *Чтоб не испортил нам **смотрин** Неверный разум наш **Фомин**.* (1920); *Знаете этот отлив **атлантский** Крови от щек? Неодолимый — прострись, **пространство**! — Крови толчок.* (1923); *— О всеми голосами **раковин** Ты пел ей... — Травкой каждою. // Она томилась лаской **Вакховой**. — Летейских маков жаждала...* (1923; стихотворение «Ариадна»); *Бредем. Со стороны реки — Плач. Падающую **соленую** Ртуть слизываю без забот: Луны огромной **Соломоновой** Слезам не выслал небосвод.* (1924). Выстраиваются ряды рифменных пар, включающих личные имена и их производные. Так, приводившиеся ранее в контекстах рифмующиеся слова: *о часе — Аси, басенки — Асеньки* — дополняются парой *Асин — светло-несчастен*: *Ульрих — мой герой, а Ге'орг — **Асин**, Каждый доблестью пленить сумел: Герцог Ульрих так **светло-несчастен**, Рыцарь Георг так влюбленно-смел!* (1909).

Словарь, материалы которого мы использовали для анализа ИС Цветаевой в рифмах, позволяет изучать словоупотребление поэтов на широкой сопоставительной основе. По объекту нашего исследования могут рассматриваться словарные статьи как большого, так и малого объема. Не останавливаясь

на этом подробно, приведем лишь несколько сопоставительных примеров использования личных имен в рифмах. Имя *Авессалом*, контекст употребления которого в стихотворении Цветаевой был представлен выше, находим и у Мандельштама. Он также рифмует это имя, однако характер звучания имени в шутливо-аллюзийном контексте, в ряду иных ИС и его рифмовки здесь иной: *Восстал на царство Короленки Ионов, Гиз,* ***Авессалом****: — Литературы-вырожденки Не признаем,* ***не признаем****!* (1924; в стихотворении речь идет о сотрудниках Госиздата). В использовании ИС *Адам* Цветаева сближается с Кузминым: оба поэта рифмуют его (в отличие от Хлебникова и Маяковского, примеры из произведений которых также представлены в словарной статье АДАМ). Ср. у Кузмина: *Тебе, Господь, Твое* ***отдам****! И, внове созданный* ***Адам****, Смотрю я в солнце, умиленный.* (1916), *Произрастание — верхнему севу! Воспоминание — нижним* ***водам****! Дымы колдуют Дельфийскую деву, Ствол богоносный — первый* ***Адам****!* (1922) — и у Цветаевой: *И эти — на солнце* ***прямо*** *— Дымящие — черным двойным жерлом — Большие глаза* ***Адама****.* (1921), *Слушай-слушай,* ***Адам****, Что' проточные Жилы рек —* ***берегам****:* (1922). Обратим внимание на то, что рифмы с существительными в форме множественного числа дательного падежа отмечаются в строках Кузмина и Цветаевой с «водной» семантикой, относящихся к одному — 1922 году. Многочисленные рифменные пары Цветаевой со знаковым именем *Марина* (см. выше примеры из этой статьи) дополняются близкими по смысловому и эмоциональному наполнению рифмами Ахматовой: *«<...> Поглотила любимых* ***пучина****, И разрушен родительский дом». Мы с тобою сегодня,* ***Марина****, По столице полночной идем,* (1940); *Но близится конец моей* ***гордыне****, Как той, другой — страдалице* ***Марине****, — Придется мне напиться пустотой.* (1942); *А еще у восточной стены, В зарослях крепкой* ***малины****, Темная, свежая ветвь бузины... Это — письмо от* ***Марины****.* (1961). Если в словарной статье МАРИНА нет напрямую совпадающих рифм к этому имени у Цветаевой и Ахматовой, то в других статьях, например КАЛИОСТРО, они отмечаются. Ср. у Цветаевой: *Плащ — вороном над стаей* ***пестрой*** *Великосветских мотыльков. Плащ цвета времени и снов — Плащ Кавалера* ***Калиостро****.* (1918) — и у Ахматовой: *Не отбиться от рухляди* ***пестрой****. Это старый чудит* ***Калиостро*** *— Сам изящнейший сатана,* (1940-1960). Интересный материал для сопоставительного анализа предоставляют также статьи БЛОК, ДАВИД, КАРМЕН, МАМАЙ, ПУШКИН и др.

ГЕОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Анапа — Санкт-Петербург — Ярославль — Петрозаводск

Анапа *находится в юго-западной части Краснодарского края, на берегу Чёрного моря в 170 км от Краснодара. В древности на этом месте был античный город Синдская гавань, или Синдика. В XIV веке — генуэзская колония Мапа. В 1781—1782 гг. была построена крепость. Присоединена к России по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. Указом царя Николая I от 15 декабря 1846 г. крепость Анапа получила статус города. Курорт с 1866 г. В начале 1940-х гг. в Анапе было 14 санаториев и больше 10 пионерских лагерей. Во время Великой Отечественной войны курорт был полностью разрушен, окончательно восстановлен в 1950-х гг.*

Вера ГРАМАТУНОВА, *Анапа — родилась в Сибири, в Красноярском крае, сейчас живёт в Анапе. Печаталась в альманахах: «Литература Сибири», «Новый енисейский литератор», «Енисейские острова», в газете «МОЛ» и других, в совместных сборниках поэтов Красноярска и Минусинска. Выпустила три сборника стихов, четвёртый — в печати. Член Краснодарнсекой краевой организации Союза литераторов России в г. Анапе.*

ОТЧИЙ ДОМ

Всё чаще вспоминаю отчий дом
Со ставнями резными на фасаде,
Черёмуху с калиной за окном
И облако ромашек в палисаде.
Родные помню мамины глаза,
Улыбку и натруженные руки,
И как она, вручая образа,
Мне «Отче наш» читала в час разлуки.
Не счесть тех светлых, радостных минут
При встречах у родимого истока.
С братишкой возвращаясь, знали — ждут,
По дыму из трубы и свету в окнах.
Весенний снова слышу гомон птиц.
Как звуки малой родины приятны!
Не видно у дворов знакомых лиц.
Ушла эпоха, годы — невозвратны.
Стоит наш дом, родной мне, но чужой.
(Три свечки с давних пор я зажигаю).
И, кланяясь ему, пройду межой,
Дорога мне отмерена другая.

МГНОВЕНИЯ СУДЬБЫ

Как будто всеобъемлющее око,
Мне жизнь запечатлела каждый миг.
Реки не существует без истока,
И там, в её начале, бьёт родник.
В душе остались, памятью хранимы,
Печаль моих исхоженных дорог,
Сибирская тайга и рек долины,
Крыльцо родного дома и порог.
По миру разлетаются родные,

Встречаемся всё реже за столом.
Настали времена совсем иные,
С тоской я вспоминаю о былом.
Давно не пишем письма мы друг другу,
И без причин не каждый позвонит.
Из интернета — смайлики по кругу...
Связующая тоньше стала нить.
Но дарит жизнь мне новые сюрпризы:
Морскую гладь и ласковый прибой,
И внука шаловливого капризы.
Мгновенья эти я зову судьбой.

СЧАСТЬЕ МОЁ

Прошлое счастье осталось за гранью:
В детских забавах и в юности ранней,
В строчках стихов, в благодатных рассветах,
В розовых брызгах багульника веток.
Счастье, как эхо прошедшей эпохи,
В первых словах и в шагах нашей крохи,
В тёплых объятиях, в маминой песне,
В доме родном, где мы все были вместе.
Счастье со мною в текущем столетье.
В окнах огонь ожидания светит,
Море ласкает волною прибрежной,
Не покидают и вера с надеждой.
Мимо проходят обман и разлука,
И не изводит унылая скука.
Жизнь — это счастье великое свыше
Видеть, ходить, удивляться и слышать.

БАГУЛЬНИК

Цветущий багульник из детства —
Сиреневый сполох зари,
Тайга отписала в наследство
Познанье прекрасного средства,
Мне радость весны подарив.
И нет той, поверьте, милее
Рассветной красы на снегу.
Увижу — и взгляд мой светлеет,
Ту радость в душе берегу.
Я снова срываюсь, как птица,
Из крепких оков городских,
Чтоб воздухом чистым напиться
И мыслей набраться благих,
Багульник увидеть на сопке,
Уйти от гнетущей тоски
Знакомой дорогой, по тропке
Туда, где апрель греет робко
Из детства мои островки.

ЛУННЫЙ ВЕЧЕР

Волн разбег в цикадном перезвоне
Отраженье лунное колышет.
Тихо чайка над причалом стонет,
Голос мелодичный скрипки слышен.
От предчувствий светлых замирая,
Вижу я безбрежные просторы,
И не надо мне иного рая,
Рай — вокруг, его окину взором.
Лунный свет дорожкой золотою
На морском мерцающем экране
Паруснику путь домой готовит.
Припоздал немного чудный Странник.
Нет, не всё в подлунном мире тленно:
Я лечу, я в творческом полёте...
Верю: на Земле и во Вселенной
Лучших вы мгновений не найдёте,
Чем Анапы дивный, тёплый вечер:
Шорох волн и музыка Шопена,
И объятья нежные при встрече...
Сохраните миг тот незабвенный!

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Волны ласкают песчаные дюны.
Звёзды кружатся на глади морской,
Перекликаются с месяцем юным.
Чайки на скалах находят покой.
Ночь опустилась на берег мгновенно,
В сон погружаясь, застыли кусты.
Плещется море в ладонях Вселенной,
Сбросив усталость дневной суеты.
С вами прощаюсь, полоски заката,
Грусть навевает безбрежный простор.
Что — то в ответ мне стрекочут цикады,

С небом слились очертания гор.
Как светлячки, фонари на аллеях.
Музыка моря и шум дискотек...
Свежесть нахлынула, стал веселее
Волн шаловливых вечерний разбег.

ЖИЗНЬ – СКОРЫЙ ПОЕЗД

Закончен сюжет, и поставлена точка.
Десятый вагон, а маршрут – на восток...
Качнулся перрон, и последний гудок
Вписался мне в память, в заветную строчку.
Там юность осталась в посёлке таёжном,
Ольховую грусть не вернуть никогда.
За окнами: реки, леса, города,
С попутчиком – чай, «тормозок» мой дорожный...
Тоннели, мосты и поляны ромашек...
Я, мамы молитву храня на устах,
Неузнанной странницей в чуждых местах
Металась. И прошлым денёк стал вчерашний.
Транзитом навстречу ветрам всем промчалась,
Бывали преграды на бренном пути.
Прощаясь, не знала, что ждёт впереди,
Теряла друзей, межевала начало.
Кончается всё – невозможно иначе.
Отмерен уж путь, невозвратны года,
И в юность попасть не смогу никогда,
Холодным дождём за окном осень плачет.
Я – твой пассажир, и маршрутом конечным
Вези меня, «скорый», вокзал не далёк.
Но теплится где-то в душе уголёк,
И кажется – мчаться по жизни мне вечно.

Марина ГОРБАЧЁВА, *Анапа — поэт. Родом из города Ангарска Иркутской области. Более 20 лет живет в городе Анапа. Сценарист и организатор мероприятий Творческого содружества музыкантов и поэтов «Бригантина» (Анапа). Пишет в жанре «юмор, ироничная поэзия». Дипломант «Чертовой дюжины» (Москва).*

* * *

Мужчина упаковку «Китикета»
И пять бутылок водочных берет.
Я думаю – какое горе это,
Когда в семье завелся пьющий кот!

* * *

– Я прожил жизнь свою, внучок,
И весело, и интересно.
Я рассказать бы много мог,
Мне есть что вспомнить, если честно! –
И стал просить внучок его:
– Ну, расскажи дед, умоляю!
– Дык, я ж не помню ничего...
Но, есть, что вспомнить! Точно знаю!

* * *

Создать питомник для собак я захотела,
Уже названье есть – «Моё собачье дело».

Санкт-Петербург *основан 16 (27) мая 1703 г. Петром I. В 1712—1918 гг. столица Российского государства. С 18 [31] августа 1914 г. до 26 января 1924 г. —* ***Петроград****, с 26 января 1924 г. до 6 сентября 1991 г. —* ***Ленинград.*** *В 1712—1918 гг. столица Российского государства. В 1991 г., по результатам референдума, 54 % ленинградцев высказались за возвращение исторического названия города. 6 сентября 1991 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР оно было возвращено, а 21 апреля 1992 г. внесено в Конституцию РСФСР. 25 декабря 1993 г. вступила в силу принятая на всенародном голосовании Конституция РФ, которая подтвердила наименование Санкт-Петербург. Город назван в честь святого Петра — небесного покровителя царя-основателя, но со временем стал всё больше ассоциироваться с именем самого Петра I. Санкт-Петербург исторически и культурно связан с рождением Российской империи и вхождением России в современную историю в роли европейской сверхдержавы, является символом имперской власти и военной славы. Расположен на побережье Финского залива и в устье реки Невы*

Наталья ТРЯСЦИНА, *Санкт-Петербург — лауреат международных поэтических конкурсов, публиковалась в альманахе «Словесность», сборнике «И вспыхнет радуга созвучий», журналах, на литературном интернет-портале «Русский переплет». Организатор и первый председатель Пермского областного отделения СЛ РФ. Государственный стипендиат 2919, 2020 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

Из цикла «Неприкаянный поэт»

* * *

— Хотите стихов? На закуску, на сдачу,
На стол, на постель, на любовь, на удачу.
Стихи в вашей жизни авось пригодятся.
Хотите стихов? — Ну, откуда им взяться?
— Что значит откуда? Авось от верблюда.
Из сора, из споры, из лишнего блюда.
Просыпалось с неба нетленное просо.
Какие ещё у вас будут вопросы?

ВРЕМЕНА

О, времена, затёртые до дыр,
Смотрю я в ваши призрачные воды,
Что так устали торопить невзгоды,
И брать из мышеловки старый сыр.
О, времена, лихие до конца,
Меня на произвол судьбы бросали,
Лишь для того, чтоб ангелы спасали,
И светом осеняли мрак лица.
О, времена, забуду ли я вас?
Нет, не забуду даже в райской кущe,
Я буду видеть пламя тёмных глаз,
Часы, вино, свечу, иконостас.
О времена, я не забуду вас!

ПРОЗРЕНИЕ

Я, двигаясь по замкнутому кругу,
По МКАДу, обесцвеченному вьюгой,
Лечу снежинкой в чьё-то никогда,
Где отзеркалит талая вода
Ботинки годовалого сынишки,
Весёлый смех, и льдинки на реке,
И в ярком рюкзаке смешные книжки,
И бабочку на высохшем песке,
Живую, полыхающую рыжим,
На солнце, отражающем в огне
Всех тех, кто жизнью был обижен:
Не встал, не состоялся, не...
Прозрение в сей час приходит,
И жизни свою огненную лаву
Благодаришь. Пусть на исходе
Всех напоишь бессмертием и славой.

РУССКАЯ СОЛЬ

Посолили поля из небесной солонки,
И в округе светлеет от соли такой.
И задумчивый свет, прозрачный и тонкий,
Протянулся от месяца острой строкой.
Чуть подул ветерок, поднимая крупинки
Над кустами и лесом, оголённым, как боль,
Я смотрю из окна на дома и тропинки,
На простую прекрасную русскую соль.
На горбушку дорог, что черства и сурова,
На кресты на погостах Великой Руси.
На забытое в праздности русское слово,
На молитву Христову: — Сохрани и Спаси!

ЕЩЁ НЕДЕЛЯ ДО ЗИМЫ...

Ещё неделя до зимы. Ещё неделя.
А за окном уже всерьёз свистят метели.
И рыбы, подо льдом заснув,
Плывут сквозь время.
А я смотрю на этих рыб и вижу тени.
Среди чернеющей волны, идущей косо,
Мы варим кашу по утрам, мы сеем просо.
Мы будем жить, как Бог велел.
Мели, Емеля!
Ещё неделя до зимы. Ещё неделя.

Агния РОМАНОВА, *Санкт-Петербург — лауреат IX Всероссийского семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России», 2021, номинант Международной детской литературной премии им. В.П. Крапивина-2021, финалист премии «Новая детская книга 2020».*

ПЕЧЬ НА СВОЁМ МЕСТЕ

Заказывать детские книги с доставкой приятнее, чем выбирать вживую. Курьер не спрашивал, как участливые женщины-продавщицы: «У вас мальчик или девочка? Ах, никого...» Лена бурчала в ответ: «Планирую» и прятала глаза. Кому какое дело?

Покупать азбуку, когда ребёнка нет и в проекте — от этого веет безнадёжностью и модным, затасканным в сериалах сочувствием: ах, не можешь родить, ах, бедолажка. Даже если на самом деле можешь.

Лена хотела карьеру, училась на инженера и собиралась проектировать что-то сложное, интересное и за много денег. Но детские книги — это было сильнее её. Лет с двадцати в шкафах начали копиться буквари, истории о животных, рассказы о войне, с блестящими самолётами цвета пломбира и ясноглазыми мальчишками на обложках. Зачем? А кто знает.

Душа просила.

Лена разорвала упаковку, разложила новые книги веером на диване: полезные советы для мальчиков, рукоделие для девочек... На столе укоризненно гудел ноутбук. Чертежи на экране намекали, что неплохо бы вернуться к зубрёжке. Завтра собеседование. Крутая фирма, офис «аквариум», корпоративные тесты и зарплата такая, что ипотеку можно оплатить в одиночку и ещё на жизнь останется. Не только на существование.

Есть одно «но»: в декрет не уйти. Выбор прост: ребёнок или карьера. А Матвей замуж не зовёт, хотя ей скоро тридцать... Лена, пока его не встретила, уже про ЭКО размышлять начала, но возле Матвея разбаловалась, отогрелась.

Но если он раздумает, бросит? Работы нормальной пока что нет у обоих. Кто ребёнка обеспечит? «Часики тикают» — эту мысль Лена глушила на подходе. Кроме мутной злости, она ничего не вызывала. Но Матвей...

Он — парень видный, двадцать пять лет, морпехом отслужил, свой бизнес создал и развалил, ещё не наигрался. Родителей нет — разбились на машине, влетели в ливень в бетонный блок — «ремонт дороги». Матвея с сестрой вырастила бабушка. Она помощи не требует — сама кого хочешь поддержит, живёт в Великом Устюге в собственном доме. Сестра Матвея в вологодской квартире ремонт затеяла. Как её, Тася? Тоня? Тьфу, в голове не держится. Про сестру Матвей вспоминает нечасто — что-то между ними не ладится.

Лена бережно сдвинула книги в сторону, плюхнулась на диван. Тюль на окне розовел — дело шло к закату. Пахло новенькими книгами: краской, бумагой, радостью.

Шелест ноутбука смолк. Машина перешла в спящий режим. Лена с сожалением вернулась к рабочему. В тёмном мониторе отразилось круглое невзрачное личико, по-детски пухлые губы. Лена, глядя в экран, перевязала на макушке светлый «хвост».

«Содержание химических веществ не должно превышать...» Буквы читались, как набор знаков. Как назло, единственная фирма, предложившая серьёзный оклад и соцпакет, требовала полной отдачи.

Лена в итоге не удалась карьеристкой: любила тихо сидеть за чертежами, чем бегать по совещаниям и руководить. На новой должности тишины не светит, но деньги нужны. Нужны ведь? За пару лет накопить, и в декрет... Должность она считай что потеряет, когда выйдет через три года. В крутой компании никто на неё ставку не сделает: больничные, отгулы и прочие составляющие материнства начальство представляет.

До зуда в ладонях захотелось отменить собеседование и ничего не зубрить.

Пропел дверной звонок. Лена бросилась открывать с чувством школьницы, у которой перенесли экзамен. Матвей пришёл, можно с чистой совестью отвлечься.

... Не вышло.

Она переоделась в сорочку, прошлась по коже ночным кремом с ароматом розы и нырнула под одеяло. Матвей ощупью нашёл её руку.

— Ленусь, такое дело... Бабушка звонила.
— Из Устюга?
— Ага. Просит приехать. Завтра.
Лена замерла.
— А твоя работа? — спросила машинально.
— Такое дело, — он откашлялся. Сказал чётко: — Бабушка велит ехать в Тимошинскую. Помнишь, где два дома на яру? Сеструха моя печь разломать хочет. Дом-то бабушка мне отписала, земля копеечная, но всё-таки. Но Тася, она, если решила — приедет и кирпич заберёт прямо завтра. Стену делает в квартире, покупать дорого, — он уставился в потолок. В полутьме поблёскивали белки глаз. — Мол, я в деревне сто лет не был, дом и даром не нужен.
— Собака на сене, — подтвердила Лена, а сама напряглась. Внутри заскреблась неизжитая, в генах прописанная крестьянская жадность — как можно дом погубить, печь разобрать? Чужую. Да ещё почти «нашу».
— Короче. Ленусь, надо ехать. Завтра среда. Таська в этот четверг или в пятницу рванёт.
— А позвонить и запретить? По документам ты хозяин.
Матвей прошипел невнятное ругательство.
— Это ж Таська. Что ей бумажки. Раз не езжу — гуляй не хочу.
— Во сколько поезд? — приподнялась на локте Лена. — Я успею сготовить на завтра? Матюш?
Он молчал. Лена уселась, придвинулась, ухватив за руку.
— Матюш. Ты чего?
— Лена, поехали вместе. Поезд в четырнадцать пятьдесят четыре.
Сказал и замер, глядя из полумрака.
Она сглотнула.
— Собеседование в пятницу, — выдавила неловко.
Матвей рывком сел. Под белой майкой рёбра часто вздымались.
— Ленуся, — хрипло сказал он, — милая. Поехали, с бабушкой познакомлю. Пока она ещё, — он прочистил горло. — Тебе на этой работе отпуск положен, а мы год встречаемся. Давай вдвоём, а? — глаза заблестели лихорадочно.
Лена молчала в том вязком оцепенении, какое бывает, когда человеку предлагают нечто желанное, но точно ошибочное.
— Понимаю, важная работа, — быстро продолжил Матвей, — ты готовилась, но может, останешься? Можно на удалёнке работать, если что. Ты же вот... ребёнка хотела. А? Ленусь. Очень тебя прошу.
Матвей взял её пальцы в ладони, погладил. Лена посмотрела на его руки: совсем не аристократичные, широкие и крепкие, с голубой жилкой на правом запястье. Она придавила жилку, отпустила. Сообщила:
— Ты спятил.
Он обескуражено обмяк на подушке.
— Воды хочешь? — спросила Лена и вывернулась, сползла с кровати, не дожидаясь ответа.
В груди ныла не то боль, не то часотка.
— Держи, — сунула кружку Матвею.
— Спасибо, — тот вопросительно заглянул в глаза.
Лена отвернулась. Матвей поймал её за руку.
— Спи, — велела она. — Я на кухню.
— Ты...
— Курицу тебе запеку. Бёдрышки в морозилке. Билеты купил?
Матвей залпом выпил воду и отфыркался.
— Не надо ничего, милая. Отдыхай. Не купил, чтобы... Ну, чтоб мы вместе.
— Спи.

* * *

«Уважаемый Андрей Иванович! В связи с форс-мажором по семейным обстоятельствам прошу перенести собеседование...»
Гостинец надо придумать для бабушки, нехорошо с пустыми руками ехать. Запечённая курица пахла одуряюще чесночно.

* * *

У Матвея смешные белобрысые ресницы, под цвет шевелюры. В короткой стрижке они пушились, как одуванчик, а если отрастали — походили на детские волосики. Интересно, у сына будут такие же?

* * *

Матвей подхватил Лену, помогая спрыгнуть со ступенек. В розовеющем небе висел огрызок белой луны. Пахло печным дымом и влажной землёй, Лена не удержалась — облизнулась. Матвей бросил оба рюкзака на перрон и сочно, со вкусом потянулся. Чёрная куртка обтянула плечи. Лена не удержалась — погладила их, гладкие, плотные, жаркие. Внутри разлилось тепло. Матвей притянул её за талию и потёрся подбородком о макушку.

— Нам туда, — за пыльными домами рыжел мост. — Сто лет здесь не был. А воздух-то бодрит!

Лена успела запыхаться и взопреть, пока топала вдоль шоссе и через лес. Поле распахнулось неожиданно: высокая даль, как ладонь, держала синий лес. Возле него темнели крыши.

Матвей замедлил шаг, откинул капюшон. Небо поднялось хмурое, рваное.

— Сто лет тут не был, — повторил он. — Ух-х...

Морось ударила в лицо и сползла по щекам, как слёзы.

Дом вблизи показался огромным. Капли дождя блестели на крутобоких брёвнах, в потёках застарелой смолы. Крыша выглядела целой, окна глядели мутными стёклами.

— Какая могучая... — Лена погладила стену.

Матвей достал ключ из-под крыльца. Из открытой двери дохнуло известью и стылой пылью. Печь смутно белела в глубине.

— Веник есть? — спросила Лена.

— Погоди, пока я печь растоплю, — странным голосом сказал Матвей.

Он застыл в сумрачной комнате, опустив руки, словно боялся ступить не туда. На лавке рядом, на перевёрнутых вёдрах, лежала пыль.

— А воду-то, — он прочистил горло, — мы привозили. Я дурак.

— Что? — сердце кольнуло.

— Не купил воды, что. Речка давно непитьевая.

— У тебя три литра в рюкзаке, — отходя от мимолётного испуга, что они пришли зря, сообщила Лена. — У меня литр.

— Ерунда...

Матвей, как по хлипкому льду, подошёл к столу. Провёл ладонью — прозрачная клеёнка, невидимая раньше, сморщилась. Он отдёрнул руку. Сверху из божницы хмуро взглянула Богородица. Матвей встряхнулся, как мокрый пёс.

— Сначала дрова, потом вода. Кладовка там — пыль протереть, — он махнул за печку и вышел.

Лена пожала плечами. Отдёрнула цветастые шторы на окнах, и солнце плеснуло на пол, высветлило печь. Лена потрогала её — сырую, глубинно-холодную, будто ящик в морозилке. Это ощущалось неправильно, и смутная вина царапнула душу. По белёной стене змеилась тонкая трещина.

Быстро отвернувшись, Лена сунулась в кладовку. Прямоугольник света мутно протянулся внутрь. Золотистый веник топорщился прутьями вверх, вёдра, тряпки, коробки и корзинки громоздились друг на друге в продуманном порядке.

Затопали шаги.

— Встал отлить — а с пригорка такая красота! — возвестил Матвей.

Он вошёл стопкой дров вперёд. На локте болталось пластиковое ведро с лучиной.

— Не спёрли запасы, Ленусь, — объявил радостно. — Осина и ольха.

— Как насчёт электричества? — озвучила насущный вопрос Лена.

— Пробки, точно, — Матвей мотнул подбородком. — Щас.

Он сгрузил дрова и исчез. Крикнул откуда-то:

— Пробуй!

Лена нажала пожелтевшую ребристую клавишу на стене. Люстра под потолком вспыхнула. Пыль распушилась на столе и на подоконниках.

— Контакт? — гаркнул Матвей.

— Есть контакт, — без заминки откликнулась Лена. За год натренировалась.

Матвей отодвинул увесистую заслонку и взялся укладывать поленья в полукруглый зев печи.

— Не помню, костром или внаклонку ставить, — пробормотал он. — Чтоб полегче горело? Точно, нельзя костром.

Дрова пахли сладко и горько, терпким деревом. Лена подкралась поближе, забыв про мокрую тряпку в руке. Затрещала лучина в глубоком зеве. Матвей уложил поленья. Потянуло дымом.

— Горит, — чересчур уверенно подытожил он. Вскинул серые глаза и ухмыльнулся задорно: — Бодрит! Ладно, я — за водой.

Он двигался по-новому сильно и чётко, как человек, которому вправили застарелый вывих.

— Ты веник зачем достала? — обернулся с порога. — Не подметай, пока печь не разгорится.

— Почему?

— А не помню. Бабушка так делала, понимаешь.

Лена демонстративно убрала веник и взялась за тряпку. Когда Матвей принёс воды, дело пошло живее. Лена перемазалась в пыли, дохлые мухи хрустели под тапками. В груди бурлило что-то зовущее; ворчанье и гул огня подгоняли. Шторы бы постирать...

Затрещал огонь. Он заплясал открыто и по-хозяйски под белой аркой. «Под», кажется, так она зовётся в русской печи. От огня шло тепло, от печи — сырость. Матвей подложил поленьев и сообщил:

— Сушить одежку перед сном повесим. Раньше нельзя, только влаги наберётся.

— Там трещина в печи, — спохватилась Лена.

Матвей дёрнулся.

— Где? А, эта... — он обмяк. — Ей лет сто. Всегда была — к утру от тепла сойдётся, и не заметишь.

— Точно не опасно — открытое пламя? — уточнила Лена.

Рыжие языки метались в печи, пугали и успокаивали одновременно. Словно пока они пляшут под белым сводом — всё хорошо.

— Не опасно, но могу закрыть, — усмехнулся Матвей и обнял Лену. От него пахло потом и дровами.

— Ленуся-хозяюшка.

— А что ты там делаешь? — в тельняшку пробубнила она.

— Да вот полешек наколол. Настил прохудился над поленницей. Крылечко в туалете провалилось, на скорую руку подновлю...

Лена просунула руки Матвею под мышки, вжала ладони в твёрдые жаркие лопатки.

— Обедать будем? Я чайник нашла электрический.

— А давай картошку испечём? С тушёночкой...

От его воркующего тона потекли слюнки, а в животе стало тепло и сладко.

— Я в печи готовить не умею, — предупредила Лена. — Только чугунок видела. Предлагаю курицу доесть и чай заварить.

В итоге сначала поставили чугунок, а потом занялись едой, потому что «на голодный желудок лучше готовится», как пояснил Матвей.

Солнце косо лежало на клеёнке. По дому плыл запах печёной, как на костре, картошки, полы блестели. На лавке справа от божницы прекрасно ловил интернет, за столом — медленнее.

Лена вдруг осознала, что напрочь забыла про собеседование и свои тревоги.

— Картошечка, ум-м, — пояснил Матвей, блаженно смакуя исходящий паром кусок. — Хлебушка бы настоящего, местного.

Закат глядел в левое окно золотисто-алым, за вторым сумрачно высился лес.

— Зелени не хватает, петрушки там, укропа, — посетовала Лена, разливая крепкий чай.

Фарфоровый чайник в розовый цветочек радовал глаз.

— Я видел, где-то лук пробился, — встрепенулся Матвей. — У туалета. И крапива. Одуванчики, щавель ещё был. Хочешь, посуду помою? — подмигнул он и сдвинул вниз резинку домашних штанов. — Горячей воды только нагрею.

— И меня научи. Я знаю, что если вода жёсткая — надо с горчицей вместо мыла.

— Не, тут мыло нормально. Да ты всё умеешь! — серые глаза вспыхнули жарко и ласково.

Лена спрятала горящее лицо в чашке. Матвей и раньше смотрел нежно, но чтобы так... А вроде неплохо кормила. Кто ж знал, что готовить надо в печи.

— Я завтра посмотрю огород, — пообещала Лена. — Прополю что-нибудь. Щей крапивных хочешь?

— Спрашиваешь!

Насчёт мытья посуды — водопровод бы наладить, прикинуть расчёт и пробурить скважину. Канализацию сде-

лать проще — септик. Ассенизатор не проедет, но природу засорять неохота. За домом под гору удачный уклон, можно диаметр взять побольше...
— Нашёл шишки в корзине, — вырвал из грёз Матвей. — Какие с плесенью, те выкинул, завтра самовар поставим, или — точно! — он выпрямился. — Углями растопим, как положено.
— Самовар, — блаженно вздохнула Лена. — Матюш, я подумала про туалет...
Она сдвинула чашки в сторону и открыла в планшете схему водоотведения. Матвей подался ближе.
— Какая глубина промерзания? — уточнил он. — Ага. Зачем рабочие, что я, траншею не выкопаю если что... Лена сбегала к рюкзаку за блокнотом и карандашом. Они толкались локтями и чертили, Матвей поглаживал её колено под столом. Закат над лесом истаял до тускло-красного.
— Фух, Ленусь, проветримся?
Он укутал Лену в куртку.
— Раскочегарилась-то, простынешь. Чуешь, тепло пошло?
Печь прогрелась, — в голосе сквозило спокойное довольство.
В сумерках от леса тянуло сыростью, а с полей — нагретой травой. Тишина стояла под высоким гаснущим небом — аж дышать боязно. Вдалеке защёлкал соловей, нежно свистнул другой.
— Хорошо, — прошептала Лена.
— Ага...
Они взялись за руки и встали, не шевелясь. Любой звук казался лишним, а движение — чужим в зыбком вечернем покое.
Небо погасло по краям и налилось тёмной глубиной. Протаяли звёзды. Холод пробрался под воротник, и казалось легко и сладко застыть здесь навечно. Но прежде — поделиться безмолвием, полным жизни: хотелось набрать её полные ладони и подарить. Лена вдруг явственно ощутила в левой, свободной, руке — маленькую тёплую ладошку. «Мама, а что там?» Она вздрогнула и обернулась.
— Ленусь? — хрипло позвал Матвей. — Замёрзла?
Лена опустила взгляд. Распрямила ладонь — пустую и ледяную. Мокрая от росы трава налипла на сапоги.
— Да, идём домой.
— Бр-р, — Матвей обхватил её за плечи, растёр энергично и утянул в дом.
«Домой».
Печное тепло распахнулось, обнимая, так что голову повело. В доме пахло хлебом, нагретым деревом и печёной картошкой.
— Я помою посуду. Ты стели, — велел Матвей, и Лена послушно скрылась в комнате.
Она слышала, как он льёт нагретую воду в умывальник, гремит посудой. Она успела задремать, когда Матвей погасил свет. Прошлёпал босыми ногами и нырнул под одеяло, по привычке нащупал руку Лены под одеялом. Поёрзал, устраиваясь. Ткнулся носом в подушку и замер, зарылся лицом.
Лена приподнялась на локте.
— Солнцем пахнет. Как у бабушки, — невнятно пробурчал Матвей и вынырнул.
Лена упала обратно.
— Завтра запахнет лучше, но мы уедем.
— Ага. Как я здесь любил всё, ты не поверишь. А после... Когда родители, так уехать рвался — чуть не свихнулся.
Лена бесшумно перевела дыхание. Сквозь проём в комнату глядела ночь — из окна, далёкая, синяя, тихая. Что-то шуршало за печью.
— Домовому молочка нет, — шёпотом сказал Матвей. — А бабушка ставила.
— Можно хлебца, — отозвалась Лена. — С солью. Как мама на даче.
Матвей вздохнул и снова умолк.
Пели соловьи. Тихий шорох переполз украдкой потолок по диагонали и смолк.
— Наверху чердак? — тихо спросила Лена.
— Чердак...
— А в туалет ночью куда?
— Там ведро у входа, чёрное. Вообще в коридор ставили, который в холодный дом. Бумаги только нет.
— Бумага в моём рюкзаке, рядом.
— Хозяюшка, — он нежно сжал её пальцы.

Лена улыбнулась в темноте. Она чувствовала, как заполошно бьётся вена на широком запястье — будто Матвей стометровку бежал. Домового боится, что ли?

— Ленусь. Выходи за меня?

Она ещё думала про домового. Печь белела в полутьме, и мерещилось, что сверху над балкой сидит кто-то мохнатый.

«Выходи за меня».

В тепле одеял, под пальцами стучал чужой пульс. Чужой ли?

— Я... — язык пересох.

В пустой ладони сгустилось тепло, и белёная стена расплылась перед глазами. Озорная мордочка над балкой мелькнула и пропала. Лена сглотнула. Она слишком долго молчит, что, если он скажет, что пошутил, передумал, и вообще это несерьёзно...

Матвей поднялся на локте, глядя в глаза сверху вниз. Сердце заколотилось.

— Я не добытчик был, знаю, — быстро проговорил он. — Но я всё продумал. Я не говорил, пока не точно было, но меня взяли по контракту. В смысле, в армию. Я же толком нигде не пригодился, а служить умею и хорошо. В спецподразделение, потому что морпехом не зря пахал! — он перевёл дух. — Ленуся. Ты согласна?

Она зажмурилась. Печное тепло больше не грело — выстудилось, сыростью забралось под кожу.

Муж, которого не будет рядом. Которого в любой момент не станет.

— Ленуся? Я не...

— Согласна. Да. Я согласна.

Глаза нестерпимо жгло. Лена отвернулась, чтобы он не увидел слёз.

— Милая, ну ты что, если б знал, что ты такая нежная... Конечно, ты у меня самая нежная. — Он пальцем вытер влагу с её щёк. Лена всхлипнула. — Всё будет хорошо. Оклад нормальный и премии, тебе не надо работу менять, знаю, ты не любишь эти тесты и руководящую фигню.

Он приник — жаркий, сильный, покрыл поцелуями лицо, часто и ласково, и ворковал-ворковал. Лена безучастно лежала, пытаясь улыбаться, сминая холодное одеяло.

— Покормим домового? — предложил Матвей. — А то вдруг спать не даст.

Он обнял её целиком, как игрушечного пупса в конверте — вместе с одеялом, и баюкал. В надёжных руках легко забывалось о том, что вокруг — холод. Что надёжности нет и всё зыбко.

— Давай покормим.

Матвей бережно опустил Лену на постель и вскочил.

— А много соли? — крикнул он с кухни.

Лена переползла на его место и свернулась в клубочек.

— Щепотку. Иди сюда.

Он воздвигся в проёме, большой, энергичный, с блестящими в полумраке голыми плечами.

— Я так рад, милая, — объявил, упав сверху и бережно спружинив на руках.

Кровать жалобно скрипнула. Матвей рассмеялся. Лена заползла ему под руку и закрыла глаза.

Папа будет счастлив. Мама тоже, но папа больше: Матвей к делу сам себя пристроил да ещё замуж позвал. Честь по чести.

— А давай, как вернёмся — сразу в ЗАГС? Нам в командировку скоро.

Лена прикусила губу. Она не станет ничего расспрашивать сейчас, не станет, на ночь глядя...

— А что бабушка скажет? — вспомнила о важном.

— Бабушка жутко обрадуется.

— Что, и контракту? — не удержалась Лена.

— Конечно, — удивился Матвей. — Она всегда ругалась, что зря меня в Суворовское училище не отдали, меньше дури в башке было бы. Теперь думаю, что так.

— Ты хороший, — сообщила Лена и повернулась, чтобы прижаться к нему спиной.

Очень давно, с тех пор, как перестала умещаться у папы на ручках, она не испытывала столь явного чувства защищённости. Вдвойне горько, что это — полуобман. Полуправда на пару дней, недель и месяцев в году, пока Матвей приезжает живой...

«Если провалю собеседование, то уйду в декрет и сделаю тут удобства и интернет. Сколько можно бояться», — подумала Лена.

— Спим? — прошептала она.

— Ага, — он поцеловал её в макушку. — Вон луница какая.
Лена приподнялась — взглянуть.
В окно бил прожектор, иначе не скажешь. Ледяной бело-жёлтый свет облизывал подоконник, блестящий пол и угол скатерти. Лена остро ощутила себя внутри крошечного мира: в тёплом доме, укрывающем от великой ночи, посреди стылого, бескрайнего и тёмного леса.
Она всхлипнула и плотнее забилась под одеяло. Матвей подгрёб её к себе, обняв поперёк живота. Лена вдруг пожалела, что не беременна — тогда его жест обрёл бы особенный смысл.
Это было жалкое чувство, как от вопросов женщин продавщиц: «У вас мальчик, девочка?» У неё никого — ни ребёнка, ни карьеры, зато появился жених. Неизвестно, надолго ли... Но ведь и карьера тоже без гарантий.
Что-то тихо скреблось за печкой в кухонном углу. Звенели соловьи. Лена закрыла глаза и разрешила себе согреться.

* * *

«К сожалению, в данный момент наша компания в ваших услугах не нуждается...» Лена так и знала, что перенос собеседования добром не кончится. Она отвечала на вопросы толково, как показалось, а на планах и семейной жизни срезалась. Сказала, что выходит замуж, детей нет... Потенциальную декретницу взять не пожелали.
А может, это знак судьбы.

* * *

— Вот смотри, это мы с Леной на печке, а вон какой бурьян теперь за туалетом, а тут я забор починил, — Матвей отправлял фотографии сестре, Тасе, и набирал голосовые сообщения. — Короче, мне бабушка хвост накрутила, что я свой дом семейный забросил. Ленусе там понравилось, летом поедет туда жить. Удалёнка, удобства проведём, все дела. Как идёт ремонт в квартире, сестрёнка?
Лена в мягких тапочках отошла от дверей. Подслушивать нехорошо, но зато она успокоилась за большую, белую с трещиной на боку столетнюю печь, которая хмуро и безответно ждала людей посреди синего леса. И за мохнатого кого-то, который шуршал под потолком.

* * *

Телефон взорвался оглушительной трелью. Матвей! Лена схватила с колотящимся сердцем.
— Матюш?
— Лена, вечером уезжаем, командир дал командировочную — нас поженят сегодня. Я сослуживца припахал помочь. Платье есть? Длинное.
В голове загрохотало, как при шторме.
— Нет... Есть!
Лена метнулась к шкафу, выудила длинную белую юбку — летнюю, тонкую, вывернула на пол блузки.
— Через полчаса буду.
В трубке запульсировали гудки.
Лена прижала ладони к горящим щекам. Спокойно. Она просто выходит замуж. Через полчаса. Она схватилась за телефон, набрала давнюю подругу.
— Ань, подружкой невесты будешь? Срочно.
Та среагировала мгновенно.
— Когда?
— Через час в нашем ЗАГСе.
— Еду. Только паспорт не забудь.
Матвей выскочил из машины, с красными пятнами на скулах, в кремовом костюме явно с чужого плеча. Лена судорожно ощупала паспорт.
— Кольца есть, — сообщил Матвей и открыл дверь на заднее сиденье: — Садись. Повенчаемся позже, как положено и где и если захочешь.
Он застыл на миг, огладив Лену взглядом — словно бархатно приласкал.
— Ты чудо, — сказал севшим голосом и захлопнул дверь.
Паша, друг Матвея, сидящий за рулём, дал по газам.
Свадьбу Лена запомнила урывками: тёплую ладонь Матвея на талии, как печать. Тычок от Ани в спину — паспорт отдай! Небольшую комнату с золотыми шторами на окнах. Торжественный голос женщины в брючном костюме.
Уверенное «да» — Матвея, глаза в глаза, и тонкий золотой ободок на пальце.
— Жена, — в голосе сквозило довольное урчание.
И сразу стало спокойно и легко дышать.

Они чокнулись бокалами с соком, открыв его на багажнике машины. Мимо с пыльным свистом мчались автомобили, солнце бликовало в окнах многоэтажек.
— Буду звонить, — пообещал Матвей. — Раз в неделю точно. У Паши «уазик», он вас догонит через пару дней. Подмогнёт по хозяйству.
Паша улыбнулся одними глазами и подлил Ане сока.
В зрачках Матвея отражались две крошечных Лены.

ЭПИЛОГ

Издалека донёсся шум электрички. Лена прижала к груди букет пионов и загородила от солнца глаза. Электричка выплывала из дрожащего летнего марева медленно, изнуряюще медленно.
Сотню раз читанное сообщение гласило: «17:06, третий вагон». Мимо проскрипели колёса. Лена быстро пошла вдоль путей, потом неловко побежала. Ветер трепал платье, обтягивал на выпирающем животе.
Матвей спрыгнул с подножки пропылённый, в камуфляже с закатанными рукавами и дочерна загорелый. Он бросил рюкзак в пыль и загородил ладонью-козырьком глаза.
Лена опустила руки с букетом. Сердце загнанно трепыхалось. Матвей в два прыжка подбежал и замер.
— К-кто? — выговорил он, расплываясь в неудержимой, сияющей ухмылке.
— Девочка, — прошептала Лена.
— И ты молчала, — прорычал Матвей, сгребая в объятия сильно, нежно и надёжно. Он пах солнцем и уверенностью.
— Господи, как я соскучился.
— Живой и целый, — выдохнула Лена.
Другой рукой он вытащил пионы из её руки и с наслаждением зарылся в них лицом, положив колючий подбородок Лене на макушку. Она потёрлась о него, как кошка.
— Ну, рассказывай, что натворила.
Лена счастливо рассмеялась.
— У нас теперь канализация мечты!
— Значит, за мной водопровод, — ревниво пообещал Матвей. — Я на две недели точно, если не сорвут. Не должны.
— Ура! Я проверила расчёты — без ошибок, так и построили, — похвасталась Лена.
Матвей привычно ухватил её за руку, и та прикрыла глаза.
Любить оказалось очень страшно. Куда проще обезопасить себя, купить новый диван или сменить работу.
— Что я тебе привёз, — подмигнул Матвей, устроившись на заднем сидении «уазика». — Держи.
Лена охнула, когда на колени упала стопка книг. Детских.
— Как вымоюсь, поставлю самовар, — объявил Матвей. — Я же обещал.
Дымное августовское солнце висело над шоссе. Дорога бежала под колёса, бесконечная и ухабистая, как время.

Ярославль — *расположен на месте слияния Волги и небольшой реки Которосль. В 1010 году ростовский князь Ярослав Мудрый возвел здесь крепостные стены. Когда в 1612 году поляки оккупировали Москву, Ярославль ненадолго стал столицей государства. В городе стали появляться новые храмы, со всей России сюда ехали лучшие ремесленники и художники. Ныне это третий по величине город Центрального федерального округа с населением более 600 тысяч жителей. Свое тысячелетие город отпраздновал в 2010 г. и стал объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Основными достопримечательностями являются Спасо-Преображенский монастырь, церковь Иоанна Предтечи, церковь Иоанна Златоуста и другие. Один из городов Золотого кольца.*

Виктория СОЦКОВА, *Ярославль — родилась в Баку. Окончила факультет журналистики Азербайджанского государственного университета. Была внештатным корреспондентом газет «Молодежь Азербайджана», «Баку», «Моряк Каспия». С 1990 года — в Ярославле, в 2013 году создала Российское сетевое издание «Первый национальный», где работает главным редактором. Победитель и дипломант российских и региональных профессиональных творческих конкурсов разных лет, автор научных статей по развитию современной журналистики.*

ДОСТОЕВСКИЕ – РЫКАЧЕВЫ – ЛЕНИНЫ В ЯРОСЛАВЛЕ

Уже не первый раз приезжают в Ярославль потомки трех российских древних родов Достоевских, Рыкачевых и Лениных, которым несколько лет назад исполнилось по линии Достоевских – 500 лет, по ветви Лениных – 400 лет, а по роду Рюриковичей, к которому они имеют отношение, 1200 лет.

На окраине Ярославля, в микрорайоне Дядьково, есть особенная школа, там действует музей имени зодчего Андрея Михайловича Достоевского, брата великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. В школе сумели сохранить традиции, встроиться в современность. Долгие годы музеем занималась Людмила Петровна Смирнова, коллектив учителей, ученики и друзья школы собирали по крупицам экспозицию. По просьбе потомков архитектора учебному заведению и школьному музею присвоили имя А.М. Достоевского.

В этом же районе работает библиотека имени Ф.М. Достоевского.

Школа и библиотека находятся в постоянном контакте образовательно-воспитательного процесса. Культивирование интереса к двум замечательным личностям помогает им совместными усилиями переформатировать интерес подрастающего поколения с фальшивок потребительского рынка на настоящие нравственные ценности, исконные русские традиции.

Брата писателя, Андрея Михайловича, с Ярославлем четверть века связывала работа. Он служил главным губернским инженером, архитектором. Здесь жил с семьей, растил четверых детей. На Леонтьевском кладбище города похоронена Домника Ивановна, его супруга. В историю он вошел как архитектор и мемуарист. Благодаря его «Воспоминаниям» мы узнаём, как формировалась личность его брата-писателя.

Так же в Ярославль в очередной раз приехала из Санкт-Петербурга семейная пара Достоевских—Рыкачевых—Лениных. Это потомки по одной родовой линии Андрея Михайловича, а основатели другой ветви – Ленины, покорители земли Сибирской. Предки составляют, можно сказать, генофонд страны, а потомки не посрамили чести древнего и знатного рода своей деятельностью во благо нынешнего государства. Не один год Лариса Дмитриевна и Андрей Сергеевич Ленины пребывают в тесном контакте со школой, музеем и библиотекой в Дядьково.

На встречи приходят представители Ярославского историко-родословного общества, городского отделения Всероссийского общества охраны памятников и культуры (ВООПИК) и ярославцы, неравнодушные к теме родословных традиций.

Не вытравить из интеллигентных людей никакими реформами, формациями, трендами настоящий дух России, в основе которого – сила семьи и образования.

Хозяева библиотеки радушно встречают гостей, проводят экскурсии по подготовленным к мероприятиям выставкам: родословную Достоевских, книги о творчестве писателя. Редкое издание о роде Достоевских 1933 года подарил библиотеке Андрей Николаевич Кочешков, а фолиант «Хронику рода Достоевских» 2012 года – Николай Николаевич Богданов. Спичечный коробок царских времен фабрики Дунаевых принесла Татьяна Николаевна Лежникова.

Интересно из представленных документов и книг узнать об особенностях профессионального мастерства инженера-архитектора Российской империи в прочтении наших современников. Большой вклад зодчий внес в сохранность памятников истории Ярославского края, проявил себя как специалист высокого уровня. В творческом плане он оказался в эпоху слома стилей, показал себя как великолепный реставратор и реконструктор, умевший органично вписывать собственные наработки в ткань предыдущего мастера, органично сочетать традиции и новизну.

Лариса Дмитриевна Ленина рассказывала о родовых нитях – эти люди составляли цвет нации своего времени, круг их общения был широк. Евгения Андреевна, старшая дочь Андрея Михайловича, вышла замуж за Михаила Александровича Рыкачева, крупного ученого, академика, метеоролога. Их дочь, Александра Михайловна, благополучно дожила до 94 лет и сохраняла ясность ума и блестящее чувство юмора. Бывало, рассказывала родственникам, имевшим традицию собираться по выход-

ным, как она еще ребенком сидела на коленях Федора Михайловича Достоевского, как блистала на балах и танцевала с адмиралом Колчаком. Вышла она замуж за статного красавца (рост 190 см), образованного и успешного Сергея Николаевича Ленина, который был старше ее на 15 лет, служил чиновником высокого ранга в правительстве. Он был не столь знатного рода, но и его предки постарались немало для расширения границ государства российского. Семейное предание гласит, что енисейский казак Иван Посник совершил четыре похода во время завоевания Сибири в районе реки Лены, основал Верхоянск, Вилюйск и Зашиверск. За эти заслуги перед государством царь Михаил Романов дал казаку фамилию Ленин и поместье в Вологодской губернии.

Сергей Николаевич придерживался прогрессивных взглядов, входил в Вольное экономическое общество, там и познакомился с молодым юристом Владимиром Ильичем Ульяновым, который официально использовал его статистические данные для своих научных статей, например, в работе «Развитие капитализма в России». Кстати, старшая сестра, Ольга Николаевна, преподавала для рабочих в воскресной школе, где также работала и Надежда Константиновна Крупская, ставшая супругой В.И. Ульянова. Когда возникла необходимость поездки невыездному Ульянову заграницу, то он обратился к Ленину, а тот воспользовался паспортом своего пожилого отца Николая Егоровича. Чуть подправив паспорт (в те времена он был описательного характера, без фотографии), документ передали Владимиру Ильичу Ульянову, который затем стал публиковаться как Ленин.

С большими трудностями и потерями семья Лениных пережила Гражданскую войну. Они остались в России, стали работать с советской властью, прошли все испытания вместе с народом молодого государства, вписали свои страницы в ее историю. В XXI веке в семью правнука А.М. Достоевского входят две дочери — Алла и Татьяна, сын Александр, семь внуков — Георгий, Владимир, Норман, Марк, Николай, Богдан и Софья.

Гордость за предков, радость за успешную семью — это сегодня большая редкость. Представители таких родов составляют интеллектуальный генофонд новой России. С них нужно брать пример патриотичного служения государству. И стремиться создавать, сохранять и передавать свои достойные родовые традиции.

Опыт контактов библиотеки с потомками выдающихся родов России ценен глубоким смыслом. Обществу необходимы примеры для подражания, духовные маяки. Их можно взять в реальности и нужно черпать из истории. Это настоящий кладезь славных имен. У потомков Достоевских-Рыкачевых-Лениных есть то, что не купишь за деньги — вклад в историю, искреннее уважение, способ сохранения себя в любой исторической реалии. Спасибо им за то, что они находят время и силы, стоят на страже традиций земли Российской, контактируют с провинцией.

Сможет ли внести в развитие страны нынешняя российская общественность хоть сотую часть того, что сделали предыдущие поколения, запомнят ли нас как граждан собственной страны, созидателей? Вопрос остается открытым...

А вот в обычной библиотеке и школе на окраине Ярославля представители интеллигенции решили, что будут теми ресурсами, которыми располагают, вносить свой посильный вклад в духовные перемены. Это — симптом социального выздоровления общества. Чтобы формировать культурную среду, не требуются миллиарды рублей. В условиях потребительского общества и главенствования капитала нужны понимание своего гражданского долга, единомышленники и душевное отношение к делу.

Владимир ЦЕЛЬМОВИЧ, *пос. Борок Ярославской области — родился в г. Донецке. Окончил физико-химический факультет Московского института электронной техники. Кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Геофизической обсерватории «Борок» филиала Института физики Земли им. О. Ю. Шмидта РАН. Автор более 400 научных публикаций и изобретений. Юмористические рассказы публиковались в газетах и альманахе «Словесность».*

Т

(Ироническая политическая быль)

Люблю я выборы. После них всегда много бумаги остается. Бумага мне нужна для растопки дровяной печи в бане. Раньше я много газет выписывал, всегда доставалось много бумаги. А теперь читаю электронные новости, с бумагой — напряженка. А во время выборов партии и кандидаты на бумагу не скупятся. Тут я делю партии на хорошие и плохие. Хорошие партии используют мягкую газетную бумагу. Когда она горит, то оставляет мало золы. Плохие партии печатают свои призывы на глянцевой мелованной бумаге. Такая бумага горит плохо и оставляет много золы. Она вспучивается при горении, от наполнителей, и печь может вовсе погаснуть. Это очень нехорошо и даже опасно.

Истории, которую я расскажу, в этом году исполняется аккурат четверть века. В те далекие годы я очень интересовался политикой, участвовал в различных встречах, конференциях и даже в политических учениях — так назывались тусовки, которые были призваны сплачивать ряды новых партий.

В то дивное время мне позвонили неведомо откуда молодые партийные функционеры и сказали, что они распространяют только что вышедшую книгу своего партийного лидера, депутатши с большим будущим, и хотели бы, чтобы я им в этом деле помог. Они спросили, сколько людей живет в моём поселке и в его окрестностях.

— Две тысячи в посёлке, и еще тысяча в окрестных деревнях — ответил я.

— А сколько книг Вы возьмёте?.

— Штуки две-три, не более.

Я не собирался распространять партийную литературу неведомого мне автора.

Но, то ли связь была плохая, то ли парень путал понятия «ШТУКА» и «ТЫЩА», моё сообщение было воспринято с интересом, и партиец обещал завтра привезти книги. Не возражая, я повесил трубку.

На следующий день в условленное время у крыльца, ведущего в мою лабораторию, остановился грузовичок и два бодрых парня стали весело вытаскивать запечатанные коробки с книгами. Выгрузив, они нашли меня, и с радостью объявили, что свою часть партийного долга они выполнили, теперь моё дело распространить книги среди граждан посёлка и окрестных деревень. Когда я с удивлением сказал, что просил две-три КНИГИ, а не ТЫЩИ, ими не было ни понято, ни принято. «Это очень хорошая книга, граждане с удовольствием будут её читать», — закричал партиец из окна отъезжавшей машины.

Как теперь сказали бы «НИЧЁСИ я попал». Я чувствовал себя неловко. В подкорке шевелилась мысль — надо было послать гостей, откуда приехали. Но приехали они конкретно ко мне, и это обязывало что-то делать.

Дождило, я затащил пачки с книжками в лабораторную кладовку и понял, что кладовки у меня больше нет. А книги надо раздавать!

Утром следующего дня я вскрыл упаковку и обнаружил там книжки, с обложек которых улыбалась их автор, тогда ещё малоизвестный политик. Бегло пролистав содержимое методом сверхскорочтения, сделал вывод — я такое не читаю. Но, раз уж книжки тут, — раздал их коллегам. Раздача бесплатных книг с глянцевой обложкой прошла легко, однако некоторые их тут же начали читать. И сразу стало ясно, что термин «толерантность» не знаком моим коллегам, совсем. Люди, которых я два десятилетия видел спокойными и рассудительными, вскипали гейзером, вспоминали слова, услышанные от плохих мальчиков в тёмных подъездах в далеком детстве, и гневно возвращали книжки обратно.

«Да, ты попал», — съязвил мой внутренний голос. Я уменьшил его громкость и сосредоточился на сборах в баню. Тогда у меня не было своей бани. Но был хороший друг с баней, Кузьмич. По субботам он топил баню, и у него собирался мужской клуб. Банные принадлежности я по обыкновению положил в рюкзак, а на руль велосипеда повесил две пачки с книжками. На ум пришло остроумное решение: «Раздам книжки мужикам». Им точно давно никто никаких книжек не дарил — возьмут. В бане была настоящая демократия. Каждый тащил туда все, чем был богат и чем мог порадовать друга. Привыкшие немного выпивать, делали это — немного, считающие алкоголь несовместимым с банными процедурами,

парились без него. За крохотным столиком предбанника и на лавочке под навесом у бани все трепались с большим удовольствием и на любую тему.

В этот раз тема в виде двух пачек с книжками висела на руле моего велосипеда.

В ту субботу баню затопили рано. К моему прибытию мужики успели несколько раз посетить парилку. По части выпивки была фаза «второго стакана». В этот момент, обычно, энергия бьёт ключом, и все набросились на привезенные мною пачки книжек. Сначала был банщик: он попросил у меня разрешения... «оторвать кусочек бумажной упаковки». Мое сообщение, что не только упаковка, но всё содержимое переходит в собственность банного сообщества, вызвало бурю восторга. Мне принудительно налили. Моих комментариев относительно природы пачек никто слушать не стал, зато я выслушал комментарий парильщиков. Оказалось, что третью закладку дров вовремя не положили, вторая прогорела, а газет нет, и топор сломался, и растопить печку нечем, а все голые, и уже выпили, и никто никуда идти не хочет, и они уже поругались, а водки принесли много, и погреться хочется, и тут я с бумагой!

Печка мгновенно разгорелась от сухой упаковки, мне принудительно налили вторую. Попытки объяснить, что я с велосипедом, то есть «за рулём», успеха не имели. Серёга, правда, сказал, что он тоже за рулём, и, когда пойдет домой, наверняка будет падать, и поэтому он специально берет велосипед в баню, чтобы на обратном пути держаться за его руль.

«Меня велосипед НИ РАЗУ не подвёл», — гордо сказал Серёга, приехавший из соседней деревни. Это понятно... велосипеды точно не пьют.

Не дожидаясь прогрева печи и фазы третьего стакана, я коротко объяснил мужикам ситуацию с книгой политика, и данное мною обещание ознакомить провинциальных избирателей с этим бесценным трудом. Народ притих, осторожно касаясь загрубевшими руками глянцевой обложки. Пытались листать книгу, но тут из парилки повалил пар, стало плохо видно. Кто-то резко заявил, что он пришёл в баню, а не политикой заниматься, и все отложили чтение, пообещав мне посмотреть подарок позднее. Банщик, однако, отметил, что если бы не я с политикой, печка б точно не горела. И выпил за здоровье политика.

Пачек книг было много. В бане собирались разные компании. У парильщиков тоже были друзья в других деревнях. Я понял, что аудитория для распространения книг найдена. И на следующую субботу прибыл с пачками книг не только на руле, но и в велосипедной тачке, прикреплённой к велосипеду.

«Снова книжки привез?» — спрашивали меня друзья. «Да, разбирайте», — раздавал я книги.

«А можно я штук пять возьму?» — загадочно улыбался Колян из дальнего села. «Нам очень понравилось», — добавлял он с лицом очень благодарного человека.

А у печи я увидел книжку без глянцевой обложки. Похоже, что в ней не хватало многих страниц. «Истрепалась от частого чтения», — дал комментарий банщик. Я понял, что он использует книжку для растопки...

Но не только. Банщика звали Кузьмичом, а выглядел он простовато. Не все знали, что это маскарад. Он имел степень кандидата исторических наук, писал стихи и прозу, и был тонким знатоком потаённых мест человеческой души. Вот и сейчас, на полной пустяковине затеял целый обряд. После второй он прочитывал несколько фраз из страниц, обреченных на сожжение при последующей растопке. Мужикам предлагалось незамедлительно проанализировать прочитанное. Фразы часто выдирались их вялого политического контекста автора, к нему добавлялись комментарии Кузьмича. Кружок банной политграмоты работал вовсю. После третьей делалась проекция прочитанного на текущие события, и тут поднимался страшный шум. Под него Кузьмич зачитывал уже свои стихи и рассказы. В парилку ходили, но не все. Некоторые увлекались спорами, вспоминали горестное, частили с алкоголем. Кузьмич при этом сердился, доставал самый жёсткий веник, загонял гостя в парилку и быстро возвращал ему человеческий облик. Некоторые при этом орали, но травм не было никогда.

А меня спрашивали: «Как там наша депутатша?». И я рассказывал, как она строит новую демократическую партию, как проходят организованные ею «политиче-

ские учения». И что сам я пошел в партию с целью обозначить место посёлка Борок, как научного поселения, почти наукограда, в наметившемся еще тогда «зелёном повороте». Я искренне верил в то, что демократическая партия, поддержавшая «зелёные» веяния, будет поддержана народом, а её деятельность в этом направлении обеспечит нам светлое и чистое будущее. У меня даже был проект, в котором Борку отводилась роль демонстрационного полигона новейших «зелёных» технологий. Перед их массовым внедрением предполагалось отобрать лучшие технологии, пригодные для России, посмотреть на их эффективность, изучить возможные негативные последствия. На одном из политических учений мне удалось встретиться лично с лидером партии, объяснить суть идей в разговоре и вручить ему печатный текст проекта. Он одобрил, и обещал помочь.

Но годы шли, учения продолжались, а заданная мною тема в повестке не возникала. На мой публичный вопрос депутатше о судьбе проекта она ответила так:

«Ваш БЛЕСТЯЩИЙ проект лежит у нашего партийного лидера на рабочем столе на САМОМ ВИДНОМ МЕСТЕ».

Я, было, хотел рассказать ей о нашем опыте использования её книги, но она не спросила. И мы продолжали растапливать банную печь страницами депутатского бестселлера.

Банька у Кузьмича была простецкая, без удобств. Огородная лейка вместо душа. Но с международной известностью. Не раз туда приглашали иностранных учёных для демонстрации особенностей русского быта.

Вот и у меня как-то образовалась группа японских студентов-политологов. По просьбе их американского куратора борковские ученые объясняли японцам, что такое экология. Бывали и экскурсии, студентов водили по рекам и болотам. Япошки были мелкие, по 40–45 кг, на болоте быстро озябли. Дабы избежать простуды, их группку я и направил к Кузьмичу. Среди студентов один был настоящим самураем, несмотря на тонкость и прозрачность всех частей его тельца. Временами казалось, что в Россию он приехал не экологию изучать, а исключительно с целью немедленного отбирания спорных островов. Хотя... где Борок, а где те острова... какое нам до них дело. Но он и в бане про острова верещать начал. Отдай и отдай. Кричит, руками машет. Я сразу ножик со стола убрал, на всякий случай. А Кузьмич к нему подсел и стал чего-то тихо наговаривать. Естественно, на русском языке. Японец ничего не понял, но затих. И тут Кузьмич поглядел на градусник, показывавший температуру в парилке, громко сказал «Пора!», взял свежий веник в одну руку, японца — в другую, и они исчезли в парилке.

Санобработка самурая длилась недолго, минут пять-шесть. Он даже не кричал. Просто пулей вылетел на улицу, вылил на себя холодную воду. Слова тут же нашлись, но переводить на русский их было некому. Больше от него про отъем островов мы не слышали.

Жалко, что Кузьмич далеко от Японии баньку держит. Он точно бы порядок с островами навел.

С «зеленым поворотом» я уже успокоился, видимо, впереди паровоза летел, лет на 20–30. Всерьез он начался только сейчас. Правда, очень кривой получился поворот и стали говорить о «системных перекосах в зелёном повороте». Так что место Борку в этом процессе ещё может найтись.

В идее парламентаризма я совсем разуверился. У нас вот больничку закрыли. Большую, хорошую, на 75 коек. Мы ко всем партийным лидерам обращались — помогите открыть, совсем плохо сделали. А в «Ковидную эпоху» и вовсе беда — некуда больных класть. Партийные лидеры нас поняли, и обещали помочь. Писали, куда надо наверх и оттуда все письма пересылались вниз — мелким чиновникам облздрава. А от них приходил ответ, якобы и без больнички с первичным звеном здравоохранения на селе всё в порядке. Копии этих ответов с синими печатями я выкладывал в соцсетях. Таким образом, рядовой чиновник оказался выше партийного лидера формализованной парламентской партии.

Говорят, бомжи, сбежавшие из городов от ковида, до сих пор находят в дальних деревнях книжки депутатши. То есть, самих деревень уже нет, ушли-уехали люди, но ценную бумагу оставили, то ли на растопку печей для будущих поколений, то ли для охмурения залетных инопланетян.

Карелия — *республика в составе России, имеет собственные герб, флаг и гимн. Столица —* ***Петрозаводск.*** *Около 50 % территории Карельского края покрыто лесом, а четверть — водная поверхность. Карелия — «край озер», здесь насчитывается более 61 000 озёр, 27 000 рек и 29 водохранилищ. Самые крупные озёра — Ладожское и Онежское, а наиболее крупные реки — Водла, Выг, Ковда, Кемь, Сунна и Шуя. Знаменитые острова Валаам и Кижи тоже находятся на территории Карелии. Ладожское озеро с древнейших времен овеяно легендами и тайнами. Этнографы предполагают, что легендарный Садко побывал именно в ладожском подводном царстве, где девушкой-рекой Волховой. Эксперты по аномальным явлениям отмечают, что Ладожское озеро скорее можно считать внутренним морем.*

Дмитрий КОСЬМИНА, *Петрозаводск — член Союза литераторов России (Карельское республиканское отделение), член Союза карельских писателей. Лауреат стипендии имени Роберта Рождественского (2011, 2018); Госстипендиат по представлению Союза литераторов РФ в номинации «Талантливый молодой автор России» (2019), лауреат литературной премии Главы Республики Карелия имени Г.Р. Державина «Во славу Отечества» (2021)*

БАЛЛАДА О СТРАННИКЕ

Он любил эту женщину
так отчаянно и смешно:
погибая в её словах,
возрождаясь в её молчании.
Он любил эту женщину,
как другим было не дано.
На неё одну уповал,
на пустые ее обещания.
Он любил эту женщину
и не слушал, что говорят.
Он не слушал весь этот бред
про поездки её с другими.
Для него лучше всех лекарств
был любви безвозвратный яд.
Лучше всех известных монет
стало тело ее и имя.
И ходил он за ней туда,
куда ноги ее вели,
где шагов знакомых рельеф
был печатью чужих порогов:
В незнакомые города
что мерцали для них вдали,
чужеродных земель напев,
им раздаривая в дороге.
И зачем-то, идя вперед,
он оглядывался назад,
сожалея, пусть иногда,
о пути, уходящем лентой.
Он любил лишь одну ее,
Но в её голубых глазах
отражалась лишь только даль
и грядущие километры.
Он надеялся, может быть,
что дорога чужой глуши
приведёт их двоих к тому
что зовётся в народе домом.
Опускаясь во мглу глубин,
поднимаясь на этажи,
он терял все, что стало ему
столь родным и таким знакомым.
Но лишь только спускалась ночь,
в их сплетении душ и тел
разрывались сердец края,
будто тайны клубок распутав.
Времена уходили прочь,
замолкали толпы людей,
и под ними была земля,
а над ними небесный купол.
И шептал он тогда во тьму:
«Может стоит остаться», но
эти фразы лишь пустотой
отзывались вселенской боли.
Говорила она ему
неизменно всегда одно,
подводя всем словам итог:
«Я тебя не звала с собою».
И однажды, в какой-то день
он ответил ей наконец:

«остаюсь, не могу, устал
я с тобою бродить по свету.
Я увидел столько людей,
столько необычайных мест,
что не хватит на всех листах
описать это всем поэтам.
Все вокруг обошел с тобой,
вдоль изъездил и поперек,
только знаешь, я б это все,
это каждое из мгновений
променял на твою любовь,
на домашний простой порог,
что дорогой не унесёт,
не заберет, не изменит».
А она обернулась назад
И, впервые за сотни верст
Села рядом — к руке рука,
закрывая его от ветра.
Посмотрела в его глаза,
стекленеющие от слез.
Приобняла его слегка,
И ушла ничего не ответив.
Ну а он, он прожил так день
А потом и месяц. и год
Был родной у него порог
Как хотел у родного дома.
Вдалеке от сборищ людей
находился чертог его.
Вдалеке от чужих ворот,
от чужих этажей и комнат.
Время шло, как должно идти:
забирая с собою все,
что накоплено было с ней,
оставляя в душе тревогу
и мгновенья того пути,
в череде городов и сел,
в свете уличных фонарей,
по окраинам их дороги.
И, собравшись, закрыл он дверь,
Всё оставил внутри как есть.
От сжигающей пустоты,
он бежал тогда на рассвете
вдоль по уходящей тропе,
чтоб в пристанищах новых мест
отыскать сквозь толпу черты
незабытого силуэта.
Вновь минуты, часы и дни
эти складывались в года,
ну а он рубанув сплеча,
все бежал, и в плену азарта
проходил километрами
бесконечные города,
и такие места посещал,
что не встретишь порой на картах.
Сквозь столетья, ее найдя,
просто так в суете толпы,
он увидел эти глаза
ну а большего и не надо.
И приблизившись к ней тогда
Отряхнув дорожную пыль.
Даже не посмотрел назад,
И опять пошли они рядом.
Он любил эту женщину,
Он увидел ее и вот,
взявшись за руки сквозь года
двое рядом идут по свету.
По пути, бесконечному
по извилистым тропам его.
Где дороги бескрайней даль
растворяется в силуэтах.

МОСКОВСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ

Виктор КОЛЛЕГОРСКИЙ, *секция «Художественный перевод» —Поэт, поэт-переводчик восточной классики. Переводил Низами, Хафиза, Руми, Омара Хайяма, английскую народную поэзию, Эмили Дикинсон, Киплинга, Эзру Паунда, Огдена Нэша. Лауреат конкурса, проводимого журналом «День и ночь», дипломант и многократный финалист Международного литературного Волошинского конкурса, финалист Международной литературной Волошинской премии, победитель (2014), призёр и многократный финалист конкурса «Эмигрантская лира» (Брюссель — Льеж — Париж). Публиковался в журналах «Новый мир», «Новый берег», «День и ночь», «Юность», «Журнал поэтов» и др., в газетах: «МОЛ», «Литературная газета», «Литературная Россия» «Независимая газета» и др., в альманахах: «Словесность», «Поэзия», «Истоки», «Апокриф», в антологии современной поэзии Поэтический атлас России» и др. изданиях. Автор книги лимериков, «Волошинский сентябрь и др. Государственный стипендиат 2015-2017 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

ПОЭТ

Ди Каприо декабрьский, дикий
Парнаса первенец Рембо,
Верлена выкормыш двуликий,
Волчонок царственный, тубо!
То Маугли с лесным кларнетом,
То неумолчный какаду,
В прохладе райской нежась летом,
Согрет и сыт зимой в аду.
Как ни лелей его, ни пестуй,
Чем ни корми его в обед —
За рифм Коринфскою невестой,
Как гончая, возьмёт он след,
Где, как вселенский Шостакович,
То арфа плачет, то фагот,
Где степь — фьюить, и был такович! —
И Велимира отпоёт.
Где холод властвует весенний
И берегом стигийских вод
По мукам странствует Арсений,
Оплакав сына в свой черёд.
Век шествует путём колымским,
И клонится жасминный куст
К пещерам клюевским, нарымским,
Где Данте шёл и воздух густ.

ВАН ГОГ

С небесных круч, где ласточки снуют, —
В больничный неприкаянный уют...
Пока не дрогнет кисть в его руке —
В провинциальном пыльном городке
Вдруг набекрень то купол, то карниз,
Как башня, громоздится кипарис,
И жаром от кипящих облаков
От шляп нас обдаёт до башмаков.
В истоме разметались васильки,
И писем разлетались голубки.
И думаешь с надеждой: это он,
От ангелов в юдоль к нам почтальон.
Он фарандолу пляшет па-де-де
С арлезианкой гибельной Доде

В кафе ночном, не тонок и не толст;
В смятенье пляшут краски, пляшет холст;
Как пчёлы в улье, стулья пляшут, стол —
Господний содрогается престол,
Покуда в рай стучится налегке,
Отрезанное ухо в кулаке
Сжимая, тот, чей дар и в лютый зной
Неопалимой блещет новизной,
Чей кровью истекает колорит,
Чьё небо синим пламенем горит.

СЕВЕРО-ЗАПАД

Грозных идолов строй строг.
Совлеки с них покров тайн.
Грянь в сердца, Салехард-рок,
Докумранских яранг Рамштайн.
Твердь алмазным брызжет огнём,
Как державинский водопад.
Над олонецким колдуном —
Кремль небесный, как Божий град.
Не в Тоскане ли Канин нос? —
В Риме зимнем Онежских губ —
Огнепальных приют Спиноз,
Аввакумовский жаркий сруб,
Пустозёрских болот флот
Каторжанок Марьян нар,
Заполярного мёда сот —
Златотканый Нарьян-Мар.
А в Плесецке — не муз ли хор?
Не ракето — балетодром,
Холмогорских холмов, гор,
Ломоносовских од гром.
Сосен клюевских перезвон,
Мангазеи речной флаг,
Мандельштамовских звёзд сон,
Енисейских полей мрак.

ПУТЬ КОНКВИСТАДОРОВ

С плантаций Флориды, из недр Кохинхины
Мускат — в Барселону, рубины — в Тулон,
Дукаты, флорины, дублоны, цехины
Рекой в средиземный текут Вавилон.
Какой-нибудь с пристани Педро Зурита,
С базара Писарро, с конюшни Кортес —
За жемчугу горсть, за ведро лазурита,
За ворвани бочку убьют, как Дантес.
На суше, на море ты — в полной их власти:
В плавучий застенок втолкнут на борту,
А пикнешь — к акулам в зубастые пасти
Иль вздёрнут на рее в ближайшем порту.
Свободу — индейцам, рабам, Ихтиандрам!
Полки Монтесумы не дрогнут, как встарь,
Но будь ты хоть Цезарем, хоть Александром,
Без конницы грозной — какой уж ты царь?!
От банд мародёрских укрывшись в Паленке,
Фанданго на танго сменив и фокстрот,
По Карповке, Пряжке, Фонтанке, Смоленке
Пернатый Кецаль в зимний Рим к нам плывёт.
В Орландо шаланды завозят баланду,
Испанцев Миранда теснит в океан,
И Кнорозов пишет Диего де Ланда
О работорговле письмо в Юкатан.

САЛЬВАДОР ДАЛИ

Не к добру богов тебе гневить —
Сальвадор, кастальским жаром пышешь!
Чем, безумный, мнишь их удивить —
Дразнишь муз, альпийской вьюгой дышишь,
Сам едва ли ведая о том,
Замысел лелея лишь неясный,
Как вдохнуть в сияющий фантом
Целый мир, нелепый и прекрасный,
Пляшущий, рассудку вопреки,
В облачке орфического бреда, —
Сквозь часы к жирафу льнут очки,
К Минотавру — атомная Леда.
Иль и впрямь провидцу поднесли
Бомбу в запечатанной корзине —
И навеки внемлем мы с Дали
Глазу вопиющего в пустыне.

БОРИСОВ-МУСАТОВ

В гостях у русского француза —
От лип версальских вдалеке —

Почти ахматовская Муза
С певучей дудочкой в руке.
Всё — в полусне, всё — вполнакала:
И статуй призрачный покой,
И неподвижных вод зерцало,
И сада сумрак золотой.

КОНЧАЛОВСКИЙ

Напрасно Мейерхольд меняет позы —
Как съёжилась судьбы его шагрень!
Парчово-габардиновые розы
И замогильно душная сирень —
Вот гению все приношенья наши,
Пока и этот светоч не погас,
Блеснув в портрете дочери Наташи
Сияньем нежным суриковских глаз.

ФРАНЦУЗЫ В МОСКВЕ

Уже французы — на Щипке,
На Серпуховке, на Полянке,
На Яузе, на Якиманке
В игумновском особняке.
По водоскатам на реке,
По лемнискатам и мантиссам
За одалисками Матисса
Кораблики летят Марке.
Летят почти что налегке —
Как Пруст воздушный к Альбертине —
К Наполеону в столбняке,
Что пригорюнился в тоске
На верещагинской картине.
Коро — в коровинском кружке,
Моро — в морозовском музее,
А там и Щукин — на крючке
И Пикассо — на волоске
От славы в башне Нирензее,
Пока, с Толстым накоротке,
Толкует с ним о Метерлинке,
Простясь с Матиссом на Неглинке,
Серов в парижском сюртуке,
Сильфиды с Идой вдалеке,
В Большом томясь по Мариинке.
...И Депардье с Кароль Буке
С букетом роз на Птичьем рынке.

АРИСТАРХ ЛЕНТУЛОВ

Ломанность изысканная линий,
Воздух хрупкий розы и лозы —
Словно глаз, гранёный и павлиний,
Ассирийской синей стрекозы.
У Бориса ветхого и Глеба
На задворках пряничной Москвы —
Апельсинь, стекающая с неба
Прямо в хризопразелень листвы.
Умопомрачительные крылья
Шемаханских блещущих шатров
И стремглав летящего Василья
Легкопёрый пляшущий Покров.

ШАГАЛ

Парижской оперы фанфары
И местечковый карнавал...
Какой волшебник с пылу с жару
Весь этот мир нарисовал?!
Как в ярмарочной карусели,
В нём — солнца жаркий каравай,
И сумасбродное веселье,
И грустный бабелевский рай.

КАТРИН ДЕНЁВ

То иволгой на вираже,
То жаворонком спозаранок,
То с Ивом, Жаном иль Роже,
Прелестнейшей из иностранок,
Из лувpских выпорхнув витрин —
Брильянт легpановской огранки —
В слезах серебряных Катрин,
Похорошев от перебранки,
С разбушевавшихся небес,
Сама из ветра и тумана,
Любви, судьбе наперерез,
К нам снизойдёт с киноэкрана.

КИНО

Всего лишь ветхий целлулоид
Да славы пыльный целлофан...
Там кровожадный Аденоид
И обольстительный Фанфан.
И жизнь во всём своём цветенье
Что может предложить взамен
Экранного богоявленья
Всех Мэрил, Мэрлин и Марлен,
Взамен кустурицевской Савы
С толпой на травницком мосту
Иль семисонья Куросавы
Под сенью персиков в цвету.

ЛАДО ГУДИАШВИЛИ

Деревья, люди — все в обнимку,
Пейзаж танцует, накренясь...
Лезгинку пляшет под сурдинку
Почти осоловевший князь.
А почва зыбкая — всё круче,
И мир, подвыпив, захмелел,
И кони бьются, как в падучей,
Пока восток не заалел.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ

Радищев — в рубище бунтарском,
На виселице — Муравьёв,
На Мойке — Пушкин, Тютчев — в Царском,
В злосчастном Узком — Соловьёв,
Казённые отвергнув бредни,
Чиновных не держась постов, —
Софии паладин — последний,
Быть может, праведник Христов,
И в лютую готовый стужу,
Не дрогнув, ближнего облечь
В давно облезшую снаружи
Ту шубу с камергерских плеч,
Ему оставленную Фетом,
Что младшего на тридцать лет
Провозгласить успел поэтом —
И новоявленный поэт
Из сумрачной бежит России
К невянущих царице роз,
В заоблачной Александрии
Лазурных грёз вдыхать наркоз,
Где в ангельской воздвигнув крипте
Свой катакомбный небосвод,
В эфирном свет и нам Египте
Льёт Дева Радужных Ворот.

ЛИКИ МУЗ

Как Ницше, захолустный Заратустра,
В одной лишь Лу прозрев свой идеал,
И новых чувств, и нового искусства,
И новых слов для нас устами стал,
Как Соловьёв, у стен Александрии
Лазурных грёз навек вдохнув наркоз,
Черты им обожаемой Софии
В невянущих обрёл царице роз,
Как Блок, его приверженец упрямый
И сам Софии верный паладин,
Узрел в соседке лик Прекрасной Дамы,
Пусть видел в ней его лишь он один, —
Что ж, так и мы за ними вновь и вновь
Обречены искать свою любовь.

ЛУ САЛОМЕ*

Сумасбродка, плясунья, алмея,
Безоглядней Кармен Мериме,
Саламбо, Суламифь, Саломея —
Несравненная Лу Саломе.
Ты — и с Ницше, и Рильке, и Фрейдом,
Всех элегий дуинских тоска,
К райским скрипкам и ангельским флейтам
Ускользающая за облака.

ПОКРОВ НАД САРОВОМ

Серый дым в зачумлённой столице,
Выжег Липецк египетский зной,
Суховей в Зимовейской станице,
А в Дивееве веет весной.
И пока всё дрожит и трепещет,
Под защитой своих куполов

* Лу Саломе — возлюбленная Ницше.

Купиной несгораемой блещет
В ожерелье пожарищ Саров.
В гари Галич и Углич обуглен —
Радий, стронций, плутоний, радон.
Но не в силах и адские угли
Тот незримый разрушить заслон —
Эту райского сада прохладу,
Что под сенью саровских дубров
От распада и полураспада
Серафимов спасает покров.

Максим МАРКЕВИЧ, *Москва, секция Поэзия — закончил МГУП имени Ивана Фёдорова как художник-график, художник, поэт, преподаватель, состою в Союзе литераторов РФ и студии Полиграфомания. Государственный стипендиат 2017—2019 гг. в номинации «Талантливый молодой автор России».*

во струях дремотных рек
спит блаженный человек

ткани тела как вода
не стареют никогда

очи точно изразцы
в нем Господень лейкоцит

как носитель белых риз
он сюда прошёл без виз

лето необъятных трав
чья любовь не знает травм

здесь вокруг Нетварный свет
вечный ультрафиолет

ни бесов ни упырей
земляника и пырей

по велению Отца
лето тлеет без конца

* * *

Куда они едут
Люди в закрытых позах
С независимыми лицами
На испуганных черепах
Едут туда где можно
Навеки раскрепоститься

Есть мнение что скелеты
Не стесняются ничего
Нет у них красного носа
Нет у них лишнего веса
Или прыщей
Или дыры на штанах
Неважно чего он добился
В этой жизни
Скелет он и есть скелет
Сидят на том свете
В потустороннем вагоне
Сидят развалившись
Сквозняк в пустые глазницы
И кто им что предъявит

Я видел такое в детстве
В клипе продиджи
Слышал такое в песне
Группы сектор газа
Мне было неприятно
А сейчас
В общем-то всё равно
Даже отчасти
Интересно

* * *

Теперь присядем на дорожку
Так говорили на Руси
И лица делалися строже
И содрогался Игдрасиль
Осиротевшие осины
Касались неба головой
И проклинал указ Уфсина

Осиротевший домовой
О сколько в них сермяжной боли
Словах простых как дважды два
Присядем на дорожку что ли
Вдали ГУЛаг блестит едва
Холодной скорби не измерить
Когда прозвякнет табурет
В кармане ключ от шифоньера
Как бесполезный оберег
Мешки тележки на вокзале
И тусклой лампочки облой
кому-то в детстве не сказали
придёт за каждым свой конвой
присядем на дорожку милый
горбушку во щербатый рот
и необузданная сила
берет бессильных в оборот

* * *

Помню зависали на одной хате
С гитарой кальяном и прочей закуской
Нормально хватило боялся не хватит
Вели разговоры в основном про искусство
Сначала пили текилу и виски
Потом перешли на чистую водку
Сначала играли Жанну Фриске
Потом перешли на Гражданскую Оборонку
Вовне тоже днюха и мечутся блики
Китайской петарды в медленной хмари
Малинки малинки не бей меня Малинкин
Я не противник инди я даже благодарен
Это был один из тех самых
Вечеров когда приоткрывается истина
В окна врывался курительный запах
Творимый поэтами и гитаристами
Было нормально надеюсь немало
Таких ещё будет моментов познания
Великая тайна мерцала опалом
В оскаленной ночи но тайны познал не я
Никто не познал но никто не расстроился
Мы просто переживали предстояние

Лёд в стакане октябрьском тронулся
Я видел её очами стеклянными
А может не видел а может не истину
А может это не пиротехника
Но чья-то душа багровыми искрами
Развоплотилась над улицей Чехова

* * *

Уважаю хорроры и боевики
Всё что ускоряет течение реки
Я люблю смотреться в ужаса стекло
В неспокойном сердце кружится циклон
Чем бы мне увлечься в сумрачные дни
Чар бесчеловечных бурый криптонит
Пиксель догорает обуяла тьма
Призраки окраин просятся в дома
Забери надежду забери печаль
Что за люди между кленами кричат
Источая хоррор сладостней любви
Проводами город чёрными увит

* * *

тайные сны Лигейи
под необъятным дождем
чем эта ночь болеет
тайных осин чернозём
время дождей скоротечно
газовый плавя цветок
восьмиконечный вечер
в тайную ночь перетёк
ночь как открытая рана
чем бы её исцелить
кровью Лигейи из крана
боли её цеппелин
где электричество ночи
точно реликтовый фон
слёзы Лигейя точит
не прекращая сон

* * *

долго думал о жизненном разном
только жизнь и сложна и проста

оседали на дно в толще кваса
коммунальные хлопья дрозда
раскрывалось вовне нутряное
проникала извне широта
отчего за панельной стеною
должен вещий порыв пропадать
и пока самолет в небе чертит
имя Бога замри да изволь
замолчать-затаить возле сердца
эту крупноформатную боль
хлопья движутся вниз неуклонно
бесполезно потраченный миг
и на темном экране Сталонне
с выражением строгим возник
эх бывало заломишь кассету
да накроешь оглоблей коня
отразишься в мушиных фасетках
посреди предначального дня
в животе оголтелое детство
кроненберговский видеодром
где ещё безразличны контексты
райсобес винторез агропром

* * *

жаждут горшка полива
стебли львиного зева
что ты сидишь тоскливо
как древовидная дева
в мыслях твоих гейши
закоренелый грешник
глубинами пренебрегши
зарубился на внешнем
в кармане твоем фига
в желудке сок мишки Гаммы
мир открытая книга
ты держишь ее вверх ногами

* * *

Путешествие к центру земли в рубиновый вторник
Мы сидим в кабине и ждём когда же нас торкнет
Мы заводим машину она будет разогреваться
Вроде той что в кино вспомнить всё с участием шварца
Мы весёлые черви мы прогрызаем планету
Олеиновый слой шамбала и другие секреты
Где ужасные морлоки гложут кости элоев
Депиляция ног Персефоны адской смолою

* * *

Я никуда не уеду
Никогда никуда не уезжаю
Мне кажется
Я должен присматривать за всем здесь
За девятиэтажками
Криками птиц на холодном рассвете
Где солнце цветом как медь
Сквозь бледные окна
Скрежетом ветвей
Запахом курева
Атмосферным давлением
Город звенящей осени
И схверхплотной зимы
А вы люди вокруг
А вы отдохните дорогие
Каждому можно
Съездить куда-то
Отвлечься
Впустить в себя
Коктебель-шмоктебель
Я не поеду

Это как проснуться ночью
И тревожно прислушиваться
Дышит ли ближний
Слава Богу дышит
Через час снова проснёшься

Наталья РОЖКОВА, *Москва, секция «Поэзия» — состоит в Союзе литераторов с 1993 года. Автор книг стихов, прозы и литературоведческих исследований и более 300 публикаций. Победительница телевизионного конкурса «Стихоборье» (1996). Лауреат премий «Традиция», имени Сергея Есенина (обе — 2002), «Словесность» (2006), «Хлёсткий критик» (2020). С 2015 г.*

— редактор поэтической рубрики литературного интернет-журнала «Русский переплёт». Член редсовета альманаха «Словесность», постоянный автор газеты «МОЛ». Госстипендиат в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».

ВОСПОМИНАНИЯ ВНУЧКИ

Дедушка мой, пехотинец,
Шёл по войне.
Дедушка мой
Начинал под Москвой
Близко совсем.
Дедушка мой
С другом стоял
У рябого рейхстага.
Дедушкин гроб
Был тяжёл,
Осколки с собой уносил.
Дедушка мой
Никогда не смотрел
Фильмы военные.
Очень любил оперетту.

ЯГОДЫ

Батюшка в робе, не в рясе
В бараке сыром АМУРЛАГа
Стоял, причащал.
Вместо вина была клюква,
Собранная на болоте.
Больше похожа на кровь,
Чем вино.

ГДЕ ЛАПКИ?

Мяуш сер
Мяуш сел
Мяуш лапы подогнул
Вроде их и нет
Вот так статуэт

* * *

Всё повидавший линолеум
В старой общаге,
Выцвел, украшен бычками,
Лепёшками чёрными жвачки.
Именно тут!
Нарисуй мне, пожалуйста, Бэнкси,
Тихонький прудик с кислотною ряской,
Кувшинкою хрусткой.
Вот я вошла.
Обнимает вода, обтекает
Ил под ногами скользит,
Водомерки щекочут.
Дальше и дальше.
А я здесь была? Кто-то помнит?
Вот если будешь
Гулять по Малаховке летом,
Около озера шаг почему-то замедлишь.

РАННИЙ ИНТЕРЕС К МУЖЧИНАМ

Дачный посёлок,
И я, пятилетняя,
Мох собираю в корзинку.
Солдатики роют кабель.
Сердито им говорю:
«Белку зачем застрелили,
Вот, шкурка от бедной осталась?!» —
Показываю на мох.
Парни хохочут:
«Белок
Зелёных ты где встречала?»
За словом в карман не лезу:
«От страха позеленела!
Ну ладно. Я вам станцую».
«Давай, начинай!
За пляску
Получишь красивый фантик».

ЛЁТЧИЦА

Муж её бросил, она
Не умеет готовить и шить.
Какой-то парень,
Заслонившись ладонью от света,
С восхищением глядит вверх,
Где она кувыркается — вот бешеная!

Глазам больно от синевы,
самолет отражает солнце и похож на иглу,
что сшивает небо и землю,
или, на миксер, сбивающий облака.

ВОЕННЫЕ ИГРЫ

Старший брат
Установил мне новую игру,
Где воюют —
Не за нефть,
Не за газ и не уголь,
Не за выход к морю,
Не за веру, не за идею,
Не по чьей-то безумной прихоти,
А за посевные площади.
На мониторе сменяют друг друга
Распаханные поля и поля сражений.
Сидим, и играем, играем, играем...
Возле компьютера —
Ваза с пластиковыми колосками.
«Мальчики, пора обедать!» —
Уже четвёртый раз зовёт нас бабушка.

Вячеслав СЫСОЕВ, *Москва, секция «Поэзия». Поэт, прозаик, публицист, государственный деятель, член правления Союза литераторов России, постоянный автор альманаха «Словесность» и газеты «МОЛ», автор многих поэтических сборников, публицистических и исследовательских статей, очерков. «Вячеслав Сысоев пишет интересно, увлеченно, пристрастно, что передается читателю и не оставляет его равнодушным. Родовая черта В. Сысоева — кровная связь с фольклором, искренний юмор и озорство, ограниченные строгими рамками вкуса и нравственными установлениями» (Алексей Пьянов).*

ВЕСНА НЕ ВЕСНА, КОЛИ ЖУРАВЛИ НЕ ПРИЛЕТЕЛИ

Вы видели, как танцуют журавли?
В моём далёком детстве, когда семья наша проживала в селе Усмань, было как-то... Шёл я с мамой по берегу реки Усманка к бабушке Груше. Жила она на Косорках, километрах в трёх от нашего дома. Мы торопились, опаздывали к обеду. Бабушка обещала приготовить вареники с вишнями. Рядом с её домом стоял необыкновенно красивый вишнёвый сад, взращённый дедушкой Митрофаном. Шли быстро, точнее, шла мама, а я бежал вприпрыжку. В ту пору мне миновало семь лет, и я не ходил, а летал.
Вдруг мама поймала меня за руку и остановилась. «Сыночек, — шепнула она ласково, — погляди-ка, журавушки танцуют».
До меня донеслись долгие приятные звуки, такие, что на душе стало весело и беззаботно.
Вдруг я увидел как бы другой день! Было бескрайне солнечно, всё вокруг утопало в сини и в звени. Место, на которое указывала мне мама, — пологий берег реки, заросший кугой, осокой и камышом. Повсюду рассыпались жёлтые цветы — одуванчики и куриная слепота.
Я увидел, как две высоченные длинноногие серые птицы с красными шапочками на головах хлопали крыльями и высоко подпрыгивали. Посмотрел на маму. Она будто обмерла, не сводя восхищённых глаз с птиц. Лицо её было добрым-предобрым, мама улыбалась.
Некстати я вспомнил о варениках. «Мам, — дёрнул я её за руку, — пойдём, бабушка ждёт нас». «Пойдём», — вздохнула мама, и мы заторопились.
Нет, я не видел, как журавли танцуют. Читать о журавлиных танцах — читал. Но видеть — всё-таки не видел.
Журавль — птица знаменитая, известная. Давно приметили: «Журавль прилетел и тепло принёс». Настоящая весна начинается после их прилёта. Прогремит первый гром, а там, глядишь, и гроза случится, тёплые дожди прольются.

ТРЯСОГУЗКА

Помню, в детстве я жил на берегу изумительнейшей, самой лучшей реки в мире — Усманке. И в наше время вода в ней чистейшая, а уж в ту пору...
Сколько себя помню, с Усманкой я расставался только тогда, когда вечером надо было идти домой спать или средь дня бежать в хату поесть. Поел — и бегом на Усманку, а там уже друзья ждут, такие же, как и я, загорелые и босоногие. Первой, кто меня встречал на речке, была белая трясогузка — любопытная и доброжелатель-

ная птичка-невеличка. Ах, как сладко и завораживающе звучало: «Цити-тюри-цити-тюри».
Отчего этих птичек называют трясогузками! Как почему?! Гузкой они все время трясут, т.е. хвостом постоянно машут: вверх-вниз, вверх-вниз. Мы, сельские ребятишки, птичек не обижали, а этих в особенности.
Дядя Вася, отец моего друга детства Лени Мануковского (царство им небесное), рассказывал нам, детворе, что трясогузка прилетает в наши края весной перед вскрытием Усманки и помогает ей быстрее освободиться ото льда, для чего ломает своим хвостиком лед. Мы верили ему. Он был один на нашем порядке, кто возвратился с фронта. Мы, дети войны, не знавшие отцов, тянулись к нему, ловили каждое его слово. Многому хорошему он научил нас.
Так сложилось, что всю жизнь я был неразлучен с трясогузкой. Семья переехала в Воронеж, мы жили у реки Придача. Уж там было трясогузок! В Ставрополе в нашем тенистом дворе, который упирался в лес, водились желтые трясогузки. В Москве проживаю недалеко от Москвы-реки. Придешь на речку — трясогузки тут как тут.

У меня на даче появились белые трясогузки. Красива трясогузка. Ладненькая, аккуратненькая. У самца темя, подбородок, затылок, зоб и горло черные, спинка, брюшко и крылышки белые, ну может быть, чуть сероватые. У самки оперенье содержит меньше черного цвета.
Я видел, как трясогузки строили гнездо. Обе птички усердно носили в клювиках веточки, корешки, мох, обрывки листьев. Наблюдал, как без устали таскали своим птенчикам корм, видел пробные полеты молодняка. Видел, как самец ухаживал за самочкой, как он ее кормил: она сидела на ветви яблони и пищала, трепеща крыльями, раскрывала рот, совсем как птенец.
Любят у нас на Руси эту красивую птаху, но особой любовью она пользуется в Японии, где ее считают покровительницей влюбленных...

НЕ ПРЯЧЬТЕ ДОБРЫЕ СЛОВА!

Улыбка утра расцвела!
Она была тепла,
Конечно, и светла,
И невозможно весела.

ВЕЧНОЕ

Зачем бежать? Но мы бежим.
И в то же время мы летим,
На месте не стоит земля.
Блуждаем с нею ты и я...

* * *

Неприступен холм. Высок,
А на нем растёт цветок.
Стонет он: «О, злой мой рок,
Почему я одинок?»

* * *

Мне кажется несмело
Луна на тьму глядела,
А тьме того и надо —
Ещё темней быть рада!

* * *

Ну и ладно. Ну и пусть
Луч растопит снега грусть,
Но зато пруд сбросит гнёт,
То есть и растопит лёд!

* * *

Приятны и зиме цветы
Те, что мороз создал на стёклах окон.
Жаль, что недолго им цвести.
Весны придирчиво и строго око.

* * *

Луна луч уронила в пруд.
И пруд повеселел,
И, вроде, посветлел,
И радость тут нашла приют!

* * *

Трели чьи звончей? Ручья?
Или всё же соловья?
Звонче всё ж поёт ручей,
Не сдаётся соловей.

* * *

Лето. Август. Утро. И...
Как случилось, что меж роз
Затесался вдруг мороз
И мешает им цвести?

* * *

Стрижи рвут воздух,
Как выстрел — треск.
И сразу следом
Затишья плеск.

* * *

Этот дождичек с небес
Просто чудо из чудес!
Прыгнул, радостно смеясь,
В лужу и пустился в пляс!

* * *

Бежит, бежит речонка.
Поёт задорно, звонко.
И свято верит - вскоре
Её приветит море.

* * *

Не в первый раз приходит осень,
Но я привыкнуть не могу,
Что блёкнут травы на лугу
И дождь цветов улыбки косит.

* * *

Ноябрь. Опять туманы
И постоянно,
И рощи онемели,
Без птиц осиротели.

В ДЕКАБРЕ

Смеяться хочется,
Но не хохочется.
Ужель нет повода
Побыть без холода?

* * *

В декабре вдруг потеплело
И не кое-как, всерьёз.
И кому какое дело,
Что сегодня добр мороз.

Анна ЩЕРБАКОВА, *Москва, секция «Проза и драматургия» — прозаик, поэт. Постоянный автор «Словесности» и газеты «МОЛ». Госстипендиат 2020-2022 гг. в номинации «Талантливый молодой автор России».*

ЭЛЕКТРИЧКА

Станции несутся. Мелькают. Наблюдаю. Холодное окно — не надышешься. В детстве так пробовала — елозишь пальцами, усердно растираешь маленькое окошко, а потом смотришь в него как в иллюминатор. Космонавтом себя представляешь...

— Девочка, ты кем стать хочешь, когда вырастешь?

Вопрос всегда заставал меня врасплох. Я невпопад отвечала — медсестрой. Подумав, добавляла — или певицей. Перспективы разные — согласитесь.

— Хорошая моя, дай ребенку на молоко..

В вагон зашла цыганка. Стала над душой. Хорошо — не моей. Выпрашивает деньги у женщины с растерянным взглядом. Женщина сидит напротив меня, рассматривает пассажиров и как бы ищет одобрения — давать? Не давать?

На всякий случай закрываю глаза и притворяюсь спящей. Всегда побаивалась цыганок — мало ли что у них на уме.. Кроме цыганок сейчас появилось немало «фирм», которые ходят по вагонам с печальным взглядом и такими же печальными картинками — фотографиями детей. Собирают на лечение. На прошлой неделе в этой же электричке мужчина в очках, по всему виду — юрист, очень долго рассматривал бумаги, выписки и эпикризы таких ходоков. Они уже даже начали нервничать. Но, как правило, таким все таки собирают копеечку..

— Ваш билет, пожалуйста.
Вот тут не притворишься спящей — без вариантов. Озябшими пальцами протягиваю «тройку». Пузатый мужчина в форме сканирует ее и возвращает.
— А почему в вагоне не топят, не знаете?
Он бурчит что-то в ответ. Едва разбираю смысл слов — это не входит в его компетенцию.
— Маски, перчатки надевать не забываем...
Это он уже не мне — я и так натянула до глаз многоразовую «хэбэшку» — так теплее. Про перчатки вообще молчу...
— Мороженое... мороженое...
Энергичная тетя с коробом — холодильником не спеша идет по вагону. Короб в этом случае лишний — в обычной сумке тоже не растает при таком минусе. Ее «эскимошки» плохо разбирают. При такой холодрыге почти ничего не купили. Сезонный бизнес. Не то что ручками шариковыми или наушниками торговать — всегда нужны. Но тут ничего не сделаешь — подозреваю, что у них четкая договоренность — кто чем торгует. Законы рынка и конкуренции..
Клюю носом и сразу себя одергиваю — почти подъехала. Двери лязгают, закрываются, механический монотонный голос объявляет: «следующая — Москва»..

Сергей ГЕЙЧЕНКО, *Москва, секция «Поэзия» — Окончил Московский государственный университет печати (Полиграф), защитил кандидатскую диссертацию по языку философии. Участник музыкальных коллективов («ГЧК», «Прыжок лосося», «Астя»). Автор сольных музыкальных альбомов, постоянный участник проекта «Полиграфомания». Постоянный автор альманаха «Словесность». Госстипендиат 2012—2014 гг. в номинации «Талантливый молодой автор России»*

* * *

Бывает, что уже почти допил
И чашку наклонил горизонтально,
Но там, на дне, ещё стоит лимончик.
И вдруг он падает на те остатки чая,
Которые ты начал допивать,
И брызги бьют в лицо и на рубашку.
Поэт, да что там, всякий человек,
Не торопись!

* * *

уткиржон и зухра улыбаются прямо и чисто
покупают дюшес колокольчик три литра и торт
ничего не понятно по телеку в речи министра
но понятно одно: ждёт продукта рабочий народ
уткиржон и зухра подрядились на этой планете
за огромные в общем-то деньги по меркам земли
но сейчас покупая конфеты смеются как дети
им продукт не дают, чтобы думать и спать не могли
уткиржон и зухра полюбили друг друга свободно
ни теперь им советская дюна рассыпчатый мёд
эти сладкие дюны ждут бунта но кто б его поднял
подполковник харков не допустит излишка свобод
уткиржон и зухра не всекают в обычаи местных
но теперь они дети пустыни почти как они
их роднят безответная сила и твёрдая трезвость
и коричневость лиц и надежда на лучшие дни
[звуки харвейстера и дрожания земли от
приближающегося червя]

ПРЕДБАННИК

и снится мне банан с лицом утёнка
змея-банан, мурена из дыры
Фантазия работает не тонко
не грубо тут эстетика игры
в гостиной перед сном что только не
всё то что не откроется во сне
во сне привидится то только ни
всё то что не имеет имени

Суламифь КАНАРСКАЯ – *поэт, прозаик – руководитель секции «Проза и драматургия». Постоянный автор «Словесности» и газеты «МОЛ». Государственный стипендиат 2012-2014 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России»*

МОЯ ЦВЕТАЕВА

«Всего лишь личные ощущения, без какой-то претензии осмыслить гения такого масштаба»

Мистическая связь. Ты не можешь потрогать её руками, она как воздух или радиация — невидима, но неоспорима.

— Мы сейчас фильм делаем. Об Ариадне Эфрон. Старшей дочери Марины Цветаевой.

Редактор смотрит на меня изучающе. А я в душе ликую — надо же, такая удача, моя практика на «Культуре» будет именно с такой темой.

— Вам это близко? Если хотите, можем подобрать вам другую те...

Я почти перебиваю ее

— Цветаева — моя любовь...

Таруса. Едем в экспедицию. Младший редактор надулась на меня как мышь на крупу — еще бы, технически я заняла ее место — она осталась в Москве..

— А эти кассеты для чего?

Оператор смотрит на меня как на умственно отсталую. Несколькими годами позже, уже работая в продакшене, я узнаю все производственные тонкости и мне будет стыдно — как редактор, я должна была после обучения знать весь процесс записи

«синхронов». В Тарусе обходим основные места, связанные с семьей Цветаевых и вдруг натыкаемся на неожиданный сюрприз

— Я хорошо знала Ариадну.

Сухонькая старушка возится в огороде, отряхивает от земли руки и подходит к забору.

— Вы в дом проходите, я вам всё, что помню, расскажу...

За чаем начинаем неспешную беседу. Несмотря на возраст, она держит спину, а я удивляюсь хитросплетениям жизни — у старушки моя бывшая «замужняя» фамилия — Щербакова, а еще она бывший телевизионщик...

Материала мы в Москву привезли тогда много, разного, не запланированного. А меня, как стажерку, усадили за книги

— Переписка Цветаевой, будем делать подстрочник из самых интересных писем.

Сижу, копаюсь, перечитываю строки, в основном из эмиграции. Описание быта, раздумья. Аккуратно читаю о личном, сокровенном. Стараюсь набросать для фильма побольше красок — разных, объёмных, поэтому выписываю для подстрочника «разную Марину». Благоговею... совсем не анализирую...

— Сегодня будем снимать детство Ариадны. У знакомых дочка очень похожа к счастью...

Оператор за руку приводит в обставленную декорацию малышку.

— Хотя, если быть объективным, она на Ирину конечно больше похожа...

Рассматриваю ребенка — оператор прав — для Ариадны ей не хватает кудряшек и особой бездонности глаз.

Раз за разом делаем дубль — малышка должна сбежать вприпрыжку по винтовой лестнице, но каждый раз кадр небезупречен. В конце концов с восьмого раза у нас получается...

Уставшая но довольная, после съемок, еду в вагоне метро. Рассеянно поднимаю глаза и замираю — прямо передо мной стоит постаревшая Ариадна. Ей за сорок, волосы с сединой, но всё такая же стройная и статная... Женщина разительно похожа, просто наваждение...

Цветаевский музей на Арбате. Жду директора для интервью. Стою перед памятником Марине, мысленно разговариваю с ним...

Съемки фильма, наш подготовительный период, который совпал с моей практикой, продолжался примерно месяц. Всё это время я чувствовала незримое присутствие Марины Цветаевой — во сне и в миру. Она подсказывала, направляла, она как будто участвовала вместе с нами в его создании...

Людмила СЕРОВА, *Москва, секция «Поэзия» — родилась в г. Спас-Клепики Московской области, где занимался в церковно-учительской школе Сергей Есенин. Отец Людмилы погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Окончив школу с серебряной медалью, поступила в педагогический институт на факультет иностранных языков. Работала в Государственном музее В.В. Маяковского. Стихи Серовой получили высокую оценку поэтов Владимира Соколова, Валентина Берестова, Николая Старшинова. Постоянный автор альманаха «Словесность», издала 22 книги стихов и прозы. Государственный стипендиат 2010-2012 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы, и мама стоит у окна.
Я пытаюсь в глаза заглянуть.
Нет, не плачет. Хотела побыть одна.
Чтоб слезами детей не вспугнуть.
Слезы горя и счастья. Как их совместить?
Надо мужество, как у бойца.
От окна отвернулась, хватит вам ныть.
Этот праздник — победа отца.
Постели лучше скатерть на праздничный стол.
Будем в жизни его вспоминать.
Он из наших сердец никуда не ушел.
И сегодня живой он опять.
За окном о Победе уж песня звучит,
И спешит на поминки народ.
А ведь кто-то вдали от России молчит
Или памятник рушить идет.

* * *

Зоркие звезды с вечерних небес
Смотрят на дальний заснеженный лес,
На огороды, поля и сады,
На ледяную полоску воды,
Словно лучами бесчисленных глаз
Ищут разгадку вселенной у нас.
Может быть, в свете из глуби окна
Тень им моя на сугробе видна?
Долго ловлю их таинственный свет.
Не оттого ли покоя мне нет?

* * *

Порхают яркие листы
И на обочины ложатся.
Последним блеском красоты
Кому не грустно любоваться,
И усмирив в душе разлад,
Мечтать, шурша листвой беспечно,
Что будет новый листопад,
И жизнь не так уж быстротечна.

БАБУШКА

Вместо «лоджия» скажет «ложа» нам.
Вафли «паклями» назовет,
Хлеб не режет — строгает ножиком,
С пальца лижет разлитый мед.
Нет «Орловской правды» — и тревожится.
«Где колхозная?» — говорит.
И свеча перед Матерью Божией
Бережет ее от обид.

ПОД ЗОНТОМ

Шли двое под одним зонтом,
И солнце недоумевало:
Уже давно умолкнул гром,
На листьях влага высыхала,
А под зонтом те двое шли,
Не замечая перемены,
Как будто флаг любви несли
Внезапной дивной и бессменной.

Анна МИХАЙЛИНА, *Москва, секция «Поэзия» — поэт, дочь известного биолога и литератора Натальи Габриэлян (автора воспоминаний об отце Александре Мене, кружке А.А. Ляпунова, семье Ардовых и др. «Несмотря и вопреки или наша маленькая фронда») Анна — постоянный автор альманаха и газеты «МОЛ».*

ВИРТУАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА ПО ПАРИЖУ
С КОШКАМИ

Увези меня, Танька, от смерти
В свой лохматый, безумный Париж.
Пусть покажут французские черти
Русской доле изысканный шиш!
Я приду к тебе ф жёлтой жилетке
С огурцом и «Столичной» в руках.
И, обнявшись, всплакнём — однолетки
О прожитых раздельно веках.
А потом мы пойдём по Парижу
С мятой пачкой «Родопей» в портках
Наконец Нотр-Дам я увижу,
Так, как он мне являлся во снах.
И подклею я «скотчем» подмётку,
Чтоб в пути не остаться босой,
Не нужны нам Парижские шмотки
Нужен запах окраин бухой
И на зов наших душ откликаясь,
Крепко вынюхав сложный маршрут
Вслед за нами, совсем не стесняясь,
Все Парижские кошки пойдут...

Владимир ПЫХОВ, *Москва, секция «Поэзия» — поэт, литературовед, прозаик, Государственный стипендиат 2018—2020 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России»*

* * *

Август сыплет звездопадом.
Небосвод и чист, и свеж.
И, наверно, что-то надо
Загадать из ста надежд.
Ловит светлый глаз фонарный
Блеск росинок на траве.
И качаются янтарно
Яблоки в густой листве.
Воздух запахами соткан
И таинственно молчит.
Над участком в десять соток
Вся Вселенная висит.

* * *

Когда осенний сад еще в красе
И зеленью восторженно колышет,
А поздние цветы блестят в росе,
И свежий воздух полной грудью дышит.
Когда плывут по небу облака
И слезы не спешат ронять о лете,
А резвый ветер полон сил ласкать
Готовые ему отдаться ветви.
Как хорошо тогда в саду мне быть
С самим собой часы, а не минуты,
Прядя воспоминаний долгих нить
И наполняясь благостным уютом.

* * *

И синее с белым, и желтый песок
Под рыжей слежавшейся хвоей.
Средь сосен и елей ты не одинок,
Объятый вселенским покоем.
Сбежать от всего, сбежать навсегда
Хотелось, наверное, многим,
Над кем неизменно сияла звезда,
Маня к неизвестным дорогам.

Тамара БЕТОНЬЯН, *Москва, секция «Поэзия» — инженер, участник Московского международного хора. Автор книги стихов «Вне времени». Публиковалась в альманахах «Третье дыхание», «Литературные знакомства», «Словесность». Участник X международного фестиваля «Русские мифы» в г. Дженовичи (Черногория). Активный участник литературно-музыкального салона «Сияние Севера» (объединение культурных центров Северного административного округа города Москвы).*

СНЕГИРИ

Под весенние морозы
Прилетели снегири,
Стайкой сели на берёзе,
Как небесные дары.
Их невольно приманила,
Будто в шутку, посмеясь,

Снега белая стихия,
Снега сказочная вязь.
Будто ей всё было мало,
В завершение строки,
Яркой краски разбросала,
Как небрежные мазки....

Анна ВИНОГРАДОВА, *Москва, секция «Поэзия» — автор девяти книг стихов, небольших рассказов и эссе. Публиковалась на сайте современной русской поэзии «На середине мира», в журнале «Плавучий мост», Международном альманахе литературы и искусства «Новая среда», альманахе «Словесность», интернет-изданиях «45 параллель», «Зарубежные Задворки», а также в сборниках серии «Петраэдр» (Санкт-Петербург).*

МОСКОВСКОЕ

Марине Цветаевой

Поведи меня
по твоей Москве.
Пусть звонят колокольные небыли.
Вышивает снег
по седой канве
переулки, где вместе мы не были.

Не узнать своих:
вдоль по улице
силуэты позёмкой коробятся,
светофор ослеп —
еле щурится.
Да и ладно: никто не торопится.

Санки скрипнули,
и фонарь погас.
Помнишь? Следующий — возле Булочной.
Прокати меня
в наш последний раз
по сугробам в твоём переулочке.

Всем нам, выпавшим
из московских гнёзд,
окольцованным с детства бульварами,
проходных дворов
сто заплат внахлёст
держат памяти рубище старое.

Не найдём теней —
тех ночей темней,
что болезнями детскими заспаны.
Замела метель,
а Москва — под ней,
та, которой гордимся и хвастаем.

Ингрид КИРШТАЙН, *Москва, секция «Поэзия» Поэт, поэт-переводчик, Государственный стипендиат 2012, 2014, 2015 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

НАЯДЕ

Запятнай, наяда, имя,
сирой нищенки хвалой.
В саже нимбы над святыми,
диск не светел золотой.
Раздосадованы боги
Неуемом канонад.
Даже падая, треноги,
Судным временем чадят.
Прикажи, дитя, истребуй,
бровки шелковые хмурь,
чтобы молнии до неба
не утюжили лазурь.

Наталья СТЕРКИНА, *секция «Проза и драматургия» — прозаик, драматург. Окончила филфак МГУ, преподаёт во ВГИК. Рассказы публиковались в журналах «Кольцо «А», «Литературный европеец», «Южное Сияние», «Меценат и Мир» и пр. Автор семи книг: первая — «Сны города» (М., «Мосты», 1993), последняя — «Посланцы будущей зимы» (М., 2020). Инсценировка романа Урса Видмера «Любовник моей матери» трижды ставилась в Москве. Оригинальная пьеса «Совы» была поставлена в театре «Вернадско-*

го, 13». Постоянный автор альманаха «Словесность», журнала «Знание — сила», газет: «МОЛ» и НГ-Exlibris. Лауреат фестивалей: «Калейдоскоп XXI» (III место за пьесу «Саша»), «Русские Мифы», Черногория (|I место за прозу). Дипломант фестиваля «ЛиФФт», Сочи

РАЗМЫШЛЕНИЯ: МИНИАТЮРА ПЕРВАЯ

Старик плетёт сеть. Сеть для рыбы. А кто строит тюрьмы? Камень на камень, кирпич на кирпич. И решетки, решетки, решетки. Старик сидит на берегу. Рыба плещется в воде, ей невдомек, что сеть для нее. Человек строит тюрьму для человека. У него есть работа. Значит, будут и деньги. Старик уже и не помнит, кем был раньше. Сейчас он рыбак. Будет улов — будет и уха. Строитель, прилаживая решетку, планы строит: часть заработанного пропить. Святое дело! Часть жене отдать. На хозяйство.
А рыбе и камню не избежать своей участи...

МИНИАТЮРА ВТОРАЯ

Душа встала на весы. Щурясь, всматривается в цифры — кажется, стрелка на нуле. Взвесилась, потому что велели. Так принято — перед выходом на свободу. Но весы- то барахлят! Задумался учетчик, пером голову чешет. Записал что-то.
— Слазьте! Свободны!
— А куда мне теперь?
— В другую инстанцию. Мы только констатируем наличие веса. У вас — в минимальном наличествует.
— Так можно порхать?
— Да. В другую инстанцию!

Валерий КОВАЛЕВСКИЙ, *Москва, председатель секции «Интерактивный дизайн и верстка» — Поэт, бард, полиграфист, создатель большинства авторских книг и коллективных сборников членов Союза литератор, напечатанных в сериях: «Визитная карточка литератора», «Госстипендиат», «Память сердлца», «Радуга созвучий». Валерий Геннадиевич также приложил руку к доброй половине книжек «Словесности» и ко всем номерам самой маленькой в мире литературной газеты «МОЛ»..*

Государственный стипендиат 2011, 2012, 2017 гг. в номинации Выдающийся деятель .культуры и искусства России»

ПЕТЕРБУРГ

Каменный шар тяжек, но искренне прост.
Утренний мост — символ лучистых фанфар...

Город живёт каждый чему-то рад.
Вот Петербург — будущий Петроград
Вот Петроград — будущий Ленинград
А Ленинград сызнова Петербург

Именно здесь прежних нашёл друзей
Встретил твои искренние глаза
И в чистоте светлых как день ночей
Ясно решил, что надлежит сказать

Образ наивной красы
Гордо царит над Невой

К радости всех мы перешли на «ты»
С неба взялась уйма прекрасных тем
Солько шутить раньше не мог ни с кем
От удивления город развел мосты

Образ наивной красы
Гордо царит над Невой

Вот Петербург — будущий Петроград
Вот Петроград — будущий Ленинград
А Ленинград сызнова Петербург
Город живёт — каждый кому-то рад...

ЗЛАЯ ПРЕЛЕСТЬ

В нашей старой школе девочка была
Скромною тихоней в общем-то слыла
Но в глазах злая прелесть в ней коварно расцвела

Кстати, эту странность видел только я
Шарм и элегантность — вот ее семья
А безумная прелесть, злая прелесть — смерть моя

Мысленный нажим: мы уже бежим
В темное кино и, в общем, все равно
На какой сеанс. На последний ряд —
обниматься, обниматься

Мысленный нажим: мы уже бежим
В темное кино и, в общем, все равно
На какой сеанс. На последний ряд —
целоваться, целоваться

Чем прекрасна юность
Тем, что только в ней
Нежная упругость маленьких грудей
И в глазах злая прелесть
Злая прелесть — е-е-ей!

Кстати, эту странность вижу только я
Шарм и элегантность — вся моя семья
И безумная прелесть, злая прелесть — жизнь моя

Игорь БУРДОНОВ, *Москва, секция «Художественный перевод» — поэт, поэт-переводчик, прозаик, художник, Государственный стипендиат 2007 г. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*
Учусь у господина «Пять ив»:
Учёный этот в душе был неподвижен, толст и злобен, покрытый панцирем, с огромной бородой. Но жизнь, как тот пасьянс, склалась иначе. Через пять лет и Сталин умер. Окончил университет, где математике учили как-никак, потом в компьютерах чего-то сочинял, стал доктором наук годам к шестидесяти, но службу не оставил. Беспечен был и мало говорил. И не стремился к славе и наживе. Любил читать, но не искал с усердием чрезмерным глубоких объяснений ко всему. И каждый раз, как появлялась у него идея и понимание чего-нибудь, он приходил в восторг и забывал обед. Любил вино всем сердцем, все нутром. И сочинял для собственной забавы в старинном стиле или современном вещицы всякие, в которых он хотел всем показать, к чему лежит его душа, и забывал задуматься над тем, удачно вышло или нет. И так же он картинки рисовал: и акварелью и китайской тушью, веселья ради. Посмотрит и засунет в шкаф. Примером взял себе он Тао Цяня, который был велик, не то, что этот.

ТЕНИ ЗА ОКНОМ

Занавеска шелохнулась
Задрожал огонь в камине
Замахнулся снежный веер
Ветер взял другую ноту
Ветка стукнула в окно
Звон случайный серебра
Стон массоновой сосны
Отсвет алый на стекле
Свет блуждающий во мгле
Шёлка тихое шуршание
Точное прикосновение
Тонкой кости белых клавиш
Тишину унылых кладбищ
Заглушает ветра вой
Тени, тени за окном

СТРАННИК

За плечами вещевой мешок,
Под ногами пыль глухих дорог,
На лице улыбка дурачка,
А походка как у родничка,
Проплывает, как журчит вода.
Современникам он не чета.
Если встретишь ты его в пути
И захочешь у него спросить,
В чём же тайна и великий смысл?
Он в ответ: — А папиросочкой не угостишь?

ЧИТАЮ КНИГИ

Сидит на стуле Александр Пушкин,
играет тросточкой, листает
мою Энциклопедию Китая.
А на диван Конфуций взгромоздился
и слушает, как Лев Толстой из кресла
ведёт свой севастопольский рассказ.
Сократ и Чехов, сидя на полу,

играют в карты, и Сократ шельмует.
На кухне Тао Юань-мин
Шекспиру водку наливает,
прислушиваясь краем уха,
как тот бормочет: быть или не быть?
Философ Кант под ручку с Лао-цзы
идут на лоджию перекурить,
кого-то энергично критикуя
и дёргая друг друга за рукав.
Евклид рисует на стене
в прихожей треугольники, квадраты.
Эйнштейн собрался уходить,
но задержался, смотрит,
с одним ботинком на руках.
Вот кто-то в дверь звонит,
пойду открою.
Наверно, это Бах и Карамзин,
за водкою ходили в магазин.
Но нет,
пришёл сосед,
кричит, что ночь,
уснуть невмочь,
что слишком шумно.
Ему ответив вежливо и умно,
дверь запираю на защёлку,
все книги в кучу — и на полку.

ЧЕЛОВЕК ВЫГУЛИВАЮЩИЙ СОБАКУ

Человек, выгуливающий собаку,
имеет предназначение,
и жизнь его не бессмысленна.

ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО

При переводе с китайского
гора распластывается в степь,
водопад сворачивается в родник,
причёска-башня падает длинной косой,
парадный халат распахивается парадным кафтаном.
И только колодец остаётся колодцем,
и только меч остаётся мечом,
и только книга остаётся книгой,
отразившись зеркально,
сменив костяные застёжки
на обветшавшей парче
на медноликие пряжки
на потемневшей коже.

ПАУТИНА ИЗ СОРОЧЬИХ ХВОСТОВ

(Из цикла «Эссешки»)

В Липовке от моего крыльца до дверей соседних домов метров 30. До домов других наших друзей — 200, 300, 500, а то и километр. Но не больше.

Поэтому в деревне все друг друга знают.

А в таком городе, как Москва, друзей приходится выбирать за несколько километров, а то и десятков километров от дома.

Представляете, что бы было, если бы вы знали всех людей на вашей лестничной площадке, в вашем подъезде, в вашем доме, в ближайших (только ближайших) соседних домах?

Кошмар!

Выходя из дома в ближайший магазин, у вас бы голова отвалилась от бесконечных поклонов и язык отсох от бесконечных «здрасьте».

Ужас!

Тишина и природный покой деревенской жизни эмулируются в городе защитным механизмом слова «не»: незнание, неузнавание, неучастие.

Транзит жизни в виртуальную реальность расширяет сеть ваших связей по всему миру, но она остаётся по размеру всё той же, что и в деревне, только натянутой на весь земной шар.

Паук в центре, т.е. вы сами, дёргаете за ниточку, а человек в Америке в ответ улыбается, человек в Китае в ответ вздыхает.

Как из этих паутинок слагается глобальная паутина человечества, сейчас изучает новая наука о сетях (networkscience), основанная в первую очередь на теории графов. Не зря я специализировался по графам на старших курсах мехмата, писал курсовые и диплом. Отсчёт науки о сетях ведётся с 1736 года, когда Леонард Эйлер написал статью о кёнигсбергских мостах.

И только звёзды пока равнодушно и безответно льют свой свет, и нет влюблённых путников на межзвёздных мостах из сорочьих хвостов.

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ, *секция «Поэзия» — поэт, прозаик, литературный критик. Член Российского ПЕН-центра и Союза литераторов России. Окончил отделение кинодраматургии сценарно-киноведческого факультета ВГИКа, аспирантуру при кафедре кинодраматургии. В настоящий момент — заместитель ответственного редактора отдела «Ex libris» «Независимой газеты». Автор книг стихов, прозы. Лауреат лит. наград, дипломов и памятных медалей.*

КЛАССИКАМ

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что далёко, далёко,
Пространство и время поправ,
Пятнистый, но тоже такой одинокий
Изысканный бродит жираф.

ПРОФИЛАКТИКА (ТРИЛОГИЯ)

1. ЧЕСНОК И ВОДКА

Чеснок и водка, водка и чеснок...
Я выпить смог,
А вымолвить не смог.
А как не пить, когда кругом зараза?
Я выпил раз, и два... Четыре раза...
Я пил и мой товарищ тоже пил
Чтобы коронавирус отступил.
Не знаю, этот вирус отступил ли,
Но мы-то замечательно попили.

2. КАРАНТИН

Строго вахту несу
Я карантина —
Протираю колбасу
Хлоргекседином

3. ФЕСТИВАЛЬНОЕ

Не на войне,
На мне
нет каски,
И скачет вирус, а не рать.
Корнет Голицын дайте маски —
Без маски грустно умирать.
А с маской просто, безопасно.
Верти её хоть... на носу.
Пройди по Площади по Красной
И ты одной ногой в Раю.

***

Так мало здесь осталось красоты.
И та, что есть, уже давно не та.
А раньше были разные цветы,
А раньше были разные цвета.

* * *

Ко мне подплывала утка.
Надо мной пролетала чайка.
К чему это ты? Отвечай-ка.
К тому, что не все так жутко...

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

(Из цикла «Рассказывали...»)

* * *

Кто-то рассказывал, что в Ростове-на-Дону... Или, может быть, в Таганроге... Не помню точно, и никого не хочу обидеть. В обще, рассказывали, что в каком-то крупном южном городе открыли мексиканский ресторан.
И все в нем — такое аутентичное. По подоконникам стоят кактусы. Меню исключительно мексиканское: фахитос, буррито, гуакомоле, фасолевый суп с перцем чили... Восемнадцать сортов текилы. На столах в графинчиках — соус сальса. В корзиночках — начос. Макай на здоровье, сколько хочешь. Комплимент от ресторана. Даже посуда вся в мексиканском стиле.
Официанты бегают в мексиканской одежде. На брюках бахрома, рубашки со змеями и черепами, вышиты бисе-

ром. На сцене музыканты парятся в пончо и сомбреро. На гитарах нарисованы все те же кактусы и черепа... И поют:

— *Владимирский централ! Ветер северный!..*
Владимирский централ! Зла немерено!..

* * *

Нина Матвеевна Беркова была удивительным человеком. К ней, тогда еще выпускнице филфаку, прислушивался Иван Ефремов, с ней в редакции издательства «Детская литература» работал Аркадий Стругацкий, с нежностью относился к ней сосед по Тишинке Кир Булычёв, в 80-е годы она курировала ежегодные Семинары молодых писателей, которые проходили сначала в подмосковном Доме творчества Союза писателей в Малеевке, а потом в Доме творчества в городке Дубулты под Юрмалой, одним из последних их участников был Сергей Лукьяненко... Не сосчитать скольким тогда молодым, а теперь известным писателям-фантастам она помогла состояться.

Так вот, Нина Матвеевна рассказывала. Ехали в очередной раз в Дубулты. Она как организатор оказалась в одном купе с мастерами, руководителями семинара, писателями — задумчивым Владимиром Михайловым и импозантным Геннадием Прашкевичем. Оба курили трубки. Четвертым же к ним в купе попал дорого одетый чернокожий иностранец двух метров росту.

А семинаристы, молодые писатели-фантасты со всего Советского Союза, ехали отдельно плацкартом. Участие, как и проезд, оплачивал Союз писателей. Староста семинара Виталий Бабенко пообещал по прибытию прислать в помощь Нине Матвеевне кого-нибудь из особенно молодых писателей-фантастов — нести неподъемный чемодан с рукописями, которые Беркова читала даже в дороге. Познакомиться еще все не успели, и Нину Матвеевну в лицо знали не все.

И вот поезд прибывает к месту назначения. Последние минуты. Михайлов и Прашкевич в нетерпении мусолят курительные трубки. Иностранец гордо восседает в импортном пальто, упираясь головой в верхнюю полку. Нина Матвеевна поглядывает на дверь, ожидая обещанной помощи...

Дверь открывается. Заглядывает взъерошенный особенно молодой писатель-фантаст, которому Бабенко сообщил номер вагона и купе. Он окидывает присутствующих взволнованным взглядом и спрашивает:

— Кто из вас Нина Матвеевна?

Михайлов, Прашкевич и сама Беркова, не сговариваясь показывают на чернокожего.

— Он!

* * *

Есть у меня в Казани приятель, которого зовут Дмитрий Анатольевич Медведев. Полный тезка. А еще у нас с ним есть общий приятель, которого зовут Владимир Владимирович. Неполный, но все же тоже тезка. Причем он очень гордится тем, что тезка президента, а его друг — тезка экс-президента и экс-премьер-министра.

Дмитрий рассказывал, как он однажды знакомил Володю со своим старым приятелем. Подвел его и помалкивает. А Володя по своему обыкновению гордо и даже с вызовом заявляет:

— Ну, ты заешь, что его зовут Дмитрий Анатольевич Медведев... А меня, знаешь, как зовут? Меня зовут Владимир Владимирович. А тебя как зовут?

А парень тот скромно так и тихо говорит:

— А меня зовут Коля... Романов.

Ирина БАГРАТИОН-МУХРАНЕЛИ, *доктор филологических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Член Союза литераторов, секция «Критика, искусствоведение, лексикография», госстипендиат в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАВКАЗ. ПУШКИН И ГРУЗИЯ

К ВОПРОСУ ОБ «УТАЕННОЙ ЛЮБВИ» ПОЭТА»

1. В мае 1829 года во время путешествия в Арзрум Пушкин написал один из своих лирических шедевров «*На холмах Грузии лежит ночная мгла...*». В черновиках стихотворения, которое было вдвое длиннее, есть строки, заставляющие задуматься в очередной раз, кому оно

посвящено: «*Прошли за днями дни, сокрылось много лет. Где вы, бесценные созданья*».

Считать, что стихи адресованы юной Наталии Николаевне Гончаровой, с которой поэт познакомился менее чем за несколько месяцев до путешествия на Кавказ, при всем желании сложно.

«*Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь*», признается поэт. Кого? Ответ связан с одним из наиболее таинственных и спорных вопросов – с так называемой проблемой «утаенной любви» поэта.

Целый ряд исследователей-пушкинистов: Т. Г. Цявловская, П. Е. Щеголев, Б. В. Томашевский, Л. Гроссман, Я. Левкович, М. Яншин, А. Дарский, П. К. Губер, Р. Иезуитова, Е. Зенгер, А. Светелик – пытались разгадать эту тайну. Кандидатуры были самые разные. Большинство сходятся на том, как это явствует из элегий 1816-1820 гг., что поэт пережил мучительное чувство, биографические подробности которого постарался тщательно скрыть, намекая на непреодолимые препятствия на пути любящих. «*Счастлив, кто в страсти сам себе Без ужаса признаться смеет*». Тынянов предположил, что адресатом ранней лирики была женщина недосягаемая, вероятно, стоявшая выше юного поэта по социальному положению, и в качестве гипотезы назвал жену старшего друга – Е. А.Карамзину. Однако другие указания – раннняя смерть возлюбленной – не позволяют принять эту гипотезу: Карамзина пережила поэта.

В 1816 году в стихотворении «*К Морфею*» Пушкин пишет: «*разлуки грустный приговор*». В 1818 – «*разлуки страшный приговор*», 19 марта 1825 года, когда Дельвиг привозит Пушкину в Михайловское тетрадь его стихов от Всеволодского, проигранную им в свое время в карты, поэт делает правку – «*разлуки вечный приговор*». Ей же посвящены 22/23 сентября 1825 года стихотворения «*Все в жертву памяти твоей*» и «*На небесах печальная луна*».

Следы этой любви – повсюду. Сложность состоит в том, что географически стихи, посвященные NN, как сам Пушкин обозначил ее в «донжуанском списке» в альбоме Елизаветы Ушаковой, относятся к Царскому Селу, а также к Крыму, названному «*любимым краем Эльвины*». Эльвина – поэтическое имя, данное Пушкиным «*милому другу*» – своей «*смуглой леди сонетов*», своей Беатриче.

Часто Пушкин использует принцип двойного портрета. «*Не пой, красавица, при мне*, – обращается он к Олениной, – *ты песен Грузии печальной... Напоминают мне оне <...> черты далекой, бедной девы*».

Этот образ – вспомним здесь же «*бедную Инезу*» («*Каменный гость*»), «*чахоточную деву*» из стихотворения «*Осень*» – сопровождает поэта на протяжении всей жизни.

2. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин приводит стихотворение Дмитрия Туманишвили «*Весенняя песня», «Ахал агнаго сулода» «(Душа, вновь расцветающая в раю*»), сопровождая его следующим текстом: «Голос песен грузинских приятен; мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство». Считается, что «песня эта привлекла внимание Пушкина во время его пребывания в Тбилиси» [1] . Это несомненно так, но вопрос в том, впервые ли ее слышал Пушкин в Грузии или уже был знаком с ней ранее.

Наследие Д. Туманишвили невелико – 34 стихотворения, анакреонтического типа, в жанре «мухамбази». Они распространялись в списках современниками и продолжали пользоваться популярностью долгое время спустя [2]. Туманишвили был секретарем последнего грузинского царя Георгия XII, а затем жил в эмиграции в Петербурге у одного из грузинских царевичей – Михаила, депортированного в столицу империи после присоединения Грузии. Биография Д. Туманишвили остается не выясненной до конца. Некоторые исследователи [3] считают, что поэт вернулся в Грузию, где умер в 1821 году, другие – что он похоронен в Петербурге. Большинство сходится на том, что стихотворение «*Ахал агнаго*» было написано в Петербурге. Мы делаем предположение, что Пушкин был знаком с этими стихами еще до приезда в Тифлис.

15 мая Пушкин пишет «*На холмах Грузии». «Я снова юн и твой*». Возвращение чувства, возвращение жизни,

любви, обращение к возлюбленной — эти мотивы роднят стихотворение Пушкина, возникавшие ранее («*Душе настало пробужденье» К*** Керн),* со стихами Туманишвили — «*От тебя, бессмертная, ожидаю жизни*».

В черновиках пушкинского стихотворения, прочитанных С. М. Бонди, есть «новый вариант любимой Пушкиным строки Саади; ср. эпиграф к «*Бахчисарайскому фонтану*» и стих в последней строфе «*Евгения Онегина*» — «*Иных уж нет, а те далече*». В стихотворении «*На холмах Грузии*» эта строка «*Иные далеко, иных уж в мире нет*». То есть стихотворение имеет изнутри некий восточный колорит.

Что побудило Пушкина во время написания «Путешествия в Арзрум» в 1829-1835 годах в качестве образца грузинской поэзии привести стихотворение того типа поэзии — анакреонтики, которому он сам отдавал дань в юности, но которым перестал увлекаться к моменту написания «Путешествия»? Простым незнанием грузинских поэтов? Вряд ли.

В 1802 Евгений Болховитинов издал «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии». В работе над ней приняли деятельное участие грузинские эмигранты в Петербурге — царевичи Иоанн, Баграт и Михаил, епископ Варлам Эристов, посол Гарсеван Чавчавадзе, первый секретарь посольства Георгий Авалишвили. В книге были разнообразные сведения о грузинской литературе, переводы строф Руставели и «Тамариани» Чахрухадзе, образцы народной поэзии. В 1827 году Д. Чубинов напечатал в майском номере французского журнала «Азиатский вестник» статью о поэме Руставели и др.

Еще в 1821 году в примечаниях к «*Кавказскому пленнику*» Пушкин писал: «Счастливый климат Грузии не вознаграждает сию прекрасную страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны». Поэт обнаруживает серьезное знакомство с материалами по Грузии и Кавказу, что подтверждается и мемуарами.

Следовательно, у Пушкина была своя мотивация обратиться к стихам именно Д. Туманишвили. Вероятно, она была связана с личными событиями, воспоминаниями петербургского периода его юности.

3. Грузинская колония в Петербурге была велика. Престиж грузинских женщин как самых красивых в мире утверждал еще любимый поэт юности Пушкина Эварист Парни: в девятой песни «Войны богов» читаем: «*И в Грузию с рассветом прилетаю/Два слова: «женщина» и «красота»/Сливаются в одно и то же слово/На языке грузин; моя мечта — Остаться там, но я — в Париже снова*».

Появление при дворе молодой грузинки, посещавшей Царское Село летом 1816 года вместе с матерью, не должно было пройти незамеченным. (Хотя оно и ускользнуло от внимания исследователей).

Взлелеяны в восточной неге,
На северном печальном снеге
Вы не оставили следов. (ЕО, Гл.1, XXX1)

Царевна Анастасия Ираклиевна Эристова-Ксанская с детьми была дочерью царя Ираклия II. Сводная сестра царевича Теймураза, жившего в Петербурге, вдова Реваза Георгиевича Эристова-Ксанского, владетельного князя Карталинии, имела тяжбу со Священным Синодом по поводу Алазанской долины — кому должны были принадлежать обширные земли, пожалованные еще византийскими императорами Эристовым-Ксанским и до присоединения Грузии считавшиеся их собственностью. Тяжба тянулась семь лет и называлась «Дело о крещении осетин» (Священный Синод и прежние владельцы оспаривали земли между Мцхета и Гори и живущих на них крестьян-осетин). В 1816 году, после возвращения армии из Парижа, Александр занялся делами внутренними. Наместником Кавказа в сентябре был назначен Ермолов. Александр выступал перед польским сеймом с обещанием конституции. Чувствовалось наступление нового времени, с новыми начальниками и администрацией. 9 марта 1816 года Царевна Анастасия Ираклиевна, «получив от Высочайшего двора позволение отправиться в Санкт-Петербург», обращается в канцелярию Главноуправляющего с просьбой определить ей «такого приста-

ва, который бы был честный и сверх природного знал бы российский язык и службу..чтоб при сих качествах имел он и способность к врачеванию, которой мне нужен как по нездоровому состоянию моему, так и малолетних моих детей, коих беру я с собою» [4]. В семейных бумагах Эристовых значится, помимо тех, кто есть в официальных генеалогических росписях — Шалвы, Бидзины, Тамары и Георгия — еще и дочь Елена [5]. Наша гипотеза состоит в том, что именно Елена Эристова могла быть той самой «утаенной любовью» Пушкина, которая время от времени упоминается в разнообразных принадлежащих поэту текстах под именем «Эльвина».

В должности сопровождающего семьи Эристовых был утвержден подполковник грузинской артиллерии князь Георгий Аматунов. Весной дорога могла проходить через Мингрелию, в порт Редут-Кале, дальше морем в Крым, оттуда в Санкт-Петербург. «Я прежде слыхал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes. («Отрывке из письма к Д.», напечатанном вместе с поэмой «Бахчисарайский фонтан»). Не исключено, что Эльвина узнала легенду о грузинке — возлюбленной хана, в дороге. Так что Фонтану Бахчисарайского дворца в 1820 г. Пушкин приносит в дар Две розы. Это не только героини «Бахчисарайского фонтана» Мария и Зарема. Но еще Рассказ Эльвины и его собственная поэма.

Путь через Крым был безопасней, чем через Астрахань или Чечню. Вероятно, по дороге Анастасия Ираклиевна заехала в Воронеж к брату царевичу Парнаозу, женатому, кстати, на Анне Георгиевне Эристовой. Он, после попытки мятежа в Грузии, был сослан в Россию без права выезда. Могла взять с собой представить ко двору одну из его дочерей, 16-летнюю Екатерину (1800-1819). Путешествия в то время были не часты. Дорога от Тифлиса до Петербурга занимала два, два с половиной месяца. Турция продолжала оставаться врагом Российской империи и традиционно, в течение многих веков — Грузии. Примерно в это же время херсонский военный губернатор граф Ланжерон отправляет к берегам Мингрелии военные суда и орудия, ранее — отдает распоряжения о закупке провианта. Секретные донесения свидетельствуют, что оба государства, Россия и Турция, продолжают оставаться начеку [6]. Поездка могла быть связана с желанием повлиять на исход судебного дела, и среди свиты, домочадцев и челяди, возможно, находилась молодая царевна/княжна, сверстница лицеиста Пушкина.

Церковь Екатерининского дворца, куда лицеисты ходили к службе, была общей дворцовой домовой церковью, где и можно было видеть фрейлин, дежуривших во дворце, и тех, кто посещал двор. 18 мая 1816 года, в день Вознесения, могла состояться первая встреча. Этой датой 18 мая — будет в дальнейшем помечен ряд произведений любовной лирики Пушкина.

В стихотворении «*Иностранке*», написанном в 1822 году, говорится: «*на языке, тебе невнятном, стихи прощальные пишу*». Через два года на первом листе тетради № 2371 будут вписаны дата 18/19 мая 1824 года и помета «Гр.». Эту помету расшифровывали как «гречанке», мы же предлагаем читать «грузинке».

Непреодолимая пропасть между поэтом и возлюбленной, о которой говорит поэт в стихах, возможно, связана не только с тем, что она — царской крови. Случай, произошедший летом 1816 года, покрыл позором репутацию молодого лицеиста. Пушкин ошибочно пытался в темноте поцеловать в коридоре Екатерининского дворца даму, но она оказалась княжной В. М. Волконской, престарелой камер-фрейлиной имп. Елизаветы Алексеевны и сестрой генерал-адъютанта начальника Главного штаба П. М. Волконского. Последний жаловался на Пушкина императору. «Береги честь смолоду» напишет он спустя два десятилетия в «Капитанской дочке».

«*Но прежних сердца ран, Глубоких ран любви, ничто не излечило...*», будет признаваться поэт.

Датой 19 мая 1828 года помечено стихотворение «*Воспоминание*» («*Когда для смертного умолкнет шумный день*»); в черновиках Пушкин рисует «*две тени милые, две данные судьбой Мне ангела во дни былые*». Эти два ангела — рано умершие Амалия Ризнич и Эльвина.

4. Прочитав черновики стихотворения «На холмах Грузии...», С. М. Бонди обнаружил еще две завершенные отделанные строфы. Знакомое восмистишие имело первую

и четвертую строфу, от которых Пушкин при публикации отказался. Транскрипция расшифровки, приведенная исследователем, позволяет заглянуть в творческую лабораторию поэта и дает некоторые основания вернуться к проблеме так называемой «утаенной любви» Пушкина. Стихотворение «Все тихо. На Кавказ идет ночная мгла» — вариант «На холмах Грузии» заканчивается такими строками:

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь.
И без надежд, и без желаний,
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

Пушкин делает это признание во время путешествия из Георгиевска в Тифлис, накануне женитьбы, во всяком случае не получив явного отказа в руке Н. Н. Гонаровой. Сразу после сватовства он отправляется в путешествие в Эрзрум, на Кавказ, в Грузию. Стихи эти он пишет за несколько дней до своего дня рождения, по крайней мере дата под стихотворением говорит в пользу этого. Правда, нужно заметить, что часто даты под стихотворениями означают не время написания, а время события, вызвавшего то или иное поэтическое чувство.
В черновиках есть и такие строки:

Прошли за днями дни, Сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет —
Со мной одни воспоминанья.

Это признание — в одном ряду с таким лирическим шедевром Пушкина, как «Не пой красавица при мне» 1827 года, обращенном к Олениной. «*Напоминают мне оне черты далекой, бедной девы*».
Накануне женитьбы поэт прощался с юностью.
Одна из целей путешествия — посетить могилу возлюбленной, Елены Эристовой.

«*Придет ужасный час... твои небесны очи*
Покроются, мой друг, туманом вечной ночи,
Молчанье вечное твои сомкнет уста,
Ты навсегда сойдешь в те мрачные места,
Где прадедов твоих почиют мощи хладны.
Но я, дотоле твой поклонник безотрадный,
В обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близ тебя, печальный и немой,
У милых ног твоих — себе их на колена
Сложу — и буду ждать печально... но чего?
Чтоб силою..... мечтанья моего
1823.

Перед женитьбой Пушкин отправился на Кавказ и в Арзрум не только повидать близких друзей или увидеть войну своими глазами. Во время второй поездки на Кавказ в 1829 году Пушкин посещает усыпальницу Эристовых близ крепости Ананури. Он выходит один из Пасанаура и идет пешком. «Я дошел до Ананура, не чувсвуя усталости. Лошади мои не приходили». Скупость новаторской прозы позднего Пушкина оттеняется лирикой, которая становится более пространным комментарием его кавказского путешествия. Точность пейзажа — «*шумит Арагва предо мною*» — не оставляет сомнений. В Ананури находится фамильная усыпальница Эристовых-Арагвинских.
Пушкин печатал стихотворение «*На холмах Грузии*» под названием «*Отрывок*». Вероятно, оно могло войти в какой-то более крупный замысел. Позднейшее упоминание об этом — в записях 1835 года под условным названием Prologue по-русски и по-французски. «*Я посетил твою могилу. Там тесно... Иду на поклонение в Баболово*». Т. Цявловская считает, что поэт имеет в виду могилу не Дельвига, а безымянной возлюбленной, к которой, добавим, обращены строки «*На холмах Грузии*». Т. Г. Цявловская и М. Мурьянов считают, что «*Я посетил твою могилу. Там тесно*» — план какой-то большой вещи, возможно, поэмы. «*Возлюбленная тень*» сопровождает творчество поэта с юности до последнего года жизни. Ей мы обязаны появлению удивительных стихов. «*Печаль моя полна тобой, одной тобою*».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М. Горгидзе. Грузины в Петербурге. Тбилиси, «Мерани», 1976, С.122.
2. Проф. Д. Чубинашвили включил это стихотворение Д. Туманишвили в «Грузинскую хрестоматию», изданную в Петербурге в 1846 и 1863 годах, а Олтвер Уордроп перевел на английский язык и поместил в своей книге «Грузинский язык и литература».
3. См. Г. Леонидзе «Картули мцерлоба», Тб. 1929, № 8-9; К. Дондуа. Сб. Пушкин в мировой литературе, Л, 1926, С. 200; Л. Модзалевский и В. Дондуа. Временник пушкинской комиссии № 2, М.-Л., 1936, С. 297-301;
А. Хаханов. Очерки по истории грузинской словесности. Вып. 3, М., 1901, С. 229; М. Горгидзе. Грузины в Петербурге... С.122-123.
4. ЦГИА Грузии (Главноуправляющий в Грузии), оп. 1, ед.хр. 536, лл. 11 и 11об.
5. Личный архив князей Мачабели.
6. Интересные матерталы содержатся в секретной переписке графа Ланжерона, Херсонского военного губернатора с морским министром: «Милостивый государь Николай Федорович! В исполнение почтеннейшего отношения Вашего Высокопревосходительства № 25 9-го числа сего месяца полученного мною: я немедленно отнесся к Вице-Адмиралу Языкову, который уведомил меня, что он с нарочным курьером предписал Севастопольскому флотскому начальнику Вице-Адмиралу Гамму вооружить для крейсирования у берегов Абхазии, Мингрелии, Гурии потребное число военных судов./ Я также предписал Севастопольскому Коменданту отправлять на тех Судах в крепость Св. Николая 6-ть орудии четыре 24-ем и два 18-м со всею принадлежностью при офицере из тамошнего гарнизона, с положенным числом нижних чинов, и двойным количеством зарядов против штатного положения, в рассуждении войск, то по настоянию оных в начальстве моем немог нискольку отрядить для десанту. При сем считаю нужным уведомить Милостивого Государя, что от Посланника Нашего, проживающего в Константинополе, ничего не известно о приготовлении турков к военным действиям, также разные негоцианты в Одессе получают часто письма оттуда, но неподтверждают о таком их предприятии. / С чувством особенного Глубочайшего почтения и совершеннейшей преданности имею честь быть Милостивого Государя Вашего превосходительства покорнейшим слуга / граф Александр Ланжерон». ЦГИА Грузии ф. 2, оп. 1, ед. хр. 536, лл. 44 и 44 об.

ДРАМАТУРГИЯ

Анастасия ЗАЙЦЕВА — *Екатеринбург, актриса и режиссер. Родилась в Челябинске, занималась в литературной студии Заслуженного работника культуры России, члена Союза литераторов России Натальи Рубинской. Постоянный автор альманаха «Словесность».*

УНДИНА

Камерный мюзикл
(Сказка-притча)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Ундина
Рыцарь
Рыбак
Рыбачка
Виола
Дядя Ундины
Сестры Ундины (можно просто голоса)
Души Ундины и Рыцаря (два артиста балета)

Сцена представляет из себя рыбацкую избу, из мебели — только камин, стол, пара стульев и табурет, сети и другие рыбацкие снасти. В центральной части дальней стены большое окно.

СЦЕНА 1:

Темно. Полыхают молнии. Звуки шторма, волны разбиваются о берег неимоверно громко и до опасного близко, но словно повисает пауза, как виолончель на одной бесконечной ноте.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР:

Не только внешней красотою полон свет,
Но нежностью и легким безрассудством,
И преданности искренней искусством...
И теплотой, не знающей границ,
И трепетом исписанных страниц,
И нежеланьем быть хоть миг раздельно,
И верою, что ласка беспредельна...
И напускного в этом чувстве нет.
И нет пустых и безразличных глаз,
И нет стремления достигнуть превосходства.
Необъяснимое двух душ парящих сходство,
Притягивает столь различных нас.
И что это за чувство каждый знает,
Но мало кто, подняв крыло, взлетает.
И если всё же связь с землею рвется,
Любовью эта буря чувств зовется...

Такой, что слов уже не подобрать,
Лишь стать послушным ветру и летать.
Вот эта красота не увядает.
И вечно молод, кто ее познает.
Накатывает новая волна. Становятся всё более различимыми голоса, не человеческие... словно сама стихия заговорила на тысячи различных тембров... голоса постепенно заполняют собой всё: то вздыхают, то раскатисто вздымаются, то словно шепчут что-то почти различимое.
Но вот выходят рыбак и его жена. И голоса отходят на второй план, а потом и вовсе стихают. Теперь слышен только плеск воды еще бушующего моря.
Рыбак: Ну, где же она? За окном такая непогода.
Рыбачка: Тебе ли не знать, что никакая стихия ей не страшна. Она чувствует себя, как рыба в воде, и в море, и на скалах, и в самой глухой чаще леса, куда я и близко не подойду.
Слышатся уханья, шелест листвы, чьи-то шаги, шорохи...
Рыбак: И то верно, лес у нас не приведи Господи. Я и сам, когда хожу до города, твержу молитву. Но пока духи леса были милостивы к нам. А Ундина, уж это точно, ничего и никого не боится здесь. Кажется, что лес и море подвластны ее воле... и настроению.
Слышится девичий веселый смех, рыбак подходит к окну, вглядывается в темноту, внезапно окно распахивается.
Рыбачка: Ну вот, опять! Одни шалости на уме. Ох, и непогода! Закрой окно, прошу тебя.
Рыбак закрывает, но тут же окно распахивается снова, в комнату попадают капли дождя, ветер сдувает занавеску, а из его завываний постепенно рождается песня.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР:

Ундина:
Сегодня я жду небывалого чуда.
Я знаю, что путник придет ниоткуда.
Он будет измотан, не очень учтив,
Напыщен, нахален, совсем не красив...
Но сердце ему только будет стучать...
Навеки... не в силах другого обнять...
Не в силах умолкнуть, уснуть, раствориться
Любовь будет в венах русалочьих биться.
Рыбачка: Ты слышал? Что это?
Рыбак: *(себе)* Бред! Какой еще путник? Здесь у нас? В такую-то непогоду? *(жене)* Это ветер. *(Закрывает окно, отходит).*
Окно с грохотом распахивается снова, свет в избе гаснет, очень близко громыхает гром, темноту ночи пронзают молнии, в проеме окна появляется силуэт рыцаря. Старики от неожиданности отшатываются от окна. Свет в избе появляется вновь. Раздается очень громкий стук в дверь.
Рыбачка: Кого это ещё принесло? Ты видел? В окне... Как тогда эта белая фигура... Ох, и страху же было...
Рыбак: Тот был куда выше ростом. А это обычный человек. Нельзя в такую ночь бросить человека на улице. Я пойду, открою.
Открывает. На пороге рыцарь. С него ручьями стекает вода.
Рыбак: Проходите, сударь! Не следовало вам в такую ночь забредать в этот лес. Хоть я тут живу и повидал всякого, но и я бы не решился в такой поздний час и в такую грозу...
Рыцарь: *(перебивает, напыщенно)* Рыцарь Ганс Эрик Тревор Папильот фон Виттенштейн цу Витгенштейн.
Рыбачка: Рады приветствовать вас рыцарь. Извините, мы не представились...
Рыцарь: Не соблаговолите ли вы накормить столь высокого гостя!
Рыбачка: *(себе под нос)* Ну, не такой уж и высокий...
Рыбак: Да, конечно, рыцарь..., сейчас моя...
Рыцарь: *(перебивает)* Рыцарь Ганс Эрик Тревор Папильот фон Виттенштейн цу Витгенштейн.
Рыбак: Да, конечно... *(себе)* Ох, как много букв! *(жене)* Дорогая...
Рыбачка: Уже иду, рыцарь...
Рыцарь: Рыцарь Ганс Эрик...
Рыбак: Да, да. *(Предлагает рыцарю сесть)* Так что же, рыцарь... *(Рыцарь вскакивает, чтобы снова назвать имя, но рыбак продолжает и тот садится на место)* ...привело вас в столь поздний час в этот жуткий?..

Рыцарь: Ну, а как ты думаешь? Разумеется, женщина!
Рыбак: Женщина? Но ведь...
Рыцарь: Это самая прекрасная женщина из всех! И я не оставлю без внимания твою просьбу рассказать о ней во всех подробностях.
Рыбак: Но...
Рыцарь: Её имя Виола, как скрипка... Стоит ей начать говорить — тут же ее голосу вторит этот чудный инструмент.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР:

В памяти рыцаря звучит скрипка и голос Виолы: скрипка скрипит и безбожно фальшивит, Виола отчитывает кого-то из слуг или ухажеров, может быть, и самого рыцаря.
Рыбак: Это...
Рыцарь: Она знатна! Прекрасна! Горда! Ни один мужчина не смеет коснуться даже подола ее платья! Но у меня появился шанс: если я вернусь из этого леса живым, то мне будет позволено, припасть к ее драгоценной ручке.
Рыбак: Только и всего...
Рыцарь: Осторожнее, старик...
Дверь распахивается. Слышен ветер, шторм. В комнату стремительно влетает Ундина, ее щеки горят румянцем, она, не отрываясь, смотрит на рыцаря.
Рыбак: Ну вот, явилась. *(Пауза).* Чего же ты молчишь? Стоило бы выказать столь почетному гостю уважение и хотя бы склонить свою красивую головку.
Ундина: Зачем же склонять голову перед тем, кто скоро станет мне мужем?
Рыбак: Что ты такое говоришь? Не слушайте ее, сеньор! Это неразумное и взбалмошное дитя.
Ундина: Неразумное и взбалмошное дитя, Ганс.
Рыцарь: Ты знаешь мое имя? А как же зовут тебя?
Ундина: Ундина. Я живу бесконечно мало, я живу бесконечно давно... Я люблю тебя всего минутку, я любила тебя целую вечность... *Пауза затягивается, Ундина и рыцарь не сводят взгляда друг с друга, рыбак онемел от неожиданности и растерянности.*
Рыбак: *(приходит в себя, Ундине)* Ну, знаешь...
Ундина: Тщщщ... *(рыбак засыпает, звучит нежная музыка).*

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР:

Ундина:
Пойдем, пойдем, пойдем!
Не будет небо нам судьей.
Ведь жизнь твоя лишь миг,
Но буду вечно я с тобой.
Рыцарь:
Пойдем, пойдем, пойдем!
Как странно! Горячо в груди.
Мне долг стоять велит.
А сердце в грудь стучит: «Иди!»
Вместе:
Пойдем, пойдем, пойдем!
За нас сегодня целый мир!
Пойдем, пойдем, пойдем!
Рыцарь:
Моя Ундина!
Ундина:
Мой кумир!
Рыбачка: *(входит)* А вот и ваш ужин, сэр рыцарь.
Рыбак приходит в себя.
Рыцарь: *(словно выйдя из оцепенения, потирает руки)* Благодарствую, хозяйка!
Ундина: Это форель? Ты приготовила нашему гостю форель? Ганс, ты станешь это есть?
Рыцарь: Еще бы! И с большим аппетитом!
Ундина: Будешь есть бедную форель...
Рыбачка: Ундина...
Ундина: ...которая еще час назад вольно плавала в прохладной воде?
Рыцарь: Безусловно, буду.
Ундина: Ну что ж... *(взмахивает рукой — тарелка с форелью оказывается на полу).* Ешь теперь. *(Убегает).*
Рыцарь: Что с ней?
Рыбачка: Она переживает за всякое живое существо. Но за рыб и других морских обитателей... Ох... Нам она позволяет ловить рыбу, но только чтоб прокормиться самим... Я принесу вам хлеба и вина, рыцарь...
Рыцарь: Нет, постой, сначала стоило бы разыскать ее.

Рыбак: Ундину? Вот это вряд ли. Если она не захочет, чтоб ее нашли, вы напрасно будете тратить время на ее поиски...
Рыцарь: Но в такую непогоду!..
Рыбак: Рыцарь, ей повинуется вода, земля и небо. Ничто не угрожает ей в мире природы...
Рыцарь: И всё же я должен...
Рыбак: Подождите, Рыцарь. Позвольте мне вам кое-что рассказать.
Рыцарь: Непременно! Но только после того, как я разыщу её.
В окне появляется Ундина. Шум волн стихает. Видно, как обрадовали ее слова Рыцаря.
Рыбачка: Вот и она! Довольнешенька! Давай-ка, заходи в дом. *Ундина мотает головой. Остается у окна, любуется Рыцарем.*
Рыбак: Ну как, сударь, теперь вы готовы выслушать мой рассказ?
Рыцарь располагается поудобнее, всем своим видом показывая, что готов слушать.
Рыбак: Дело в том, сэр рыцарь, что Ундина не наша дочь.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР:

Рыбак:
С той ночи минуло пять лет,
Но до сих пор ответа нет,
Откуда, как, каким путем
Ундина в наш попала дом.
Мы спали, был уж поздний час,
Как сон слетел немедля с нас.
На море шторм с ума сводил
И кто-то грозно говорил,
Как будто сами небеса
В дождь низвергали голоса.
Рыбачка:
Хоть было слов не разобрать
Несложно было нам понять,
Что голоса те спор вели
В неведомой для нас дали.
Рыбак:
Потом всё стихло вмиг. И вдруг
Услышали мы робкий стук.
Рыбачка:
За дверью девушка была
Совсем юна и так мила...
Рыбак: *(с волнением)*
Но в темноте в проем окна
Фигура нам была видна.
Рыбачка: *(как страшный сон)*
Весь в белом. Жуткий строгий взгляд.
Глаза на девушку глядят.
Рыбак:
Потом исчез.
Рыбачка: *(лицо светлеет)*
А мы втроем
С тех пор с дочуркою живем.
И шаловливое дитя
Мы оба любим.
Рыбак:
(поддерживает) Не шутя!
(ворчит, но по-доброму) Хоть и несносная порой,
И не спешит бежать домой.
Всё бродит по лесу одна.
И... в море крепко влюблена.
Рыбачка:
Как дождь — бежит его встречать.
И можно сколь угодно ждать —
Не возвратится дотемна.
(с улыбкой) И... в дождь, пожалуй, влюблена.
Рыбак:
О нас заботится тайком.
Всегда в порядке старый дом,
Хоть скромный, но всегда улов
В сетях нам к ужину готов.
Рыбачка:
Но что уж странно сверх всего —
Не сносит платья своего.
И как была стройна, юна —
Всё не меняется она.
Прическа, глазки — всё одно.
Ей вечно юной быть дано.
(Затемнение).

Те же и Ундина.

Голос: Время шло неторопливо. Днем Рыцарь охотился или рыбачил со стариком. Вечерами уютно устроившись подле камина, в котором потрескивали, разлетаясь искорками, дрова, мужчины смаковали доброе домашнее вино, проводя время за мирными беседами... Подле рыцаря всегда сидела Ундина, любуясь своим избранником и словно боясь потерять хоть миг их общего тихого счастья. Резвое непослушное дитя превратилось в кроткую и нежную девушку...

Впрочем, и рыцарь забыл все свои титулы и регалии, он был просто Гансом и он просто любил свою Ундину.

Свет гаснет. Слышен сильный ветер, перерастающий в грозу и шторм. В окне снова появляется тень, на ней плащ, движения порывисты, голос резок.

Виола: *(под аккомпанемент скрипящих мимо нот скрипок)* Поможет мне кто-нибудь?

Рыцарь и рыбак бросаются к двери, на пороге стоит промокшая насквозь, но с очень строгим и надменным взглядом, девушка.

Виола: Ну наконец-то! *(Она поднимает руки, чтоб с нее сняли мокрый плащ, но все стоят в оцепенении...)* Ну же! *(Рыцарь помогает ей раздеться. Он изумлен, узнав Виолу. Она проходит в дом, недовольно оглядывая убогое, на ее взгляд, жилище, выходит на середину комнаты и начинает нарочито громко...)* Отвратительное местечко... этот ваш лес! Вся моя свита не пойми куда подевалась. Я бы решила, что они просто струсили, но они пропадали у меня на глазах, впрочем, это их не оправдывает. *(Себе):* А еще этот ужасный призрак?.. Человек?.. Весь в белом.

Рыбачка: Простите. Но как вы попали в этот жуткий лес? О нем наслышаны все. И каждый желает оставаться подальше от этого места.

Виола: *(так же громко)* Бесспорно, я сама велела отправиться сюда! Ничто не может бросать тень на мою непоколебимость!

Рыбак: Но...

Виола: Я должна быть первой во всем!

Рыбачка: Но...

Виола: И вот я здесь! А сейчас вы выведете меня из этой чащи!

Рыбак: Но посмотрите, что творится за окном...

Виола: Погода уступит моей воле!

Ундина: *(в ее глазах с приходом Виолы появился беспокойный огонек и прежние задор и решимость)* Вот уж это вряд ли.

Виола, выведенная из себя фразой Ундины, отступает в сторону так, что Рыцарь оказывается между двумя девушками. Только теперь Виола узнает Ганса. Немая сцена.

Виола: Рыцарь Ганс Эрик Тревор Папильот фон Виттенштейн цу Витгенштейн?.. *(Он непроизвольно склоняет голову перед Виолой).* Ты заслужил право припасть к моей драгоценнейшей ручке... Да, я помню свое обещание. *(Он не двигается).* Не упускай своего шанса. *(Он в нерешительности).* Неужели мой храбрый Рыцарь Ганс испытывает смущение и робость? Ну же!

Ундина: *(с ударением на «мой»)* Мой храбрый Ганс...

Виола: Твой? *(На ее лице начинает расплываться улыбка).*

(Затемнение).

СЦЕНА 2:

Шторм усиливается, в окне новый силуэт в белом, через затемнение он оказывается то в одной то в другой части комнаты, Ундина стоит посреди комнаты, не обращая на него внимания.

Дядя Ундины: Мы тебя предупреждали. Мы говорили тебе...

Ундина: *(не обращая внимания на его слова)* Как поживают мои сестры?

Голоса сестер: Если влюбишься в человека, обратной дороги не будет!

Дядя Ундины: Обратной дороги не будет!

Голоса сестер: Вернись! Вернись к нам навсегда!

Ундина: Я не могу! Поздно! Теперь я всецело принадлежу ему. Я люблю его!

Дядя Ундины: Отрекись от этой любви. Отпусти его. Он всё равно уйдет.

Ундина: Я знаю.

Дядя Ундины: Ты погубишь и себя и этого рыцаря.

Ундина: Ты убьешь его?

Дядя Ундины: Нет. Смерть и так стоит за его спиной. Ведь он человек. Человеческая жизнь ничтожно мала. Но

твой рыцарь и свой век не протянет. Его раздирают желание быть с тобой и желание вернуться к своим привязанностям. Он должен выбирать. Это убьет его куда раньше положенного ему срока. А ты не оставляешь ему выбора.
Ундина: Я спасу его. Я его отпущу. Но я останусь с людьми. В этом я буду ему верна.
Голоса сестер: Он не сможет уйти. Он не уйдет.
Ундина: Остается одно?
Дядя Ундины: Остается одно.
Ундина: *(дяде)* Ты поможешь мне?
Дядя Ундины: Да. Но ты выполнишь два моих условия: ты вернешься домой и позволишь мне сделать так, чтобы и ты забыла...
Ундина: Нет! Я отпущу моего Ганса. Но я не отдам мою любовь. Русалки любят лишь раз!
Голоса сестер: Русалки любят лишь раз.
Ундина: И это навсегда!
Голоса сестер: И это навсегда.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР

Голоса сестер: (*поют*)
Лишь раз один вскипает кровь.
И с этих пор одна любовь
Живет в груди и дарит свет
На долгий-долгий-долгий век.
Да, это счастье на века:
Когда русалочья рука
С рукой русалочьей слиты,
Но человека любишь ты.
Он смертен, жизнь его кратка,
Вам счастья лишь на полглотка
Судьба сулит. А дальше боль!
Помочь, сестра, ты нам позволь!
Ундина: (*говорит*)
Нет! Я готова болью стать
И человека потерять
Навек. Но память пусть живет.
Ведь вместе с ней любовь умрет.
Умрет навеки, навсегда
И ей не вспыхнуть никогда!
Пусть тлеет, пусть еще горит!
Пусть сердце с сердцем говорит.
Хоть человек... молчит.
Дядя Ундины: Но почему именно он? Почему именно человек?
Ундина: Я знала с рождения, я чувствовала, что единственная моя любовь живет здесь, среди людей. Но если пришло время, если мой миг счастья закончен, что ж... Я принесу эту жертву. Чтобы мой рыцарь жил... свой век.
Дядя Ундины: Этого недостаточно. Отнять его память, не отняв твоей?.. Любящие души находят друг друга. Памяти я лишаю лишь человека. Что если душа его вспомнит? Что если твоя душа отыщет его в мире людей?.. Поэтому ты должна всё забыть!
Голоса сестер: Всё забыть.
Дядя Ундины: И уйти с нами.
Голоса сестер: И уйти с нами.
Ундина: Я не могу. Не просите меня об этом. Шанс, что наши души встретятся, так мал! Позволь мне остаться в мире людей. Позволь мне продолжить любить!
Дядя Ундины: Это твой выбор.
Голоса сестер: Пойдем с нами!
Ундина: Простите меня! Я не могу.

СЦЕНА 3:

Волны и ветер затихают, медленно начинает набираться приглушенный свет, звучит музыка. На сцене Ундина, Рыцарь и Виола.
Ундина: Ты забудешь. Прости, мой любимый. Я отпускаю тебя! Я люблю тебя! (Зовет) Дядя, я готова.
Появляется дядя Ундины.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР:

Голос Дяди Ундины: (*мелодекламация)*
Из памяти исчезнет много дней,
Ты в мир людской уйдешь с княжной своею.
Забудешь нас, забудешь рыбака,
Его жену и верную Ундину.
Ты будешь вновь любимцем при дворе,
Героем, покоряющим невольно
Сердца девиц и всех придворных дам,
Но станешь верен царственной Виоле.
Тебе помимо прочего дарую

Здоровье то, что отняли те дни,
Что ты провел в суровых наших землях
С той, что дышать тобою вечно будет.
Хоть знать тебе об этом не дано.
И я надеюсь, так тому и быть.
Свершись мое заклятие, падите,
Все узы памяти, и дайте нам надежду,
Что всё со временем на свой вернется
Брег, к своим истокам и своим корням.
(*Ундине*)
Ундина, скройся! Не рождай невольно
Сомнений тяжких в рыцарской груди.
Ундина прячется.
Рыцарь приходит в себя, просыпается и Виола. Он склоняется перед ней на колено, но она помогает ему подняться и приникает головой к его плечу.

СЦЕНА 4:

Ганс и Ундина у правой и левой кулисы.
Голос: Никогда более рыцарь не видел Ундину. Он не помнил ее. Не понимал, как оказался в этом странном сумрачном лесу...

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР:

Ундина:
Знай, любимый мой, я всегда с тобой,
Непроглядной тьмой, ясным утром,
Ветром в волосах, солнышком в глазах,
Капелькой росы в Незабудках.
У любой реки — словно две руки,
Это я тебя обнимаю!
Но река молчит, мой секрет хранит,
Обо мне мой Ганс не узнает!
(говорят на фоне музыки)
Ганс: Какое странное чувство! Такое тепло... и сразу озноб! Голова кружится.
Ундина: Кружится голова!
Ганс и Ундина одновременно поднимают головы вверх, словно разглядывая что-то очень далеко и высоко.
Души их встречаются. Пластический этюд (театр теней).
Души словно тянет в разные стороны, их разлучают. Затемнение. Когда появляется свет, Дядя Ундины уже стоит в центре сцены.
Дядя Ундины: Я предупреждал. Все непрожитые переживания обрушатся на Рыцаря. Теперь его не спасти.
Ундина: *(испуганно)* Дядя!
Дядя Ундины: Прости! Я бессилен что-то изменить.
(Затемнение).

СЦЕНА 5:

Рыбак с женой смотрят в окно хижины. Там снова бушует буря.
Рыбак: Давненько природа так не гневалась! С тех пор, как Ундина пропала, море словно уснуло.
Рыбачка: Ундина всегда была рядом. Ты знаешь это не хуже меня!
Рыбак: Да. Знаю. Но ни разу с тех пор мы не видели ее в человеческом облике.
Рыбачка: Зато сколько раз ты находил рыбу в сетях, которые даже не забрасывал?.. А сколько раз чувствовал, как свежий ветерок гладит тебя по волосам?.. А сколько...
Рыбак: Всё так, всё так! Но сегодня всё иначе. Что-то случится! Помяни мое слово. Неспроста на море сегодня шторм поднялся!
Рыбачка: Ты прав...
Стук в дверь. Старики бросаются открывать. В хижину входит Виола.
Виола: Здравствуйте! Разрешите ли вы, добрые люди, быть вашей гостьей?
Рыбачка: Конечно, конечно, госпожа! Как мы можем вам отказать...
Виола: Нет, прошу вас, не называйте меня госпожой. Мне куда приятнее думать... *(не может подобрать слов)*
Рыбак: Проходите, Виола. Вам рады в этом доме! Вы и впрямь очень изменились. Присаживайтесь. Что привело вас к нам?
Виола: Мой Ганс... *(поправляется)* Ганс. Он пропал. Он простился со мной очень ласково и умчался на своем коне. Он часто уезжал, но возвращался тем же вечером. Но в этот раз он был необычайно задумчив, глаза его будто вмещали всю тоску и безысходность, они смотрели в

вечность: непроглядную, глубокую... Так мне показалось. Его не было три дня. И я отправилась за ним.
Рыбак: Сюда?
Виола: Это вышло само собой, меня притягивал этот лес. Он словно звал меня. Три дня я провела в пути... И вот я здесь.
Рыбачка: Напрасно, госпожа... *(поправляется)* Виола... Рыцарь не появлялся здесь с тех пор...
Виола: Я знаю...
Стук в дверь. Виола вскакивает.
Виола: Это он!
Рыбачка: Быть не может...
Стук повторяется.
Виола: Точно он!
Спешит к двери. Открывает. Нежно обнимает Ганса. Он мягок, но словно отстранен. Они проходят в хижину.
Рыцарь: Ничего не изменилось. Или... всё изменилось. Прости меня, Виола... Я вижу так далеко! Но моё «далеко» приближается неимоверно быстро...
Виола: Что с тобой, Ганс?
Рыцарь: *(смотрит куда-то вдаль)* Я словно несу на плечах полмира с его горами, долинами и реками... со всей его неразберихой, гордыней и суетой... Я вспомнил то, что нельзя было вспоминать... То, что разделило меня надвое... То, что теперь ни за что не отпущу из моей головы и сердца... Я словно прильнул к единственному роднику на земле и вспомнил вкус... Но родник растворился в воздухе... И где теперь его искать?..
Виола: Ты говоришь об Ундине?
Рыцарь: Я говорю о невозможности двух стихий быть вместе... Впрочем, всё еще хуже: она стихия, а я — только человек...
(в изнеможении садится) Прости меня, Виола!
Виола: Ганс, милый! *(садится рядом, гладит его, как малыша, по голове)*
Рыцарь падает бездыханный. В этот момент в хижину вбегает Ундина, видит лежащего Рыцаря.
Ундина: Ганс!!!
Подбегает к нему. Кладет руки ему на плечи. Внезапно становится неэмоциональной, словно неживой, говорит очень тихо и уверенно:
Ундина:
Я хочу лежать на дне,
Тихом и пустом,
Если счастья не дано,
Я уйду с тобой.
В окне появляется Дядя Ундины, жестом останавливает время (с музыкальной отбивкой). Все замирают. Он входит в хижину. Подходит к Ундине. Берет ее за руку. Она приходит в себя. Он отводит ее в сторону.
Дядя Ундины: Прости меня, я не в силах ему помочь.
Ундина: Я уйду с ним.
Дядя Ундины: Ты не можешь. Мы существа другого порядка. Там за гранью ваши пути не пересекутся.
Ундина: *(сквозь слезы)* Значит, никогда?..
Дядя Ундины: Никогда!
Ундина: Какое жуткое слово... пустое... звенящее в этой дикой пустоте... всеобъемлющее... жестокое... ничтожное... Ни-ког-да!
Дядя Ундины: У меня нет выбора. *(Ундина смотрит на Рыцаря)* Ты всё забудешь.
Он выставляет руку, чтоб отнять память, Ундина резко оборачивается, собираясь возразить, но тут же взгляд ее меняется, черты лица становятся мягче (как при встрече любимого родственника).
Ундина: Дядя!? *(оглядывается по сторонам)* Где это мы? Как тут плавать? Какие они смешные! Это люди?
Дядя Ундины: Да, Ундина, это люди.
Ундина: А этот красивый юноша... Что с ним?
Дядя Ундины: Он мертв, Ундина.
Ундина: Мертв? Это как?
Дядя Ундины: Это... как сон. Очень долгий сон.
Ундина: Дядя, я юноше перед сном расскажу сказку?
Подбегает по-детски к рыцарю. Гладит его по волосам.
Ундина:
Тихо так, лишь рыбы дышат.
Они мысли наши слышат.
Если я пойду ко дну,
Мысль у рыбок отниму.
Дядя Ундины: *(улыбаясь ее детской наивности)* О чем это ты? *(очень по-доброму)* Пойдем, Ундина!
Ундина: Пойдем.

Дядя, как ребенка, берет ее за руку, и они выходят. Остальные так и оставшись на своих местах, исчезают в темноте. Слышны только голоса:
Виола: Ганс...
Рыбачка: Бедный юноша...
Рыбак: Да, бедный влюбленный мальчик...
Виола: Ганс...

СЦЕНА 6:

Берег моря. А может быть, берег мира. Или вся Вселенная.
Голос Ундины: *(звучит как воспоминание)*
Тихо так, лишь рыбы дышат.
Они мысли наши слышат.
Если я пойду ко дну,
Мысль у рыбок отниму.
На сцене появляется Ундина:
Ундина: Ганс! Я вспомнила... Ганс...

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР:

Ундина:
Не улетай, не улетай,
Как легкий бриз меня касайся.
Мой милый, ангелом ты стань,
И теплым ветром возвращайся,
Пой песни с шелестом листвы,
С дождем коснись моей ладони,
Росой колени окропи,
Будь в каждом птичьем разговоре.
Я разгадаю, я пойму,
Тебя услышу в каждой строчке,
С тобой на небо нет пути,
Но мы не будем ставить точки,
Мы разгадаем бытия
Необъяснимые загадки,
Я просто стану ждать тебя —
Ты приходи ко мне украдкой...
Голос Рыцаря:
Не улетай, не улетай...
Как легкий бриз, меня касайся...
Музыка смолкает.
Ундина: Мой Ганс!..
Лицо Ундины светлеет, на нем появляется улыбка и вера, что любимый рядом. Свет постепенно гаснет.

СЦЕНА 7:

Видны тени Ундины и Рыцаря. Они крепко сжимают ладони друг друга, ничто уже никогда не сможет их разлучить.
Дядя Ундины: Невозможно преодолеть законы бытия... Души людей и мифических существ не встречаются за пределами земной жизни. Но вся твердь, вся водная гладь, даже небеса... встали на сторону влюбленных — и природа уступила. Она дала им шанс быть вместе. Стать ее частью, частью всего сущего, частью всех рассветов, всех морских брызг, каждого солнечного луча, каждой травинки и каждого дуновения! Во всем и везде... навсегда... живет частичка большого неодолимого чувства, которое еще долгие века будет касаться каждого живущего на Земле.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР: *(мелодекламация)*
Все герои спектакля постепенно появляются на сцене, последними выходят Рыцарь и Ундина вместе.
Рыцарь: *(тенью)* Покоится мир наш на тихих улыбках,
Ундина: *(тенью)* На зыбкости счастья, на глупых ошибках,
Рыбак: *(выходит)* На вере в добро... и заботу... и свет...
Рыбачка: *(выходит)* Который нас греть будет тысячи лет.
Виола: *(выходит)* И жизнь наша смысл с этих пор обретет.
Дядя Ундины: Любовь, как ни прячь — она дверцу найдет!
Рыцарь: *(выходит вместе с Ундиной)* И вам не укрыться уже, не забыть...
Ундина: Ни жизни, ни смерти любовь не убить.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР:

Ундина и Рыцарь:
Столько лет прошло — мы с тобой одно,
Дерево одно в этом мире.
Ветви — небеса, в листьях голоса

Все, что о любви говорили.
В песнях и стихах, на разных языках
Людям нотки счастья дарили.
Негасим их свет! И прощаний нет.
Путь в бессмертье чувствам открыли!
Все: *(мелодекламация)*
Негасим наш свет! И прощаний нет!
Путь в бессмертье чувствам открыли...
P.S.:
Дядя Ундины: Вы скажете: «А как же Виола? Ведь она тоже любила!»
Она любит и сейчас! Это чувство дает ей силы и вдохновение, оно согревает ее! И она ни за что не потеряет это тепло!

ГЕОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Тверь-Челябинск-Клинцы-Тула-Тамбов-Урюпинск-Барнаул-Владимир-Вязники-Оренбург

Тверь *была основана в 1135 г., по археологическим данным поселение на мысу при впадении Темаки в Волгу существовало уже в IX-X веках. В 1931-1990 гг. была переименована в г. Калинин. Начало 20-х гг. XX века омрачилось массовым закрытием храмов, разрушением святынь, запретом на колокольный звон. 17 июля 1990 г. городу возвращены его историческое имя и герб.*

Дмитрий БАРАНОВ, *Тверь — возглавляет Тверскую православную региональную общественную организацию содействия патриотическому воспитанию Историко-этнографический центр «Спас». Проводит занятия по рукопашному бою и владению историческими видами оружия. Автор романа в жанре славянского фэнтези «Ведун».*

КРАСОТА СПАСЁТ МИР?

Когда пришло время для «Великой Битвы Народов», и Император объявил о наборе добровольцев для службы во вспомогательных войсках, Вадим как раз закончил свое обучение в Академии (где сидел у ног самого Аристокла!) и, на волне всеобщего искреннего патриотического порыва, вступил в «Добровольческий легион».

Он и посейчас помнит, как узнав об этом, охнула и зашлась слезами мать, как вдруг посуровел отец, и, не говоря ни слова, снял со стены меч, которым он служил еще прежнему Императору, и торжественно опоясал им сына.

Как его нареченная невеста, красавица Вероника, несмотря на все увещевания своей разумной родни, пожелала немедленно обменяться с ним обетами и кольцами, гордо бросив в ответ боязливым: «Лучше быть вдовою героя, чем женою труса»!

Даже дед оставил свое бдение в храме Неведомого бога и явился в родовую усадьбу, дабы благословить прощальный пир, ставший и проводами, и свадьбой. На войну Вадим отправился уже не мальчиком, но мужем.

Сборы были недолги и уже в начале лета новоиспеченный муж, в группе таких же, как и он, «героически» настроенных, молодых людей, растерянно топтался на зеленом берегу Черного острова.

Он, конечно же, не чаял попасть в первые, «жреческие» ряды великой «Армии Народов», но и в общем воинском строю для него тоже, почему-то, не нашлось места.

Еще на материке сопровождающий их ветеран вручил ему предписание «прибыть для прохождения службы в “Особый отряд”». Помнится, что уже тогда Вадим поймал на себе сочувственный взгляд старого служаки, но не придал этому особого значения и даже не подумал хлопотать о переводе в другое подразделение, благоразумно решив, что его командирам виднее, где и как он сможет принести больше пользы.

И вот он в составе полусотни «чистильщиков», как за глаза называли их команду в войсках, уже катится обозом в гремящей боевой повозке по прекрасным мощеным дорогам таинственной страны Черных Пирамид.

Их небольшой отряд состоял всего из двух десятков конных лучников, сплошь затянутых в вороненые кольчужные сетки, да трех десятков разновозрастных, разномастно вооруженных, и разноязыких ауксиляриев, разместившихся на пяти «боевых возах», ну, и еще одного, вечно пьяного, то ли знахаря, то ли шамана, с окольцованным белым петухом под мышкой.

Насчет петуха Вадим сразу смекнул, что это должно быть — «царик». У его отца тоже был такой. Отец им очень дорожил и говорил, что этот петух приносит в дом счастье и охраняет его от колдунов и злых чар.

Такого петуха распознавали по тому, что он начинает петь еще в яйце и очень быстро растет. А когда «царик» вырастает, то становится самым почитаемым петухом в округе, ведь он первым поет в полночь и его боится всякая нечисть.

Так что, решил молодой воин, наверное, этого никчемного забулдыгу-колдуна и терпят в команде только из-за его волшебной птицы — оберега «Особого отряда».

«Боевые возы» были несколько длиннее, чем обычные, крестьянские повозки, но не такие мощные, как имперские, — скорее «дом на колесах», нежели крепость.

Предводительствовал этим пестрым воинством высокий и тонкокостный шемит, — то ли аккадец, то ли кушит, который так же, как и конники, был с ног до головы облит кольчугой, но только не черненой, а серебряной.

Перед отправкой он построил свое разношерстное воинство по родам и, стянув с головы кольчужный колпак, обратился к новобранцам с короткой, но очень выразительной речью:

— Как меня зовут — неважно. Можете, покамест, звать меня «Вождь», а там сами придумаете как. И свои имена на все время похода также позабудьте. Обращаться друг к другу только по прозвищам.

Нам с вами предстоит необычная миссия, суть которой вы понять, пока что, не в силах.

Поэтому просто держите нос по ветру и слушайте своих десятников, да строго и неукоснительно выполняйте все их распоряжения.

Порядки в нашем братстве просты. Сейчас вы все получите серебряные браслеты со знаком «Особого отряда».

Всякий, находящийся в обозе, или в расположении лагеря без такого браслета подлежит немедленному уничтожению на месте, как и любое животное, или птица, вдруг, непонятно как, оказавшееся рядом с вами.
Также немедленному уничтожению на месте подлежит любой, покинувший лагерь без специального разрешения, либо вышедший за линию возов в ночное время, сумерки, дождь, или туман. А так же любой, присвоивший себе что-либо, любую, даже самую незначительную вещицу, или не выполнивший приказ, каким бы странным тот ему ни показался.
Всегда будьте на страже, и если заметите, хоть какие-то странности в себе, или в поведении своих товарищей, или в том, что вас окружает, немедленно поднимайте тревогу. Немедленно! Помните, что все эти правила писаны кровью! Добро пожаловать в «Особый отряд»!
Посвящение пройдете поле первого боя. Конечно те, кто останутся в живых. Все. Вопросы есть?
— Есть! — весело выкрикнул один из новобранцев, — А что значит — «какие-то странности»?
— Ну, например, — недобро усмехнулся Вождь, — если тебе, боец, вдруг захочется напиться крови твоего боевого товарища из его же башмака, или с тобою вдруг начнет разговаривать полевой цветок, или услышишь из придорожных кустов призывы о помощи, ... одним словом — всё, что угодно. Как говорится: «Лучше перебдеть, чем недобдеть».
Первый хутор показался уже к вечеру первого дня. В вечерних сумерках в селение решено было не заходить, и обоз встал лагерем неподалеку, почти у самой околицы. Поставили возы вкруг, повечеряли и, выставив охранение, отошли ко сну. Ничего необычного.
Вадим с такими обозами с семи лет хаживал и потому чувствовал себя почти как дома. Но первые потери их отряд понес как раз в эту ночь, — двое новобранцев вышли из круга возов, чтобы справить нужду, да так и не вернулись обратно. Сгинули. Даже имен их никто не запомнил. Так и пропали безымянными.
А «Особый отряд», казалось, что и не заметил потери двух своих бойцов, и утром, когда прокричал петух и проиграли «зарю», все, как ни в чем не бывало, позавтракали, и обоз с грохотом вкатил в селение.
Вадим за свою жизнь уже успел кое-что повидать, но такое селение он видал впервые. Оно как будто бы сошло с какой-то картинки, навроде тех, что продают по медяку на осенних ярмарках.
Аккуратные белые домики под красными черепичными крышами утопали в зелени ухоженных садов; повсюду радовали глаз яркие пятна клумб и цветников; нигде ни пылинки, ни соринки, ни перышка. Везде было настолько чисто, что хотелось разуться и пройтись босиком по теплым уличным плитам.
Эту прекрасную картинку несколько портили трупы людей и животных, беспорядочной кучей наваленные прямо посередь двора, у самого колодца. Особенно сильное впечатление произвели на Вадима трупы девочки и мальчика лет пяти-шести, очень нарядно одетые, причесанные и ухоженные.
Они лежали, распахнув к небу свои голубые глаза, казавшиеся непомерно огромными на их, даже в смерти, красивых, тонко очерченных лицах... А возле этой кучи мертвых тел спокойно стоял их Вождь и куском ветоши очищал лезвие своего ножа от свежепролитой крови.
Кажется, тогда Вадима сильно стошнило желчью... Пока он приводил себя в порядок, остальная команда, не тратя времени даром, побросала трупы в колодец, затем сожгла всё, что только могло гореть, и буквально сравняла, некогда прекрасный хутор, с землей, оставив на чистейшей мостовой безобразную грязную черную проплешину.
Между тем Вождь окончил чистить свои ножи, неспешно подошел к Вадиму и участливо спросил:
—-Ну, как ты, боец? Держись, брат, «лиха беда начало», дальше сердце намозолится, —полегче станет!
И, поймав яростный, ненавидящий взгляд своего подчиненного, горько усмехнулся уголками тонких губ:
— Да полно тебе, малыш. За кого ты меня, в самом деле, принимаешь?
— Я принимаю тебя за детоубийцу! — яростно прошипел Вадим, — за палача и детоубийцу!
Он выкрикнул ему это прямо в лицо и сразу же весь напрягся, приготовившись к ответной вспышке гнева, но

Вождь только пожал железными плечами, а затем резко развернулся на пятках и, приказав играть «сбор — поход», забрался в свой воз.

В следующее селение они вошли ближе к полудню. Оно было настолько похоже на первое, что казалось, будто бы отряд просто вернулся назад во времени к тому, первому, хутору. Такие же чистенькие домики, ухоженные деревья и цветники. Такая же выметенная площадь с круглым каменным колодцем посередине, но уже без безобразной кучи мертвых тел.

Люди были пока что еще живы. Они, не чуя беды, спокойно стояли небольшой кучкой возле загона с овцами, такие же чистенькие, ухоженные и нарядно одетые, как и их близнецы на первой ферме: муж и жена, мальчик и девочка. Вождь подал знак «всем оставаться на местах» и жестом подозвал к себе Вадима.

Тот бестрепетно подошел, готовый ко всему, даже к смерти, лишь бы только не допустить повторения кровавой бойни, лишь бы больше не глядеть в мертвые детские глаза.

Глаза. Что-то вдруг насторожило молодого воина. Что-то, что было в глазах этих, пока еще не убитых, мертвецов. Или что-то, чего в них не было. В них не было ничего!

Глаза были пусты, как тени на мутной стоячей воде... Вождь заметил его оторопь, ловко вытащил одну овцу из отары и одним махом перехватил ей горло.

Хлынула горячая кровь. Остальные овцы тревожно заблеяли, но с места не сошли, а продолжали все также топтаться на месте и жаться друг к другу.

На лицах людей вроде бы тоже промелькнула какая-то тень, скорее удивления, чем неудовольствия... но даже если это и было так, то эта тень тут же и пропала, даже не дав себя как следует рассмотреть.

Вождь вытащил вторую овцу, третью, четвертую... Вадим как зачарованный смотрел на происходящее.

Оно настолько не укладывалось в его привычные, полученные в Академии, представления о миропорядке, что он просто впал в ступор, став на время простым созерцателем, изо всех сил старающимся сохранить свой рассудок от неминуемого распада.

Он так старался не сойти с ума, что даже не уловил тот момент, когда Вождь взял за руку мальчика и подвел к нему.

«Посмотри ему в глаза! — жестко, как приказ, гаркнул он Вадиму прямо в лицо, — *Глаза — это зеркало души. Что ты видишь в этих глазах? Какая душа отражается в них»?*

И, не ожидаясь ответа, выверенным ударом послал мальчишку вслед за овцами.

Он проделал это так быстро и ловко, что Вадим даже не успел вмешаться. А может быть просто не сумел, или не смог. Закоченел.

Но страшнее его бездействия была ответная реакция на происходящее у остальных членов семейства, или, правильнее будет сказать, — ее полное отсутствие.

Точно такая же тень, как и после смерти овцы, вроде бы мелькнула и ... и ничего.

«Как такое вообще возможно?» — раненой птицей билось сознание Вадима, — «Медведи, волки, коровы, ... все звери, — все оберегают своих детенышей! Да что там звери, даже курица, и та, не щадя своей жизни, отчаянно бросается на ястреба, защищая своих цыплят от смерти! Все живое защищает свое потомство и мстит за его смерть! Все живое, а тем более, люди! Значит ...»

— Это — не люди? — еле слышно выдавил он из себя.

— Это — нежить, — сочувственно похлопал его по плечу Вождь, — бездушные твари, пища упырей и некромантов, всех тех, кто хочет жить вечно, но не в своем духе, а в своем теле.

— В той местности, откуда я родом, как-то раз, наверное, по грехам местного правителя, трижды был неурожай.

Шли затяжные дожди. Хлеб на нивах, леса и травы, — всё гнило на корню, дороги размыло, а водоёмы тухли и превращались в разверстые гнойники.

К хлебному неурожаю присоединился и сильный падеж скота. Селяне всерьез поговаривали о новом Потопе.

В довершение всех этих бед, а может быть, как их следствие, на провинцию обрушился Черный Мор.

В городах и весях, в дополнение к привычному запаху плесени, добавились запахи разложения и дыма, а улицы

наполнились горестными стенаниями и трупами, которые некому было хоронить.
Непогребенными мертвецами. А затем и нежитью.
Толпы этих «неупокоенных», бродя во множестве в серых дождливых сумерках окрест людских поселений, одним своим видом наводили смертельный страх на добрых поселян. И они не были так безобидны, как безобидны эти добрые фермеры!
Они нападали на людей и домашнюю скотину и, случалось даже такое, что и днем, при свете солнца, рвали на части все живое.
А уж что говорить о том, что творилось в тех местах под покровом ночи!
Так вот, той «нежитью» были грязные, смердящие, оборванные, сплошь покрытые гноящимися струпьями и язвами «выживальщики». Они лязгали зубами, рычали и ревели как голодные демоны, с их изуродованных губ слетали желто-серые клочья пены, а скрюченные пальцы разрывали любую плоть, до которой только они могли дотянуться ...
Так что... Вождь, прошу прощения, но я хорошо знаю, как выглядит «нежить»! И эти ... гм ... местные особи... ну, совсем на нее не похожи. Совсем.
— Ну ты, малыш, даешь! — громко расхохотался Вождь, и звонко хлопнул себя ладонями по ляжкам, — Сравнил дикую, больную и голодную особь нежити, с ухоженным «домашним питомцем» упыря. Знаешь, как упыри называют их между собою? «Быдло» — скот приготовленный на убой!
А некроманты, скажу я тебе, очень рачительные хозяева, они свою скотинку любят, холят, лелеют, даже дрессируют. И скотина тоже любит своих хозяев.
Мне кажется, что «любовь» к своим хозяевам, —это единственное чувство, доступное быдлу.
Иначе как же еще можно объяснить то, что ему безразлично все, ну, кроме, может быть, жратвы, зато хозяев своих оно защищает до последнего издыхания? Вот был у меня один случай в Приболотье.
Нашли мы, значит, логово одного упыря из местной знати, и решили сначала с ним самим разобраться, истребить, так сказать, сам «корень зла», а уж потом заняться его «питомцами».
Но стоило нам только приблизиться к поместью и обнажить оружие, как тут же вся эта злосчастная весь набросилась на нас! Вся нежить, вся, от мала до велика, в едином порыве бросилась на защиту своего хозяина!
Старики, дети, бабы с грудными младенцами на руках!
Еле-еле тогда к вечеру управились! А упырь утек под шумок! Так-то! А ты говоришь.
... И чему вас только в ваших академиях учат!
— Но как же так, — не сдавался Вадим, — ведь сказано же: «Красота спасет мир»! Ты только посмотри на них, сам же видишь, какие у них красивые лица! А ведь на лице отражается свет души!
— «Красивые», — сердито передразнил его Вождь, — и животное бывает красивым, и Ложь, и даже Смерть! Ты эти свои пустопорожние академические умствования оставь, а еще лучше совсем выбрось из головы! Живи здесь и сейчас, и с людьми также, без зауми, разговаривай. А уж ежели надумалось тебе пофилософствовать, то тогда уж вспомни слова поэта:
«А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде»?
— К тому же не торопись с выводами, — продолжил свою гневную отповедь Вождь, — я так понимаю, что хозяев этих «домашних питомцев» уже истребили, так что через седмицу, а может быть и ранее, они начнут дичать.
Вот тогда-то и хлебнем по полной! Будут тебе, малыш, и пена у рта, и трупная вонь, и неутолимый голод и жажда!

Челябинск *расположен на геологической границе Урала и Сибири, на восточном склоне Уральских гор, по обоим берегам реки Миасса (бассейн Тобола). Основанный в 1736 году как крепость, Челябинск к XIX веку стал одним из крупнейших торговых центров Урала, а к концу века и всей России в связи с появлением в 1892 году железнодорожного сообщения с Москвой.*

Денис ПЕЛИХОВ, *Челябинск — кандидат филологических наук, доцент. Родился в 1982 году. Окончил филологический факультет Челябинского государственного педагогического университета. Переводит польскую прозу, публицистику и поэзию. Неоднократно становился лауреатом международных конкурсов переводчиков.*

УРОКЪ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО

Истерзалъ вопросъ,
какъ лютая болѣзнь:
для чего я въ мірѣ этомъ?
Кто я ЕСМЬ?
Сколько лѣтъ найти отвѣтъ
пытались мы —
только дѣти неразумныя ЕСМЫ.
Но уставшему,
упавшему безъ силъ
Ты опорою единственной ЕСИ —
Ты Единъ,
пріявшій муку на крестѣ,
но глаголющій:
«Блажени вы ЕСТЕ...»
И, оглядывая міръ
меня окрестъ,
съ благодарностью пріемлю все, что ЕСТЬ.
Дай-же силы
одолѣть мнѣ этотъ путь
испытаній,
что назначены мнѣ СУТЬ.

* * *

Листьев мокрая прожелть,
тяжесть слоистых туч.
Вечер осенний прожит,
холоден и гнетущ.
Выжженный воздух стынет,
и в дождевых сетях
вязко, как в паутине,
путается сентябрь.
Вылинявшие стебли
струями исхлестав,
мутная серость неба
смазывает цвета,
чтобы, прозябшим утром
проняты до костей,
общую бесприютность
поняли мы острей,
чтобы, в тоске осенней
улицами снуя,
чувствовать полноценней
временность бытия
и сознавать, что в прошлом
мутная серость дня...
Мокнет новая прожелть
в будущем без меня.

ЧТО-ТО СЛУЧИТСЯ

одинокие птицы, пролетая над бездной че,
разбиваются о края.
Янис Грантс, Ничего не случится

одинокие птицы,
пролетая над бездной че,
покидают его навсегда.
мне сегодня не спится,
и в болезненном смоге ночей
дотлевает одна звезда.
пусть, утробно урча,
потоки ручья
пробивают мартовский лёд,
но упрямо спрягаю я, бормоча:
я умру, ты умрёшь,
он умрёт...
и никто не ответит (включая Его Самого),
что случится с нами потом...
Потом,
согласно поэту, от человека всего
вам остаётся часть речи
становящаяся языком).

Брянская область *граничит на севере со Смоленской областью, на северо-востоке — с Калужской областью, на востоке — с Орловской областью, на юго-востоке — с Курской областью, на юге — с Сумской и Черниговской областями Украины, на западе — с Гомельской и Могилёвской областями Республики Беларусь. Наши авторы — члены Брянского областного отделения СЛ РФ, живут в нескольких городах Брянщины — Клинцах, Севске.*

Слобода **Клинцы** *была основана в 1707 году крестьянами-старообрядцами на берегу реки Туросна. В 1782 году Клинцы становятся посадом в составе Суражского уезда. В это же время здесь открывается несколько типографий, издававших преимущественно богослужебные старообрядческие книги. В 1925 году Клинцы получают статус города.*

Севск *— один из старейших городов Брянской области. В царствование Ивана Грозного Севский кремль был укреплен, гарнизон был усилен сторожевыми казаками, которые создали здесь казацкую слободу. В середине XVII века Севская крепость была включена в систему вновь созданных оборонительных сооружений вдоль юго-западных границ. Удобное расположение способствовало созданию здесь мощной крепости, сыгравшей значительную роль в истории России. Севск был известен как крупный торговый центр не только в России, но и на Западе.*

В 1778 году Севск становится центром Севского уезда в составе Орловского наместничества. В это время было решено перестроить город по новому плану, разбив его на правильные квадраты. Жители города занимались ремеслами, торговлей и ямским промыслом. В 1880-х годах через Севский уезд прошла первая железнодорожная ветка. В Севске образовалось и Брянское областное отделение СЛ РФ

Ольга ЯШИНА *— родилась и выросла в г. Клинцы Брянской области. По образованию архитектор. Публиковалась в «Словесности» с 2016 г., в альманахах «Созвездие кита», « Я и Все», «Кедринцы» (г. Мытищи) «Люди весны» (г. Клинцы). С 2015 г. Член Союза литераторов России. Государственный стипендиат 2015-2017 гг. в номинации «Талантливый молодой автор России».*

ЖАДАЮ ПАЛЁТУ ТАБЕ *(белорусский)*

Я не буду цябе, не стану ніколі шукаць.
Гасла неба святло, калі я забываў твае вочы.
Мая любая, хай мяне Бог абясточыць,
Як я вырашу вусны твае цалаваць.

А цяпер, нібы звер, я блукаю адзін,
У сакавіцкіх вятрах, сярод соннага леса.
Ты учора казала — са мной табе цесна,
Ты казала, і ўпала пад ногі мне сінь.

Белым буслам блісну ў тваёй ранняй вясне,
Лёгкім узмахам крыла я раскрэслю нам поле.
Невыносны цяжар — шчасным у клетцы, ў няволі
Заставацца. Жадаю палёту табе.

ПУХ

Уже я не печалюсь ни о чем.
То, что когда — то было сердцу мило,
Ушло в снега, рассыпалось дождем,
Отполыхало солнцем и остыло.
Пусть мой ноябрь сер, ужасно глух,
В часы тревоги и душевной муки
Я вспоминаю тополиный пух,
Парящий и летящий прямо в руки.
Июньский пух напомнит мне о том,
Что за зимою следуют капели.
Ну а сейчас ноябрьским серебром
Украшен парк, сюда придут метели,
Придут снега. Уже сковал мороз
Ударом посоха озёра, реки.
И радостно, и грустно мне до слёз,
А снег целует нежно мои веки...
И я стою, стою закрыв глаза,
Средь елей спящих. Тишь чарует дух —
А в сердце лето, неба бирюза,
И невесомый тополиный пух.

ДЫХАНИЕ ЛЕВИАФАНА

Я бессилен. Ничтожно слаб.
Раскалённый вдыхаю воздух.
Под ногами — из камня остров.
Боже милостивый, твой раб,
Я не знал, с кем имею дело,
Ставил сети и ждал улов.
В том ирония для глупцов —
Я тянул этот невод смело —
Оказался добычей сам.
В спину дышит бесстрашный зверь,
Царь агонии и потерь,
О, погибель моим глазам!
Его сердце как камень жестко —
Не для смертного этот бой.
Море вспенилось предо мной
И вскипает вода и остров.
И надежда моя одна :
Твоя воля под небом звездным —
Всё Твоё — зверь и я, и остров,
И бескрайняя глубина.

ЛАСТОЧКОЮ ПРИРЕЧНОЙ

Ласточка моя
Ясна,
Небо над Днепром
Низко,
И рассвет уже
Близко,
Он туманом
Лёг в степь.
Звёздный свет
К утру гаснет
И Творец достал
Масло,
Полотно, и как
В сказах
Небо пишет
Поэт.
Милая моя,
Зори
Столько принесли
Горя!
Людям принесли
Горя,
Что не смоешь
С земли.
Слышишь, как молчит
Поле
Про весну и про
Волю?
Только б нам вдвоем
Поле
До рассвета
Пройти.
Подожди и под
Небом
Будет мир.
Злата цветом
будут земли
Цвести.
Помни: это
Не вечно.
Ласточкою
Приречной
Так легко
И беспечно
Над пшеницей
Лети.
Вновь легко
И беспечно
Над пшеницей
Лети.

Андрей БОНДАРЕНКО, *г. Клинцы — поэт, прозаик. Родился, вырос и живу в г. Клинцы Брянской области. Филолог по образованию, работал журналистом. Писать начал с конца 90-х годов, нигде не публиковался. С 2019 года — организатор и председатель ЛИТО «Люди весны» г. Клинцы, с 2020 г. член Союза Литераторов России, организатор межрегионального слёта литераторов «Черничный джем» (г. Клинцы). Лау-*

реат Всероссийского фестиваля «Петербургский ангел» 2021 и 2022 годов, финалист Международного фестиваля «Славянская лира 2022», лонг-листер фестиваля «Русский Гофман 2022».

* * *

выйдешь же? небо такое
хрустальное, воробьиное
как поезд длинным составом
льдины на ледоставе
невозможно выдержать
эту линию вибрато
зрачки фальшивят
сердце решило по-братски
бить реже и тише
лишь бы ты вышел
на сверхзвуковую марта
лишь бы ты слышал
над крышами небо-бомбардировщик
небо — fortissimo
грохочущее
на верхнем пределе, в высшем качестве
знакомый с таким васильковым
уже не спрячется
ни в теле, ни в ящике
ни в конуре, ни в кобуре
ни в настоящем, ни в фикции,
ни в том, что можно сказать
может, поэтому лица на улицах
заткнули глаза

ЧЕРНЕЦ

Я не могу проснуться. За окном
висит чернец, безлицый и безногий.
Шныряют лисы в травах у дороги,
а может, и не лисы — там темно,
так густо, даже потом по стеклу
стекает сажа. Он плывёт от тени
к другой, соседней,
прячется в ветлу.
Тут закричать,
но рот завязан тяжкой сальной гарью.
Клубятся лисы. Их глаза моргают
не так, как у животных, невпопад.
Чернец ползёт, как копоть по окну,
как отпечаток вспышки на сетчатке.
Сейчас проснусь.
Проснусь сейчас же.
Ну!
Но звон переглушает в тишину.

Нет ни окна, ни стен. Пустое небо.
Идёт чернец,
я следом.

* * *

печаль
одна печаль вокруг
волнами
ромашка значит грусть
белая-белая
бабушкина скатерть
с медовой кутьёй
зверобой пахнет собой
тёплой тоской
доской распаренной полднем
лавки у дома
круче репея который
колко веет кручиной только
одуванчик полный горечи
расставания с детством
маленькое пушистое сердце
на волнах печали
душа трепещет
чтобы удержаться

* * *

когда люди были большими
как корабельные сосны
как колокольные шпили

стародревние гиганты
шагали содрогали деревья
протянутой вдаль рукой

доставали звёзды и морского змея
и воздушного
оглушительно лучшие во всём
они строили строили строили дом
собирались потные по трое
и пели

пели о том как были гиганты
настоящие
из соли и яшмы и стали
те что кромсали землю зубами
и сами вверх дном
перевернули море
безногим на горе горой
той
на которой построен дом

любовались с улыбкой
мурлыкали вырастешь взрослым
тоже будешь великим

ГУДОК

И где нам только в юные годы не приходилось жить! Наверное, молодым проще даётся эта относительность понятия «дом», когда быстро принимается как данность безвозвратная утеря семейных снимков в бесконечных переездах, раздаривание книг по знакомым «чтобы с собой хлам не возить», вынужденный неуют очередного жилища («ничего, в следующий раз получше найдём»). Зато сколько новизны, не успевающей покрыться жирной патиной привычности. Для бесприютного всё — открытие: зачуханные дворы городских окраин, тёртые лица соседей, ощипанные деревца, стучащиеся в потресканные окна.

Самым любимым из наших временных пристанищ был дом на краю леса. С трёхметровыми потолками и толстенными, вечно сырыми стенами, постоянно обжитыми серой плесенью, построенный, по местной легенде, пленными немцами сразу после войны, он действительно стоял на самом краю широкой и глубокой лесополосы, разделявшей районы обширно и безобразно расползшегося по округе областного центра. Это не был настоящий, глухой и тёмный лес — нет, это был лесок «городской», весь распаханный тропами и тропинками, загаженный почерневшими от грязи пакетами и битыми бутылками, насквозь пронизанный отдалёнными звуками печального человеческого совместного жития. И всё равно это был лес, закрывающая город зелёная дверь, пространство другого бытия, в котором всё рождалось и умирало — тоже в какой-то бестолковой суете, но совершенно без всякого трагизма, в разлитой по траве и кустам природной занятости.

Мы с дочерью любили этот лесок. Точнее, любил я — а дочь, забавная круглолицая четырёхлетка, просто любила гулять с папой, торопливо и упорно вышагивать рядом маленькими ножками в дешёвых розовых сандалиях, пытливо смотреть на мир, спрашивать обо всём и долго слушать многословные и путаные отцовские рассуждения в ответ. Дочь я, конечно, любил со всей обострённой интенсивностью неизведанного ранее родительского чувства, но вот что делать с ней не понимал абсолютно. Не приходило в голову ничего лучше, чем отправляться вместе в долгие прогулки по окрестностям, желательно забросив в рюкзак баклажку пива или пузырь вонючего дятьковского портвейна. Часто именно эта постепенно и «незаметно» — а может быть, ребёнку и вправду было безразлично отцовское рюкзачное копошение — опорожнявшаяся бутылка была важным помощником в наших самых задушевных разговорах.

Один такой «поход» (мы звали так наши прогулки, часто длившиеся по нескольку часов) помним до сих пор оба. Это важно, ведь память с годами приобретает пластичность и вязкость; чем глубже слой, тем проще убедить себя, что что-то было или не было, тем проще спутать явь со сном. Приходится сверяться с очевидцами: а ты помнишь? А было? Было.

Был летний день — не из пылающих и громких, а такой, на которые будто смотришь из окна, затянутого комариной вуалью: приглушённый, сдержанный, задумчивый. В такие дни гулять лучше всего — и мы отправились в «поход» через этот ближний лесок, оба в предвкушении какого-то радостного приключения, с лёгкой болтовнёй,

возможной только между людьми, которым не нужно друг перед другом притворяться (а один даже пока не умеет). Кажется, я не взял на этот раз свою «разговорчивую» бутылку — но это совсем не мешало, было легко и весело, мы всё сильнее удалялись в лес, повернули по «новой» тропинке, свернули с неё на «тайную», и, кажется, ушли уже довольно далеко — городской шум смягчился и был почти не слышен за завесой листвы.

Вдруг мы вышли к очень интересному перекрёстку — тропинка проходила через старое железнодорожное полотно, ржавое, заросшее травой, но всё ещё не разобранное на лом. Насыпь, атакованная кустами и мелколесьем, почти сравнялась с землёй — трудно было поверить, что этим странным полотном пользовались в последнее время.

— Ух ты, это что, железная дорога?

— Да!

Я был поражён находке не меньше дочери, и мы вместе кинулись её обследовать, рассматривать потемневшие рельсы, мерить шагами рассыпающиеся деревянные шпалы, рассматривать почти скрывшийся под землёй гравий насыпи. И вдруг в лесу раздался гудок локомотива.

Этот голос был не таким, какие можно услыхать на вокзале — короткие, уверенные, деловитые возгласы современных тепловозов. Не похож он был и на то гордое протяжное приветствие, что издаёт поезд, приближающийся к станции. Нет, это был какой-то глубокий стон, направленный, казалось, вовнутрь самого себя, тот basso profondo, что звучит в нашем мире, но как будто бы из-за его пределов, «снизу». Он был… скорбным, и звучал в полной тишине — мы и не заметили, как она установилась здесь, совершенно невозможная для летнего леса, да ещё и городского. И тут же мы почувствовали, как задрожали рельсы. Вибрировало в унисон с голосом машины не только металлическое полотно — вся насыпь пошла мелкой дрожью. Я подхватил дочь и бегом бросился обратно на тропинку.

Мы обернулись: сквозь лес тяжело шёл старый поезд. Это не был старинный дымный паровоз с высокой трубой, празднично раскрашенный чёрным и красным, какие можно видеть в кино. Ничего праздничного в нём не было, он был какой-то грязно-зелёный, и старый, очень старый, «таких сейчас не делают». За ним тянулся ряд таких же грязно-зелёных вагонов, закрытых, деревянных. Состав медленно продвигался сквозь лес, так, что можно было видеть, как натужно, неторопливо проворачиваются огромные колёса. Поравнявшись с нами, локомотив вновь издал свой утробный гудок.

В нём не было ничего «неотмирного», наоборот, физическое присутствие поезда, прогонявшего перед нами свои ветхие вагоны, было несомненно, ощущалось телом, разливалось по земле мелкой дрожью. Эти странные глухие коробки без окон и дверей каким-то моментальным прозрением напомнили мне виденные только на фото теплушки, те самые знаменитые «сорок человек или восемь лошадей», эшелоны которых везли когда-то солдат на фронты всех войн, вплоть до Великой Отечественной. Ребёнок узнать их не мог, но мы оба понимали ненормальность, почти невероятность их здесь присутствия: этого поезда не могло быть сейчас, в лесу, в начале двадцать первого века. Но он был? Был.

Кажется, он шёл перед нами минуту, а может, намного дольше. Никому из нас не пришло в голову поднять руку и помахать этому невероятному составу — от игривого настроения не осталось следа. Но вот скорбный эшелон сгинул в лесной мгле — и тишина разошлась по швам, пролилась птичьими ручейками и звоном цикад. Потоптавшись у полотна, всё такого же ржавого и холодного, мы не решились переходить на другую сторону: теперь нам казалось, что там тропинка уходит в какой-то другой лес, тёмный и глухой. Повернувшись, мы молча пошагали назад — и через пять минут оказались у нашего лесного дома.

Когда видимся, мы то и дело вспоминаем тот наш эпизод: «а помнишь?» «Помню!» Словно проверяем друг друга: а тот ли ты ещё? Та ли? Не потерялись ли где-то в другой глухой и гиблой пуще? Пару лет назад я снова приехал в областной город и отправился побродить по старым местам, нашёл и тот двухэтажный «немецкий» домик у леса. Его зачем-то отгородили от перелеска глухим забором, рядом воткнули какие-то неуютно выгля-

дящие высотки новостроек. Сам лес стал ещё более запущенным, загаженным, почти свалкой, уставшей прятать зеленым покрывалом следы людских безобразий. Никаких «тайных» тропинок, никакой железной дороги я разыскать, конечно, не сумел — только залез где-то в грязь и запятнал светлую замшу мокасинов. Сильно хотелось выпить, хотя за годы «завязки» настойчивая потребность уже успела подзабыться. Нужно было уйти, но я бродил до ранних сумерек, останавливаясь и прислушиваясь. Но через голоса города и леса так и не пробились ни тяжёлый паровозный гудок, ни лепет маленькой девочки, которой всё равно, зачем папа то и дело заглядывает в рюкзак — лишь бы он так же шёл рядом с ней, держа за руку, и рассказывал свои долгие и путаные истории.

Тула *расположена на севере Среднерусской возвышенности на берегу реки Упы в 193 км к югу от Москвы, впервые упоминается в Никоновской летописи XVI века под 1146 годом. Расположенные на территории города объекты культурного наследия представляют собой большую ценность и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. Тула знаменита своими оружейниками, самоварами и пряниками. В 14 км к юго-западу от Тулы располагается дом-музей Л. Н. Толстого Ясная Поляна.*

Татьяна ЛЕОНОВА, *Тула — автор 18 поэтических сборников. Стихи и песни исполняются в школах на уроках духовной культуры. Живёт недалеко от Толстовской Ясной Поляны, которая является для неё одним из главных источников вдохновения. Организатор Областного фестиваля поэзии и авторской песни им. И. Талькова, руководитель Всероссийского фестиваля поэзии, авторской и бардовской песни «Яснополянские зори». Председатель Тульского областного отделения Союза литераторов России*

* * *

В холсты лугов из изумруда,
Как будто бы разверзлась высь,
Как отсвет солнечного чуда
Златые капельки вплелись.
То одуванчики простые,
Сияющим весенним днём,
На травы свежие густые
Весенним пролились дождём.
И острова густой сирени,
И жимолости облака
Под несмолкающие трели
Ласкает Божия Рука.
Любуясь чудом сотворенья,
Я духа ощущаю взлёт,
Я здесь пишу стихотворенья,
И здесь душа моя поёт.

БАЛЛАДА О ВОЖАКЕ

Посвящается всем впереди идущим

Летела стая журавлей,
Путь предстоял нелегкий ей —
К родной земле был путь.
Шёл по небу девятый вал,
И встречный ветер крылья рвал,
И негде отдохнуть.
Средь молний, в грохоте небес,
(Видать, той ночью правил бес!),
По лезвию ножа,
Собой прокладывая путь
И в клочья разрывая грудь,
Ту стаю вёл вожак.
Жгла боль и не хватало сил,
Но избавленья не просил,
Хоть близко — смерти пасть.
Он знал: за ним летят они,
Его собратья журавли —
И права нет упасть!
Он знал, что будет одинок,
то зависти проклятой рок
Как темный след в судьбе.
Но также знал, что выйдет срок
И Свету подчинится рок,
Что он зажег в себе!

ВЕСНА В ЯСНОЙ

Воздух пьёшь и не напьёшься,
Словно горная вода,

Затоскуешь и вернёшься —
Всё равно придёшь сюда.
На ковре из первоцветов
Золото и изумруд,
И, сияя, ярким светом
Отражает небо пруд.
За холмом изгиб Воронки,
Терпкий запах трав в стогу,
Перезвоны жаворонка
На Калиновом лугу.
Шелестит в берёзах ветер,
Шепчет о любви весне,
Всюду грезится бессмертье —
Я летаю, как во сне!

Сергей РЕДКОВ, *Тула — член ЛИТО «МУЗА» при доме-музее В.В. Вересаева. Публиковался в газете «Тульский литератор», альманахе «Словесность», на литературном интернет-портале «Русский переплёт». Победитель конкурса «Мой Пушкин» (2011). Автор нескольких книг стихов.*

ФОТООХОТА

Над полем солнце ярко светит.
Трава кузнечиком звенит.
Весь этот звон, и свет, и ветер,
Вмещу в свой старенький «Зенит».
Я здесь — Колумб, я открываю
За городом чудесный мир.
Нектар в соцветья разливая,
Зовёт июль пчелу на пир.
Подобен Вавилонской башне,
Горб муравейника торчит.
А муравей — надменный, важный,
Глядит с вершины и молчит.
А рядом — стрекоза застыла
Над змейкой звонкого ручья.
От страха танцы позабыла:
Придёт зима, а ты — ничья!
А на ручье — от солнца блики.
Орёл парит над миром всем.
В траве мелькнула земляника.
Сейчас сорву её и съем.
Как будто чем-то озадачен,
Цветок головушкой поник.
Застыл на плёнке кадр удачный.
Я рад, я счастлив в этот миг.
Как много нам дано судьбою
Таких вот маленьких побед.
Но время заберёт с собою
И этот миг, и этот свет.
Лишь фотография на полке
Останется, как ни кружись.
Воспоминанием, и только,
Становится однажды жизнь.

РИСУНКИ НА ОБОЯХ

Родители, прошу, не злитесь сильно,
Когда ребёнок взял фломастер синий
И, как Пикассо в творческом запое,
Разрисовал зигзагами обои.
Поймите, это не каприз, не шалость,
А то немногое, что в памяти осталось
От встречи с тайной, что лежит за гранью,
А тайне этой — не найти названья.

Поэтому ребёнок не играет,
Когда рисует на стене пейзажи рая
И цифры из нездешней математики —
Полоски, крестики, овалы и квадратики.
Он чувствует, что скоро всё забудется,
И многое, о чём мечтал, не сбудется.
Опять черту проводит и опять,
Стараясь что-то навсегда не потерять.

Татьяна ЮРКОВА, *Тула — после окончания Тульского Государственного педагогического института им. Л.Н. Толстого преподавала русский язык и литературу в Тульском педагогическом колледже, в средних школах при Посольствах РФ в Австрии и Румынии, в Венской Интернациональной школе при ООН. Магистр психологии. Автор сборников «Стихи, как сны», цикла*

стихотворений к юбилейному календарю с тульскими достопримечательностями «Тульские бренды», публикаций в литературных альманахах Тулы, Москвы, Бухареста, в двуязычной газете русских-липован в Румынии «Зори».

* * *

Я уезжаю сегодня. Будет ветрено, сыро, промозгло.
Сяду в поезд ночной, задремлю
и проснусь — не здесь.
Впрочем — нет, не засну.
Стану просто смотреть на звезды.
И качаться над пропастью будет моя постель.

* * *

После детства — как после беды.
После школы — как после плена.
После брака — как после чумы.
Собираю себя постепенно.
Отдираю себя от асфальта.
Отмываю себя от завтра.
Принимаю себя сегодня.
И дышать начинаю как-то.
Выкупаю себя из рабства
каждый день, и особенно ночью.
И уже не боюсь властных женщин,
слабых мальчиков, мертвых обрядов.
Даже тех, кого очень страшно,
ну ни капельки не боюсь.
И вообще, я живу без гарантии.
Даже в этой судейской мантии.
Даже в этом вечернем платье.
Даже в этом забытом окопе.
И на этом последнем уроке.

Тамбов *основан 17 апреля 1636 года. в качестве опорного пункта Московского государства, на холме при слиянии рек Цны и Студенца. Целый ряд крепостей и фортификационных сооружений были призваны защищать южные границы государства от набегов крымских татар и ногайцев. С Тамбовом связаны многие знаменитые люди, здесь жил Илья Алексеевич Шатров, автор популярного вальса «На сопках Маньчжурии», отсюда начал свой путь марш «Прощание славянки», автор — Василий Иванович Агапкин. Тамбовская земля подарила миру знаменитого поэта Евгения Абрамовича Боратынского. Последнее десятилетие своей жизни на тамбовской земле жил поэт Алексей Михайлович Жемчужников, один из создателей Козьмы Пруткова. Имя А.С. Пушкина также связано с этими местами. Его предок Петр Михайлович Пушкин был полковым воеводой в Козлове. В селе Кариан-Загряжское родилась Наталия Николаевна Гончарова.*

Владимир АНДРЕЕВ, *г. Мичуринск Тамбовской области — печатается с 1965 года. Публиковался в журналах «Подъём», «Новый мир», «Литературный Тамбов», «Литературной газете», альманахах «Словесность», «Тамбовские литераторы». Автор ряда книг, в т.ч. «ЧелоВЕК из города Козлова»: великий артист В. Зельдин» (2017), редактор-составитель антологии стихов и прозы «Сочувствий пламенный искатель», посвящённой Е.А. Боратынскому (2020). Лауреат премии журнала «Новый мир» (2020). Председатель Тамбовского отделения СЛ РФ.*

СЕРГЕЮ БИРЮКОВУ

Это необъяснимо. За краем неведомых правил
Как, почему и куда, и зачем,
на каком-то блаженном краю
Вырос у нас человек, о всемирной не ведая славе,
Слыша над ухом,
как в детстве торбеевском, «баю-баю»...
И превратившись давно в светоносное тело,
Вдруг мимо нас он несётся, весь в искрах,
небесный заряд.
И приземлился средь нас. Опалило и нас, что кипело
В этом кубке кипящем. А коль обернёшься назад?
Вспомнишь тамбовских друзей
и смирновскую «Бригантину».
В парке усадебном Мары
для чтенья удобный помост.
И перед домом Ладыгиных
втиснуться в дверь магазина,

Чтоб за столом
не спеша говорить
до немеркнущих звёзд.
В голосе звонком, как в спектре,
вдруг гулкость стихов Велимира,
Заумь Кручёных, сверканье бурлючьих острот.
О, остранение слова — в поэзии миро.
Жизнь предстаёт необычным ПАЛИНДРОМИРОМ,
Где, между прочим, крапива растёт и осот.
Где ты, Сергей? Кто внимает
чудесному звонкому звуку
Чтений твоих? На далёких каких берегах?
Галле, Москва и Мадрид, Лиссабон...
Из небесных появишься сукон,
Творческий супермагнит, точно в срок,
никогда впопыхах.

Зинаида АРТИШЕВСКАЯ, *Тамбов — художник, педагог, участница выставок и конкурсов, дипломант областного конкурса чтецов «Живое слово о Тамбове» (2016). Публикуется в журнале «Литературный Тамбов», в коллективных сборниках.*

ТИШИНА

По вечерам в Тамбове тишина...
Касаньем нежным обнимая плечи,
Воркует горлицей, от грусти лечит,
Зовёт меня качаться на волнах
Спокойной благодатной речки Цны,
Зарёй закатной жаждет поделиться,
Вечерней лаской вдоволь насладиться
И унести блаженство — в сны.

Марина АРХИПОВА, *Тамбов — певица, руководитель известного в России заслуженного коллектива народного творчества РФ ансамбля народной песни «Тальяночка». Родилась в г. Котовске. Автор сборников стихов, публикацийся в СМИ, коллективных сборниках, журнале «Памир», альманахе «Словесность». Отмечена Благодарностью министра культуры РФ (2011). Лауреат 2 Международного литературного конкурса им. С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение России» (2021).*

МОЁ КИНО
(на съёмки фильма А. Смирнова «Жила-была одна баба»)

Вот говорят: «Кино — обман»,
А мною каждый миг был встречен,
Рубаха, юбка, сарафан,
И фартук сапухою мечен.
И в фильме у Смирнова я
Простая баба из деревни,
А с неба на меня семья,
Весь род взирает немо древний.
Те пращуры, кто был избит,
Кто покалечен, кто оболган,
Кто раскулачен, кто убит,
Кто в бурлаки бежал на Волгу.
А бабы прятали детей,
И губы в ниточку сжимали.
На власти преданных людей
Волчицами тогда взирали.
Всё было в фильме: слёзы, смех,
Всё то, забытое, живое,
И проча съёмкам тем успех,
Качала баба головою.
То я той бабою была,
Всё через сердце пропускала,
Платок линялый я сняла
И в небо дедам помахала.

Марина ЕРМАКОВА, *Тамбов — публиковалась в альманахах «Радуга над Цной», «Тамбовские литераторы», в газетах, в журнале «Литературный Тамбов», сборнике «Пушкинский чердак». Автор книг стихов и прозы, в том числе для детей. Её стихи вошли в «Золотой томик поэзии» (г. Новокузнецк, 2015), в книги для внеклассного чтения школьников. Лауреат Первого Международного литературного конкурса им. С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение России» (2020).*

ДОЖДЬ В ТАМБОВСКИХ ДВОРАХ

А на улице дождь
По домам разгоняет людей.
Словно сотни ладош,
Дружно хлопают сумраки дней.
В их простой череде
Мы куда-то бежим и спешим.
И бегут по воде
Беспокойные шины машин.
Затаился горсад:
По аллеям бредёт тишина,
Карусели молчат,
Бьёт о берег речная волна.
На Покровский собор
Опускается благостный свет.
Вот в жилой рядом двор
От дождя забегает поэт.
Он не молод, не юн,
Капюшон закрывает лицо.
С неба тысячи струн
Потянули с собой озерцо.
По Советской ручьи...
По Московской ручьи — кто куда.
Спят под крышей грачи,
А по стокам стекает вода.
По тамбовским дворам
Бродит дождь и тихонько поёт:
— Расскажите, мадам,
В этом доме кто нынче живёт?

Любовь КРЫЛОВА, *Тамбов — многие годы жила и работала в военных гарнизонах по месту службы мужа (Дальний Восток, Москва, Польша, Грузия). Член Союза офицеров. Автор книг прозы, стихов и песен, романа «На семи ветрах». Дипломант 3 межрегионального конкурса романсов «Гори, гори, моя звезда!» (2014). Лауреат Международного литературного фестиваля «Чеховская осень-2019» (Ялта, 2019).*

НАБЕРЕЖНАЯ ТАМБОВА

Вдоль берега Цны разбрелись камыши,
Старательно строя в воде шалаши.
А рядом кувшинок, как вернисаж,
Представлен весенний Цнинский пейзаж.
Тенистые арки, маркизы-шатры,
Под ивами травы — цветные ковры.
Раздолье на зорьке всем рыбакам,
Ведут их тропинки к большим камышам.
Здесь дикие утки нашли свой приют
Кормёжка их манит, подолгу живут.
А если опасность, спасут камыши:
Из них хороши на воде шалаши!

Вера СТЕПНАЯ, *село Покрово-Марфино Тамбовской области — краевед, преподаватель-словесник в сельской школе. Отмечена наградами Министерства сельского хозяйства РФ, Тамбовской епархии. Публикуется в газетах, журналах и альманахах. Автор сборника стихов «Гортанной вязью» и книги о родном селе «Мила в горсти» (обе — 2021). Лауреат Международного конкурса «Главный стих» (2021), награждена знаком Международного конкурса «Герои Великой Победы» (2021).*

СОЛДАТУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Посвящаю родному дяде
Виктору Ивановичу Щегрову (1921—1941)

Обречённа известность
Лихолетним призывом:
За два месяца — в вечность
Бесконечных архивов.
Век короткий, а память
И длинна, и кровава...
Что сумел ты оставить,
Кроме воинской славы ?
Сокрушение матери
Да отцову печаль...
И лежит белой скатертью
Придорожная даль.
Уходил за окраину

Из сиротских хоромов.
Возвращаешься файлами
С базы данных огромной.
Что я знаю о близких,
О призывах и взрывах,
Кроме справок и списков
Пожелтевших архивов?
Что рождён ты в Умёте,
Что по святцам — Василий,
Что я — плоть этой плоти,
Защитившей Россию.

Урюпинск *стоит на реке Хопёр в Волгоградской области России. Название связывается с татарским князем Урюпом, который якобы во время поединка с Ермаком увяз в болоте в этих местах и был пленён, эта версия представляет собой анахронизм. По другой, название связано с фамилией Урюпин, или же со словом урюпа, означающим в словаре В. Даля «неряха, разгильдяй», что в данном контексте может относиться не к человеку, а к дикой, болотистой местности. Также связывают название с рубом: «у руба», что означает «у крутого обрыва (реки)». В 1929 г. станица Урюпинская преобразована в город Урюпинск. Город нередко называют «Столицей российской провинции».*

Татьяна ЩЕДРИНА (БОБРО), *г. Урюпинск Волгоградской области — основатель и руководитель городской молодёжной лит-студии «Первоцветы», ародной казачьей песенно-этнографической группы «Проснётся день». Автор шести поэтических книг, многократно публиковалась в альманахах и поэтических сборниках. Председатель Волгоградского областного отделения СЛ РФ.*

ОКОЛЕСИЦЫ

Ночь глубока, сплошная темень,
Луна за тучкой прячет гребень.
Пугает темнота опаской,
Своей ночною страшной сказкой.
Летучие порхают мыши,
С болота хор лягушек слышен.
Комар пищит, его укусы
Боятся все, не только трусы.
В кустах, в овраге — шорох-страхи,
Невнятных звуков охи-ахи.
Вот лает хриплая собака,
Какой-то шум, возможно, драка,
Возможно, нож в замахе блещет,
Плоть оскорблённая трепещет.
Короткий дождь шуршит по крыше, —
Иль это зверь утробно дышит?!
Скажу себе, — не трусь, — с укором, —
Иди во двор ночным дозором,
Хоть вспомнилось тебе со страху,
Как Бог разделал черепаху.
Пока луны густые тени
Пьяны от запахов сирени,
Ты сотвори, крестясь, молитву —
Для нечисти — секиру-бритву...
Взлечу мечтой к глазастым звёздам
Вздыхать, любя, иль может поздно?
Вот пробежал по тучкам ветер,
Стал среди страхов месяц све тел.
Стою столбом, смотрю на небо.
Там, месяц-гребень коркой хлеба.
Сим гребешком, бесстрастный месяц,
Пригладит мысль из околе сиц.

Я, ЛИШЬ — ЗВОНАРЬ

Мышленья образного нет.
Посмотришь, у другого — образ, образ...
Когда есть образ, ты — поэт,
А если нет, — как говорится, — тормоз!
Вот улица, ещё фонарь...
Без образа нет запаха, нет вкуса.
Я не поэт, я, — лишь звонарь.
Меня влечёт то к минусу, то к плюсу.
Живу смиренно, без долгов,
В провинции, по-деревенски тихо.
Быть звонарём — призыв богов,
Сигнальный перезвон стихов — их прихоть!

Стихам, сей колокол — закон,
Что он гудит-поёт — Господня воля!
Звук слова — колокольный звон.
Есть в нём и звонаря, по силе, доля!
Под звон стихов трёхперстный жест
Осе нит лба кривые закоулки.
В судьбе так важен божий перст,
Чтоб слово пело колоколом гулким!
Что колокольный звон? — он прост,
Но порождает образы святые...
Он слышится на много вёрст,
Наполнив смыслом, небеса пустые.

P.S. Я не поэт, я, лишь — звонарь.
А в мыслях, — «...улица, фонарь...».

Барнаул — *город с 1771 г. на юге Западной Сибири в месте впадения реки Барнаулки в Обь. Основан в 1730 г. как посёлок при сереброплавильном заводе Акинфия Демидова. Этимология спорная, возможно, волчья река или волчье озеро. К тому же, волк — священным животным среди жителей Алтая. В 1994 г. в Барнауле, столице Алтайского края прошёл Первый Всероссийский фестиваль поэзии под водительством председателя Алтайского краевого отделения Союза литераторов России Александра Строганова. В числе прибывших из Москвы гостей были Дмитрий Цесельчук, Евгений Бачурин, Юрий Арабов, Тимур Кибиров, Татьяна Горохова и др. члены СЛ РФ.*

Александр СТРОГАНОВ, *Барнаул — драматург, поэт, писатель, член Союза литераторов России, Союза писателей РФ, Гильдии драматургов РФ, член Русского ПЕН-центра. Лауреат поэтического фестиваля под эгидой СЛ РФ «Мастерские модерна», 1997 г., лауреат Демидовской премии в области литературы 2000 г., лауреат премии за достижения в области драматургии «Действующие лица», 2008 г., победитель Открытого международного поэтического конкурса «Золотая строфа 2009», лонг-лист премии «Нацбест 2019», Лауреат премии Юрия Мамлеева, 2019, лонглист премии «Независимое искусство 2019» (За роман «Стравинский»), лауреат премии Иннокентия Анненского 2020. Автор нескольких книг стихов и прозы. Публикации в альманахе «Словесность» и в газете «МОЛ». Руководитель Алтайского краевого отделения СЛ РФ со времен II съезда СЛ РФ в начале 90-х гг. Государственный стипендиат 2014— 2016 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

ГОГОЛЬ

не тесно ли светелка жизнь
полуподвал пусть мышка керосин
пусть очень высоко и низко
не более чем шаль и язычок
не более чем огоньки

такая синь и светится такое небо
полупрозрачный нет уже не вспомнить
а было б очень хорошо такое небо
смеркается уже потом во сне быть может
во сне вода и синева
и синева и отраженье
не керосин но синева и небо
такое было и недавно

не важно высоко и низко
уже не важно вечереет
уж ночь и за полночь и лампа
и шаль и марево и лампа
скорей лампадка тлеет лепесток
мышь дверца или звук кто знает
скорее шепот или шаль
ступая неподвижно в ледяном
по крайней мере осторожно
скорее за полночь прохлада
скорее шепот или шаль

вот вот о шали говорить
скорее тлеет тянется без слов
молчанье тянется без слов
неспешно шаль и утешенье
молчание и утешение как будто

хотя б согреться не согреться
хотя бы шепотом не сто́ит
еще не музыка не сто́ит

какие к черту волшебство
без слов скорее огоньки и стуки
потрескивает хорошо пусть шаль живая
да хорошо пусть оживает
пусть медленная пусть своею жизнью
закутаться и таинство и тлеет
пить хочется попить бы
да боязно спугнуть

душа моя кувшин забудьте
по капельке душа моя
по капельке душа моя
по капельке ни капельки забудьте
кувшин в углу и ничего не значит
сам по себе и ничего не значит
стоит и смотрится вода
холодная вода и только
стоит и смотрится и только

не то что потирая руки
или слюнявя палец или
без слов скорее шепоты и сутки
шуршат шуршат шуршит тишайший
хоть к сумеркам или уснуть недолго
когда бы холод ясность привнести
хотелось бы такая жажда

хотелось бы еще живых стрекоз конечно
хотелось бы и прочих насекомых
хотелось бы июль живое
хотелось бы такая жажда
мечты мечты

упоминанье птиц однако неуместно
упоминанье музыки и птиц и неба
упоминанье глубины и неба
по крайней мере не сегодня
упоминанье птиц капустниц
не счесть в июле среди них
стрекозы пуговки и письма
а Бог все видит и не видит

увы сухих стрекоз и лепестков и листьев
уже сухих стрекоз хотя не осень
не зябко зябко все же шаль не забывайте
ни осень ни зима не знаю
июль такой такое лето паутинка
еще не музыка до музыки далёко

никто не знает что за человек такой
да человек ли может кочерга
иль кочегар иль запятая
сухое всё сухое лето
не стану мертвенный упоминать
не зеркало слюда скорее

невидимая глухота и только
чернила сладкие немного посмеяться
всегда в углу на то и угол
пунцовый чай немного посмеяться
мечты мечты

на дне зрачка забыл забыл
неслышимая мышь немного посмеяться
сундук да кочерга немного посмеяться
живая жизнь мечты мечты

никто не знает что за человек такой
зияющий немного посмеяться
дыра дупло немного посмеяться
дыра дупло забыл забыл
забыл забыл мечты мечты

играя кончик языка озябли руки
дрожит и то и образа и хорошо
бывает и зимой каленой

хотя б согреться не согреться
хотя бы шепотом не сто́ит
еще не музыка не сто́ит

двоится отражается жилец и немота
полуподвал ли имена да образа
немного для отсутствия имен и крыл
и имена забыл беда и только
а также их присутствие слюнявить палец
молитвослов и хорошо и пусто

и вечер и светелка каблучки да стрелки
часов одиннадцать или иное время
иная тишина хотя б на время
быть может пепел забываюсь

из шепота засохший куст нашептывает нет
не здесь там за окном запекшийся молитва
в особенности сумерки или молитва
укладывает шаль свою молитва
укладывает шаль горячую молитва

во тьме горчичный порошок
горит беззвучно точно корь
мышь дверца или звук кто знает
или его отсутствие кто знает
или ее отсутствие кто знает
быть может пепел забываюсь
пить хочется попить бы
да боязно спугнуть

огонь любуясь потолок
уж ночь и за полночь огонь любуясь
хотя до снега далеко дожить бы
мечты мечты а снег укрыл бы

не передать не можется ужасно
когда бессилен объяснить и объясниться
играя кончик языка остыл и черен палец
перст указующий поскольку тесно
упоминание воды и только
костер воды и слава Богу
такая жажда на пороге Бога
так до́лжно на пороге Бога

Владимир, Владимир-на-Клязьме *был основан Владимиром Святославичем примерно в 990 г. (по летописным сведениям город заложил в 1108 году Владимир Мономах) и явился одним из крупнейших эномических, политических и культурных центров Залесской земли. Город Золотого кольца с Золотыми воротами. Успенский собор Владимира стал образцом при возведении Успенского собора Московского Кремля, Дмитровский собор также является жемчужиной России. Кратко из истории города: 1243 год — владимирский князь Ярослав Всеволодович признан «стареи всем князем в Русском языце»; Владимир становится столицей русских земель; 1263 год — смерть владимирского князя Александра Невского и окончательное разделение Северо-Восточной Руси на самостоятельные уделы. Наступил столетний период борьбы за Владимирский великокняжеский стол между сильнейшими князьями Северо-Восточной Руси; 1299 год — перенос кафедры русского митрополита из Киева во Владимир.*

Вязники — *небольшой город во Владимирской области на реке Клязьме. Название связоно с «вязовым лесом». Народная этимология связывает его с нелюбимым, злым и несправедливым князем по имени Кий. Однажды, охотясь, он увяз в болоте, но помощи не дождался и*

утонул под выкрики: «вязни, Кий». В 1778 году по Указу императора Вязники становятся уездным городом. В этом городке, а не в столице — Владимире, под водительством Ксении Кирс возникло Владимирское областное отделение Союза литераторов России.

Дмитрий МАЛОВ, *г. Владимир — рок-поэт, автор двух сборников стихов, основатель самого масштабного в мире благотворительного фестиваля «Рок в защиту животных». Очень люблю природу, книги, гитару и работу над собой.*

ОСЕННЯЯ МУЗА

Из золота торжественных лесов
Я сотворю тебе волшебную корону.
Рябиновый рубин в оправу клена
Вплету, скрепляя заговором слов.
Орнаментом уснувшего ручья,
Шуршаньем листьев с запахом прохлады
Украшу все твои прекрасные наряды,
Единственная, милая моя.
Да будет музыка! Свершится дивный бал!
Для тысяч фей, принцесс и прочих-прочих.
Но мы с тобой уйдем в объятья ночи,
Туда, где нас никто бы не искал —
На крышу замка. Чтобы с высоты
Бросать в толпу осенние цветы.

* * *

Где степей измятая постель,
Грязь дорог, собачий лай дворов
Носит осень воду в решете
Заправляя тройками ветров.
Заправлял и я, да кнут сломал.
Удержаться не хватило сил.
В кровь траву ладонями измял,
Шапку под колеса обронил.
Не сумел, не выжил до утра.
Если меня вспомнишь — не жалей.
Наказали гордые ветра,
Что я с ними был других смелей.
Где степей измятая постель,
Грязь дорог, собачий лай дворов
Носит осень воду в решете
Заправляя тройками ветров...

ПОМОГИ, ГОСПОДЬ

Ты помоги, Господь мне завистью не мучиться
К тем людям, что живут немножечко счастливее.
Тем, у кого семья и дети в школе учатся,
Тем, у кого есть дом и небо вечно синее.
Ты помоги, Господь, простить друзей, что предали,
Понять мою любовь, за что меня покинула,
Принять неравный бой с несчастьями и бедами,
И, если можно, чтоб не били сзади в спину мне.
Ты помоги, Господь, остаться с чистой совестью,
И честь свою спасти до вздоха до последнего,
Чтоб жизнь моя прошла
правдивой длинной повестью,
И близкие её потом читали без стеснения.
Ты помоги, Господь, остаться человеком мне,
И полюбить тот мир, где мало человечности,
Конечно, если ты найдёшь немного времени,
И сможешь уделить его из целой вечности.

Сергей ВОЛКОВ, *псевдоним Маркус, г. Вязники — родился в уездном городе Вязники Владимирской области. В университете изучал естественные науки, в основном химию, что, некоторым образом отразилось на творчестве. Во время службы в армии в химических войсках не оставлял поэзию и музицирование. В последующие годы учился на курсах звукорежиссёров, полностью погружаясь в глубины звука, досконально изучая ритм и гармонию музыки.*
Выступает как рок-исполнитель. Состоит в группе независимых музыкантов «Живая Система», пишет тексты и музыку.

РАЗЖИГАТЕЛЬ ОГНЯ

Огнедышащий дракон «Крабор»
Вонзил свои когти в каменный утес
Зажимающий в лапах кровавый топор,
Что много уродливых жизней унес!
Кто жил подлецом, лицемерным рабом

Извиваясь как змий вокруг золота
Ударял того пламенем скорбный Крабор
До красна раскаленным молотом.
Сгорали дома и леса
Под ливнем жидкого олова,
Виднелась смиренность
Холодных очей, свисали с плечей...
Полумертвые головы —
Алчных и злобных людей
Никого не оставил ДРАКОН без пощады.
Всецело процессом себя поглащая,
Поднял кверху голову,
Напряг черны ноздри,
Остатком воздуха вдохнул...
И посмотрел на звезды.
Изверг последнюю струю
Над собою огненную, словно фонтан.
Секунду смотрел,
Провожал взглядом
Ждал...
Ударом в чрево
заново...
Зарево...
темная пещера.
Ад.
Вот такая история, брат.

Алексей МАЛЫШЕВ, *псевдоним Кэбэн, г. Вязники — родился в семье писателя и журналиста Малышева Станислава Константиновича. «Я интересовался историей ВОВ , дед был ветеран войны, майор в звании, брал Берлин в 41-м году во главе инженерно — минной бригады солдат, я мог часами слушать его рассказы о том тяжелом времени. После школы поступил в техникум. На втором курсе знакомые пригласили вступить в ряды рок клуба имени Ксении Петербургской, там плотно начал занятия на бас гитаре, был участником группы DNK, потом продолжил карьеру бас гитариста в группе Живая система, записали два студийных альбома. В 2016 году с товарищами по группе создали студию звукозаписи АТОМ-Т.*

ОСЕНЬ

Осень, за что ты так с нами играешь?
В остывшую душу тоски подливаешь.
Красивая ты, листья бросаешь,
Всё так же краснеешь, не умираешь,
Осень, останься со мною и скройся
Под тоннами снега, белых дорог
В которых так сложно найти свою тропу,
А там успокойся, тебя забыть я не смог.
Осень, за что так со мной бессердечна?
Я, как и ты, не хотел умирать
Когда ты мечтала стать теплой и вечной,
Я замерзал, а ты ушла спать.

Мария ГУРЫЛЁВА, *псевдоним Манджари, г. Вязники — студентка Музыкального колледжа г. Владимира (ВОМК) по специальности «духовик», член ЛИТО им. протопопа Аввакума в г. Вязники.*

ПОЕЗДКА

У перекрёстков жизни
Ты светофор убрал.
И мчаться или ехать —
Нам Ты выбор дал,
И дал ты нам машину —
Есть руль, есть тормоза,
Позволил выбрать гуру,
Чтоб нам открыл глаза.
А мы сидим, не зная,
Что там на полпути,
Невидимы и не знаем,
Что ждёт нас впереди.
И мчимся, не вставая
По гладкому асфальту,
Куда несётся ветер,
Куда летит пчела.
И если уцелеем,
То в пропасти быть может
Мы разглядим
Тропу,
Ведущую к Тебе.

Тимофей ВЕРНСКИЙ, *г. Владимир — бард, поэт, участник музыкального коллектива «Инок», организатор движения независимых поэтов «Зимние Чтения» в городе Владимире.*

ВСЕХ ТЯНЕТ НА ГЛУБОКИЙ РОМАНТИЗМ...

Всех тянет на глубокий романтизм?!
Все просто помешались на «балетах»?!
А горизонты красным заревом горят:
Стрельбой и взрывами окрашенное небо.
Рассказывай другим о сломанных ногтях,
О важных встречах на балах!
На горизонтах в это время раненых!
Выносят на руках.
На горизонтах братские могилы...
Всех тянет на глубокий романтизм,
Забыв о горе, веселитесь вы так смело.
Как будто не о чем вам больше говорить
Лишь о своих печетесь вы проблемах.
Во сне мне мертвый лейтенант кричит!
О том, что там в тылу уходит ваше время!
И скоро всем придется отвечать,
За то что делал ты или не делал.
Какая разница — смеется автомат.
Расстреливая твое, и без того безжизненное тело.

НЕТ

Нет, нет. Нет!
Ты еще не готов:
Рассмеяться в лицо,
ударить в бровь,
Мелочи сыпануть, желчью разбавить уют.
Разорвать печать,
Так сложно читать.
Прочел?
Каждый свое понял.
Ты. Еще не нашел,
Свой золотой повод...

Надежда ТИХОМИРОВА, *псевдоним Надежда Браун, Владимир — родилась в поселке им. М. Горького Камешковского района Владимирской области. В студенческие годы играла на синтезаторе в группе, выступала со своими авторскими песнями. Участвовала в «Студенческой весне» и в нескольких вокальных конкурсах. С 2015 года начала профессионально с педагогом заниматься вокалом, углубленно рок — и экстремальными техниками расщепления звука. В этом же году стала бэк-вокалисткой регги коллектива «Barankee Gnue». В 2016 вместе с мужем провели первый поэтический фестиваль «Зимние чтения», продвигающий современную поэзию и местных авторов, организовала свою рок группу «Надежда Браун».*

* * *

На перроне, запуганный временем,
Он стоит с холостым чемоданчиком,
На запястье затянуты стременем
Неизбежно бегущие часики
Но высокая степень погрешности
Проектирует в явь искажение
Назнакомой, казалось, окрестности
В неизвестном совсем измерении.
И до боли сжимая все пальчики,
Повернувшись к прохожему теменем,
Он стоит с холостым чемоданчиком
На перроне, запуганный временем.

Оренбург — *официальная дата основания — 1743 год. Единственный город в нашей стране, который закладывался трижды. Первое поселение было основано на берегу реки Орь (отсюда название), второе — в месте, где сейчас находится село Красногор, в третий раз был основан в его нынешнем месте, на пересечении рек Урал и Сакмара. Это произошло 19 (30) апреля 1743 года. Окончательное местоположение Оренбурга обозначил уже Иван Иванович Неплюев — русский адмирал, действительный тайный советник, вошедший в историю России как устроитель Южного Урала. От Москвы до Оренбурга 1441 километров. С Оренбургом связаны*

имена известных поэтов, учёных — Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, В. Даля. Композитор А. А. Алябьев жил здесь в ссылке. А. С. Пушкин в 1833 году собирал здесь материалы о Емельяне Пугачеве, часть из которых вошла в повесть «Капитанская дочка». Здесь в летном училище получил образование Юрий Гагарин.

Алла ПРОКОФЬЕВА, *Оренбург,* **Виктория ПРОКОФЬЕВА,** *Санкт-Петербург — филологи, краеведы, доктора наук, профессора, авторы словаря «Литературное Оренбуржье», книг об оренбургском губернаторе В.А. Перовском, оренбургском периоде жизни и творчества В.И. Даля, литературной жизни Оренбуржья XVIII-XX вв., альбома «Оренбург. Литературные прогулки», участники авторского коллектива многотомного издающегося УРО РАН труда «История литературы Урала». Лауреаты губернаторских премий за научную деятельность Оренбургской и Свердловской областей, литературных премий — Рычковской, Правдухинской, Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка».*

И.И. Крафт как исследователь фольклора казахов

Иван Иванович Крафт (1859–1914) известен, прежде всего, как государственный и общественный деятель, служивший в Министерстве внутренних дел в Петербурге, занимавший посты губернатора Якутского, Енисейского края, советника губернатора Тургайской области по инородческим вопросам в Оренбурге. Должностные обязанности советника требовали решения многих этнологических задач и определили управленческий характер ряда работ И.И. Крафта: «Положение об управлении в степных областях», «Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях», «Сборник узаконений о киргизах степных областей» и др. Эти работы основаны на глубоком научном исследовании И.И. Крафтом верований, быта, нравов, исторического и культурного развития этнических групп. По его мнению, без изучения этих этнологических вопросов невозможно правильное управление народами. Разъезжая по Тургайской области, открывая с губернатором Я.Ф. Барабашем аульные школы, Крафт изучал жизнь инородцев, записывал и литературно обрабатывал множество произведений устного народного творчества казахов, язык которых он знал. Многие из этих произведений печатались на страницах оренбургских газет, а затем вошли в работу «Из киргизской старины» («киргизами» в XIX веке называли казахов), обобщившей наблюдения и результаты деятельности Крафта в Оренбурге.

Этот научно-художественный труд, включивший многие размышления автора об этнологических проблемах, был издан в 1900 году в Оренбурге с указанием: «отдельный оттиск из «Тургайских ведомостей» за 1891 и 1899 гг. и «Тургайской газеты» за 1896, 1897 и 1898 годы» (Крафт был редактором этих газет).

Работа Крафта состоит из предисловия и двух частей. В первой автор предлагает материалы из истории заселения оренбургских земель кочевниками, приобщения их к земледелию, возникновения городов и поселений в Тургайской области. Крафт затрагивает проблемы уничтожения рабства в киргизской степи, жизни государственных крестьян и народных волнений, касаясь не только Пугачевского восстания, но и протестных движений башкир, кочевников, взаимоотношений последних с российскими властями. В анализе этих проблем он использует именные указы Екатерины II, работы академика П.И. Рычкова. Ещё одним источником для исследования жизни казахов Крафт считал фольклор, которому посвятил вторую половину своей работы – «Киргизские легенды, сказки и басни». В эту часть входят 7 сказок, 5 басен, 3 легенды, предание и анекдоты.

К фольклору у Крафта два явных подхода. Во-первых, его, как знатока языков (бурятского, казахского) интересовал лингвистический аспект. Об этом свидетельствуют записанные Крафтом легенды о происхождении названия «киргиз-кайсаки», как называли казахов в XIX в. (работа Крафта «Принятие киргизами русского подданства»).

Первая легенда: «*Много веков тому назад во владениях одного среднеазиатского хана, по имени Алаша, стали рождаться пегие, или губарые люди, называемые шеншак (рябой). Этими людьми пренебрегали, не любили их, но боялись и считали дьявольским порождением. Они терпели самую горькую долю, им не давали никаких прав, ни земельного надела, и они, без приюта и пристанища,*

часто умирали с голода. В довершение всего хан повелел лишать жизни матерей, у которых находятся такие дети, приказал топить их, как ведьм, в нечистой воде. Но провидение сжалилось над ними. Случилось так, что у самой любимой жены хана оказался пегий сын-первенец и наследник престола. Хан, желая пощадить мать и сына, вымещал свой гнев на подданных, рубил правому и виноватому головы. К успокоению печали, гнева хана и в предотвращение несчастий визирь его Шукурлабай, способный на различные вымыслы, дал благой совет хану: сохранить жизнь ханше под условием, чтобы она впредь пегих детей не рождала, а, чтобы избавиться от пегого сына, предложил выпроводить его в степь и дать ему в утешение «кырк-кыз», т.е. сорок девушек. Хан исполнил совет визиря, и от ханского сына и сорока дев явилось в степи потомство, которое, размножившись, стало называться киргизами».

Вторая легенда: «*Какой-то знаменитый полководец с огромными полчищами проходил чрез киргизскую степь с запада на восток. Этот поход совершался по безводным степям в самое знойное время. Но полководец был доволен, потому что в войсках не было никакой убыли, все ратники переносили нужду, голод, жажду...*

Однако же один из начальников, Колча-Кадыр, так ослабел, что не мог двигаться, и оставалось хоть умереть на месте. Все войско за примерную доброту души, твердость духа, храбрость, воинскую опытность и мудрость в советах очень любило Колчу-Кадыра и отличало среди толпы воинов, как светлый луч от звезд среди ночи. Все жалели Колчу, но помочь горю не могли и ничего не придумали, а решили на Божью волю оставить его в степи. Войско двинулось в путь. День выдался неимоверно жаркий. С каждой минутой усиливались муки Колчи..., а утешить его было некому. Смерть, видимо, приближалась. Собрав последние силы, с сознанием неминуемой смерти, Колча встал на колени и начал молить небо о скорейшем ниспослании смерти как избавительницы от ужасных страданий. Вдруг он увидел чудо. Вняв мольбам несчастного ветерана, небеса разверзлись, и к нему спустилась «каз-ак», т.е. белая гусыня. Она утешила Колчу-Кадыра, слетала за водой и быстро подкрепила его силы настолько, что он позабыл и думать о своих страданиях и несчастии. В образе гусыни оказалась одна из добрых пери. Эта добрая и милостивая пери превратилась затем из гусыни в прекрасное существо и осталась жить с Колчею.

От брака Колчи и доброй пери родились люди, потомки которых в память о необыкновенном явлении к Колче — спасительницы и родоначальницы — стали называться «каз-ак», или кайсак. Соединившись с киргизами, кайсаки образовали существующий ныне киргиз-кайсацкий народ.

В работе «Из киргизской старины» Крафт, касаясь вопроса ассимиляции народностей, тоже обращается к названиям: «...Нередко попадаются целые семьи киргизов, носящие название «бес калмак», т.е. пять калмыков, или семьи, происшедшие от «истек» (башкир), «ногай» (татар)». Любопытно и такое наблюдение Крафта как государственника и ученого: «В числе отделений одного из родов Малой орды есть отделение «Орус», по-видимому, происшедшее от родоначальника из русских, вероятно, от пленного... среди кочевников можно встретить людей с чисто славянским добродушием, незлобивостью, открытым характером и широкой щедрой натурой, а также людей богато одаренных способностями, но трудно узнать, природные ли это киргизы или сохранившие в своих жилах унаследованную от предков-пленников славянскую кровь».

Влияние Руси видит Крафт и в казахском фольклоре. Не случайно вторую часть его работы открывает легенда «Иван Калита».

Второй подход у Крафта, государственного чиновника, к фольклору имеет явно управленческий оттенок, несмотря на то что в работе выражено общепринятое этнологическое понимание значимости устного народного творчества. В предисловии ко второй части автор пишет: «Легенды и сказки могут интересовать читателей только как произведения, в которых выразилась народная фантазия, а басни и пословицы, имеющие обыкновенно поучительный характер — как образцы выработанной веками народной мудрости».

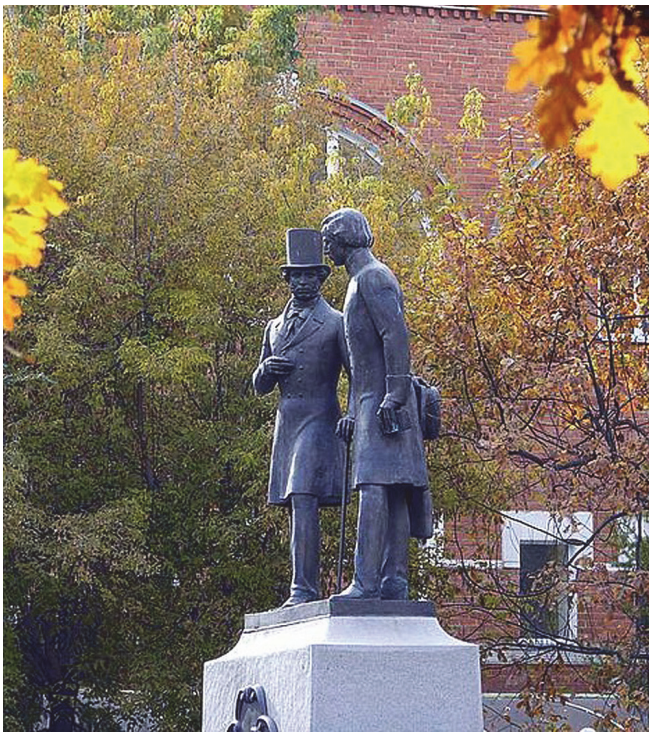
Но знание разных сторон жизни народа как раз и нужно чиновнику-управленцу, занимающемуся государственными делами. Поэтому понятно, почему во второй части работы Крафта «Из киргизской старины» из 17 главок 11 в той или иной мере затрагивают управленческие проблемы: в сказках, легендах и баснях рассказывается об управлении народом хана («Мудрый Аяз»), о сложных отношениях хана и народа («Алдиар»), об интригах в придворной среде ханов (басня «Наказанный хитрец», легенда «Предсказание кудесника», сказка «Благоразумный совет»), о частой недалекости, самодурстве правителей («Иван Калита», «Легенда о святом пророке Илье»), о судейских делах (сказка «Завещание отца», «Справедливый судья», «Наблюдательность киргиза»). В сказке «Мудрый Аяз» описано даже собрание народа, на котором обсуждаются вопросы (своеобразный опрос): какой человек самый худой, какая земля самая худая и самая хорошая, какая трава нехорошая, какая самая худшая птица.

В сказке «Благоразумный совет» беку, приглашенному на службу к хану, умная жена дает советы — 10 правил, как себя вести при дворе хана. Это своеобразная методика поведения подчиненного: исполнять повеления скоро и точно, в ошибке признаваться и просить прощения, не просить вознаграждения, не быть резким в словах и т.д.

Безусловно, Крафтом были записаны и фольклорные тексты, утверждающие общечеловеческие ценности в нравоучительном плане: басни «Лягушка и муравей», «Мышь и змея», сказки «Злая женщина и нечистая сила», «Хороший человек».

Анализируя казахский фольклор, Крафт обратил внимание на отражение в нем своеобразия миросозерцания казахов: «Скот и вообще животные составляют главный интерес в жизни кочевников, и поэтому в их сказаниях животные занимают после человека первое место». Вот, к примеру, ответ на загадку о периодах жизни человека в легенде «Иван Калита»: «В десять лет человек резвится беззаботно, как собака, в двадцать лет рыскает по белому свету, как волк, на всё нападая, в тридцать лет становится хищным и сильным, как тигр, в сорок лет бывает опасен, как кабан, в пятьдесят лет может быть предводителем или правителем народа, как козлы бывают вожаками овечьих стад, в шестьдесят лет малоподвижен и упрям (т.е. стоек в своих убеждениях), как бык, в семьдесят лет ходит, как спутанный в треножник, в восемьдесят лет лежит около печки, как кочерга, в девяносто лет неподвижен, как чурбан, и, наконец, в сто лет обращается в зародышевое состояние, как яйцо, или, как яйцо же, становится хрупким, нуждающимся в осторожном уходе за собою». Отмечая живучесть, жизнеспособность и стремление к высшей культуре казахов, И.И. Крафт объясняет влиянием русских «слабое стремление киргизов к усвоению магометанства и замечаемую у них способность к приобретению всяких знаний и к умственному усовершенствованию».

И.И. Крафт остался в истории нашей страны как государственный чиновник, но его деятельность не была ограничена управленческими рамками, а подкреплялась научными изысканиями об истории и культуре народов тех земель, где он оказывался на административной работе.

ПУБЛИЦИСТИКА

Ирина ЛАЗАРЕНКО, Сергей ЧЕКМАЕВ

СО-УЧАСТИЕ

(Люди с инвалидностью и творческие союзы: опыт сотрудничества на примере акций Союза литераторов России)

С октября 2021 года сценарная секция СЛ РФ «Драмматика» приняла участие в трех мероприятиях РООИ «Перспектива» для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Справка. Региональная общественная организация инвалидов «Перспектива» (https://perspektiva-inva.ru) — одна из ведущих общественных организаций России. С 1997 года занимается помощью людям с инвалидностью: оказывает правовую поддержку, содействует в трудоустройстве, реабилитации и абилитации. А еще — активно помогает людям с инвалидностью раскрывать собственные таланты.
Профориентация, спорт, творчество, общение и просто вера в себя — все, что требуется людям с инвалидностью, чтобы жить максимально полноценной жизнью и быть так или иначе включенными в разные сферы общественной деятельности.

МЕРОПРИЯТИЕ ПЕРВОЕ. ОТКРЫТАЯ БЕСЕДА «100 ВОПРОСОВ ПИСАТЕЛЮ» В МОСКВЕ.

16 октября 2021. Представители «Драмматики»: Сергей Чекмаев, Шимун Врочек, Ирина Лазаренко.

Встреча проходила в московском центре РООИ. От «Перспективы» собрались разные участники: начинающий писатель космической фантастики, творческие люди, только планирующие попробовать силы в литературе и сценарном мастерстве, и просто интересующиеся, привлеченные возможностью пообщаться с писателями.
Во время встречи говорили о книгах, игровой индустрии и киносериалах. Обсуждали тернии творческого пути и ожидания аудитории, много говорили о технологии создания литературных произведений. Участники задавали множество вопросов о творческом пути участников секции. Не все подопечные РООИ смогли лично присутствовать на мероприятии, но передали вопросы через интернет и попросили зачитать на встрече. Их интересовало абсолютно все: почему Шимун — на самом деле Дмитрий и откуда у него польский псевдоним? Как писателю переключаться между разными жанрами и формами текстов? А чем отличается киносценарист от игрового? Как строить план произведения, как побеждать прокрастинацию и могут ли украсть мою нетленку, если я ее когда-нибудь напишу?
Что получили от встречи подопечные РООИ «Перспектива»? Живое общение с писателями и сценаристами, ответы на самые разные вопросы о творчестве и внутренней кухне литературной, игровой и киноиндустрии. Новый взгляд на собственные возможности и объемное представление о том, как устроена жизнь и работа труженика творческого фронта.
Что получили представители «Драмматики»? Вовлеченное до жадности внимание немногочисленной аудитории. 2,5 часа встречи мы ощущали неослабевающий, живой, искренний интерес собравшихся ко всем граням творчества. Мы увидели в живую, насколько остро востребована для людей с инвалидностью возможность общаться с гостями из разных областей человеческой деятельности, получать специализированную информацию

о профессиональной карьере в таких сферах, о которых прежде, быть может, раньше и не задумывались всерьез. Поэтому сценарная секция не могла не откликнуться на следующее приглашение РООИ «Перспектива».

МЕРОПРИЯТИЕ ВТОРОЕ. ТВОРЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В Г. ДОЛГОПРУДНЫЙ.

14-18 февраля 2021. Представители Драмматики: Сергей Чекмаев, Дарья Зарубина.

Несколько бурных и насыщенных дней февраля Сергей и Дарья работали педагогами и менторами, под руководством которых юные участники творческого лагеря по направлению «Драматургия» писали пьесы. А на закрытии лагеря слушатели направления «Актерское мастерство» отыграли эти пьесы в формате театральной читки.
Мероприятие получилось настоящим испытанием для Сергея и Дарьи: многие ребята только в лагере узнали, что же это такое — драматургия. Не говоря уж о частностях: например, как строится сюжет, как появляются персонажи и какую роль они играют в истории. Так что начинать пришлось в буквальном смысле слова с азов, с самых базовых, начальных определений.
Однако ребята работали над сложной задачей усердно и дружно, изумляя своим творческим пылом и неиссякаемой энергией даже Дарью — человека с огромным педагогическим стажем.
Снова драмматистов поразила жадность к знаниям, готовность ребят из «Перспективы» впитывать информацию. Некоторые отказывались от развлекательных мероприятий в лагере, чтобы в свободную минуту поймать своего педагога, поделиться идеями, задать новые вопросы. И все это с учетом того, что помимо творческой работы, у ребят в программе было невероятное количество занятий: встречи с приглашенными гостями, тренинги личностного роста, лекции, мастер-классы, пет-терапия и многое, многое другое.
Как говорят наши учителя — они и сами многому научились за это время. Пришлось на лету пересматривать некоторые привычки и представления о том «Как все должно быть». Например: на мозговом штурме не обязательно выбрать лучшую идею и оставлять кого-то за бортом. Лучше скомпилировать что-то общее из предложений каждого участника.
Вокруг нас гораздо больше поводов помочь ближнему и быть благодарным, чем мы привыкли замечать... Это становится очевидным, когда тебя окружают люди с различными физическими ограничениями.
И тем полнее радость юных драматургов от успешного проекта, созданного своими силами. И тем острее была грусть прощания.

МЕРОПРИЯТИЕ ТРЕТЬЕ. СОДЕЙСТВИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ, ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ «ПЕРСПЕКТИВЫ», Г. СОЛНЕЧНОГОРСК.

29 июля 2022. Представитель Драмматики: Сергей Чекмаев.

Летний выезд проходил в гостиничном комплексе GoPark под Солнечногорском, куда Сергей Чекмаев заехал буквально на несколько часов, чтобы познакомить ребят с особенностями профессии писателя и сценариста. Рассказал, как организована работа, какие возможности открываются, какие качества и навыки требуются для успешной самореализации. Сначала слушатели стеснялись отвечать на вопросы лектора, но потом раскачались и приняли активное участие в обсуждении.
«Не скажу, что все слушали внимательно, но те, кому действительно было интересно, удивили активностью», — поделился впечатлениями Сергей.
В конце лекции гость предложил решить несколько задач из сценарного учебника.
Освоив профессию сценариста, писателя, копирайтера, человек с инвалидностью получает свободу выбора и смены места работы — в частности, ему открываются все выгоды фриланса или удаленной занятости. Что крайне важно хотя бы потому, что в России (по данным РООИ «Перспектива») трудоустроены только 28% людей с инвалидностью.

Сценарная секция Союза литераторов обязательно продолжит сотрудничество с РООИ «Перспектива». Мы

призываем другие творческие союзы и объединения во всех регионах РФ активно включаться в работу с людьми с ограниченными возможностями здоровья, помогать им приобщаться к творчеству, раскрывать свой потенциал, осваивать базовый инструментарий и т.д. Для всего этого не нужны какие-то фантастические ресурсы. Достаточно просто проводить лекции, встречи, мастер-классы и просто общаться на темы, которые будут интересны аудитории.

Людям с инвалидностью это крайне важно не только для большей свободы выбора профессии, но для получения новой информации и для полноценной самореализации. Ведь именно ее мы в Союзе литераторов РФ считаем необходимым условием для счастливой и полноценной жизни любого творческого человека.

Ксения КИРС, *Вязники — Москва, руководитель секции «Северный Крест»*

«В ВЯЗНИКОВСКОЙ СЛОБОДЕ НАЧАТА СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ...»

Молодёжно-культурный центр во имя Св. Страст. Ольги в г. Вязники, прогнозы ООН и протопоп Аввакум

В 2007 году в городе Вязники Владимирской области по инициативе местной молодежи и актива МКЦ св. блаж. Ксении Петербургской, руководителем которого является автор этой статьи, был открыт Молодежно-культурный центр во имя св. страстотерпицы Ольги (Романовой). Настоятель храма Введения Божией Матери о. Антоний (Додунов), не имея достаточных ресурсов, но понимая важность воцерковления молодых людей, предоставил помещение в небольшом доме, находящемся при храме. Для формирования сознательной, живой и активной молодежи, не употребляющей алкоголь и наркотики, которую можно привлечь к реализации социально-значимых программ, связанных с православием, культурой и искусством, руководство Центра выбрало три направления деятельности: творчество, благотворительность и миссионерство. Под покровом святой страст. Ольги молодые художники, поэты и музыканты организовывали благотворительные концерты в детских домах, кормили бездомных, помогали малоимущим семьям и принимали участие в восстановлении храма. Идея назвать Центр именем старшей дочери Романовых возникла не случайно. Ведь город Вязники — это вотчина царской семьи.

По мнению некоторых исследователей, основателем Вязниковской слободы является младший сын боярина Андрея Кобылы — Фёдор Андреевич Кошка (ум. 1407) — родоначальник Кошкиных и прямой предок Романовых. Федор Андреевич был выдающимся политическим деятелем, другом и соратником Великих князей Дмитрия Донского и его сына Василия I. Обладая недюжинным умом и дипломатическим талантом, он занимался внешними делами государства, вел переговоры с Золотой Ордой, которые всегда заканчивались весьма успешно. Его ценили и хан Едигей, и Великие князья. Являясь потомками боярина Федора Кошки, Романовы получили в наследство родовую вотчину в Вязниковской слободе (с 1778 г. — город Вязники).

Представители Царской династии сделали слободу духовным центром, вложив в её процветание немалые ресурсы. В 1623 г. в этой местности явился образ Казанской Божией Матери. Известно, что Казанская икона чтилась Романовыми как Покровительница династии. Царь Алексей Михайлович учредил своим указом считать 22-ое октября официальным всероссийским днем почитания Казанской Богоматери. Вязниковскую же икону написал прп. Иоаким — инок Шартомского монастыря (ученик прп. Иринарха, затворника Борисоглебского), которого чтили в Суздале и Шуе как богодухновенного иконописца. От сего образа начали происходить чудеса, о чем почти сразу узнал Великий Государь Михаил Федорович. 11 октября 1624 г. по его указу и по благословению Патриарха Филарета в Вязниковскую слободу отправился архимандрит Владимирского Рождественского монастыря Порфирий вместе с комиссией для освидетельствования чудес, происходящих от Казанской иконы Божией Матери, писанной прп. Иоакимом: «Лета от мироздания 7132, а от Рождества Христова 1624 г., 11 октября, по указу Великого Государя Михаила Федоровича и по благословению Святейшего Патриарха Филарета

Московского и Всея России, архимандрит Владимирского Рождественского монастыря Порфирий и с ним Спасо-Златовратского монастыря игумен Варсонофий, да соборный протопоп со священниками и диаконами посланы были в Вязниковскую слободу для свидетельства чудес от иконы Казанской Богоматери. 13 октября во время Божественной литургии последовало от той иконы исцеление дьячку Иродиону..., тогда же после молебного пения получила исцеление деревни Насекиной, крестьянка Ксения Семенова, не видевшая одним глазом несколько лет... Означенный архимандрит был свидетелем этих чудес, приказал описать и прочия чудеса, бывшие от иконы Пресвятой Богородицы». Комиссия признала Вязниковскую икону Казанской Божией Матери чудотворною и до июня 1703 г. было зафиксировано почти 300 исцелений. С 1-й пол. XVII в. Вязниковская слобода приобрела общерусскую известность и стала религиозным центром.

Царь Михаил Федорович специально для чудотворного образа повелел выстроить деревянный храм, который так и назвали — Казанский. В 1640 г. он сам отправился в Вязниковскую слободу поклониться иконе Пресвятой Богородицы и принять участие в богослужении. Скорее всего, эта поездка была не только паломнической. Царь ехал заниматься хозяйственными делами в своей вотчине, потому что вез с собой мастеровых и дворцовую казну. После поездки в Вязники Великий Государь пожаловал священникам слободского деревянного Казанского собора право приезжать к нему каждый год, 8 июля, с водой, освященной от чудотворной Вязниковской Казанской иконы Божией Матери. Из Вязниковской слободы для царской семьи также поставлялись яблоки, огурцы, вишни, мед, рыба, холст и разного рода ремесленные изделия. В 1642 г. Михаил Федорович и его супруга — Царица Евдокия Лукьяновна, пожаловали в Казанский храм сребро-позлащенные напрестольный крест и кадило. Благодаря заботам Царских особ, церковные угодья увеличивались. В писцовых книгах Семёна Извольского 1653 г. говорится, что у соборной Казанской церкви значится двор протопопов, 2 двора поповых, дворы дьяконов, пономарев и просвирницын, 3 двора церковных бобылей; в приходе двор прикащиков, 260 дворов крестьянских, 33 двора вдовьих, 34 двора нищих, пашни церковной середние земли по 30 чети в поле, пустошь Ореховка на речке Волчинке пашни по 15 чети в поле, пустошь Захарьинская за р. Клязьмой — пашни лесом поросло по 15 чети в поле, сена за р. Клязьмой у Выльских озер, у Деева истоку и у озера Керхи на поженке 50 копен, пустошь Махлацово — пашни худые земли по 10 чети в поле, сена на поженке Луховской 50 копен (владеют по государевой грамоте 147 г.).

В 1670–1674 гг. Великий Государь Алексей Михайлович вместо деревянной церкви строит каменный Казанский собор, вкладывая свои деньги и деньги Государственной казны. В писцовых книгах стольника Назария Засецкого и подъячего Тимофея Степанова сказано: «В Вязниковской слободе начата Соборная церковь строением во 178 (1670) года июля во 25 день, а совершена во 182 (1674) году в августе месяце. На построение ея пошло великаго государя Алексея Михаиловича дворцовыя казны 934 руб. и 1400 пуд. железа, церковной казны 264 руб. 75 коп. и мирского подаяния 473 руб., а всего та церковь стала опричь железа 1672 руб. 3 алтына 4 деньги да за написание деисусов и праздников отдано было 100 руб.» В 1682 г. его сын — Царь Фёдор Алексеевич пожертвовал золотой наперсный крест с алмазом, который позже был вделан в золотой венец чудотворной Казанской иконы Божией Матери, а в 1690 г. (по другим источникам 1688 г. или 1691 г.) по указу Великих Государей и Великих Князей Иоанна и Петра Алексеевичей Казанскому собору было пожаловано Евангелие. В 1700 г. Царь Пётр I прислал каменных дел подмастерье для переделки глав на соборе. Во времена его царствования в Вязниковской слободе развивались льняные и пеньковые мануфактуры, где делали очень добротное полотно. По указу Петра I в 1715 г. вязниковские мастера начали поставлять льняные ткани на паруса и пеньковые канаты для российского флота. Также эти полотна пошли на внутреннюю отделку Государева дворца, основанного в 1703 г. в городе на Неве.

С помощью правящей династии в Вязниковской слободе был основан Благовещенский семибратский монастырь. Во время паломничества Михаила Федоровича к чудот-

ворной иконе в 1641 г. староста Иван Мухин вместе с посадскими людьми испросил разрешения у Государя на открытие монастыря. Михаил Федорович приказал отвести под обитель место на окраине слободы у «убогих домов». Монахи срубили небольшую церковь, рядом с ней кельи и оградили церковные владения крепким тыном. Так начал свое молитвенное служение Благовещенский семибратский монастырь. Царь Алексей Михайлович, в свою очередь, в 1678 г. грамотой пожаловал монастырю деньги на свечи и ладан, в 1649 г. отдал в монастырь озеро Юхры с истоком Юхорцем, в 1650 г. — огороды при речке Выдержке, в 1652 г. — Курское озеро. В 1652 и 1656 гг. монастырь получил грамоты от Царя о выдаче денежного и хлебного жалованья. При Великом Князе Федоре Алексеевиче в 1675 г. монастырю были пожалованы Пронинская и Мокеевская пустоши, а в 1678 г. — Подстрекаловская земля.

И еще одной обители в Вязниках уделили внимание первые Романовы — это женский монастырь Введения Божией Матери. Царь Федор Алексеевич, очередной раз посещая Вязниковскую слободу в 1677 г., пожаловал в деревянный Введенский храм богослужебные книги: «триодь цветная, октоих и пролог (на целый год); на них по листам подписи: "сию книгу пожаловал Государь царь — Феодор Алексеевич... в гор. Ярополч в Вязниковский девичий монастырь при игумении Феодосии с сестрами лета 7180"». А в 1681 г. Государь велел выделить из таможенных и кабацких денег 70 руб. 12 алтын на постройку каменной церкви в этой же обители, на содержание которой получалось Государевой денежной руги по 300 руб. 25 алтын и 2 деньги в год. В Введенском монастыре, по преданию старообрядцев, игуменья Марфа прятала прот. Аввакума, когда на него были гонения.

Несомненно, Владимирская земля — это Царская обитель. Рюриковичи основали город Владимир (кстати, со старославянского — Володимир — «владеющий миром»), а Романовы — Вязниковскую слободу. Почти все они внесли свой вклад в благословенный край: Государи Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович, Фёдор Алексеевич, Иван и Пётр Алексеевичи, Царицы Евдокия Лукьяновна и Марья Ильинична, Великие княгини Ирина Михайловна и Татьяна Михайловна, Императрица Елизавета Петровна. Тесно переплетаются Вязники и с такими именами, как: боярин Иван Александрович Беззубцев (внук Федора Кошки), Патриарх Московский и всея Руси Филарет (Фёдор Никитич Романов), Императоры Александр III и Николай II.

К великому сожалению, Казанский собор, который воздвигли Романовы, полностью разрушили большевики в 1929 г., а Молодежно-культурный центр во имя св. страст. Ольги в 2009 г. закрыл благочинный г. Вязники. Епархиальное руководство посчитало неканоничным нахождение Молодежного центра при храме. о. Антония (Додунова) сослали в муромские леса (впоследствии он ушел к старообрядцам), а молодежь разбрелась кто куда. В помещении, где некогда молодые люди занимались творчеством, устроили склад для хранения унитазов, потом в нем поселились бездомные, а через некоторое время и вовсе случился пожар, в котором сгорела половина здания. Так и стоит до сих пор заросший крапивой и мхом полуразрушенный свидетель того, как подрастающее поколение изгоняли за церковную ограду служители Господа. Печально сложилась судьба Молодежно-культурного центра во имя св. страст. Ольги, впрочем, как и судьба самой Великой Княжны.

Мы знаем, что она была первенцем в семье императора Николая II, появившись на свет 3 ноября 1895 года. Девочка росла в любви и заботе, еще не зная о страшных событиях, ожидающих её впереди. С детства Императрица прививала дочери важные нравственные нормы. Ольга отличалась умом, честностью и милосердием. Первые деньги, что стали выдавать ей родители на личные нужды, она решила откладывать на лечение мальчика-инвалида. Великая Княжна встречала его во время прогулок и хотела во чтобы то ни стало помочь ребенку. Во время Первой мировой войны служила в госпитале хирургической сестрой, помогала раненым, мыла им ноги и делала перевязки. Жизнь Ольги Николаевны поистине можно назвать христианским подвигом. Дочь Императора, которую прочили в престолонаследницы (когда ее отец заболел брюшным тифом в Ливадии в 1900 г.) и которая могла бы выйти замуж за румынского принца (но

отказалась, потому что не захотела уезжать из России), служила простым людям, а в итоге оказалась в ипатьевском доме, терпя оскорбления палачей и была невинно расстреляна только за то, что принадлежала к Царской семье. «Ольга Николаевна сильно переменилась, — пишет Софи Буксгевден. — Тревоги и волнение из-за отсутствия родителей, и та ответственность, которая легла на неё, когда она осталась главой дома, чтобы ухаживать за больным братом, произвели перемену в нежной, красивой двадцатидвухлетней девушке, превратив её в увядшую и печальную женщину средних лет. Она была единственной из Царевен, которая остро осознавала ту опасность, в которой находились ее родители». Несмотря на все превратности судьбы, Ольга до конца дней сохранила смирение и любовь к людям. Даже в заключении Великая Княжна молилась за врагов.

Не случайно на иконе «Снятие Пятой печати» изображена Царская семья. Как когда-то, 2000 лет назад, иудеи предали своего Царя Господа Иисуса Христа, так и в 1917 г. обезумевший русский народ оболгал и убил Помазанника Божиего. Святые мученики молятся у престола Вседержителя о наступлении Страшного Суда и торжестве правды Божией на земле, когда всем воздастся по делам, а праведники сделаются причастниками вечного блаженства, как отдавшие свою жизнь за Христа. Икона «Снятие Пятой Печати» написана по сюжету 6-ой главы Апокалипсиса: «И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» Доколе на земле будут идти братоубийственные войны? Доколе будут умирать невинные люди? Доколе фарисейская закваска вместо Живого Духа будет править в лоне Церкви Христовой? Доколе будет уничтожаться земля с ее запасами, необходимыми для жизни людей?

По данным Организации Объединенных Наций и космического агентства NASA, в скором будущем на планете может закончиться питьевая вода. Это связано с ростом её потребления, а также последствиями изменений климата. В некоторых странах Африканского континента и Ближнего Востока уже сейчас вода поставляется из других государств. Только 42 процента населения земли имеют доступ к чистой воде, и это количество сокращается каждый год на два процента. Ученые опасаются, что из-за нехватки пресной воды на земле могут разразиться военные конфликты. Чем не сюжет Апокалипсиса? Исследуя данный вопрос, я натолкнулась на древнюю легенду о князе Андрее Боголюбском. В 1155 г. князь Андрей отправился из Киева в Суздальские земли, взяв с собой икону Божией Матери, впоследствии ставшей Владимирской. Недалеко от Владимира, на берегу Нерли лошади, везшие киот с чудотворной иконой, остановились, и никакие усилия не могли сдвинуть их с места. Князь распорядился разбить лагерь и остаться здесь на ночлег. Во сне к нему явилась Царица Небесная и указала Андрею на Владимир, как на новый центр Руси, повелев в нем установить перевозимую икону, а на месте ночлега устроить церковь в честь Её Рождества. В интервью со знаменитым вязниковским краеведом Владимиром Рэмовичем Цыплевым на мой вопрос: «Почему Богородица избрала именно это место для будущей столицы Руси?» Владимир Рэмович поведал о том, что во Владимирской области, в частности в г. Вязники, протекает множество подземных рек с чистейшей питьевой водой. И, по его версии, когда на земле закончатся запасы пресной воды, Владимирская Русь будет спасена. Господь Бог, держащий в своих руках судьбы мира, таким образом предупредил о грядущем: знаковое явление Пресвятой Богородицы через Владимирскую икону — во Владимире, а через Казанскую — в Вязниковской слободе. Возможно, Рюриковичи, а впоследствии и Романовы знали о будущей катастрофе и неспроста так много сделали для этой благословенной земли.

А город Вязники — не только вотчина Романовых, но и родина поэта-песенника Алексея Фатьянова. Город поэтов и музыкантов, которые после разгрома Центра св. страст. Ольги, не желая хоронить свои таланты, создали поэтическое отделение Союза литераторов России, назвав его именем прот. Аввакума. Это и есть — связь времен: прошлое чудным образом являет себя в настоя-

щем, а будущее уже давно начертано в прошлом. Ничего не бывает случайным. Связывая все события в единый смысл, Божественный замысел раскрывает себя на скрижалях истории человечества.

Татьяна ГОРОХОВА, *Москва, секция «Бригантина» — прозаик, поэт, литературный критик. Автор нескольких книг прозы и поэзии. В школьные годы занималась в ЛИТО «Бригантина» у Д.Ю. Цесельчука и по окончании журфака МГУ распределилась оргсекретарем в «ЭТО Комитет литераторов» — была одной из участниц становления Союза литераторов РСФСР*

СЛУЖЕНИЕ

(из предисловия к готовящейся к публикации книги)

«К каждому времени подходят свои ключи...»

Андрей Голов

Сначала хочу рассказать о себе. Я родилась 15 декабря 1966 года в Москве в роддоме в Люблине. Мой отец принес моей маме в палату огромный букет свежей сирени. Где он ее взял в двадцатиградусной морозной Москве, осталось загадкой. С годика и до 16 лет родители отправляли меня на все лето в деревню Тяпкино — в дом моей бабушки по отцу в Калужскую область — километров 300 от Москвы. Я полюбила ее навсегда — особенно Лес, Поле, Закаты и Свободу. Я вспоминаю синие-синие васильки в поле — я одна — рву букет — высоко в небе жаворонок. Солнечно, спелые колосья клонятся к земле. Я беру один колосок, вылущиваю зерно. Оно мягкое и нежное и сладкое на вкус.

Помню, как я просилась на костер с моими взрослыми двоюродными братьями и сестрами ночью в лес и меня, о счастье, взяли! Огромный красный огонь на поляне и сухие березовые листочки, искорками летящие в небо.

Первое стихотворение я написала в 18 лет, и связано оно было с моей болезнью. У меня в детстве часто случались отиты, и после них остался странный шум в левом ухе. Я думала — пройдет, но оказалось, что этот крест навсегда. Вообще, что-то записывалось, писалось, сочинялось все время. А начала я лет с 11, и это тоже было связано с болезнью. Я пролежала целый месяц в больнице — у меня был инфекционный гепатит, родителей не пускали ко мне, и после выписки я стала играть дома во врача. Придумала себе пациентов с говорящими фамилиями и наделила их различными болезнями. Училась я в обычной средней школе в Новогирееве. Необычной была только моя дружба с девочкой-двоечницей, новенькой, которую перевели в наш класс, и она сразу прилепилась ко мне — отличнице. Я стала с ней дружить — ввела в свой дом, давала читать книги из домашней библиотеки, и она впоследствии предала меня, отбив мальчика, который мне нравился, и выйдя за него после окончания школы замуж. У меня осталась травма. Ее судьба сложилась печально. После окончания школы я поступила на факультет журналистики в Московский университет. Со второй попытки и без блата. Правда, после первого провала пришлось поработать медрегистратором в детской поликлинике в кабинете вызова врача на дом.

К этому времени относится и моя первая любовь. Он был преподаватель русского языка в Московском университете, пользовавшийся невероятной популярностью среди студентов, на его лекциях всегда была полная аудитория, сидели даже на полу, а рядом пустовала аудитория, по расписанию тот же предмет, но другой преподаватель, старше меня на 30 лет, я — молоденькая 18-летняя студентка с комсомольским значком на белой блузе. Он был недосягаем. Я страшно влюблена. Я настойчиво добивалась его любви. Нас называли Эсмеральда и Квазимодо. Мои первые стихи посвящены ему. Борис Степанович Святошенко часто говорил студентам про запас скорости: «Машина идет мягко и плавно, со скоростью 130 километров в час, если она может выжать вдвое больше. Отвечать тоже нужно легко, зная материал гораздо глубже. Ответ должен быть крепким, словно айсберг, а подводная его часть пригодится во время учебы. К тому же лишних знаний не бывает».

В университете учиться мне было очень интересно. Нравилось все. Я чувствовала себя взрослой, умной, свободной и была ужасно влюбчива. Не проходило и года, чтобы я по кому-нибудь не сохла — не страдала. И, видимо, потому, что все мои тогдашние любови были безответны или почти безответны, я писала стихи. Опыт моих

душевных переживаний вошел в первую книгу стихов «Круг земли», в разные циклы.
Совершенно случайно я нашла литературную группу, которая занималась по воскресеньям, и встретила там единомышленников и настоящих друзей на всю жизнь. Помните у Ахматовой: «Есть встречи случайные...». Это было чудо. Меня в этом кругу прозвали Лисой за нрав. И так и закрепилось за мной надолго — Лисичка.

«Саму себя в самой себе любя,
Лисичка! Не перехитри себя».

А еще я была перловщицей — собирала перлы — смешные высказывания матросов нашего корабля. «Пока не померло, пишите перлы!» — как сказал однажды наш Капитан.
Как умело вел он наше ЛИТО «Бригантина» — поэт и поэт-переводчик Дмитрий Цесельчук, который познакомил нас с американским психотерапевтом Эриком Берном, точнее с его «теорией игр» из книги «Игры, в которые играют люди», с Юнгом и Фроммом, с запрещенными поэтами и писателями.
Понятие игры как проявления бессознательного нас объединило. Берн позволил всем нам договориться. Мы создали психотерапевтическую группу. Многие не выдерживали в нашей группе, но многие стали профессионалами. Мы все были оригинальными авторами. Берн дал нам довольно ясную модель мира, но потом выяснилось, что все определяет скорость. А чтобы что-то очень быстро менялось, надо очень медленно жить. Дмитрий Цесельчук показал нам, как можно жить, дал увидеть жизнь, как она есть.
Мы перепрыгнули традиционное сопереживание и эстетику классической поэзии, мы не гнались за замкнутой в себе формой авангардистов, мы научились отождествлять себя с другими — с другой личностью, творчеством, культурой, то есть любить. И удивительнее всего было то, что главный атрибут игр — стремление к предначертанному результату — отсутствовал. Вероятно, мы выходили за пределы игр, когда оказывались вместе. И надо ли говорить, что все мы — бригантинки женского пола поголовно были влюблены в нашего Капитана и в его поэзию.

«Я себя потерял среди солнечных пятен,
Среди птичьей возни и людской суеты.
Как полуденный воздух душист и приятен,
Оттого что в саду распустились цветы...»

Дмитрий Цесельчук не только поэт, автор многочисленных поэтических сборников (мне ближе всего «Это — мой дом», я брала его с собой в 6-летнюю командировку в Германию и зачитала до выпавших листов, и еще поэма «Август-96» — считаю ее мощнейшим эмпирическим орудием любви), лирик, сумевший создать свой язык, но и поэт-переводчик. Его переводы с литовского, латышского, азербайджанского, английского языков доступны не только элитарному читателю. О сущности перевода он рассказывал с необыкновенной точностью.
«В самом широком смысле — переводит всякий, кто говорит. И всякий, кто слушает говорящего. Не всегда удается сказать то, что хочешь, не всегда удается услышать то, что сказано, даже если сказанное выражено прямо и точно, а услышанное уяснено со всем возможным вниманием».
Именно Дима Цесельчук познакомил меня с удивительными людьми «своего круга»:
с двуязычным поэтом Борей Шапиро, про которого позже он скажет в своем стихотворении:

«Борис Шапиро пилигрим седой
Паломник в непутевую Россию
(а как дружили — не разлей водой)
Мы жизнь свою скорей всего прожили».

Шапиро — уникальный поэт, уходящий своими духовными корнями в западноевропейскую романтическую традицию;
с Евгением Бачуриным — капризным талантливейшим бардом и художником, у ног которого в Барнауле на фестивале авангардной поэзии, куда меня тоже взяли как поэтессу в команду, я сидела и слушала, как он пел, а потом жаловался на судьбу, на то, что не смог и не хотел бороться и расталкивать других локтями, о том, что не сложилось, и он недостаточно славен и известен, а в это время вся московская молодежь пела под гитару его «Деревья вы мои, деревья...»;
с уникальным поэтом-энциклопедистом Андреем Голо-

вым, ставшим первым и любимым мужем моей подруги-бригантинки Светланы Качимовой — поэтессы, преподавателя-филолога и литературоведа, она была боцманом на нашем Корабле. Помню, как на одной из наших встреч Андрей читал:

«К каждому времени
Подходят свои ключи.
Вот и наш век
Одинаково легко открывается залпом «Авроры»,
Улыбкой Чаплина и ядерным грибом над Хиросимой,
Финтами Пеле и колесами лунохода,
Вдавливающимися в пыль вечности...
А кроме этого, у каждого
Есть еще свой особый ключик
К нашему времени —
И именно от него и зависит, каким ключом
Будут отпирать наш век потомки из будущего.
И состоится ли это будущее».

Андрей навсегда остался для меня Другом и «Столпом и Утверждением Истины». Его книга «Попытка к Бытию» — свидетельство преданнейшего Служения Музе Поэзии.

Дима познакомил меня и со своей однокурсницей по физфаку, с тонкой и точной в поэзии и в физике Галей Воропаевой, создавшей знаменитый сайт «Поэзия Московского университета от Ломоносова до наших дней» и успевшей издать несколько сборников своих удивительных стихов.

«Нарисуй себе мир: кистью, звуком, пером,
Нарисуй себе мир, или, может быть, вышей.
Нарисуй себе мир без трущоб, без хором —
Чтобы жить. Это больше чем выжить»;

с тонким лириком Юлией Дубровкиной, приезжавшей в Москву из Израиля;

наконец, со своей женой, журналистом и москвоведом Ниной Давыдовой.

С Ниной Васильевной Давыдовой я познакомилась, когда она еще жила на Кетчерской улице. Знала про нее только, что она «журналистка-радистка», ведет передачу на радио «Ракурс». А я пришла брать интервью у Дмитрия Юрьевича Цесельчука. Потом она пригласит меня на радио и тоже проинтервьюирует, и я впервые прочитаю свои стихи в микрофон. Это было невероятно! По-настоящему! Вообще они оба — и Дима и Нина обладают каким-то мистическим талантом вытягивать настоящее из людей, истинную суть человеческую, творческую. И в этом их Служение. Из себя они тоже многое вытянули. Дима — поэт, поэт-переводчик с более чем полувековым наследием. Живой классик. Нина — уникальный журналист, опытный москвовед, талантливый организатор-ведущий.

Воспоминания о Леониде Губанове, интересные беседы с писателем Юрием Мамлеевым, с Галиной Ерофеевой, уникальное интервью с Софьей Клепининой, видевшей Марину Цветаеву, интервью с булгаковедом Борисом Мягковым, интереснейший материал «Моление о чуде» об истории Чудова монастыря... да много еще всего. Достаточно вспомнить «Путешествие в Москву» или путеводитель по Арбату! Как же все уголки Москвы, Петербурга связаны с именами литераторов — писателей и поэтов, все это история нашей родины. С какой гордостью она пишет о Михаиле Кутузове и с какой болью о Николае Гумилеве. А как увлекательно рассказывает о доме № 2а в Трехпрудном переулке:

«Этот, сейчас малопривлекательный, дом был построен известным архитектором. По его проектам в Москве поднялся не один доходный дом в стиле модерн: и в Староконюшенном, и в Богоявленском, и в Лебяжьем переулке. Как видите, места престижные и тогда, и сейчас. И фамилия этого зодчего многоговорящая для любого русского человека, а точнее — для всех, кто знает и любит русскую литературу и искусство. Его фамилия Гончаров, имя Сергей. Он из того самого, знаменитого рода. Интересно это мистическое переплетение веков, имен, судеб в Трехпрудном переулке...»

Счастливый случай свел их — Нину Давыдову и Диму Цесельчука, объединил усилия, направил силу духа этих двух бойцов на рождение поистине духовного детища — альманаха «Словесность», который вот уже пятнадцатый год выходит благодаря их неустанному труду и заботе.

Дима-капитан познакомил меня и с моим будущим мужем в Купавне — на родовой подмосковной даче, где он отдыхал и работал. Там я встретила моего художника в 1995 году. Начался роман с Евгением Надалинским. Мы вместе работали в немецкоязычной газете «Neues Leben», ездили вдвоем в командировки по России — на Урал — в город Златоуст, в Миасс, в Пермь...

Фотограф — буквально тот, кто пишет светом. Евгений Надалинский твердо верит в то, что «в черно-белой фотографии есть поэзия, а в цветной — нет». Он всегда отдает предпочтение широкому формату и черно-белому изображению и объясняет свой выбор так: «Когда фотограф снимает на черно-белую пленку, он постоянно должен следить за освещением. И тогда при проявке объем получится за счет света, а не цвета. А цвет давит и получаются цветовые искажения на снимке, так как существует сильная зависимость от красителей, заложенных в фотослой. А при работе с большим форматом и черно-белой пленкой тон как бы растягивается».

Изучая судьбы выдающихся фотохудожников — Евгения Халдея, Роберта Капы, Анри Картье Брессона, я заметила, что общим для людей, занимающихся искусством отражения, является занятия живописью. Евгений Надалинский не исключение. В его архиве множество рисунков, набросков, картин. Работа ювелиром в Московском художественном фонде помогла также овладеть искусством фотографии. «Я — социальный фотограф. Мне особенно близок мир человеческий: люди на производстве, люди — занятые сельским трудом, вообще человек труда и особенно труда творческого». Выставка картин пока еще не очень известного, но самобытного художника со своим неповторимым «почерком» состоялась в Галерее на Солянке в 2009 году. Называлась она пророчески «Гейзеры подсознания». Надалинский не только художник, фоторепортер, но и публицист. Его воспоминания об армии «Казань», опубликованное в альманахе «Словесность», вызвало сильную эмоциональную реакцию у читателей. Он был также автором-иллюстратором многих сборников членов Союза литераторов РФ. Более 5000 негативов и несколько сот фотографий хранит он в своем архиве, но многие разбежались по московским бумажным и онлайн-газетам, однако полноценной выставки наиболее выразительных его фотографий пока не было.

В то время мы как-то не торопились со свадьбой — и я в 1998 году, получив приглашение от профессора Вюрцбургского университета на магистерскую программу, быстро собралась и уехала в Германию. На долгих 6 лет. Чемодан писем друг другу, чувства не утихли, а, наоборот, разгорелись с новой силой. На шестой год разлуки я приняла решение — вернуться в Россию. Моя история любви легла в основу романа «Встреча».

Годы на чужбине были для меня необыкновенно наполненными — событиями, новыми людьми, впечатлениями и делами. Я объездила всю Европу, побывала в 12-ти европейских столицах. Но именно Германия Баха и Гете, Моцарта и Гейне оставила во мне глубокий след — именно там я воцерковилась, нашла свой приход и храм — равноапостольных Константина и Елены в Берлине, именно там поняла, что значит молиться. Но главное — я познакомилась и подружилась с талантливыми людьми, служение которых было мне близко и понятно.

Я вспоминаю отца и сына — Володю и Никиту Курдюковых... их имена хорошо известны московской художественной публике. А тогда, почти четверть века назад, мы летели вместе в Германию. Я — в служебную командировку, а он — художник — хотел продать свои картины в Мюнхене. Уезжали с площади Маяковского, автобус отвез нас в аэропорт — и самолет приземлился на военном аэродроме в городе Ингольштадт... Почему, непонятно. Это потом, спустя годы, он устроит своего сына — тоже художника Никиту Кникту, у которого диагноз — ДЦП и очень тонко чувствующая душа и не менее яркий талант, через ЮНЕСКО на стипендию в Германию — так что сын будет пользоваться ею после смерти отца — однако переживет его всего на год. Как в жизни они были неразлучны, так и в смерти друг с другом, и могилы их рядом — на крестах повязаны разноцветные шейные платки. Донкихоты Духа. Картины Владимира Курдюкова выставлялись во многих галереях Москвы и в разных городах Германии, многие были проданы.

В Мюнхене живет, еще, слава Богу, жив, еще один старый художник, полотна которого есть во многих музеях и частных коллекциях Германии, Англии, США, Франции и, конечно, в России. Он страстно мечтает «висеть» в Третьяковке в Москве, которую покинул в молодости.
«На юге Франции есть небольшой городок de Saint-Paul-de Vence. Там побывали все художники с мировым именем. Это мое любимое место и там мне рисуется хорошо. Я, в конце концов, понял, что человек рано или поздно находит свое место».
Михаэль Поладян включен во «Всеобщую энциклопедию деятелей искусства».
«Я потрясен жизнью и пришел к такому убеждению: то, что нам дал Господь — абсолютный подарок. Это удивительно — но надо научиться видеть это. Господь действительно нас любит и дал нам абсолютно все. Я считаю, что любовь должна стать основой любых человеческих контактов. Может быть, это звучит банально, но это так. Я так чувствую».
Однажды в Германии я подобрала с полу в магазине флеерс — маленький листочек, на котором было напечатано по-русски приглашение в Русский камерный театр. Так судьба свела меня с Алексеем Володиным — актером и сценографом, другом Штирлица и моим другом — дорогим партайгеноссе. Все декорации для всех спектаклей театра делал Володин. Художник-сценограф был неутомим в работе над спектаклем «Мастер и Маргарита».
«Я несколько раз делал луну. Ведь она у Булгакова — самый важный символ. Сначала я выложил кратер из зерен, но получилась брошка на этакую большую женщину. Не то. И тогда я вспомнил, что сам Булгаков видел в луне морского конька. Он писал, что «ее как будто собаки обгрызли». Я попытался последовать этому замыслу и наконец-то нашел. Чередуя гладкие и шероховатые места в материале, используя разную подсветку, я сделал луну. И она — заиграла. И зритель ее принял».
Вернувшись из Германии, я вышла замуж за Женю Надалинского. Летом того же 2004 года, 8 августа, мы повенчались. Началась семейная жизнь, а с ней — новые трудности и новые, серьезные изменения. Через 2 года — в 2006 году, в феврале, у нас родился первенец — долгожданная и вымоленная наша дочь Верочка. В этом же году вышел и мой первый сборник стихов «Круг земли» в издательстве МГУ.
Мы с мужем и дочкой жили в доме в Купавне. Это было счастливое незабываемое время — материнство, радость творчества. Женя вернулся к графике и живописи, к рисованию, много фотографировал. Я наслаждалась Купавной и семейной жизнью, вела дневники. В 2010 родился наш второй ребенок — сын Максим — Богом данная радость. И утешение. Особенно моему отцу, на которого он очень похож. После смерти моей мамы мы взяли отца к себе в Купавну, однако счастливая жизнь с моим добрым отцом продолжалась недолго, всего 4 года. Мы с Женей осиротели.
Я никогда не переставала писать — стихи, эссе, очерки, статьи, заметки, рецензии, прозу... Перечитывала, сидя в разодранном кресле, зарубежную и русскую классику, брала интервью, собирала материалы для книги. И публиковалась в альманахе «Словесность» и интернет-журнале Superstyle.
Не переставала я и путешествовать. Голос бродяги все чаще звучал в моей душе, и я строила планы. Сначала наша семья делала вылазки на короткие расстояния — на Азовское море в Казантип. Мы 3 раза были там и влюбились в это местечко. Оно стало для нас родным, там мы познакомились с Виталием Гавриловичем Тороповым — хозяином дома-корабля, который он построил своими руками на берегу Азовского моря, и живет в нем круглый год. Дом-корабль называется «Алые паруса». Он много путешествовал на своем веку, побывал в разных странах, ему есть что рассказать, каждый вечер он поднимает флаг на своем корабле... Я тогда же написала портретное эссе «Мичман Торопов».
Однако желание более серьезных глобальных изменений не давало нам с мужем покоя. В этом мы были всегда едины. Мы мечтали, сидя на грядках в огороде в Купавне, о Новой Зеландии. Я усиленно учила английский язык. И придумала — продадим дачу, полетим на острова в Тихом океане, а оттуда через 2 часа самолетом будем в

Новой Зеландии. Сказано — сделано. Я купила билеты за полмиллиона рублей, и мы вылетели в январе 2019 года на острова Фиджи в город Нанди, что расположен в Тихом океане. Нашу жизнь на островах я описала в повести «Фиджи», опубликованной в «Словесности 2019-2020».
Моя новая публицистическая книга «Служение» о творческих, уникальных людях 20 века, с которыми сводила меня судьба и о которых я уже когда-то писала — очерк или эссе или брала интервью, которые мне по-прежнему дороги. Многие из них продолжают жить и творить: писать стихи и картины, делать фотографии, издавать книги. Моя книга — своего рода воспоминание — память в сердце, творчество их не дает мне покоя, просит рассказать другим о служителях Духа, Поэтах и Художниках, о Творцах своей Судьбы.
Все эти люди делали и продолжают делать одно дело, которое можно назвать точным словом — Служение.

Июль 2022 года, Купавна

МОСКОВСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ

Борис ЯКУБОВИЧ, *Москва, секция «Проза и драматургия» — публицист, исследователь, прозаик и драматург. Государственный стипендиат 1999, 2008, 2009 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

АСПАСИЯ, ИЛИ МУДРОСТЬ ЛЮБВИ

ЖЕНЩИНА... Это понятие не умещается ни в какие самые совершенные определения и, как и сама женская сущность, не поддается никакому логическому истолкованию и осмыслению. Что это? Божество в прекрасной, хотя и бренной, телесной оболочке? Яд и противоядие, помещенные в один изящный сосуд? А может быть, всего лишь простой механизм продолжения рода человеческого? Начиная с нежной колыбельной песни и заканчивая слезообильными погребальными стенаниями, она сопровождает мужчину во всех важнейших событиях его жизни, служа ему одновременно источником дивных наслажде-

ний и горьких страданий, духовного, творческого взлета и головокружительных падений в бездну отчаяния. Ее либо возносят в безумном экстазе страсти и благоговения, либо осыпают грязью унизительного пренебрежения и недоверия. Мельком оброненное ею слово или выразительный взгляд могут развязать кровавую вакханалию войны или способствовать заключению долгожданного мира.

Так было всегда, и прекрасная античная Эллада отнюдь не являлась исключением. Противоречивый дуализм восприятия роли женщины в греческом ареале классического периода как раз и заключался в ее второстепенном, чрезвычайно зависимом положении в обществе и семье (кстати, в отличие от доклассического периода), но, наряду с этим, в повсеместном преклонении перед антропоморфным образом Божественной женской ипостаси, выражавшемся в культе Афины, Афродиты, Артемиды и прочих многочисленных богинь Эллады.

Подобная двойственность восприятия Женщины прослеживается и в греческой драматургии, начиная с уничижительных эскапад архаического лирика VII века до н.э. Семонида Аморгского и заканчивая трепетно-чувственными образами Софокла и Еврипида.

Подобное отношение к женщине особенно отчетливо проявлялось в Центральной Греции и как бы слегка размывалось на окраинах, к которым принадлежало ионическое побережье Малой Азии. Средоточием культурной жизни малоазийских эллинов являлись города Эфес, с его знаменитым храмом Артемиды, Смирна, а также древний Милет, основанный выходцами с острова Крит. Этот античный мегаполис, имевший свыше 80 колоний, преимущественно на побережье Черного моря, представлялся подлинным духовным центром Ионии, местом, где в самой ауре города незримо витали великие философские идеи Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена и других замечательных мыслителей — родоначальников натурфилософии. Это учение, возникшее в недрах мифологической космогонии, со временем обретет научную силу аристотелевского гения и превратится в первооснову теории познания мира.

Однако к началу V века до н.э. Милет стал постепенно приходить в упадок. Подобное обстоятельство, разумеется, не могло не отразиться на сообществе процветающих купцов, которые привыкли к быстрому обогащению в процессе торговых операций с Европейской Грецией и странами Востока. Одним из таких торговцев, ощутивших на себе все издержки экономического спада, являлся некий Аксиох, в чьей семье появилась на свет дочь, позднее прославившаяся на всю Элладу. Ее назвали Аспасией.

Несмотря на все сложности и проблемы, которые возникли в еще недавно благополучном городе, Аксиох сумел дать дочери превосходное образование. Талантливая девочка, обладавшая пытливым и строго логическим умом, училась с большим прилежанием, постоянно углубляя и совершенствуя знания. В греческом обществе того периода бытовало представление о том, что по настоящему образованным человеком может являться лишь тот, чьи способности служат духовному украшению окружающего мира. Для того, чтобы реализовать себя в этом мире, оставался единственный путь — сделаться гетерой. В отличие от легкодоступных женщин, к которым причисляли флейтисток, кифаристок, акробаток и иных представителей древнейшей профессии, гетеры находились на значительно более высокой ступени общественного положения, являя собой заманчивое и влекущее смешение утонченной образованности и изысканной чувственности. В свете сказанного, не приходится удивляться, что приблизительно в 450 году до н.э. в Афинах — признанном центре политической и духовной жизни, не только Аттики, но и всей Эллады, появилась юная гетера Аспасия, страстно жаждавшая основать в великом городе собственную школу риторики. Вместе с ней в Афинах оказалось несколько таких же юных, романтических особ, которые и составили основной костяк нового учебного заведения. В школе Аспасии занимались философией, ваянием, прелестно играли на различных музыкальных инструментах и охотно допускали на свои занятия всех желающих. Увлеченные этой непривычной, даже для видавших виды Афин, формой свободного общения, салон Аспасии стали посещать известные и уважаемые люди, в числе которых были знаменитый драматург Еврипид, прославленные философы Анаксагор и Протагор, молодой, подающий большие надежды ваятель Фидий и совсем еще юный Сократ.

В отличие от живших эдакими безгласными тенями своих супругов, почти бесправными затворницами афинских женщин, гетеры пользовались практически не ограниченной свободой, постоянно пребывая в центре общественного внимания. Яркие, эмоциональные речи, бурные споры, наряду с кокетливыми заигрываниями, прекрасных дев лишали спокойствия духа даже опытных мужей, что уж тут говорить о Сократе, которому недавно исполнилось 19 лет. Но подлинной душой этого обольстительного прибежища нимф, настоящей властительницей чувств, разумеется, была Аспасия, чьим словам с благоговением и восторгом внимал не только влюбленный в нее Сократ, но и прочие посетители салона.

Будучи тонким ценителем искусства, обладая глубоким пониманием самых сложных и запутанных философских построений, Аспасия почти всегда находила неожиданные, оригинальные толкования идей, умело направляя горячие споры и глубокомысленные беседы в русло спокойных, взвешенных, но наиболее точных суждений и выводов. Будучи в восторге от ее умения с безупречной логикой обосновывать свои доводы, Сократ публично объявил себя ее учеником. На бронзовом барельефе из Помпей имеется любопытное изображение Аспасии, стоящей рядом со знаменитым философом, что, как нельзя лучше, свидетельствует о дружбе, связавшей эти две выдающиеся личности. Этот же сюжет повторяется на гемме, хранящейся в сокровищнице Ватикана.

Жены завсегдатаев салона, слушая восторженные рассказы своих супругов, конечно, испытывали зависть и горечь, но в то же время, выражали активное желание познакомиться с Аспасией. Наиболее энергичные из них, бывало, даже умудрялись проникнуть в это «святилище» духовного отдохновения, но, как правило, терпели неудачу. Не удивительно, что наиболее актуальной и волнующей темой для женщин являлись вопросы, связанные с браком и своими правами. И здесь Аспасия умела пролить целительный бальзам на их израненные души. «Каждая женщина, — утверждала она, должна быть свободной в выборе супруга и свободной в выражении своих чувств и желаний!» Обремененные семьями, седовласые мужи прощали ей подобные эскапады эмансипированного ума, плененные ее неотразимым обаянием.

В начале 40-х годов, не по летам наделенный мудростью молодой Сократ, уже завоевавший в Афинах изрядную популярность, вошел в близкое окружение вождя демократов, первого стратега Перикла. Именно ему доведется познакомить этого выдающегося политика с прекрасной женщиной, занимавшей умы и сердца многих достойных граждан столицы Аттики. Правда, осуществить эту идею философу оказалось достаточно сложно. Перикл являлся человеком несколько аскетического склада, крайне осторожно подходил к выбору не только друзей, но и простого круга общения, а, кроме того, у него были жена и двое сыновей. Свою подругу жизни он не любил, но, будучи верен супружескому долгу, неукоснительно выполнял все необходимые обязанности главы дома.

Наблюдая за тем, как его всеми почитаемый друг тяготится унылой и бесцветной семейной жизнью, хотя внешне старается этого не обнаруживать, Сократ дипломатично и осторожно заговорил с ним о гетерах и, ссылаясь на труды Солона, доказывал, что наличие в обществе свободных женщин не только не разрушает семью, но, напротив, обеспечивает нерушимость брака и избавляет мужа от хождений на сторону. В своих построениях философ исходил из того, что существующие в греческих полисах обычаи, являясь безжалостными по отношению к женам, отнюдь не воспрещают их супругам иметь любовниц или посещать публичных женщин. «Что же касается гетер, — говорил Сократ, — то знакомство с женщиной из этой среды, а, тем более со столь выдающейся, никак не сможет повредить твоей высокой репутации!» Скорее, дабы не обидеть друга, потратившего столько усилий и красноречия, нежели имея на то желание, Перикл дал свое согласие, однако когда он увидел Аспасию, бастион пал без боя. Тот, кого благодарные афиняне называли Олимпийцем, почувствовал, как нежный и вместе с тем властный взор этой прекрасной женщины закрыл для него всякий путь к отступлению. Дивные глаза новой Афродиты высветили мрак его прежней семейной жизни, которую только теперь Перикл по настоящему осознал столь никчемной и убогой.

Отныне уже ничто не могло удержать его в лоне семьи, и вскоре афинский стратег разошелся с нелюбимой женщиной, сделав этот болезненный процесс предельно тактичным. С согласия уже бывшей супруги, он сосватал ее за состоятельного афинянина, но, по взаимной договоренности, оставил при себе сыновей. Войдя в большой дом Перикла, Аспасия принесла с собой то, что ему так недоставало все эти годы — покой и счастье. Будучи почти вдвое старше своей любимой, он испытывал к ней не только страсть мужчины запоздало познавшего это волшебное состояние, не только нежность и уважение к подруге и единомышленнику, но и трогательную привязанность отца к дочери.

Увы, реальность не слишком способствовала этой идиллии. Дело в том, что, согласно недавно принятым афинским законам, брак Аспасии и Перикла считался мезальянсом, а прекрасная милетянка рассматривалась не как законная жена, а лишь как наложница. Сложность ситуации проистекала из юридического уложения, инициатором которого, по горькой иронии судьбы, являлся сам Перикл, в результате чего брак с иностранкой не признавался законным, а дети, рожденные в подобном союзе, не считались афинскими гражданами.

Обожавшие скандалы в домах известных людей афинские обыватели получили прекрасный повод поупражняться в злословии. Как! Ввести в свою семью гетеру и сделать ее хозяйкой дома! Подобное не простительно даже для обычного гражданина, что уж тут говорить о знаменитом политике, облеченном всеобщим доверием и занимающим высокий пост стратега. Возможно, Перикла и задевали многочисленные пересуды, но он всегда ощущал поддержку любимой женщины, которая умело и тактично повела семейный корабль по бурным волнам недоброжелательства и осуждения. До поры, до времени ее репутацию не сумели пошатнуть даже издевательские нападки известных комедиографов Миронида и Кратина, сравнивавших Аспасию с лидийской царицей Омфалой, которая облачала могучего Геракла в женскую одежду и заставляла прясть, покорно сидя у ее ног, тем самым намекая на то, что Перикл всецело находится под каблуком своей жены. С тех пор, как Аспасия поселилась в доме Перикла, он фактически стал преемником ее прежнего салона, с той только разницей, что единственной дамой на этих приемах была возлюбленная Олимпийца. Скромная обитель афинского стратега сделалась культурным центром Эллады. Частыми и неизменно желанными гостями здесь были философы Сократ, Анаксагор и Зенон, историк Геродот, скульптор Фидий, драматурги Еврипид и Софокл, а также земляк Аспасии, архитектор и политический реформатор Гипподам. Душой этого нового кружка, объединявшего почти всю интеллектуальную элиту Афин, где, как мы видим, было немало завсегдатаев прежнего дома гетер, разумеется, была Аспасия. Однако злоречивые языки продолжали свое черное дело, утверждая, что Аспасия составляет для Перикла все его яркие политические речи, а главное, преступно развращает своего мужа, поставляя ему юных дев для плотских утех, т.е. прямо обвиняя ее в сводничестве и, так называемой, асебии (нечестии). Глубоко возмущенный Перикл, еще сохранявший доверие большинства сограждан, естественно, выступил в защиту любимой женщины, причем, в первый и последний раз в жизни, строгие судьи народного собрания увидели слезы на его глазах. Эти слезы несгибаемого воина, в сочетании с пламенной речью, привели к полному оправданию Аспасии. Еще раз афинскому стратегу пришлось выступить в унизительной роли просителя в связи с сыном, родившимся у Аспасии и названным в честь отца Периклом. Все тот же злосчастный закон, как мы уже знаем, лишал ребенка права афинского гражданства и, лишь ценой неимоверных усилий, Периклу удалось убедить судей, принявших во внимание его особые заслуги, внести мальчика в списки полноправных граждан.

И все же недруги Олимпийца не оставляли своих попыток бросить тень на афинского вождя и его окружение. Первый удар был направлен против знаменитого художника и ваятеля Фидия. Ему инкриминировали то, что он, якобы, утаил часть золота, отпущенного из казны для одеяния монументальной скульптуры богини Афины — главной святыни Парфенона. Фидий был заключен в тюрьму, где вскоре и умер. Один из ближайших друзей

Перикла, философ Анаксагор, обвиненный в безбожии, под угрозой расправы, вынужден был покинуть Афины.
Несмотря на происки врагов, Перикл продолжал заниматься строительством государства. Его политика неизменно была направлена на расширение и укрепление афинской державы. Города, входившие в Афинский морской союз, с помощью хитроумно составленных договоров, были поставлены им в полную зависимость от столицы Аттики, а всякие попытки выйти из этого альянса немедленно и сурово пресекались. В 431 году до н.э. началась многолетняя Пелопонесская война, в котором главным противником демократических Афин выступил ее традиционный и старый соперник — монархическая Спарта. Первый год войны можно было считать достаточно удачным, во всяком случае, неприятелю и его союзникам не удалось развить наступление на Аттику. Увы, вскоре выяснилось, что великие боги ополчились на самодовольных афинян, раскрыв зловещий ящик Пандорры. В Афинах вспыхнула эпидемия самой страшной болезни того времени — безжалостной и беспощадной чумы. Улицы и храмы были усеяны трупами, лежавшими вперемешку с еще живыми, а над городом висел удушливый смрад погребальных костров.
Напуганные ужасной эпидемией, из Аттики стремительно бежали спартанцы и их союзники, хотя это обстоятельство едва ли могло существенно обрадовать несчастных афинян, каждый день хоронивших своих близких. Недруги Олимпийца умело обернули гнев и отчаяние народа против вождя демократов.
К великому несчастью, беда не обошла и дом Перикла: вначале умирает его сестра, а затем старшие сыновья, рожденные в предыдущем браке. В 429 году, в последнем всплеске чудовищного мора, чума настигает и самого Перикла. Он болеет долго, незаметно угасая с каждым днем, несмотря на отчаянные усилия Аспасии спасти любимого мужа. Незадолго до смерти Олимпийца у его постели собрались немногие оставшиеся в живых друзья, среди которых был и Сократ. Именно ему умирающий политик завещал заботу о любимой подруге. Смерть настигла его на 66-м году жизни, когда впереди виделось еще много грандиозных планов и преобразований.

После кончины Перикла его эпоху назовут «золотым веком» афинской истории, подлинным расцветом народовластия. В год смерти отца Периклу-младшему еще не исполнилось 18 лет, и он остро нуждался в мужской поддержке и покровительстве. Скорее всего, именно это обстоятельство и заставило овдовевшую Аспасию вновь выйти замуж за одного из сподвижников покойного супруга, выходца из низов, некоего Лизикла, от которого она вскоре родила сына. Увы, ни ее знаменитого салона муз, ни ярких речей, передаваемых из уст в уста, ни постоянного, восторженного или завистливого, шепота вокруг ее имени уже никогда больше не будет.
Примерно через полтора года ее новый супруг был убит в сражении, и Аспасия, оставшаяся с маленьким ребенком на руках, приняла нелегкое для себя решение — покинуть Афины.
Пройдет несколько лет, и вновь тяжелая беда обрушится на ее ослабевшие плечи — она потеряет сына, рожденного от единственного любимого в ее жизни человека. Это случится следующим образом: летом 406 года до н.э. афинский флот, одним из стратегов которого являлся Перикл-младший, одержит блестящую победу над спартанцами, но, из-за сильнейшей бури, не успеет подобрать раненых и погибших. В соответствии с древним Афинским законом, подобное считается ужасным преступлением против богов и карается смертью. Процесс над мореходами рассматривался пританией — государственным органом, занимавшимся наиболее важными и неотложными делами. Все обвиняемые, включая Перикла-младшего, были осуждены на смерть. Единственным, кто голосовал против реликтового вердикта, был Сократ, но, будучи в одиночестве, никак не смог повлиять на решение суда.
Последние годы жизни Аспасии покрыты непроницаемым мраком истории. Но жители Афин сохранили благодарную память об этой изумительной женщине, сумевшей внести так много неповторимых, ярких красок в многоцветную палитру духовной, общественной и семейной жизни самого прославленного из городов античного мира.

СОУЛ —
Секция ОстроУмной литературы

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ, *Москва — руководитель секции ОстроУмной литературы (СОУЛ) — поэт, реставратор, прозаик, член «ЧД», МКА, Совета МОЛ СЛ РФ, правления СЛ РФ, редколлегии газеты «МОЛ», рецензент сайта «Литсовет». Лауреат юмористической страницы «О*балдуй» МК 2003 г., Лауреат премии «Золотой телёнок» Клуба ДС 2018 г. Имею победы в поэтических, прозаических и афористических конкурсах. Книги: «Юмор выше пояса» (ЭКСМО), «Залезть на Пегаса» (Вест-Консалтинг), «Некогда спешить» (Биб-ка журнала «Афоризмы»), «Старый календарь» (МОЛ СЛ РФ), «Без лишних слов» (Серия Афоризмы. XXI век), «Гоша-головастик» («Винити-Наука»), «Музыкальная шишка» (МОЛ СЛ РФ). Постоянный автор альманаха «Словесность» и газеты «МОЛ».*

*

Напрасно вешняя заря
росою землю окропила,
напрасно днéвное светило
моря и горы обходило,
коль божий день был прóжит зря!

*

Такой был ливень, что, казалось,
аллея к небу поднималась.
Мы обнялись, и мне мечталось,
чтоб непогода не кончалась.

*

Любовь с девицею прелестной
Крутил я до изнеможения.
Теперь красотка в интересном,
А я — в дурацком положении!

*

В противоречиях проходит жизнь моя
Но я живу себе, и в ус не дую:
Глаз радуют мне пышечки, а я —
Влюблен в худую!

*

Я чувствую свою вину,
кто б отпустил мне этот грех:
любить — люблю свою жену,
а тянет-то на всех!

*

Я стар, но как школяр
всё не могу взять в толк:
жизнь нам дана как дар
иль только в долг?

Тамара КЛЕЙМАН, *Москва, секция остроумной литературы (СОУЛ) — «Более тридцати лет занимаюсь этим замечательным, хотя и самым кратким литературным жанром. Научить писать афоризмы вряд ли можно, но в моей жизни таким «педагогом» оказалась книжка польского сатирика Станислава Ежи Леца "Непричесанные мысли". И телепередача "Вокруг смеха". И "Библиотечка «Крокодила". И 16-я полоса "Литературки". Госстипендиат 2012—2014 гг. в номинации "Выдающийся деятель культуры и искусства России", постоянный автор альманаха "Словесность" и газеты "МОЛ"».*

Давая в долг, становишься заложником дружбы.

Комплимент — первый шаг к тому,
чтобы вас заметили.

Когда жены химичат с деньгами,
мужья выпадают в осадок.

В женском коллективе работают без дураков.

Пленники телевизора на свободу не рвутся.

Если нет головы, легче свернуть шею.

Если кошмар не кончается, значит, это жизнь.

Любители жизни редко становятся профессионалами.

Закон джунглей эффективнее всего
действует в мегаполисах.

Оказывается, чтобы отделять зерна от плевел,
нужно сперва собрать урожай.

Если друг не сдается, его переманивают.

Кролик удаву не товарищ, а закуска.

Пегас — лошадь, каких мало, а вынужден
водиться с поэтами, каких много.

Мужчины поддерживают женские формы
формами собственности.

Любовь — болезнь излечимая,
но сколько побочных эффектов!..

Кто способен на все, мало что может.

Реклама — оружие массового поражения.

Выходя из себя, становишься беззащитным.

Цепляясь за жизнь, не оставляешь следов.

Жизнь дается один раз,
но сколько возможностей всё испортить!

Сергей СИДОРОВ, *член Ассоциации русских верлибристов. Афорист. Поэт. Автор цикла юмористических фантастических рассказов «Мышуйские хроники» (в соавторстве с Антом Скаландисом). Почетный член Белградского афористического круга (Сербия) и Ассоциации сербских писателей. Председатель Содружества авторов афоризмов и малых литературных форм «Сократ» и одноимённой секции при МОЛ СЛ РФ. Переведён на итальянский, литовский, сербский, македонский, болгарский, финский. Госстипендиат 2022 г. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

АФОРИЗМЫ О ТВОРЧЕСТВЕ, ИСКУССТВЕ И КУЛЬТУРЕ:

Сегодня у большинства наших авторов гонорар ниже плинтуса, зато гонора — выше крыши.

Кризис литературы — это когда у графоманов появляются плагиаторы.

Тигры для дрессировщика — основной источник дохода. Дрессировщик для тигров — запасной источник питания.

Общее у борцов за культуру и борцов с бескультурьем агрессивное начало.

Татьяна КОРМИЛИЦЫНА, *координатор секции СОУЛ, музыковед, лингвист, преподаватель, переводчик, менеджер персонала. Главный редактор московского издательства «Порт приписки». Автор книг: «СТИХИйные бедствия: стихи и одностишья» (2008), «КраткосТрочный проект» (2020). Дважды лауреат фестиваля юмористической и сатирической песни и поэзии «Ёрш» (2012 и 2013 гг.). Лауреат фестиваля иронической поэзии «Русский смех», 2012 г. Обладатель премии Клуба «12 стульев» при «Литературной газете» — «Золотой телёнок — 2018». Госстипендиат 2020 и 2022 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России». Член Содружества авторов афоризмов и малых литературных форм «СОКРАТ». С 2014 г. является председателем Московского клуба юмористов и сатириков «Чёртова дюжина».*

СЛОВА-СЛОВА

Слова-слова-слова — им грош цена!
Совсем без слов, однако, скучновато.
Скажи хоть раз, что я тебе нужна
Чуть больше, чем футбол или зарплата...

ПРОФЕССИОНАЛКИ

Мне муж вручил колпак и палантин,
А маме — помело и шар хрустальный
И пояснил: «Сегодня Хэллоуин —
Ваш с тёщей праздник профессиональный!»

ЗА РАВНОПРАВИЕ!

Феминистки на День Дурака
В знак протеста грустны и понуры:
Ведь они не добились пока,
Чтобы праздник назвали Днём Дуры!

Иван КОЛЕСНИКОВ, *Москва, секция остроумной литературы (СОУЛ) — геолог, в связи со спецификой профессии пришлось выполнять работы почти во всех природных зонах: в степях, в тайге, в джунглях, в пустынях, в горах, на морских побережьях, в заполярной тундре. Принимал участие в таких проектах, как БАМ, олимпийские объекты в Сочи, новая сцена Мариинского театра в Санкт-Петербурге, Северный поток, Сила Сибири и др. Работал на энергетических объектах в Индии. Пишет стихи в основном юмористического содержания, реже философскую, любовную и городскую лирику. Финалист премии им. Сергея Есенина «Русь моя» за 2019 г. Дипломант фестивалей «Умный смех-2020» и «Ёрш-2021». Лауреат фестиваля «Умный смех — 2021» в номинации «Малые формы». Лауреат Национальной литературной премии «Поэт года» (2021 г., номинация «Юмор»). Член Московского клуба юмористов и сатириков «Чёртова дюжина».*

НИКУДЫШНЫЙ

Чтоб счастье, женщины, вам вышло —
Жить в браке долгие года,
Мужик вам нужен никудышный:
От вас чтоб, в смысле, никуда!

ТОЛКУ НИКАКОГО

Что в зоопарке крокодил
Работал, толку никакого,
А вот в полиции б служил —
Он раскусить бы мог любого!

Вадим ЗВЕРЕВ, *Москва, секция ОстроУмной литературы. Преподаватель МГТУ им. Н.Э. Баумана, член Союза литераторов России, Клуба юмористов и сатириков «Чёртова Дюжина», Содружества авторов афоризмов и малых литературных форм «СОКРАТ», Московского клуба афористики. Рассказы, фразы, афоризмы и шутки опубликованы в 45 книгах и многих периодических изданиях, переведены на английский, болгарский, македонский, сербский и финский языки Лауреат Всероссийского фестиваля юмористической и сатирической песни и поэзии «Ёрш» в номинации «Автор афоризмов» (2016); Лауреат Открытого творческого конкурса-фестиваля «Умный смех» в номинации «Микроюмор» (2016). Гостипендиат 2021, 2022 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

Человек на 80% состоит из воды, в которой не тонут остальные 20%.

Если хотите быть на плаву, не держите камней за пазухой.

Чем меньше у человека за душой, тем больше за пазухой.

Человек, который никогда не колеблется, является очень удобной мишенью.

Если бы люди могли летать как птицы, производство рогаток резко бы возросло.

Люди как лавровые листы: одни олицетворяют успех и славу, другие просто варятся в общем котле.

Станислав ОВЕЧКИН, *заслуженный экономист РФ, полковник запаса, член Союза литераторов России, Российского СП, Клуба сатириков и юмористов «Чёртова дюжина», СП Северной Америки, Содружества авторов афоризмов и малых литературных форм «СОКРАТ». Госстипендиат 2022 г. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России». Обладатель звания «Серебряное перо Руси» в категории «Юмор» в 2020 г. Лауреат I степени Международной литературной премии «Простаки за границей» в 2020 г. (Монреаль, Канада), Лауреат I степени Всероссийского фестиваля иронической поэзии «Русский смех» в 2019 г. (г. Кстово), победитель конкурсов-фестивалей «Умный смех» в 2017 и 2018 гг., Лауреат фестиваля «Ёрш», 2021 г., Лауреат Национальной литературной премии «Поэт года» в 2016 г. Автор книг «Обормоты речи» (2017), «Мыслята» (2022), «Смеховые изделия» (2022).*

РАЗГОВОРЧИКИ *(ИЗ ПОДСЛУШАННОГО)*

*

— Мы вышли!
— В финал?!
— В тираж.

*

— Отделался?
— Отделали!

*

— А как ты избавился от кома в горле?
— Запил!

*

— Он что, дурак?
— Выпить — нет!

*

— Эх, сейчас бы коньячку!
— Держи сосуды шире!

*

— Почему я у вас цен не вижу?
— А они заоблачные!

*

— Ценности в чемодане ваши?
— Европейские!

Наталья ХОЗЯИНОВА, *Москва, секция СОУЛ — О себе: «Я всё могу! Умею меньше». По образованию физик. Кандидат химических наук. Лауреат конкурса «Неизвестные поэты России». 6 внуков и 6 авторских книг. Член Клуба юмористов и сатириков «Чёртова Дюжина» (с 2007 по 2014 год — председатель клуба) и Содружества афористов и авторов малых литературных форм «СОКРАТ». Член союза писателей Москвы и Союза литераторов России. Госстипендиат 2020 г. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России» по представлению Московской организации Союза литераторов России. Лауреат и победитель Всероссийского фестиваля юмористической песни и поэзии «ЁРШ» и Открытого Конкурса-фестиваля «Умный смех». Лауреат премии «Петраэдр» в номинации «Афоризм года» (2014 г., С.-Петербург).*

ТЕЧЕНИЕ ДНЯ

9-й этаж

...Максим метался по квартире с тряпкой, пытаясь собрать с пола прибывающую и прибывающую воду. Задребезжал телефон. «Оставляли заявку? Что там у вас?

Вода? Много? Какой этаж? Девятый? Ждите. Буду в течение дня».

8-й этаж

...В квартире на восьмом этаже из-за сырости от стен отошли обои. Они обнажили слой стодолларовых купюр, наклеенных прежним хозяином квартиры, который не напрасно боялся обыска и ареста. Теперешние владельцы, молодые супруги Атеистовы, купившие вторичку по ипотеке, раскладывали мокрую валюту на столе и чувствовали, как их души наполняет искренняя и глубокая вера в Бога.

7-й этаж

...Холодная капель отрезвила пятнадцатилетнюю Алису. Сидящий рядом дядя Гена обнимал её за талию. Он по-соседски зашёл к девочке занять соль, потом напросился на чай, а теперь рассказывал о своём путешествии по Австралии. Врал, конечно. Другая рука дяди Гены неумолимо поднималась к пуговичке на халате... Опомнившись, Алиса укусила дядино плечо и заверещала. Развратник взвыл и выскочил из квартиры.

6-й этаж

...Потирая место укуса и повторяя нехорошее слово, Геннадий Умберт скатился к себе на шестой этаж и со всей дури громко хлопнул дверью. От потолка отвалился солидный кусок отсыревшей штукатурки и рухнул ему на голову. Поверженный Г. Умберт мгновенно осознал аморальность своего облика. Оклемавшись, он принял твёрдое решение к юным девам не приставать, купить абонемент в тренажёрный зал и даже, возможно, жениться когда-нибудь.

5-й этаж

...Заслуженная пенсионерка Ольга Петровна искала нитку сушёных грибов, купленную у подземного перехода. Замочить же их надо, чтобы пирожки испечь — внук завтра обещал заглянуть. Ну нет грибочков нигде! Ой. А по стене ручьи текут, в лужи собираются. Ой. А в углу пакет бумажный, да мокрый весь! Ой. Так я ж там грибы оставила! И замачивать не надо — вымокли сами. Ой. А чего они пахнут так вонюче? И вконец расстроенная Ольга Петровна, обливаясь слезами, выбросила в мусоропровод два белых, восемь подберезовиков и три бледные поганки.

4-й этаж

...Струйка воды провалила рискованный эксперимент со спичками, который проводил трёхлетний Матвей, пока его мама увлечённо делала селфи на балконе. Услышав детский плач, молодая женщина вспомнила, что у неё есть сын, и бросилась его успокаивать. Представьте себе, с тех пор она лет тридцать не забывала, что у неё есть ребёнок.

3-й этаж

...Крупная капля воды со снайперской меткостью закоротила компьютер хакера Негодяева. Именно в этот момент Негодяев, найдя прореху в системе безопасности «СПЕР-банка», собрался перевести на свой личный счёт два-три миллиона рублей. Ан нет! Шалишь! Пока Негодяев в бессильной злобе оживлял компьютер, доблестные стражи наших кровных денег прореху надёжно залатали. Хакерская атака захлебнулась, так и не начавшись.

2-й этаж

...Увидев тёмное пятно на недавно покрашенном в голубой цвет потолке, тёща поэта Лирикова на неделю потеряла дар речи. Благодаря этому уже через день её ненавистный зять наконец-то сумел завершить создание монументальной и в чём-то эпохальной поэмы с красивым названием «А жизнь стремительно течёт».

1-й этаж

...Сто шестьдесят шесть жильцов, зарегистрированных в квартире, но ни разу в ней не побывавших, вообще ничего не заметили. Лишь сто шестьдесят седьмой, мирно отдыхавший на полу в не совсем трезвом виде, ощутил тревожную сырость, взбодрился и успел не опоздать на работу.

Лифт

...Нажимая на кнопку девятого этажа, усталый сантехник не мог даже вообразить, сколько воистину чудесных событий произошло тут в течение дня. Доволен был и Макс, который утром отправил заявку в диспетчерскую. Умаяшись бегать с тряпкой по квартире, Макс решил воспользоваться стихийным наводнением. Надул рези-

новую лодку, которая спускала воздух, и обнаружил коварную дырочку! Прилепив к ней заплатку клеем «Уно-Моменто», Макс был счастлив: теперь он полностью готов к весенней рыбалке!

Елена ПАЛЬВАНОВА, *Москва, секция Остро-Умной литературы (СОУЛ) — окончила переводческий факультет МГЛУ. Поэт, прозаик, переводчик. Член Союза литераторов России. Госстипендиат 2021 и 2022 гг. в номинации «Талантливый молодой автор России». Победитель и призёр международных и всероссийских конкурсов: «Большой финал», «Вернись на родину, душа», «Зелёный листок» и др. Автор поэтического сборника «Присказка» (Глубинка, 2020), сборника рассказов «Невероятно? Не факт...» (Порт приписки, 2021), сборника рассказов «Эники-бэники абракадабра» (Порт приписки, 2022). Опубликованы переводы: роман «Девы» Алекса Михаэлидеса (ЭКСМО, 2021), «Полночь в кафе "Чёрный дрозд"» Хэзер Уэббер (ЭКСМО, 2021), «Мой сон о тебе» Холли Миллер (АСТ, 2021) и др.*

КАКАЯ ТЕХНИКА, КАКОЙ АРТИСТИЗМ!

Когда мне было четыре, мама отвела меня на гимнастику. Там нас учили выполнять разные упражнения, да не просто так, а с хорошей техникой и артистизмом. Проще говоря, красиво. Для этого надлежало старательно тянуть носочки и разбирать пальчики, то есть растопыривать их в виде этакой «козы рогатой»: указательный и мизинец вверх, а средний и безымянный вниз. Я честно старалась выполнять указания тренера и так наловчилась, что в конце концов меня позвали на первые в жизни соревнования.

Обстановка там царила самая торжественная. Около стены поставили в несколько рядов длинные лавочки. На них расселись взволнованные родители, которые сразу же начали фотографировать спортсменов. Под вспышками фотоаппаратов я немедленно почувствовала себя настоящей звездой и стала безостановочно слать воздушные поцелуи и махать, улыбаясь во все камеры сразу.

В общем, соревнования мне понравились. А вот моим родителям — не очень. При виде того, как старшая группа лихо кувыркается на бревне и скачет через козла, мама пришла в ужас и заявила, что в случае неудачного приземления собирать меня по кусочкам не готова. Поэтому на семейном совете в тот же день постановили, что меня нужно перевести в другой вид спорта, от бревна подальше. А какой вид спорта самый безопасный? Ну конечно, плавание.

Оказалась, что попасть туда не так-то просто. Желающих плавать было — хоть отбавляй, и для того чтобы всем хватило места, бассейн пришлось бы увеличить втрое. Поэтому руководство спортивной школы решило пойти на хитрость: набрать одну большую подготовительную группу, а через какое-то время устроить состязания и по итогам выбрать, кого отчислить, а кого оставить. Группа получилась такой огромной, что тренер при всём старании не мог за всеми уследить, и в итоге плавали мы — кто во что горазд. Благо, стилей много, на любой вкус: кроль, брасс, дельфин, собака и даже топор. Выбирай — не хочу! В день соревнований мама постоянно твердила, чтобы я не волновалась. Но сама, вопреки собственным наставлениям, волновалась страшно и буквально засыпала меня советами:

— Плыви спокойно, не мельтеши. Делай всё как следует. Покажи хорошую технику!

— Ладно, — самоуверенно отмахивалась я.

На тех, первых и на тот момент единственных, соревнованиях по гимнастике я очень чётко уяснила: самое главное — тянуть носочки, разбирать пальчики, улыбаться судьям и постараться ниоткуда не грохнуться. А раз упасть в воде даже при большом желании не получится, то и переживать не стоит.

И вот настал час икс. Нас всех выстроили у бассейна и велели дожидаться сигнала. Я искоса поглядывала на остальных пловцов и всё больше убеждалась, что конкурентов у меня нет. Все стоят как попало: брови нахмурены, спины сгорблены, колени согнуты, руки висят, как плети. А где осанка? Где красота? Ужас! Я усердно тянула подбородок вверх, до боли сводила лопатки, разбирала пальчики и изо всех сил выпрямляла ноги — так, что со

стороны, наверно, была похожа на кузнечика: коленками назад. И, конечно, не забывала улыбаться судьям. Моя тактика давала свои плоды: судьи глядели на меня во все глаза. Ну разумеется: на таком фоне я наверняка смотрелась очень выигрышно!

Наконец прозвучал свисток. Все конкурсанты дружно сиганули в воду и лихорадочно погребли к другому краю бассейна. «И куда спешат?» — подумала я с неодобрением. Ну, сейчас я им устрою мастер-класс! Я, не торопясь, надела очки для плавания и как можно изящнее подняла вверх правую руку: так на гимнастике учили начинать каждое выступление. Правда, очень мешали очки: из-за них я не видела, кивнули мне судьи или ещё нет, поэтому на всякий случай так и застыла в этой позе, выжидая. «Прыгай!!!» — послышался чей-то крик. Рассудив, что команда предназначалась мне, я не менее изящно опустила руку и грациозно скользнула в воду.

Плыть нужно было кролем. Следуя советам мамы, я спокойно и не мельтеша двинулась вперёд, тщательно показывая технику. Отталкиваться от воды рукой с разобранными пальчиками было неудобно, но это меня не останавливало. Никогда ещё я так не старалась! Уверена: тому, как я распрямляла ноги и тянула носочки, позавидовала бы любая балерина. При этом я широко улыбалась и, чтобы судьи уж точно заметили и оценили мои усилия, держала голову высоко над водой. Откуда-то издалека до меня донёсся отчаянный крик тренера: «Алёна, плыви!!!»

И зачем так кричать? Я плыву. Не видно, что ли? Я огляделась. Все остальные спортсмены уже кое-как проделали три круга и вылезали из воды. Я же со своей безупречной техникой только заходила на второй. Ну и что? Куда мне торопиться? Поспешишь — людей насмешишь! И всё-таки тренер явно чем-то был недоволен, поэтому на всякий случай я ещё сильнее вытянула носочки и стала пытаться каждый раз, вытаскивая руки из воды, делать в воздухе волну: хореограф на гимнастике уверял, что это очень красивое движение.

Наконец, под общие вопли: «плыви!!! плыви!!!» я причалила к бортику, очень довольная собой. Раз все меня так поддерживают, значит, мне удалось произвести впечатление! Окрылённая, я вылезла из бассейна и, снова распрямив спину, вскинула руки в стороны: этот финальный жест означал конец выступления и комплимент судьям. Где-то раздались сдавленные смешки и затем — аплодисменты. Я заулыбалась. Ну всё. Можно сказать, победа у меня в кармане. Стащив с себя очки, я сразу же заметила, что с трибуны ко мне пробирается мама. Лицо у неё почему-то было красное, как из бани. Странно, здесь вроде бы не жарко. Мама схватила меня за руку и, невнятно пробормотав: «пойдём отсюда», зачем-то потянула к выходу.

— Куда? — изумилась я. — Ещё награждения не было!

— Идём! — Мама вытащила меня в коридор и выдохнула — почти простонала: — Это же надо, прийти последней!

Я не поняла, что её так расстроило (сама же сказала плыть спокойно и не мельтешить), и, не удержавшись, гордо спросила:

— А красиво я выступила, правда? Какая техника, какой артистизм!

— Правда, — с самым философским видом кивнула мама. — Недаром говорят, что красота требует жертв, — и почему-то совсем не к месту добавила: — Ну что, возвращаемся на гимнастику?

Я удивилась такому повороту, но возражать не стала: гимнастика нравилась мне больше плавания. Так и закончилась моя карьера пловчихи. А на следующий год я пошла в первый класс и ещё долго во время самостоятельных и контрольных разбирала пальчики и тянула носочки. И знаете, помогало!

Константин НИКИТЕНКО, *Москва, секция остроумной литературы (СОУЛ) — по профессии металлург, по призванию поэт. Автор нескольких поэтических сборников «С фигой в кармане», «Трусцой по судьбе», «Прививка от совести», «На трезвую голову», многочисленных публикаций в «Клубе 12 стульев» в «Литературной газете», в газетах, журналах и альманахах: «Московская правда», «Квартирный ряд», «Родник», «Студенческий меридиан», «МОЛ», «Литературные известия», «Словесность» и др. Госстипендиат 2012-2014 гг. в номинации «Выдающийся деятель*

культуры и искусства России», автор не только сатирических и юмористических, но и лирических стихов (см. альманах «Словесность 2021»).

БЕЗ САБЛИ

Кошмар без женщины
и с женщиной кошмар...
Сильнее женщины
лишь выпивший гусар.
Владимир Кустов

На женские секреты
давно я наплевал...
Поправил эполеты,
Коня поцеловал.
И выступил пред ратью
во весь гусарский пыл...
У дамы под кроватью
я саблю позабыл.
Скажу вам по секрету,
придерживая прыть...
Мне саблю, как поэту –
чернильницу забыть.
Врагов смогу не густо
рубить, ах, мать еси...
Пойдёшь к той даме, Кустов,
мне саблю принеси...

СКРОМНОСТЬ

Уж страсти нет – одно лишь буйство.
В чести бездарность и навет.
И как вулкан клокочат чувства,
А вот хороших мыслей нет.
Противны мелкие затеи,
Под сенью лживой суеты.
Как-будто больше нет идеи,
Как-будто больше нет мечты.
Лишь дураки вокруг да дуры.
Творится разная фигня...
Как – будто нет в стране культуры,
Как-будто нет в стране меня!

ИЗ УРОКА ЗООЛОГИИ

В календаре была среда.
Меня с тобою друг знакомил.
Сказал: «Вот, эта девка, хоть куда!»
И фразу я буквально понял...
В любви все средства хороши,
Теперь я заявляю смело:
Любовь не только взлёт души,
Но и в постели части тела.

К СЕБЕ В ДРУЗЬЯ

Я научен нашим веком:
В дружбе быть плохим нельзя.
Будь другим я человеком,
Взял бы сам себя в друзья?
Принципов во мне навалом.
Многое сказать хочу.
Трижды думаю сначала,
А потом уж – промолчу.
Есть невзгоды, есть унылость,
Нестыковка мелких дел.
Где бы, чтобы не случилось,
Говорю: «Я так хотел».
Жизнь моя, как будто ралли,
И с самим собой бои.
Может, комплексами стали
Эти принципы мои?
Я не хмур, но и не светел...
На вопрос, возникший вдруг,
Я в конце – концов ответил:
«На хрена такой мне друг?!».

НЕРАЗДЕЛЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Нет, никого я не убью,
Чтоб ваш позор своею кровью?!.
Я человечество люблю
Неразделенною любовью.
В глаза взгляну, как в моря гладь,
Увижу то, что знал заранее;
На лицах ваших есть печать
Забывчивости иль избранья.
Мне по фигу и те, и те,

Хоть зреет гнев мой стужей лютой.
Брожу я в вашей суете
С душою до боса разутой.
Душой нисколько не кривлю,
(мне это качество отрадно),
Я человечество люблю
Неразделенно. Ну и ладно.

Владимир КУСТОВ, *Москва, секция Остро-Умной литературы (СОУЛ) — поэт, прозаик, автор нескольких книг стихотворений. Государственный стипендиат 2015, 2016, 2020 гг. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».*

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

О ЛЕВИЗНЕ

Костик родился левшой, чем
весьма сконфузил родителей. Их
мелкая месть выразилась в том,
что они заставляли его всё делать
«правильной» рукой. И это детское
насилие конечно кончилось
несчастной любовью, неудачным
браком, и ни один лотерейный билет
не принёс ни капли радости...
А его работы менялись
с пугающей частотой от просто
плохой до совсем противной.
Но зато все подписи и в
свидетельстве о браке, и в
нищенских зарплатных ведомостях
выводились твёрдой правой рукой...
А ангел-то, его ангел, сидел
на предназначенном ему богом
левом плече и плакал.

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА О ДЕВОЧКЕ

и жизненном шторме

Из ореховой скорлупки
Я себе построю шлюпку.
Спичка, листик, вот и парус —
Я отправиться пытаюсь.
Только глупая собачка
Затевает в луже драчку:
— Мне хозяйка запретила,
Чтобы ноги ты мочила!
— Поздно, поздно... да сапожки
не дадут промокнуть ножкам,
А ореховый «Титаник»
Не сменяю я на пряник!
Тихо спрашиваю маму:
— Ну, в кого я так упряма?..
Мама маску подтянула:
— В капитана... — и всплакнула.

IN THE WHISKEY CLUB

А он играл на клавесине...
Графиня, рядом на картине,
Сначала хмурила лицо,
Потом *надыбала* винцо
И закружилась в менуэте...
И краска сыпалась с портрета,
А он играл на клавесине.

* * *

Мы о возвышенном мечтаем,
Нарезав крупно колбасу,
И, «как божественно!» вздыхаем,
Услышав пение Алсу.
Забыты рябчики с икрою,
Что так чернела на столе...
Но царь плохой, и всё плохое;
Мерцали свечи в хрустале.
«Распутин — гад», картавит Ленин,
«Пророки новые нужны...»
И лепят бабушки пельмени —
Осколки той ещё страны.

* * *

В кино концовки хороши —
Конечно, пляж, а может, свадьба,
Ну, и немножко для души
Взгляд сверху, добрый, как оладьи.

Ещё мурлыканье котят,
Одеколона запах легкий,
И губы жаркие хотят
Чуть продолжительней концовки.
.....
Стряхнув поп-корн, с трудом встаём –
Пора в реальность возвратиться,
Где пляж, увы, не за углом,
И нет загадочного принца.

* * *

Шипы тернового венца
Лишь украшали мудреца,
А он нас всех просил простить,
Раз мы не знали, как нам жить...

К КАРТИНЕ МИЛЛЕСА

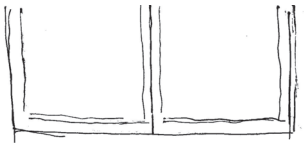
Царапали белые лилии
лицо утонувшей Одиллии,
И медленно плавали окуни
вокруг неподвижного кокона.
Каноэ уплыло бесшумно, каноэ,
И шарф на воде изогнулся... Какое?..
Какое событие? Взгляд между лилий:
Конечно, любовь у наивных Одиллий.
Играл пастушок на свирели, свирели,
Собрались овечки – жалели, жалели.
Скворец прилетел,
захотелось напиться –
Кругами вода, тихо множились лица...
И медленно плавали окуни, окуни
Меж лилий, Одиллий и
неподвижного кокона...

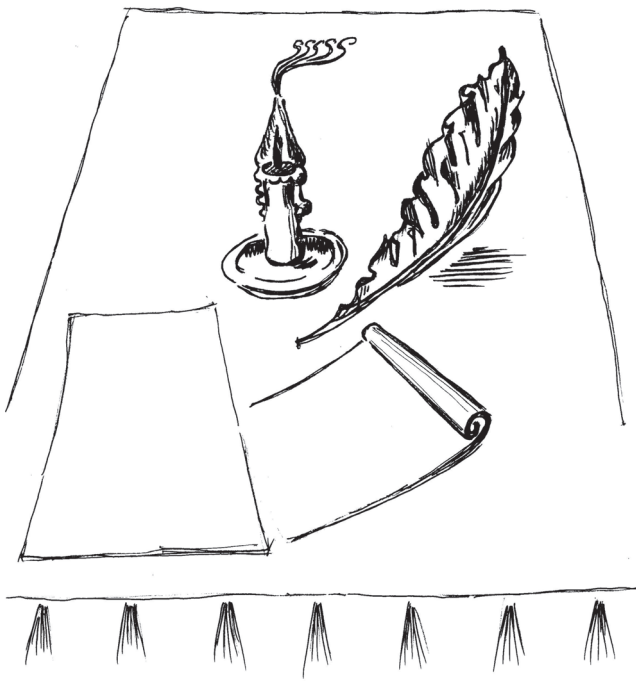
* * *

На полдороге до Владимира

Я в этот запах окунусь:
Лопух, кипрей, немного липы,
А если завтра не проснусь –
То похоронят знаменитым.

Оставлю в прошлом робость слов
И напрямик, теперь рисковый,
Я к этой даче, где любовь,
Бегу, к признанию готовый.
Мой новый сборник оценить
Смогли друзья и критикессы,
И мы с тобою будем жить
Под леса шум...
и птичьи мессы.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА

Марина ХЛЫБОВА, *секция «Публицистика». Член Союза литераторов и Союза журналистов России, творческого объединения «Фотоискусство», Московского союза художников, Творческого союза художников России, Международного художественного фонда и др. Член Русского географического общества. Шеф-редактор журнала «Русский турист». Идеолог и организатор культурного проекта «Палитра городов российских». Мастер спорта России. Призёр чемпионатов и Кубков Москвы, ЦФО и РФ и чемпионатов мира по спортивному туризму в дисциплинах «автомото маршрут» и «водный маршрут». Член сборной Москвы по спортивному туризму в дисциплине «маршрут на средствах передвижения. Госстипендиат 2021 г. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России» по представлению МОЛ СЛ РФ.*

ВКУС ДРЕВНЕГО ОКЕАНА

Избранные главы из книги

НА РОДИНЕ ТЮЛЬПАНОВ

Весна — это мое любимое время года. Природа просыпается после зимы сначала нежно зеленой травкой, потом пятнышками цветов. В нашей средней полосе весна начинается с мать-и-мачехи. Южнее ее открывают пролески, галантусы, крокусы... А какие цветы раскрашивают весной степи Казахстана? Тюльпаны, конечно!

Мы едем по трассе М-5 на Самару, чтобы свернуть потом на М-32, идущую на Уральск. Наш путь лежит на полуостров Мангышлак, а в голове звучат строки из стихотворения Анны Ахматовой:

Над Азией весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны
Ковром заткали много сотен миль.

Хотела бы я такое увидеть! Правда, поэтесса писала эти строки в Ташкенте, но про казахские тюльпаны мы тоже много слышали.

По-казахски тюльпан называется кызгалдак *(қызғалдақ)*, а привычное нам название цветка пришло из Персии. Растение получило название за сходство с восточным головным убором тюрбаном *(toliban)*.

В мире насчитывается более сотни видов и трех тысяч сортов тюльпанов. И большая часть из них произошла от мелких с непривычным европейскому слуху названием кызгалдак, степных цветов.

Ботаник Анна Андреевна Иващенко, автор книги «Тюльпаны и другие луковичные растения Казахстана» в одной из своих статей пишет: *«Тюльпаны появились 10-20 миллионов лет назад, в полосе пустынь и предгорий Тянь-Шаня, на территории современного Казахстана. Здесь — в южных районах нашей страны находится центр видового разнообразия тюльпанов. Отсюда они постепенно расселились на север и юг, восток и запад, расширив свой ареал на просторах Евразии от степей южной Сибири до пустынь Ирана и от просторов Монголии до гор южной Европы».*

Сегодня в степях Казахстана можно найти почти сорок дикорастущих видов этих цветов. Эта страна является лидером по количеству дикорастущих тюльпанов. Половина из них занесены в Красную книгу. Штраф за сорванный дикий тюльпан, согласно УК РК, весьма существенный: до трех тысяч месячных расчетных показателей, то есть 9,5 млн. тенге (более миллиона рублей).

Штраф может быть заменен ограничением свободы на срок до трех лет или исправительными и общественными работами сроком до 800 часов.

Мы въезжали в страну в конце апреля с севера и видели тюльпаны лишь один раз за всю поездку. В самом начале. Те, кто ехал тем же маршрутом на несколько дней позже, тюльпанов уже не видели. А въезжавшим со стороны Астрахани в то же время, что и мы, повезло больше: они успели и маки увидеть. Наша обратная дорога пролегала как раз там, но цветов уже не было.

Многообразие казахских тюльпанов было видно даже на том единственном поле: красные, розовые, белые, желтые, фиолетовые... Крупные, напоминающие бокалы, и мелкие, похожие на желтые звездочки... С округлыми и острыми лепестками...

ДОЛИНА КОЛОДЦЕВ

Глубоко внизу, в черноте, за множеством узких каменных колец тускло подергивается на воде кружок отражения неба. Здесь, наверху сушь, жара и ветер. Небо желто-серое от висящих в воздухе песчинок. А во многих из этих старых колодцев стоит вода, снизу приятно веет прохладой...

Перед поездкой Никита показал мне карту генштаба с долиной, усеянной значками колодцев. Населенных пунктов поблизости нет. Долина находилась недалеко от предполагаемого маршрута, но мы решили заехать.

Кубики и усеченные конусы колодцев и примыкающие к ним огромные ванны поилок стоящие в сотне-другой метров друг от друга видны до горизонта. Одни — из простого камня, другие обмазаны снаружи раствором, напоминающим цемент. Большие и поменьше, полуразрушенные и относительно новые... Зачем их так много в одном месте — не знаю. Ведь сделать такие скважины, выложить их камнем непросто. Но сложность процесса привела не к уменьшению количества колодцев, а лишь к тому что почти каждый из них поименован по фамилии владельца. Привычного нам ворота на колодцах нет, все аскетично. Ведь это временный водопой.

Небольшой дождь на Мангышлаке в летнюю жару высыхает почти сразу, сильный ветер довершает дело палящего солнца и высушивает то, что долетело до земли. А если и пролился сильный ливень, то степь становится вязкой глинистой кашей, вади — пересохшие русла сезонных рек, наполняются водой. Но погода меняется и вновь воцаряется сушь. Непростой резко-континентальный климат и скудные осадки вынудили древних жителей Казахстана заниматься скотоводством. И вплоть до XX века кочевое скотоводство было главной отраслью хозяйства этих мест. Оазисов и рек не так много, чтобы все население могло вести оседлый образ жизни и заниматься земледелием.

Я читала, что раньше климат здесь был мягче, более влажный. Поэтому в период бронзы местные жители вели оседлый и полуоседлый образ жизни. А скотоводство и земледелие существовали рядом.

Но сейчас, как и много сотен лет, здесь даже весной жарко, сухо, ветрено и пыльно. Лишь после сильного дождя степь ненадолго зеленеет. Омытая трава непривычно ярко выделяется на оранжевом фоне. Но стоит высохнуть почве, как ветер снова набрасывает на растительность пыль и песок. И степь вновь становится буровато-рыжей.

НАВСТРЕЧУ БУРЕ

Жарким днем здешний ветер приносит облегчение, а с наступлением темноты заставляет кутаться в куртки. За те две майские недели я помню всего два случая штиля. Первый длился часа два и закончился мощным порывом ветра, обрушившимся на лагерь и смешавшим в одну кучу стулья, стол и все, что на нем стояло. Второй штиль также был недолог и прерван сильным ветром. Он поскидывал со стола и разметал вокруг кружки с чаем, тарелки с кашей и продемонстрировал, что килограммовая газовая лампа обладает неплохими летными качествами.

Ветер здесь почти постоянен. 5 м/с — это норма, ведь около четверти года по полуострову гуляют более сильные ветры. А ветры со скоростью 10-12 м/с, врывающи-

еся на Мангышлак раз 5-6 в месяц, вызывают пыльные бури. Поднятый в воздух песок больно бьет по коже, запорашивает глаза, забивается во все складочки и щелочки. Дышать становится трудно, песчинки скрипят на зубах. Мы, как люди непривычные к такому непростому климату, надевали во время бури респираторы и солнцезащитные очки или строительные маски. Сами казахи большей частью спокойно относились к буре, но некоторые все же прятали носы за обычные марлевые повязки.
До этой поездки я думала, что песок и пыль не имеют запаха. Но уже во время первой в той поездке пыльной бури я почувствовала, что по машине разливается странный чуть сладковатый запах. «Перегрелось что-то», — решила я, но снаружи оказался тот же самый запах. Это мелкие пылинки попали в воздухозабор автомобиля.
В тот день еще несколько наших знакомых попали в круговорот песка, пыли и ветра, но благоразумно переждали бурю в гостиницах. Мы же, напротив, устремись внутрь нее. Борьба с сильным встречным ветром увеличила расход топлива почти в два раза. Видимость крайне низкая, всего метров 30-50. Все ,что дальше, скрыто плотной желто-серой клубящейся массой висящего в воздухе песка. Машин на трассе мало, многие предпочитают переждать непогоду.
Несмотря на то, что каждый вечер мы высыпали из воздушных фильтров внедорожников горсть песка, с погодой нам повезло. Ведь могли полить дожди и тогда неизвестно на сколько бы мы застряли в глинистых пустынях Мангышлака.

МНОГОЛИКАЯ ПУСТЫНЯ

Один лишь вид этих скудных пустынных земель вселяет уважение к питьевой воде, которой здесь немного. Да и вкус местной воды часто отличается от привычного. Источники с вкусной, а точнее безвкусной водой редки, гораздо чаще попадаются солоноватые и горькие минеральные родники.
Иссушающие солнце и ветер делают свое дело — и рек с постоянным водотоком на полуострове нет. Зато пустыни здесь можно найти на любой вкус: солончаковые, глинистые, песчаные, каменистые. Людям, не видевшим пустыни ранее, кажется, что это однообразное и скучное зрелище. Мангышлак успешно доказывает обратное. Здесь можно увидеть «классические» ярко-желтые барханы возле Сенека, поросшие перекати-полем Каракумы или огромные каменные сферы — конкреции, раскиданные по оранжевому песку.
Несмотря на жару, я обула ботинки. Нам говорили, что в песке могут водиться скорпионы. Шанс быть ужаленным небольшой, но хочется избежать и его.
Пустыни можно отличить не только по виду, но и на слух. Самые тихие — песчаные пустыни, здесь слышен лишь перекатывающийся песок и редкий шорох ящериц. Глинистые и каменистые пустыни более «шумные». Здесь есть, где укрыться в солнцепек змеям и черепахам, пасутся верблюды, подглядывают из норок толстые любопытные суслики, а иногда слышно пение птиц и шелест скудной растительности.
Советский физико-географ и геоморфолог Борис Александрович Федорович в книге «Лик пустыни» писал: «... *если вы захотите составить себе представление о всех типах пустынь земного шара, о черных, скалистых, голых горах, о сверкающих белизной или нежнорозовых вычурных «каменных городах пустынь» с затейливыми гигантскими башнями, обелисками и замками, если вы захотите увидеть все формы рельефа песков и все типы солончаков, увидеть классические примеры куэст и чинков, посетить сухие котловины, опускающиеся на 130 метров ниже уровня океана, попробовать твердость такыров и посмотреть на мрачность гаммады, увидеть самую тонкую резьбу, проточенную водой, в полной мере ощутить великую работу ветра в пустыне и познать сотни других чудес пустыни, — то лучшего выбора, чем Мангышлак, вы не сделаете. В этой стране на небольшом пространстве, как в заповедной шкатулке, собран весь арсенал разнообразнейших проявлений природы пустынь.*»

ШЕРКАЛА: КАМЕННАЯ ЮРТА НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

На космоснимке Шеркала напоминает гигантскую медузу, со множеством извивающихся щупалец. А с поверхности земли ее облик меняется, в зависимости от точки наблюдения. Поэтому ее сравнивают и с перевернутой пиалой, и со спящим львом, и с юртой...

На заезде с трассы нас встречают фигуры каменных тигров. Хоть и пишут многие, что название Шеркала переводится с тюркского как львиное место или гора, но нередко встречается и перевод «шер», как тигр. К сожалению, точный перевод я сказать не могу, так как в современном казахском языке ни ко льву, ни к тигру это слово отношения не имеет. А вот вторая часть названия « ала» и сейчас обозначает город. Раньше, согласно словарям, это слово означало еще и крепость.

Львиная (тигриная) крепость... С чем связано такое название? Шеркала находится возле ныне забытого караванного пути. Возможно, здесь пролегал Шелковый путь? Рядом есть оазис с речкой и родником с пресной водой — отличное место отдыха после тяжелого пути. А значит, тут должно было быть жилье, и охрана от разбойников. И такое место было: рядом с оазисом Акмыш находятся руины средневековой крепости Кызыл-Кала. Но есть упоминания еще об одной крепости, которая находилась на самой горе. Подняться на покатый купол Шеркалы — это мечта. Но ее воплощение требует снаряжения, хорошей физической формы и смелости. Со всем этим у меня сложности, поэтому пришлось довольствоваться видами снизу.

Интересно описывается история средневековых городов стоявших возле Шеркалы в журнале «Вокруг света» за 1990 год, вскоре после обнаружения их археологами. Андрей Глазунов пишет: «*Когда-то у горы стоял туркменский город Манкашлак. В 1138 году, по утверждению арабского ученого Аль-Хорезми, он был завоеван хорезмшахом Астсызом. Рядом завоеватели построили свой административный центр Кзылкала. Он просуществовал до монгольского нашествия. По легенде, хорезмийцы пытались с ходу захватить городище на Шеркале — последний оплот туркменских племен. Но это им не удалось, скала оказалась для них неприступной. Тогда завоеватели осадили ее. Ждали четыре месяца, но туркмены и не думали сдаваться. Непонятно было, чем они питались, а главное — где брали воду. Значит, сумели пробить такой глубокий колодец? Поняли хорезмийцы, что если не лишить их воды, то не сломить. Решили рыть подземные ходы в надежде обнаружить колодец. И нашли его. Теперь, как только опускался кувшин, веревку обрезали. Положение осажденных стало безвыходным...*»

И сейчас на Шеркале можно найти несколько пещер. Если бы мы с Никитой были вдвоем, то наверное, сели в одной из таких лоджий. С туристическими креслами, столом. И за ужином с вином любовались на вечерние окрестности Шеркалы. Но нас было много, и разместиться в пещерке не получится.

Есть еще одна легенда, связанная с Шеркалой. Говорят, если загадать желание и обойти гору, то оно исполнится. Это около шести километров. У нас нет столько времени и мы просто объезжаем гору в поисках ночевки. Лагерь ставим с той стороны горы, откуда Шеркала напоминает юрту.

Вечереет... По степи за каменной юртой медленно ползет огонек. Кто-то приехал полюбоваться на Шеркалу ночью. И судя по слабеньким вспышкам, даже сфотографировать ее.

Читая про Казахстан, я нередко натыкалась на упоминания о Тарасе Шевченко. Каково было мое удивление, когда просматривая акварели и рисунки этого известного украинского поэта, я наткнулась на те, в которых сразу узнала Шеркалу и окрестности! Две акварели и пять карандашных рисунков посвятил Тарас Шевченко этой горе. По всей видимости он нарисовал их во время экспедиции в Кара-Тау, в которую он попал во время ссылки. Эта геологическая экспедиция почему-то упоминается в биографиях поэта гораздо реже Аральской. «Чиръ Кала-Тау» подписан этюд. И сомнений не остается.

Правда, на одной из акварелей я хоть отлично и узнаю Шеркалу, не могу найти ни на своих или чужих фото, ни

на картах вторую гору, которую автор назвал Кок-Суйру. На рисунке они крупная и находится рядом с Шеркалой. Наконец, по впадине на гребне я все же нахожу это гору на фото.

Тысячелетия стоит каменная юрта под звездым небом, палящим солнцем, дождями, ветрами... Более полутора веков прошло с того времени, как Тарас Шевченко изобразил ее акварелью. А я с легкостью определяю точку, на которой он стоял, когда делал этюд.

Мы уезжаем дальше, Шеркала становится все меньше и лишь белая меловая окантовка на каменной юрте бликует на ярком солнце, так же ярко, как и вблизи.

ЖЫГЫЛГАН: ТАМ, ГДЕ УПАЛА ЗЕМЛЯ

Мы стоим на самом краю огромного, примерно трехкилометрового в диаметре, каменного цирка. Вдали полоска бирюзового Каспия и маленький конус маяка, а у нас под ногами, на полсотни метров вниз царит каменный хаос. Ряды обвалившейся породы расчерчивают цирк. Это урочище Жыгылган — одна из ключевых точек поездки.

Основная версия образования этого гигантского оползня — карстовые явления. И сейчас можно найти на краю Тупкагаранского плато почти отделившиеся выступы породы и мысики. Камни регулярно с грохотом срываются вниз. Из-за этого подходить к обрыву становится страшновато. Жыгылган живой, продолжает расти.

Но не все разделяют мои страхи. Кого-то отвесные стены цирка наоборот наводят на мысль о скалолазании. И, закрепив веревки за подогнанную ближе к краю пропасти машину, Дима спускается вниз.

Я боязливо подхожу к обрыву. Внизу между глыб ярко желтеет в закатном солнце дрок. Где-то метрах в тридцати под нами мелькает ярко-оранжевая Димина каска.

На следующий день мы просыпаемся до рассвета. Подозрительно прохладно и влажно. Стуча зубами, я вылезаю наружу. Все вокруг погружено в туман. Даже соседние машины подернуты белесой дымкой. Вскоре через пелену начинают пробиваться первые отблески рассвета. Низкое солнце делает цветы дрока, которые, кажется, и не закрывались на ночь, еще ярче.

Постепенно туман рассеивается, его стягивает с утесов. Он словно стекает вниз, как огромный призрачный водопад. А лагерь спит и не видит ничего этого. По себе знаю, что утренний сон — самый сладкий, но ради таких моментов готова жертвовать им не задумываясь.

— Иди скорее сюда, — почти шепотом зовет меня Никита, забирая из кофра фотоаппарат, — только тихо...

Он жестами указывает куда-то вниз. Я присматриваюсь. Внизу, под обрывом на одном из огромных глыб стоит муфлон. Крупный дикий баран с закручивающимися в полукольца рогами, весь напрягшись вглядывается куда-то вдаль. То ли он что-то увидел, то ли шли мы не так тихо, как нам казалось, но в какой-то миг муфлон словно взлетел с места, оттолкнувшись всеми четырьмя ногами. Зигзагами понесся куда-то в сторону моря, перескакивая с одного уступа на другой. И через несколько секунд скрылся между камней. Сфотографировать мы его так и не успели.

При всей кажущейся дикости и непригодности для жилья, Жыгылган скрывает много интересного: там, внизу, в хаосе каменных глыб можно найти отпечатки ног древних копытных и кошачьих. Где-то меж глыб спрятались остатки средневековых крепостей и наскальные рисунки. Но я все-таки неуютно ощущаю себя, стоя на границе Тупкагаранского плато и упавшей земли — Жыгылгана.

СТОЯ НАД СТРЕЛОЙ УСТЮРТА

Древние геоглифы, носящие название Стрелы Устюрта, были обнаружены на плато во второй половине прошлого века при дешифровке аэрофотографий, а сегодня их может увидеть на космоснимках любой пользователь интернета.

Геоглифы, если кто-то не в курсе, — это нанесенный каким-то образом на землю рисунок, длиной более четырех метров. Он может быть выполнен в виде рвов или наоборот выложен камнями, высажен деревьями. Какие-то геоглифы видны просто на местности, другие различают-

ся лишь с воздуха. Пример известных геоглифов — рисунки на плато Наска. Но в Перу на плато нанесены все-таки именно рисунки, а назначение Стрел непонятно.

Одно время Стрелы Устюрта были крайне модной в среде путешественников темой. На космоснимках территории Узбекистана и Казахстана можно найти множество Стрел: одинарных, чаще всего двойных и изредка даже тройных. Острия двойных и одинарных Стрел по какой-то известной только их создателям причине, неизменно «указывают» на север.

Меня предупреждали, что на местности эти Стрелы не видно. Но в голове не укладывалось: как это так может быть не видно что-то столь огромное, что отлично различается из космоса? Поэтому в майской поездке по полуострову Мангышлак, я настояла на посещении этого необычного места.

Вечер, скоро стемнеет, а мы скачем по ухабам колей вдоль железной дороги. Потом сворачиваем, еще раз и еще. Я пытаюсь сориентироваться по колеям, которые еле различаются на космоснимке. Все-таки зачастую лучше ухабистая дорога, чем совсем без нее. Но в итоге оказывается, что совсем близко к двойной Стреле Устюрта мы подъехать по дорогам не сможем. Приходится ломиться по степи, старательно объезжая кротовины. Точнее, эти нарытые земляные пирамидки над норками вроде не кротовые, а сусликовые и ежовые, но слов сусловины и ежовины в русском языке нет.

Я видела фотографии Стрел из Узбекистана, так вот там они на поверхности различались. Стрелы казались выложенными камнями. Тут же на местности не было ничего. Кроме, ложбины, к которой нас вывел gps и мое упрямство, да пасущихся на скудной колючей траве лошадей. Впрочем, непарнокопытные уже испуганно передислоцировались в соседнее понижение рельефа. Мы же то заезжаем на возвышение, то спускаемся вниз. Безрезультатно, ничего не видно. Правда, все преимущественно хотят искать Стрелы сверху, с бортика впадины. Там почти цивилизация, так как интернет ловится. А внизу полная дикость и каменный век.

Наверное, Стрелы бы мы так и не увидели, точнее, не разглядели бы, если не оттолоски цивилизации на холме. Через минут 15 мы смогли-таки скачать маленький квадрат карты нужного разрешения в смартфон. Дело в том, что пресловутые стрелы в этом месте были видны на космоснимках только на определенном разрешении. И этого разрешения у нас, конечно, скачано заранее не было.

15 минут неустанного обновления карты увенчались успехом и мы отправились к кончику стрелы. Несколько раз проехали его, так как на местности, и правда, ничего не видно вообще. А потом с крыши машины Никита все же разглядел эту стрелу. Она различалась лишь по небольшому изменению цвета травы, более зеленому на ободке стрелы. Немного заметнее этот эффект оказался на фото. Зачем нужны были Стрелы? Версий несколько. Водостоки, загоны для скота, ну и указатели внеземным цивилизациям, конечно.

Доктор биологических наук Андрей Григорьевич Банников выдвинул такую гипотезу о предназначении Стрел: *«История донесла до нас их названия — араны. Араны представляли собой каменную изгородь высотой в четыре локтя — около полутора метров, перед которой шел глубокий ров. Ямы глубиной более двух метров имели отвесные стены, а дно их покрывали остро отточенные колья. В одну такую ловушку за один загон попадало до двенадцати тысяч сайгаков или сотни куланов! Араны служили по многу лет и подновлялись перед сезонной миграцией.»*

Уже по возвращении домой мне попалась статья из журнала «Вокруг света» за 1982 год о стрелах Устюрта. В ней описывается как группа ученых искали эти Стрелы с самолета. Не один час они налетали над плато, прежде чем смогли разглядеть одну из Стрел. А обнаружили ее так же, как и мы, по зеленой траве вдоль нее. Правда, с земли там еще были заметны сложенная граница Стрелы и ров вдоль нее. Возможно, и увиденная нами Стрелы представляла собой раньше насыпь, стену или наоборот ров, но сегодня рельеф совершенно сглажен и лишь весенняя трава выдает тайну.

Автор статьи приравнивает возраст этого необычного археологического памятника к 15 векам. Памятника,

лежащего под ногами людей, копытами лошадей, но видимого лишь с неба.

ВКУС ДРЕВНЕГО ОКЕАНА

Солончаки — это один из следов Сарматского моря, которое находилось на месте Мангышлака в древности. Несколько миллионов лет назад оно отделилось от доисторического океана Тетис и включало в себя нынешнее Черное море и, возможно, Аральское. В сухую погоду по искрящейся корке солончака можно лететь на автомобиле на скорости более восьмидесяти километров в час. Но в дождь солончаки размокают, и застрять можно надолго.

Еще одно неприятное в дождь место — такыр. Это высохшая соленая почва. Такыр обычно расположен в небольших понижениях рельефа, поэтому в дождь вся вода устремляется на дно этих котловин и образует озерца. Пытаться проехать по такыру в такую погоду бессмысленно — проще дождаться пока дождь закончится и почва подсохнет. В сушь глину такыра разрезает множество глубоких трещин.

Соленые почвы такыров и солончаки показывают, что мы находимся на дне древнего моря. Если присмотреться к домам местных жителей, то можно увидеть еще один признак морского происхождения местности. Очень много построек на Мангышлаке выполнены из ракушечника. Пристанища живых и усопших: дома и мавзолеи, сараи, колодцы, мостовые делаются из этого камня. Тонкие срезы раковин на гранях тесаных блоков сперва кажутся каким-то орнаментом, но приглядевшись, понимаешь, что видишь обитателей здешних мест в древности.

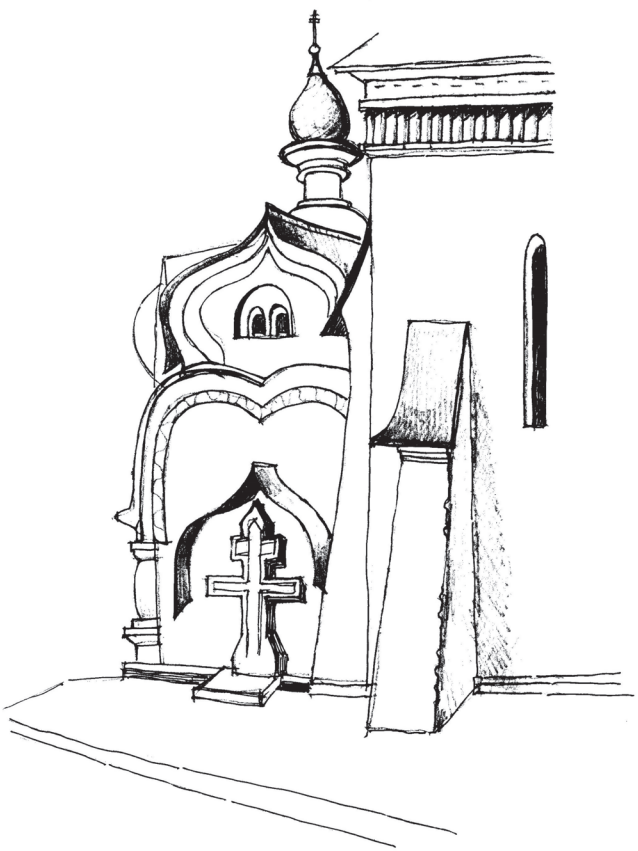
Можно найти на Мангышлаке древних морских жителей покрупнее ракушек. Для этого надо отправиться к меловым скалам, которых на полуострове множество. Про то, что мел — это осадочная порода органического происхождения, многие помнят еще со школьных времен. Протяженные меловые гряды и одинокие выветренные останцы: Бозжира, Шеркала, Туз-Баир и многие другие — это еще одно напоминание о древнем море. Возле каждой меловой скалы можно найти останки головоногих моллюсков юрского периода — белемнитов. Но «чертовы пальцы» часто встречаются и в России. Поэтому стоит приглядеться повнимательнее и, если повезет, отыскать панцири морских ежей или зубы акулы. Предаваться палеонтологическим изысканиям удобнее всего на рассвете и закате. Тогда акульи зубы начинают поблескивать в низком боковом свете солнца. Каждый новый дождь все больше размывает меловые скалы, обнажая сокрытые до этого древности.

Чтобы представить границы древнего Сарматского моря на территории Казахстана, достаточно взглянуть на карту. Пучок горизонталей, возносящий плато Устюрт на высоту до пары сотен метров над окружающей местностью и есть берег доисторического моря. Эти скальные цирки называются чинками. Сегодня увидеть море можно не со всякого чинка, так далеко оно отступило.

В день отъезда ветер на прощание вновь поднял в воздух песок и пыль. Небо угрожало разразиться грозой, поэтому нам надо было срочно выехать за пределы солончака. Наскоро затолкав снаряжение в машины, мы отправились в сторону безопасного в такую погоду грейдера. Глоток апельсинового сока приятно охладил пересохший рот, но показался солоноватым. Я облизнула губы. Они были горько-соленые. Со вкусом древнего океана Тетис.

СКРЕЩЕНЬЕ ДАТ

130 лет со дня рождения Константина Паустовского (19 [31] мая 1892, Москва — 14 июля 1968, Москва) — писатель, сценарист, переводчик, журналист, военный корреспондент. Четыре раза был номинирован на Нобелевскую премию по литературе (1965; 1966; 1967; 1968).

Из книги «Время больших ожиданий», рассказ «Хитросплетение обстоятельств»:

«Володя Головчинер любил глубокомысленно говорить, что жизнь наша зависит от причудливого и неожиданного сплетения обстоятельств. При этом он в доказательство своей правоты приводил слова из чеховского «Иванова»: «Жизнь наша, жизнь человеческая, подобна цветку, произрастающему в поле. Пришел козел, съел — и нет цветка!».

Торелли соглашался с Володей и говорил, что, может быть, на всем земном шаре жизнь и течет закономерно, но что касается Одессы, то за это поручиться нельзя.

Он утверждал, что Одесса — взбалмошный город, где возможно все, вплоть до уличных боев из-за венских стульев. При этом Торелли вспоминал случай во время интервенции Одессы в 1919 году.

Интервенты разделили город на четыре зоны: французскую, греческую, петлюровскую и деникинскую. Каждая зона была отгорожена от соседней рядами венских стульев. Однажды петлюровцы воспользовались тем, что французский часовой отлучился с поста по нужде, и перетащили часть стульев к себе — отхватили большой кусок чужой территории. Возмущенный часовой поднял, по словам Торелли, «страшный шухер» и начал даже стрелять.

Но как бы там ни было, все же в том случае, о каком речь будет ниже, Володя Головчинер оказался прав: произошло причудливое и неожиданное сплетение (или, как говорил Володя, «хитросплетение») обстоятельств.

В самый разгар блокады, когда почти полная отрезанность от мира сообщала одесской жизни даже некоторый оттенок беззаботности, ранним летним утром ко мне в дворницкую постучался Торелли.

— Вставайте! — крикнул он мне через дверь. — Кажется, в Одессе началась новая интервенция.

Я вскочил. В Одессе можно было ожидать чего угодно. С обрыва над Ланжероном мы с Торелли увидели затянутый голубоватой и нежной дымкой порт, увидели, как пышно выразился Торелли, «розовоперстую Аврору», — тонкие пряди облаков над морем, освещенные тихой зарей, и на прозрачной воде порта — два огромных и неуклюжих океанских парохода под французским флагом. Рядом с пароходами стоял элегантный и длинный, как серая сигара, французский контрминоносец «Лейтенант Борри». Прозрачный дым струился из его труб, а медные части пылали на палубе десятками жгучих солнц.

Мы пошли в порт, но нас туда не пустили. Порт был оцеплен отрядами красноармейцев и наших матросов.

Французские транспорты медленно и осторожно подтягивались к причалам.

Мы узнали, что контрминоносцем «Лейтенант Борри» командовал известный и весьма изысканный французский писатель-моряк Клод Фаррер, автор книги «В чаду опиума».

Само по себе это было тоже интересно. Но гораздо интереснее была высадка, тотчас же начавшаяся с французских транспортов.

С них в полном порядке и тишине спустились не зуавы и не кофейные сенегальцы и даже не солдаты французского Иностранного легиона, а наши русские солдаты в новенькой, с иголочки, защитной форме, но без оружия. Единственное, что отличало их от солдат старой царской армии, — это скрипучие краги из желтой глянцевитой кожи.

Солдаты строились на пристани и уходили в казармы в сопровождении советских командиров.

Да, через час мы уже знали все. Это «все» заключалось в том, что во время первой мировой войны по прихоти Николая Второго во Францию был отправлен корпус русской пехоты, так называемый Экспедиционный корпус. Солдат везли морем из Владивостока в Марсель.

Корпус высадился в Марселе и промаршировал через Париж перед восхищенными француженками, осыпавшими офицеров и солдат цветами.

Президент республики принял парад русских войск около Триумфальной арки. Солдаты прошли перед президентом с залихватской песней:

Чубарики-чубчики, горе не беда!

Потом в России произошла революция, русские солдаты, естественно, отказались воевать, и французы увели их в тыл, в лагеря для военнопленных. Там наши солдаты просидели несколько лет, требуя возвращения на родину и время от времени устраивая бунты, вызывавшие панику во французском правительстве.

В конце концов французы решили избавиться от русских, погрузили их на морские транспорты и, договорившись с Советским правительством, отправили под конвоем в Одессу.

Вся Одесса повалила на портовые спуски приветствовать русских солдат. Их обнимали, целовали, дарили цветы.

Но затем произошло нечто совершенно загадочное.

Когда разгрузка была окончена и транспорты туг же отвалили от причалов и в сопровождении контрминоносца «Лейтенант Борри» начали вытягиваться на рейд за Воронцовский маяк, со стороны нашей Черноморской улицы раздался громоподобный орудийный залп, и полоса шрапнели разорвалась перед носом транспортов.

Транспорты застопорили машины, а контрминоносец развернулся бортом к Одессе, и тотчас же на его боевой рубке замигали ослепительные вспышки фиолетового огня: миноносец начал какие-то торопливые переговоры с берегом.

На оцепленном Приморском бульваре устанавливали орудия. Сосредоточенные и суровые матросы с маузерами на поясах работали молча и быстро.

Тотчас же вся Одесса узнала, что в трюмах транспортов был спрятан большой груз оружия, вплоть до легких танков.

Французы решили одним ударом убить двух зайцев: избавиться от революционных русских солдат, а на обратном пути из Одессы в Константинополь зайти в Крым и выгрузить оружие Врангелю.

Одесские власти узнали об этом от солдат Экспедиционного корпуса и запросили по радио распоряжения из Москвы.

Москва приказала не выпускать французские транспорты и потребовать от французов, чтобы во избежание излишнего кровопролития врангелевское оружие было выгружено в Одессе.

Французы упорствовали. В Одессе говорили, что всю эту наглую и жульническую историю с оружием придумал генерал д'Ансельм. Даже его союзники — деникинцы — считали, что д'Ансельм глуп, как пробка, и скуп, как Плюшкин.

Прошло два дня. Вся Одесса толпилась на берегу, гадая, чем все это кончится. Французы упорствовали и держали в котлах пар: трубы транспортов все время дымились.

Очевидно, французы искали какого-нибудь выхода из положения, в котором был бы хоть оттенок благородства. Но они, конечно, ничего не придумали, кроме применения грубой силы.

Из Константинополя в Одессу была отправлена сильная эскадра французских военных кораблей. Командующий эскадрой передал в Одессу радио с угрозой открыть по городу огонь из тяжелых орудий и снести весь город, если транспорты не будут отпущены.
Я помню до сих пор ту жгучую горечь и досаду, когда мы узнали, что Москва предложила выпустить французов, чтобы спасти Одессу. Тогда мы еще не были так сильны на море, чтобы принять бой со всей французской эскадрой.
В день ухода французских транспортов я пошел на Фонтаны, оттуда было видно открытое море. С обрывистого берега я увидел морской горизонт, затянутый пеленой тяжелого и непроницаемого дыма. Это подходила французская эскадра. Она остановилась ;в нескольких милях от берега, дожидаясь своих транспортов.
Транспорты уходили полным ходом. За ними несся, юля и перебегая от транспорта к транспорту, контрминоносец «Лейтенант Борри». Все же одна из наших батарей не выдержала и дала вслед уходящим французам залп шрапнелью.
Я испытал тогда жестокую обиду за Францию и за французов, обиду за великую французскую культуру, за Дидро и Вольтера, Гюго и Стендаля, за Золя и Коро, за Пастора и Делакруа, за всех великих французов, которых никто из нас не отделял от русских. Они казались нам такими же родными, как Пушкин, Толстой, Чехов, Они были жестоко унижены политическими маклаками Франции и их представителем — надутым, как петух, генералом д'Ансельмом. Я представлял себе, с каким холодным презрением Стендаль или Гюго приказали бы расстрелять этого генерала за его трусливую подлость.

115 лет со дня рождения Арсения Тарковского (25 июня 1907, Елисаветград, Херсонская губерния — 27 мая 1989, Москва). Поэт, переводчик с восточных языков.

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.
Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.
Мне вон тому сказать необходимо:
«Иди сюда, и смерть промчится мимо».
Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,
И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,
И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,
И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.
Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.
Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,
Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.
И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.
Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.

1945 г.

100 лет назад, в 1922 году: Михаил Булгаков — начал работу над романом «Белая гвардия», в котором не напрямую, но вспоминает любимую дачу семьи Булгаковых под Киевом в Буче, её в 1918 г. сожгли то ли петлюровцы, то ли большевики, сейчас Буча на слуху. Мистика никогда не покидает всё, что связано с Булгаковым. Из романа «Белая гвардия»:
— Що вы, мадам, це полковник.
— Ах, неужели? А где же Петлюра?
— Петлюра во дворце принимает французских послов с Одессы.
— Що вы, добродию, сдурели, яких послов?
— Петлюра, Петр Васильевич, говорят (шепотом), в Париже, а, видали?
— Вот вам и банды... Меллиен войску.
— Где же Петлюра? Голубчики, где Петлюра? Дайте хоть одним глазком взглянуть.
— Петлюра, сударыня, сейчас на площади принимает парад.

— Ничего подобного. Петлюра в Берлине президенту представляется по случаю заключения союза.
— Якому президенту?! Чего вы, добродию, распространяете провокацию.
— Берлинскому президенту... По случаю республики...
— жил на Большой Садовой в доме 10, в квартире 50, которая и стала, по всей видимости, прототипом «нехорошей квартиры» в романе «Мастер и Маргарита».

Из интервью журналиста Нины Давыдовой с кинорежиссёром Юрием Карой.

Н.Д. — В *мае 1994 года, в день рождения Михаила Булгакова, в студию Радиодома на Пятницкой удалось пригласить влюблённых в творчество Булгакова людей: литераторов, режиссёров, актёров, булгаковедов, журналистов. Ждали начала прямого эфира, но некоторые гости передачи нервничали и с некоторым опасением спрашивали меня: «А Вы не боитесь, что передача не состоится, мистики не опасаетесь?» Почему-то я была спокойна, хотя накануне такой же вопрос по телефону мне задал режиссёр Юрий Кара, только что отснявший фильм по роману «Мастер и Маргарита» и звонивший уточнить, как пройти в Радиодом. Я бодро проговорила: «Надо выйти из метро «Новокузнецкая» и перейти трамвайные пути». В этом месте мы потрясенно помолчали, сразу вспомнив Берлиоза. Потом, усмехнувшись, Юрий Кара и спросил: «А Вы не боитесь всякой мистики на передаче?»*
Злоключения автора фильма с прокатом фильма только начинались. За несколько дней до эфира Ю. Кара дал мне телефон продюсеров, чтобы я позвонила им и попросила дать на эфир хотя бы фрагмент из музыки к фильму. Разговаривали продюсеры со мной насторожённо и отказали без объяснения причин (фильм Юрия Кары, снятый в 1993 году, увидел свет только в 2011 г.) Но звезды в день эфира были благосклонны к булгаковской теме. Всё не только обошлось, но удалось даже сделать запись программы на кассету:

Н.Д. — У нас сегодня в гостях режиссёр Юрий Кара, который снял фильм по роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».
Я фильм не видела, но слухами полнится земля, и слухов много, поэтому расскажите, пожалуйста, о своей экранизации знаменитого романа.

Ю.К. — Фильм давно хотели снять, и подступались к этому огромному и замечательному роману многие режиссеры уже, когда я закончил съемки, ко мне подходил и Ролан Быков, и Аскольдов, и Наумов. Говорили, что хотел и Полока снять фильм. Просто огромное количество людей. И то, что мне удалось... Я даже не знаю, в чем моя такая заслуга, почему я был избран, но должен сказать, что это была тяжелейшая работа и, в то же время, очень интересная. Потому что изучить рукописи, хранящиеся в Ленинке, пройти по всем этим местам... Мы побывали на всех тех улочках и во всех тех местах, которые описывают и литературоведы, и специалисты, и булгаковеды. Может быть, одна из самых главных ценностей фильма то, что он практически снят во всех тех местах, о которых писал Михаил Афанасьевич: и подвальчик мастера, который он описывает, и тот камин, где была сожжена рукопись... Возможно, в этом одна из самых главных ценностей фильма. Мы не могли никуда отступить в сторону — роман вел за собой. Он сам выбирал, что нужно. Выбирал нужных художников. Их сменилось около семи человек, сменилось восемь операторов...

Н.Д. — Вы снимаете с себя ответственность, вы всё перекладываете на то, что вас водила судьба?

Ю.К. Конечно, люди, которые работали, они все были влюблены в Булгакова. Вся съемочная группа была влюблена в Булгакова, они работали практически бесплатно, за какие-то там гроши. Но не каждому дано понять всю многогранность романа.
Несколько композиторов было. И только вот в конце человек, который сказал, что никогда больше не будет писать в кино, десять лет не работал, но посмотрел материал прервал молчание — и написал. Композитор Шнитке Альфред Гарриевич написал замечательнейшую музыку для фильма,

Знаете, многие ведь пытались, но не всем удавалось, потому что роман ставил какие-то испытания, нужно было пройти, понять, осмыслить.

Вот даже то, что сейчас существует книга, но она же по рукописи 1938 года. После этого Михаил Афанасьевич переписывал, дорабатывал какие-то главы, постоянно менял что-то в романе. Я знаю, что у Константина Райкина в театре попытались поставить роман на какие-то стишки, переписали в стишках «Мастера и Маргариту». У Климова была какая-то фантазия совершенно далёкая от Булгакова. Такое впечатление, что тоже был какой-то затык. На Таганке — они всё-таки ближе были. Вот Вы сказали, что я снимаю с себя ответственность. Но были какие-то запреты у нас. Вначале было не так много денег, и мы хотели Ершалаим снять в Крыму. Построили огромную декорацию в Судаке, но случилось всё, чтобы мы там не снимали. Михаил Афанасьевич, я должен подтвердить, ни разу не был заграницей, но насколько точно почувствовал и передал в романе атмосферу, настроение Израиля, всех библейских мест! А у нас случилось всё, чтобы в этой декорации не снималось: не достали плёнку вовремя, даже снег выпал в октябре месяце в Крыму — такого никогда не было, какие-то неприятности с оператором случились. Я приехал в Москву — нужно было менять срочно — и я мчался к нему по Садовому кольцу, вылетел из-под тоннеля на площади Маяковского и, вы не поверите, прямо напротив арки нехорошей квартиры машина, новая машина абсолютно, сломалась — сцепление полетело. И я в этой давке остановился прямо напротив подъезда, там, где какой-то нехороший человек сбил со стены барельеф, посвященный Мастеру и Маргарите. Очень жаль, кстати. И я понял, что это знак, что в Крыму снимать не надо. Меня пытались заставить, но я говорил: «Нет, снимать надо только в Израиле, только в тех местах, где всё и происходило». Так мы и поступили. Актёры тоже менялись: судьба взяла и ввела других. Маргариту замечательно сыграла благородная и несущая в себе огромный древний заряд культуры Настасья Вертинская. Ироничный, блистательный Валентин Гафт в роли Воланда: они настолько схлестнулись в своей иронии к этому миру... Это даже не сатана — это именно та сила, которая помогает людям выжить здесь. Даже в подъезде этом булгаковском есть надпись: «Воланд, приди в Москву — слишком много нечисти развелось!» Это сейчас.

И действительно, вот официально день рождения Булгакова 15 мая. Но в воспоминаниях Елены Сергеевны написано, что они праздновали 16-го — и я обычно прихожу на Новодевичье с цветами 16-го. Когда было столетие, пышные праздники, столько речей было сказано... И я пришёл на следующий день, думаю, что мои скромные цветы никто не заметит. И ни одного венка не было официального, только скромные цветы от людей. Это клуб одиноких сердец, которые читают Булгакова для того, чтобы черпать там душевные силы. И вот тоже самое Воланд у Гафта — это существо, которое приходит, чтобы очистить Москву от нечисти. Это не сатана даже. Иешуа замечательно сыграл Николай Бурляев — это настолько чистый человек, настолько он проникнут был идеей, это одна из главных удач. Кота Бегемота — Виктор Павлов, а Коровьева — Александр Филипенко, с которым хорошо сочеталась его артистичность эстрадная, та, что присуща его характеру и просто на него удовольствие было смотреть. А мастера сыграл Виктор Раков — молодой, очень приятный интеллигентный актёр, и у них, мне кажется, очень хороший получился альянс с Маргаритой — Анастасией Вертинской. Геллу сыграла Саша Захарова, она очень интересная, и в разных своих проявлениях была. И вот вы знаете, ещё одно огромное открытие для нас: это Сергей Гармаш в роли Бездомного, я даже не знал, насколько это интересно.

Другое дело, что сейчас государство кино практически не снимает.

К сожалению, иногда финансируют случайные люди. Спасибо, конечно, что они профинансировали. Они сейчас держат это произведение в своих руках, и не знают, что с ним делать, не знают, как сложить цену. Они понимают, что это ценность какая-то. Картина держится на том, что что-то закладывается-перезакладывается.

Артисты даже не видели ещё картины, а она уже готова. Очень жаль, ведь нас приглашали немцы, итальянцы, приглашали на Каннский фестиваль ...

— 100 лет со дня рождения Сигурда Оттовича Шмидта (15 апреля 1922, Москва — 22 мая 2013, Москва) — историк, краевед, специалист в области источниковедения и истории России XVI–XIX веков. Доктор исторических наук, профессор, академик. Всю жизнь прожил на Арбате, в Кривоарбатском переулке, дом 12. «Его квартира — это своеобразный мемориал краеведческого движения. Там побывали все самые известные наши краеведы, а также все его ученики, среди которых, если не ошибаюсь, более 60 кандидатов наук и несколько докторов исторических наук, у которых он был научным руководителем или консультантом.» (*Владимир Козлов, зав. кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ*). На всю Россию был знаменит его кружок источниковедения, кружковцы даже гимн шутливый сочинили: «Среди нас он сидит,/ Головою качая лохматой./ Пылеглот, эрудит,/ И пока что еще неженатый»... И как в этом небольшом отрывке из гимна чувствуются сразу и любовь, и бесконечная теплота и восхищение учителем, так чувствуется и отсутствие, даже невозможность панибратства. Сигурд Оттович был из энциклопедистов, его увлечённость Историей, предложение собеседнику беседы на самом высоком уровне знаний, но при этом без какого-либо унижения не столь знающего коллеги, подкупали, хотелось ещё встретиться, ещё задать тьму вопросов и обсудить. Вот эта возможность не менторского ответа притягивала: Сигурд Оттович не только свою версию событий предложит, но и тебя выслушает, назначив собеседником, а не просто внимающим. Но при этом был и строг, и беспощаден, если на то были серьёзные основания.

Помню, как я пригласила Сигурда Оттовича на радиопередачу о Москве, это был первый прямой эфир на передаче «Московские окна» на радио «Надежда». Он сразу согласился, много и, как всегда, захватывающе рассказывал. На эфире мы объявили викторину, а победителей пригласили встретиться сразу после передачи на Патриарших прудах и получить призы. Передача закончилась, и Сигурд Оттович предложил пойти вместе на Патриаршие, очень ему захотелось познакомиться с призёрами. Пока мы добирались с Пятницкой до места встречи, обстановка в городе стала резко меняться, ведь это было 3 октября 1993 года. Мы ещё не знали о призывах штурмовать мэрию и Останкино, прорываться к Белому Дому, но выстрелы были уже слышны. До Патриарших добрались два победителя викторины, мы вручили им призы под звуки перестрелки, около получаса, наверно, постояли около знаменитой булгаковской скамейки — что-то не сиделось в такой день... И расстались с надеждой на мирный исход. Слава Богу, ненадолго: встречались на выставках, презентациях, обсуждениях. Тем более, что Союз литераторов был не чужд Шмидту, его ученики были и членами Союза, и публиковались в альманахе «Словесность». (*из воспоминаний Н.В. Давыдовой, члена редсовета альманаха).*

— 100 лет назад, осенью 1922 года, петроградский порт покинули два судна, насильно увёзшие в эмиграцию представителей российской интеллигенции. Это событие получило условное название **«Философский пароход».** В. И. Ленин весной 1922 г. предложил заменить смертную казнь для выступающих против советской власти высылкой их за границу. Отплывали пароходы и из Одессы и Севастополя, переправляли неугодных поездами из Москвы. Философ Николай Бердяев, один из отправленных в эмиграцию, писал: «Все чувствуют в нынешний мировой день, что Россия стоит перед великими мировыми задачами. Но это глубокое чувство сопровождается сознанием неопределенности, почти неопределимости этих задач. С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия — особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы как Третьего Рима, через славянофильство — к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам».

— 20 лет назад, в 2002 году, в издательстве «АиФ-Принт» вышла книга Юрия Мамлеева «Россия вечная».

Предлагаем небольшой отрывок:

«Мы прошли великий путь. Мы узнали, насколько сакральна и важна для нас русская литература, литература пророков, гениев и национальных ясновидцев, почувствовали внутренний трепет Невидимого древнего мировоззрения нашего, ощутили пространство нашей протоистории, которое до сих пор живет в нас; мы познали дыхание Великого Хаоса, из которого исходит многое наше непостижимое и который охраняет нас от сапог мировых порядков; мы можем теперь проникнуть и в таинственную русскую вторую реальность, скрытую за маской повседневности; перед нашими глазами еще раз — уже который! — прошла Святая Русь во всем ее величественном Единении всемирного мессианства и национального начала (ведь православие — это сокровенный оплот и центр христианства); чрез нашу душу прошла вся непостижимая уму загадочность России, воспетая ее великими поэтами, ее разрывающая сердце противоречивость, ее высшая отстраненность и в то же время любовь к бытию; мы увидели, как наяву, судорогу ее странных сект; и, наконец, предощутили, что даже Окаянная Русь — не какие-то отбросы, а, напротив, даже в греховных проявлениях России есть, пусть и скрытый, аспект выхода, некое тайное, запрятанное «зерно», благодаря которому почти любые формы бытия России становятся парадоксально-драгоценными; мы познали и великую восточную суть России, которая ведет в бездны самопознания; мы познали, таким образом, восставшую из времени Русь Востока; предощутили сибирскую мощь и дух;...и дальше... дальше... Россия, обращенная в Себя. И, через все эти Лики России, то появляющиеся, то исчезающие, чрез всю ее плоть и дух — проходит мистерия Любви, Любви к России ее сынов и дочерей; Любви, временами такой же сверхъестественной и непостижимой по своей глубине, как и сама Вечная Россия.

Да, несомненно, мы — и не Восток и не Запад, не Европа и не Азия, и не их синтез, хотя отдельные черты всего этого у нас есть. Но даже то, что было взято нами — быстро и стихийно; неодолимой творческой силой России преображалось в «другое», в наше, в свое... И неужели не ясно, что мы — особая, самобытная, ни на кого не похожая, уникальная цивилизация, которая еще только начинает свое восхождение, восхождение, которое может вывести ее за пределы того человечества, которое существует сейчас на Земле.

Прежде чем предугадывать видимые кем-то и теперь черты Вечной России, нужно погрузиться в Ее метафизическую суть, ибо все остальное — производное от духовного Центра, от Истока. Сила выше человеческой Интуиции, медитации, созерцания и откровения может вести нас туда, где находится наш Исток. «Мы обладаем гениями всех наций и, сверх того, русским гением» (Достоевский).

Этот последний, особенный гений свойствен только нам и нам принадлежит до конца. И пусть он ведет нас в бездну Самораскрытия, в бездну Вечной России... И все-таки, раскрывая постепенно все скрытые и явные Лики России, о глубинах которых еще речь впереди, мы чувствуем, что чего-то, самого главного, самого таинственно-

го, самого непостижимого и самого эзотерического нам не хватает. Тем не менее присутствие этого самого эзотерического и закрытого «уровня» чувствуется во многих Ликах России, да и в ней Самой, в ее Вечной сути. Иначе не было бы мистического предвосхищения России как такой реальности, которая выходит далеко за пределы всякой данности.

Необходимо погрузиться в поиск этого неуловимого, но внутренне присутствующего, ядра, в поиск уровня, выходящего за пределы нашего среза Вселенной».

Материалы в раздел подготовлены Ниной Давыдовой

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ МАТЕРИАЛОВ АЛЬМАНАХА

Цифра означает номер раздела, в скобках указан псевдоним автора, а через запятую дополняющая информация

Аввакум, Протопоп 7
Аверина Любовь 1
Аверченко Аркадий 7
Андреев. Владимир 7, 14
Артишевская Зинаида 14
Архипова Марина 14
Аскольдов Александр 18
Багратион-Мухранели Ирина 12
Баламут Лада 10
Бальмонт Константин 7
Баранов Дмитрий 14
Бель Мари-Анри (Стендаль) 18
Бетоньян Тамара 12
Блок Александр 7
Бондаренко Андрей 14
Брюсов Валерий 7
Булгаков Михаил 7
Булгакова Елена 18
Бунин Иван 7
Бурдонов Игорь 12
Бурлюк Давид 7
Бурляев Николай 18
Быков Ролан 18
Вадимов Вадим 8
Вальс Евгений 3
Ванханен Наталья 4
Вернский Тимофей 14
Вертинская Анастасия 18
Виноградова Анна 12
Волков Сергей 14
Волкова Людмила 6
Воловик Александр 10
Вольтер 18
Воронов Леонид Александрович .. 6
Вяземский Пётр 7
Гармаш Сергей 18
Гафт Валентин 18
Гейченко Сергей 12
Глазков Николай 7
Головчинер Владимир 18
Горбачёва Марина 11
Гордиенко Марина 9
Гордиенко Татьяна 10
Горохова Татьяна 15
Горький Максим 7
Граматунова Вера 11
Григорьев Денис 3
Грубов Василий 10
Гурылёва Мария 14
Гюго Виктор 18
Давыдова Нина 1, 18
Д'ансельм, Генерал 18
Дегтерёва Анна (Лиса) 6
Делакруа Эжен 18
Денисов Сергей 7
Дербенёва Анна 1, 2
Дидро Дэни 18
Достоевский Фёдор 7
Елесина Татьяна 8
Елисеев Андрей 8
Ермакова Марина 14
Ерохин Дмитрий 6
Ждан Дмитрий 8
Жуков Николай 7
Жуковский Максим 10
Зайцева Анастасия 13
Запенцовская Владислава 8
Захарова Александра 18
Зверев Вадим 16
Звягин Владислав 8
Золя Эмиль 18
Зубарев Алексей 1
Иванова Анна 6
Илюхин Борис 10
Казакова Вера 10
Калиниченко Николай 2, 6
Камалиев Ринат 6
Канарская Суламифь 12
Кара Юрий 18
Касьянов Андрей 8
Кекконен Урхо 7
Кент Рокуэлл 7
Керенский Александр 7
Кирс Ксения (Пуля) 6, 15
Кирштайн Ингрид 12
Кифа Пётр 6
Клейман Тамара 16
Климов Элем 18
Ковалевский Валерий 12
Колесников Иван 16
Коллегорский Виктор 13
Кормилицына Татьяна 16
Коро Камиль 18
Косьмина Дмитрий 11
Кравец Галина 8
Крафт И.И. 14
Круглина Юлия (Неп) 6
Кручёных Алексей 7
Кручинина Ольга 10
Крылова Любовь 14
Крысин Роман 8
Кузьмин Михаил 7
Куксин Константин 6
Куприн Александр 7
Курилов Дмитрий 6
Кустов Владимир 16
Лазарева Зоя 9
Лазаренко Ирина 10, 15
Ласкателева Олеся 8
Ласунский Олег 7
Леонова Татьяна 14

Лужинский Рустик, Иерей 3
Лысакова Фалена 2, 5
Львова Тамара 3
Любимова Екатерина 6
Любимова Лиа 6
Ма Фея 7
Малов Дмитрий 14
Малышев Алексей 14
Мамлеев Юрий 18
Маркевич Максим 12
Маслов Алексей (Магистр) 6
Матвеев Станислав 3
Матвеева Марина 3
Маяковский Владимир 7
Мерцалова Марина 10
Миронова Ксения 6
Миронова Мария 10
Митько Михаил 3
Михайлина Анна 12
Мольер Жан-Батист Поклен 7
Монахов Владимир 8
Мукасеева Валентина 9
Наумов Владимир 18
Никитенко Константин 16
Никифоров Николай 7
Николай Второй, Император 18
Николаев Михаил 1
Никулин Юрий 7
Няч Софья (Игла) 8
Овечкин Станислав 16
Овчаренко Тамара 1
Оганесян Лидия 10
Орловская Елена 10
Павлов Виктор 18
Пальванова Елена 16
Паустовский Константин 18
Пелихов Денис 14
Петлюра Симон 18
Петрович-Сыров Александр ... 1, 16
Пикассо Пабло 7
Полока Геннадий 18
Пономаренко Пётр 10
Попова Анна 8
Прокофьева Алла 14
Прокофьева Виктория 14
Пушкин Александр 7, 11
Пыхов Владимир 1, 12
Райкин Аркадий 7
Райкин Константин 18
Раков Виктор 18
Редков Сергей 14
Ремизов Алексей 7
Рожкова Наталья 12
Романова Агния 11
Руделёв Владимир 7
Селектор София 10
Семиречкина Неля 8
Серова Людмила 12
Сидоров Сергей 16
Силаева Нина 6
Склярский Илья 5
Сологуб Фёдор 7
Солодовникова Елизавета 6
Сорокин Роман 6
Соцкова Виктория 11
Степная Вера 14
Стеркина Наталья 12
Строганов Александр 14
Сырова Ирина 4
Сысоев Вячеслав 12
Тарковский Арсений 18
Тачков Григорий 6
Тихомирова Надежда 14
Тихонов Алексей 6
Тихонова (Ширшикова) Любовь .. 6
Толстой Лев 7
Торелли (друг К. Паустовского в Одессе) 18
Трясцина Наталья 11
Тэффи Надежда (Н. Лохвицкая) .. 7
Углов Никодим (Оранжевый Дик) 8
Усова Кристина 10
Успенская Людмила 8
Фаррер Клод 18
Фёдор Алексеевич, Царь 7
Филипенко Александр 18
Хлебников Велимир 7
Хлыбова Марина 17
Хозяинова Наталья 16
Царёва Татьяна 10
Цветаева Марина 7, 10, 12,
Цельмович Владимир 11
Цесельчук Дмитрий 1, 4
Циолковский Константин 7
Чекмаев Сергей 15
Чернева Элина 6
Черный Саша 7
Чернышёв Василий 10
Чехов Антон 18
Чилап Олег 1
Шаврина Валентина 1
Шарапова Алла 4
Шарапова Наталья 9
Шевченко Татьяна (Юта) 6
Шестакова Лариса 9
Шмидт Сигурд 18
Шнитке Альфред 18
Шульгин Василий 18
Щедрина Татьяна (Т. Бобро) 14
Щербак-Жуков Андрей 12
Щербакова Анна 12
Яворская Елена 8
Якимова Галина 4
Якубович Борис 16
Янхир Александр 8
Яшина Ольга 14

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА (1)

1160 лет российской государственности 1
Олег ЧИЛАП. Рос и я... Стихи 1
НОВОРОССИЯ 4
Михаил НИКОЛАЕВ. Да и что говорить –
дали нам прикурить!.. Стихи 4
Анна ДЕРБЕНЁВА. Стихи
Новоросская весна 4
День Победы 5
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Стихи
Родина 5
Денацификация 6
Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ. Стихи
Не трогайте поэта... 6
Эпитафия 6
Целина 6
Любовь АВЕРИНА. Дом моего детства.
Рассказ 6
СИБИРЬ 8
Валентина ШАВРИНА. Вкус родниковой воды.
Рассказ 8
Тамара ОВЧАРЕНКО. День оленевода. Рассказ ... 11
МОСКВА 16
Нина ДАВЫДОВА. Москве 875!!! 16
Людмила СЕРОВА. Воспоминание. Стихи 17
Алексей ЗУБАРЕВ, Владимир ПЫХОВ. 150 лет
МГПИ! Воспоминания на два голоса 17

БАЙКОНУР (2)

Июнь 2022 24
Николай КАЛИНИЧЕНКО. Байконур. Стихи ... 24
Фалена ЛЫСАКОВА, Анна ДЕРБЕНЁВА.
Союз литераторов на Байконуре или
КОСМОС НАШ! 25

ГЕОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ (3)

Архангельск – Симферополь – Омск 29
Иерей Рустик ЛУЖИНСКИЙ. Два дня.
Рассказ 29
Марина МАТВЕЕВА. Стихи 35
Денис ГРИГОРЬЕВ. Тайный приказ. «Северная
роза». Рассказ 36
Станислав МАТВЕЕВ. Маричка. Рассказ 42
Михаил МИТЬКО. Стихи 44
Тамара ЛЬВОВА. Божий промысел. Рассказ 44
Евгений ВАЛЬС. Часы Наполеона. Рассказ 49

МОСКОВСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ (4)

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Стихи 57
Алла ШАРАПОВА. Стихи 60
Наталья ВАНХАНЕН. Стихи 64
Галина ЯКИМОВА. Две жизни Прекрасной Дамы.
Статья 68

ДЕБЮТ В АЛЬМАНАХЕ (5)

Фалена ЛЫСАКОВА. Город Мечты. Рассказ 78
Илья СКЛЯРСКИЙ. За стеклом. Рассказ 84

МОСКОВСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ (6)
Нина СИЛАЕВА. Возвращаемимена. Живописец Л.А. Воронов. 85
Секция «Кашалот»: Николай КАЛИНИЧЕНКО, Екатерина ЛЮБИМОВА, Роман СОРОКИН, Алексей ТИХОНОВ, Елизавета СОЛОДОВНИКОВА, Любовь ТИХОНОВА (ШИРШИКОВА), Ринат КАМАЛИЕВ, Элина ЧЕРНЕВА, Лиа ЛЮБИМОВА, Пётр КИФА, Дмитрий ЕРОХИН. Стихи, рассказы, эссе 92
Секция «Северный Крест»: ПУЛЯ (Ксения Кирс), Анна ИВАНОВА, МАГИСТР (Алексей Маслов), ЛИСА (Анна Дегтерева), НЕП (Юлия Круглина), Григорий ТАЧКОВ, ЮТА (Татьяна Шевченко), Людмила ВОЛКОВА, Константин КУКСИН. Стихи, эссе 102
Секция «Авторы песен»: Дмитрий КУРИЛОВ. Стихи 110
Секция «Художественный перевод»: Ксения МИРОНОВА, Стихи на китайском 113
СКРЕЩЕНЬЕ ДАТ (7)
М. Цветаева, Ж-Б Мольер, М. Булгаков, протопоп Аввакум, царь Фёдор Алексеевич, П. Вяземский, А. Пушкин, К. Циолковский, К. Бальмонт, Н. Тэффи, Д. Бурлюк, В. Маяковский, В. Хлебников, А. Крученых, Ф. Достоевский, Л. Толстой, В. Брюсов, М. Горький, А. Куприн, А. Блок, Ф. Сологуб, А. Ремизов, А. Аверченко, С. Черный, М. Кузмин, И. Бунин, В. Андреев, Н. Никифоров, А. Керенский, В. Шульгин, Н. Жуков, Ю. Никулин, А. Райкин, Н. Глазков, Р. Кент, П. Пикассо, О. Ласунский, В. Руделёв, У. Кекконен, С. Денисов, Ма Фея 114
ГЕОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ (8)
Тарко-Сале (ЯНАО) – Липецк – Орел – Братск 123
ИГЛА (Софья НЯЧ). Стихи 123
Дмитрий ЖДАН. Новеллы 124
ОРАНЖЕВЫЙ ДИК (Никодим Углов). Стихи .. 126
Владислава ЗАПЕНЦОВСКАЯ. Стихи 127
Вадим ВАДИМОВ. Стихи 128
Роман КРЫСИН. Случай в парке. Рассказ 128
Олеся ЛАСКАТЕЛЕВА. Стихи 130
Владислав ЗВЯГИН. Стихи 130
Неля СЕМИРЕЧКИНА. Стихи 131
Татьяна ЕЛЕСИНА. Стихи 132
Андрей ЕЛИСЕЕВ. Стихи 132
Анна ПОПОВА. Стихи 132
Андрей КАСЬЯНОВ. Стихи 133
Людмила УСПЕНСКАЯ. Стихи 134
Александр ЯНХИР. Стихи 134
Елена ЯВОРСКАЯ. Стихи 134
Владимир МОНАХОВ. Луковая драма без Шекспира. Здесь лежит лучший нищий. Рассказы 135
Галина КРАВЕЦ. Вышивальщица птиц. Рассказ 136
СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ (9)
Марина ГОРДИЕНКО. Волшебный голос Василисы. Сказка 138
Зоя ЛАЗАРЕВА. Стихи для детей 144
Наталья ШАРАПОВА. Тапочки. Сказка 145

Валентина МУКАСЕЕВА. Полезай в кузовок. Сказка 147
МОСКОВСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ (10)
Мария МИРОНОВА. Стихи 149
Секция «Клуб имени Джерри Рубина»: Пётр ПОНОМАРЕНКО, Василий ЧЕРНЫШЁВ, Вера КАЗАКОВА. Стихи, рассказ 152
Секция «Старая школа»: Борис ИЛЮХИН, Татьяна ЦАРЁВА, Татьяна ГОРДИЕНКО, Василий ГРУБОВ, Лада БАЛАМУТ, Лидия ОГАНЕСЯН, Елена ОРЛОВСКАЯ, Максим ЖУКОВСКИЙ, Марина МЕРЦАЛОВА, Кристина УСОВА, Ольга КРУЧИНИНА, София СЕЛЕКТОР. Стихи 155
Александр ВОЛОВИК. Стихи 163
Ирина ЛАЗАРЕНКО. Мастерица забытого мира Рассказ 164
Лариса ШЕСТАКОВА. Личные имена в рифмах Марины Цветаевой. Статья 168
ГЕОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ (11)
Анапа — Санкт-Петербург — Ярославль — Петрозаводск 177
Вера ГРАМАТУНОВА. Стихи 177
Марина ГОРБАЧЁВА. Стихи 179
Наталья ТРЯСЦИНА. Стихи 180
Агния РОМАНОВА. Печь на своём месте. Рассказ 181
Виктория СОЦКОВА. Достоевские—Рыкачевы—Ленины в Ярославле. Статья 188
Владимир ЦЕЛЬМОВИЧ. Т. (Ироническая быль) 190
Дмитрий КОСЬМИНА. Баллада о страннике. . 194
МОСКОВСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ (12)
Виктор КОЛЛЕГОРСКИЙ. Стихи 196
Стихи Максим МАРКЕВИЧ. Стихи 200
Наталья РОЖКОВА. Стихи 202
Вячеслав СЫСОЕВ. Стихи и весенние зарисовки 204
Анна ЩЕРБАКОВА. Электричка. Рассказ 206
Сергей ГЕЙЧЕНКО. Стихи 207
Суламифь КАНАРСКАЯ. Моя Цветаева. Эссе .. 208
Людмила СЕРОВА. Стихи 209
Анна МИХАЙЛИНА. Стихи 209
Владимир ПЫХОВ. Стихи 210
Тамара БЕТОНЬЯН. Стихи 210
Анна ВИНОГРАДОВА. Стихи. 211
Ингрид КИРШТАЙН. Стихи. 211
Наталья СТЕРКИНА. Миниатюры 211
Валерий КОВАЛЕВСКИЙ. Стихи 212
Игорь БУРДОНОВ. Стихи и «эссешка» 213
Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ. Стихи и зарисовки. 215
Ирина БАГРАТИОН-МУХРАНЕЛИ. К вопросу об «утаенной любви» поэта. Статья 216
ДРАМАТУРГИЯ (13)
Анастасия ЗАЙЦЕВА. Ундина. Камерный мюзикл. (Сказка-притча) 222
ГЕОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ (14)
Тверь — Челябинск — Клинцы — Тула — Тамбов — Урюпинск — Барнаул — Владимир — Вязники — Оренбург
Дмитрий БАРАНОВ. Красота спасёт мир? Рассказ 231
Денис ПЕЛИХОВ. Стихи 236

Ольга ЯШИНА. Стихи 237
Андрей БОНДАРЕНКО. Стихи. Гудок. Рассказ . 238
Татьяна ЛЕОНОВА. Стихи 242
Сергей РЕДКОВ. Стихи 243
Татьяна ЮРКОВА. Стихи 243
Владимир АНДРЕЕВ. Стихи 244
Зинаида АРТИШЕВСКАЯ. Стихи 245
Марина АРХИПОВА. Стихи 245
Марина ЕРМАКОВА. Стихи 245
Любовь КРЫЛОВА. Стихи 246
Вера СТЕПНАЯ. Стихи 246
Татьяна ЩЕДРИНА (БОБРО). Стихи 247
Александр СТРОГАНОВ. Стихи 248
Дмитрий МАЛОВ. Стихи 251
Сергей ВОЛКОВ. Стихи 251
Алексей МАЛЫШЕВ. Стихи 252
Мария ГУРЫЛЕВА. Стихи 252
Тимофей ВЕРНСКИЙ. Стихи 253
Надежда ТИХОМИРОВА. Стихи 253
Алла ПРОКОФЬЕВА, Виктория ПРОКОФЬЕВА.
И.И. Крафт как исследователь фольклора казахов.
Статья 254

ПУБЛИЦИСТИКА (15)

Ирина ЛАЗАРЕНКО, Сергей ЧЕКМАЕВ.
«СО-УЧАСТИЕ». Статья. 257
Ксения КИРС. В Вязниковской слободе начата
соборная церковь... Статья 259
Татьяна ГОРОХОВА. Служение. Статья 263

МОСКОВСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ (16)

Борис ЯКУБОВИЧ. Аспасия, или мудрость
любви 268
СОУЛ – секция ОстроУмной литературы:
Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ, Тамара
КЛЕЙМАН, Сергей СИДОРОВ, Татьяна
КОРМИЛИЦЫНА, Иван КОЛЕСНИКОВ,
Вадим ЗВЕРЕВ, Станислав ОВЕЧКИН, Наталья
ХОЗЯИНОВА, Елена ПАЛЬВАНОВА, Константин
НИКИТЕНКО, Владимир КУСТОВ. Афоризмы,
стихи, четверостишия, рассказы, разговорчики,
юморески, «ироническая проза». 273

ПУТЕШЕСТИВИЕ ЛИТЕРАТОРА (17)

Марина ХЛЫБОВА. Вкус древнего океана.
Шеркала 283

СКРЕЩЕНЬЕ ДАТ (18)

К. Паустовский, В. Головчинер, Торелли
(друг К. Паустовского в Одессе), К. Фаррер,
император Николай Второй, генерал д'Ансельм,
Д. Дидро, Вольтер, В. Гюго, Стендаль, Э. Золя,
Коро, Пастор, Э. Делакруа, А. Чехов, С. Петлюра,
Н. Давыдова, Ю. Кара, Р. Быков, А. Аскольдов,
В. Наумов, А. Шнитке, К. Райкин, Э. Климов,
А. Вертинская, В. Гафт, Е. Булгакова, Н. Бурляев,
В. Павлов, А. Филиппенко, В. Раков, А.Захарова,
С. Гармаш В.И. Ленин, Н. Бердяев, В. Соловьёв,
Ф. Достоевский, С. Шмидт, Ю. Мамлеев 290

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
АВТОРОВ И ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ
АЛЬМАНАХА (19)** 298

СОДЕРЖАНИЕ (20) 300

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ (21) ... 304

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В альманахе представлены:

I. Живопись и графика художника, литератора Нины Силаевой – обложки, стр. 3, 29, 56, 57, 77, 113, 137, 138, 177, 195, 231, 248, 304.

II. Графика архитектора, литератора Наталии Пахомовой – стр. 268, 273, 282, 290.

III. Скульптуры по металлу Андрея Волкова – стр. 114, 149, 231.

IV. Художественная работа Василисы Савиной – стр. 148.

V. Фотографии старой Москвы – из архива В.С. Прибыткова.

VI. Стр. 268. Оттиск ладони Леонида Губанова, выдающегося поэта второй половины XX века отечественного андеграунда, одного из создателей неформального литературного объединения СМОГ (расшифровывают поразному, например, как «Самое молодое общество гениев»). Этот оттиск Наталья Шмелькова торжественно подарила Дмитрию Цесельчуку на вечере Союза литераторов в Тургеневской библиотеке в 2017 году.

VII. Стр. 289. Пленэр «Пегасы и холстомеры», организованный Союзом литераторов в Тарусе в 2019 г. На фотографии: Ольга Тихонова – художник, академик Российской академии художеств, Марина Хлыбова – член Творческого союза художников России, Международного художественного фонда, Русского географического общества, Союза литераторов России, организатор культурного проекта журнала «Русский турист» «Палитра городов российских», Нина Силаева – член Московского союза художников, Союза литераторов России, лауреат Всероссийской премии «Национальное достояние», учреждённой Международной Академией Общественных Наук при поддержке Государственной Думы Российской Федерации и Правительства Москвы, персональные выставки прошли в Париже, Зеленограде, Праге, на Мальте, в Москве, в Мадриде и др.

Печать офсетная. Тираж 300 экз. Подписано в печать 18.10.2022. Заказ № 117352.
Отпечатано в типографии ООО «Роликс». 117105, г. Москва, Нагорный проезд, д. 7, стр. 5, офис 200
Тел.: +7 (495) 661-46-22. www.roliksprint.ru

Сергей Шелов

Елена Яворская

Мария Миронова

Александр Воловик

Олег Чилап

Наталья Ванханен

Владимир Кустов

Ксения Миронова

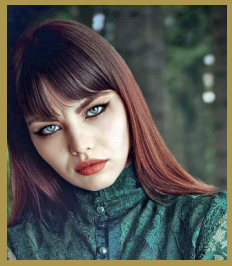
Галина Якимова

Андрей Бондаренко

Тамара Овчаренко

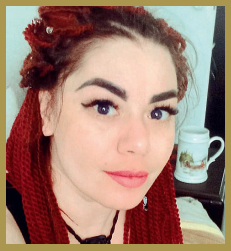
Неля Семиречкина

Денис Пелихов

Екатерина Любимова

Владислава Запенцовская

Татьяна Горохова

Нина Силаева

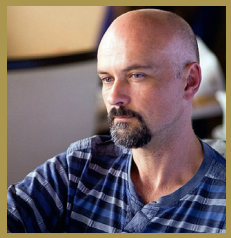
Алексей Малышев

Дмитрий Ерохин

Тамара Клейман

Михаил Митько

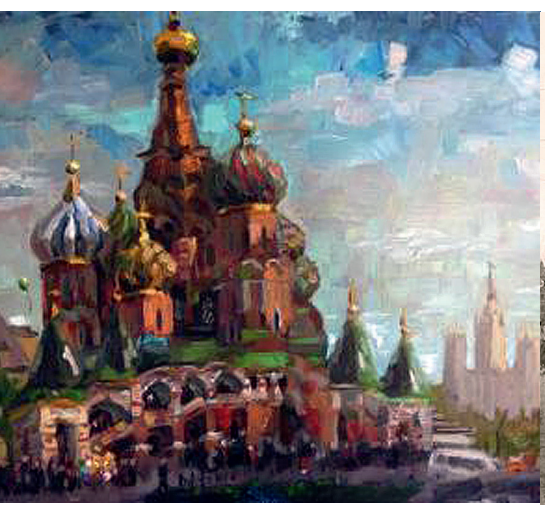
Дмитрий Малов

Магистр — Алексей Маслов

Ирина Багратион-Мухранели

М.О.Л
С НОВЫМ ГОДОМ 2022!!!
СВЯЗЬ ВРЕМЁН
ОРЁЛ НАД ЗМЕЕМ ЛИК ГЕОРГИЯ...
СВЯЗЬ ВРЕМЕН
ДЛЯ ПООЩРЕНИЯ ВЕРНОСТИ, ХРАБРОСТИ И БЛАГОРАЗУМИЯ
ВЕСТА «МОЛ» В МОСКВЕ!